

Мария Герус

Крылья

никея Fantasy

Мария Герус

Крылья

никея Fantasy

Мария Герус

Крылья

© Герус М.В., 2021
© ООО ТД «Никея», 2021

* * *

Мне часто снится, будто я птица...

Часть 1. Падение

Глава 1

Его прозвали Королем крыс. Или просто Крысой. Хотя на крысу он совсем не похож. Долговязый, тощий, прямой, как столб. При такой худобе одежда должна болтаться как на вешалке, но куртка, серая не то от пыли, не то от перхоти, и бриджи, заправленные в узкие остроносые сапоги, сидят на нем плотно, как вторая кожа. Казенную алую мантию он просто набрасывает на плечи, и каждому ясно, какое все это старое, засаленное и потертое. Есть у него под курткой рубашка или нет? Должно быть, нет. Волосы гладко зачесаны назад и завязаны туго-натуго, аж кожа на лбу натянута. Вместо щек – ямы, глаз не видно под тяжелыми веками, подбородок выпирает, скулы торчат.

Скелет. Мертвая голова. Самое подходящее для него прозвище, если бы не прическа. Хвост длиннее, чем у городских щеголей. Те тоже сейчас норовят отрастить хвосты ниже пояса. Ничего не поделаешь, мода. Но щеголи свои волосы хотя бы иногда моют. Моют, расчесывают, завивают, подвешивают на концах локонов драгоценные бирюльки. А наш Крыса? Чем у него хвост завязан? Бархатной лентой со стразами? Шелковым шарфом с вышивкой? Кожаным ремешком с изящным тиснением? Не-ет... Шнурком от ботинка. Скрученным таким шнурочком с торчащими на концах нитками. Из-под шнура топорщится нечто вроде перьев мокрой вороны. Сивые лохмы лежат на плечах неопрятной мочалкой. Мочалка постепенно сужается книзу, так, что ниже пояса мотается одинокая сальная прядь, как две капли воды похожая на скользкий крысиный хвост.

Варка как-то окунул этот хвостик в чернильницу. Уж очень соблазнительно тот болтался. Но что последовало потом... До этого они не знали, что может сотворить с человеком Крыса. При одном воспоминании Ланка зажмурилась. Кры-ы-ыса. Его Величество Король крыс.

– Илана Град, встаньте.

Ланка дернулась так, что чуть не опрокинула чернильницу. Хорошо, Варка подхватил. Пришлось встать. Кажется, она слишком долго пялилась на несказанную красоту Крысеныша. Он заметил, но не оценил.

– Илана Град, будьте добры, покажите ваши записи.

Ах, записи? Да пожалуйста, сколько угодно. Портретов прапорщика Алекса она в этой тетради больше не рисует, переписку с Варкой не ведет. Наоборот. Там даже написано кое-что. Тема урока и всякое такое.

– Илана Град, что такое анафора?

Ланка обреченно уставилась в тетрадь. Никакой афонары, или как ее там, в тетради, конечно, не было. Варка, застыв как памятник и глядя строго перед собой, пытался что-то подсказать углом рта. Разобрать было ничего нельзя, но смелость Ланке понравилась. Варка вообще человек отчаянный. Знает, что Крыса его терпеть не может, а не боится.

– Хелена Фам, встаньте и повторите, что я говорил об анафоре.

Щуплая востроносая Фамка вскочила и пропищала как по писаному:

– Анафора есть единоначалие или повторение начальных отрезков речи, состоящих из двух и более слов, дабы придать тексту связность и ритм.

– Хелена Фам, Илана Град. Садитесь. Ваши успехи будут отмечены в матрикуле.

Илана с облегчением села. Пусть отмечает, что хочет. На Фамку она почти не сердилась. Фамка – нищета убогая, и деваться ей некуда. Не будет учить – живо вылетит из лицеума.

– Итак, анафору используют для того, чтобы... – забубнил Крыса, удаляясь в сторону восточного окна.

– Плюнь и забудь, – прошептал Варка, – щас мы ему устроим.

«А кто бросит? – застрочила в тетради Илана, изображая крайнее прилежание, – ты?»

– Не, Илка. Про розмарин помнишь?

Илана кивнула и осторожно покосилась на Илку. Пользуясь тем, что Крыса был далеко и, задрав подбородок, таращился в восточное окно, Илка широко улыбнулся и многозначительно похлопал по плотно закупоренному кругленькому горшочку.

Горшочек отозвался тихим гулом. Илка осторожно засунул его поглубже в торбу. Крыса отвернулся от окна и с отвращением уставился на класс. Впрочем, он всегда смотрел на учеников как на скопище дохлых мух.

Илана поспешно склонилась над тетрадь. Толстая коса сползла с плеча. Золотистые локоны вились по щекам и стройной смуглой шее, сияли под осенним солнцем, как сверкающая корона. Илка зацепился взглядом за утонувшее в золотом тумане нежно-розовое ушко и принялся страдать. Вникать в бормотание Крысы о роли анафоры это не мешало.

Скрипя пером и тяжело вздыхая, он размышлял о своей несчастной доле и прекрасной, но, как оказалось, на редкость тупой Ланке. Такая же дура, как все бабы. Все, как козы, в Варку влюблены. А он и рад. Котяра весенний. Чего они в нем находят? Мужчина должен быть крепким, солидным, основательным. Илка повел пухлыми плечами, плотно обтянутыми черной саржей, незаметно согнул левую руку. На руке явственно обозначились мускулы. Даже под курткой видно. И отец у него гораздо богаче, чем у Варки. Городской старшина его отец. Это вам не кошкин хвост. А Варкин – всего лишь старшина цеха травников. Но Ланочка с этого года все к Варке липнет. Ах, высокий! Ах, стройный! Ах, белокурый!

Илка с ненавистью покосился на Варкину спину, покрытую плащом прямых, очень светлых, почти белых волос. Ага-ага, страсть как красиво. Вон какие лохмы отрастил. И не придерешься, все по правилам, точно на ладонь ниже линии плеч.

Илка почесал свою собственную шевелюру, которая никак не желала изящно спадать на плечи, а почему-то все время норовила притвориться копной сена. Во как, у кого-то копна, а у кого-то не волосы, а русалочьи локоны, не глаза, а синие очи, нос прямой, щеки загорелые и, как назло, ни единого прыща. Мать ему, должно быть, настой от прыщей варит. Губы розовым бантиком, на левой скуле родинка... Девка, как есть девка.

Будто прочтя его мысли, Варка, не оборачиваясь, показал кулак. Кулак был не очень крупный, исцарапанный, в цыпках, но в его крепости и силе удара Илка убедился самолично. В прошлом году они то и дело дрались. Дрались по любому поводу, из-за Ланки, из-за Петкиной Светанки и просто так. Побить Варку было трудно, а в одиночку почти невозможно. В драке синеглазый красавчик зверел. Он никогда не убегал, никогда не орал: «Нечестно, трое на одного!» Да он и на четверых как-то раз бросился с боевым воплем. Во дурак-то.

Отметелили его тогда как следует, целую неделю потом дома провалялся. Ему еще повезло, что отец у него травник.

Но это не помогло. Ланка все равно к нему липнет. И Светанка... И Фионка... И прочие курицы. Дружкам Илки надоело ходить в синяках, они начали роптать, и Илке пришлось прекратить военные действия. Теперь они сохраняли вооруженное перемирие, но Илка чувствовал, что долго не выдержит.

Впрочем, нынешний акт возмездия, последний отчаянный шаг в борьбе с ненавистным Крысой был задуман совместно. Как бы то ни было, а от Крысы они сегодня избавятся. Хотя бы на время. План Илка придумал сам. Хороший план, почти безупречный. Варка, который лазит как ящерица, раздобыл начинку для горшка. Розмарином от него потом несло как от городского франта перед Купальским балом. Но без розмарина ничего бы не вышло.

А Илка вызвался бросить. Во-первых, затем, чтобы показать Ланке, что он ничуть не хуже Варки. А во-вторых, он все-таки сын городского старшины, из лицеума его все равно не выкинут. Он же не Фамка какая-нибудь убогая.

* * *

Лицеистку Хелену Фам мутило от голода. Мутило так, что наполненные бледным светом высокие окна медленно плыли перед глазами, а белый купол потолка плавно вращался, тихо затягивая в беспмятство. Так уже бывало. Но дома, в Норах. Здесь в обморок падать никак нельзя... Хуже всего было то, что из Илкиной торбы нестерпимо пахло пирогами. Маслом пахло, капустой, луком, тушенкой с домашними специями. Да еще этот горшочек с круглыми аппетитными боками. Что в нем? Обычно в таких держат сметану. Или домашние сливки. Или розовое желе из трав и ягод. Рот медленно заполняла жгучая голодная слюна. Последний раз Фамка ела позавчера. Обедала, если можно назвать обедом полфунта черных бобов, сваренных почти без соли и очень скудно сдобренных конопляным маслом. На этом еда в доме кончилась.

В Норах голодали уже давно. Пару недель назад с Рынка-на-Болоте окончательно исчезли соль, масло, мука с половой и даже лежалая дешевая репа. Говорили – нет подвоза. Говорили – дороги перекрыты. Кем перекрыты и почему – никто не знал. Слухи в Норах ходили

самые дикие. Будто бы самозванец наголову разбил королевские войска под Белой Криницей и через три дня будет в городе. Будто бы объявился еще один самозванец, будто бы он настоящий король и есть. Города берет – как орехи щелкает, и если какой город возьмет, сразу же в богатые кварталы, всех там вешает, а имущество раздает бедным. Будто бы король поссорился с наместником и намерен наместника казнить. Наместник же, не будь дураком, собирает войско, так что не миновать новой осады. Будто бы кто-то разбудил псов войны, и теперь будет голод и страшный мор. Все умрут, потому что страна навеки проклята.

Фамка слухам не верила, не пугалась и не удивлялась. Война началась еще до ее рождения, то подступая к самому городу, то откатываясь в такие края, о которых в Норах никто даже не слышал. Фамка на своем коротком веку успела пережить два успешных штурма и одну осаду. Во время штурмов она была еще маленькая и ничего не запомнила, кроме большого пожара в порту. Потом жители Нор долго бродили на пепелище, надеясь чем-нибудь поживиться. Во время осады, которая случилась пять лет назад, в Норах тоже не произошло ничего особенного, кроме голода и поветрия черной горячки. Но город самозванцу не сдался, по реке худо-бедно подвозили продовольствие, через месяц подоспели королевские войска, а от горячки почти никто не помер. Это болезнь легкая, не смертельная. Фамка два раза болела, и ничего.

Теперешний голод был куда страшнее. Порт опустел, река как будто вымерла. Денег на разносолы в хороших лавках Гнезд у них не было, потому что они с матерью никогда ничего не могли откладывать, разве что самую малость. Что заработают, то и потратят. Нет работы, нет и денег. Мать плела корзины на заказ, какие угодно, от высоких и жестких, из желтых ильмовых прутьев, до маленьких, изящных и легких, из светлого речного тростника. Из-за них Фамка и угодила в лицеум. Корзиночки всегда заказывала Марилла, Варкина мать. В такие корзиночки в их знаменитой на весь город лавке упаковывали лекарства.

Фамка вечно торчала на реке – то, сидя на дереве, срезала прутья, то по колено в воде собирала тростник, а по вечерам таскала готовый товар заказчикам. Варкина мать ее привечала, непременно кормила, а потом давала поглядеть раскрашенные картинки, между делом

показывала буквы. Как-то незаметно для самой себя Фамка научилась читать, и оказалось, что ей это очень даже нравится. Между прочитанными историями возникают связи, одно противоречит другому, противоречия требуют разрешения, рождаются вопросы. Спросить было не у кого, кроме как у той же Мариллы. После одного из таких вопросов Марилла вдруг изменилась в лице, приказала в следующий раз непременно прийти с матерью, мать поворчала, но пришла, а потом долго плакала. Оказалось, что у Фамки мозги набекрень. Вовсе тронутая. Впрочем, Марилла назвала это – «выдающиеся способности». Варкин отец ходил к городскому старшине, городской старшина лично договорился с Главным мастером Королевского лицеума, и Фамку взяли в этот самый лицеум совершенно бесплатно. Поношенную форму подарила одна из богатых подруг Варкиной матери, две дочки которой уже выучились и благополучно вышли замуж. Зачем для этого надо было столько учиться, Фамка не понимала. Но у богатых свои причуды. Стопу книг, тетрадей и письменные принадлежности Фамке вручил лично Главный мастер. При этом он произнес речь. Из речи следовало, что в знак признательности за все эти благодеяния Хелена Фам должна учиться по меньшей мере блестяще и строго соблюдать лицейские правила.

Учиться и соблюдать Фамке было нетрудно. Вставать в пять утра и пешком тащиться из родимых Нор аж к самым Садам было гораздо труднее, особенно на голодный желудок. Самым трудным поначалу были ежедневные встречи с дорогими одноклассницами, со всеми этими Иланами, Светанами и Любавами. Ей припомнили и поношенную форму, и самовязанные толстые чулки, и материнские парадные башмаки на два размера больше, и красные, расцарапанные, распухшие от воды руки, и грязь под ногтями. От грязи Фамка избавиться не могла. Она по-прежнему работала, теперь уже вечерами. Ответить, как полагалось отвечать на Болоте или в сырых тупиках Нор, не смела. Единственной возможностью выбраться из Нор и вытащить оттуда мать был лицеум. Так что Фамка терпела все.

Впрочем, прекрасная Ланочка и ее прихлебатели отстали на удивление быстро, примерно месяца через два. Наверное, Варка вступился. Девчонками он вертел как хотел, а Фамке вроде как покровительствовал. Должно быть, мать велела. Надеяться, что Варка питает к ней какие-то нежные чувства, было смешно и глупо. Умная

Фамка и не надеялась. Поэтому, когда перед уроком он вручил ей веточку розмарина, она удивилась до остолбенения.

– До конца урока не выкидывай, – приказал он мрачным шепотом, и Фамке сразу полегчало. Просто-напросто в классе затевалось очередное развлечение. Опять, наверное, Крысу травить будут. Ишь, чего захотела – цветы от Варки. Он и Ланке-то цветов не дарит.

Варка был принц из другого мира. Из мира, где водятся распрекрасные Иланы, где носят шелковые чулки, надушенные нижние юбки, обувь по ноге и обедают каждый день.

Про обеда Фамка вспомнила зря. Желудок свернулся в тугой ком боли, пришлось положить перо и скрючиться над столом, ожидая, пока пройдет приступ.

– Фам, вы не слушаете! – прозвучало над самым ухом. На тощем плече Фамки сомкнулись костлявые пальцы.

Фамка вздрогнула всем телом. Крысу она боялась до умопомрачения. Придерется к чему-нибудь, нажалуется Главному мастеру – и все. Прощай, Королевский лицей. Рожденные в Норах пусть сидят в Норах. А придирается Крыса умел. И наказывать умел. Недаром на его уроках всегда было тихо, как в могиле. От ужаса Фамке даже есть расхотелось. Как ножом отрезало. Сжавшись, она смотрела в стол и пыталась приготовиться к самому худшему.

– Не отвлекайтесь, Фам! – прошипел Крыса и, наконец оставив в покое ее плечо, двинулся дальше, туда, где сидел Варка и его курицы. – В качестве примера удачного применения анафоры можно использовать...

* * *

Варка склонился над тетрадь, усердно делая вид, что пишет. Его просто распирало от ярости. Ах ты, Крыса... Чего тебе от несчастной Фамки понадобилось? Выжить ее хочешь, не иначе. Уже вторую неделю: «Фам – то, Фам – это». Фамка и так всего боится, и зубрит все подряд, только бы не выгнали. Вон бледная какая, того и гляди в обморок грохнется. Навязался на нашу голову, Крысеныш длиннохвостый!

Крыса свалился на их бедные головы в начале года. До него мастерство версификации вел милейший Арктус Грим. Арктус был поэтом и как-то в молодости даже выиграл состязание бардов в Белой

Кринице. Две-три его баллады распевали на улицах. Так что его можно было считать знаменитым поэтом. Сам он, во всяком случае, так и считал. Глаза его вдохновенно горели, седая шевелюра и лицейская мантия вдохновенно развевались, и речи он произносил исключительно вдохновенные.

Теорию Арктус не знал и знать не хотел, никакие анафоры и синекдохи его не волновали. Требовать он никогда ничего не требовал, на уроках мило беседовал с кучкой избранных любителей поэзии, мудро предоставляя остальным заниматься своими делами, в хорошие деньки, вроде сегодняшнего, обожал проводить занятия в Садах наместника, откуда практичному человеку ничего не стоило сбежать.

Но Варка сбегал редко. Ему нравился Арктус, нравилось слушать его напевное чтение, нравилось даже выполнять всякие хитрые задания, сочинять сонеты по заданным рифмам или баллады на какую-нибудь возвышенную тему. Арктус его хвалил и предрекал великое будущее. Впрочем, будущее Варку не очень волновало.

И вот этот симпатичнейший Арктус сам, своими руками привел в класс Крысу. Пожелал, видите ли, по примеру поэтов древности удалиться на покой, в деревню, а Крыса был должен его заменить. И Главный мастер не воспротивился, стоял рядом, благодушно кивал, но косился на Крысу как-то странно. Как будто боялся, что ли. Илка сразу предположил, что Крыса приставлен от наместника, а может, и от самого короля наблюдать за направлением мыслей в знаменитом на всю страну лицеуме. Скорее всего, так оно и было.

Варка тут же почувал, что теперь неприятностей не оберешься. И, как всегда, оказался прав. На первом же уроке Крыса поднял Ланку. Вначале Варка не удивился. Мастера, в общем-то, тоже люди, а Ланка красавица, четырнадцать лет ей ни за что не дашь, не у всякой взрослой девицы такая фигура.

В первый день она явилась в лицей с роскошной прической. Прошлой весной в город проникла новая мода. Городские щеголи все как один принялись завивать локоны и прикреплять к их концам разные маленькие штучки в виде бабочек, цветочков и прочих насекомых. Штучки делались обычно из тончайшей золотой или серебряной проволоки, крохотных драгоценных камешков и кусочков шелка. Впрочем, иногда дорогой оправы удаивались и настоящие бабочки, засушенные и покрытые особым лаком.

Золота и драгоценностей у Варки не было, но зато он умел лазить по заборам. Каменная стена Садов наместника никогда не казалась ему серьезным препятствием. В Садах водились изумительные бабочки, яркие, блестящие, менявшие цвет при каждом движении. Варка подошел к делу основательно, и не только от желания порадовать Ланку. Гоняться по клумбам за бабочками, в то время как за тобой гоняются разъяренные сторожа, оказалось чрезвычайно забавно. Варка развлекался все лето, наловил и засушил кучу бабочек, полную корзиночку подарил Ланке, а остальное раздал Светанке, Любке, Фионке и прочим курицам. Узнав, что курицы тоже получили свою долю, Ланка почему-то надулась, но Варка редко обращал внимание на Ланкино настроение.

Разумеется, в первый день учебного года Ланка соорудила на голове нечто вроде пышного пирога из переплетенных прядей. С пирога свисали многочисленные локоны, и на кончике каждого дрожала прекрасная бабочка. Курицы тоже украсились как могли, но до Ланки им было далеко. И вот Крыса приказал Ланке встать, приблизился вплотную, некоторое время молча разглядывал замысловатую прическу, а потом протянул свою невымытую клешню и брезгливо, двумя пальцами с обломанными желтоватыми ногтями принялся обирать украшения. На миг все ошалели до полной немоты. Слышно было только, как с сухим стуком падают на парту бабочки. Потом курицы дружно ахнули.

– Что вы делаете?! – протестующе пискнула Ланка.

– Привожу вашу голову в соответствие с Уставом Королевского лицеума, – равнодушно проскрипел Крыса. – Устав предписывает ученикам носить прямые волосы без украшений на ладонь длиннее линии плеч, ученицам – волосы без украшений, гладко зачесанные, заплетенные в косу. Еще вопросы есть? Или вы желаете побеседовать на эту тему с Главным мастером?

Вопросов ни у кого не было. Протестовать тоже почему-то никто не решился. И это в их буйном классе, в котором, кроме Варки, имеется еще придурок Илка с компанией прихлебателей и великовозрастные Витус с Андросом, которые вообще никого не боятся. Ланка стояла вся красная. Курицы под шумок торопливо сдирали с себя остатки былой красоты. Крыса сгреб в ладонь плоды Варкиных летних трудов, неспешно направился к открытому окну и вытряхнул пестрый сор.

Бабочек унесло ветром, они падали медленно, как живые. Варка проводил их взглядом, покосился на тихо шипевшую от ярости Ланку. В глазах у нее дрожали злые слезы. Варка стиснул зубы и принялся вынашивать план страшной мести.

Пока месть медленно зрела, Крыса успел навести в классе свои порядки. В полукруглом зале для упражнений в искусстве версификации воцарилось сплошное благоденствие. Никто больше не болтал, не играл в чет-нечет, не чертил потихоньку построений для Мастера счислений. У всех завелись пухлые тетради, а в тетрадях весьма подробные записи. Смываться с версификации тоже больше никто не пытался. Да и что им оставалось делать?

Мастер счислений лупил виноватых по рукам длинной деревянной линейкой, Мастер-травник щедро раздавал подзатыльники. Главный мастер чуть что, принимался истошно орать. Крыса же никогда никого и пальцем не тронул, всегда был тих и вежлив, в ответ на грубость и неповиновение только брезгливо морщился. Но за любую провинность оставлял после занятий и требовал ни больше ни меньше как сочинить оду в честь Его Ныне Царствующего Единственно Подлинного Величества Анастасия Заступника, строк эдак тридцать, а то и все пятьдесят.

Даже туповатый Витус с первого раза понял, что отказ выполнить подобное задание при нынешнем наместнике легко можно приравнять к государственной измене. Ученикам-то по малолетству ничего не будет, а вот родителям... Нынешний наместник измену выискивал рьяно и искоренял ее люто, по законам военного времени.

Поэтому Варка решил мстить тайно. Так в один прекрасный день в шкатулке оказался спик. Спика Варкин отец держал в лавке для привлечения покупателей. Очень это было хорошо и таинственно. Полумрак, приятно пахнет мятой и душистой геранькой, повсюду пышные пучки трав, а под потолком толстая рогатая змея в плетеной клетке. Спик выглядел страшненько, хотя и был совершенно безвреден. Но зубы у него были отменные, нрав сварливый, и кусался он очень больно.

В шкатулке Мастер версификации обычно держал листы со своими зубодробительными заданиями. Варка с наслаждением предвкушал, как Крыса захочет в очередной раз обрадовать всех предложением сочинить какой-нибудь акrostих в десять строк и непременно с

парными рифмами, поле-е-езет в шкатулочку... а шкатулочка-то с сюрпризом!

Но, видно, то был несчастный день для военных действий. Именно в этот день Его Истинное Величество потерпел сокрушительное поражение под Маремами.

Крыса открыл шкатулочку, не глядя сунул в нее руку... Затем, по плану, он должен был разразиться дикими воплями и запрыгать по всему классу, пытаясь стряхнуть с руки намертво вцепившегося разъяренного спика.

Но когда рука вынырнула из шкатулки, намертво зажат в длинных безжалостных пальцах оказался именно спик. Кусаться он не имел никакой возможности, хотя и очень старался. Крыса держал его умело, за голову, как раз под рогами. Класс ахнул, но тихо, сдержанно. По опыту всем было известно, что за громкие вопли можно немедленно схлопотать наказание.

– Прелестно, – сказал Крыса, – просто изумительно.

Спик был, видимо, с ним не согласен. По встопорщенной чешуе проходили алые волны ярости, острые рога угрожающе шевелились, туловище сокращалось, пытаясь достать Крысу хотя бы кончиком зазубренного хвоста. Но Варка уже знал: по-настоящему достать Крысу довольно трудно. Беспомощному змею это было явно не по силам.

Улыбаясь, как оскаленный череп, и держа спика в вытянутой руке, Крыса медленно пошел по классу. Змей извивался в опасной близости от лиц насмерть перепуганных одноклассников. Тут уж и страх наказания не помог. Девчонки визжали и норовили нырнуть под стол. Парни отшатывались и пытались закрыться руками. Илка крепился до последнего, но все-таки зажмурился. Его ближайший друг и соратник Петка внезапно посерел и обмяк. По-видимому, отбыл в обморок. Варка и не знал, что он такой впечатлительный.

Тут спик оказался прямо перед Варкой. Варка спокойно смотрел в лицо Крысе, сияя честнейшими, невиннейшими синими глазами. Все-таки это был его собственный, с детства знакомый спик. Так что визжать и падать в обморок он не стал. И как оказалось, зря.

– Прелестно, – повторил Крыса, остановившись перед ним с несчастным змеем в руке. – Ивар Ясень принес в класс любимое домашнее животное. Я надеюсь, все желающие с ним уже

познакомились. А теперь меня томит желание познакомиться с другими домочадцами лицеиста Ясеня. Например, с его родителями. Или, может быть, они предпочтут беседовать сразу с Главным мастером?

– Нет, – твердо ответил Варка, – не предпочтут.

Беседа с Главным мастером, как правило, означала отчисление из лицеума.

Отцу Варка ничего не сказал. Отец под горячую руку мог и прибить. Причем на этот раз Варке влетело бы дважды. За вынесенного из дома спика – отдельно, за безобразие на уроке – отдельно. Так что знакомиться с Крысой пошла мать. Если бы Варка знал, что из этого выйдет, то сразу сдался бы на милость отца.

Беседа происходила в пустом в этот вечерний час Зале для упражнений в версификации. Мать вошла туда одна, Варку оставила ждать за дверью. Варка подумал, подумал и прижался ухом к дверной щели. Предполагалось, что мать будет извиняться и оправдываться, но пока что бубнил один Крыса. Бубнил, бубнил, а потом вдруг начал орать. Тут до слуха Варки стали наконец долетать отдельные слова, как и следовало ожидать, не слишком приятные. «Немыслимо! – вопил Крыса. – Как он посмел! Никто и никогда раньше...» Варке стало неинтересно. Все и так ясно, никто и никогда раньше не смел, а Варка посмел... И это немыслимо... И Варку теперь следует самое малое казнить на главной площади, чтоб другим неповадно было.

Мать вышла через полчаса и, ни слова не говоря, потянула Варку к выходу. Варка заглянул ей в лицо и остолбенел. Она плакала. Его спокойная терпеливая мать, встречавшая легкой улыбкой любые, самые бурные вспышки отца, плакала и даже не пыталась этого скрыть. Ее трясло. До дому она добралась только потому, что опиралась на Варкино плечо.

– Гад, – кратко высказался Варка уже на пороге. – Я его выживу.

– Нет. Его нужно пожалеть, – тихо ответила мать. Такое могла сказать только его мать, которая жалела даже мышей. Больше они об этом не говорили. Однако Варка не собирался сдаваться. Война и только война!

Война продолжалась, но успехи Варки были такими же сомнительными, как успехи королевских войск. Самым большим его достижением была жирная крыса, подвешенная за хвост у восточного

окна зала. Правда, крысу раздобыл Илка. Варка всего лишь забрался на крышу Белой башни и привязал верхний конец веревки к водосточному желобу.

Весь урок ученики хихикали и переглядывались. Дохлая крыса покачивалась под ударами злого осеннего ветра и медленно намокала под дождем. Добраться до нее из класса было невозможно. Варка тихо радовался. Огорчало только, что Крысеныш не прервал урок и не побежал жаловаться Главному мастеру. Тихий и смирный, как объевшийся дракон, он спокойно расхаживал по залу, как всегда глядя поверх голов.

Ответный удар он нанес в конце урока, когда все уже расслабились и решили, что проделка сойдет с рук. Всем и каждому, даже ни в чем не повинной Фамке, был вручен список новейшей поэмы Варавия Верноподданного, известного придворного версификатора. Поэма называлась «Песнь о великой победе Его Истинного и Непреложного Величества Анастасия над гнусным самозванцем в битве при Закопанье» и содержала восемьдесят строф по двадцать строк каждая. Крыса внимательно, словно впервые заметив, рассмотрел болтавшуюся за окном мокрую дохлую тезку, а потом сообщил, что новое творение гения, воспевающее подвиги нашего великого короля, надлежит выучить наизусть. Сегодня. Кто выучит – может идти домой. Но не раньше. Класс взвыл. В ответ Крыса поинтересовался, кто их не устраивает: преданный Двору поэт или... – но такое даже вымолвить страшно –...неужели кому-то не нравится Его Истинное Величество? После такого заявления все замолчали. Не любить Истинное Величество было опасно для жизни. Разошлись они уже в полной темноте, под жестоким ледяным дождем, зверски голодные и совершенно обалдевшие от знакомства с творчеством гениального Варавия.

После этого Витус с Андресом позвали взрослых приятелей с Рынка-на-Болоте, подкараулили Илку с компанией и как следует отлупили, чтоб неповадно было злить Крысу. Варку тоже пытались подловить, но не вышло. Варка очень быстро бегал.

С тех пор Крыса вошел во вкус и уже не искал виноватых, а наказывал всех скопом. Справедливость его не интересовала. В лучшем случае к каторжным работам после уроков приговаривались только признанные. Фраза «Все свободны и могут идти домой. Ивар

Ясень, Илия Илм, Витус Вейник – останьтесь» звучала чуть ли не каждый день. Варка сделался большим знатоком творчества Верноподданного Варавия. Мать снова плакала, отец дознался и пару раз всыпал сынку-неслуху по первое число, а оды царствующему дому Варка выучился писать так, что впору самому подаваться в придворные версификаторы.

* * *

Ну, ничего, сегодня Крыса заплатит за все. Сейчас, еще минуточку. Пусть только начнет опрос. Что-то он сегодня все у окна торчит. Ну, конечно, за этим окном Сады, вид красивый, особенно осенью. Ишь, мечтает. Интересно, о чем может мечтать Крыса? А если не ждать опроса? Уж очень он хорошо стоит. Ага, вот и совсем отвернулся. Точно, пора!

Варка взглянул на Илку, одними губами прошептал «давай!» и выхватил из кармана пригоршню смятых листьев розмарина. Илка неторопливо кивнул, провел по лицу рукой, из которой тоже торчали узкие листья, и вдруг резко, без замаха швырнул вперед круглый глиняный горшок. Илка всегда был метким. Горшок врезался точно в середину учительской кафедры и с треском развалился на части. Пустотелая кафедра отозвалась гулким грохотом.

Фамка охнула, вскочила с места и бросилась к двери, на ходу растирая в ладонях подаренную Варкой веточку. В горшке оказалось вовсе не розовое желе. Из распавшихся осколков вывалились сено, труха, серые полосы сухих вощинок. Весь этот сор шевелился как живой. Из-под обломков раздавленных гнезд шустро выползали шершни. Крупные, рыжие, мохнатые. Раздутые брюшки в жирных черных полосах ходили ходуном, то втягивая, то выставляя длинные хвостовые жала. Запахло перекишим медом.

Варка удовлетворенно хмыкнул. Выходит, не зря он полночи проползал по ненадежным развалинам Вороньей башни с фонарем в зубах и с горшком на шее. Хорошие шершни попались, злобные. Один за другим они взлетали, усаживались на кафедре, с легким щелчком плюхались на стол, устремлялись к окнам или принимались деловито кружить по залу, выбирая первую жертву. Зал наполнился угрожающим жужжанием.

Те, кто был заранее предупрежден: компания Илки, два-три приятеля Варки, Ланка и прочие курицы ринулись к выходу, второпях натираясь розмарином, Витус и его дуботолки, которых мстительный Илка решил не предупреждать, рванули вслед за ними, роняя стулья и расшвыривая попавшиеся на пути торбы. Руки они спрятали в рукава, куртки натянули на головы, но зала была большой, и Варка понадеялся, что Витуса с Андресом укусят хотя бы раз или два.

Основной заряд, как и было задумано, достался Крысе. Крыса, привлеченный грохотом, отвернулся от окна, шагнул вперед и оказался в самой середине облака донельзя обозленных насекомых. Пара месяцев в королевской лечебнице – не меньше. А может, и все три.

Варка понял, что пора сматываться. Розмарин – это хорошо, но шершни есть шершни. Он бросился к дверям вслед за остальными и неожиданно поймал взгляд Фамки. Прижавшись спиной к притолоке и вытаращив глаза, она уставилась на что-то за его спиной. Варка оглянулся на бегу и, споткнувшись, сел прямо на пол.

Что делает человек, когда на него набрасываются разъяренные шершни? Правильно, бежит, отмахивается и орет.

Крыса стоял совершенно неподвижно. Спина прямая, лицо сонное, длинные руки вытянуты вперед и сложены ковшиком, будто ему захотелось набрать воды. Но вместо воды в это странное местечко, составленное из плотно сомкнутых худых пальцев, стекались шершни. Умиротворенно гудя, они слетались со всего зала. Оставляя за собой влажные полоски яда, ползли по рукавам потрепанной куртки, по пегим волосам, по спокойному лицу и собирались в большой шевелящийся рыжий ком в гостеприимно подставленной пригоршне.

Паническое бегство прекратилось в самом начале. Из зала никто так и не вышел. Все сбились в кучу недалеко от двери, не в силах оторвать глаз от невозможного зрелища.

– Окно! – повелительно бросил Крыса. Светанка и Фионка сорвались с места. Когда окно было распахнуто, Крыса плавно шагнул к нему, уверенным движением вышвырнул наружу живой шар и тут же захлопнул створки.

Класс обалдело молчал. Как реагировать на такое, никто не знал. «Внушение, – в смятении подумал начитанный Илка, – животный магнетизм. Он их... того... намагнетизировал. Хотя поддаются ли шершни внушению – это еще вопрос».

«Надо проснуться, – с ужасом думала Ланка, – я заснула на уроке. Надо проснуться, пока не заметил Крыса». Варка ничего не думал. Не мог. Сидел на полу и хлопал длинными девичьими ресницами.

– Все свободны и могут идти домой, – как ни в чем не бывало прокрипел Крыса, – Ивар Ясень, Илия Илм, Илана Град и, – он удивленно приподнял брови, – Хелена Фам, останьтесь.

«Фамка-то тут при чем? – поразился Варка. – И как он нас вычислил?»

Потом до него дошло. Из всех только они четверо успели как следует перемазаться розмарином. Трое виновных и невезучая Фамка, которую подвели быстрый ум и немалый жизненный опыт.

«Вляпались, – обреченно подумал Илка, – интересно, что он с нами сделает? Живьем сожрет, не иначе. Или намагнетизирует и заставит лизать ему сапоги. Или напишет донос. Обвинит в сочувствии самозванцу, и все. Повяжут нас вместе с семьями. А что, такие случаи бывали. Сколько угодно».

– Что же теперь будет? – прошептала Фамка.

И тут в украшенную позолотой белую дверь с грохотом ворвалось будущее.

Глава 2

Вначале грохот раздался в длинном светлом коридоре, упиравшемся в Белую башню, которая, как считалось, более всего подходила для поэтических штудий. Грохот производили подкованные сапоги, безжалостно попиравшие блестящий паркет. Захлопали открываемые двери, загалдели возбужденные детские голоса, кто-то отчаянно завизжал и вдруг глухо охнул, подавившись собственным визгом.

– Пошли отсюда, – рявкнули совсем рядом. – Чё, не видишь, эти совсем желторотые. С ними хлопот не оберешься. Давай здесь позырим!

Двери распахнулись так резко, что обе высокие элегантные створки с хрустом врезались в стену. В зал, оскальзываясь на паркете и нарочито громко топая, ввалилось человек десять такого вида, что все немедленно забыли о загадочной истории с насекомыми. «Стража, что ли?» – удивился Варка. Но нет, кирасы стражников с тисненым гербом наместника были напялены на грубые полотняные рубахи с высоко закатанными рукавами, а то и на голое тело. Тела были потные, а рубахи грязные и рваные. Кто-то и вовсе без кирасы. Широко распахнутая на волосатой груди куртка или просторный кожаный балахон, каждая складка которого давно и надежно пропахла рыбой. Зато все, как один, при оружии. На запястьях медные щитки с шипами, на правой руке почти у каждого отменный кастет, в руках наготове длинные рыбацкие ножи или, того хуже, заряженные пищали. Дула пищалей немедленно уставились на застывшего у окна Крысу. Крыса схватился за подоконник, точно собираясь выскочить, но тут же одумался. Видать, вспомнил, какой высоты Белая башня.

– Это чего? – громко спросил Витус.

«Чего-чего? – подумала Фамка. – Вооруженный грабеж. Хотя нет. Кого тут грабить-то? Значит, похищение. Выкуп будут требовать. За Илку. Или за Ланку с Фионкой. Или за всех сразу». Двоих из ворвавшейся толпы она прекрасно знала. Да что там, в Норах или на реке их знали решительно все. Братья Бобры работали в Замостье, у северных ворот, и редкую ночь оставались без добычи.

– О, эти годятся! – весело рявкнул один из них. – То что надо.

Вперед протолкался высокий юноша в поцарапанной кирасе. В боевом доспехе он болтался как пестик в ступке. Из-под кирасы торчали широкие рукава тончайшей рубахи ярко-алого шелка и золотистое кружево пышного жабо. Лицо юноши горело, глаза прямо-таки метали искры.

– Именем Его Величества Иеронима Народного Избранника приказываю вам следовать за нами.

– Какого еще величества? – тупо переспросил Илка. Кроме Его Истинного Величества Анастасия Заступника имелся самозванец, нагло именовавший себя Афанасием Защитником. Ни о каких Иеронимах никто и слыхом не слыхивал.

Ворвавшиеся грозно загудели.

– Его Величество Иероним Избранник, единственный настоящий король, нынче утром изволил освободить Липовец-на-Либаве от жестокого гнета узурпатора Анастасия, – вздернув подбородок, сообщил юноша, – весь город ликует. Но, – жестко добавил он, вглядываясь в растерянные лица, на которых не было заметно никакого ликования, – как я слышал, здесь дети приближенных наместника, малолетние пособники узурпатора.

– Мы не пособники! – весело заявил Варка, с глубоким интересом рассматривая пищали. Видеть эту штуку так близко ему еще не приходилось.

– Лично я в полном восторге, – внезапно подал голос Крыса, – городу давно нужна твердая рука.

Это сообщение сопровождалось такой драконьей улыбкой, что не привыкшие к доброму Мастеру версификации пришельцы дрогнули. Пищали слегка опустились, и даже восторженный юноша подался назад.

– Стало быть, – надменно спросил он, – вы проследите, чтобы ваши подопечные последовали за нами добровольно? Это в интересах города.

– Безусловно, – с полной готовностью отозвался Крыса и одарил класс своим коронным взглядом поверх голов. Головы покорно опустились.

Ланке вдруг стало страшно. Так страшно, что ноги прилипли к полу. В позвоночник тут же уперся твердый палец Крысы и чувствительно подтолкнул вперед. Пришлось двигаться. Утешением

могло служить только то, что в дверях замешкавшийся Крыса сам получил по узкой прямой спине, только уже не пальчиком, а прикладом.

* * *

Они побрели по Белому коридору, по белоснежному мраморному полу, мимо беленых стен и глубоких арочных окон, полных мягкого сияния. Все было как всегда, но спереди шли солдаты и солдаты дышали в спину. Потом они долго спускались по белейшей мраморной лестнице парадного входа. Лестница славилась отличными перилами, скользкими и широкими. Съезжать с них было категорически запрещено лично Главным мастером.

Внизу, у выхода, обнаружился и сам Главный мастер. Он стоял, прислонившись к могучим дверным створкам, сплошь покрытым золоченой резьбой. Стоял так, будто рассчитывал остановить эту вооруженную толпу. Великолепные седины, украшенные пышным хвостом средней длины, съехали на сторону, так что все желающие могли наконец убедиться – это действительно парик. Парик был испачкан кровью, по лицу Главного мастера, заливая глаза, тянулись красные струйки.

– Не надо... – беспомощно всхлипнув, выговорил он, слепо вытянув вперед пухлые слабые руки, – не надо. Разве вы не видите... Это же дети...

– Государственные интересы требуют... – набрав в грудь побольше воздуха, начал было восторженный юноша, но в этот момент один из его соратников, не вступая в долгие споры, просто двинул Главного мастера локтем в грудь. Тот отлетел в сторону, удержался на ногах, схватившись за перила, и осел вниз, жалобно, по-заячьи вскрикнув: «Лунь, вы же обещали... помните, вы...» Что именно обещал ему Мастер версификации господин Лунь по прозвищу Крыса, так и осталось невыясненным.

Снаружи царила золотая пора середины октября. Ясное ярко-синее небо накрыло город сияющим куполом. Крепко пригревало полуденное солнце. Прохладный ветерок приятно щекотал кожу. По ветру медленно плыли пушинки чертополоха и тонкая осенняя паутина.

На теплых ступеньках парадного входа на солнышке грелись еще шестеро вооруженных людей и две крупные, гладкие, голенастые собаки. Фамка пригляделась к ним, и ее пробрал озноб. Прежде она такого не видела, но слухов в Норах ходило достаточно. Верхним чутьем обитателя трущоб Хелена Фам поняла: надо срочно спасаться.

Окруженный ухмыляющимися конвоирами класс двинулся по неровному зеленоватому булыжнику Цыплячьей улицы. Фамка ловко проскользнула за спинами одноклассников и пристроилась рядом с младшим Бобром.

– Яник, – тихонько позвала она, глядя под ноги.

– Чего тебе, мелкая? – так же тихо отозвался здоровенный Яник. Голова Фамки пришлась где-то на уровне его локтя.

– Отпусти меня.

– Ишь чего захотела. Мелкая, а наглая.

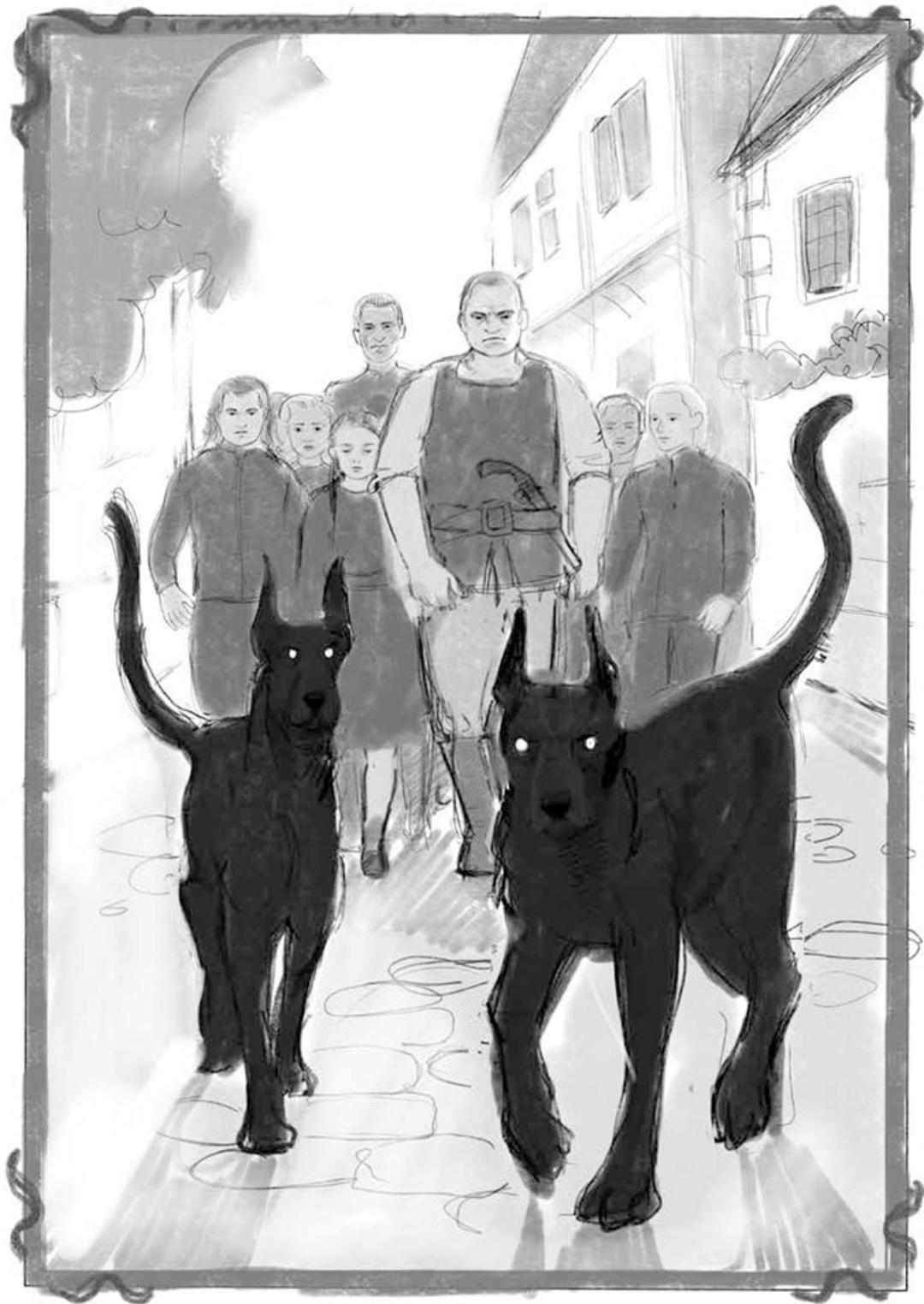
– Ты же знаешь, с нас взять нечего.

– Эт точно. Если и есть голь перекатная, так это ты и мамашка твоя.

– Ну так отпусти. Я вам отработаю. Продать там чего... или на стреме постоять...

– Не, с этим все, – тихо, но решительно сообщил Яник, – теперь мы того... королевская гвардия.

– Платят, что ли, много? – удивилась Фамка.

– Не столько платят, сколько сами берем, – хмыкнув, разъяснил Яник.

– А-а-а, – понимающе протянула Фамка, – так отпустишь?

– Не, не могу.

– Мать с ума сойдет, если я к вечеру не вернусь.

– Авось обойдется. Я к тебе, мелкая, всей душой. Я ж тебя с детства знаю. Но не могу. Государственные интересы, сечешь?

– Нет.

– Пришьют меня, если приказ нарушу, – почти неслышно зашептал Яник. – Круговая порука у нас, сечешь? Собачкам отдадут и все дела. Хорошо, если мертвого, а не живого. У Его Величества таких собачек штук десять, не меньше.

– Почему они его слушаются? Чем он им платит? – совсем тихо прошептала Фамка. – Ведь это же...

В ответ Яник многозначительно надулся и ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен. Фамка съежилась, нырнула поглубже в толпу одноклассников и спряталась за широкую Илкину спину. Илка шагал уверенно, дурные предчувствия его не тревожили. Пусть другие трясутся. А ему бояться нечего. Отец наверняка все устроит. Здесь явное недоразумение. А если деньги нужны – так отец достанет. Заплатит этому отребью сколько надо. Так что трястись нечего, пускай убогая Фамка трясется. За нее-то и гроша ломаного никто не даст. А пищали у них хороши. Никогда раньше таких не видел. Из Загорья привезли, не иначе. Заряжаются, конечно, с дула. Ага, а вон туда сыплем порох. Эх, стрельнуть бы...

«Эх, стрельнуть бы из такой, – азартно размышлял Варка, – далеко бьет, наверное. Во-он тот флюгер наверняка достанет... Или вон ту ворону. Ишь, разоралась. Ахнуть бы сейчас... Заткнулась бы как миленькая...»

Ворона гуляла по карнизу Синего дома. Потом они миновали Дом с Кошками, дымоходы которого сверху прикрывали жестяные черные кошки. За ним – Дом с Ракушками с рядом белых раковин по веселенькому желтому фасаду. За ним виднелась блестящая новая крыша и розовый голубок на высоком фронте дома, в котором обитал Ланкин отец, командир городской гвардии полковник Град со своим семейством.

Варка мог не глядя перечислить все дома на Цыплячьей улице, красивейшей и приятнейшей улице Гнезд – самой уважаемой части города. Его собственный дом находился тут же, в Гнездах, в пяти минутах ходьбы, в Садовом тупике, который и вправду упирался в стену Садов. Но к Садам наместника вели почти все здешние улицы. Вот и на Цыплячьей дома с правой стороны внезапно заканчивались.

Улица плавно огибала крутой склон, покрытый боярышником и ежевикой, буйно разросшимися под стеной Садов. Все это было ярким: красные ягоды, желтые резные листья, лиловые кусты ежевики. На припеке мирно трещали кузнечики. Через стену перевешивались золотистые ветки деревьев и длинные плети мелких осенних роз. Нагретые солнцем, они пахли просто упоительно.

Тут Варка стал подумывать о побеге. Не то чтобы он испугался. Просто случай был уж очень подходящий. Нырнуть под руку ближайшего конвоира и добежать до стены проще простого. Они и опомниться не успеют. Правда, могут подстрелить на стене. Она высокая, одним прыжком не перемахнешь. Но Варка знал подходящее место. Там стена поворачивала, на углу был маленький выступ, должно быть, ниша для калитки. Калитку давно замуровали, но как раз в этом углублении стена была немного ниже.

Как выяснилось, про это место знал и Витус. И немудрено, ведь его отец был главой садовников. Недолго думая, Витус ринулся сквозь ежевику, резво перепрыгивая через колючие плети. Прежде чем охрана опомнилась, он был уже в двух шагах от стены.

И тут за ним рванули собаки. Рванули сами, без команды, в полном молчании. Сквозь колючие заросли они летели как сквозь туман.

«Они больше, чем на самом деле. Они не только здесь», – додумав эту странную, как будто чужую мысль, Ланка крепко зажмурилась и вцепилась в первую попавшуюся мужскую руку. Как на грех, это оказалась жилистая рука Крысы. Но Ланке было уже все равно. Рядом пискнула Светанка. Над гладкими мускулистыми собачьими спинами реяли, струились, неторопливо перетекали громадные, почти неразличимые тени. И это были не собаки.

Тень накрыла Витуса, тот споткнулся и полетел лицом в ежевику. Тут же в его ногу впились тяжелые челюсти. Вторая псина вцепилась в выставленную в попытке защититься руку, мешавшую добраться до горла. Ланка услышала, как напрягся и тихо, но совершенно

непристойно выругался обычно невозмутимый Крыса. Девчонки сбились в тесный визжащий клубок.

– Молчать! – рявкнул юноша в кирасе.

В этот миг Витусу удалось как-то вывернуться. Нечеловеческим усилием отшвырнув от себя собак, он, волоча окровавленную ногу, одолел-таки последние два шага до заветной ниши и вскарабкался на стену, цепляясь здоровой рукой, коленями, животом, а кое-где и зубами. Оставляя за собой кровавый след, он неловко перевалился на другую сторону и тут же исчез из виду. Должно быть, просто упал. «Ушел», – с облегчением подумал Варка. Витуса он терпеть не мог. Но два-три шершня за пазуху – это одно, а такие вот собачки – совершенно другое. Тем временем странные собачки дружно прыгнули вперед и поползли вверх по стене как ящерицы, отвратительно виляя задом. Минута – и они тоже исчезли из виду.

– Не уйдет, – в ответ на Варкины мысли буркнул кто-то из солдат, – дурак.

За стеной раздался отчаянный вопль.

– Кто-нибудь еще хочет нас покинуть? – поинтересовался вдохновенный предводитель.

Желающих не оказалось. Светанка всхлипывала. Ланка, не понимая, что делает, продолжала цепляться за мрачного, как осенний вечер, Крысу. Фамку била мелкая дрожь. Впрочем, конвоиры теперь выглядели такими же угрюмыми и перепуганными, как и пленники.

Однако солнечный день не померк, и золотая осень продолжала расточать свои краски. Цыплячья улица, Королевский бульвар, прямая как стрела Либавская. Илка наконец понял, куда их ведут. Прямоком в замок наместника. Главные ворота (ажурное чугунное литье, серебряные гербы на щитах и позолота) оказались распахнуты настежь. Никакого дворцового караула. Напротив, туда и сюда шныряли вооруженные до зубов персоны самого странного вида. Безжалостно взрывая копытами по ниточке выровненную подъездную дорогу, проносились всадники. Въезжали накрытые дерюгой гремящие телеги.

За всей этой суетой с интересом наблюдало замурзанное существо. Очень грязные босые ноги уверенно расставлены. Руки засунуты в глубокие карманы немислимого наряда: три совершенно рваных разноцветных юбки надеты одна на другую; сверху болтается

огромная мужская рубаха с оборванным подолом; непомерно широкий ворот кокетливо затянут обрывком яркого шарфика; вместо пояса подвязан розовый дамский чулок. Круглые от любопытства глаза немедленно уставились на странную процессию. Еще бы! Колонна аккуратно причесанных лицейстов в тщательно отглаженной черной форме под охраной потрепанных завсегдатаев Болота и портовых грузчиков. Такое не часто увидишь.

Фамка заметила девчонку, и сердце ее радостно дрогнуло. Жданку хорошо знали и в Норах, и на Болоте. Фамка сама частенько подкармливала ее, когда еще были деньги. Жданка была сиротой. Вроде бы имелась у нее какая-то бабка, имелась и каморка в Мокром тупике. Но обычно она обитала ночью под Большим Каменным мостом, а днем – на Болоте, не стеснялась захаживать и в Гнезда, хотя побираться в Гнездах и на Горе было запрещено. Так что последнее время ей жилось сытнее, чем Фамке.

– Жданка! – крикнула Фамка, привстав на цыпочки, чтобы ее стало видно за широкими мужскими спинами. – Беги к нам, скажи матери...

На голову Фамки тут же обрушилась здоровенная затрещина, но дело того стоило.

Жданка бодро кивнула, почесала правой ногой левую и подобрала юбки, намереваясь немедленно бежать.

– Куда?! – гаркнул ближайший солдат и, ухватив Жданку за волосы, одним движением втащил в толпу пленников. – Во, для ровного счета, – ухмыляясь, заметил он. Остальные охранники дружно заржали, явно радуясь возможности заглушить воспоминание о милых собачках, которые, к счастью, до сих пор не вернулись.

Жданку подобные превратности судьбы не расстроили. Во-первых, за волосы ее таскали очень часто. Во-вторых, толпу лицейстов вели во дворец, в котором она всегда мечтала побывать. В-третьих, здесь оказался Варка. В пестром, бестолковом, неизменно грязном, а порой и опасном Жданкином мире Варка был Белым рыцарем. Рыцарем он стал под Каменным мостом под грохот и вой общей стихийной драки на Болоте и всхлипывания самой Жданки. Варка, зачем-то отиравшийся в то утро на рынке, чудом вытащил Жданку из самой гущи событий. Он поплатился за это расквашенным носом и вдоль по шву разорванными штанами, но приобрел вечную Жданкину

преданность. Никаких Ланок и Фионок Жданка в упор не видела. Варка был ее рыцарь, и точка.

* * *

Варка очень удивился, когда их привели прямо к широким малахитовым ступеням парадного входа. Парадный вход открывали только для короля. В остальное время на девственно гладкий малахит запрещалось садиться даже мухам. Но теперь все бодро протопали по ступеням цвета свежей травы и оказались в обширном холле. Холл был отделан с военной простотой, что служило напоминанием о великих победах Его Истинного Величества. Высокие своды, поддерживаемые шестигранными колоннами из серого известняка, нарочито грубо обработанные стены. На стенах громадные, обильно позолоченные щиты с гербами городской знати. В центре, прямо над широченной лестницей, ведущей во внутренние покои, боевое знамя Его Величества. Это было красиво, все в точности как рассказывал отец, только вряд ли знамя должно быть таким дырявым. Похоже, в него долго и упорно стреляли из столь понравившихся Варке пищалей. Дырки действительно получались здоровенные. В холле до сих пор ощутимо пахло порохом.

Залюбовавшись дырками, Варка не сразу заметил, что по лестнице спускается целая толпа. Четыре бугая, с головы до ног в темно-коричневой замше, какая по закону позволялась только придворным егермейстерам. Хвосты по-солдатски короткие, за поясом ножны для двух длинных ножей. При каждом бугае по собаке, при виде которых Варку снова начало тихо мутить. Между бугаями затесался совершенно неприметный человечек: среднего роста, серенько одетый, мешочки под глазами, залысины, реденький хвостик. Тоже при ноже, но оружие ему явно мешает. Заметив эту компанию, юноша с горящими глазами принялся проталкиваться вперед.

– Заложники доставлены, Ваше Величество! – звонко выкрикнул он.

«Ну и где тут Величество?» – завертел кудлатой головой Илка.

– Спасибо, Стефан, – благодушно отозвался серенький тип, – спасибо, мальчик. Как всегда вовремя.

– Рады стараться, Ваше Величество, – нестройно пробубнили переминавшиеся с ноги на ногу конвоиры.

– Ведите их вниз. Вы мне нужны в городе.

– Внизу все забито, – флегматично сообщил один из бугаев.

– Ну, тогда наверх, повыше куда-нибудь. Замок большой, пустых покоев много. Не пугайтесь, дети, – скупно улыбнувшись, добавил он, – это ненадолго.

Ланке сразу стало полегче. Ну конечно, ничего страшного не происходит. Подержат и отпустят. Но тут ее резко отодвинули в сторону. Незаметным змеиным движением избежав нового удара прикладом, за цепь конвоиров прорвался Крыса.

– Я хотел бы сообщить Вашему Величеству нечто важное, – проскрипел он.

– Поговорите со Стефаном, – отмахнулся Его Величество и двинулся к выходу.

– Боюсь, Стефану это будет не столь интересно. А вот Ваше Величество наверняка заинтересуется, – очень настойчиво, будто вдалбливая очередное правило тупому ученику, произнес Крыса. Ослушаться Крысу было почти невозможно. Новоявленный король приостановился, полуобернувшись.

– Так что же вы хотите мне сообщить? Я надеюсь, сведения будут достаточно ценными. Очень надеюсь. Ради вашей же пользы.

– Я бы предпочел говорить об этом с глазу на глаз, – утомленно вздохнул Крыса. – Но если вы настаиваете... Ваше Величество, я – крайн.

Стало очень тихо.

Ланка вытаращила глаза. Белый полог. Розовые кружева. Светлое пятно ночника и голос няни. «И тогда прекрасный крайн женился на принцессе и унес ее в свой заоблачный замок». Крайн! Ну надо же такое ляпнуть. Назвался бы лучше домовым или, скажем, русалкой.

«Спи, – вспомнилось Фамке. – Не будешь спать – придет ночной крайн, заберет твою душу...»

В Варкиной голове тоже завертелись слова любимой сказки: «И была та страна разорена войной, и охвачена чумой, и проклята во веки веков. Но сжалились прекрасные мудрые крайны, спустились со своих гор, облетели всю страну от края до края и сняли проклятие». Жаль, что это всего лишь сказка. Сейчас бы очень пригодился кто-нибудь прекрасный и мудрый.

«Свихнулся Крыса, – подумал Илка, – точно, свихнулся от страха».

Кривая улыбка на лице Иеронима Избранника свидетельствовала о том, что в детстве ему тоже рассказывали сказки.

– Крайнов не бывает! – звонко, на весь зал, сообщила Жданка.

В тот же миг ее сбило с ног сильным ударом ветра. Оборвалось и рухнуло на ступени простреленное знамя. Закачались, загрохотали о стены щиты с гербами. Истошно, с привизгом взвыли собаки.

Крылья были огромны. Крыльям было тесно в дворцовом холле. Стены давили, мешая развернуться, терявшийся в высоте потолок вдруг оказался до смешного низким.

Крыльям было неловко на земле. Мощные маховые перья яростно бились об пол, царапая камень.

Крылья жили своей, отдельной жизнью. Каждое перо дрожало, дышало, переливалось, становясь то темно-серым, почти черным, то вспыхивая стальным синеватым блеском.

Маленький человек, осененный крыльями, казался жалким, ненужным, лишним. Но именно он был сердцем этого урагана.

– Я Рарог Лунь Ар-Морран-ап-Керриг, – медленно, будто припоминая, выговорил он, – крайн из серых крайнов Пригорья. Мое время – вечер, мои владенья – туман и ветер, мои крылья служат мне, пока я им верен.

– Стреляйте, – дурным голосом завопил кто-то. Но тут все кончилось. Остался только всем давно надоевший Крыса. Серые от перхоти плечи. Волосы, перевязанные шнурком от ботинка. Сальный кончик болтается как крысиный хвост.

– Я был достаточно убедителен? – тихо спросил он.

– Да уж, – отвечивал Его Величество, косясь на трехсаженную дверную створку. Створка все еще качалась и никак не могла остановиться.

– Я не совсем понимаю, отчего вы усомнились в моих словах. Мне казалось, вы человек широких взглядов.

– Почему вы так решили? – поинтересовался король, рискнувший наконец приблизиться.

– Вам служат мантикоры. – Крыса коротко дернул подбородком в сторону собак.

– Вы тоже желаете поступить ко мне на службу? – вкрадчиво осведомился король. В его цепких глазах возник холодный азартный блеск.

– Крайны не служат никому, кроме своих крыльев.

Варка видел его со спины, но был уверен, что Крыса смотрит поверх королевской головы одним из своих коронных брезгливых взглядов.

– Однако, – веско добавил господин Лунь, – я хотел бы предложить вам сотрудничество.

– Вот как?

– Как вы, вероятно, догадываетесь, я обладаю определенными возможностями. Например, управлять мантикорами я могу гораздо лучше, чем ваш Стефан. Не далее как сегодня, когда он утратил власть над ними, именно мне удалось принудить их довершить начатое. Так что, молодые люди, натравливать их на меня бессмысленно.

Бугаи в коричневой замше дружно хмыкнули.

«Выходит, это он добил Витуса», – похолодел Варка.

«Ну и гад», – пихнув Петку локтем в бок, прошипел Илка.

– Прочее я предпочел бы обсуждать с глазу на глаз.

– Безусловно, нам необходимо побеседовать, – согласился король. Ну, еще бы. Пять минут общения с Крысой, и кто угодно станет как шелковый.

– Как вы оказались в этом городе? – светским тоном поинтересовался Его Величество, увлекая Крысу к лестнице. Охрана бдительно топала следом.

– Печальные обстоятельства. Я путешествовал по личным делам и оказался отрезан от Пригорья. Довольно затруднительно передвигаться по воюющей стране, особенно когда между тобой и целью твоего путешествия стоят лагерем не то три, не то четыре враждующих армии.

– Но вы же могли... – затрудняясь подобрать правильное слово, король изобразил ладонями что-то вроде машущих крыльев.

– Увы, Ваше Величество. Лететь, когда внизу полно вооруженных людей, – удовольствие маленькое. Вы не поверите, сколько среди них любителей охоты. Стреляют во все, что движется. Убить крайна не так уж трудно. К сожалению, мы вовсе не бессмертны, – Крыса вздохнул, – и нам тоже надо что-то есть. Итак, я был вынужден здесь задержаться, вынужден искать средства к существованию.

– И все, что вам предложили прежние власти, – это жалкую должность учителя?

– Что делать. У меня не было выбора. Но, я надеюсь, вы, Ваше Величество, намерены сотрудничать со мной на более выгодных условиях.

– О да. Учитывая ваши особые возможности...

Глава 3

Их заперли на самом верху, в покоях Безумной Анны. Согласно легенде, лет триста назад именно здесь держали высланную из столицы за чрезмерное увлечение убийствами с помощью ядов вдовствующую королеву Анну.

Покои находились в некоем подобии башни, торчавшем из здания дворца как гриб из гнилого пня, но были довольно просторны. Роскошная спальня, при ней темная гардеробная, будуар, гостиная. В гостиной – веяние новой моды – целая стена выгнута эркером и застеклена от пола до потолка. За стеклом – обширная терраса, огражденная перилами с резьбой из цветов и листьев.

Едва за конвоирами захлопнулись двустворчатые двери, Варка кинулся на террасу. Он мгновенно сообразил, что оттуда должен быть виден весь город. И правда, весь не весь, но порядочный кусок просматривался отлично. Золотые осенние Сады, извилистая линия садовой ограды, за ней Гора, где над красно-желтыми кронами там и сям возвышались вычурные башенки и шпили дворцов городской знати, южная часть Гнезд, в которой среди путаницы ярких крыш Варка легко отыскал зеленую крышу своего дома, еще ниже сливались в одно грязно-серое пятно низкие домики Слободки, за ними – городская стена, широкая светлая полоса, хорошо освещенная солнцем, за стеной – подгородные огороды, черные, потому что все уже убрано, за огородами в голубой дымке дальние поля и блестящая линия Либавы. На вид все совершенно спокойно. Догадаться, что происходит в городе, никак нельзя. На стене тоже ничего особенного. Отсюда видно целых три башни. Вот они: Воронья, Долгий Макс и Толстуха Берта. Вороньей никто, кроме ворон, уже сто лет не пользовался. Высоченный Макс, казавшийся отсюда не толще пальца, испокон веков служил сторожевой башней. В подвалах круглой толстостенной Берты, к которой вплотную примыкали казармы, хранились городские запасы пороха. Не успел Варка подумать об этом, как кругленький бочоночек Берты исчез в симпатичных пухлых облачках белого дыма. Из дыма вырвался острый язычок огня, во все стороны полетели какие-то темные точки, и только потом пришел звук.

Варка упал, зажимая уши. За его спиной дрогнули и одно за другим посыпались стекла.

Это оказалось последней каплей. Первой зарыдала Светанка. За ней Ланка. Истерика распространялась как пожар. Через минуту двадцать пять лицейстов выли, кидались на дверь или просто царапали стену. Успокаивать их никто не собирался. Ясное сознание в этой толпе сохранил только Илка, хотя ему было хуже, чем остальным. Он отчетливо запомнил слово «заложники» и хорошо понимал, что оно означает.

Фамка не слышала ни криков, ни жуткого грохота. Пока все стояли в шикарном покоях, растерянно озираясь, она тихонько, по стеночке, побрела прочь, надеясь, точно больное животное, найти какой-нибудь темный безопасный угол. Нашла, забилась поглубже, закуталась в какие-то мягкие тряпки и наконец позволила себе потерять сознание.

Очнулась она оттого, что кто-то зверски тер ее уши. Это оказалась Жданка.

– Ну вот, а я думала, ты померла! У нас под мостом тоже один вот так: лег спать, а утром смотрим – он уже холодный.

– Чем это пахнет? – еле ворочая языком, спросила Фамка.

– Так я тебе поесть принесла, – Жданка сунула ей в лицо глубокий черепок, до краев наполненный мутной жижей. В жиже плавали какие-то размокшие кусочки. Из всего этого торчало единственное личное имущество Жданки – обкусанная по краю деревянная ложка.

– Спасибо, – прошептала Фамка и ухватила ложку дрожащими от жадности пальцами. К несчастью, еда очень быстро кончилась.

– Ты сколько дней не ела? – деловито поинтересовалась Жданка. – Три? Четыре?

– Два.

– Тогда пошли. Там эти целый котел притащили. А маменькины детки нос воротят. Говорят – объедки. Я на неделю налопалась. Больше не влазит.

– Пошли, – решительно сказала Фамка. И медленно встала на колени.

– Ты поосторожней, сразу не наваливайся, – напомнила Жданка.

Выбравшись из королевской гардеробной, Фамка увидела, что уже наступил вечер. По восточной стене спальни, потухая в складках вытертого гобелена, скользили бледные отсветы заката.

Наплакавшиеся курицы забились под пыльный балдахин роскошного королевского ложа, всхлипывали и тихо шушукались. Котел стоял в гостиной, на полу у самой двери. Вооружившись Жданкиной посудой: ложкой и черепком – осколком какой-то старинной вазы, Фамка торопливо наскребла вторую порцию аппетитного месива и принялась жадно есть, чавкая и постанывая. Она старалась не спешить, но ничего не получалось. Приканчивая третью миску, она обнаружила, что рядом сидит Варка и смотрит на нее круглыми глазами. На секунду Фамка расстроилась, но потом решила, что ей наплевать.

– Чё пялишься? – спросила она, наплевав заодно и на лицейскую вежливость.

– Да ничё, – ответил поднаторевший в уличных разборках Варка. – Вы там у себя в Норах чё, голодаете?

Фамка дернула плечом, чтоб отвязался. Четвертую порцию она есть не стала, хотя очень хотелось. И так, наверное, тошнить будет.

– Что ж ты мне не сказала, – не унимался Варка, – или матери? Ты же знаешь мою мать. Разве она для тебя куска пожалела бы?

– Отлипни от меня, – зевнула Фамка. Подумала и, чтоб он точно отвязался, добавила пару выражений, принятых в избранных кругах Рынка-на-Болоте.

Варка растерялся. Такого девушки ему еще не говорили. Пока он раздумывал, что бы ответить, Фамка прислонилась к стене и заснула.

– А у вас в Гнездах разве не голодают? – спросила пристроившаяся рядом Жданка. Варка помотал головой. Конечно, мать уже тыщу лет не пекла столь любимые Варкой пирожки с яйцами. Исчезла рыба. В последние дни, кажется, не было масла. Так что Варка частенько вставал из-за стола недовольный. Но не голодный. Еды-то в общем хватало. Сейчас, оставшись без обеда и ужина, он был, конечно, голоден, но не до такой степени, чтобы, как Фамка и Жданка, набрасываться на подозрительно пахнущие помои.

Тем временем Фамка сползла на пол и свернулась под стеной жалким комочком.

– Надо бы ее уложить как следует, – деловито заметила Жданка.

– Тебя тоже надо куда-нибудь уложить. Детям давно спать пора. – Варка подхватил Фамку и понес в облюбованный ею угол гардеробной, удивляясь по дороге, какая она тощая и легкая.

Ланка, даже до крайности расстроенная и напуганная, заметила Варкино галантное поведение и решила, что надо срочно вмешаться. Убогая Фамка, конечно, не соперница, но все-таки...

– Ивар, – позвала она жалобно, – иди к нам. Нам страшно.

– Чего ж тут страшного, – вздохнул Варка. – Небось, нас охраняют. Вон прямо за дверью солдат с пищалью и собака.

– Они тоже на ручки хотят, – злобно бросил из соседней комнаты Илка.

– Ты им пеленочки смени... – подхватили его дружки, – сказочку расскажи... колыбельную спой...

– И правда, спой, – обрадовалась Ланка. Илкина ревность доставляла ей огромное удовольствие.

– Да, – заныли оживившиеся курицы. – Спой, Варка... Ну что тебе, жалко, что ли.

Илка чуть не плюнул от злости. Это была еще одна вопиющая несправедливость. Он знал: можно похудеть, вывести прыщи, привести в порядок волосы. Все можно, кроме одного. Петь как Варка... Утешало Илку только одно – скоро голос у них у всех начнет ломаться, и хоть этому безобразию придет конец.

– Чего спеть-то? – насмешливо протянул Варка. – Правда, колыбельную?

– Да ну тебя, – обиделась Ланка.

Но Варка уже уселся на пороге спальни, оперся спиной о притолоку.

*Баю-баю-баиньки,
Спи, галчонок маленький...*

Петь для него было так же легко, как дышать. В детстве он искренне изумлялся, почему взрослые просто разговаривают. Ведь петь гораздо удобнее. Он пел, глядя на темнеющее вечернее небо за разбитым окном гостиной. Оно казалось расчерченным на квадраты. Те, где уцелели стекла, – плоские и темные, те, что без стекол, – светлее и глубже. В королевских покоях было уже совсем темно, но ни ламп, ни свечей сюда приносить, как видно, никто не собирался.

*Баю-баю-баюшки,
Спи, мой белый зайюшка...*

Варка всегда был беспокойным ребенком. Мать, бывало, по часу сидела, пытаясь его унять. Он пел и думал: вечер, над столом зажгли лампу, сели ужинать. Белые миски на гладкой желтой столешнице, свежие булочки горкой. Пар из чайника. Мать волнуется, что Варки нет. Отец тоже волнуется, но не подает виду.

*Баю-баю-баюшки,
Не ложись на краюшке...*

Незаметно подползла Жданка, пристроилась под боком и подхватила мелодию. Жданке жилось сытнее прочих подмостных жителей именно из-за песен. Слух у нее был точный, а голос хрустальной чистоты. Варка улыбнулся, глядя на проступившие за окном первые звезды. Вдвоем у них со Жданкой получалось красиво. Такое только под звездами и петь.

Внезапно звезды исчезли. Громадная черная тень закрыла окно. Тень распростертых трепещущих крыльев. Варке даже показалось, что он видит смутное бледное пятно, лицо человека, стоящего на перилах террасы и пытающегося разглядеть, что происходит за разбитыми стеклами.

Варка забыл вдохнуть и поперхнулся. Жданка удивленно взглянула на него, потом на окно, но звезды уже мирно сияли на своих местах.

* * *

Прошло три дня. Фамка просыпалась, только чтобы поесть, и была совершенно счастлива. С нее не требовали работы, не нужно было подниматься в несусветную рань, никто не спрашивал ее про всякие анафоры или триангуляционные построения, да при этом еще и кормили.

Илка, которому перед пленением не пришлось голодать, счастливым себя не чувствовал. Все это время он настойчиво искал выход. Слово «заложники» продолжало жечь его как огонь. Раз они взяты как заложники, выкупить их не позволят. Прошло уже три дня, а ничего об этом не слышно. Наверняка отец пытался что-то сделать, но у него ничего не получилось. Заложников берут, чтобы убить, если что-то пойдет не так. Сама мысль, что его будут убивать, у Илки в голове не укладывалась. Следовало бежать. Одному или всем вместе, Илка пока не решил.

Пока он искал выход. Сначала – вторую дверь. Но покои Безумной Анны с самого начала строились как тюрьма. Лестница в башню была одна, и дверь, соответственно, тоже одна. Та самая, где солдат с пищалью и собакой, которая на самом деле, оказывается, вовсе не собака, а мантикора.

Потом он принялся простукивать стены в надежде обнаружить потайной ход, прижимался щекой ко всем щелям, стараясь ощутить легкое дуновение. Он очень живо представлял себе это – узкий, темный и пыльный колодец в толще стены, такой узкий, что еле-еле можно протиснуться. В колодце винтовая лестница, крутая и неудобная, а в конце – замаскированный выход в Сады и свобода. Но через три дня поисков эта надежда сильно полиняла. Тогда он понял: придется все-таки договариваться с Варкой.

Варка обнаружился на балконе. Надо сказать, он все время там торчал, смотрел на город, на дотлевающие развалины Толстухи Берты, на Сады, на крышу своего дома. Боялся увидеть дым. Но все было тихо, солнце по-прежнему заливало зеленую крышу мягким осенним светом. Варка немного успокоился, прибрался на террасе, собрал все разбитые стекла и с удовольствием покидал их вниз. Правда, в этом деле у него нашлось много добровольных помощников. Стекла замечательно грохались о крутой каменистый склон и расшибались в мелкие дребезги.

Сейчас он сидел на полу, прислонившись спиной к парапету, и, задрвав голову, смотрел в небо. Над крышей замка медленно, но неотвратно поднимались огромные клубы дыма. На этот раз дым несло откуда-то с севера. Несло давно, еще с ночи. Но что горит – с балкона видно не было. «Наверное, снова порт сожгли», – лениво думал Варка. При каждом штурме или осаде обязательно жгли и грабили речной порт. Кто грабил, свои или чужие, городские власти предпочитали не выяснять.

К величайшему огорчению Илки, рядом с Варкой сидела Ланка. Голубки. Врезать бы сейчас по этой смазливой роже. Темную ему, что ли, устроить? Тут желающих много найдется.

Ланка молча рассматривала запрокинутый к небу безупречный профиль своего общепризнанного поклонника. Все правильно. Раз он самый красивый парень во всем лицеуме, значит, первая красавица лицеума должна быть его девушкой. И все-таки он еще цыпленок,

плечи острые, шея тонкая. Все они в этом возрасте еще дети. Руки у Варки были грязные, лицо чумазое, куртку он, пригревшись на солнышке, снял, и на тонкой нижней рубашке, три дня назад белоснежной и тщательно отглаженной, виднелась трогательная аккуратная штопка, сделанная руками матери. Штопка эта, напоминая, что с Варкой до сих пор нянчатся, почему-то особенно раздражала Ланку. Был бы на его месте кто-нибудь вроде прапорщика Алекса или подпоручика Теодора, он сумел бы защитить ее, нашел бы выход, в конце концов, пожертвовал бы ради нее жизнью.

– Ивар, ты меня любишь? – требовательно спросила она.

– Ну, – отозвался Варка.

Прапорщик Алекс ни за что бы так не ответил.

– А умереть ради меня сможешь? – не отставала Ланка.

– Это как? – не отрывая глаз от тяжело ворочавшегося в небе дыма, поинтересовался Варка.

– Ну, скажем, спрыгнуть отсюда, если надо будет?

Извернувшись как ящерица, Варка одним движением ухитрился подняться на ноги и перегнуться через перила. Светлые прямые волосы свесились вниз. Некоторое время он рассматривал основание стены, упиравшееся в каменистый склон, обрыв под ним и казавшийся тонкой ниточкой ручеек на дне рва.

– Не, – решительно ответил он, – чё я, дурак?

– Дурак, – злобно согласилась Ланка.

В этот момент в трогательное объяснение вклинился Илка.

– Слышь, красавчик, – спросил он, становясь рядом и тоже глядя вниз, – ты мог бы отсюда...

– Спрыгнуть? – ухмыльнулся Варка. – Вы чё, сговорились, что ли?

Илка поглядел на него озадаченно. Все-таки этот Варка тронутый.

– Да не спрыгнуть, – терпеливо объяснил он, – слезть. Ты вон даже на Воронью башню ночью не побоялся...

– Не знаю. Отсюда стену не видно. Балкон закрывает. А зачем?

– Тебе что, здесь нравится? Или ты не знаешь, как поступают с заложниками?

– Ничего нам не сделают, – рассудительно заметила Ланка, – король же обещал – подержат немного и отпустят.

Илка тяжело вздохнул и глянул на Ланку так, что она немедленно обиделась.

– Щас, – сказал Варка.

Никто и ахнуть не успел, как он, подтянувшись, оказался по ту сторону перил, скользнул вниз, цепляясь за резные розетки, на секунду повис на руках, слегка раскачался и исчез из виду.

Ланка взвизгнула. На такое прапорщик Алекс точно способен не был. Не говоря уже о подпоручике Теодоре.

– Во дает! – хмыкнул Илка.

– Куда он делся?!

– Да никуда. Балкон деревянный, правильно? Правильно. На чем-то он держится? Держится. Скорее всего, на таких здоровенных балках. В Гнездах же куча домов так построена.

– Ну и что?

– Ничего. Сидит твой красавчик сейчас верхом на ближайшей балке. Удобно и безопасно.

– Скажешь тоже, безопасно! – Ланка с ужасом покосилась на огромное пустое пространство за перилами.

– Ва... – Истошный вопль не удался. Илка без всяких церемоний зажал ей рот.

– Тихо! Ты что, забыла? Мы же побег готовим. Заметит кто его там – и все. Ему конец, и нас по головке не погладят.

– Какой побег? Я туда не полезу.

– Полезешь как миленькая.

– Я вам не муха. Я не умею по стенкам ползать.

– Не надо по стенкам. Сделаем веревку с узлами. Варка щас все осмотрит, а потом полезет первым, закрепит ее где надо и внизу подстрахует, чтоб она не болталась.

– Вы оба тронутые. Что ты, что Варка. Я не полезу. А вы убьетесь и больше ничего.

За перилами послышался слабый свист. Перегнувшись, Илка и Ланка обнаружили высунувшуюся из-под балкона исцарапанную руку. Рука слепо шарила, пытаясь за что-нибудь уцепиться.

Илка первый понял – что-то неладно. Навалившись животом на перила, он свесился вниз насколько хватило храбрости и ухватил блуждающую руку за запястье. Из-под балкона показалась вторая рука, в которую, к удивлению Илки, по-кошачьи ловко вцепилась Ланка. Вдвоем они кое-как втащили наверх бледного взлохмаченного Варку и

усадили спиной к стене. Он давился, как будто что-то мешало ему дышать, и был даже не бледный, а какой-то зеленоватый.

– Ну, что там? – спросил Илка.

– Щас, – прохрипел Варка, – водички бы. Лан, принеси, а?

Ланка кивнула и отправилась в гостиную. Маленький бочонок с водой ставили раз в сутки. Этого едва хватало, чтобы все могли напиться. Так что об умывании пришлось забыть.

Проводив ее взглядом, Варка вцепился в Илкино плечо и, дотянувшись до его уха, торопливо зашептал:

– Спуститься без веревки – никак. Стена гладкая, нигде ни водосточков, ни украшений. С веревкой – тоже никак. Там ниже – три ряда окон. И везде народу полно. Голоса слышно. Скинем веревку – сразу заметят. Да и высоко очень. Стена, а потом еще ров. Нам такую веревку не сделать. Только... – он задохнулся, – ты прав. Все равно надо бежать. Там... я съехал по балке... А там окно открыто... прямо под нами... они говорили... король... говорил с этим козлом Стефаном... – Тут Варка замолчал и уставился прямо перед собой, будто снова увидел живого крайна.

– Ну?! – без всякой жалости встряхнул его Илка.

– Нас убьют, – сообщил Варка обычным спокойным голосом. – Не выпустят они нас. Только если горожане взбунтуются, они убьют нас сразу, всех и очень быстро. А если нет – то... все равно убьют.

– Почему? – быстро спросил Илка.

– Потому! – четко ответил Варка, и тут его вырвало. – Мы не заложники. Мы – собачий корм, понял? – разъяснил он, отплевываясь и вытирая рот рукавом.

– Чего-чего?

– Манतिकоры – псы войны. Ум человека, сила льва, яд тысячи скорпионов. Псы войны жрут людей. Всяких. Живых или мертвых, им наплевать.

– А нас-то зачем хватать? Ты же слышал, у них в подвалах и так чуть ли не полгорода.

– Нами он расплатится в самом конце. Любимое лакомство манतिकор – невинные дети. Живые дети.

– Так разве ж мы дети?

– А ты чего думал, ты взрослый, что ли? Не говори никому, – заторопился он, завидев Ланку с мокрой луженой кружкой, – курицам

не говори... опять заведутся... орать начнут.

Илка кивнул. С этим он был согласен. Пока Варка жадно пил, а Ланка смотрела на это и жалостливо вздыхала, лучший ученик лицеума напряженно думал.

– Слышь, красавчик, а если через верх?

– Наверх? На крышу? Можно, наверное. А что толку... Это же башня.

– Правильно. Башня, пристроенная к главному зданию. Там с другой стороны до крыши дворца рукой подать. И окон там точно нет.

– Хорошо. Залезем мы на крышу дворца. А потом? Спускаться где-то все равно надо.

– А мы не будем спускаться. Крыша-то черепичная. А под черепицей настил из досок. Между досками щели. Взрослый, может, и не пролезет, а мы – запросто. Черепицу разберем и на чердак. И черепицу на место положим, как будто так и было. А может, слуховое окно найдем. Это еще проще. Чердак большой, лестниц должно быть много. Можно разделиться и разбежаться поодиночке.

– Вы тронутые, – простионала Ланка.

– Годится, – сказал Варка, глядя вверх, на украшенную фигурным карнизом верхушку башни, – щас я передохну и... – Тут он осекся и замолчал. Илка проследил за его взглядом и невольно присел.

Балкон накрыла огромная тень. Сквозь клубы дыма они увидели размытый контур распахнутых крыльев... Крылья шевельнулись в медленном ленивом взмахе. Тень стремительно унесло с балкона. Было видно, как она, скользя по верхушкам деревьев, бесшумно несется к городу.

– Ой, мамочки! – пискнула Ланка.

– Вечером, – сказал Варка. – А лучше ночью.

– А ты сумеешь ночью? – усомнился Илка.

– Придется суметь.

– Сорвешься.

– Страховать будете. А потом по этой же веревке все и ползете.

– Все, кто сможет, – пробормотал Илка. Варка промолчал. Он знал, найдутся такие, кто не сможет.

* * *

Остаток дня Варка провел в полной праздности. Лежа на спине, он внимательнейшим образом разглядывал каждую пядь нависавшей над ним стены. Ночи сейчас безлунные, фонаря нет, а если бы был, все равно фонарем пользоваться нельзя. Так что лезть придется ощупью. Впрочем, задача не казалась ему особенно трудной. Встать у стены на перила балкона, уцепиться за резное украшение, что тянется вокруг всего окна. Хорошо, что в эпоху Безумной Анны так любили резьбу по камню. Удобная штука эта резьба. А вот дальше пять – семь саженей совершенно гладкой стены. Ну, положим, не очень гладкой, если цепляться за щели между блоками кладки. Трудно, но одолеть можно. Стало быть, лезть придется босиком. А дальше опять удобно, под самой крышей пояс из высеченных из камня розеток, таких же, как на перилах балкона.

Все прочие в это время трудились не покладая рук. Работал даже Андрес, которому всегда было на всех плевать. В ход пошли ветхие покрывала из спальни, насквозь пропылившийся балдахин, какие-то древние плащи из гардеробной. Парни раздирали их на полосы, а девчонки вязали веревку. Дело спорилось плохо, разнородные куски полуистлевшей ткани просто распадались под руками. Но потом от шума в гардеробной проснулась Фамка. Разобравшись, в чем дело, она вежливейшим голосом примерной лицеистки в пух и прах раскритиковала работу Ланки и прочих куриц. Оказалось, что узлы вяжутся совсем не так, а то, что они навязали, расползется от одного прикосновения. Полосы ветхой ткани следует сначала сплести друг с другом, по три, а то и по четыре, для большей надежности. Ланка злилась, фыркала, но вынуждена была со всем согласиться. Невооруженным глазом было видно, что Фамка права. Теперь курицы сплетали полосы, а Фамка привычными пальцами вязала узлы. Когда не было работы, они с матерью частенько ходили в порт чинить рыбацкие сети.

Глава 4

Наступил серый вечер без единого закатного проблеска. Небо затянуло не то дымом, не то облачной пеленой. Обвязавшись веревкой крест-накрест и вокруг талии, Варка терпеливо ждал, а на башню Безумной Анны наваливалась густая, вязкая тьма. Ни единого огонька в городе, ни одной звезды над крышами. Только редкая цепочка рыжих факельных огней, обозначавших далекую линию городской стены. Варку, в глубине души рассчитывавшего на неверный звездный свет, это расстроило, но не слишком.

Закрыв глаза, чтобы не отвлекаться, высматривая невесть что в полной темноте, он принялся осуществлять придуманный днем план. Стена башни, хорошо изученная при свете, стояла перед глазами как настоящая. Впрочем, ничем особенным он не рисковал. Илка поклялся, что веревку они удержат при любых обстоятельствах.

Перила балкона. Резьба по камню вдоль оконницы. Это Варка преодолел легко и быстро, как по ступенькам. Четыре сажени гладкой стены дались труднее. Он содрал в кровь ступни и колени, обломал ногти на руках. Ладони саднило, будто по ним прошлись точильным камнем. Спасало только то, что еще днем он хорошо запомнил все щели и поперечные трещины. Наконец макушка уперлась во что-то твердое. Варка осторожно отлепил от стены правую руку, лизнул, чтобы облегчить боль, и вытянул вверх, ощупывая дорогу. Так и есть, очередное творение древних зодчих, каменный карниз с цветочным узором.

Карниз оказался ужасно неудобным. Снизу он выглядел изящным кружевом, цепляться за которое – одно удовольствие. Но вблизи, на ощупь, изысканные линии оказались широченными округлыми полосами. Старые мастера не поскупились на крупные украшения, чтобы снизу их работу было видно во всех подробностях, да и отполировали узор на славу. Триста лет прошло, а каждый изгиб до сих пор был гладким и, увы, чрезвычайно скользким.

Извиваясь как червяк, Варка каким-то чудом заполз в узкое углубление, должно быть, лепесток одной из цветочных розеток, но на этом его успехи закончились. Полукруглая ниша, изображавшая сердцевину цветка, в которой, глядя снизу, он рассчитывал отдохнуть,

оказалась неглубокой и такой покатою, что закрепиться в ней никак не получалось. Кроме того, цветы оказались наклонены чуть вперед. Должно быть, чтоб снизу было получше видно. Варка вдруг осознал, что висит над бездной и собственная спина, внезапно ставшая тяжелым грузом, неодолимо тянет его вниз. Конечно, его обещали страховать. Но Илка же только делает вид, что все знает, все умеет. А сам – маменькин сыночек, лопух лопухом. Не, не дурак, конечно. Но лопух – это точно.

Варка спиной уперся в левый край лепестка, ногами – в правый и попытался подумать. Думать было трудно. Как только спина, прикрытая лишь тонкой рубашкой, соприкоснулась с шершавым ледяным камнем, все тело пробрала дрожь, да такая, что зубы застучали. Оказалось, что на дворе уже глубокая осень, и ночь эта – из глухих осенних ночей, черных ночей предзимья. Очень быстро босые ноги стали неметь и терять чувствительность.

Варка попытался пошевелить пальцами и, утратив шаткое равновесие, немедленно поехал вниз, немилосердно расцарапав спину. Вновь закрепиться удалось, только до боли напрягая мышцы, которым и так уже здорово досталось. Испугаться он, конечно, испугался, но головы не потерял. Кое-как размяв костенеющие руки, принялся выбирать страховку. План был простой: захлестнуть петлю за верхний лепесток и спокойно ползти наверх по веревке.

Стараясь не выпасть из лепестка, с которым почти сроднился, Варка раскрутил сложенную вдвое веревку, размахнулся, прикидывая направление, так как по-прежнему ничего не видел... и в этот миг плечи пронзила дикая боль. Его оторвало от стены, как сухой листок. Болтаясь в темной пустоте, он заорал, но не от страха, а от боли, которая продолжала терзать предплечья.

Не задумываясь Варка поступил как в уличной драке: принялся лягаться, целя неведомому противнику по колену или по голени. Кажется, попал, потому что голая пятка врезалась в нечто твердое, над ухом раздалось короткое ругательство, и Варку швырнуло вниз.

Каким-то чудом он не только попал на балкон, но и влетел головой вперед прямо в широкую балконную дверь, по пути сбив с ног Илку, Петку и прочих сочувствующих, которые для надежности травили веревку все вместе. Так что упал он на мягкое и почти не ушибся, хотя плечи по-прежнему ломило.

Раздался скрип, в противоположной стене обозначилась светлая арка двери. В дверь просунулся охранник с масляной лампой, привлеченный грохотом и приглушенными воплями.

– В чем дело? – рявкнул он.

– Опять мальчишки подрались, – ясным голосом ответила из темноты Жданка, – уймите их, дяденька, а то они спать мешают.

Глянув на кучу-малу на полу у балкона, охранник сплюнул и захлопнул дверь.

– Я же говорил, сорвешься, – пропыхтел Илка откуда-то снизу. – Ну-ка, быстро слезли все с меня.

– А еще выламывался, козел, – мрачно поддержал Андрес.

– Варочка, ты где? Ты не ушибся? – жалобно спросила Ланка.

– Он не ушибся, – сдавленно просипел Петка, – это мы ушиблись.

А он, котяра, всегда на четыре лапы падает.

– Веревка цела? – деловито поинтересовалась Фамка.

Варка, хорошо понимая важность вопроса, сполз с помятых одноклассников, с трудом разогнулся, сел и потянул за все еще привязанную к поясу веревку. Тянуть пришлось не слишком долго.

Все остальное удалось обнаружить только утром.

Оказалось, что веревка порвалась в трех местах. Узлы выдержали, но древнее тряпье с годами явно не стало крепче. Ненадежная вышла веревочка, гнилая. Никуда бы они по ней не залезли.

Впрочем, Варка с запоздалым удовлетворением подумал, что петлю на верхний лепесток ему забросить все-таки удалось. Там она и осталась, аккуратненько затянутая. Снизу жалко болтался коротенький обрывок. Второй кусок валялся на дне рва, а третий каким-то образом перелетел через ров и гирляндой праздничных флажков трепетал на полуобнаженных ветвях деревьев Сада наместника.

Тем же утром Варка, обозленный разговорами о том, что он, мол, сорвался, велел выгнать из будуара, служившего мужской спальней, любопытных девчонок и разделся до пояса, так что все желающие могли полюбоваться его синяками. Пять багровых пятен на правом предплечье. Пять таких же пятен на левом.

– Чуть руки не оторвал, – скупо пояснил он.

– Выходит, крайны видят в темноте, – внимательно осмотрев его кожу, сообщил Илка.

– И стерегут. Днем и ночью.

Илка вяло кивнул, покосился на Варкину грудь, тощую, но с ясно выступающими мышцами, и отвернулся. Его собственные мышцы покрывал порядочный слой жира. Но тут ему пришло в голову, что все это уже не важно. Псам все равно, какое мясо, жирное или жилистое. Они все сожрут.

А ведь Варка почти смог... Но теперь веревка потеряна. И снаружи проклятый крайн. А внутри, во дворце, мантикоры. Ум человека, сила льва, яд тысячи скорпионов. Ах да, там еще и охраны полно. Но это уже пустяки, мелочи жизни. Впору героическую балладу писать. Дети против чудовищ.

* * *

Потянулись серые, скользкие, до тошноты бессмысленные дни. Илка считал их, просто чтобы не свихнуться. В покоях Безумной Анны воняло все хуже и хуже, потому что древний нужник, многие годы верно служивший безумной королеве, явно не справлялся с потребностями двадцати пяти лицейцев, несмотря на то что кормили их очень скудно. Содержимое жбана, который ближе к вечеру приносили два охранника, уже никому не казалось помоями. Ели торопливо и жадно, скорчившись над самодельной посудой, чтобы не отобрали. Сначала руками вытаскивали твердые кусочки, потом выпивали остальное. Ложка была только у Жданки с Фамкой.

Примерно на пятый день Андрес в компании с Петрусом и косоглазым Вильмом присвоили себе право делить похлебку. Спорить никто не посмел. Андрес был самым здоровым и самым старшим в классе, а Петрус немногим ему уступал.

На седьмой день случилась драка. Причина была обычная – Варка и его девчонки. Андрее отогнал от жбана Жданку и Фамку, присовокупив при этом, что не собирается кормить всякое охвостье, живущее в Норах. Варка вступился, не столько от большой любви к Фамке, сколько из ненависти к обнаглевшему Андресу. Конечно, он тут же схлопотал и от Андреса, и от Петруса, и от Вильма, но, как всегда, уперся и попытался отмахаться от всех троих. С ног его сбили довольно быстро, и Илке стало ясно, что дело кончится плохо.

Глаза у Андреса побелели от ярости, левое веко мелко подергивалось, голос сорвался на визг. Илка вдруг понял, что у Андреса не все дома. Все-таки погибший Витус был его другом.

Вступаться за Варку умный Илка не собирался. Не полудурок же он, в самом деле, в открытую лезть к Андресу. Да и какая разница, днем раньше, днем позже – для них уже все равно. Смотреть на то, как под истошный визг девчонок будут добивать Варку, ему не хотелось. Но он все же смотрел, не мог отвести взгляд.

Из-под локтя озверевшего Андреса вынырнула мелкая Жданка. Вынырнула и оказалась между кашлявшим на полу Варкой и разъяренной троицей.

– Со всеми не справлюсь, – запрокинув голову, проорала она прямо в лицо Андресу, – но одного точно порежу!

В руке она держала заточку. Очень хорошую заточку. Не слишком длинную, не слишком короткую, с удобной наборной рукояткой. Такие заточки можно было добыть только в порту, и стоили они недешево. Жданка держала ее правильно, свободно и ловко.

– А я второго, – скупно улыбаясь, сообщила возникшая рядом с ней Фамка. В ее небрежно опущенной руке, конечно, тоже была заточка. Ну еще бы, на Горе барышни не гуляют без лакея, а в Норах – без ножа.

Варка, пока они орали друг на друга, поднялся на ноги, разогнулся и качнулся в сторону Андреса, но тут в него вцепились Ланка и Светанка, что позволило ему отступить, не теряя лица. Так что на этот раз разошлись мирно, только жбан в суматохе опрокинули. Лужу никто не убирал, и она долго кисла на полу, добавив свой неповторимый аромат к могучей вони нужника, запаху немых тел и грязной одежды.

Варку курицы утащили к себе и с охами и вздохами устроили на роскошной королевской кровати. Варка не сопротивлялся. Во-первых, все болело, а во-вторых, он хорошо понимал, что обозленный Андрес может попробовать добраться до него и ночью. Врезать Варка ему все-таки успел. Крепко врезать. Так что лучше побыть немного раненым героем, хотя курицы раскудахтались невыносимо.

Фамка хотела взглянуть на Варку поближе. В последствиях уличных драк она разбиралась гораздо лучше, чем все курицы, вместе взятые. Но ее сразу же оттеснили в сторону. Разумеется, врачевать раны прекрасного принца она была недостойна. Пожав плечами, она убралась в свой угол.

– Здорово мы их, – прошептала поджидавшая ее Жданка.

– Ага, – вздохнула Фамка, – теперь не будет нам покоя.

– Зола все это, – легко отмахнулась Жданка, – отобьемся. А я и не знала, что у тебя тоже заточка есть.

Усмехнувшись, Фамка разжала стиснутый кулак. В кулаке оказалась Жданкина обгрызенная ложка.

– Умная ты, – хихикнула Жданка.

– То-то и оно, – вздохнула Фамка, – была бы дура, сидела бы сейчас дома, в Норах.

Ночью Варка почти не спал, хотя курицы и обложили его со всех сторон затхлыми сыроватыми подушками, принадлежавшими, похоже, еще Безумной Анне. После полуночи он стал склоняться к мысли, что в драке ему повредили что-то важное. Он бы стонал, но где-то в недрах огромной кровати за подушечными укреплениями сопели курицы. Так что от стонов Варка старался воздерживаться. Оставалось только лежать и прислушиваться к отдаленным звукам. Тоже полезное занятие. Андрес со товарищи мог заявиться и в девчачью спальню.

Страшно ему было, когда отец вломился домой совершенно пьяный и оттого неукротимо буйный. Варке было тогда лет пять. Сейчас бояться было просто глупо. Уж лучше Андрес с друзьями сегодня, чем мантикоры завтра. Но смертный страх перед мантикорами, висевший над ним все эти дни, как-то отступил, притупился. Остальным было проще. Они ничего не знали. Илка болтать не стал.

В соседней комнате раздался шорох, легкие приглушенные шаги и быстрый шепот. Варка похолодел. Придется драться, а драться он не мог. Дурак. Надо было попросить у Жданки заточку.

Шепот прекратился. Варка ждал шелеста отодвигаемой занавески, шагов у кровати, но вместо этого слышались мерные глухие удары и невнятное мычание. Так продолжалось довольно долго. Мычание перешло в редкие стоны, а потом и совсем заглохло. Варка, озадаченный, предпринял героические усилия, чтобы подняться и посмотреть. Но в темноте не увидел даже тяжелого парчового занавеса, прикрывавшего вход в будуар.

Должно быть, под утро он все-таки забылся, проснулся же оттого, что кто-то крепко стиснул его плечо. «Началось», – холодея, подумал Варка и попробовал открыть глаза. Глаз открылся только один, левый. Сквозь щель между распухшими веками Варка увидел широкую Илкину физиономию. Физиономия казалась до странности довольной.

– За тобой должок, красавец ты наш, – заявил Илка.

– С чего бы это? – строптиво прошептал Варка. Громкий разговор у него как-то не получался.

– А с того, что ты пока живой.

– Так это только пока. Он не отвяжется.

Смотреть на Илку было неинтересно, и глаз сам собой закрылся.

– Считай, уже отвязался, – довольно хмыкнул Илка.

– А-а-а, – протянул быстро соображавший Варка, – так, значит, это вы его ночью...

– Мы тут ни при чем, – ухмыльнулся Илка, – но, похоже, он сегодня не встанет. Пару дней будет отдыхать, не меньше. Так что жратву теперь раздает Петка. Но ты не бойсь. Твоих убогих мы не обидим.

– Темную, значит. Все на одного...

– Кто все-то? Никто ничего не видел.

Варка заворочался, разлепил оба глаза и посмотрел на Илку внимательно:

– Знаешь что...

– Знаю-знаю. Один против троих – подвиг, все на одного – подлость. Ты – герой. Я – подлец. Только от моей подлости польза, а от твоего подвига... – Хмыкнув еще раз, он окинул взглядом лежащего Варку и выплыл из поля зрения.

– Придурок, – прошептал Варка. Крыть ему было нечем. Он немного подумал и повторил: – Все равно придурок.

Глава 5

Пустые дни ползли по башне Безумной Анны вереницей тусклых слизняков, медленно и неостановимо. Илка сбился со счета. К голоду и тошнотворной вони добавился холод. Золотая осень кончилась. На захваченный Липовец пала жестокая пора предзимья. Одеты все были почти по-летнему, но топить в покоях Безумной Анны никто не собирался. Как видно, это считалось излишней роскошью, такой же, как лишняя кружка воды или свет длинными темными вечерами. Выход нашла практичная Фамка. В спальне и гостиной имелись огромные камины. Правда, тяги совсем не было, трубы оказались чем-то завалены. Но зато в гостиной было огромное окно с множеством разбитых стекол. Нижние дырки заткнули чем попало, а в верхние прекрасно вытягивало дым. Кресало нашлось у запасливого Петки. Топили сначала мебелью, потом в ход пошел старинный паркет. Вся жизнь сосредоточилась вокруг камина.

Почти две недели плена превратили их в тихих бессловесных животных. Поесть, пробраться поближе к огню, закутаться в старые тряпки и спать или цепенеть в полной бессмысленной неподвижности. Илке уже не было страшно, да и вообще стало на все наплевать. Шевелиться не хотелось, не хотелось даже есть, хотелось только, чтобы его оставили в покое.

С вялым недоумением он наблюдал, как еле различимый в вечернем полумраке Варка ковыряется, отдирая очередную паркетную плаху. В последнее время камин топили только Варка и Жданка. Как у них до сих пор хватает сил двигаться, Илка решительно не понимал. Серые смрадные сумерки висели в королевской гостиной. Серая стылая мгла колыхалась за окнами. Ветер нашел какую-то щель и ныл в ней, будто у него разболелись зубы. От особенно резкого порыва задребезжали оставшиеся стекла. С грохотом распахнулась двустворчатая балконная дверь.

Илка лениво поднял глаза, и взгляд уперся в потертые бриджи, заправленные в обшарпанные остроносые сапоги. Сзади раздался стук. Варка выронил паркетные плашки. На перилах балкона стоял Крыса, прямой и тонкий, как восклицательный знак. Полуоткрытые крылья за плечами нетерпеливо трепетали, тянули хозяина вверх.

– Встаньте, – четко, как на уроке, произнес он.

Их подняло точно ветром. Встали все, даже вконец ослабевшая Светанка, даже Андрес, которого постоянно лихорадило.

– Подойдите сюда. – На них он, как всегда, не смотрел. Острый подбородок сверлил воздух высоко над их головами.

Все двинулись вперед покорным заморенным стадом. Никому и в голову не пришло послушаться или задать какой-то вопрос. Вяло толкаясь, проходили в широкую дверь, ежась от холода, выползали на балкон.

– Быстрее, – приказал Крыса. Крылья дрогнули, раскинулись, накрыли балкон огромным шатром.

Варка потянулся вслед за всеми. Но тут ему вспомнились рыжие шершни, покорно сползавшиеся в подставленные ладони. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Ну нет. Никакой летучей нечисти он собой управлять не позволит. Варка сделал вид, что движется в общей толпе, но в последний миг нырнул вниз, под покрытие заткнутых оконных квадратов, и шустро пополз в угол между стеной и широкой рамой, где Крыса никак не мог его видеть. За собой он решительно потянул мелкую Жданку, которая кстати попалась ему на глаза.

– Ты чего, – упираясь, зашептала Жданка, – он же велел идти...

– А я велю остаться, – прошипел Варка, для верности покрепче прижав к себе ее голову, так чтобы закрыть глаза и заодно заткнуть уши.

– Все? – спросил Крыса.

– Все, – хрипло ответил Илка, считавший, что он тут вроде как за старшего.

Крыса медленно поднял и развел в стороны длинные тощие руки. Варка почему-то не мог отвести глаз от худых, хищно вытянутых пальцев. Руки резко опустились. Раздался громкий сухой треск, будто где-то рядом дали залп из пищалей. Доски вздыбились, и весь балкон со сгрудившимися на нем лицеистами с грохотом рухнул вниз.

Варка вдохнул, а выдохнуть позабыл. Так что крика не получилось. Жданка вывернулась из его объятий, не понимая, устала ли на Крысу, зависшего в воздухе над образовавшейся пустотой. Крылья дрожат, поднимая ветер, руки опущены, как после тяжелой работы, голова запрокинута. На тонких губах довольная улыбка сытого ящера.

Жданка с трудом перевела взгляд с Крысы на окаменевшего Варку. Но тот вдруг очнулся и торопливо втащил ее в пыльную щель между стеной и великолепным украшением вокруг камина. В распахнувшуюся дверь ворвался яростный Стефан во главе небольшого отряда из десятка солдат и четырех собак. Все они кинулись к тому, что осталось от балкона, и тоже уставились на Крысу.

– Что ты наделал, ты, нелюдь крылатая! – диким срывающимся голосом заорал Стефан.

Крыса приподнял левую бровь. Легкая улыбка сделалась шире и еще неприятнее.

– Исполнил приказ Его Величества об уничтожении заложников, – прямо-таки лоснясь от вежливости, разъяснил он.

Стефан схватился за голову.

– Может быть, я ослышался? Может быть, такого приказа не было? – с показной озабоченностью поинтересовался Крыса.

– Был! – рывкнул Стефан. – Но не ты... И не так... Они же теперь мертвы...

– Полагаю, да, – с глубоким удовлетворением подтвердил Крыса.

– А договор?! – взвизгнул Стефан. – Где мы теперь других найдем?! Теперь, когда все попрятались?!

Пока они пререкались, Варка обнаружил одно любопытное обстоятельство. Входная дверь осталась открытой. Очень тихо он потянул Жданку за руку и медленно, по шажочку двинулся вперед. Это была возможность спастись. Жалкая, слабенькая, но возможность. Варка хотел подойти к двери как можно ближе, а уж потом, не скрываясь, броситься со всех ног.

Когда он был на середине комнаты, то обнаружил, что на него смотрят собаки. В следующий миг они молча ринулись к нему. Жданка взвизгнула. Тут уж их заметили все. Даже Крыса снизошел до того, чтобы опустить взгляд.

С лязгом вылетели остатки стекол. В щепки разлетелись квадраты дубовых рам. Солдат разметало, прижало к стенам. Припав к полу, дико завывали собаки. Крайн ворвался в загаженную гостиную, сметая перед собой все, не щадя крыльев. Совсем близко Варка увидел искаженное яростью лицо с алыми следами свежих порезов, но тут его ухватили поперек живота как нашкодившего котенка.

Ухватили так крепко, что из легких вышибло весь воздух. Больше он ничего не видел. Кругом были крылья. Легкий сверкающий вихрь. Крылья тихонько гудели, как пчелы в огромном улье. От них пахло медом, укропом и чуть-чуть зелеными яблоками. Варка вдруг успокоился. Совсем. Хотя дышать по-прежнему было трудно.

Крылья торопились, спешили лететь, Варка летел вместе с ними, и это было настоящее счастье. Снаружи к нему пытались пробиться какие-то звуки, но они не имели никакого значения. Ни истошный крик «Руби его!», ни яростный вопль «Огонь!», ни противный свист и внезапный треск над самым ухом.

Они летели и вдруг начали падать. Варка почувствовал, что никто уже не мешает ему дышать, более того, падать тоже никто не мешает. Он заорал, попытался сам ухватиться за что-нибудь, под руку не попадалось ничего, кроме скользких перьев, а потом спина, плечо и затылок со всего маху врезались в нечто очень твердое.

* * *

В голове загудело, в спине хрустнуло, но сознание, как ни странно, осталось при нем. Варка сел, преодолевая головокружение. Было темно, потому что его по-прежнему окружали крылья, легкие, хрупкие, невесомые. Варка принялся торопливо раздвигать их. Упали... Вот это упали... Наверняка в ров. А может, и нет. Может, где-то в Садах грохнулись. Лучше бы в Садах. Из Садов сбежать проще.

Наконец голова и плечи выбрались на свободу. Варка чувствовал это, но по-прежнему ничего не видел. Вокруг висела глубокая тьма безлунной ночи. Он замер, озадаченный. Пять минут назад никакой ночи не было. Был вечер. Долгие осенние сумерки. Выходит, он все-таки потерял сознание и провалялся так несколько часов.

В темноте послышался плач. Плакали громко, отчаянно, с всхлипываниями и подвываниями.

– Эй, – осторожно позвал Варка. Далеко-далеко замаячило желтое пятно света. Оно росло, стремительно приближалось, превратилось в бледный дрожащий круг. В круге возникло белое лицо Ланки, окруженное светлыми распущенными волосами.

Варку пробила дрожь. «Выходит, я не сознание потерял, выходит, я просто помер. Ну еще бы, навернуться с такой высоты».

К рыданиям добавилась невнятная, неумелая ругань.

– Варочка, ты жив? – тонким голосом спросил дух любимой девушки. В руках дух держал самую обыкновенную масляную лампу, коптящую и давно не чищенную.

– Не знаю, – честно ответил Варка. – Где это мы?

– На кухне, – растерянно хлопая ресницами, сообщила Ланка.

– На какой еще кухне?

Ланка подняла лампу повыше. И вправду, грязноватая просторная кухня из тех, что еще сохранились в старых домах Гнезд. Слева плотно закрытое ставнями окно и заложенная засовом дверь черного хода. Справа холодный, давно не топленный очаг, два тяжелых табурета и широкий стол. На столе кувшин и какая-то снедь, прикрытая холстинкой. Кроме того, в кухне теснился весь его класс, двадцать три лицеиста в остатках школьной формы сидели и лежали на щербатых плитах кухонного пола. Светанка рыдала, свернувшись жалким комочком, Любава собиралась заняться тем же, Фионка валялась в обмороке, Андрес стоял на четвереньках и упорно ругался, Илка, сидя на корточках, с остервенением тер глаза.

– Песья кровь! – пробормотал Варка. – Как вы сюда попали?

– А-а-а, – задумчиво протянула Ланка, – все обрушилось...

– Ну да, я видел.

– И мы упали.

– Куда упали? – заорал выведенный из терпения Варка.

– Сюда, – разъяснила Ланка, – в кухню. Невысоко совсем. Все равно как со стула спрыгнуть.

– И давно вы здесь?

– Не-а. Я только заметила, что тебя нет, а тут как раз вы и свалились.

– Мы – это кто?

– Ну, ты и этот... который с крыльями.

– Откуда?

– Что откуда?

– Свалились откуда, горе мое?!

– Сверху, – сообщила Ланка и посмотрела на потолок.

Варка тоже уставился на потолок, ничего, кроме паутины, там не увидел и вдруг спохватился:

– Постой, а где Жданка? Со мной же Жданка была!

– Здесь я.

Из-под груды перьев на краю светового круга выбралась взъерошенная Жданка.

– Ай, – отшатнувшись, пискнула Ланка.

– Чего «ай», – проворчала Жданка, – я не кусаюсь.

– Да тебя саму вроде покусали. Ты же вся в крови.

Жданка подняла повыше подол рубахи. Пух и перья прилипли к кровавым пятнам на одежде, приклеились к пропитанным кровью волосам.

Варка, ахнув, вцепился в ее плечи, развернул к себе:

– Где болит?

– Нигде, – поразмыслив, ответила Жданка.

– А кровь откуда?

– Похоже, это его кровь, – заметил подошедший Илка.

Тут все зашевелились, подтянулись поближе, чтобы лучше рассмотреть крайна. Это оказалось нелегко. Мешали крылья. Они громоздились почти до потолка черной беспорядочной грудой. Наконец, потянув за длинные маховые перья, Илке и Петке удалось оттащить в сторону какой-то кусок, и они увидели руку.

Длинная рука с костлявой кистью торчала среди сломанных перьев под невысказанным углом. Сразу стало ясно – живая рука так торчать не может. Потом открылось облепленное окровавленными волосами лицо. Изжелта-бледное, совершенно мертвое. Запрокинутая голова щекой прижималась к изгибу крыла. А тела не было. Казалось, там только кровь и приставшие к ней перья. Курицы дружно взвизгнули. Ланка вцепилась в подвернувшегося под руку Илку и едва не выронила лампу.

Лампу подхватила невозмутимая Фамка, и тут все увидели вторую руку. Выбравшись из-под остатков камзола, она медленно тянулась вверх, к горлу. Пальцы дрожали, стараясь нащупать нечто важное. Нащупали, сжались и вытащили из-под жесткого ворота круглый замшевый мешочек на потертом шнурке. Мертвое лицо дрогнуло, медленно поднялись тяжелые веки, и класс впервые увидел глаза ненавистного Крысы, прозрачные, почти слепые от боли. Растерянный взгляд скользнул по испуганным лицам и уперся в Варку. Рука дернула шнурок, тот оборвался, мешочек остался лежать на протянутой к Варке ладони.

– Все свободны и могут идти домой, – отчетливо выговорил Крыса, – Ивар Ясень, Илия Илм, Илана Град, Хелена Фам – останьтесь.

Глаза потухли и закатились, рука упала, но Варка успел подхватить пухлый мешочек.

– Как это свободны? Куда домой?

Илка бросился к окну, припал к вырезанному в ставнях сердечку.

– Колокольный переулочек, – сообщил он, – прямо напротив – Птичий фонтан.

– Ну да, – вспомнила раздумавшая рыдать Светанка, – Крыса же живет в Колокольном. Я ему сюда как-то раз записку носила, от Главного мастера.

– Так это что же, мы правда можем идти домой? Вот так просто взять и идти? – заволновались слегка пришедшие в себя лицеисты.

Илка решительно шагнул к двери и, кряхтя, вытянул из пазов ржавый засов. Дверь приоткрылась. Косой Вильм выругался внезапно прорезавшимся глубоким басом.

– Вы как хотите, а я пошел, – заявил Андрес и действительно пошел к двери, цепляясь по пути за стены, стол и плечи одноклассников.

– Погодите, – Варка хотел крикнуть, но получилось что-то вроде хриплого шепота, – смотрите, чего он мне дал! Фамка, свети сюда!

– Ну и чё?! – сунулся ближе Косой Вильм.

В раскрытом мешочке на Варкиной ладони лежали узкие продолговатые зернышки с маленькими раздвоенными хвостиками.

– Разрыв-трава, – благоговейно прошептал Варка, – у отца есть три семечка. Так он держит их под замком, в шкатулке с секретом, на особой подушечке.

– Семена разрыв-травы, – припомнил начитанный Илка, – даруют обладателю полную невидимость.

– Лучше, – отрезал Варка, – тебя все видят, но никто не замечает.

– Как это? – удивилась Жданка.

– Ну, не обращают внимания, что бы ты ни вытворял. Одно семечко за щеку, и полчаса можешь делать все что угодно. Кстати, запах они тоже отбивают. Ни одна собака твой след не возьмет. На, – пихнул он мешочек Илке, – раздай всем и дуйте по домам. Тут много, на всех хватит. Где он их раздобыл – ума не приложу.

– Выходит, он всех нас спас? – тонким голосом спросила Жданка.

Но Варка на глупые вопросы отвечать не стал. Бухнувшись на колени среди изломанных перьев, стараясь отгрести их от тела крайна, он лихорадочно бормотал себе под нос: «Кровь... первым делом унять кровь... его надо раздеть, а то здесь ничего не разберешь».

– Жданка, у тебя нож был? Иди сюда, режь все это к свиньям собачьим... камзол, рубашку, все, что на нем... и перья, перья как-нибудь уберите.

– Брось, – сказала Фамка, – не тревожь его... он или вот-вот помрет... или уже помер.

– Нет еще! – огрызнулся Варка. – Жданка, режь, шевелись давай! Я щас!

Он метнулся к дальней стене и, конечно, обнаружил маленькую дверь во внутренний дворик. На улице почти совсем стемнело, но колодец находился там, где ему полагалось быть во всех домах Гнезд. Почти разрушенная каменная ограда посреди двора под ветхим, покосившимся навесом. Варка закрутил ворот так, что сразу взмокла спина. Глаза застилала злые слезы. Девчонок не было, и он позволил себе пару раз всхлипнуть. Хитрый Крыса все продумал, все подготовил заранее. И все бы ему удалось, если бы не Варкино тупое упрямство. Сам весь изранен, а у Варки со Жданкой ни царапины. Все пули, предназначенные им, попали в крайна, в крайна и его крылья.

Ворвавшись в кухню с полным ведром, Варка обнаружил, что все уже ушли. Возле Крысы возились три курицы: Ланка, Фамка и мелкая Жданка.

– А вы чего остались? – Варка с маху поставил ведро так, что ледяная вода плеснула на башмаки. – Берите зерна и мотайте отсюда.

– Куда же я пойду? – беспечно возразила Жданка. – На Болото, под мостом ночевать? Здесь лучше. Все-таки крыша есть и затопить можно.

– Я без тебя боюсь, – заявила Ланка, – пойдем вместе, ладно?

– Вообще-то он велел остаться, – напомнила Фамка, – тебе, мне, ей и Илке. Мне показалось, он это серьезно.

– Ну, не знаю. Чего оставаться-то. Наверное, он бредил. А где Илка?

– Ушел, – разьяснила Ланка. – Сказал, что здесь не лицеум, чтобы всякая нечисть ему указывала. Меня с собой звал, но я не пошла.

– Всякая нечисть, – передразнил Варка, шмыгнув носом, и вновь опустился на колени.

Курицы справились, не постеснялись убрать одежду. Впрочем, в Норах стеснительных не бывает. Без залитой кровью одежды все выглядело не так страшно. Тощее жилистое тело Крысы уже не казалось сплошной раной. Варка сбросил куртку, содрал рубашку, цепляясь зубами, разорвал на полосы.

– Намочите все! – приказал он. – Фамка, свет пониже!

Фамка стала рядом на колени, опустила лампу.

– Что у него с рукой?

– С рукой – чепуха. Выбил из плеча, когда упал. Это вправить можно. И это чепуха. В мякоть, насквозь, – бормотал Варка, водя мокрым лоскутом, смывая кровь, – это вообще царапина, кровит только. А вот это хуже. Вот она, вся кровяща-то откуда! Но тоже навывлет. Жгут пока наложить... шас... – Он скручивал, прилаживал, затягивал, жалея, что у него нет третьей руки, то и дело пуская в ход зубы. Фамка, стиснув горячую лампу, следила, чтобы свет падал на его руки. Где-то сзади часто дышала Ланка.

Вдруг Варка съежился и со всего маху врезал себе кулаком по лбу:

– Дурак, болван, скотина упрямая!

– Чего там, Варка? – Ланка придвинулась, попыталась заглянуть через плечо.

– В живот, – тихонько ответила Фамка, – я же говорила, не надо его тревожить.

– погоди, может, еще обойдется. Ты же не знаешь, чего у него там, – встряла неунывающая Жданка.

– Кусок свинца у него там! – рявкнул Варка. – Разворочено все, и выходного отверстия нету.

– Лучше бы он сразу помер, – устало вздохнула Фамка. Покойников она навиделась достаточно. Многие из них выглядели куда лучше.

– Так, – сказал Варка, поднимаясь, – шас я побегу, отца приведу. Или мать. Не побоитесь с ним остаться?

– Куда же мы пойдем? – фыркнула Жданка. – Говорено уже...

– Тогда вот что. Очнется, будет просить пить – не давать ни в коем случае. На раны – холодные компрессы и все время меняйте. Холод запирает кровь. Если не вернусь через полчаса, жгуты придется снимать вам. Ясно?

– Ясно, – послушно ответила Фамка.
– Варка, да ты же плачешь! – ахнула Ланка.
– Иди ты знаешь куда... – всхлипнул Варка и, сдернув со стола мешочек с остатком разрыв-травы, выскочил за дверь.

Глава 6

Варка со всех ног летел по Колокольному переулку. Семечко разрыв-травы кололо изнутри щеку, но придавало уверенности. Довольно быстро он начал задыхаться. Многодневный голод не прошел даром. Ноги не слушались, как после долгой болезни. Счастье, что Колокольный переулок сбегал под гору. Когда Варку с разгону вынесло на длинную прямую Либавскую, которая плавно взбиралась на Дворцовый холм, он почти сразу выдохся. Пришлось остановиться, перейти на шаг. Не помогло. Наоборот, закружилась голова. Такого с ним сроду не бывало.

Варка вытер нос рукавом, огляделся... И понял: что-то не так. Собственно говоря, все было не так. Полная темнота. Хотя сейчас вечер, самое торговое время, а на Либавской, как известно, в каждом доме лавка, а то и две. Все двери заперты, все окна наглухо закрыты ставнями. Почему-то не горит ни один фонарь. Хорошо, хоть луна взошла, светит за облаками. Светлое небо. Черный ряд островерхих домов по одной стороне улицы, черный ряд домов по другой. А между ними Варка, одинокий пешеход, один на всей длиннющей Либавской. Пустота и тишина. Куда все подевались?

Скоро выяснилось, что куда-то подевались не только люди. На месте не оказалось дома на повороте в Пустой переулок. Куча мусора, от которой ощутимо тянуло гарью, домом, безусловно, считаться не могла. Дальше – и того хуже, Дом с Цепями, лучшая в городе ювелирная лавка, превратился в обгорелый остов с пустыми провалами окон, дома слева и справа – тоже.

Варка вдруг позабыл про головокружение и бросился бежать, как никогда в жизни не бегал. Узкая, тесная Стоокая улица промелькнула как в тумане. Он свернул в Садовый тупик, резко забиравший в гору, и выдохнул с облегчением.

Родной дом как ни в чем не бывало возвышался в конце тупика во всем великолепии своей шатровой крыши, фигурных водостоков,

дюжины вертушек и флюгеров, четко выделявшихся на фоне бледного неба. Варка сразу ослабел и вновь перешел на шаг. Садовый тупик взбирался в гору очень круто, дважды мостовая переходила в каменную лестницу. Кое-как Варка дополз до родной калитки, без сил повис на ней. Калитка качнулась под его тяжестью и медленно отворилась.

Дом был темен и тих, как все дома в городе. Стучать и вообще поднимать шум Варке не хотелось. Существовал, правда, запасной путь: дерево – водосток – окно мансарды... Но мысль о том, что придется лезть на дерево, впервые в жизни не доставила Варке никакого удовольствия. Одолеть мощенную плиткой тропинку через палисадник и то оказалось трудно.

Варка добрал до порога и осторожно поскребся в дверь. Пожалуй, сам он больше никуда не пойдет. Скажет отцу адрес, а сам не пойдет. Отец и без него все сделает: раны перевяжет, пулю вытащит, куриц успокоит. Да мать теперь и не выпустит никуда. Начнет кормить, потом отправит мыться...

В доме по-прежнему было тихо. Не слышат, конечно. Варка поскребся сильнее, наудачу подергал ручку. Ручка была фигурная, в виде петушиной головы с пышным гребнем.

Петушиная голова повернулась. Дверь оказалась не заперта. В глубине дома, в лавке, коротко звякнул колокольчик. Варка возликовал и немедленно просочился внутрь. Мог бы и не стучать. Дверь у них вообще запирали редко. В дом травника могли прийти и днем, и ночью. Отец никому не отказывал. Впрочем, этого требовал устав цеха травников. Если отец слишком уставал, то к больным шла мать и всегда брала с собой Варку. Варка был до такой степени шустрым ребенком, что оставлять его одного никто не решался.

В просторной прихожей было совсем темно. Но Варке свет и не требовался. Налево – дверь в лавку, направо – коридорчик, ведущий в кухню.

– Мам! – заорал он, безошибочно нырнув в коридорчик. – Мам, вы где?

В кухне тоже оказалось темно. Спят они, что ли?

Варка шагнул к очагу, привычно нащупал лампу и кресало. Осветилась любимая кухня: стол с чистенькой скатерочкой, ряд блестящих кастрюль на полке, голубые салфетки с вышитыми рыжими

колосьями, синие кружки на крючках, расписной шкафчик с провизией. Увидев шкафчик, Варка забыл и про черный город за стенами, и про перепуганных куриц, и про Крысу с пулей в животе. В шкафчике всегда хранились остатки предыдущей трапезы, а еще свежесдобитый хлеб, сыр на тарелочке под стеклянным колпаком, масло в коричневом горшочке. Варка решительно шагнул к шкафчику, дернул дверцу, разрисованную васильками. Схватил с верхней полки увесистую краюшку и жадно впился зубами.

Зубы с размаху врезались в твердое, рот наполнила затхлая горечь. Варка поперхнулся, сплюнул, поднес хлеб к лампе. Половинка каравая, некогда мягкая и покрытая аппетитной корочкой, давно закаменела и сверху покрылась бледной плесенью. Варка сунул лампу внутрь шкафчика. На тарелочке под стеклом обнаружился целый садик. Там плесень была зеленая. Горловину горшочка с маслом тоже окаймляла зеленая плесень. Варка хотел было открыть его, но передумал. Воняло и так достаточно мерзко. Надо же, с чего это мать развела такую грязь... Сердце сжалось, навывлет прошитое страшной догадкой.

– Мама! – заорал он, одним духом взлетев на второй этаж, к родительской спальне.

...Через пять минут он снова был на кухне. Сидел на любимом высоком табурете и, уткнувшись подбородком в сцепленные руки, смотрел на лампу. Лампа горела ровно, не чадила.

Дом пуст, но все в полном порядке. Не похоже, чтобы тут дрались. Отец не такой человек, чтобы спокойно позволить себя арестовать. Значит, он ушел сам. Куда? Ну, ясное дело, узнал, что город берут приступом, и побежал на стены. Он же травник. Спасать раненых – его долг. И мать, конечно, пошла с ним. Она такая, мать-то.

Но травники гибнут редко. Хороших травников берегут. Травников сманивают друг у друга, перекупают, в крайнем случае заставляют силой. Но не убивают.

Значит, или их взяли в плен и держат в замке, принуждая работать на этого гада Иеронима, или же им удалось бежать. Но в город они, ясное дело, вернуться не могут. В городе их каждая собака знает. Что ж, какое-то время он и один проживет, не маленький. А потом надо попробовать выбраться из города и идти их искать.

Додумав до этого места, Варка немного расслабился. Свет лампы заколебался, стал расплываться. Руки разжались, и он врезался лбом в

стол с таким стуком, что эхо пошло по всей кухне. Встряхнулся, покрутил головой. Сам виноват. Нечего тут сидеть. Спать надо в своей постели. До позднего утра, а то и до обеда...

И тут на него навалилось все сразу. Это что же получается? В Колокольный-то идти некому. Они там сидят и ждут, а никто не придет. Не спасет, не успокоит, не перевяжет этих жутких ран...

Варка потер разбитый лоб, стараясь собрать в кучку обрывки мыслей. Почему-то вспомнилось, как пахли крылья: медом, укропом, зелеными яблоками...

Посидел немного и во второй раз стукнулся головой об стол, теперь уже нарочно. Переносицей врезался в край столешницы, на глазах выступили слезы, но в голове прояснилось. Тяжело вздохнув, он сполз с табурета.

* * *

Через четверть часа Варка брел по Либавской, волоча на спине большую отцовскую торбу. Торба была набита под завязку. Снизу лежал мешок сухарей, который он прихватил для голодных куриц, сверху – то, что набрал в лавке. Особо не разбираясь, он выгреб все из ларцов с пометкой «Раны», «Кровотечения», «Ушибы», «Боли». Поискал отцовский ларчик с кривыми иглами и жутковатого вида ножами и ножницами, но не нашел. Видно, отец забрал его с собой. Да и к лучшему. Варка все равно не знал, как обращаться со всеми этими блестящими штуками. В лавке больше не пахло травами. Пахло падалью. В клетке под потолком лежал мертвый спик. Две недели без воды и пищи он не протянул.

Бежать с грузом не получалось. Склянки с настойками звякали, мешочки подозрительно шуршали, готовые развязаться. Варка смотрел под ноги, стараясь идти осторожнее. Случайно подняв глаза, он вдруг обнаружил, что навстречу тоже кто-то идет.

Неясная фигура двигалась прямо посреди улицы. Пьяный, что ли? Нет, не пьяный. Идет ровно, строго по прямой, не шатается. Варка знал, что увидеть его нельзя, но на всякий случай отступил поближе к стене. Нежданный встречный прошел мимо. Все-таки пьяный. Прохожий дергался как марионетка. Дважды упал на ровном месте, но, поднявшись, продолжал неуклонно двигаться точно посередине улицы. Варка осторожненько обошел странного путника. До поворота в

Колокольный переулоч остался всего ничего. На повороте Варка обернулся и только тут узнал эту широкую спину, пухлые плечи и неопрятную всклокоченную шевелюру.

Глава 7

Воют и воют, – с тоской протянула Илана, – никак не уймутся...

Надрывный вой раздавался прямо над домом Крысы, где-то на Горе или в дворцовых Садах.

– Нас ищут, – мрачно отозвалась Фамка. Сидя на корточках над телом Крысы, она деловито меняла примочки.

Наверху, на лестнице, затопали, и в кухню скатилась Жданка с ворохом тряпья в руках.

– Бедненько живет этот ваш учитель, – заметила она, – подушки нет, одеяло жиденькое, простыня всего одна, да и та от старости насквозь светится. В сундуке, кроме мышей, только запасные штаны да рубаха.

– Ну, штаны ему теперь долго не понадобятся, – пробормотала Фамка. – ...А одеяло давай сюда. Укроем его как-нибудь. А то его всего трясет.

– Это хорошо. Трясет – значит, живой.

– А ты, краса наша неописанная, не погнушайся ручки замарать, подбрось уголька, – приказала Фамка.

Илана фыркнула, выражая полное и окончательное презрение ко всяким убогим, но потянулась к ведерку, на дне которого болтались остатки угля. Она не могла понять, как получилось, что забитая грязнуля Фамка и нищенка с Болота принялись ловко распорядиться в этом темном запущенном доме, отодвинув в сторону ее, Илану, полковничью дочь, некоронованную королеву лицеума. Она и опомниться не успела, как затопили камин, в лампу долили масла, нагрели воды в закопченном котле, отыскали и честно, на троих, разделили оставленную на столе под холстинкой еду: несколько круглых лепешек из тех, что пекут в портовых кабаках. Черствых, из плохо просеянной муки да еще и смазанных каким-то подозрительным жиром. Раньше Ланка такие не стала бы и нюхать, но после двухнедельной голодовки ела так, что за ушами трещало. Ее не остановило даже подозрение, что они присвоили сегодняшней ужин Крысы. Наевшись, она нашла в себе силы разозлиться.

Эта тихоня и подлиза Фамка стала вдруг грубой и наглой. Более того, выяснилось, что Ланку она терпеть не может. Спрашивается, за

что? Ничего плохого Ланка ей не сделала, разве что в самом начале поучила немного, объяснила, что в лицеуме неряхам делать нечего, указала дочке корзинщицы ее место.

Но выяснилось, что нахальной выскочке это место почему-то не понравилось. Впрочем, если бы не ее глупые и неуместные замечания, в кухне было бы даже уютно. Тепло, светло, безопасно. Крыса, укрытый одеялом, тихо лежал на своих крыльях и больше не смущал Ланку своим истерзанным видом. Все будет хорошо. Скоро придет господин Ясень. Ланка вздохнула. Варкин отец, знаменитый травник, был могучим мужчиной с огромной копной светлых волос, не таким красивым, как Варка, но ловким, решительным и совершенно бесстрашным. Он все устроит, и все закончится благополучно.

Вот только собаки не унимаются. Воют и воют.

– Чует мое сердце, найдут они нас, – пробормотала Фамка.

– Не-а, – бодро возразила Жданка, – ты послушай, они же до сих пор в Садах ищут. Как он нас оттуда вытащил – ума не приложу.

– Ну он же крайн, – устало прищурилась Фамка, – кто его знает, чего они могут, крайны-то.

– Крайны умеют строить колодцы, – проговорила Ланка, задумчиво глядя на огонь.

– Чего?! – на этот раз фыркнула Фамка.

– Сказка такая есть. У меня няня была родом из Пригорья, так она все время про крайнов рассказывала.

– Подумаешь, няня у нее была, – с невыразимым презрением пробормотала Фамка.

– Про что сказка-то? – азартно спросила Жданка. Она уселась рядом с Крысой и тихонько сжала его здоровую руку. Крыса, конечно же, на это никак не ответил.

Ланка снова вздохнула.

– В давние-давние времена один прекрасный и мудрый крайн влюбился в дочь князя. Юная княжна тоже полюбила прекрасного крайна. Князь же, желая выдать дочь по своему выбору, заточил ее в высокую башню, а крайна приказал схватить и бросить в подземелье, чтобы тот не смог улететь. Но крайн призвал силу своих крыльев, построил колодец из подземелья прямо на самый верх башни, где томилась юная княжна, и унес ее в свой небесный замок.

– Колодец из подземелья в башню? – фыркнула Фамка. – Снизу вверх, что ли?

Ланка пожала плечами, пошуровала кочергой в камине.

– Так говорится в сказке.

– Ага, – принялась рассуждать Жданка, легко поглаживая руку крайна, – он построил для нас колодец. Только большой. И теперь они нас не найдут. Мы просто исчезли.

– Тихо! – вдруг сказала Фамка. Вой стал иным. Сейчас это было страстное поскуливание своры, бегущей по свежему следу. И в этот миг в дверь заколотили. Громко, по-хозяйски настойчиво.

От неожиданности Ланка взвизгнула. Фамка схватила заточку и бесшумно скользнула к двери.

– Открывайте, – хрипло сказали оттуда, – вы чё, заснули, что ли?

Варка ввалился в кухню, нагруженный, как вьючная лошадь, и потный, как мокрая мышь. Впереди себя он толкал Илку.

Ланка снова взвизгнула и бросилась к ним. Илка был какой-то странный. Варке пришлось тянуть и подталкивать его, как большую тряпичную куклу, бессмысленную и безвольную. Основательный пинок отправил его на середину кухни, где он и остановился, тихо покачиваясь.

– Илка, ты что? Ты дома-то был? – Ланка схватила его за плечи, встряхнула хорошенько. – Илечка, что с тобой?

Избавившись от Илки, которого пришлось тащить в гору вдоль всего Колокольного переулка, Варка целеустремленно двинулся к столу и принялся выкладывать из торбы баночки, скляночки, сверточки и мешочки.

– А где господин Ясень? – спросила не сводившая с него мрачных глаз Фамка.

– Нету, – разъяснил он.

Фамка скривилась и больше вопросов не задавала.

– Так, – бормотал Варка, – настой тысячелистника, отвар сушеницы болотной, настой подорожника – это наружное, для пластырей, настой водяного перца, настой пастушьей сумки – это внутрь, против кровотечения. Ну и как я ему это дам, если он глотать не может? Древесный уголь, мазь из живицы и пчелиного воска, крапива сушеная – это наружное, маковое молочко – обезболивающее, внутрь, принимать с осторожностью... толченые корни кровохлебки...

это сейчас не годится, это настаивать надо... Он как, живой? – Варка поднял на Фамку измученные глаза.

Фамка кивнула.

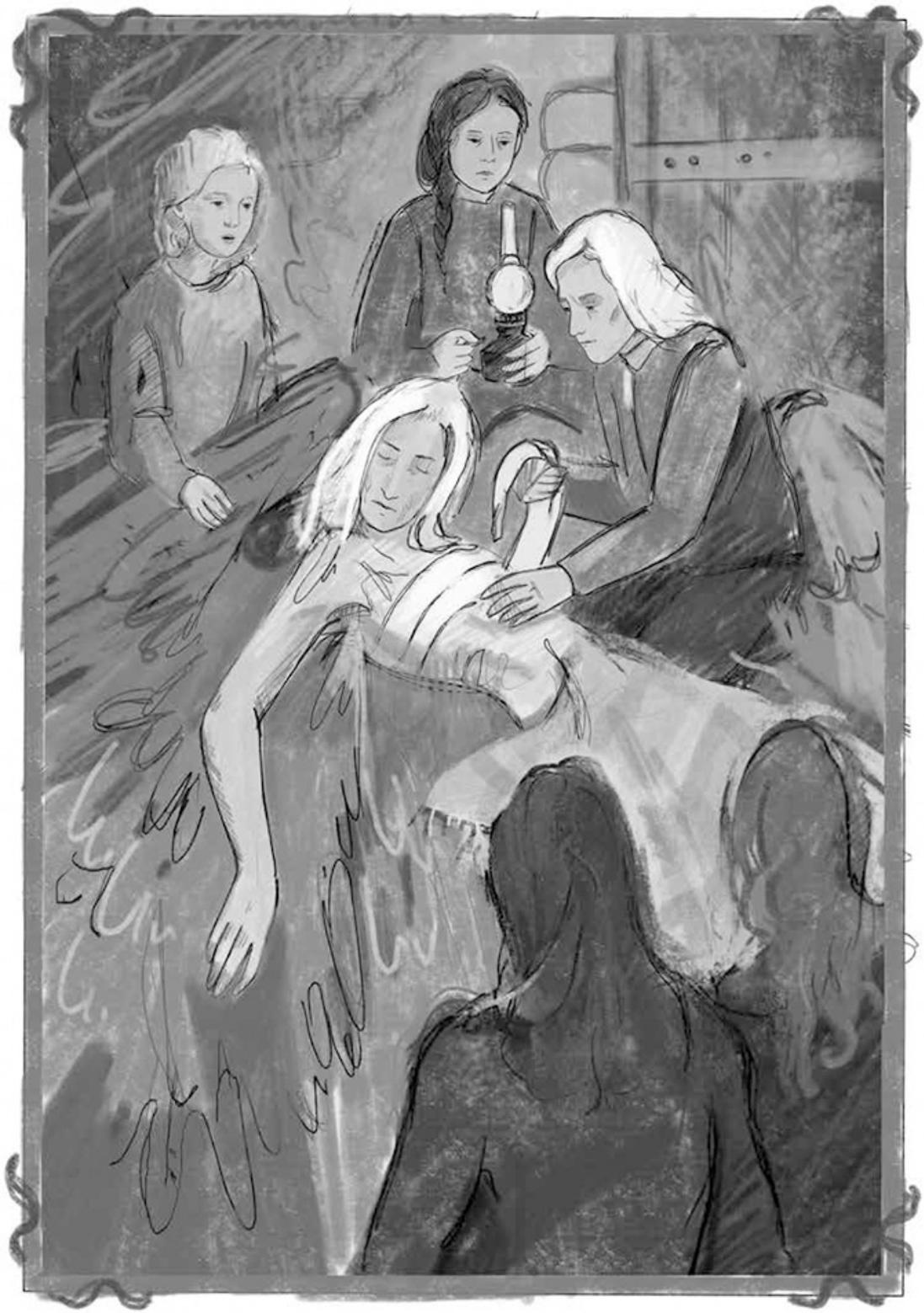
– Дышит, – подтвердила Жданка, по-прежнему сжимавшая безвольную руку крайна.

Варка с ужасом глядел на стол, уставленный лекарствами. Сию минуту ему предстояло лечить смертельно раненного, а он не знал – как. То есть кое-что он, конечно, знал, но это была такая малость... Может, лучше послушаться Фамку и оставить все как есть, не мучить умирающего...

– Горячую воду давай, – сказал он Фамке, уставившейся на него своими черными глазами, – и сама руки вымой. Будешь помогать.

Фамка моментально подчинилась. Варка был серый от усталости и встрепанный, как драный портовый кот. Глаза у него горели, как у того же кота, и подбородок торчал решительно. Он явно знал, что делает.

– Режь бинты, доставай из торбы корпию. Щас будем накладывать пластыри и перевязывать.

- А с пулей как? – тихонько спросила Фамка.
- Потом, – отрезал Варка, – сначала то, что я наверняка умею.

* * *

Возились они долго. Мелкие порезы, сильно кровоточившая рваная рана у основания шеи над ключицей, широкая сквозная рана на бедре... Варка был уверен, что задета кость, но сделать с этим ничего не мог.

Ланка им не помогала. Она уговаривала и успокаивала Илку, который молча, но настойчиво порывался куда-то идти.

– Так, – сказал наконец Варка, сгибом локтя стирая пот со лба, – с этим все. Жданка, дышит он?

- Дышит.
- Тогда займемся рукой.
- А как же...
- Потом.

Варка покосился на труды своих рук – вкривь и вкось наложенные повязки, шмыгнул носом и поглядел на Фамку:

– Вывихи вправляла когда-нибудь?

– Вправляла, – успокаивающе кивнула Фамка, – не такие страшные, но вправлять умею.

– А я не вправлял. Только смотрел, как отец вправляет. Тут вот какое дело. Надо медленно повернуть, найти нужное положение, а потом нажать, осторожно, но сильно. Отец – мужик здоровый, он это играючи делает. А нам с тобой придется вместе. Ты берись ниже локтя, а я за предплечье.

Фамка снова кивнула. На язык просились слова: «Кончай над ним измываться... Лучше дай чего-нибудь, чтоб помер поскорее и без мучений». Но она сдержалась. Крыса без сознания, все равно ничего не чувствует, а Варка сейчас похож на летящее к цели копье. Становиться между ним и целью явно не следовало. Она покорно взялась за холодную, совершенно безжизненную руку. Скрюченная кисть с начинающими синеть ногтями безвольно откинулась в сторону.

– Давай! – скомандовал Варка, цепенея от страха. Правильно ли они делают, он понятия не имел.

Раздался резкий щелчок. Жданка вздрогнула.

– Получилось? – спросила Фамка.

– К-кажется, получилось. – Варка сел на пятки, закрыл глаза, помотал головой, так что волосы упали ему на лицо.

Жданка, едва прикасаясь, погладила распухшее плечо, принявшее наконец нормальное положение, бережно уложила руку вдоль тела.

– Закрепить надо, – пробормотал Варка и потянулся за бинтом.

Он откладывал мучительный момент, когда придется заняться той раной. Фамка убрала временный пластырь, наложенный слева, под выступающими ребрами. Варка тупо уставился на сгустки крови, окруженные развороченной плотью. Почему несчастный Крыса до сих пор жив? Как и чем он живет? Дыра ничуть не меньше, чем те, в простреленном королевском знамени. Пулю не достать. Зашить все это он не сумеет, да и нечем. Выходит, придется оставить все как есть, только перевязать. Заражение неизбежно. Да и жить с пулей в кишках весьма затруднительно. Вряд ли даже крайны такое могут.

– Плохо, – сказали у него за спиной. – Но бывает и похуже.

Варка резко обернулся и оказался нос к носу с Ланкой.

– А ты-то откуда знаешь? – пренебрежительно обронила Фамка.

– Мы с матерью, – надменно объяснила полковничья дочь, – состоим в дамском обществе «Белая роза».

– Ну и чё? – немедленно ошетибилась Фамка.

– Это общество покровительства королевскому госпиталю, – снисходительно улыбаясь, пояснила Ланка. «Тебя, убогую, туда и на порог не пустили бы, – злорадно подумала она. – И не лезь к Варке. Тоже, помощница нашлась». Честно говоря, эту самую «Розу» Илана терпеть не могла. Заседания – невыносимая скучища, единственное развлечение: разглядывать чужие наряды.

Посещения госпиталя – и того хуже. Отвратительный запах, бинты в желтых пятнах гноя и ржавых – крови. Вонючие, косматые, страховидные раненые, сквернословящие даже в присутствии благородных дам. Да и жалко их, раненых-то. Так что попыткам матери таскать ее туда раз в неделю Ланка сопротивлялась как могла. Никак не думала, что такое может пригодиться в ее чистенькой, хорошо устроенной жизни.

– Куда уж хуже, – пробормотал Варка.

– Вот если бы оттуда сочилась черная жижа и запах был бы дурной, тогда – все. А тут только кровь.

– Только кровь, – тупо повторил Варка.

– Может, ничего такого не задето? Может, пуля снизу вверх прошла?

– Ну да, ну да, – забубнил Варка, – конечно, снизу вверх, он же взлететь пытался, и если проследить по направлению разрывов... – Очень осторожно он развел края раны. Вдруг перед глазами мелькнула маленькая замурзанная ручонка. Худые цепкие пальцы нырнули в мешанину из сгустков крови. Сдавленно охнув, Варка схватил невесть откуда взявшуюся руку и отдернул ее.

Тут ахнула не только Ланка, но и суровая Фамка. В окровавленных пальцах Жданки был зажат бесформенный кусочек свинца.

– Ты чё, убогая, – зарычал Варка, – совсем умом тронулась?! Ты чего творишь?!

– Я пулю достала, – сияя, сообщила Жданка, – ведь это же пуля, правда?

– Пуля! – простонал Варка. В голове вихрем пронеслось: грязь, заражение, антонов огонь. У отца один больной умер от антонова огня. Варка видел, во что он превратился и как мучился перед смертью.

Тут прямо перед ним возникла скляница с очищенной виноградной водкой. Скляницу держала Ланка. Варка вцепился в прозрачный пузырек как в якорь спасения, щедро плеснул и на рану, и вокруг нее. Делать этого было нельзя. Человек в полном сознании на стену полез бы от боли, но Крыса даже не вздрогнул. Впрочем, он, кажется, уже и не дышал. В безумной спешке Варка скрутил огромный бесформенный пластырь, пропитав его всем, что только пришло в голову и казалось подходящим к этому случаю, наложил на рану, перевязал. Зашивать он не умел, да и не знал, честно говоря, что к чему там надо пришивать. Все... Варкины знания и умения давно закончились. Крыса, весь в бинтах, походил на длинную гусеницу в белом коконе.

– Дышит?!

– Дышит, – тонким голосом ответила Жданка.

– Укройте его. Где-то тут было одеяло.

Варка попытался встать. Ничего не вышло. Оказывается, от долгого стояния на коленях ноги затекли так, что он их почти не чувствовал. Куртка была мокрой от пота. Ледяные ручейки стекали по ноющей спине. Камин, о котором все забыли, потух, и в темной кухне вновь стало холодно.

Фамка подхватила Варку под мышки, помогла подняться и оттащила поближе к камину. У камина обнаружился Илка. Он сидел на табурете, смиренно положив руки на колени, и мерно раскачивался из стороны в сторону. Из уголка приоткрытого рта змеилась влажная дорожка слюны.

Подошла Фамка, сунула Варке в левую руку кусок лепешки, в правую – сомнительной чистоты глиняную кружку. Варка жадно хлебнул и закашлялся.

– Ты чего туда намешала?!

– Водку твою развела, – спокойно объяснила Фамка, – правильно развела, ты пей, не сомневайся. Тебе сейчас надо, а то свихнешься еще. Хватит с нас одного Илки.

Варка прислушался. Все было тихо. Собачий вой отдалился, доносясь откуда-то снизу, со стороны Слободки. Варка поморщился, залпом осушил кружку и тут же заснул с куском лепешки в руке.

* * *

Его трясли за плечи. Трясли изо всех сил, так что голова моталась из стороны в сторону. В уши ввинтился какой-то ужасный звук. Варка замычал. Глаза никак не открывались. Тогда его сильно ударили по щеке. Варка выбросил вперед кулак, стараясь отмахаться, и попал в мягкое.

– Дурак! – пискнуло мягкое. – Проснись! Да проснись же ты, наконец, урод несчастный.

Варка слегка обиделся. Уродом его еще никогда не обзывали.

– Зачем? – спросил он, не открывая глаз. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы отвязалась приставучая Ланка и прекратился этот невыносимый звук.

– Вставай! – в самое ухо рявкнула Фамка. – Они нас нашли!

Варка вскочил как встрепанный. Слова «они» и «нашли» тут же связались в его голове со сверлящим уши звуком. Звук был надсадным собачьим воем.

– Где они?

Прямо за дверью послышались возня и царапанье. Точно, нашли по Илкиным следам. Кто его знает, сколько и где он гулял по городу, а семечко действует всего полчаса.

Варка прыгнул к двери, проверил прочность засова. Должно быть, мантикоры учуяли его, вой взвился вверх, достигнув самой высокой ноты.

– Бегите! – заорал он, оглядываясь в поисках какого-нибудь оружия. Ведро не годится, табуретка слишком тяжелая... о, кочерга. Кочерга – это то, что надо.

– Догонят, – не двигаясь с места, отозвалась Фамка.

Ланка кинулась к Илке и попыталась стащить его с табуретки. Илка сидел как мешок и явно не понимал, чего от него хотят.

– В твоих лекарствах вроде маковое молочко было? – спросила Фамка. – Склиницу на пятерых разделить – за глаза хватит. Чтобы сразу... чтобы они не могли...

В дверь врезалось тяжелое тело. Засов громко лязгнул, но скобы выдержали.

– Тише, – вдруг сказала Жданка, по-прежнему сидевшая возле крайна, – он говорит.

– Чего? – Варка, не сводя глаз с двери, покосился на крайна. – Не может он говорить. Он без сознания. А был бы в сознании – не говорил бы, а орал от боли.

– Но я же слышу... – растерянно возразила Жданка.

Мощный удар в окно. Зазвенело разбитое стекло, лязгнула оконная решетка.

Варка пригляделся. Бледные губы крайна не шевелились.

– Дура! Беги! Не может он говорить!

– Должно быть, это у меня в голове...

– Труха у тебя в голове!

– Он говорит: «Они здесь. Мне их не сдержать. Сестренка, беги!»

– Правильно! Беги, дура несчастная!

– А куда бежать-то, не говорит? – злобно поинтересовалась Фамка.

– Говорит... Только как-то непонятно. Двор... колодец во дворе...
перо – ключ колодца.

– Крайны умеют строить колодцы, – дрожащим голосом произнесла Ланка.

– Ага, – сказал Варка, – колодцы... Это они умеют... – Легенды Пригорья были ему знакомы с раннего детства.

В дверь ударили так, что скобы зашатались в своих гнездах и засов едва не вылетел.

– Ага. Стало быть, двор, а во дворе у нас, конечно же, колодец. Где ж ему еще быть...

Варка подхватил с пола перо, сунул Илке за пазуху, еще одно перо вручил Ланке.

– Бери нашего умника. Он тебя вроде слушается. Во дворе колодец. Его спихнешь, потом сама прыгнешь. Перо из рук не выпускай.

– С ума сошел, мы же потонем!

Ставни с треском распахнулись. За погнувшейся решеткой возникла оскаленная морда, вцепилась зубами в погнутые прутья.

– Лучше в воду, чем мантикоры, – сказала Фамка.

Ланка охнула и, шепча что-то успокоительное, потянула Илку к выходу во внутренний дворик.

Варка кинулся к крайну и попытался приподнять его за плечи. Тощий на вид Крыса показался ему каменно тяжелым. На помощь подоспела Жданка, но толку от нее было мало.

– Бери перо и давай за ними, – заорал Варка, но она только упрямо замотала головой.

– Надо на одеяло его перекатить и тащить на одеяле, – перекрывая собачий вой, крикнула Фамка, – только как же с крыльями? Они же в дверь не пролезут.

– Пролезут как-нибудь, – сквозь зубы процедил Варка.

Под скрежет, грохот и вой, доносившиеся снаружи, они кое-как отвели в сторону упругие шелковистые перья, расстелили одеяло и осторожно, в четыре руки, повернули Крысу на бок. Жданка вскрикнула так отчаянно, что Варка решил – не выдержала дверь. Но дело было не в двери.

Левое крыло легко отделилось от тела крайна и осталось на полу, истерзанное, искореженное, мертвое. Правое медленно потянулось за Крысой, раскрылось, и они увидели оставленные свинцом рваные дыры. Крыло было сломано и держалось на нелепо торчащих тонких косточках и окровавленных лоскутах кожи. Варка в ужасе уставился на эти разрушения.

Дверь содрогнулась, скобы засова вылетели с визгливым скрежетом.

– Нож! – чужим хриплым голосом крикнул Варка. Жданка сунула ему заточку, и он, зажмурившись, с размаху полоснул по тому, что еще связывало крыло с бесчувственным телом.

Дверь распахнулась настежь. Варка схватил стоявшую на полу лампу и швырнул в самую середину груды перьев. Масло расплескалось. Облитые им мертвые крылья вспыхнули почти мгновенно. Между Варкой и визжащими от нетерпения мантикорами встала стена огня.

Варка стукнул по затылку ошалевшую Жданку, пихнул в бок Фамку, и они наконец выволокли тяжеленного крайна во внутренний двор, к колодцу. Варка ногой захлопнул маленькую дверь, хотя понимал – надолго ее не хватит. У низкого, в два кирпича, бортика колодца, скорчившись, тихо подвывала Ланка. Рядом, слегка покачиваясь в ритме ходьбы, стоял Илка. Стоял он удобно, и Варка, не задумываясь, с разбегу толкнул его в спину. Илка свалился как подкошенный. Разглядывать, что там с ним случилось, было некогда. Отправить в колодец Ланку оказалось гораздо труднее. Она визжала и отбивалась. Варка и не думал, что она такая сильная. Но опыт драк у Варки был гораздо больше, дело решила вовремя подставленная подножка. С Фамкой и Жданкой драться не пришлось. Они молча взяли по перу, крепко обнялись и вместе шагнули в темноту.

В слуховом окне покинутого дома показался зловещий оранжевый отблеск. Дверь во дворик вылетела, и сквозь ярко освещенный огнем проем к Варке рванулись безобразные черные тени. Варка завопил дурным голосом и, вцепившись в Крысу, вместе с ним перевалился через бортик в сырую холодную пустоту.

Глава 8

Варка набрал побольше воздуха, зажмурился, приготовившись к удару о ледяную воду, и с размаху ткнулся лицом в жесткое и колючее. Глаза открылись сами собой. Перед лицом маячили какие-то черточки... Сухие травинки. На травинках росли хрупкие белые кристаллы. Травинки дрожали, и кристаллы сыпались с них, исчезали, таяли от тепла дыхания.

«Иней», – сообразил Варка, сразу же покрылся гусиной кожей и сел. Руки впились в промерзшую землю. Перед ним простирался длинный голый склон, плавно опускавшийся в туманную даль, окутанную сумерками хмурого утра. Из склона торчали пучки мертвой травы, густо опушенные инеем. Над травой медленно влачили сизые валы низких снеговых туч.

Варка посмотрел направо, посмотрел налево. Ничего, кроме туч, убитой морозом травы и тумана. Холодом веяло от них, холодом, отчаянием, смертью...

Подумав о смерти, Варка торопливо обернулся. Погони не было. Ни темных теней, ни жуткого воя, ни горячего звериного дыхания.

Сзади оказалось дерево. Страшное, безнадежно мертвое. Серебристо-серый ствол, лишенный коры и тонких верхних веток. При жизни дереву тоже, должно быть, пришлось несладко. Под напором вечных ветров ствол изогнулся причудливой спиралью. Корявые сучья тянулись к небу, безответно моля о помощи.

Под деревом, прислонившись к стволу, в обнимку сидели Илка и Ланка. Оба дрожали так, что зуб на зуб не попадал. Варка усмехнулся. Еще месяц назад Илка был бы на седьмом небе от счастья, если бы прекрасная Илана снизошла до того, чтобы обнять его за шею да еще и погладить по голове... Теперь же на его широком, посиневшем от холода лице отражалось только тупое равнодушие.

У ног парочки лицом вниз лежал крайн. Лежал смирно, никому не мешал, стонать и разговаривать не пытался. Кто-то заботливо завернул его в одеяло.

– Куда мы провалились? – дрожащими губами спросила Ланка.

Варка дотянулся до дерева, оперся на него и встал. Ноги тряслись, но слушались.

– Не знаю. Наверняка мы где-то за городом.

– Ужас какой!

– Ужас был да весь вышел. Живые, не утонули, от погони оторвались – чего тебе еще надо?

– Холодно.

– А ты не знала, что скоро зима? Сейчас чернотроп идет. На что ты вообще надеялась?

– Я думала, здесь будет настоящий дом крайна. Этот... небесный замок. А тут... – Ланка растерянно огляделась.

– А что тут?

– А тут мы замерзнем.

Варке пришлось признать, что она права. Сидеть здесь – неминуемо замерзнуть.

– Не бойсь, – сказал он бодро, – щас пойдем, деревню какую-нибудь отыщем. Это же спуск к Либаве, правильно? Значит, рядом либо Большие Котлы, либо Мотыли, либо Коровье. Главное – договориться, что им врать.

– Что ты, Варочка, – жалобно протянула Ланка, – какие Мотыли... Ты во-он туда посмотри.

Варка посмотрел. Поросший бурой травой склон упирался в серую городскую стену. Но он тут же понял, что ошибся. Никакая это была не стена. Почти по отвесу вверх до самых медленно текущих туч поднимались скалы. Серые, неровные, со вспухшими белыми жилами другой породы, прорезанные наискось идущими разломами. У подножья скал громоздились кучами или торчали поодиночке громадные камни. Будто сорвались сверху в незапамятные времена, да так и остались, разбитые, обглоданные ветром и временем. Из трещин между камнями торчала трава и низкие кусты, колючие даже с виду.

– Горы какие-то, – пробормотал Варка, – откуда у нас на Либаве горы?

Интересно, какой глубины бывают колодцы? Кто их знает, чего они умеют, эти крайны. Куда их забросил господин Лунь по прозвищу Крыса?

Крыса лежал тихо, дышал слабо и часто, и никакого внятного ответа дать, конечно, не мог. Варка растерянно озирался, медленно коченея в тонкой куртке на голое тело. Между камнями мелькнуло что-

то живое и яркое. Он прищурился. Из-за камней выскочила Жданка, заплясала босыми ногами по холодной земле.

– Давайте сюда! Мы дом нашли!

* * *

Жданкины понятия о том, что такое дом, сильно отличались от Варкиных. Чудом втиснувшись между грудками камней, к скальной стене прилепилось убогое сооружение: крылечко в две доски, слепое окошко, больше похожее на квадратную дырку, дерновая крыша, просевшая посредине. Если бы не скала, угрюмо подпиравшая его сзади и, как видно, служившая четвертой стеной, домишко бы совсем завалился. Он был явно брошен, и брошен давно. У крыльца густо росла трава. Ни тропинки, ни торной дороги. Но над трубой вился робкий дымок, и это сулило надежду на тепло.

Внутри и вправду оказалось куда теплее, чем снаружи. Вместо обычного для Липовца открытого очага здесь половину хижины занимала печечка с широкой лежанкой. У печки возилась Фамка, сердито поджав губы, крушила Жданкиным ножом какую-то деревянную рухлядь. За приоткрытой заслонкой плясало рыжее пламя. Варка осмотрелся. От двери до лежанки пять шагов, пол земляной, потолка нет, только старые доски крыши, на которые положен дерн. Вплотную к окошку придвинут колченогий стол, на столе красуется битком набитая Варкина торба.

– Фамочка, – умилился Варка, – когда ж ты успела?

– Я еще раньше ее собрала. Пока ты спал, – спокойно объяснила Фамка. – Ясно же было, что оттуда все равно придется удирать.

– Фамочка, милая... Ну хочешь, я тебя поцелую?!

– Совсем сбрендил! Отвали, придурок! – сказала Фамка грубым голосом и поспешно отвернулась к печке. Щеки горели, а в душе шевелилось сожаление. Мог ведь и вправду поцеловать...

Крайна устроили на лежанке. Илку затолкали подальше в угол, чтобы не дергался и не пытался уйти неизвестно куда.

Варка собственноручно закрыл дверь, пристроил в перекошенные пазы тяжелый засов.

– Завтракать будем? – спросил он, но оказалось, что курицы спят. Как сидели у печки на холодном полу, так и заснули, сбившись для

тепла в кучу. – Во дают! – пробормотал Варка, широко зевнул, втиснулся между Ланкой и теплым печным боком и закрыл глаза.

* * *

– Вот, – сказала Фамка, – больше ничего нет.

На шатком столе у окна были разложены все их припасы. Полфунта Варкиных сухарей. Полфунта крупы-черняшки, краюха хлеба, три вяленых леща, фунтик соли и головка чеснока, добытые на кухне Крысы. Начатый пакетик тянучек, обнаруженный Жданкой в его же кармане.

У стола стояли четверо. Табуретка в хижине нашлась только одна, и на ней, прислонившись к печке, сидел Илка.

– На сколько нам этого хватит? – спросил Варка. На него глядели три пары глаз: чернящие Фамкины, ярко-голубые, как у фарфоровой куклы, Ланкины, зеленые с веселыми рыжими крапинками Жданкины. Глядели они напрасно. Варка не умел ни рассчитывать, ни экономить.

– Если тратить как у нас в Норах, то надолго, – проворчала Фамка.

– А как у вас в Норах? – Варка искренне надеялся узнать способ растянуть полфунта крупы на три недели.

– Ну как-как, – усмехнулась Жданка, – сначала не едят, потом погодят, а потом опять не едят.

Варка тяжело вздохнул, горько сожалея о том, что половину запаса сухарей они сжевали вчера.

Вчера вечером они проснулись от жуткого воя. Варка бросился к слепому окну. За окном в темноте что-то смутно белело. Вой перешел в веселый разбойничий свист. Озадаченный, он рискнул слегка приоткрыть дверь и получил в лицо порцию мокрого снега. Выла метель. Выла, свистела, редела, штурмуя неприступные скалы. Варке стало легко, уютно и радостно. В такую погоду их наверняка никто не найдет.

Снег оказался кстати. Вместе с кресалом Фамка отыскала на печке кружку, ложку и маленький котелок с крышкой. Они топили снег в котелке и пили по очереди, заедая теплую воду белыми домашними сухарями. Попутно выяснилось, что Илка не может есть. Приходилось размачивать сухарь в воде и кормить его с ложечки. Попытались дать воды крайну, но удалось лишь смочить ему губы. Он по-прежнему был

без сознания и к тому же весь горел. Как Варка и опасался, открылась жестокая лихорадка.

Из мебели, кроме стола и табуретки, в хижине нашлась широченная деревянная лавка, насквозь проеденная древоточцем. Ее хватило как раз на три топки. Варка понимал, что за топливом придется идти прямо сейчас. С едой дела обстояли немного лучше. Так сколько можно протянуть на трех рыбках и горстке крупы?

Курицы ждали. Уж лучше пусть Фамка делит. Но тогда в нее непременно вцепится Ланка, начнется глупый бесконечный спор, который наверняка кончится слезами... Хоть из дому беги... А бежать, между прочим, некуда.

– Три дня, – решительно сказал он, разгребая крупу на три равные кучки, на каждую положил по рыбке и ломтю хлеба, отсчитал десяток сухарей.

– А потом? Что изменится за три дня? – уныло спросила Ланка.

– Ты думать не пробовала? – поинтересовалась Фамка. – Попробуй. Это совсем не больно.

– Тут кто-то жил, – принялся объяснять Варка в надежде погасить ссору, – и, небось, не голодал. Ел что-нибудь. Вокруг никаких полей и огородов. На этих камнях расти ничего не будет. Стало быть, еду он приносил с собой. Пусть пастух или охотник, но кашу он из чего-то варил. Значит, люди должны быть не очень далеко. А где люди, там и еда.

– И эту еду у них можно выпросить, – радостно подхватила Жданка.

– Или украсть, – буркнула Фамка.

– Купить, – наставительно заметила Ланка, – ну и нравы у вас в Норах.

– Чтобы покупать, надо сначала заработать, – сказал Варка, – когда прояснится, залезу повыше, посмотрю, как там и что.

– А если там ничего нет? – вдруг брякнула Ланка. – Что, если мы в Ином мире?

– В каком таком ином мире? – безмерно удивился Варка.

– В мире Мертвых. Или в каком-нибудь еще. Вокруг только снег и туман, а за туманом ничего нет. Кто знает, что могут крайны...

Целую минуту Варка обдумывал Ланкины слова. Вчера она оказалась права. Что, если она права и на этот раз?

– А погода такая же паршивая, как у нас зимой, – заметила Фамка, – и есть точно так же хочется. Как там в мире Мертвых насчет еды?

Варка потряс головой.

– Когда конфетки делить будем? – деловито поинтересовалась Жданка.

– Надо же, – Ланка кончиком пальца коснулась помятого бумажного фунтика, – Крыса любит тянучки. С ума сойти.

– А чего вы его крысой зовете? – спросила Жданка.

– Похож, – вяло отозвался Варка. Он пытался разглядеть сквозь оплывшее запотевшее стеклышко, что там, на улице, снег или уже дождь. – С крыши капает. Пойду, котелок подставлю.

– Чем это он похож? – не унималась Жданка.

– Хвостом, – объяснила Ланка и тут же осеклась. Пресловутый хвост, слипшийся в сплошной колтун из крови, волос и мелких перьев, она собственноручно отрезала почти под корень и отправила в печку вместе с так раздражавшим ее шнурком от ботинка.

– Он красивый, – сказала Жданка, пристраиваясь возле лежанки и уже привычно поглаживая неподвижную руку, – и добрый. А вы все – крыса, крыса...

– Ну ты и ляпнула, – восхитилась Фамка, возившаяся у печки, – добренький-красивенький!

– А как, по-твоему, его называть? – поинтересовался Варка. – Господин учитель, как в классе?

– У него же имя есть. Рарог Лунь.

– Есть-то оно есть, – раздумчиво протянул Варка, размышляя, чем все-таки топить печку вечером. Так, кажется, были какие-то кусты... Если нарезать очень много...

– Нет, вы просто уроды какие-то! – со слезами на глазах вскрикнула Жданка. – Он дважды спас нам жизнь, а вы, вы...

Она вскочила, сжала кулачки, пегие волосы смешно встопорчились, вздернутый носик покраснел от возмущения.

– Тихо, – сказала Ланка, – ти-хо. Ты сядь, успокойся.

Она неловко приобняла Жданку за плечи, усадила на прежнее место у лежанки.

– Не будем его так называть. Только не реви...

– Конечно, не будем, – согласился Варка. Обижать Жданку ему не хотелось. – Рарог Лунь Ар-Морран из серых крайнов Пригорья – немножко длинно, но красиво.

Глава 9

Два дня лило не переставая. Мокрый снег сменялся дождем. В глубине души Варка был этому рад. С чистой совестью можно было ничего не делать, никуда не бежать и ни о чем не беспокоиться. К утру второго дня крайн начал стонать, метаться, бормотать неразборчиво. Варка даже думать не хотел о том, насколько ему больно. Стиснув зубы, он влил в обметанный черными корками рот убойную смесь из настойки водяного перца, сушеного тысячелистника, отвара корней кровохлебки и стеблей пастушьей сумки (хоть что-нибудь да поможет), а потом заставил проглотить ложку раствора макового молочка. Молочко, во всяком случае, помогло. Стоны прекратились, но вытянувшееся в неподвижности тело продолжал сжигать безнадежный сухой жар. Сбить его не удавалось. Напрасно Жданка хлопотала с холодными примочками на лоб и руки. Вечером действие обезболивающего кончилось, и Варка повторил всю процедуру снова, только на этот раз крайн пытался увернуться от кружки с микстурой, невнятно ругался и отплевывался. Курицы решили, что ему полегчало, но Варка-то знал: эта микстура – такая мерзость, что даже мертвый плевать начнет.

Дозу микстуры получил и Илка. «Помогает при душевных потрясениях», – объяснил Варка преданно глядящим курицам.

– А почему он такой? – жалобно спросила Ланка.

– Видел что-то страшное.

– Ну и что? – удивилась Жданка. – Мы тоже много чего страшного видели.

– Что-то очень страшное. Что-то, чего не смог вынести.

– Говорили ему – не ходи домой, – пробормотала Фамка, – но он же у нас самый умный...

«Был умный», – подумал Варка, но вслух ничего не сказал.

Лекарство помогло лишь отчасти. Илка вспомнил, как надо держать ложку, и смог самостоятельно сходить по нужде, но по-прежнему никого, кроме Ланки, не узнавал и молчал как каменный.

Все остальное, свободное от лекарских обязанностей, время Варка тихо отдыхал у печки. Фамка, напротив, усиленно занялась хозяйством. На ее взгляд, лачуга была куда лучше, чем прежнее жилье

в родимых Норах. Печка не дымит и хорошо держит тепло, в стенах никаких щелей, по полу не дует, крыша не течет.

За печкой обнаружилась узкая, плотно пригнанная дверь. Оказалось, что между задней стенкой дома и скальной стеной устроен чуланчик. В чуланчике нашлась на две трети полная корзина с углем и куча обломков какой-то древней мебели, явно годящейся только на дрова... Этому известию несказанно обрадовался Варка, которому до смерти не хотелось идти искать топливо под проливным дождем. Кроме того, среди хлама валялись большой грязный котел и старинный медный чайник без ручки. Тут возликовала Фамка. Готовить на всех в крохотном котелке было очень неудобно. То, что готовить придется ей, было ясно с самого начала.

Под трухлявыми досками оказался здоровенный сундук. Как он сюда попал, такой большой и добротный? Сундук был прочный, красивый, наверняка городской работы. Фамка поднатужилась, приподняла массивную крышку, подперла подходящей палкой. В лицо пахло прелой овчиной и слежавшейся кожей. Фамка храбро нырнула внутрь и вытащила огромную охапку тряпья.

Добычу рассматривали все вместе в слабом свете, едва проникавшем сквозь окошко. Во-первых, разлезшийся по всем швам овчинный кожух. Высокому мужчине, на которого был пошит, он, верно, доходил бы до колен. Но даже длинный Варка шагу не мог ступить, чтобы не споткнуться о волочащиеся полы. Поэтому овчину решили постелить перед печкой. Спать на голом полу было не слишком приятно. Во-вторых, две мохнатые шапки. Козий мех лез из них ключьями, велики они были решительно всем, но, как ни крути, тоже теплая одежда. Венцом всего оказались здоровенные рукавицы и толстая овчинная безрукавка.

В безрукавке, которая била его по коленям, в то и дело сползавшей на глаза шапке Варка и отправился на поиски людей. На причитания Ланки и мрачную просьбу Фамки не заходить слишком далеко он не обратил ни малейшего внимания.

* * *

Прежде всего следовало найти не людей, а воду. Снег растаял, дождь кончился, а вода, ясное дело, нужна каждый день. Впрочем, из-за этого Варка не очень беспокоился. Какой дурак станет строить

жилье далеко от воды? Источник, речушка, колодец – что-нибудь да найдется.

И вправду, нашлось. Варка, не особо чувствительный к красотам природы, остановился, раскрыв рот, начисто позабыв, зачем пришел. В десяти шагах от лачуги скалы расступились, и открылся вид на черную от влаги горную стену. Со стены, пенясь, пузырясь, журча, сплетаясь и расплетаясь, падало не меньше сотни мелких ручейков, крохотных водопадов, широких белопенных струй. Потоки пели, каждый тянул две-три звонких журчащих ноты. Ущелье переполняла живая музыка. Внизу ручьи собирались в мелкое озерцо и исчезали под камнями. Солнца не было, но и без солнца зрелище завораживало настолько, что Варка вспомнил Ланкины рассуждения о другом мире. Права она была, ох права.

Собрав волю в кулак, он вернулся в хижину и скоро доставил на это место Фамку и Ланку со всей наличной посудой.

– О, – замерла в восхищении Ланка, – какой чудесный вид.

– Угу, – сказала Фамка и, скользя по мокрым камням, полезла набирать воду.

С человеческим жильем дело обстояло намного хуже. Варка взбирался на самые высокие груды валунов, карабкался на скалы, прошел вдоль стены не меньше версты в обе стороны, до боли в глазах всматривался в даль, но не увидел ничего, кроме бурого склона, покрытого травяными кочками. Ни домов, ни дорог. Вдали неотчетливо синела какая-то размытая полоса. Варка не сразу сообразил, что это лес. Лес тянулся вдоль всего окоема. С горя Варка принялся размышлять о том, что в лесу водятся звери, звери – это дичь, а дичь – это, как известно, еда...

Совершенно измученный, он вернулся в хижину уже в сумерках. После его рассказа Ланка затосковала и даже слегка всплакнула. Фамка пробурчала нечто в том смысле, что, мол, она так и думала.

– Завтра найдешь, – сияя зелеными глазами, улыбнулась Жданка, – сегодня туман.

Варка вздохнул и принялся готовить лекарство для Крысы, который был все так же плох.

* * *

Еда кончилась, как и рассчитывали, на четвертый день. Впрочем, кончилась она по мнению жителей Гнезд. Хитрая Фамка хорошенько прополоскала в котле мешок из-под сухарей. Из сухарных крошек и мелких обломков получилась жидковатая, но вкусная каша. Поев, но не наевшись, Варка нашел в себе силы возобновить поиски. На этот раз он решил немного спуститься по склону. День неожиданно выдался ясный, солнце пригревало словно весной, хотя под ногами поскрипывали льдинки. Варка шел и радовался, что на нем удобные башмаки на толстой подошве, а не изящные туфли с пряжками, как у Илки. Пройдя с полверсты, он набрел на тележную колею. Колея была старая, заросшая, полускрытая пожухшей травой, но, конечно, ее могли проложить только люди. Варка пошел по колее, спускавшейся к синей полоске леса. Солнце грело так, что он снял дурацкую шапку, и ровный прохладный ветер тут же подхватил его светлые волосы. Сухая трава пружинила под ногами, воздух был легким и чистым, голод пока особенно не мучил. Синяя полоса постепенно приближалась, сделалась зубчатой, многослойной, неровной, но никаких признаков жилья по-прежнему видно не было. Варка шел, пока его тень не стала такой длинной, что, казалось, почти дотянулась до леса. Уши начали мерзнуть. Он нахлобучил шапку и понял, что едва успеет вернуться до темноты. С надеждой раздобыть что-то съестное сегодня придется распрощаться.

Варка повернулся спиной к лесу и ахнул. То, что вблизи выглядело скальной стеной, на самом деле оказалось несколькими рядами утесов, вздымавшихся друг над другом все выше и выше, точно могучие укрепления гигантского замка. Они тонули в сиреновой тени, а над ними в чистом холоде нетронутого пространства реяли снежные вершины, сияющие бледным закатным золотом.

Варка забыл, что голоден, что устал, что в конце пути его ждут умирающий крайн и голодные курицы... То, что он видел, было как песня, и он запел в полный голос, как не пел уже очень давно.

Небеса дрогнули, и дрогнули горы, отзываясь стройно и радостно. Варка задохнулся, пытаясь найти голос и слова для ответа... Не было у него такого голоса... и крыльев не было...

Он отвернулся от сияющих вершин и вдруг краем глаза заметил нечто, заставившее его замереть с приоткрытым ртом. На востоке,

совсем не в той стороне, куда вела заброшенная дорога, на фоне бледного вечернего неба отчетливо виднелась струйка дыма.

Варка хотел было броситься туда со всех ног, но вовремя сообразил, что до темноты осталось всего ничего. Тогда он тщательно заметил направление и поспешил домой. Голодные, но веселые курицы намного лучше, чем курицы голодные и печальные.

* * *

Под сухим деревом торчала Жданка.

– Дура, – на ходу гаркнул Варка, – чего босая скачешь? Здесь зима уже! – без церемоний посадил на спину и потащил к дому.

– Вар, – шепнула ему в ухо Жданка, – я тебя жду-жду... Он сегодня два раза глаза открывал. Откроет и смотрит, будто что сказать хочет...

– А жар спал?

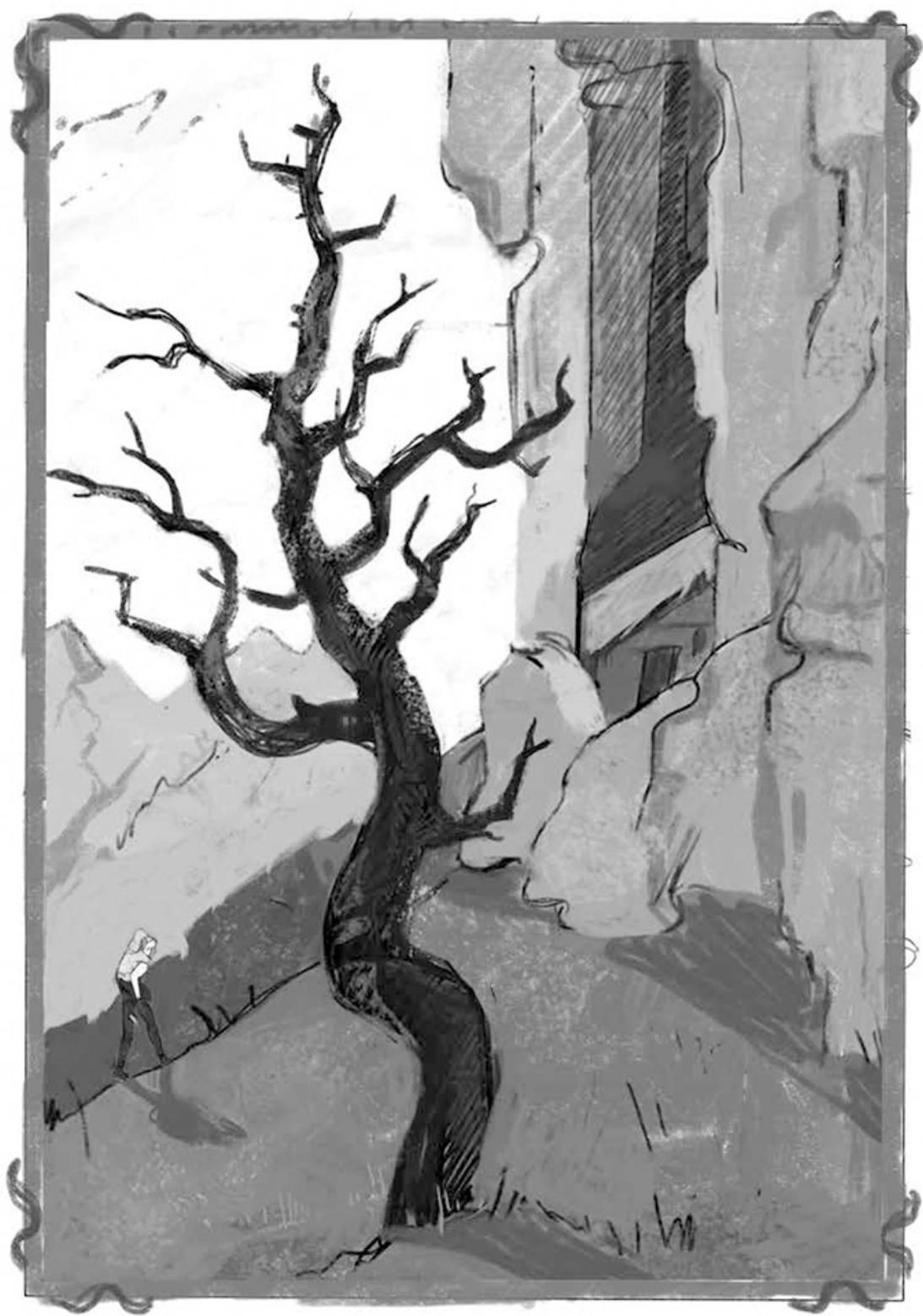
– Не... горячий, как печка...

– Тогда плохо. Бывает, к смерти сознание проясняется.

– Вар, ты же его вылечишь, правда?

– Ждан, ну что я тебе, колдун? Или крайн какой-нибудь? Отец мой сколько лет учился, а у него и то, бывает, умирают. Я же не умею ничего...

Не отдыхая, наскоро сполоснув руки, Варка пристроился у открытой печной дверцы, чтобы при свете огня приготовить микстуру.

– Где я? – хрипло раздалось за его спиной.

Каким-то чудом Варке удалось поставить все на стол и даже ничего не разбить.

– Не знаем, – рассудительно ответила Фамка, – мы думали, вы нам скажете.

Все сгрудились вокруг лежанки. Слепо сощуренные глаза крайна уставились куда-то в пространство над Фамкиной головой...

– Вы... прошли... через...

– Мы прошли через колодец, – внятно, как ребенку, объяснила Фамка, – и попали куда-то в горы. Куда мы попали?

На лице крайна сквозь боль и лихорадку проступило невыразимое облегчение, но вопрос остался без ответа.

– Что... со... мной?

Варка встал так, чтобы крайн мог его видеть, и четко, чувствуя себя как на уроке, перечислил что. Правда, о крыльях он предпочел не упоминать. За глаза хватало и человеческих ран.

– Кто... лечит?

– Я, – тяжело вздохнув, признался Варка.

– Как?

Варка набрал побольше воздуха и разъяснил как. Разъяснил и сжался, ожидая привычного разноса. Доброго слова от Крысы ему не удалось добиться ни разу.

– Годится, – неожиданно произнес Крыса, – но... молочко... не семнадцать... семнадцать – мало.

– Семнадцать капель – обычная доза, – уперся Варка. – Больше нельзя. Помрете.

– Дубина... Дозу... считают... от веса... больного... семнадцать – это для дамочки с мигренью...

– А вы чего, в травах понимаете? – изумился Варка.

Губы крайна скривились в обычной презрительной усмешке.

– Тридцать... Сейчас.

– Очень больно, да? – Голубые глаза Ланки расширились от сочувствия.

Этот вопрос тоже остался без ответа.

Варка бросился к столу, торопливо отсчитал капли.

– Потерпите, – жалобно попросила Жданка, – Варка щас все сделает.

– Ты кто?

– Жданка.

– Ты крайна?

– Чего?! Жданка я. Жданка с Болота. Меня весь город знает.

– А где крайна? Ушла?

– Не было тут никого, – перепугалась Ланка. Незримое присутствие между ними какой-то крайны повергло всех, кроме Варки, в некоторое смятение.

Варка думал о другом. Упоминание о городе привело к тому, что он застыл с кружкой в руках.

– Я сейчас дам вам лекарство, – сказал он, – тридцать капель, как вы просили. Только, пожалуйста, скажите, почему нам нельзя домой?

Крайн глянул на него из-под распухших век и медленно отвел взгляд.

– Пожалуйста, – взмолился Варка, – я не хочу вас мучить. Но это... Мы должны знать... Почему нам нельзя домой? Именно нам?

– Хорошо... рано или поздно... – прошептал крайн, – поднимите меня...

Варка скользнул к изголовью, подsunул руку под горячую костлявую спину. На плечо легла тяжелая голова крайна.

– Ты... – прозрачные глаза уставились на Фамку, – жила в Норах...

Фамка кивнула.

– Жгли и грабили порт... огонь перекинулся в Норы... теперь там только угли... Мало кто спасся...

– А моя мать? Марта Фам?

– Не... знаю... мертвой не видел... живой тоже...

Фамка снова кивнула и закрыла глаза.

– Госпожа Град с младшим сыном, – взгляд крайна скользнул к Ланке, – бежала из города... через Заречье... Возможно, жива...

– А отец? – с трудом выговорила Ланка.

– Полковник Град... убит на стене... в начале штурма...

Ланка поднесла руку к горлу и тихо осела на пол.

– Где Илия Илм? Я... не вижу... Погиб?

– Тут он, тут, – сообщила Жданка, – только он не в себе. Вы сказали – остаться, а он домой пошел и с тех пор ничего не соображает.

– Городской старшина Илм... повешен... на воротах... своего дома... Семья и слуги... убиты мантикорами... трупы оставлены на месте... для устрашения горожан...

– Ой, – пискнула Жданка, – за что?

– Ни... за... что, – терпеливо повторил крайн, – акция устрашения...

Слово «акция» Жданка не поняла, но про устрашение уразумела и в ужасе уставилась на сидевшего в углу Илку.

– Ты все еще... хочешь знать? – Горячее дыхание крайна жгло Варкино ухо.

– Да, – прошептал Варка.

– Во время штурма... твой отец... был на стенах.

– Так я и думал. И мать тоже?

– Да... потом... защитники... укрылись в башне... что зовется... забыл... а... Толстая Берта... они... чтобы спастись от мантикор... они взорвали порох...

– Я же... я видел это... Кто-нибудь выжил?

– Нет... Теперь... дай...

Трясущейся рукой Варка поднес кружку к губам крайна. На минуту в глазах потемнело, но он справился. Осторожно поставил кружку на стол. Вытряхнул в котелок остатки водки, долил воды, почти насильно заставил выпить Ланку, остальное честно поделил с Фамкой. Заснул как убитый и видел во сне сверкающие поющие горы.

Глава 10

Варка проснулся поздно. Видеть никого не хотелось. Говорить – тем более. К счастью, все еще спали. Но Фамки не было.

Скверно. Скрытная Фамка вчера ни слезинки не проронила, а ночью могла над собой что-нибудь сделать. Варка забеспокоился, но как-то вяло, словно его накрыли пуховой периной. События внешнего мира доносились сквозь мягкий пух глухо, теряли по дороге всякий смысл и значение. Все же Варка напрягся, выполз за дверь и нос к носу столкнулся с Фамкой. Одета она была в подходящую почти до пят безрукавку, а в руках держала котелок, полный сморщенных оранжевых ягод.

– Не знаешь, чего это? – обычным тихим голосом спросила она, упорно глядя в землю.

– Шиповник.

– Есть можно?

– Да. Но противно. Обычно это при простуде дают.

– Варить надо?

– Заваривать. Но можно и сварить.

– Угу, – сказала Фамка, – дай мне войти.

Варка поглядел на небо, на горы, на унылый склон.

Что-то надо было сделать. Что-то важное.

– А я вчера дым видел. Во-он там.

Фамка молча смотрела на него.

– Так что я, наверно, пойду...

Фамка кивнула и, выпутавшись из безрукавки, накинула ее на Варкины плечи.

– Микстуру я с вечера смешал. Там осталось, в котелке... Дашь Крысе, если очнется. И из белой скляницы тридцать капель в воду... И вот еще что. Ложку меда смешай с отваром шиповника. Пусть выпьет. Он уже пятый день без пищи. Это его подкрепит. И жар снимет хоть ненадолго.

– Не зови его Крысой, – сказала Фамка.

– Что? А... больше не буду.

* * *

Денек выдался серенький, но теплый. Небо затянуло, солнце проглядывало сквозь мутную пелену бледным пятном. Пройдя вниз по склону примерно с версту в нужном направлении, Варка увидел дом. Крохотная светлая крыша четко выделялась на фоне леса. Со скал ее не было видно только потому, что Варка смотрел сверху, и крыша цвета бурой травы совсем сливалась со склоном. Он мог неделями ползать по скалам и ничего не заметить.

До дома, на взгляд Варки, было версты три-четыре. Он поплотнее завернулся в безрукавку и пошел, внимательно глядя под ноги, изо всех сил стараясь ни о чем не думать. К счастью, идти было трудно из-за кочек и невидимых в траве камней. Длинные сухие стебли скользили под башмаками и путались в ногах. Игрушечный домик постепенно увеличивался, пока не превратился в обширное приземистое строение, крытое пучками жухлой осоки. Необрезанные стебли свисали с крыши почти до земли. Потянуло дымом и перепрелым навозом. Где-то истошно завопил петух.

Строение окружал забор из неочищенных жердей, привязанных к хлипким столбам. Со стороны леса к дому лепилось крыльцо под дощатым навесом на толстых кривых опорах. Перед крыльцом обнаружили ворота из тех же жердей, вместо замка связанные веревочкой. За воротами начиналась и уходила к лесу хорошая, наезженная колея.

Какое-то время Варка, навалившись грудью на забор, разглядывал пустые гряды большого огорода и короткую стерню давно сжатого поля. До слуха доносился редкий равномерный стук. Варка закрыл глаза. За домом, у сараюшки отец колот дрова. В Липовце топили углем, но некоторые лекарства полагалось готовить на дровах, да не каких попало, а нужного размера, да еще деревья требовались разных редких пород. Отец работал голым по пояс. Мерно ходили лопатки на широкой спине. Мотались собранные в толстый тугой хвост светлые волосы. Солнце лежало на утоптанной земле, остро сверкало на лезвии топорика. Пахло свежим древесным соком, влажными розами Садов и отцовским потом.

– Пошел прочь, пяндрыга!

Рядом грохнуло что-то тяжелое. Варка вынырнул из глубин солнечного полдня. В плечо больно ударило суковатое полено.

– Прочь!

На задах дома громоздилась куча березовых чурбаков и маленькая горка расколотых поленьев. Между ними, опираясь на топор, стоял мужик в безрукавке вроде Варкиной и теплых стеганых штанах. Был он низкорослый, худосочный, искореженный временем и вечной работой. Лицо напоминало кочковатый склон, по которому только что спустился Варка. Пустое, равнодушное, до глаз заросшее пучками бурой шерсти. Волосы тоже бурые, прямые, слипшиеся в редкие пряди.

– Я ничего у вас не просил, – громко сказал Варка и изобразил одну из своих самых обаятельных улыбок. Это было верное средство. Пожилые матроны в ответ нежно улыбались, взрослые мужчины покровительственно трепали по плечу, а девчонки делались просто шелковыми.

То ли улыбка не удалась, то ли мужик с топором вообще не отличался чувствительностью.

– Тогда чего тебе надо? – рявкнул он. – Ходят тут всякие! – и, перехватив топор поудобней, с угрожающим видом направился к Варке. Шел он почему-то боком, так до конца и не разогнувшись.

Вымученная улыбка погасла сама собой.

– Я только хотел спросить, куда ведет эта дорога?

– Куда надо, туда и ведет.

Мужик подошел вплотную и с облегчением ухватился за забор.

– Откуда ты взялся?

– Была метель, – выдал Варка давно заготовленную ложь, – мы заблудились.

– Мы – это кто? – подозрительно спросил мужик.

– Мы с ребятами, – туманно объяснил Варка, – шли из города и заблудились. Потом повезло. Нашли какую-то хижину.

– Где нашли?

– Там, – Варка неопределенно махнул рукой в сторону гор.

Хозяин топора хмыкнул.

– Нечисто там, – вдруг заявил он.

– Да, – вежливо кивнул Варка, – довольно грязно. Но жить можно.

– Нельзя там жить, дурень.

– Почему?

– Проклято все.

«Тронутый, – подумал Варка, – тронутый с топором. И рядом никого. Лучше бы я сюда не приходил».

– Мы бы ушли, – поспешно согласился он, – да товарищ мой поморозился сильно, заболел. Идти не может. Того гляди помрет. Если поправится – мы сразу уйдем. Так куда дорога-то ведет?

– В Починок-Нижний, – поколебавшись, сообщил мужик, – это вот Починок-Верхний, а под лесом Нижний будет.

– А дальше?

– Дальше-то? Дальше – Дымницы.

– Деревня?

– Деревня... Три дома с половиной. Потом Язвицы. Потом Стрелицы, там торг бывает. А дальше уж город.

– Какой? – жадно спросил Варка. Все эти Язвицы и Дымницы ничего ему не говорили.

– Какой-какой... Город – он город и есть. Ты ж оттуда шел.

– Не знаю, – признался Варка, – может, и не оттуда. Название у этого города имеется?

– Прозвание имеется, как не быть... Трубеж его прозвание...

– Ага... Трубеж, значит. – Трубеж мог находиться хоть в далеком Загорье, хоть в мире Мертвых. Ни о чем таком Варка сроду не слышал. – Не, мы не оттуда. Мы с Белой Криницы.

Белая Криница была сожжена и разрушена до основания еще полгода назад, так что Варка ничем не рисковал.

– Не слышал, – крикнул мужик. – Как же вас сюда занесло?

– Сами не знаем, – правдиво ответил Варка, – война... – и замер, ожидая дальнейших расспросов. Но мужик только скривился и ничего спрашивать не стал. Про Белую Криницу, знаменитую на всю страну, он не слышал. Зато про войну слышал наверняка.

– Проваливай давай. В свою Криницу или куда хочешь. – Мужик, побряхтывая, отклеился от забора и, сгорбившись, направился к дровам.

– У вас прострел, – сказал Варка.

– Без тебя догадался.

– Как вы работаете? Вам же больно. – Болезнь Варка определил почти сразу. Таких страдальцев он перевидал великое множество.

– Проваливай, некогда мне с тобой, – мужик мотнул головой в сторону дров, – ты, что ли, за меня колоть будешь?

– Могу, – сказал Варка.

* * *

Целый день он колол дрова. Топор оказался тяжеленным колуном, да и сучковатые корявые чурбаки сильно отличались от тщательно отобранных по весу и размеру поленьев, но он колол и колол, пока вконец не обессилел... Усталость и боль в мышцах не позволяли думать ни о чем, кроме усталости и боли.

В хижину он вернулся затемно, прижимая к груди шапку, полную черных бобов, вручил ее Фамке и как подкошенный повалился на вонючую овчину... Через час его разбудили, сунули в руки ложку и котелок. Он поел, тут же заснул снова, и снова его разбудили. Нужно было готовить лекарство. Фамка нащипала лучины. При свете открытого огня ее простенькое востроносое личико почему-то казалось значительным и красивым. Варка сделал, что требовалось, и канул в сон, как камень в болото.

Ночью – никаких кошмаров, сумрачным утром – ни одной лишней мысли. Все силы ушли на борьбу с сопротивляющимися закаменевшими мышцами.

Ругаясь сквозь зубы, Варка встал, проглотил остатки холодных бобов, заботливо сбереженные для него Фамкой, и опять отправился в Починок-Верхний. В разгар ожесточенной работы его прервали. Оказалось, рядом стоит хозяин. Стоит, по-видимому, уже давно и глядит крайне неодобрительно.

– Кто складывать будет? – пробурчал он.

Варка огляделся. Поленья валялись со всех сторон, громоздились беспорядочной кучей, как трупы на поле сражения.

– Потом сложу.

Сменить работу он не мог. Остановиться тоже. Ему казалось, что тогда мысли и воспоминания подступят к горлу, и он больше не сможет дышать. Хозяин хмыкнул и исчез в доме. На этот раз кроме бобов в шапку положили еще тоненький ломтик сала. Сало имело зеленоватый оттенок и пахло как-то подозрительно, но в хижине его появление вызвало тихий восторг.

Варка никаких восторгов разделить не мог. Пришел и сразу свалился, выронив драгоценную шапку.

– Так дальше нельзя, – сказала Фамка, разбудившая его, чтобы накормить кашей с салом, – завтра я с тобой пойду.

– Завтра никто никуда не пойдет, – пробормотал Варка с набитым ртом, – крайну пора перевязку делать. Это долго, и нужен дневной свет.

Фамка кивнула.

– Кстати, я узнал, где мы.

– Ну и где?

– Какая разница, – тонким голосом пробормотала Ланка, – все равно нам некуда идти...

– Дымницы, Язвицы, Стрелицы, Трубеж. Слыхала?

– Трубеж, Пучеж и Сенеж – самые крупные города северного Пригорья, – механически ответила Фамка.

– Откуда знаешь?

– Землеведение не надо было прогуливать. Вот видишь, Ланочка, все как ты хотела. Ты в Пригорье, в гостях у крайна, в его поднебесном дворце.

– Дура! – крикнула Ланка и отправилась плакать за печку.

– Зачем ты ее доводишь? – возмутилась Жданка.

– А зачем она такая тупая, – огрызнулась Фамка.

Варка тяжело вздохнул, по кусочку отскреб себя от пола и, к великому огорчению Фамки, полез за печку, утешать.

* * *

На следующее утро Варка чувствовал себя так, будто кроме прострела подхватил еще грызь, ломоту, трясовицу и семнадцать осенних лихоманок. Скрюченные пальцы отказывались разгибаться. Дневной свет, на который он так рассчитывал, оказался до крайности тусклым. В общем, все было плохо. Крайна по-прежнему трепала лихорадка. Он лежал тихо, не то спал, не то пребывал в колеблющемся состоянии полубреда, оглушенный утренней дозой обезболивающего. Надо было спешить, пока действие лекарства не ослабело.

Коря себя за трусость, Варка и в этот раз занялся сначала легкими ранами. Они выглядели не так уж скверно. Мелкие порезы поджили, сквозные раны понемногу начали рубцеваться. Ни гноя, ни воспаления. Варка отмачивал теплой водой присохшие бинты, готовил новые пластыри, накладывал мазь, перевязывал.

Провозился он по неопытности слишком долго, крайн начал приходить в себя, и в себе ему явно не понравилось. Слабые стоны, срывавшиеся с потрескавшихся губ, постепенно превратились в отчетливые ругательства. Утонченный Мастер версификации, как выяснилось, знал такие выражения, которые вогнали в краску не только нежную Илану, но и многоопытных жительниц трущоб.

Ругань Варке не мешала, но крайн вздумал отбиваться, да так ловко, что Варка совсем было решил – дело пошло на поправку.

– Руки ему держите, – приказал он. Фамка ухватила правую руку, Ланка вцепилась в левую. Жданка уговаривала потерпеть, гладила по голове. Непокорная голова уворачивалась от Жданкиных грязных лапок, сивые патлы беспорядочно метались по доскам лежанки.

Собравшись с духом, Варка приступил к самому скверному. И тут сбылись наихудшие ожидания. Вот откуда этот жестокий сухой жар. Рана под ребрами выглядела ужасно. Гной, черные сгустки сукровицы, невыносимый запах. Варка швырнул на пол испачканные тряпки и беспомощно опустил руки.

Фамка судорожно сглотнула и отвернулась, стараясь дышать ртом.

– Ой, – сказала Ланка, – тут травник нужен.

– Ду-ура, – простонал Варка. – Ну почему ты такая дура?

– Сам дурак. Раз тут есть люди, значит, и травник где-нибудь есть.

– Где? В Починке, под кроватью у хозяина? Или, может, в этих Язвицах-Дымницах, где три дома с половиной, не считая овинов?

– В Трубеже наверняка есть, – примирительно улыбнулась Жданка.

– От гор до того Трубежа, если я правильно помню карту, тридцать верст по прямой, – вздохнула Фамка. – Этого травника сюда еще привезти надо.

– И заплатить, – поморщился Варка. – Чем мы ему заплатим? Здесь не просто травник, здесь хороший травник нужен, вроде... – Он хотел сказать «вроде моего отца», но тут все, что он пытался убить непосильной работой, сдавило горло так, что пришлось остановиться и пару раз глубоко вздохнуть. Душно тут. Душно и тесно... Вся страна вдруг показалась ему огромным кладбищем. Ряды могил тянулись от моря до самого Пригорья. Еще одна ничего не меняла. Чем копать могилу в этой каменистой, насквозь промерзшей земле? Ножом? Руками?

Сын великого травника попытался вспомнить все, чему учили, и рассуждать здраво.

– Толченый чеснок смешать с древесным углем... Рану очистить от гноя и засыпать полученной смесью. Древесный уголь у меня был. Чеснок, кажется, тоже...

Он знал, это не поможет. Тут ничто не могло помочь, разве что чудо.

– Паутиной можно обложить, – посоветовала Жданка, – наскрести с потолка. Ее здесь полно.

– Еще одна дура, – припечатал Варка, – уши свои паутиной обложи. Суеверие все это.

– Нет... – с усилием выговорил крайн, – не паутина... плесень.

Варка уставился на него, силясь понять, то ли бредит человек, то ли и вправду пора ползать по сырым углам в поисках плесени.

– Над окном... сверху на балке...

Эти слова как будто имели смысл. Жданка белкой взлетела на шаткий стол, пошарила в дебрях паутины над балкой и ликующе вскрикнула. В руках у нее оказался ларчик. Небольшой, примерно с ладонь, тщательно отполированный. Вещь была очень старой, работы хорошего мастера и наверняка безумно дорогая. Ни ручки, ни замочной скважины. Значит, вещица с секретом.

Жданка вложила ларчик в приподнятую горячую руку. Щелчок, и тот раскрылся деревянным цветком. Крышка распалась на девять тонких до прозрачности треугольных пластинок. Под крышкой плотно лежали аккуратные мешочки из ярко блестящего разноцветного шелка.

«Женская штучка, – сразу же определила Ланка, – ни одному мужчине такое бы в голову не пришло».

Варка обхватил своей рукой дрожащую руку крайна и помог ему поставить ларчик на грудь. Длинные худые пальцы любовно поглаживали, перебирали яркие лоскутки, шелк шуршал, тихонько поскрипывал, обметанные черными струпьями губы слабо улыбались.

– Красный... красные кристаллы... наружное... обработать рану. Через пять дней – повторить. Белый, шитый золотом... белый порошок... давать с водой по ползолотника трижды в день, пока не прекратится лихорадка.

– А если не прекратится? – спросил Варка.

– Тогда... придется прибегнуть к паутине... – На измученное лицо, состоявшее, казалось, из одних костей и тонкой, покрытой лихорадочным румянцем кожи, вползла до боли знакомая улыбка обьевшегося дракона.

– А при чем тут плесень? – сунулась к крайну любопытная Жданка.

– При том, – туманно объяснил крайн. – Из нее делается.

Получив такие ясные, четкие указания, секунд пять Варка был вполне счастлив. Наконец-то ничего не надо выдумывать, копаясь в дурной голове в поисках знаний, которых там отродясь не было. Вот лекарство, вот способ применения. Выполняй и жди результата...

Потом его накрыл гнев.

– Что ж вы сразу не сказали! – заорал он, начисто позабыв, что на больного орать нельзя. – Я бы все сделал еще три дня назад. А теперь, может, уже поздно! – Тут он осекся, сообразив, что такое говорить умирающим не полагается.

– Я... приходил в себя? – тихо изумился крайн.

– Да.

– Я... говорил что-нибудь?

– Угу, – угрюмо кивнула Фамка, – много чего. Нам хватило.

Ланка опустилась на колени у лежанки, вцепилась в руку раненого, заглянула в глаза:

– Вы бредили. Все это неправда... Вам привиделось, да? Такой страшный сон.

Прозрачные глаза медленно закрылись. Раненый отгородился от них, будто ставни захлопнул. Ланка вскрикнула и зарыдала, уткнувшись лицом в раскрытую ладонь крайна.

Варка беспомощно оглянулся. Тратить на Ланку маковое молочко он не мог. С другой стороны, умирающим женские слезы наверняка не на пользу.

Фамка знала средство попроще. Обхватив Ланку за плечи, она отшвырнула ее от лежанки и одним махом окатила ледяной водой из котла. Ланка завизжала, попыталась вцепиться Фамке в волосы, но рыдать перестала.

Варка отодрал ее от Фамки и пихнул к печке.

– Иди, обсохни, а то простудишься.

– Ну вот, теперь опять за водой тащиться, – вздохнула Фамка.

– Я схожу, – примирительно сказал Варка, – перевязку закончу и схожу...

* * *

Остаток дня прошел мирно. Стемнело очень рано. По крыше лупил дождь, высоко в горах что-то ворчало и грохотало. Казалось, хижина плывет глубоко под водой, надежно отрезанная от всего мира.

Ланка дулась в углу, распустив промокшие золотые волосы. Правда, теперь они казались такими же пегими, как у Жданки. Разговаривала она только с Илкой, нашептывала ему что-то ласковое. Илка глядел на нее почти осмысленно, но ничего не отвечал. Крайн спал на боку, по-детски пристроив под щеку руку со своим драгоценным ларчиком. Варка сидел на полу у печки и вяло пререкался с Фамкой.

– Так не пойдет, – твердила Фамка, – едоков пять, а работник один. Завтра я с тобой пойду.

– А готовить кто будет?

– Чего готовить-то? У нас нет ничего.

– Фамочка, да ты же топор не подымешь.

– Буду дрова складывать.

Варка окинул Фамку оценивающим взглядом. Без лицейской куртки, в одной заплатанной кофточке, она здорово смахивала на плохо скрепленный скелет. Ножки-палочки, ручки-веточки, шея – несколько жил, прилепившихся к позвоночнику.

– Лучше я сам, – сказал он.

– Надорвешься. А мы без тебя пропадем.

Варка вздохнул. Умная Фамка была права.

– Я тоже могу работать, – влезла в разговор Жданка.

– Ага, – сказал Варка, – щас.

Ни Жданка, ни Ланка, конечно, не работники. Вот если бы Илка... На вид он еще крепкий. Похудел, конечно, но крепкий. Да только как ему объяснить... Объяснить ему что-то может только Ланка. Выходит, он и вправду был того... по самые уши... Если бы Варка знал, что Илка так влип, может, и отступился бы...

Вопреки ожиданиям, Ланка не стала капризничать:

– Пойдем втроем. Еще один день в этих стенах – и я рехнусь. Вот только...

Она вытянула изящную ножку. На ножке красовался модный ботиночек на высоком каблуке.

– Меняемся, – сказала Фамка, выставив вперед ногу в разношенном материнском ботинке. Толстая подошва, низкий каблук, грубая кожа. – Портянки для тепла намотаешь, и в самый раз будет.

– Портя-янки... – недоуменно протянула Ланка.

– Сама тебе намотаю, если не умеешь, – великодушно предложила Фамка.

– Да еще сверху что-то надо, – сообразил Варка. – В одной куртке холодно будет.

– От тулупа полу отрежем, посредине дырку проделаем, получится душегрейка.

Фамка, как всегда, была очень практична.

На лежанке слабо завозились.

– Нельзя, – раздалось оттуда.

– Чего нельзя? – испуганно обернулся Варка.

– Девке нельзя... Парень... – Сквозь свисавшие в беспорядке сивые пряди на Ланку глядели зеленоватые глаза.

– Я не парень! – Ланка выпрямилась, приглашая полюбоваться всеми изгибами своей великолепной фигуры. – Чего это он такое бормочет.

– Он все правильно бормочет, – догадался Варка.

– Точно, – поддержала Фамка, – переодеть тебя надо. В мужское.

– Зачем переодеть-то? Почему в мужское?

– Зачем, зачем... – пробурчал Варка. – Затем! Совсем дура, что ли?

– А-а... Так я же не одна буду. С тобой.

– Кто я, по-твоему? Богатырь Бова? Отряд королевской гвардии? Против взрослого мужчины, да еще с оружием, я ничего не сделаю.

Он оглянулся на крайна, крайн тихонько кивнул.

– В сундуке возьмите. И запомните... женщин здесь нет.

На дне сундука среди бесполезного прелого тряпья нашлись стеганые штаны такого размера, что Ланка могла бы завернуться в них до самых ушей. Для полноты костюма недоставало мужской рубахи. Жданка поскребла в затылке и через голову стянула свою.

– Грязная, – поморщилась прекрасная Илана.

– Сама больно чистая, – обиделась Жданка.

Да уж... Чистой себя Ланка считать никак не могла. Не мылись они почти три недели. Натянув Жданкину рубаху поверх штанов, которые пришлось подвязать под мышками, она плавно прошла перед Варкой, повернулась, приглашая полюбоваться новым нарядом.

– Как я выгляжу?

– Изумительно, – чистосердечно восхитился Варка, – то, что надо!

Перед ним топталось бесформенное существо неопределенного пола и возраста. Грубая рубаха топорщилась во все стороны, драные штаны с торчащей из всех швов овечьей шерстью нелепо волочились по полу.

Ланка окинула себя взглядом и вдруг хихикнула, взглянула на Жданку и захохотала в голос. Варка решил было, что это снова истерика, но Ланка смеялась совершенно искренне. На Жданке под рубахой был надет корсаж от бального платья с огромным вырезом, украшенным линиями атласными розами. Над розами торчали ключицы и костлявые плечики.

Подскочив к Ланке, Жданка присела в неуклюжем реверансе, Ланка сдержанно поклонилась, умело подражая манерам светского щеголя, и они запрыгали на пятачке между дверью и печкой, пытаясь изобразить модную в этом сезоне аллеманду. Ланка умела танцевать очень хорошо, Жданка не умела вовсе, но вертелась и кривлялась от души. Блестящий кавалер в стеганых штанах и изящная дама, похожая на потрепанный веник, ни с того ни с сего украшенный розочками.

Неожиданно для себя Варка согнулся в приступе дурацкого смеха. Дама, приподняв драную юбку, кокетливо перебирала босыми исцарапанными ногами. Кавалер, свободно вращавшийся внутри своей одежды, обращался с дамой учтиво, но холодно. Варка попытался напеть им мелодию, но не смог. Петть и смеяться одновременно не получалось. Сзади, с лежанки, тоже донесся короткий сухой смешок. Варка подозрительно покосился в ту сторону, но крайн не шевелился.

Неприбранные волосы полностью скрывали его лицо. Кто его знает, может, это в печке треснуло.

Фамка, открыв дверцу, мешала горячие угли. По лицу ее текли слезы. Она сама не знала, о чем плачет: о глупых детях, которые вопреки всему смеются и надеются на чудо, о своем сиротстве, о том, что чуда не будет, или о том, что кругом дождь, что весь мир ополчился против них и никто на свете им не поможет.

Глава 11

Она была права. Никаких чудес не произошло. Никто не явился, чтобы спасти их от нужды и голода, и Крайн не воскрес после первой же дозы волшебного порошка. Он хворал долго и трудно. Лихорадка то отступала, то принималась терзать его с новой силой. Он таял, слабел, рана очистилась, но заживала медленно. Маковое молочко помогало плохо, и боль постоянно мучила его, лишая сна. Фамка понимала: будь у них для больного хоть что-нибудь получше, чем жидкая болтушка из той же каши, которую варили для всех, дело пошло бы на поправку.

Но все-таки он не умер, чаще открывал глаза, а изредка даже ронял два-три слова. Его вечной неутомимой собеседницей была Жданка. Усевшись у изголовья, она болтала обо всем на свете, рассказывала какие-то истории, обычно начинавшиеся словами «У нас под мостом был один такой...», или тихонько пела. Крайн против ее присутствия не возражал. Во всяком случае, в минуты просветления не гнал от себя и ни разу не обругал. Из хижины Жданка почти не выходила. Гулять босиком в открытом бальном платье по северному Пригорью в середине месяца чернотропа не смогла даже привычная ко всему нищенка с Болота.

На Фамкины плечи легло нехитрое хозяйство. Вода в поющих ручьях. Печка, давно поглотившая весь уголь и теперь жадно пожиравшая деревянный хлам из быстро пустеющего чулана. Постирать бинты, сменить под раненым травяную подстилку, приготовить жалкий обед, который никого не насыщал, но позволял не умереть с голоду.

Еду и немного дров добывали Варка, Ланка и Илка. Небольшие поленья и щепки таскали у дядьки Антона – так звали хозяина Починка-Верхнего, а хлеб насущный зарабатывали честным трудом. В первый же день дядька Антон, хмуро оглядев представшую перед ним оборванную троицу, заявил, что платит только за работу, а сколько народу ее будет делать, ему плевать. Варка не спорил. Это показалось ему справедливым. Выяснилось, что работать так отчаянно и самозабвенно, как в первые дни, когда он пытался усталостью прогнать черное горе, уже невозможно. Боль ушла внутрь и больше не душила его каждую минуту.

Он колол, Илка с Ланкой складывали, но к полудню колун сам вывалился из рук. Хорошо, по ноге не попал. Варка отполз в сторону и привалился спиной к поленнице. Илка остановился, выронил полено и некоторое время глазел на тяжело дышащего Варку, а потом шагнул вперед, медленно нагнулся и поднял валявшийся у чурбака колун. Варка зажмурился, ожидая, что тот засадит себе по ноге, но обошлось. Илка тюкнул по чурбаку и тюкал до тех пор, пока чурбак не раскололся. Колол он медленнее Варки, но все же работа шла. Теперь они могли меняться. Варка подумал, что Илке полегчало, но тот по-прежнему молчал и делал только то, к чему его принуждала Ланка.

На этот раз хозяин насыпал в Варкину шапку крупы-черняшки, в которой почему-то попадались красивые желтенькие камешки, прикрыл все это не очень толстым ломтем хлеба и сказал:

– Девку-то здесь оставьте. Чего ей туда-сюда мотаться.

Крайн как в воду глядел. Похоже, пригорские нравы были ему хорошо известны. Ланка съежилась.

– Какую девку? – переспросил Варка, озираясь. Честнейшие синие глаза выражали неподдельное изумление.

– Вот эту. – Корявый палец уперся в Ланку.

– Сам ты девка, – хриплым дискантом заявила Ланка. – Разуи глаза, дядя, парень я.

– Не груби старшим, – Варка осторожно треснул Ланку по затылку, – простите, хозяин. Это мой младший брат. Илларионом зовут.

– Ларка я. – Ланка шмыгнула носом, старательно вытерла его рукавом.

Хозяин Антон глядел с сомнением. Одинаково, по-мужски завязанные хвосты неопределенного белесого цвета, одинаково светлые глаза, одинаковый слой грязи на тощих голодных лицах, только один высокий, а другой едва ему по плечо.

– Нежный больно брат-то твой. Ручки беленькие.

– Так ведь младшенький, – ласково сказал Варка, – баловали его.

– Чего он привязался, – пробубнила под нос Ланка, ссутулившись и ковыряя землю тупым носком тяжелого ботинка, – пошли домой, жрать охота.

И они пошли, причем Ланка старательно горбилась и загребала ногами.

– Тебе бы в театре играть, – восхитился Варка, когда дядька Антон остался далеко позади.

– А я и играла, – гордо сообщила Ланка, – на балу у господина наместника в живых картинах.

– Кого?

– Белую лилию, символ невинности и красоты.

– Ха, – хмыкнул Варка, – оно и видно. А в рукав сморкаться где научилась?

– На тебя насмотрелась, – ответствовала прекрасная Илана, – давай хлеб сейчас съедим, а то я до дома не дойду.

* * *

Через несколько дней, когда куча чурбаков уменьшилась наполовину, на руках у всех троих красовались кровавые мозоли, а Ланка то и дело хваталась за спину, хозяин для обычного расчета не вышел. Вместо него на крыльцо выкатился круглый тючок, туго-натуго перевязанный серым пуховым платком. Снизу из-под платка виднелись валяные сапожки, сверху – носик пуговкой и красные щеки.

– Деда совсем скрутило, – пропищал тючок, – лежит – не встает. Мамка говорит – идите на кухню.

На кухне Варке сразу понравилось. Во-первых, тут было очень тепло. Во-вторых, на добела выскобленном столе стояла большая миска пышной рассыпчатой каши. Из каши торчали три деревянные ложки.

– Мир этому дому, – сказал Варка, стягивая шапку.

Рядом слабо ахнули. Варка с трудом оторвал взгляд от каши. Перед ним стояла маленькая иссохшая женщина, похожая на полевой цветок, сто лет пролежавший в каком-то забытом гербарии. Волосы, глаза, одежда – все казалось серым, плоским, покрытым беловатой плесенью.

– Вы... Вы вернулись? – спросила она, слегка задыхаясь.

– Чего? – растерялся Варка. – Нездешние мы... первый раз тут.

Женщина подобралась поближе, не сводя глаз с его лица.

– Но ты крайн?

Варка почувствовал, что никак не может закрыть рот.

– Я кто? – глупо переспросил он.

Женщина смотрела на него с отчаянием и надеждой.

– Не... какой еще крайн... Варка я... А это мой брат Ларка. Из Белой Криницы мы... – «Тоже сумасшедшая, – вдруг понял он, – совсем безумна. И помешалась очень давно».

– Крайнов не бывает, – шмыгнув носом, сообщила Ланка.

– Тогда почему ты такой... – с глубокой тоской спросила женщина.

– Какой?

Но женщина уже опустила голову, отступила в тень.

– Ешьте.

– Мы не можем, – сказал Варка, глотая голодную слюну, – мы плату с собой берем... у нас дома товарищ больной.

Ланка отчаянно пихала его локтем в бок, и он слегка отстранился, чтоб ей было трудней толкаться.

Женщина молча потянула шапку из стиснутых Варкиных пальцев, бесшумно ушла куда-то и вернулась с неслыханно щедрой платой. Шапка была полна чистой белой фасолью. А Варка-то думал, что они тут по бедности едят только порченые червями бобы. Сверху лежала половина свежего пахучего каравая.

– Садитесь и ешьте.

Тут уж Варка не выдержал. Зажав драгоценную шапку между колен, он хищно набросился на кашу. Ланка не кушала, а лопала, забыв про хорошее воспитание, и даже Илке не пришлось объяснять, что надо делать.

На другой день повторилось то же самое. Тихая женщина, похожая на пыльную моль, сытный обед, шапка, полная фасоли, только на этот раз сверху лежал кусок козьего сыру.

На третий день такой райской жизни Варка решился.

– Не найдется ли у вас немного мяса? – попросил он, снова пустив в ход свою знаменитую улыбку. – Маленький кусочек, не больше ладони. Наш товарищ болен и очень истощен. Уже много дней между жизнью и смертью. Кружка бульона, и он, может быть, встанет на ноги.

– Твой товарищ – крайн?

Варка едва не упал с табурета. Ланка вытаращила глаза и уже собиралась кивнуть. Пришлось незаметно наступить ей на ногу.

– Нет. Но он весь изранен, и ему надо...

– Если он не крайн, почему вы до сих пор живы? Там нельзя жить. Крайны все проклинали.

– Да ничего, – осторожно начал Варка, – живем пока... Нам деваться некуда...

– Здесь правда живут крайны? – спросила Ланка, сделав большие глаза.

– Жили, – вздохнула хозяйка.

– Настоящие крайны? С крыльями? Прекрасные и мудрые?

Ничего не ответив, женщина снова исчезла в глубине дома. Вернулась она с маленьким котелком в руках. Варка приподнял крышку. Упоительный запах заставил его зажмуриться. В котелке под желтой коркой застывшего жира плескался густой куриный бульон, приправленный травами и кореньями.

– Спасибо. Такое и мертвого подымет. – Варка чувствовал, что сейчас встанет на колени и начнет целовать руки этой серой замученной женщины.

– Как только ему полегчает – уходите, – прошелестела женщина, – крайны отвернулись от людей. Людям здесь не место.

* * *

Сытным обедам быстро пришел конец. К полудню следующего дня самые корявые чурбаки были расколоты, дрова сложены под навесом. Правда, поленница получилась малость кривобокая. На стук из дома вышел хозяин Антон, долго хмыкал, кряхтел и гмыкал. Трое подростков молча ждали. Они уже притерпелись и не обращали внимания на погоду. Пятый день с грязно-серого неба сыпалась влажная пыль, которая то замерзала и покрывала все белым налетом, как снег, то просачивалась везде и всюду, как мерзкий осенний дождь.

Хозяин хмыкнул в последний раз, насыпал ровно полшапки траченной долгоносиком крупы-черняшки, тяжело вздохнул и, глядя в землю, пробормотал что-то насчет навоза, который хошь не хошь, а чистить надо.

– Ладно, – сказал Варка, – завтра.

– Плата прежняя, – прищурился хозяин. Варка кивнул. Начнешь спорить – вообще без работы останешься.

– Одного не пойму, – взгляд хозяина был серым и пустым, как небо, – почему у вас до сих пор души не выпили.

– Кто? – перепугалась Ланка.

– Крайны. Говорил я тебе, девка, иди ко мне жить.

– Не девка я!

– Он парень, – упрямо соврал Варка.

По дороге Ланка пожелала узнать, что означает выражение «чистить навоз». Узнав, позеленела и стала дышать ртом, как рыба на песке. Варка сразу понял, что навоз придется чистить ему одному. В лучшем случае вместе с Илкой, если, конечно, удастся растолковать ему, как держать навозные вилы.

* * *

Полдня Варка предавался блаженному безделью. Лежал на животе с закрытыми глазами и слушал, как Фамка грызется с Ланкой, как трещит печка, как Жданка уговаривает раненого выпить разбавленный бульон. Варка был совершенно уверен, что крайн слишком истощен и просто не в силах переломить болезнь.

Он оказался прав. Следующим утром, мужественно назначенным для чистки навоза, с лежанки донесли скрип и возня, взбудоражившие всех обитателей хижины. Злобно шипя сквозь зубы, раненый пытался сесть. Длинные пальцы с обломанными ногтями цеплялись за шершавую стену печки, но все время соскальзывали.

Жданка поспешила на помощь, подставила костлявое плечико. Ухватившись за нее, крайн уселся на лежанке и даже спустил ноги. Варка кинулся к нему, готовый выполнить любую просьбу, и замер. Оказалось, что на него в упор смотрят ясные, широко распахнутые глаза. Сияющие очи цвета прозрачных сумерек, цвета ветра, вольно летящего под зеленоватым вечерним небом. Они все время менялись, точно вода, несущая быстрые тени облаков. Варка потряс головой, старательно отгоняя наваждение.

Ланкины губы сами собой приоткрылись, руки прижались к груди. Где были ее собственные глаза? Как же она раньше не замечала? Кавалер с таким взглядом может позволить себе и дурацкую прическу, и одежду от городского мусорщика.

– Пожрать бы чего, – хрипло сказал обладатель прекрасных глаз.

Фамка встрепенулась, торопливо поднесла к его губам котелок с разбавленными теплой водой остатками бульона. Крайн жадно выпил и уставился на нее выжидающе. Фамка метнулась к печке, вытащила котел с вчерашней кашей, которую Варка рассчитывал получить на завтрак перед трудным подвигом чистки Антонова хлева.

Крайн сумел удержать в руках ложку, утвердил котел на коленях и по-птичьи, одним глазом заглянул внутрь.

«Ну все, – обреченно подумал Варка, – сейчас скажет, что не может есть такую дрянь. Или что крайны этого вообще не едят. Чем тогда мы его кормить будем?»

Но крайн хмыкнул и споро принялся за еду, выскреб котел дочиста, старательно облизал ложку.

– Как поживает дядька Антон? – спросил он, со стуком бросив ложку в пустой котел.

– Хорошо, – пробормотал Варка, – только мается. Прострел у него.

Крайн кивнул. На худом, пуще прежнего обтянутом кожей лице ясно читалось: «Так ему, подлецу, и надо».

– А почему он все время твердит, что это место проклято? – нежным голосом поинтересовалась Ланка.

– Потому что оно проклято.

– Крайнами?

«Щас обидится», – подумал Варка.

– Не пори чушь, – строго прикрикнул он, стараясь замять неловкость, – крайны не умеют проклинать.

– Я умею, – сказал крайн, сопроводив свои слова одной из душевных улыбок Крысы.

«Ой!» – подумал Варка.

– И что, – попыталась внести ясность предусмотрительная Фамка, – теперь придут крайны и выпьют наши души?

– Нет, – отрезал крайн, – не придут. – И улыбка сбежала с его лица.

– Как это – выпьют души? – забеспокоилась Жданка.

– Показать?

Фамка уронила котел. Ланка взвизгнула и метнулась в угол. Варке пришло в голову, что они своими руками заботливо выходили большое опасное лихо.

– Вам надо принять лекарство, – осторожно вмешался он, – вот это из белого мешочка. Тут еще осталось на два приема. А это я смешал.

Крайн посмотрел так, что Варке захотелось немедленно все бросить и извиниться за свое непристойное предложение.

– Гадость же, – сказал он, скривившись. – Ты сам-то хоть раз попробуй.

– Пробовал, – согласился Варка, – ужасная гадость. Но вроде бы помогает.

– Вро-оде бы, – издевательски передразнил крайн, – ну давай, давай сюда свою отраву.

Гадость была выпита залпом, кружка брезгливо отброшена, а Варка утвердился в мысли, что в бессознательном состоянии крайн ему нравился гораздо больше.

– Дайте одеться, – непререкаемым тоном приказал крайн.

– О, – протянула Ланка, – видите ли, господин Лунь... ваша одежда...

– Она все равно уже никуда не годилась, – бодро вмешалась Жданка. – Совсем никуда. Так что мы ее выбросили.

– Прелестно. А в чем теперь я буду ходить? В одеяле?

– Ходить вам пока нельзя, – собравшись с духом, со всей возможной твердостью заявил Варка.

– Ого! Почему это ты здесь распоряжаешься?

– Потому что я – ваш травник, – шалея от собственной наглости, заявил Варка, – ну, так уж получилось... и ходить вы не можете.

– А вот одежда, – Фамка потихоньку вытащила из-под стола торбу, пошарив на дне, извлекла небольшой сверток, – это ваша. Я захватила на всякий случай.

Варка покосился на нее с подозрением. В Норах были свои твердые понятия о достойных похоронах. Если нет денег на гроб, то хоть одежда должна быть приличной.

– Штаны не отдавай, – прошептал он, – а то еще начнет тут бегать, рана откроется...

Крайн хорохорился, ворчал, но был так слаб, что рубашку надевали на него в четыре руки Ланка с Фамкой.

– Ложитесь, – посоветовал Варка.

– Посижу, – заупрямился крайн, – належался уже.

Его рука потянулась ко лбу, отвела с глаз мешавшую сивую прядь, ощупала затылок.

– Про одежду я понял. А где волосы?

– Волосы пришлось отрезать, – вздохнула Ланка, – видите ли, они были все в крови и...

– Тоже никуда не годились?

– Надеюсь, в них не было никакой магической силы? – осторожно поинтересовался Варка.

– Ни малейшей.

Руки пробежались по шее, оценивая ущерб, причиненный прическе, и вдруг замерли.

– А про спину ты ничего не говорил. Что там? Мешает что-то...

Варка побледнел и подался назад. Он прекрасно знал, что там. Справа, от плеча до ягодиц – длинный бугристый шрам. Слева над лопаткой торчат и упираются в поясницу тонкие кривые кости, обтянутые гусиной кожей.

Крайн мгновенно нащупал их.

– Что это?

Потемневшие глаза впились в Варку, вытягивая ответ. Варка, опустив голову, смотрел в пол. Провалиться бы сквозь этот пол, и чем скорее, тем лучше. Спасая жизнь крайна, он совсем забыл об утраченных крыльях.

– Ну, – прошипел крайн, – говорите!

Ланка тоже уставилась в пол, завесив лицо волосами. Умная Фамка юркнула за печку и забилась там в самый дальний угол. Жданка не удержалась и всхлипнула.

Прозрачно-зеленые глаза затопил дикий смертный ужас. Крайн грубо оттолкнул Жданку, выпрямился без посторонней помощи. Слева рубаха вздыбилась неуклюжим кривым горбом.

– Нет... неправда... я чувствую их...

Варка сжал кулаки. Один из отцовских пациентов постоянно жаловался на боль в отрубленной руке.

Лицо крайна успокоилось, подбородок взлетел вверх. Варка втянул голову в плечи. Сейчас в хижину ворвутся живые огромные крылья, пробьют крышу, по досточкам разнесут закопченные стены...

Крайн без сил прислонился к печному боку, затылком прижался к теплым кирпичам. Глаза на пол-лица, переполненные недоумением и острой детской обидой.

– Не может быть... – прошептал он, – я не отрекался... не предавал... не отказывался... крылья служат мне, пока я им верен...

Варка протянул руки, пытаясь удержать, но опоздал. Раненый сорвался с лежанки, одним длинным движением преодолел пять шагов до порога, ударом плеча распахнул дверь и, раскинув руки, прыгнул

вперед и вверх, так привычно, легко и уверенно, что Варке опять показалось: он взлетит, крылья развернутся, и воздух станет надежной опорой.

Толкаясь, все бросились наружу. Кое-как обрезанные сизые космы разметались по промерзшей земле. Крайн лежал ничком на припорошенных снегом камнях, и снег под ним уже покраснел от крови. Общими усилиями возвращенный на лежанку, он сразу же отвернулся лицом к стене. Он плакал, костлявые плечи тряслись от рыданий.

Варка робко заикнулся, мол, надо бы сделать перевязку, но не получил никакого ответа. Просто стоять и смотреть на эти дрожащие плечи, на руку в свежих ссадинах, впившуюся в край лежанки, на нелепый горб, вздымавшийся под тонкой рубашкой, было выше его сил.

– Ну, я пошел, – бросил он Фамке, кое-как нахлобучил шапку и выскочил наружу. Через пять минут его догнала Ланка, тащившая за собой Илку.

– Уж лучше навоз, – несчастным голосом сказала она.

Глава 12

Ночь выдалась ясная и холодная. Чахлый костерок, сложенный меж камней под сухим деревом, почти не грел, только освещал протянутые к нему руки. Усталые лица, склоненные над огнем, тонули в тени, видно было лишь шевелящиеся губы.

– Не ест, – говорила Фамка, – не пьет, не разговаривает и, по-моему, даже не спит. Третий день уж так.

– Тоской от него тянет, – вздохнула Жданка, с головы до ног закутанная в Варкину безрукавку, – такой черной кручиной, будто покойник в доме. Не, хуже. Будто все мы уже умерли...

– Ты опять его мысли слышишь?

– Не, не мысли. Я же говорю, тоской тянет.

Беседа происходила под деревом, во-первых, потому, что от Варкиной и Ланкиной одежды нестерпимо несло навозом. Хлев у дядьки Антона оказался обширным и очень грязным. Во-вторых, в доме некуда было деться от горестно неподвижной фигуры крайна.

– Я бы на его месте тоже затосковал, – пробормотал Варка, – лучше помереть, чем лишиться такого...

– Зря ты это, – заговорила Ланка, – он радоваться должен, что в живых остался.

– А если ему без этого не жизнь? – Варка съежился над костром, запустил руки в волосы. На плечи навалилась вина, огромная и черная, как ночь над горами, неподъемная, как горы.

– Он умрет без питья... или от раны... или от истощения. Говорила я тебе – отпусти его, не мучай напрасно. – Хладнокровная Фамка вдруг отодвинулась в тень, подальше от костра.

– Умная ты у нас, – сказал Варка, – а я – дурак, ничего в жизни не понимаю, – встал и направился к хижине.

Войдя, он ощупью зажег лучину и долго возился у стола, косясь на крайна, позванивал склянками, шуршал мешочками, вслух отсчитывал капли. Наконец, держа в руках кружку, присел на край лежанки и будничным тоном поинтересовался:

– Яду не хотите?

Спина крайна, лежавшего лицом к стене, с головой укрытого одеялом, слегка вздрогнула. Варка решил, что это хороший признак. По крайней мере, его слышали.

– У меня тут отвар коры волчьего лыка, настой листьев черного паслена, сок ягод болиголова. Хорошо получилось. Быка свалит. Разом бьет в голову, в сердце и в печень. Очень быстро. Ничего почувствовать не успеете. От раны или от жажды – это еще сколько мучиться. А тут сразу...

Одеяло на лежанке медленно, толчками собралось в бесформенный ком, похожий на мохнатого паука. Из складок вынырнула рука и неуверенно потянулась к кружке. Варка осторожно вложил кружку в руку, прижал к ней дрожащие холодные пальцы.

– Зачем ты это делаешь? – прошелестело из темноты.

– Из жалости. Но если вам нравится просто умирать от жажды – я спорить не буду. Тогда мы еще успеем к дядьке Антону сбежать.

– Зачем?

– За лопатой. Могилу копать.

– Камнями завалите, – отрезал крайн и поднес кружку к губам.

В следующий миг отравы полетела Варке в лицо. Кружка ударилась в переносицу, а содержимое залило глаза, нос и рот.

– Ты кого обмануть вздумал? – яростно прошипел крайн. – Ты, лживый ублюдок! Издеваешься?!

– Я не издевался. – Варка протер глаза, не без удовольствия облизал губы.

– Да?! Маковое молочко, мед, анисовое семя, фиалковый корень... Успокаивающее, обезболивающее, дарующее радостные сны... Черный паслен с анисом перепутал? Болиголов с фиалкой? Знахарь-недоучка!

– Откуда вы знаете? – искренне удивился Варка. – Вы же ни глотка не выпили.

– Пить не обязательно. Достаточно понюхать. В конце концов, кто здесь травник, ты или я?

– Вообще-то я, – уперся Варка. Он поднял голову, стараясь в темноте поймать взгляд крайна. – Да если бы у меня был яд, – запинаясь от ненависти к себе, выговорил он, – я бы, наверное, сам его выпил. Это моя вина. Все из-за меня. А я даже прощения просить не буду, потому что такое простить нельзя. Я же понимаю, что вы потеряли.

– Ты понимаешь?! – Крайн вынырнул из тени, как клещами впился в Варкино плечо. – Ты, человек!

Последнее слово прозвучало как непристойное ругательство.

– Но я... – робко начал Варка, – тот миг, пока мы летели... я никогда не забуду...

– Я тоже, – с невероятной язвительностью прошипел крайн.

Тугая дверь распахнулась, и внутрь ввалились курицы. Как выяснилось, они подслушивали и то ли решили, что Варку пора спасти от разъяренного крайна, то ли просто не удержались на ногах, толкаясь у дверной щели.

– Не бросайте нас! – Жданка подбежала, припала к лежанке, умоляюще заглянула снизу вверх в страшное лицо, исковерканное чистым, обнаженным гневом. – Мы без вас пропадем. Не умирайте, ладно?

– Откуда ты взялась, рыжая?

– Да Жданка я, Жданка с Болота. Не умирайте... Вы же крайн, вы все можете.

– Крайн без крыльев – мертвый крайн. Я уже умер. – Слова обрушились на нечесаную Жданкину голову парой тяжелых могильных

плит.

Жданка смотрела непонимающе:

– Но ведь вам же больно. Вам больно и страшно, значит, вы живой.

Некоторое время крайн молча разглядывал ее, глаза его как будто прояснились, ярость ушла из них, осталась одна тоска.

– Не надо так убиваться, – ласково, как маленькому, сказала Ланка, – все как-нибудь уладится. Обычным людям тоже живется неплохо.

– Лю-ю-юдям, – издевательски протянул крайн, – людям! Да лучше быть чумной крысой, чем человеком!

– П-почему? – перепугалась Ланка.

Варка тяжело вздохнул. Цели он достиг, вывел несчастного из апатии, но вовсе не хотел будить такие страсти.

– И кто же это у меня спрашивает? – Яд сочился из крайна, как вода из мокрой губки. – Может, это крысы травили вас собаками? Навозные черви жгли и грабили беззащитный город? Вонючие хорьки убивали на улицах? Крысы, когда жрут своих детенышей, по крайней мере, не ведают, что творят! Ненавижу.

Негромкий голос шелестел змеей в сухой осоке, но ненависть была такой силы, что он резал уши как крик.

– Но не все же люди такие, – жалобно сказала Жданка.

– Какие?

– Злые.

– Ха! Если бы они были злы! Не-ет! Никто из отправивших вас в пасть к мантикорам не желал вам зла. Одни хотели выбиться из нищеты, другие спасали свою шкуру, третьим не хватало на девок и выпивку, а четвертым... четвертым просто на все плевать. Самые обычные, можно сказать, милейшие люди. Обожают своих жен, детей и собак.

– А Стефан? – спросил Варка.

– Стефан, добрая душа, хочет спасти погрязший во зле мир. Восстановить справедливость и каждому воздать по заслугам. Для такой благородной цели, конечно, все средства хороши. Ненавижу людей. Жадные, лживые, трусливые твари. Похотливые и прожорливые.

– Но тогда, – тихо спросил Варка, – почему вы спасли нас? Мы же люди, – заразившись от крайна, слово «люди» он выговорил с усилием,

точно ругательство. – Вы же могли улететь прямо из Белой башни. Я видел, вы хотели улететь.

Крайна перекосило, как от Варкиной микстуры.

– Такой вопрос мог задать только человек! Дайте воды и оставьте меня в покое! – После этих слов он снова сделал попытку натянуть на голову одеяло и отвернуться.

– Не-а, – сказал Варка, – вы забыли, что мы, люди, обожаем мучить слабых и беззащитных. Поэтому я сейчас осмотрю рану, а потом будем делать перевязку. Но, так как благородный крайн в своей великой мудрости изволил выплеснуть остатки обезболивающего мне в рожу, ему будет больно. Заранее прошу за это прощения. Девчонки, держите его! Жданка, свет!

Зажги сразу две, а то не видно ничего! А уж потом и водички дадим, неотравленной. Яд денег стоит, а водички нам не жалко. Она тут бесплатная. Можем даже накормить. С ложечки. Уж такие мы изверги, всегда рады унижить ближнего.

– Делайте что хотите, – прошептал крайн, – глаза бы мои на вас не глядели.

Глава 13

– Что делать будем? – спросил Варка, глядя в темноту раннего зимнего утра. Спросил тихо, чтоб не потревожить спящего крайна. – Навоз у дядьки Антона кончился.

– Зато вонь осталась, – поморщилась Ланка, понюхав рукав рубашки.

– Просто так он нас кормить не станет, а работы у него больше нет.

– Я запасла кое-что, – подала голос Фамка, – но надолго не хватит.

– Побираться пойдем, – радостно предложила Жданка, – куда легче, чем работать, и доходу больше.

– Фи, – донеслось из Ланкиного угла, – в нашем роду никогда...

– А в нашем – сколько угодно, – сообщила Фамка, – только не подадут тут нам ничего. У вашего Антона снега зимой не выпросишь. Во всех этих Язвцах-Дымницах тоже, небось, бедствуют.

– Смотря кто пойдет. Вот если мы с Варкой...

– Ага. Вам подадут. Под зад коленом. А потом догонят и еще дадут.

– Это если мы будем просто клянить.

– А что вы будете делать?

– Петь, – по голосу было слышно, что Жданка улыбается.

– Правильно, – восхитился Варка, – как я сразу-то не подумал?

– Да, – сказала Ланка, – если Ивар будет петь, тогда конечно...

– Ну и где же вы будете петь? Под окном у дядьки Антона? – не унималась Фамка.

– Вниз пойдем, в деревни спустимся. Сейчас везде посиделки, солнцеворот скоро. Жданка, колядки знаешь?

– Еще бы.

– Тебя, Ивар, причесать надо, – деловито сказала Ланка, – умыть, одежду почистить.

– И тогда они ему сами все принесут. Даже петь не придется, – пробормотала Фамка.

Когда рассвело, насильно причесанный и кое-как умытый Варка влез в безразмерные стеганые штаны. Свои лицейские панталоны он отдал Жданке. Совет крайна насчет девок был усвоен твердо. Дранные лохматые шапки, овчинные безрукавки поверх заношенных рубах – все выглядело достаточно жалко.

Увлечшись сборами, они не сразу заметили, что за их суетой исподтишка наблюдает крайн. Наблюдает с глубочайшим неодобрением, хуже того, с отвращением. Поймав Варкин взгляд, он закрыл глаза.

– Ну, мы пошли, – бодро сказал Варка, – сегодня особенно не ждите, может, там заночевать придется.

– Эй, – остановил его на пороге скрипучий голос, – в Дымницы не спускайтесь. На дорогах опасно.

Идите в Починок-Нижний, найдите там тетку Таисью. Скажете ей – младший Лунь вернулся.

– Она вам поможет? – обрадовалась Жданка.

– Она поможет вам. Расскажите ей всю правду. Сделаете, как она велит.

– А она кто? – забеспокоился Варка, который страсть как не любил делать что велят. – Крайна?

– Она – тетка Таисья, – соизволил объяснить крайн и отвернулся к стене.

* * *

Жданка резвилась, как щенок, спущенный с привязи. Пусть день холодный и пасмурный, пусть Фамкины башмаки велики и виснут на ногах как колодки, пусть штаны норвят свалиться и путаются в ногах. Зато все бело от первого легкого снега, дышится свободно, не то что в душной прокопченной лачуге, а рядом Варка, и пробудет рядом с ней целый день, а то и больше, никуда не денется.

С холма они слетели парой вспугнутых серых воробьев, шустро проскочили мимо дома дядьки Антона. На крыльцо выполз сам хозяин и долго смотрел им вслед. Взгляд у него был тяжелый, как колун, но Жданкиного настроения это не испортило. Свобода! Целый день можно бродить где угодно и не видеть перед собой черные постылые стены.

Посвистывать, подпрыгивать и напевать Жданка перестала, только когда они вошли в лес. В лесу она отродясь не бывала. Даже в Садах заместника ей побывать не пришлось. Ее миром были улицы, дома, мостовые, замусоренные площади базаров, грязные портовые тупики и переулки, никогда не утихающий шум и безумная пестрота красок.

В лесу царили два цвета: черный и белый. Черные скелеты обнаженных деревьев и белый снег под ними. На снегу черные точки упавших шишек и черточки сломанных веток. Да еще колея, две черные линии на белой дороге.

Починок-Верхний исчез за спиной, дорога поворачивала, черные стволы смыкались плотней и плотней. Тишина стояла такая, что закладывало уши. Вокруг их одинокой хижины никогда не было так тихо. Там, на вершине холма, никогда не умолкал ветер. И краски там были поярче: бурая трава, серые скалы, густо-синяя тень на снегу, кусты, усыпанные оранжевыми ягодами...

– Вар, – шепнула Жданка, – чего это они страшные такие?

– Кто?

– Деревья.

– Почему страшные? – Варка бодро шагал рядом, прямой, спокойный, прекрасный, как принц, даже в мерзкой лохматой шапке.

– Черные. Вроде елки, а иголок нету. Одни шишки на ветках торчат. Может, тут пожар был?

– Ну, курица, ты даешь. Лиственницы это. Зима же идет.

– А-а, – сказала Жданка. Про лиственницы под мостом никто ничего не рассказывал, но раз Варка считает, что все в порядке, значит, так оно и есть.

Колея круто пошла вниз. Лес густел, темнел, под деревьями появились низкие ползучие кустики с ярко зеленевшими на снегу круглыми листочками, потом голые кусты повыше и погуще. Наконец показались и обычные лохматые елки.

Дорога крутила, ныряла в распадки, потом снова начинала карабкаться вверх, виляла, огибая особенно толстый ствол, крутосклонный овражек или болотину с темными озерками замерзшей воды. Жданке стало ясно, что они заблудились и вообще никогда никуда не придут. Колючие ветви сошлись над головой. Здесь снега почти не было. Под ногами непривычно пружинила опавшая хвоя. Жданке вспомнился неприятный взгляд дядьки Антона. Теперь ей казалось, что эти пустые глаза глядят в беззащитную спину из-за каждого ствола.

– Вар, а звери здесь есть?

– Есть, наверное.

«Звери – это дичь, – пронеслось у него в голове, – а дичь – это мясо». С некоторых пор Варку не покидало ощущение, что сейчас дичью является он сам.

– Вар, а можно я тебя за руку возьму?

– Можно, но лучше не надо.

– Почему?

– Идти неудобно будет.

Ельник оборвался, потянулись густые путаные кусты, колея испортилась, начались глубокие колдобины, покрытые льдом. Лед оказался тонким, трещал под ногами, и Варка велел пробираться с краю. Не хватало еще промочить и без того холодную обувь.

Так они карабкались, скользя и цепляясь за тонкие ветки, и вдруг кусты кончились. Открывшийся вид был огромным, как новый, неведомый мир. Сбоку и слева сквозь туман смутно просвечивали горные вершины.

Жданке казалось, они спускались так долго, что ниже уже некуда. Но просторная долина между двумя расходящимися грядами лесистых холмов лежала далеко внизу. Белые пятна полей, черные или синеватые – леса. Далекий изгиб реки, четко очерченный темной полосой кустов. Кое-где странные коричневатые кучки, над которыми курился прозрачный дымок. «Дома, – сообразил Варка, – деревни».

Впрочем, один дом обнаружился неподалеку. Дорожная колея, миновав его, бодро бежала дальше.

– Ага, – сказал Варка, – это, наверное, и есть Починок-Нижний. Как там эту тетку зовут? Анфиса?

– Таисья.

– Пошли, обрадуем ее. Скажем, господин Лунь вернулся.

– Думаешь, не обрадуется?

– Кто ее знает. Я бы не обрадовался.

Дом, такой же приземистый и широкий, как у дядьки Антона, под такой же травяной крышей, точно так же был огорожен нестругаными жердями. Имелись и ворота, старательно завязанные веревочкой. На задах, со стороны леса, припорошенный снежком огород, десяток высоких пеньков неизвестного назначения и дальше, до самой опушки ряды приземистых корявых деревьев.

– Яблони, что ли? – неуверенно предположила Жданка.

– Яблони, вишни, сливы, – просветил ее Варка, – хороший садик у тетки Таисьи. Варенье, небось, варит... или пастилу делает...

– Может, расщедрится, – размечталась Жданка, – хоть лизнуть даст.

Осторожно оглядевшись и убедившись в том, что никто не собирается метать в него поленья, Варка нырнул под нижнюю жердь. Еще летом он перемахнул бы через эту хлипкую ограду одним прыжком, но сейчас старательно оберегал свое изломанное, изголодавшееся тело от лишней работы.

Оставляя на запорошенной тропинке две цепочки черных следов, они приблизились к трухлявому, покосившемуся крыльцу. Варка заранее снял шапку и постучал. Никакого ответа.

Он постучал сильнее, от леса долетело смутное эхо, но в доме по-прежнему было тихо. Только тут Варка заметил, что дверь наискось заложена толстыми навозными вилами.

– Нету здесь никакой тетки, – с тоской протянула Жданка. Как видно, мечты о варенье пробрали ее до глубины души.

– Точно, нет, – вздохнул Варка.

– Может, ушла куда. Подождем – придет.

– Не... Тут давно уже никого нет. Дымом не пахнет, скотиной не пахнет, тропинка к крыльцу не протоптана...

Варка неторопливо обошел дом.

– Ну вот, и дров нет. Значит, зимовать тут никто не собирается.

Надвинув шапку на глаза, он плюхнулся на крыльцо. Жданка пристроилась рядом, прислонилась к его плечу. Они глядели вниз, на долину с рекой, полями, деревьями и, возможно, славным пригорским городом Трубежем.

– Надо идти вниз, – неуверенно пробормотал Варка.

– А крайн сказал – вниз не ходить, опасно.

– Не пойдем – ничего не добудем.

– Сходил уже один такой.

Варка помолчал. Довод был сильный, убедительный.

– Вернемся пустые – твой крайн первым с голоду сдохнет. Ему хорошую пищу надо.

– Он не мой, он наш, общий, – сказала Жданка и для тепла покрепче прижалась к Варкиному боку.

Посидели, повздыхали, глядя на темную колею. Жданка совсем затосковала и от тоски тихонечко затянула «Позабыт, позаброшен, с

молодых юных лет я остался сиротою, счастья-доли мне нет».

– Вот умру я, умру я, – подхватил Варка, – похоронят меня...

«Нет, не похоронят, – уныло размышлял он, выводя жалостные высокие ноты, – не добудем еды – и хоронить-то нас будет некому».

Слезная песня кончилась. Надо было на что-то решаться.

– Хм, – сказали рядом густым нутряным басом.

Варка сам не понял, как это у него получилось, но в следующий миг он уже оказался на ногах, поставил позади себя, спиной к запертой двери ошеломленную Жданку и попытался незаметно отнять у нее любимую заточку. Жданка, дура такая, сопротивлялась и нож не отдавала.

Над ними, заслонив весь белый свет, навис мужик самого зверского вида. Между лохматым отворотом шапки и лохматой, торчащей во все стороны бородищей виднелся только могучий грушеобразный нос. Глаза, брови и прочие мелкие подробности отсутствовали. Шапка была черной, борода – черной, огромный, колом стоящий тулуп – тоже черным.

Варка сжал кулаки. Вроде пора драться, а куда бить – непонятно. Разве что в нос.

– Эй, – сказал мужик из глубины пышной бороды, – а веселые знаете?

– Чего веселые? – прохрипел Варка.

– Знаем! – пискнула Жданка.

– А ну-ка, спойте, я послушаю.

Варка еще только пытался разжать кулаки и восстановить дыхание, а Жданка уже завела:

*Хороша наша деревня,
Только улица грязна,
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.*

* * *

Под лесом у дядьки Валха оказался лохматый вороной жеребец, легко тянувший под гору здоровенную связку жердей. Жданку усадили на жерди. Варка пошел рядом с конем.

– Супрядки сегодня у нас, – доносилось из недр бороды, – девки обрадуются. Поете больно хорошо. Накормят, напоят и спать положат,

не сомневайтесь.

– Мы плату с собой берем, – затянул старую песню Варка, – у нас товарищ больной, помороженный, сами мы из Белой Криницы, была метель, заблудились, прибились к дядьке Антону, а дядька Антон, сами знаете, даром кормить не станет.

Дядька Валх согласно побряхтывал. Очевидно, уже имел дело с хозяином Починка-Верхнего. Жеребец уверенно влек свою ношу. Опасные Дымницы неуклонно приближались, открылась река, темная полоса, извивающаяся меж белых холмов. Колея потянулась вдоль реки в поисках моста. От быстрой ходьбы Варке стало жарко, он снял шапку, затолкал за пояс.

Мерное движение резко оборвалось. Варка, державшийся за сбрую, споткнулся на полном ходу и обнаружил, что дядька Валх пялится на него поверх лошадиного крупа. Шапка черным лохматым зверем сама собой сползла с его головы, спина согнулась в поклоне.

– Прощенья просим, высокий господин, люди мы простые, не ученые. Где уж нам тебя признать. Отчего сразу не сказал, что ты крайн?

– Чего? – ахнул Варка. Все повторялось, как в дурном сне. Что они тут, всем Пригорьем свихнулись?

– Если господину крайну угодно остаться неузнанным, ему стоит только приказать.

С досады Варка вцепился в собственный хвост и как следует дернул. Неужто он так похож на Крысу? Вот ужас-то. Или здешние крайны были похожи на Варку, а Крыса от тяжелой жизни и дурного нрава вообще ни на что не похож? Запутавшись в том, кто на кого похож, Варка уныло вздохнул.

– Честное слово, я не крайн, – тупо пробубнил он, – и ваче, не здешние мы...

– Крайнов не бывает, – громко сказала Жданка. При одной мысли, что этот страшный дядя доберется до бедного беспомощного крайна, ей стало нехорошо.

– Это у вас, внизу, ничё не бывает, – прогудел дядька Валх, – а у нас, в Пригорье, дело иное. Так не крайн, говоришь?

– Не-а, – Варка для убедительности так замотал головой, что хвост хлестнул его по носу.

– А похож, – хмыкнул мужик и нахлобучил шапку.

– На кого? – слабым голосом пробормотал Варка. – Не бывает их...

Дядька Валх снова хмыкнул и ткнул лошадь кнутовищем, понуждая ее двигаться дальше. Стучали копыта, концы жердей противно скребли по мерзлой земле.

– Вот ты говоришь – не бывает, – добавил он после продолжительного молчания, – а у меня в дружках крайн ходил.

– Э... – сказал Варка, не зная, относиться ли к этому как к откровенному вранью или все же стоит поверить.

– Вроде тебя был, – невозмутимо продолжал мужик, – и голос, и волосы белые, и лицо такое... девкам очень нравился. Разве что глаза... Взгляд у тебя другой.

«Надеюсь, другой», – подумал Варка, зябко передернув плечами.

– Мы тогда совсем щенята были, вон как брат твой.

– А как его звали? – внезапно заинтересовалась Жданка.

– Кого?

– Дружка вашего.

– Да кто ж его знает. Как он по-ихнему прозывался – никто у нас выговорить не мог. Сказывал он мне свое прозвание, да позабыл я. Долгое больно. А в деревне его Седым звали.

– Почему? Он седой был?

– Не... я ж говорю, волос белый.

– А крылья у него были?

– Были, как не быть. У крайнов зарок такой – людям крылья не показывать. Примета вроде: крылья показать – крыльев лишиться. А какая жизнь крайну без крыльев... Ложись да помирай. Но все ж таки я видел.

– Где?

– Во-он там, – узловатое кнутовище ткнуло куда-то под обрыв, в самую середину реки. – Мы с ним как-то по весне поленились через Жажлев мост идти. Спешили, вишь, тоже на супрядки. Ну, затрещало под нами. Он сразу взлетел, а я ухнул в чем был, в тулупе и котях. А там стремнина. Он меня уж из-подо льда выдернул. Ухватил за что успел, за шиворот да за волосы. Я ему потом под горячую руку накостилять хотел. «Больно же, – ору, – ты, такой-сякой, мне всю прическу нарушил». А он смеется. Не понимаешь ты, говорит, своего счастья. Да ты гордиться должен, что благородный крайн собственноручно изволил тебя за волосы оттаскать. Теперь у тебя

такие кудри вырастут, девки с ума сойдут. И точно, выросли. Хоть каждый год, как овцу, стриги... Дружка уже нет, а память осталась. При крайнах-то нам полегче жилось. Захворает кто – люди ли, скотина ли – все к ним, – дядька Валх кивнул в сторону еле видимых в тумане гор, – и потише было. А теперь шляются всякие.

– А куда они делись? – не отставала Жданка.

– Кто?

– Крайны.

– Ушли, – буркнул мужик и снова спрятался внутрь бороды, да так надежно, что до самых Дымниц не проронил ни одного слова.

* * *

Дымницы, десяток домов, разбросанных как попало над медленной Тихвицей вместе с баньками, клунями и сараюшками, вопреки предостережениям крайна не таили в себе ничего опасного, кроме собак, сбежавшихся со всех дворов, чтобы не пропустить редкостное зрелище: целых два чужака в непонятно пахнущей одежде.

Дядька Валх небрежно разогнал их кнутом и отвел песельников к тетке Ружене, у которой и намечались супрядки. До вечера Варка успел передохнуть, наестся пареного гороху и забился в самый темный угол, за печку. Так что, когда заявились девки и бабы со своей работой, никто не приставал с глупыми расспросами и не обзывал его крайном. Хватило и того, что хозяйка весь день косилась на него как на заморское чудо. Девки в Дымницах оказались какие-то странные. Либо совсем молодые девчонки чуть ли не Жданкиного возраста, либо замученные пожилые тетки. Варка удивился, но не слишком. После сытной пищи клонило в сон. Жданке то и дело приходилось пихать его в бок или пинать костлявой пяткой. Они спели про то, как снега белые, пушистые покрывали все поля, и про княгиню и змея, и про несчастных Софьюшку и Василия. Под конец Варка проснулся, распелся и в одиночку, без Жданки выдал свою любимую балладу о верной Эдите, Белой Лебедушке. Это была ошибка. Девки заинтересовались и попытались выманить его из угла. Но тут в дом вломились парни, всего-то человек пять, но шумели и орали они за десятерых. Про Варку сейчас же забыли.

Расплатились с ними, по мнению Жданки, очень щедро, остатками принесенного на супрядки угощения. В торбу попали и пирог с луком,

и черные, но пухлые оладьи, и даже пяток печеных яиц. Сверх того тетка Ружена насыпала им бобов, но не порченных, как у дядьки Антона, а хороших, чистых. Заодно Варка выяснил, что в округе, кроме Язвиц, имеются еще Быстрицы, Кременец, Столбцы и Добрицы.

– Пойдем дальше? – предложила впервые за полгода досыта поевшая Жданка.

– Не, – решил Варка, – домой. Мы-то наелись, а они-то нет.

До леса их довез вчерашний дядька Валх, которому снова надо было за жердями. В лесу тоже не встретилось ничего ужасного. Самым страшным приключением на обратном пути оказалась встреча с дядькой Антоном, который снова стоял на крыльце и провожал их тяжелым взглядом.

Дома все обстояло благополучно. Ланка поругалась с Фамкой всего раз пять, не больше, косы у них были целы и лица не расцарапаны. Илка, похоже, понемногу приходил в себя. Сидел у стола и совершенно самостоятельно играл в щепочки. Ему даже удалось сложить кособокий домик. Ланка похвалила его, погладила по голове, и, чудо из чудес, Илка неуверенно улыбнулся.

Крайн пребывал в прежнем положении, на лежанке, лицом к стене. Глядя в неподвижную скрюченную спину, Варка доложил о том, что в Починке-Нижнем никакой тетки Таисьи не оказалось. С тем же успехом можно было беседовать с печкой...

Варка вопросительно уставился на Фамку, дрожащими руками разбирающую еду. Фамка шмыгнула носом и за рукав потянула его в холодный чулан.

– Вроде обошелся, – прошептала она. – Лекарство выпил. Поел немножко. Разговаривал даже.

– О чем?

– Спросил, какая погода, нет ли метели. По-моему, он за вас боялся.

– Щас... Нужны мы ему как прошлогодний снег. Тяжко тебе с ними... Двое больных... и Ланка, небось, скандалит.

– Была бы еда...

– Еда будет. Завтра мы со Жданкой опять пойдем. До весны как-нибудь протянем, а весной подадимся отсюда куда-нибудь.

– Куда подадимся-то, Вар? Здесь хоть войны нету...

* * *

Чернотроп кончился. Начался ледяной ветрозвон, месяц северных ветров и холодных туманов. Варка все время мерз. Обувка была плохая, не зимняя, побитая о мерзлую грязь на пригорских дорогах. Язвицы, Дымницы, Быстрицы, Добрицы слились у него в голове в одно неприятное бестолково построенное селение, то лепившееся у подножья уходящего вверх лесистого холма, то вытянувшееся вдоль свинцово-серой Тихвицы, по которой медленно плыла ледяная шуга, то разбросанное на горках и пригорках у бурного, несмотря на крепнущую зиму, белопенного Трубежа.

Дороги тоже слились в одну, покрытую закаменевшими комьями глины, теряющуюся под легким сухим снегом, раскисшую под дождем в пору поздней глухой оттепели. Холод, ломота в застывших руках, боль в сбитых ногах и вечный червячок голода.

Были ли дороги опасны? Наверное, были. Впервые услышав тоскливый, как сама зима, вынимающий душу вой, Варка перепугался до обморочной тошной дрожи. «Это волки, – растолковали ему, – волки сбиваются в стаи», и он успокоился. На волков он был согласен. Что такое волки по сравнению с мантикорами? Милые добродушные зверюшки.

Несколько раз мимо проносились, гремя оружием и дорогой сбруей, конные отряды. Однажды прошла нестройная толпа новобранцев под конвоем вербовщиков князя Филиппа, владения которого, княжество Сенежское, лежали на юго-западе. Князь владел всем Пригорьем, включая долину Трубежа. Во всяком случае, он так думал. Адальберт, седьмой барон Косинский, обитавший за перевалом на востоке, думал иначе. Местные же твердили, что долина Трубежа спокон веков ходила под крайнами и потому ни князь, ни барон им не указ. При крайнах подать никому не платили и теперь не станем. Ни деньгами, ни зерном, ни скотиной. При крайнах воинских наборов не было, и теперь нечего здесь вербовщикам шляться. Кто там с кем воюет – не наше дело. Про то пусть князь думает, а мы и без его войск проживем. Ни лошадей, ни людей, ни кормов не дадим, пусть убираются в свой Сенеж...

Таких речей, обычно не очень трезвых, Варка наслушался достаточно. Ему самому было уж точно все равно: князь, барон или крайны, которых нету. Единственный известный ему крайн на власть никак не посягал и, похоже, пуще всего боялся, как бы его не нашли.

Конные или пешие солдаты не интересовались двумя нищими, уныло бредущими по краю дороги. Зато их дважды останавливали какие-то вовсе непонятные люди, в первый раз – бородатые и оборванные, во второй – тоже бородатые, но одетые щеголевато, в тулупчиках на одно плечо, крепких сапогах и чистых рубахах.

Первые отобрали все съестное и, слегка наcostыляв по шее, приказали убираться. Отобрали бы и одежду, да она была слишком плоха.

Вторые тоже перетряхнули всю торбу, но, не найдя денег, махнули рукой и собрались было отпустить с миром. Однако их конный предводитель небрежно поинтересовался, не те ли они песельники, что живут у дядьки Антона, и, получив утвердительный ответ, потребовал песен. Варка хотел было начать что-нибудь бодрое, но Жданка, хорошо знавшая вкусы либавских воров и разбойников, завела:

*Родила меня мать в гололедицу,
Померла от лихого житья...*

Песня это длинная, жалостная. Варка стоял на дороге, глядел на тонкие голые ветки, на зимнее небо над ними и, забыв обо всем, пел так, будто никакого предводителя рядом не было. Жданка искоса посматривала на него, прямого и ясного, как солнечный луч, случайно заблудившийся в этом сером лесу, и думала, что ей никогда так не спеть, не стоит и стараться.

В конце концов предводитель отер скупую мужскую слезу и, уезжая, от широты души швырнул Варке под ноги два гроша. Неслыханная щедрость. Денег им еще никогда не давали. С деньгами в Пригорье было туго, почти никто их не имел, а те, кто имел, расставались с ними крайне неохотно.

* * *

Посиделки в Язвцах, супрядки в Кременце, вечерки в Быстрицах...

Настало время, когда он с удивлением понял, что больше не любит петь. Никакой радости не доставляла эта нудная работа в душных чадных горницах, частенько на голодный желудок, через тяжелую угарную полусонь и вечную неизбывную усталость.

Обычно он старательно прятал лицо, отсиживался по темным углам и шапку снимал только в самом крайнем случае. Впрочем, про крайнов его больше никто не спрашивал. Правда, случалось, что девки рано или поздно обращали внимание на красавчика-певца, вытаскивали к общему столу и донимали угощением и разговорами.

Частенько после этого за околицей Варку со Жданкой поджидали местные парни, одержимые дружным стремлением поучить жизни смазливому бродягу. Некоторых удавалось отпугнуть выражениями из тех, что были в ходу на Болоте, и Жданкиной заточкой. От других – убежать. Бегать Варка со Жданкой умели, да и одеты были полегче. Раза три-четыре пришлось все-таки подраться.

– Только малого не троньте, – обычно просил Варка. Парни не возражали. К рыжему «малому», хилому, бледному, да еще и конопатому, у них никаких вопросов не было.

Дрался Варка люто, по-уличному, не брезговал никакими грязными приемами. Число и возраст нападавших переставали его волновать, как только всерьез начиналась драка. Простодушных пригорских парней, умевших только ухать и широко, от души замахиваться, эта лютость обычно пугала.

Однажды его все-таки порядочно побили. Очнувшись, он обнаружил, что валяется на неудобной, жесткой, холодной дороге и Жданка, всхлипывая, трет ему виски грязным снегом. Кто-то добросовестно попытался сломать Варкин точеный нос. Варка тихо надеялся, что попорченное лицо положит конец вечным неприятностям из-за разнообразных куриц, но не повезло. Крови натекло много, однако нос только слегка распух, да вокруг глаз долго держались страшные черные синяки.

Как-то раз на супрядках в Светлице парни, развеселившись, заставили его выпить стопку сивухи. Варка выпил, чтоб отвязались, и, отказавшись от закуски, лихо занюхал рукавом. Как ни странно, стало полегче. Ломота в ногах прошла, есть почти расхотелось, и вдруг растворилась холодная тоска, глодавшая его изнутри. Он даже смог улыбнуться по-настоящему, чего с ним давно уже не случалось. С тех пор он никогда не отказывался, если наливали, а наливали частенько.

Они со Жданкой стали чем-то вроде местных знаменитостей. Слава о голосистых огольцах, которые поют не хуже крайнов, а может, даже крайнам сродни, дошла едва ли не до самого Трубежа. Как-то раз они

больше недели не могли вернуться домой. Уже на дороге в Дымницы их догнала разукрашенная тройка и умчала на свадьбу аж в подгорные Столбцы.

Свадьба была бедная, но шумная, людная. Угощение небогатое, но домодельной сивухи целое море. Должно быть, полгода всей деревней копили.

Варка пел и пил и снова пел, пока мог. Из душного тумана, дрожащего от выкриков и топота лихой пляски, вдруг вынырнула Жданка, больно ударила по рукам и попыталась, дура этакая, отнять кружку. Варка кружку, ясное дело, не отдал, а Жданке врезал как следует между глаз, чтоб не лезла не в свое дело. Впрочем, кажется, попал не совсем по Жданке.

Утром он проснулся под лавкой со смутным ощущением, что смертельно болен и уже никогда не оправится. В головах нашлась битком набитая торба, а в ногах – чем-то расстроенная Жданка. Рыжие волосы перьями торчат вокруг синюшно-бледного лица, левое ухо распухло и красно как кумач, на лице брезгливое недоумение. Варка слегка опешил. Обычно на этом лице было написано безоговорочное восхищение его особой и полное согласие со всеми его поступками.

– Пей, – велела она, протягивая расписную миску с чем-то на редкость вонючим. От удивления он подчинился. В миске оказался крутой огуречный рассол. Малость полегчало. Похоже, болезнь была не такой уж смертельной.

– А теперь пошли отсюда.

Варка снова подчинился и полез к двери, переступая через какие-то неподвижные тела.

Снаружи была оттепель. Дороги раскисли. Выбоины наполнились стылой водой. Ноги сразу промокли. Варка шел согнувшись, опустив тупо нывшую голову. Впереди неумоимо прыгал Жданкин рыжий хвостик, а под ногами чавкала липкая глина. Идти им было верст двадцать, не меньше.

* * *

Ланке все время хотелось плакать. Есть тоже хотелось, но не так сильно. В торбе, которую Варка приносил из своих походов, иногда попадалось даже сало, козий сыр, ватрушки или печеные яйца. Чаще, правда, Фамка извлекала оттуда помятые черные пироги с луком, краюшки хлеба, оранжевые ломти вяленой тыквы, бобы, горох, крепенькие желтые репки.

Сам же Варка стал какой-то чудной. Как будто и не Варка вовсе. Угрюмый, молчаливый, растерявший стремительность и легкость движений. Дома он оставался не больше одного-двух дней, и то все лежал на спине, пристроив к теплой печке красные помороженные

ноги. Говорил только с Фамкой и только о чем-то ужасно скучном: где взять дров, да на сколько хватит еды, да как бы раздобыть для всех зимнюю обувь, хотя бы и поношенную. Ланку же, как она ни старалась, почти не замечал, жалобы выслушивал вполуха, на слезы не обращал внимания.

– Всем плохо, – скупое цедил он, – держись. Вот придет весна...

Хорошо ему говорить. Он все-таки выходит, бывает где-то. Вон Жданка как начнет рассказывать – конца-краю нет. И всегда что-нибудь смешное... А до весны ой как далеко... Не дотянут они до весны. Ну, конечно, Фамка и не к такому привыкла в своих Норах, она, может, и дотянет.

Фамка с ее острым подбородком, вечно сжатыми губами и сгорбленной, словно от тяжелой ноши, спиной всегда напоминала Ланке заезженную водовозную клячу. Впряглась в домашнее хозяйство и тащит с тупым бессловесным упорством. Само собой, такая работа как раз по ней. Предлагать ей помощь Ланка не собиралась.

Но сидеть в четырех стенах, не зная, чем заполнить очередной тусклый день, было очень грустно. Ухаживать за крайном вместо Жданки у Ланки тоже не получалось. Уж очень она его боялась. Боялась и жалела до дрожи в кончиках пальцев. Смотреть на него было до того тяжело, что Ланка предпочитала совсем не смотреть. Говорить с ним она и вовсе не могла. Впрочем, он и не хотел ни с кем говорить. Либо отлеживался лицом к стене, либо сидел на лежанке, в самом дальнем углу, обняв колени и пристально глядя в темноту. Он уже мог ходить, потихоньку цепляясь за стенки. Варка где-то раздобыл для него пару громадных, проношенных до дыр валенок. Но за дверь крайн выбирался редко. Зато пристрастился к детской забаве. Сидя у открытой печной дверцы, смотрел на огонь и время от времени поджигал конец тонкой щепочки, наблюдая, как она сгорает у него в руках.

– Дом спалите, – ворчала Фамка, но щепки не отбирала. Ее мнение на этот счет было простым и ясным, как вся трущобная мудрость Нор: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось».

Очень скоро к посиделкам у огня по собственной воле присоединился Илка. Устраивался на корточках рядом с крайном и с напряженным вниманием на сильно исхудавшем лице следил за пляской пламени. Лица крайна не было видно за свисавшими с обеих

сторон спутанными прядями. Казалось, он тоже не замечает ничего, кроме игры огня. Но как-то вечером, когда Ланка под села к ним, чтобы погреться, на затылок ей вдруг легли жесткие пальцы. Ланка и пискнуть не успела, как ее лицо оказалось повернуто к Илке.

– Кто это? – резко спросил крайн.

– Иланочка, милая, золотая, – нежно проговорил Илка.

Ланка расцвела.

– Тупая курица, – подумав, добавил Илка, – в Варку втюрилась, а он и рад, котюра весенний.

– Ничего подобного! – возмутилась покрасневшая Ланка, но крайна ее страдания не заинтересовали.

– Очень хорошо, – оценил он ответ. – А я кто?

– Ты Крыса, – тут же отозвался Илка. – Ты всех достал.

– Ой! – выдохнула Ланка.

– Пра-авильно, – восхитился крайн, – молодец. С памятью у тебя все в порядке. С логикой – тоже. Очень хорошая голова. Светлая.

– Была светлая, – вздохнула в темноте Фамка.

– А ты? – Крайн наклонился к Илке, взял его за руки. – Кто ты?

– Никто. Меня нет.

– Почему?

– Я ушел.

– Куда?

– Никуда. Меня нет. Здесь быть нельзя. Я ушел.

– Светлая голова, – повторил крайн. – Совершенно верно. Здесь быть нельзя. Он ушел. А я остался. Спрашивается, ради чего?

– Его можно вылечить? – прошептала Ланка.

– Сначала надо вылечить этот мир, – отрезал крайн и снова уставился на огонь.

* * *

Варка отсутствовал слишком долго. По Фамкиному счету выходило семь дней, по Ланкиному – все десять. Обе они то и дело бегали к сухому дереву, глядеть на дорогу. Фамка заодно попыталась обломать на дрова нижние сучья, но только руки поцарапала. Крайн, пребывавший в пучине своего горя, конечно, был равнодушен к житейским мелочам, Илка – тем более, но дрова кончились. Печка с

утра стояла нетопленая. Спустился вечер. В хижине было темно и холодно.

– Завтра пойдем к дядьке Антону, попросим топор и свалим эту сушару, – решила Фамка.

– Ты и рубить умеешь? – поразилась Ланка.

– Нет. Я думала – ты умеешь.

Ланка печально вздохнула. В Фамкиной насмешке не было злобы. Только усталость.

Наконец за дверью зашуршало, стукнуло. Ланка радостно подхватила, бросилась отпирать.

– Куда?! – зашипела Фамка. – Пусть сначала голос подаст.

Но это, конечно же, оказались Варка и Жданка. Варка с легким стоном сбросил с плеч распухшую от снеди торбу и, не снимая шапки, плюхнулся на пол у еле теплой печки. Фамка засветила лучину, раскрыла торбу и принялась восхищенно охать. Жданка вытянула у нее из-под руки пирожок, запихнула в рот и бросилась к лежанке: проверить, как чувствует себя ее ненаглядный крайн. На ходу она торопливо извлекала из-за пазухи какие-то особенно лакомые, специально для него припасенные кусочки. Ланку все время удивляло, что он не только принимает эти жалкие, помятые, слегка запачканные подношения, но и вежливейшим образом благодарит за них. Жданка изысканные выражения благодарности не ценила совершенно. Ей было все равно, лишь бы поел.

– Чего так долго? – спросила Фамка.

– Под конец повезло, – просипел из-под низко надвинутой шапки Варка, – на свадьбу позвали.

Крайн перестал грызть куриную ножку, сунул ее Жданке и вдруг, резким движением сбив с Варки шапку, ухватил его за плечи, развернул к себе, близко заглянул в глаза и сразу же брезгливо отстранился, будто случайно дотронулся до навозной кучи.

– Пошли вон! – велел он. Сказано было так, что курицы гурьбой вылетели в холодную темноту, едва успев прихватить одежду.

Варка устало удивился, но спорить не стал. С больным спорить – себе дороже.

– Головушка не болит? – ласково осведомился крайн.

– Нет, – соврал Варка. Жаловаться на свои хвори он не собирался.

– Когда я сказал, что внизу опасно, я имел в виду не только волков.

– А чего? Разбойников? Так они нас не трогают. Кому мы нужны-то?

– Каждый человек сам себе разбойник и душегуб. Людям настолько противно быть людьми, что они постоянно мечтают обратиться в свинское состояние. Любым способом.

Варка сначала не понял. Уж больно фраза была умная. Потом догадался, и ему стало смешно. Кругом война, весь белый свет рушится, а его тут, похоже, воспитывать вздумали.

– Я меру знаю, – уверенно сказал он.

В ответ – молчание.

– Ну, надо же как-то греться... Зима, одежда у нас худая...

Тяжелое молчание.

– Все пьют. От такой распроклятой жизни...

Тяжелое продолжительное молчание.

Варка разозлился:

– Хватит уже! Не в классе! Щас я один за всех работаю. Надо ж и мне вздохнуть...

– Ты не работаешь. Ты побираешься. Подачками промышляешь.

– Эти подачки всех тут кормят. Вон, курочку-то Жданка для вас прямо со свадебного стола стащила.

Крайн отодвинулся от него, словно даже воздух вокруг Варки был ему противен.

– Ты прав. Я, крайн из рода Ар-Морран, пал так низко, что питаюсь объедками, которые выпрашивают для меня человеческие щенки. Я – мертвый крайн, который не смог даже умереть достойно. Благодарю за то, что указал мне мое настоящее место.

– Ох, – испугался Варка, – я не хотел...

– Раньше, – господин Лунь мечтательно созерцал потолок, – я бы не разговоры разговаривал. Ты бы у меня от одного запаха здешней сивухи блевать начинал. Или покрылся бы прыщами. Во-от такими.

Тут он хищно улыбнулся. Длинные пальцы раздвинулись, изобразив нечто размером с медный пятак.

– Но теперь силы крыльев у меня нет.

Крайн закрыл глаза. Его молчание обжигало Варку лютым холодом.

– Ты мне много должен. Очень много.

Это была правда. Варке захотелось съежиться и забиться под печку.

– В счет долга я беру твою жизнь.

Прозрачно-зеленые глаза в упор уставились на Варку, и тот почувствовал, что задыхается в разреженном горном воздухе, медленно умирает под ударами ледяного, летящего над вершинами ветра.

– Ты не смеешь губить то, что принадлежит мне. Понял?

– П-понял, – простонал Варка, – жизнь... душу... все, что угодно... Только отпустите!

– Разве я тебя держу? – холодно усмехнулся крайн. – Жизнь и так моя. А душу... – тихо добавил он, – душу ты мне принесешь сам.

Глава 14

Два гроша Варка использовал с толком. Отправился к дядьке Антону и выпросил у него на день лошадь, топор и веревку. Кривое дерево на холме крайн рубить запретил, без объяснения причин, но грубо и решительно. Пришлось отправиться в лес. Целый день они искали тощие сушары, рубили и таскали на вершину холма по способу дядьки Валха. Лошадиные копыта разбили неглубокий снег, тонкие концы стволов содрали его до земли. К концу дня на холм вела накатанная дорога. Варке это не нравилось. Лучше бы об их жилище никто не знал.

Вечером, получив назад лошадь, топор и веревку, дядька Антон долго гмыкал, выискивая ущерб, нанесенный его имуществу, а потом вдруг заявил:

– Я завтра с утра в Трубеж еду. Там большой торг будет. Тебя и того рыжего могу с собой прихватить.

– Зачем? – подозрительно спросил Варка. В бескорыстную доброту дядьки Антона он не верил.

– Говорят тебе, торг... народ подвалит со всего Пригорья... заработаете.

– А-а... это можно.

– Половину мне.

– За что?

– Так я ж вас повезу. Туда да обратно – не ближний свет.

– Четверть, – сказал Варка.

Сошлись на трети, причем у Варки осталось смутное ощущение, что его все-таки облапошили.

* * *

После давешнего бурного разговора с крайном Варка счел, что угодил в пожизненное рабство и им теперь примутся управлять как послушной марионеткой. Но господин Лунь несколько не интересовался хозяйственной суетой и с того вечера не сказал Варке ни одного слова. Варка ему тоже. Общаться с неподвижной, обращенной ко всему миру спиной было по-прежнему крайне затруднительно.

Предполагаемый отъезд в Трубеж в сомнительной компании дядьки Антона не вызвал у спины никакого отклика, если не считать совета поменьше болтать, обращенного, очевидно, к печным кирпичам.

Проехав пару верст, Варка решил, что идти пешком намного приятней. Сидеть в медленно ползущей телеге, которую швыряло и подбрасывало на ухабах, потихоньку превращаясь в хрустящую ледышку... Ну нет.

Он пошел рядом, держась за обитый жестью борт, и лишь иногда подсаживался на край. Свою душегрейку он отдал Жданке, которая свернулась на соломе жалким дрожащим комочком, и сверх того закутал девчонку в рогожи, припасенные дядькой Антоном, чтобы накрывать свой товар. Хозяин товара, глядя на такое самоуправство, хмыкнул, но ничего не сказал.

Когда в сумерках они добрались до Стрелиц, несчастный Варка от холода уже не чуял ни рук, ни ног. Стрелицы, окруженные пустыми, продуваемыми ветром полями, оказались большим по пригорским меркам селом: целая сотня дворов, на холме над ними церквушка, внизу, у торной дороги – корчма. Ночевка на сеновале над конюшнями – грош с человека. Деньги выложил дядька Антон, пробормотав: «Потом сочтемся».

В обеденной зале было тепло. Печь хорошо вытоплена, да еще поддавал жару открытый очаг, над которым готовилась всякая снедь.

Варка и Жданка пристроились поближе к огню и грызли прихваченные с собой из дому черствые лепешки. Дядька Антон не спеша, с толком и расстановкой ужинал в компании такого же тощего, сутулого, бородатого мужика, которого торжественно именовал кумом. Когда бутылка, стоявшая перед ним, наполовину опустела, он пришел в хорошее настроение и подмигнул Варке:

– Эй, погреться не хочешь? Замерз, небось.

– Денег нет, – сухо ответил Варка. Выпивкой дядька Антон даром делиться не станет – уж в этом-то он был уверен.

– На что тебе деньги: спой, они тебе сами нальют. Даже просить не придется.

– Это чё, тот самый, что на Крайновой горке живет? – заинтересовался кум, дубленая физиономия которого слегка размякла, утратив обычную неподвижность. – Неужто он сам из крайнов?

– Не, – икнув, разъяснил дядька Антон. – Только ему дано.

– Да-а, – протянул кум, – где они, те крайны... Может, их и не было никогда...

Варка окинул взглядом закопченную залу, очертания которой едва просвечивали сквозь кухонный чад и кислый пар, поднимавшийся от сырых одежд немногочисленных гостей.

– Чё сидишь-молчишь, как девка на выданье? – не унимался дядька Антон. – Сам выпьешь и нас угостишь. Думаешь, не поднесут?

«Поднесут, – думал Варка, – еще бы. Встать, затянуть „По новой по роце поехал зять к теще“, – поднесут как миленькие, и сразу станет тепло. Отступит страх, вернется слух, исчезнет стена, навсегда отделившая его от людей, и хотя бы на эту ночь он будет избавлен от снов о доме. Крайну хорошо рассуждать, сидя на печке. Ему бы поднесли, он бы тоже, небось, не отказался. „Не смей губить свою жизнь“. Поду-умаешь! Тоже мне, господин учитель... Детка, веди себя хорошо, иначе... А что иначе-то? Что он может, бессильный, беспомощный калека, целиком зависящий от кучки изголодавшихся подростков? Мертвый крайн. Крайн без крыльев».

Варка поерзал, покосился на Жданку. Жданка глядела в пол. Лицо под съехавшей на глаза шапкой тонуло в густой тени. Грязные пальцы тискали грубую саржу старых Варкиных штанов.

– Или ты не мужик?! – заплетающимся языком подначил кум.

Варка встал, выпрямился, запрокинул голову. Шапка свалилась, и он не стал ее подбирать. Жданка закусил губу. В прямой напряженной фигуре парня на миг отчетливо проступило до жути близкое сходство с крайном.

– Не, не мужик. Девка я, разве не видно? – сказал он хриплым мальчишеским баском и вышел, ловко избежав столкновения с очередным пьяным гостем.

Дядька Антон осторожно поставил кружку, ошарашенно покрутил головой.

– Девка, парень – кто вас там разберет... Вот ты кто, рыжий?

– Не знаю, – радостно ответила Жданка, – сирота я, так мне до сих пор никто не объяснил.

На сеновале, конечно, дуло, хотя снизу тянуло пахучим лошадиным теплом. Варка забился поглубже в сено и пожалел, что забыл захватить верхнюю одежду. Впрочем, одежду принесла Жданка.

– Он тебя заморозил? – горячо зашептала она. – Он для этого нас тогда выгнал, да?

– Нет, – сказал Варка в темноту, пахшую навозом и сеном, – не может он ворожить.

– Почему?

– У него крыльев нету.

– Вар, а вот у нас под мостом жил один такой... он раньше придворным певцом был, если не врет. В самой столице... а теперь по трактирам побирается.

– Отстань, – сказал Варка, – я спать хочу.

* * *

Меж холмов вольно раскинулось озеро, черное, блестящее, как крылья ворона. В темной ледяной воде дрожало отражение белого города: светлые стены, стройные башни, серебристые флюгера, высокие шпили.

Настоящий город, стывший на берегу под белесым морозным небом, напротив, казался черным, точно вырезанным из куска тени.

– Ух ты! – сказала Жданка. Померзший в дороге Варка только кивнул. Война обошла это место стороной. Пригорский город Трубеж был хорош, как картинка на праздничном прянике. Над городскими воротами красовался огромный щит. На щите, на синем поле серебром были выложены две симметрично расположенные треугольные штуковины, отдаленно смахивающие на дамский веер.

– Ишь, – проворчал дядька Антон, – подновили-расстарались. Опомнились, стало быть. Поздновато опомнились.

– Чего это? – тут же спросила Жданка.

– Герб ихний. Трубежский.

– Странно, – заметил Варка, – в гербе обычно лев, ну или там дракон. Орел, на худой конец. А тут не разбери поймешь что.

– Крылья крайна, что ж еще, – фыркнув, объяснил дядька Антон.

– Да? – изумился Варка. – А похоже на крылья курицы.

– А ты видел?

– Чего?

– Крайна с крыльями.

– Не, – хмыкнул Варка, – я курицу видел.

К сожалению, вблизи сказочный Трубеж смахивал на рубашку обедневшего щеголя. Складочки заглажены, полотно тонкое, но кружева обтрепались, ворот и манжеты заношены, да и белизна стала какой-то желтоватой. Продуманно построенный, с любовью украшенный, некогда чистый и ухоженный город явно переживал не лучшие дни.

Торг на площади у Озерных ворот тоже не поражал богатством и изобилием. Во всяком случае, до Рынка-на-Болоте ему было далеко. Несколько рядов телег под присмотром серьезных мрачноватых мужчин вроде дядьки Антона, штук двадцать палаток под линиялыми полотняными крышами, гостеприимно распахнутые двери городских лавок на Озерной площади – вот и вся ярмарка.

Варка приготовился к жестоким дракам с возможными соперниками, другими бродячими певцами, акробатами или глотателями огня, но ничего подобного на площади не оказалось, хотя время было не раннее.

– Валяйте, – буркнул дядька Антон, спихивая Жданку с телеги.

Варка поглядел на него, на лохматый шар зимнего солнца, катившийся над самыми крышами, вдохнул полную грудь морозного воздуха и запел:

*Снеги белые, пушисты
Покрывали все поля.
Одного лишь не покрыли
Горя лютото мово...*

Жданка подхватила, их чистые голоса сплелись, полетели над площадью. Красив был город Трубеж, и день выдался ясный, и пелось легко, не то что в душных горницах.

*Воротися, моя радость,
Воротись, моя надежда...*

Жданка вдруг умолкла. Перестав слышать ее, Варка очнулся, опустил глаза. Вокруг стояла толпа. Ломаные жизнью пригорские крестьяне, аккуратные горожанки в белых чепцах и черных вышитых юбках, лохматые мальчишки и даже тройка военных в кирасах и шишковатых шлемах, по виду явные стражники. Эти трое Варке не понравились настолько, что он с трудом подавил сильное желание

немедленно бежать. Но Жданка спокойно обходила толпу с шапкой. Варка глазам своим не поверил. В шапку сыпались настоящие деньги. Конечно, все больше медные гроши, но попадались и пятаки, мелькнула, мелодично звякнув о другие монеты, серебряная гривна.

– «Ехал мальчик молодой!» – крикнули из толпы.

– «Хороша была Любаша» знаете? – умильно пробасил самый высокий стражник.

– Красавчик какой! – томно вздохнула какая-то девица в щедро украшенном лентами чепце.

Опасаясь, как бы дело не дошло до вопросов про крайна, Варка нахлобучил шапку поплотнее и затянул про Любашу.

* * *

Соперник у них появился, когда торг пошел на убыль и краски короткого зимнего дня стали медленно тускнеть. Над площадью вдруг разнеслись нежные, протяжные звуки. «Неужели флейта?» – удивился Варка. Напротив ниши под лестницей, ведущей на надвратную башню, тоже собралась небольшая толпа.

– Пошли посмотрим, – азартно предложила Жданка. Варка пожал плечами. Петь ему порядочно надоело. Для того чтобы закончить, годился любой предлог.

Нежные звуки издавала вовсе не флейта. Всего лишь грубая глиняная свистулька с тремя дырочками, однако играл на ней настоящий мастер. Он был уже стар, сквозь седые волосы просвечивала бледная лысина, шевелились сосульки желтых прокуренных усов, плясали над дырочками корявые пальцы, в такт небесной музыке дрожал и дергался толстый лиловый нос.

Но зрителей привлекала не музыка. Перед стариком на обледеневших булыжниках площади танцевала белая птица. «Журавль? – подумал Варка. – Не, журавли серые. Аист? Маловата она для аиста». Птица была белоснежной от кончиков крыльев до пышного хохолка на голове. Движения ее были легки и порывисты. Она взлетала, распахнув крылья, по-балетному задирала длинные тонкие ноги, тянула носок, приседала и кланялась.

– Красиво, – вздохнул Варка.

– Нет, – Жданка сморщилась, сгорбилась, как старушка, – пошли отсюда.

– Пошли. Есть хочется.

– Ты знаешь, почему она пляшет?

– Может, ей музыка нравится.

– У нас под мостом у одного петух такой был. Знаешь, как их учат? Хозяин начинает играть, а птицу сажают на раскаленный железный лист. Она скачет от боли, а хозяин играет. И так несколько раз. Она скачет потому, что боится боли.

– Тьфу, – сказал Варка и двинулся прочь, плечом расталкивая плотно стоявших зрителей.

– Ты только дома ничего не рассказывай, – попросил он, убравшись подальше, – а то опять начнется: люди, крысы, навозные черви...

– Он же не со зла. Тоже, небось, голодает. Вон какой тощий, кожа да кости.

– Ты бы смогла так зарабатывать?

Жданка яростно замотала головой.

– Слушай, а почему она не улетает?

– Крылья подрезаны.

Варка споткнулся на ровном месте и стал смотреть в землю.

– И потом, я видела, у нее на лапке веревка. Вар, да ты чего?

– Ничего... Есть хочется.

* * *

– Вот, – сказал Варка, – треть выручки, как уговаривались.

– А не врешь?

– Сами считайте.

Дядька Антон долго водил корявым пальцем по липкой столешнице, распахивая по кучкам монетки разного достоинства. Они сидели на постоялом дворе «Крылья крайна». Торг кончился, ближние разъехались, дальние остались заночевать.

– С утра поедем?

– Нет, у меня здесь еще дела. Назад тронусь послезавтра с рассветом.

Варка пожал плечами. Ему было все равно: ждать дядьку Антона или добираться домой пешком. Но у Жданки имелись широкие планы. Получив в свое распоряжение мешочек с деньгами, она забегала, засуетилась, то расплачиваясь по уговору за заранее выбранный товар, то скупая по дешевке остатки нераспроданной крупы или овощей.

Варку немедленно заставили таскать на Антонову телегу какие-то свертки, мешки и кулечки.

– Откуда ты знаешь, чего надо? – попробовал он обуздать Жданкину проснувшуюся хозяйственность.

– Фамочка велела, – непререкаемым тоном заявила раскрасневшаяся от суеты Жданка, и Варка больше не спорил. Фамке виднее.

В конце концов Жданка самолично приволокла целую связку белых валяных сапог на толстой подошве сыромятной кожи.

– На всех, – выговорила она, запыхавшись.

– Сколько ж вас там? – удивился дядька Антон, пересчитал сапоги и с подозрением уставился на Варку.

– Пятерых видел. А кто шестой? Кого прячете?

– Никого, – отрезал Варка, – шестые про запас.

– А чего здоровенные такие?

– На вырост, – улыбнулась Жданка.

Глава 15

На следующее утро усталый Варка надеялся поспать подольше. Но помешала беспокойная Жданка.

– Вар, чего целый день без дела сидеть. Пошли, по улицам походим.

– А по шее не дадут?

– Не... Ну а если и дадут, то не сразу. Еще немного заработаем.

Трубеш Варке понравился. Было в нем уютно, спокойно, хотя и пустовато. Впрочем, они бродили по богатым кварталам с хорошими большими домами. Подавали тут тоже неплохо. Не так обильно, как на торгу, но зато в потайном поясе-кошельке, трижды обмотанном вокруг тощей Жданкиной талии, позвякивали целых четыре серебряных гривны. Никто их не обижал, проходившие стражники взирали благодушно, а темных личностей на улицах Трубежа, как видно, не водилось.

День клонился к вечеру, Варка решил, что пора возвращаться в трактир, но тут узкое пространство между домами заполнил яростный стук копыт. По переулку мчался целый отряд. Варка прижался к стене и прикрыл собой Жданку, чтоб не зашибли. Всадники понеслись мимо, в лицо ударила мерзлая пыль и запах лошадиного пота. Но вдруг кони заржали, остановленные на всем скаку, забили копытами.

– Эй, парень, ты – песельник?

– Я, – с перепугу признался Варка, глядя, как прямо перед ним, толкаясь, гарцуют лошади. Вот-вот наступят или прижмут к стене могучим лоснящимся крупом. Сверху нависла черная конская морда. Кто сидит на лошади – не разглядеть. Варка видел только руку в желтой перчатке, держащую поводья.

– Поедешь с нами. Госпожа желает тебя видеть.

Варка завертел головой, ища пути к отступлению.

Таковых не оказалось. Сзади стена, спереди сплошные лошадиные ноги.

– Не бойся, – мирно сказал всадник, – госпожа всего лишь хочет послушать песни.

– А заплатят? – придиричиво спросила Жданка, по стеночке выползая из-за Варкиной спины.

– Да, и очень щедро.

– Так в чем же дело? Давай! – прошептала Жданка, пытаясь острой коленкой придать Варке необходимое ускорение.

Подпрыгивая на крупе за спиной всадника в кольчуге и дорогом, подбитом мехом плаще, Варка по-прежнему выискивал способ бегства. Посылать целую толпу конных воинов, чтобы доставить в дом понравившегося песельника? Ой, нет. Что-то здесь не вяжется, даже если эта дама – принцесса крови.

* * *

Дама выглядела так, что могла бы быть и королевой. Она сидела у большого камина в громадном зале, поверху которого тянулась украшенная остроугольными арками галерея. Сидела очень прямо, не опираясь на спинку высокого резного кресла, едва касаясь подлокотников узкими породистыми руками. Дама определенно была не молода. Волосы, сложенные в высокую прическу с модными украшениями на концах локонов, цвета светлого серебра. Лицо, на первый взгляд гладкое и румяное, покрывала сеть тончайших, почти невидимых морщинок, зато глаза – чудной голубизны, не хуже, чем у Ланки.

Оробевший Варка был просто вынужден снять шапку и поклониться по всем правилам. За спиной раздался шорох. Видно, Жданка сделала то же. Хвост от тряски почти рассыпался, волосы упали на лицо, и Варка был этому рад.

– Не бойся, – нежно выговорила прекрасная дама. – Почему он напуган? Вы обращались с ним грубо?

– Никак нет, – гаркнул кто-то за Варкиной спиной.

– Не нужно бояться. Разве я такая страшная?

– Нет, – выдавил из себя Варка.

– Вы красивая, – восхищенно добавила хитрющая Жданка.

– Что вы поете?

– Что угодно госпоже? – взял себя в руки Варка, отодвинув в сторону дурные предчувствия. – Желаете послушать балладу?

– Лилофея, дочь короля, – прошептала Жданка. Она, как всегда, была права. Трогательная история о королевской дочери и водяном царе как нельзя лучше подходила даме в этих роскошных покоях и была благополучно допета до самого трагического конца. Варка

немного расслабился, перестал соображать, где тут выход и сумеют ли они до него быстро добраться.

Дама пришла в восхищение и даже, кажется, впала в экстаз. Глаза у нее стали совсем как у Ланки, получившей какой-нибудь особенно приятный подарок. Умело покрашенные губы раздвинулись в улыбке.

– Будь добр, подойди ко мне, – сказала она.

Варка подошел, шаркая валенками по гладкому мраморному полу, чувствуя себя грязным и неуклюжим.

– Присядь. Ты, вероятно, голоден.

Голоден Варка был всегда, так что охотно уселся за круглый одноногий столик, поставленный по правую руку от кресла, и робко оглянулся в поисках Жданки.

– Не тревожься. Твоего спутника покормят на кухне. Я хочу побеседовать с тобой, а он, боюсь, мал и глуп для серьезной беседы.

«Повезло Жданке, – с завистью подумал Варка, – на кухне, небось, обычной еды дадут. Хлеба или даже мяса».

На столе перед ним красовалось серебряное блюдо с пирожными: взбитые сливки, цукаты и тонкое слоеное тесто. Запивать все это предполагалось подогретым вином из высокого темно-красного бокала. Варка тяжело вздохнул, аккуратно, двумя заскорузлыми от грязи пальцами подцепил пирожное и, собрав в кучку остатки полузабытых хороших манер, попытался вести себя как подобает воспитанному юноше из приличной семьи. Получалось вроде неплохо. Сливки на стол не уронил, с шаткой резной табуретки не грохнулся, на шлейф даме не наступил – и то ладно.

– Кто вы и откуда?

Варка протолкнул в рот кусок пирожного. С трудом удержался от того, чтобы вытереть руку о штаны, деликатно кашлянул и доложил все ту же историю про беженцев из Белой Криницы. Совет крайна «поменьше болтать» сидел в его голове, как гвоздь.

Дама сочувственно кивала.

– Где вы живете?

– Нигде, – твердо ответил Варка, – бродим по Пригорью. Ночуем где придется. Свет не без добрых людей.

Дама улыбнулась, на бледных щеках образовались очаровательные ямочки.

– Милый мальчик, зачем ты лжешь?

Варка поперхнулся липким кремом. Дама подождала внятного ответа, не дождалась, и ее речь плавно потекла дальше:

– Я понимаю, лгать приказали пославшие тебя. Бедное дитя. Конечно же, ты не смеешь ослушаться и скорей умрешь, чем...

– Никто меня не посылал, – озадаченно возразил Варка. «Разве что куда подальше, но это, наверное, не считается?»

– Неужели ты хочешь сказать, что совсем один и ничего не знаешь об остальных? Ты круглый сирота? Тебя потеряли? Бросили?

– Совершенно невероятно, – донеслось из-за спинки кресла, – почти так же невероятно, как то, что его послали сюда одного. Должно быть, у них осталось очень мало людей.

К камину шагнул худощавый пожилой мужчина с толстой серебряной цепью на впалой, обтянутой черным бархатом груди.

– Дорогой, вы, по обыкновению, правы, – величественно кивнула дама. – Тебе приказали молчать, – ласково повторила она, – но, мой милый, сознаешь ли ты, что слишком молод, слишком мало знаешь, чтобы оценить всю серьезность положения? О, воображаю, что тебе наговорили о нас. Поверь мне, это не совсем справедливо. Тем более что дом Гронских состоит в давнем родстве с родом Ар-Морран. Ты не находишь, что перед лицом общей опасности пора забыть старые распри? Следует подумать о людях Пригорья, не так ли?

Варка открыл было рот и тут же его захлопнул. Он чувствовал себя как на уроке. Вопрос задан, от него ждут ответа, а он понятия не имеет, о чем вообще идет речь. Что ж, если не знаешь урока, можно попробовать бить на жалость. Он умоляюще улыбнулся и постарался, чтобы в голосе дрожали слезы:

– Прекрасная госпожа, как бы я посмел солгать вам! Мы бежали из разоренного города, мои родители погибли, уже несколько месяцев я живу случайной работой или подаянием и никогда в жизни не слышал о Гронских или Ар-Морран. Здесь какая-то ошибка...

– Ошибка? Ну что ты, мой милый, я не могу ошибаться. Лицо, голос, походка... Особенно голос. Если ты хотел ввести нас в заблуждение, тебе не следовало петь. Тот, кто надеялся, что ты сможешь долго выдавать себя за простого бродягу, должно быть, совсем забыл, как выглядят обычные люди.

Тут Варку осенила догадка. С одним представителем рода Ар-Морран он все-таки был знаком, и человеком тот точно не был.

- Нет, – решительно начал он, – я не...
- Ты очень упрям, – печально вздохнула дама.
- Варка! Беги!

Вопль сбросил его с шаткого табурета. Локтем он опрокинул драгоценный бокал, но ему уже было все равно. Наверху, на галерее, Жданка извивалась в руках здорового стражника, норовя укусить его за запястье, но на стражнике были боевые перчатки, так что острие длинного ножа неуклонно приближалось к Жданкиному горлу.

Варкин взгляд заметался в поисках лестницы. Лестница нашлась, но у входа на нее неподвижно стояли двое в кирасах и при оружии.

– За что?! – взмолился Варка. – Что мы вам сделали?

– Хороший ключ к раскрытию внутренней сущности, – с удовлетворением заметил тихий человек с цепью, – вполне верный.

Нож прочертил на коже вертикальную красную полосу. Жданка завизжала.

– Ты готов пожертвовать своим спутником ради сохранения тайны? Лети. Ты еще успеешь.

Невинный взгляд фарфоровых ясно-голубых глаз, должно быть, и вправду вскрыл в душе Варки какую-то внутреннюю сущность. Впрочем, совсем не ту, которую требовалось. Обозвав прекрасную даму как нельзя хуже, он бросился к лестнице. Жданка кричала, и он плохо соображал, что делает. В здравом уме ему ни за что не удалось бы сшибить здорового вооруженного стражника простым ударом под колено. Тот повалился с лязгом и грохотом. Зато второй, опомнившись от неожиданности, тут же скрутил взбесившегося мальчишку. Каким-то чудом Варке удалось вырваться, но тут набежал третий и отвесил такую оплеуху, что Варка утратил всякую охоту не только драться, но и жить. Стражники оказались повсюду, за каждым углом, за каждой колонной, словно здесь ждали не пару малолетних бродяг, а шайку пригорских разбойников.

– Странно, – донеслось до него сквозь туман. – Оказывается, я действительно ошиблась. Невероятно. И весьма прискорбно.

– Не думаю. Взглянем на это с другой стороны. Если ошиблись даже вы, что же говорить об остальных?

– О... Вы полагаете, он сможет сыграть эту роль?

– Ему не придется ничего играть. Вовсе не обязательно посвящать его в наши планы. Достаточно отмыть, приодеть, подкормить

немного... Представьте, этот мальчик рядом с вами на празднике солнцеворота...

– Несомненно, это произведет впечатление.

– Нужное впечатление.

– Об этом стоит подумать. Отведите его пока в Витражную.

– А второго?

– Второму заплатить и выставить за ворота. Впрочем, можно подыскать ему какую-нибудь работу на кухне. Обижать сирот – дурной тон.

– Опасно. Он может начать болтать. Устранить – в любом случае проще и надежней.

– Что ж, оставляю это на ваше усмотрение.

Тут Варка встрепенулся, дернулся в могучих руках стражников и заорал:

– Только троньте ее – ничего для вас делать не буду! До смерти забейте – не буду!

– Ее? – донесся до него воркующий голос дамы. – Любопытно. Это твоя подружка?

Варка похолодел, поняв, что проболтался.

– Сестра! – рявкнул он, костенея от ненависти и сознания полной беспомощности. Жданку он не видел, и держали его очень крепко. Не разогнуться. Перед глазами метались лишь свесившиеся на лицо волосы да мраморные квадраты пола. – Есть-пить не буду! От жажды сдохну, на поясе повешусь! Будет вам праздничек!

– Какая прелесть, – умилилась дама. – Прямо как в старые добрые времена. Дорогой мой, может быть, ты все-таки крайн?

– Не-ет! Я дракон! Щас превращусь – не обрадуетесь!

Где-то рядом отчетливо фыркнула Жданка. Варку слегка отпустило. Раз фыркает, значит, ничего страшного ей не сделали.

– Драконы, они вроде покрупнее будут, – с сомнением пробасил какой-то стражник.

– Обоих в Витражную, – негромко приказал мужчина. – Не бить. Обращаться мягко. Кто испортил ему лицо – ответит.

– Дык я легонько. Он же бросался как бешеный, – раздалось над Варкиной головой.

– Чтоб вы все сдохли! – с наслаждением сказал Варка.

* * *

– Вар, что это было?

– Не знаю. Ничего не понял. Вроде бы им до зарезу нужен крайн, и они почему-то хотели, чтоб я был он.

– А зачем им крайн?

– Откуда мне знать?

– Вар, а ты точно не...

– Дура. Курица безмозглая.

Помолчали. Варка злился. Жданка делала вид, что обиделась на курицу.

Витражная комната, высокая и холодная, тонула в изменчивом полумраке. При свете огня, едва тлевшего в непомерно большом камине, тускло мерцали оконные витражи в глубине узких, вытянутых вверх ниш. Окна располагались намного выше Варкиного роста.

Огонь для них разложили, но есть не дали. То ли нарочно, то ли просто забыли в суматохе. В пустом Варкином животе одиноко блуждали липкие остатки пирожного.

Они сидели на полу перед очагом, для тепла привычно прижавшись друг к другу. Никакой мебели, кроме нескольких деревянных складных табуретов, в комнате не было.

– Вар, выходит, они тебя на службу взяли.

– Не буду я им служить. Ты чё, не поняла? Они же тебя убить хотят. Чтоб не болтала.

Жданка вздохнула.

«Будешь, – подумала она, – никуда не денешься».

Несмотря на свои двенадцать лет, она очень хорошо разбиралась в людях. Эти двое в парадном зале были из самых страшных. Холодные и опасные, как хищные рыбы в мутной речной воде. Такие сильнее всех, потому что для них нет запретов. Все будет, как они захотят. Ее убьют, а Варку сломают. По-настоящему-то его еще ни разу не били. Случайные драки не в счет. Можно бить так, что не останется никаких следов. Бить сутками... неделями...

Жданка съезжилась. Не... Отсюда не убежать. И в голове ни одной мысли. Даже не страшно. Только как-то пусто, словно все уже кончилось.

Варка задремал, уткнувшись в ее колени. Жданка глядела на огонь, вспоминала прекрасного крайна. Были бы целы крылья, прилетел бы, как тогда, в башню. Были б у Варки крылья...

– Жданка, проснись! Проснись, говорю! Нашла время...
– Да не сплю я... Чё, поесть принесли?
– Нож не отобрали? – горячо зашептал Варка.
– Не-а, – зевнула Жданка. Нож был привязан у щиколотки под тройным слоем толстой портянки.

– Давай сюда.

– Зачем, Вар?

– Давай-давай, не расслаживайся! Слышь, тихо как? Третью стражу недавно отбили. Самое глухое время. И пояс снимай. Снимай, говорю. Отвернулся я.

– А деньги куда?

– Плевать на деньги!

– Хочешь часовых подкупить, а не выйдет – зарезать?

Варка, хмыкнув, вытряхнул деньги из пояса.

– Как же, плевать, – проворчала Жданка, собирая монеты и тщательно увязывая их в угол подола своей безразмерной рубахи.

Тем временем Варка, располосовав пояс вдоль, связал половинки надежным рыбацким узлом и принялся, раздраженно фыркая и отпихивая с лица мешавшие волосы, пристраивать к концу получившейся короткой веревки нож. Очаг догорел, и работать приходилось почти на ощупь, хотя наверху бледно светились узкие полосы окон. Над Трубежем вошла ясная морозная луна.

Закончив работу, Варка сильно подергал нож, привязанный посередине, между рукоятью и лезвием, остался доволен и, стараясь не шуметь, поволок широкий неудобный табурет к угловому окну. Послушная, но озадаченная Жданка, пыхтя, потащила второй. Под окном Варка взгромоздил табурет на табурет, шепотом приказал Жданке держать, утвердился наверху шаткого сооружения и швырнул нож в по-прежнему недосягаемую глубокую оконную нишу. Громко звякнуло стекло. Варка замер. Жданка втянула голову в плечи.

Все тихо. Никакого топота. Никаких воплей. Варка подергал за конец веревки, и нож с легким лязганьем съехал к нему в руки. Варка выругался и попробовал снова. На этот раз нож вывалился по ту сторону рамы, зацепился за что-то и застрял плотно. Варка подергал за веревку, повис на ней – веревка держала. В одну минуту он подтянулся, ввинтился в узкую нишу, закрепился на покато подоконнике.

Скоро по скату подоконника заскользили осколки стекла. Жданка предусмотрительно ловила их в подол рубахи, так что удалось обойтись без звона и грохота. Варка возился долго, не раз порезался.

Витражное стекло крепилось на тонкой проволоке, избавиться от которой было труднее всего. В ожидании очередного куса Жданка подставляла уже выломанные осколки под тусклый лунный луч, пыталась понять, что там было, на витраже. Край золотого плаща... тонкая рука... а это кружевное, белое... неужели кусок крыла?

– Все, – приглушенно раздалось сверху, – давай сюда.

Жданка пристроила осколки под стеночкой, вползла на шаткое сооружение из двух табуретов и уцепилась за веревку. Сооружение закачалось, твердо намереваясь рассыпаться с жутким грохотом, но почему-то не упало.

В оконной нише Варки не оказалось. Прекрасный витраж был безжалостно выломан. В дыру заглядывала луна. Жданка осторожно высунулась и ахнула. Вдали, в лунной тени чернели какие-то крыши, а далеко внизу беспощадно сверкала покрытая инеем брусчатка мощеного двора. К счастью, тут появился Варка. Вышел из-за угла по тянувшемуся под окнами карнизу, на котором едва помещалась его босая ступня. Куда делись новые валенки – неизвестно.

– Вылезай, – приказал он.

Жданка отчаянно замотала головой.

– Ты чего? – искренне удивился Варка. – Тут недалеко, до угла только.

Жданка зажмурилась:

– Я высоты боюсь.

– Дура! Какой высоты... Всего-то саженой десять, – возмущенно зашипел Варка.

Малое количество саженой Жданку не утешило. Булыжники внизу не стали от этого ближе и мягче.

– Ладно, – сказал Варка, отесняя ее обратно в окно. Поскреб в затылке, вздохнул. – Простила меня за то?..

– Ну.

– Веришь мне?

– Ну.

– Тогда так. Залезай на спину, зажмурься и держись.

Узкий оконный проем заполнился Варкиной спиной. Жданка стиснула зубы и вцепилась в Варку руками и ногами.

– Не за шею, – прохрипел Варка, – задушишь! Рук не разжимать, глаз не открывать. Что бы ни случилось, не орать. Ясно?

– Ясно. А что ты будешь делать?

– Тебя не касается.

Жданка зажмурилась, изо всех сил стараясь никуда не смотреть и ни о чем не думать. Затылком и лопатками она чувствовала холод твердых камней, поджидавших ее в глубине двора. Напряженная спина под ней мерно двигалась. Варка медленно шел, цепляясь руками за стену, а пальцами ног за обжигающе ледяной металл карниза. С грузом за спиной расстояние до угла уже не казалось ему таким маленьким.

– Кожа да кости, – ворчал он, – ешь, ешь, а толку чуть. Крысе своему, небось, все скармливаешь. Любовь до гроба, дураки оба.

Жданка понимала, он болтает, чтобы отвлечь ее, но это не помогало.

Спина под ней замерла, качнулась в сторону.

– А теперь держись крепче.

– 3-зачем?

– Щас летать будем, – пообещал Варка и, сильно оттолкнувшись, прыгнул вперед.

Жданка заорала бы, да рот забило ветром, смешанным с Варкиными разлетевшимися волосами, уши заложило, ставший твердым морозный воздух вышибал из зажмуренных глаз жгучие слезы. Варкины руки взвились вверх, и тут же сильный толчок сбросил Жданку с тощей, костлявой, но такой надежной спины. Она падала, не открывая глаз, что-то царапало лицо и руки, цеплялось и рвало одежду. Сильный, но упругий удар, и вот она уже не падает, а скользит, увязая в чем-то мягком, осклизлом и, как оказалось, довольно вонючем.

Глаза открылись сами собой. Падение прекратилось. Сверху нависали скрытые черной тенью крутые склоны. Прямо над головой, на краю обрыва торчала старая, толстая, раскидистая ветла, похожая на растрепанный веник. На одной из веток сиротливо болталась Жданкина мохнатая шапка. А над ветлой, высоко наверху блестел под луной огороженный кирпичной стеной угол дома. Под темными щелями окон сверкала полоска карниза.

– Ой, – сказала Жданка, – ой-ой-ой...

Визжать вроде было поздно, но очень хотелось. Зашуршало, заскрипело, зачавкало, и сверху съехал на спине встрепанный Варка. Под мышкой он неловко зажимал новые валенки.

– Цела?

Жданка мелко закивала, хотя и не знала точно, цела она или нет.

– Тогда помоги обуться. Я, кажется, руки потянул... обе... или, того хуже, вывихнул. Шевелить могу, но не поднимаются.

Жданка заторопилась, принялась натягивать валенки на босые, застывшие ноги.

– Хорошо, – вздохнул Варка, – тепло. И не трет нигде...

– Вар, а ты... ты, значит, и вправду крайн? Ты зажмуриться велел, чтоб я крыльев не видела?

– Дура, – устало сказал Варка. – Я просто прыгнул.

– Чего?! Спрыгнул?! Во-он оттуда?!

– Ну и чё? Я дома сто раз так делал. С крыши на дерево. Или со стены. Прыгнешь, уцепишься за ветку... Дерево спружинит, и все дела. Только тут, конечно, повыше... Но ничего. Хорошо упали, мягко. Я, как эту помойку заметил, сразу понял – выберемся.

– По-мой-ку?

– Да что ты прям как Ланка. Будто никогда помоек не видела... Тут кругом дома. Годами, наверное, в этот овраг всякую дрянь вываливают. Ладно, хватит рассиживаться. Вставай, пошли, пока нас не заметили.

Жданка встрепенулась, вскочила на ноги:

– Куда пойдём? К дядьке Антону теперь нельзя. Из города надо выбираться.

– Думаешь?

– Да. Такие не отвяжутся. Искать будут. По-моему, ты им очень нужен.

Проваливаясь по щиколотку в промерзшую, но все еще липкую грязь, они двинулись вниз по оврагу. Над головами проплывали задворки трубежских богатых домов. Дно оврага по-прежнему тонуло в тени, и Варка был этому рад.

Довольно скоро овраг уперся в городскую стену. Стена была построена на совесть. Почти все пространство оврага тщательно заложили камнем. Арку, оставленную для стока весенней воды, перегораживала толстая ржавая решетка.

– Придется пролезть, – решительно сказала Жданка, – к воротам нам точно нельзя.

– Еще бы, – буркнул Варка, – цепь заметила? Тот мужик в черном – городской старшина, это уж как пить дать.

Скинув душегрейку, Жданка ящерицей ввинтилась в один из нижних квадратов решетки. Пролезла, протащила за собой душегрейку, кивнула Варке. Тот, присев на корточки, начал копать, надеясь расширить проход под решеткой. Ноющие руки почти сразу уперлись в затянутый грязью, но вполне надежный нижний прут.

Варка скривился, закусил прядь волос и, морщась, принялся раздеваться. Руки слушались плохо, не гнулись, не поднимались.

– Отвернись, – зашипел он на Жданку, – чего пялишься?

Снять пришлось почти все, и штаны, и куртку. А рубашки у него давно уже не было. Выдохнув остатки воздуха, ободрав спину и плечи, он все-таки протиснулся в просвет между прутьями, перепачкавшись с ног до головы и зверски замерзнув. Выбравшись с другой стороны, он никак не мог унять крупную тяжелую дрожь. Одевать его пришлось Жданке.

Глава 16

Они очутились на самом берегу. Впереди черное озеро с яркой лунной дорожкой, позади белая от лунного света городская стена. Под ногами – полоска неглубокого снега, в двух шагах ледяная кромка припая и неподвижная темная влага. Тихо. Так тихо, что слышно, как колышется вода, легко ударяясь о прибрежный лед.

– Вон там, наверное, дорога, – сказала Жданка. Справа вдоль озера до самой стены тянулась полоса растрепанных ив.

– Б-бежим, – выдавил из себя Варка.

– Чё, уже гонятся?

– Н-не знаю. Замерз я.

Скользя и спотыкаясь в неглубоком снегу, они промчались под стеной, срезали угол вдоль озера, чтобы не приближаться к городским воротам, вылетели на дорогу, перечеркнутую длинными тенями деревьев, и только добравшись до пригородных полей, перешли на быстрый шаг. Страх погони, неумолимо толкавший их вперед, оказался сильнее голода и усталости.

– Согрелся?

– Ага.

– Как думаешь, дядька Антон будет нас искать?

– Не... Чё ему, больше делать нечего?..

– А вещи-то наши... выкинет, небось.

– Не выкинет. Они же денег стоят. С собой возьмет, да еще припрячет подальше.

– Все одно теперь мы из него ничего не выцарапаем.

– Посмотрим, – мрачно сказал Варка. – Он, конечно, всем крысам крыса, но ведь и мы тоже не благородные крайны. Пригрожу ему поджогом, все отдаст как миленький.

Они миновали спящие поля, дорога нырнула в лес. Потянулись кусты, болотины, густые ельники и редкие перелески, отделявшие окрестности Трубежа от Стрелиц. Голубоватый лунный свет незаметно сменился предрассветным сумраком. Светло-серый снег, прозрачно-серые небеса, серо-черная лента дороги. Сосны и ели казались кусками тени, придорожные кусты прикидывались то туманными фигурами в плащах, то хищниками в засаде.

Жданке наконец стало страшно, да так, что зубы застучали, хотя теперь-то, казалось, бояться было совершенно нечего. Она чуяла, что Варка тоже дрожит. Вдруг он дернулся, схватил Жданку за руку и сломя голову нырнул в ближайший ракитник. В неподвижном морозном воздухе отчетливо разносился стук копыт.

– За нами? – пискнула Жданка.

– Не знаю, – огрызнулся Варка и пихнул ее под пышную молодую елку, – ложись!

Жданка послушно плюхнулась на колкую хвою, едва припорошенную снегом.

– Только не смотри на них, а то обязательно заметят.

Мохнатые еловые ветви свисали до самой земли, но Варку это не успокаивало.

– Все равно заметят, – шептал он, – на снегу наши следы остались.

Топот приближался, усиливался. Целый отряд в кирасах с яркосиним гербом Трубежа. Лошади летели в полный галоп... и не остановились, промчались мимо, исчезли в светлеющих сумерках.

Варка, внезапно ослабев, некоторое время лежал, вслушиваясь в полную, мертвую, благословенную тишину. Рядом часто дышала Жданка. С тихим щелчком с веток падали сухие хвоинки. Одна... вторая...

Странный звук рассек безмолвные сумерки острым блестящим ножом.

– Кричат... – испугано прошептала Жданка.

– Да... – неуверенно согласился Варка.

Крик повторился. Протяжный, высокий стон, полный тоскливого безумия.

– Это не человек кричит.

Варка встал, осторожно озираясь, вынырнул из-под колючих веток.

Кусты, белые прогалины, черные елки. Все тихо и неподвижно.

– Пошли отсюда. Кричит или не кричит, нас не касается.

Крик... Всего две высокие, пронзительные ноты. Тоска и отчаяние, мольба о помощи.

– Там помирает кто-то. – Жданка, не двигаясь с места, вытягивала шею, с мучительной торопливостью озираясь по сторонам. Варка хотел высказаться в том смысле, что сейчас каждую минуту кто-нибудь помирает, но поглядел на Жданку и осекся.

– Где помирает?

Новый крик.

– Там! – Жданкин палец уверенно уперся в огромную ель у самой дороги. Могучие ветви нависали над колеей, задевая и конного, и пешего.

– Ну, пошли, глянем, если не боишься, – сумрачно предложил Варка. Сам он боялся до дрожи в коленках. Слишком много в этом вопле было какой-то нечеловеческой жути.

– По-моему, тут уже все померли, – с тайным облегчением заметил он десять минут спустя. Из-под еловых ветвей торчали неподвижные ноги в разношенных ботинках поверх грязных обмоток.

Крик врезался в уши, заставил втянуть голову в плечи. Жданка бесстрашно нырнула под ветки и тут же взвизгнула. Варка выругался и бросился за ней.

Под елью, тяжело и неловко привалившись к гигантским, выступающим из земли корням, лежал человек в низко надвинутой на лицо шапке. Из-под шапки виднелись сосульки желтых прокуренных усов, полуоткрытые синеватые губы, клочок жалкой бородачки. В плечи плотно врезались матерчатые лямки, из-за спины торчали прутья раздавленной тяжестью упавшего тела заплечной корзины. Жданка уже хлопотала там, пытаясь приподнять закостеневшую спину.

– Помоги! Чего стоишь как дурак!

Жданка орала редко. От неожиданности Варка послушался. Бормоча про себя один из перлов трущобной мудрости «Мертвых не бойся, бойся живых», он ухватился за неподвижную холодную руку и потянул. «Пьяный был, должно быть, – размышлял он, косясь на лиловые щеки в темно-красных прожилках. – Так и замерз. А может, с голоду». Тело поддалось, перевалилось на бок, упало навзничь. Варка ахнул. Из раздавленной плетеной клетки высовывала полураскрытый клюв помятая белая птица.

– Это он, что ли... тот, который на площади? Зачем же его на ночь глядя из города понесло?

Птица вытянула шею и жалобно закричала.

* * *

Карабкаясь на открытый всем ветрам Стрелицкий холм, они окончательно выбились из сил и всерьез поссорились.

– Ну куда ты ее тащишь, куда? Сама еле плетешься. Я тебе как травник говорю, у нее не только крыло или там нога, у нее внутри что-то повреждено. Вон, кровь на клюве.

– Отстань...

– Дура. Курица.

– Урод. Крайн недоделанный.

– Брось ее, говорю, все равно она вот-вот подойдет.

Жданка упрямо мотала головой и продолжала, спотыкаясь почти на каждом шагу, прижимать к себе растрепанную птицу. Птица, угревшись у Жданки за пазухой, больше не кричала, только топорила хохолок и стонала почти как человек, тихо и жалобно.

– Потерпи, – уговаривала ее Жданка, – сейчас придем в корчму, там тепло, там тебя покормят...

– Не придем мы ни в какую корчму, – угрюмо сказал Варка и остановился, ежась от вновь пробравшего озноба.

– Чего?! – Жданка решила, что ослышалась. Трубеж они покинули задолго до рассвета, шли без отдыха уже несколько часов и со вчерашнего дня ничего не ели. Она чувствовала, что с птицей или без дальше идти не сможет. Мысль о стрелицкой корчме с огромным очагом в маленьком, душном, жарко натопленном зале поддерживала ее последние два часа пути.

Мохнатое морозное солнце медленно ползло вверх по холму вместе с ними. На снега, укрывшие окрестные поля, легли полотна малинового света. На вершине холма уже маячила стрелицкая колокольня и черные треугольники крыш.

– Того. – Варка вдруг закашлялся, отер рот рукавом. – Те конные как раз в Стрелицы поскакали. Вон, вся дорога истоптана.

– А вдруг они не за нами?

– А вдруг за нами?

– Вар, если мы щас не отогреемся, то точно помрем.

– Если нас поймут, тоже. Хотя мне-то они ничего не сделают. Это тебя убить грозились. Так что в Стрелицы нам нельзя. Пойдем в Язвицы. Там найдем эту, как ее, помнишь, у нее еще посиделки были?

– Бабку Устинью.

– Ага. У нее переночуем. Она вроде добрая.

– Язвицы далеко, Вар. Засветло не дойдем.

– Тут останемся – замерзнем. Так что бросай птицу и пошли. Подем, подем, вокруг холма, потом по задворкам к лесу. Нехорошо тут. Кругом одни поля, отовсюду нас видать и спрятаться негде.

Покорно вздохнув, Жданка поплелась за ним, путаясь в присыпанной снегом стерне, упрямо обнимая белую птицу.

На задворках оказалось вовсе не так пусто и безопасно, как они надеялись. На скате под самой церковью мельтешили какие-то черные фигурки и раздавались далеко слышные вопли.

– Только этого еще не хватало. – Варка болезненно прищурился, пытаясь разобраться, что там происходит.

Жданка вдруг оживилась и плечом подтолкнула его вперед:

– Пойдем поближе. Может, польза будет.

* * *

Какая от этого может быть польза, Варка догадаться не мог. Он сидел в старой, с прошлого года неубранной копне, грел на коленях под безрукавкой несчастную птицу и без всякого интереса наблюдал, как резвится местная мелкота. На скате от самой церковной ограды была наезжена горка. Съезжали с нее на чем попало. Хороших деревянных салазок было мало. В ход шли куски рогожи, худое решето, обмазанное замерзшим навозом старое деревянное корыто.

Почему Жданке, у которой со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, измученной холодом и долгим ночным переходом, пришла охота покататься с горки, он не знал. Должно быть, и вправду что-то замыслила. Рыжие – они хитрые. Ему было сказано строго: «Сиди тут, ты слишком приметный». Он и сидел. Запихнул хвост под безрукавку, натянул ворот на самые уши, чтоб не мерзли, в который раз пожалел о потерянной шапке и потихоньку начал дремать. Дурацкая птица мешала, царапалась длинными нескладными ногами, плечи закаменели и отчаянно ныли, но, несмотря ни на что, веки слипались, точно склеенные. «Не замерзнуть бы, – проплыла вялая, как снулая рыба, мысль. – Да ничего, морозец нынче слабый, сиротский». Неизвестно, чем бы все это кончилось, но тут ему под нос сунули ломоть свежего хлеба. Пахло так, что Варка сейчас же очнулся и вцепился в пригорелую корку зубами, как волк в добычу.

– Вот, – сказала Жданка, – это Стеха.

Стеха был на голову ниже Жданки. Состоял он из громадных валенок и драного материнского платка, повязанного поверх старой отцовской душегрейки. Половины зубов у него не было, зато веснушки на лице имелись в изобилии.

– А я тебя знаю, – заявил он, – ты у нашей Радки на свадьбе пел.

– Угу, – согласился Варка, овладев собой, и бережно спрятал горбушку за пазуху. В рот положил только маленький кусочек и принялся сосать его как конфету.

– Ты красивый, – во весь беззубый рот разулыбался Стеха.

– А ты девчонка, – тут же догадался Варка.

Стеха хихикнула.

– Она может показать тропинку на Язвицы.

– За грошик, – солидно прибавила Стеха.

– Говорит, намного короче, чем по дороге.

– Знамо, короче. Засветло, может, и не дойдете, но к мосту как раз поспеете. А там уж близко.

– Что за мост?

– Через Язвицу мост. Длинный такой. Ты чё, забыл? Проезжали же.

– Тогда пошли. Нечего тут рассиживаться.

Варка хотел встать, но тело застыло и совершенно не слушалось. Поднимать его пришлось Жданке.

* * *

Тропинка начиналась у восточного конца деревни, за огородами, и сразу ныряла в заросшую черемухой балочку. Не знаешь – и не заметишь. Стеха решила проводить их до леса и, утратив всю солидность, болтала как заведенная. По ее словам выходило, что в Стрелицах полно стражников. Как приехали с утра, так и до сих пор торчат. Главный ихний караул разослал по всем дорогам. И на Язвицы, и на Добрицы, и на подгорные Столбцы.

– А чего они? – скучным голосом спросил Варка. – Ищут, что ли, кого?

– Знамо, ищут. Сказывают, в Трубеже у самой княгини кольцо украли. С алмазом. Во-от такущим. Неопикуемой красоты.

Варка исподлобья взглянул на Жданку. Жданка сурово поджала губы.

– А еще сказывают, из городской казны три пуда золота унесли.

– Целых три пуда? – зло ухмыльнулся Варка.

– Три. А может, и все четыре.

Варка представил, как они со Жданкой тащат по зимним дорогам три пуда золота, и его разобрал смех.

– А кто унес? – спросила более практичная Жданка. – Приметы какие?

– Не сказывают. Только каких проходящих увидят, сразу к главному волокут. А он ругается, не те, мол. Так с самого утра и ругается.

– Ага, – сказал Варка, – тропиночка-то пришлась весьма кстати.

Впрочем, она оказалась из тех, что длиннее любой окольной дороги. Узкая стежка пробиралась через Лихой бор, не обращая внимания на такие пустяки, как ручьи, овраги, непролазный бурелом и частый молодой ельник. Через ручьи были наведены хлипкие мостки, в овраги полагалось нырять очертя голову, а потом долго карабкаться вверх по противоположному склону. В буреломе узкая ненадежная стежка потерялась совсем, и Варка уже решил было, что им конец, но обошлось. Тропинка каким-то чудом отыскалась снова, внезапно выползла из-под ствола упавшей здоровенной березы.

Солнце зашло, медленно сгущались сумерки, Жданка совсем выдохлась. Варка отобрал у нее птицу, затолкал под безрукавку и, ругаясь, понес сам.

Стемнело уже всерьез, когда далеко впереди вспыхнули тусклые красноватые огоньки. Неожиданно оказалось, что они стоят на высоком крутом обрыве. Прямо у них под ногами сизые сумерки быстро заполняли широкую белую низину, покрытую островками камыша и пухлыми кочками. По низине, словно не зная, куда себя деть, тонкой суровой ниткой петляла до сих пор не замерзшая речка Язвица. Через всю низину, от Лихоборских обрывов до Язвицкой горки, тянулась черная полоса моста.

* * *

Язвица, речушка мелкая, плохонькая, в любом месте даже курице по колено, по весне имела привычку разливаться широко и привольно, так что мутные волны бились в глинистые обрывы Лихоборья и заливали Язвицкие покосы. Вернувшись же в свои берега, шкодливая речонка оставляла за собой старицы, лужи, глубокие промоины и маленькие, но никогда не пересыхающие болота. Поэтому Язвицкий

мост был на диво длинным сооружением на высоких сваях. Местные очень гордились им, хотя и не подновляли уже лет пятнадцать.

Варка брел по мосту, цепляясь за неструганую жердину тонких ненадежных перил. Бревна настила были скользкими от севшего к ночи инея. Кроме того, было совсем темно. Так темно, что он почти не видел, куда ступает. Что будет, когда мост кончится, как им удастся не потерять дорогу и отыскать Язвицы, огни которых давно исчезли из виду, Варка не знал.

Второй рукой он прижимал к себе полумертвую птицу. Зачем он ее до сих пор тащит, Варка тоже не знал. Где-то рядом в темноте, вцепившись в его безрукавку, ковыляла Жданка. Она не жаловалась, но дышала так же часто, как несчастная птица.

– Потерпи, – сказал Варка, приостановившись, чтобы передохнуть, – надо дойти. А то твой крайн без тебя пропадет.

– Он не мой, – огрызнулась Жданка, – он... – и осеклась.

Мост дрогнул от гулкого грохота. По дереву дружно били лошадиные копыта. Первым делом Варка рванулся к перилам: прыгнуть. И сразу же понял – слишком высоко. Вот если бы снегу побольше... Но снег едва покрывал сухие кочки и грязный болотный лед.

– Может, не заметят, – прошептала Жданка. Варка даже не стал обзывать ее дурой. Как можно их не заметить на самой середине узкого, со всех сторон открытого моста?

Копыта стучали, стремительно приближаясь.

– Может, не узнают?

Варка схватил Жданку в охапку, прижал к себе, окутал лапами безрукавки. «Первому, кто потянется, швырну в рожу проклятую птицу, – подумал он, крепко зажмурившись, – а там – посмотрим». Один бы он попробовал забраться под мост, повиснуть на свае, но Жданка так не сможет.

Жданка вдруг вывернулась из рук.

– Стойте, – завизжала она, – стойте.

Грохот смолк. Варка открыл глаза. На миг ему померещилось, что он все еще спит в копне возле Стрелиц и видит очередной несвязный сон. Жданка повисла на шее какого-то мужика. За спиной мужика выступали из темноты очертания лошади.

– Дядечка Антон, – причитала Жданка, – ой, дядечка Антон!

Дядька Антон, ошарашенный таким обращением, не мог даже гмыкать.

– Где вас носило?! – рывкнул он наконец, отодрав от себя Жданку.

– Да мы пешком, – проникновенно протянула Жданка, – скучно ждатель-то.

– Дык, может, вы и дальше пешком?

– Не, – радостно заявила Жданка, забираясь на полупустую телегу, – ехать лучше.

Варка шагнул вперед, пристроился рядом, сунул застывшие пальцы в рот, стараясь согреть их.

– Чё там у тебя? – Кнутовище дядьки Антона уперлось в оттопыренную безрукавку.

– Три пуда золота, – мрачно разъяснил Варка, – те самые, что из Трубежа сперли.

– Ха, – сказал дядька Антон. – Ну, поехали, что ли. Ночуем в Язвицах, у кума. Два гроша с носа. А до тех Язвиц еще три версты. Засветло хотел добратсья, так нет. По дороге два раза останавливали.

– Золото искали?

– Да кто ж их разберет. Сказывают, трубежские крайна поймали.

– Ну да?! – заинтересовалась Жданка. – Настоящего?

Дядька Антон хмыкнул, подстегнул лошадь.

– Не знаю. Не видал. Сказывают – из себя прекрасного и того... с крыльями. Заманили они его, значит, к себе как-то хитростью, поймали, заточили, а он возьми да и улети.

– Когда это было-то? – скучным голосом спросил Варка.

– Да прошлой ночью. Нынче с утра пришли за ним, а там окно разбито, решетка сломана. Улетел.

– А чего ж они по дорогам ищут? – не унималась Жданка. – Лететь-то и без дороги можно.

– Чего не знаю, того не знаю. Крайн им до зарезу нужен, хоть какой завалящий, из простых.

– Зачем? – жестко спросил Варка.

– Одумались, – проворчал дядька Антон. – Князя, вишь, боятся.

– Сенежского?

– Его.

– А барона не боятся? – спросил поднаторевший в местной политике Варка.

– И князя, и барона, и крайнов... Вдруг отомстить захотят.

– За что отомстить?

Но дядька Антон в ответ только хмыкнул.

Глава 17

– Быстро вы обернулись, – сказала Фамка.

Варка непонимающе смотрел на нее. Ему казалось, что он годы провел на темных дорогах, пробираясь по пустым полям и бесконечным холодным чащобам, годы бежал и прятался, коченея от холода и умирая от страха.

– До темноты надо сходить в Починок, оставшиеся вещи забрать.

– Сходим-сходим, – успокоила его Ланка, – ты уж сиди, грейся.

Варка, как вошел, потянулся к печке и теперь всем телом прижимался к ней, если б можно было, то забрался бы внутрь, в самую середину пылающих углей. С самого утра у него болела голова и снова бил озноб.

Жданка торопливо выпутывала из-за пазухи нескладную птицу. Вид у птицы был вполне мертвый. Крылья беспомощно распластались по полу, клюв полуоткрыт, глаза затянуты белой пленкой.

– Это что, едят? – сухо поинтересовалась Фамка.

– Бедненькая, – ахнула Ланка, села на корточки, осторожно тронула поникший хохолок, – надо ее покормить... или хоть водички.

Жданка кинулась за котелком. Птичий клюв осторожно погрузили в воду, но это не помогло. Несчастная птица только взъерошила помятые перья и жалобно квакнула.

От этого странного звука проснулся крайн. Он и в самом деле спал, а не прикидывался, как решил было Варка. Оторвал всклокоченную голову от лежанки, и какой-то миг Варка имел возможность наслаждаться редкостным зрелищем. На высокомерном лице, вечно искаженном гневом или отвращением, мелькнуло наконец что-то человеческое: сонное удивление и расслабленная нежность.

– Белая цапля, – пробормотал он, – белая цапля с Бренских болот... – и окончательно проснувшись, соскочил с лежанки. – Что вы с ней сделали?!

– Мы – ничего, – поспешила заверить его Жданка.

– Где взяли?

– Подобрали на дороге.

Крайн опустил на колени. Длинные желтоватые пальцы коснулись окровавленного клюва, осторожно развернули подрезанное

крыло, пробежали по лапке с обрывком веревки.

– Двухногая мразь, что сотворила это...

– Он умер, – сказал Варка от печки, – замерз в лесу.

– Умер?! Надеюсь, – голос крайна сорвался, – очень надеюсь, что его смерть не была легкой.

Жданка пыталась что-то объяснить, но ее явно не слушали. Крайн съежился, склонился над птицей – живое воплощение горя и отчаяния. Нескладные худые локти, острые плечи, торчащие лопатки... Лицо, полностью скрытое неопрятными космами. Только пальцы едва шевелились, ласково перебирая грязно-белые перья, да шелестел невнятный шепот, похожий на деревенский плач по покойнику. Варка разобрал что-то вроде «сестрица моя милая... загубили, замучили... ничего не могу...». Прислушиваться он не стал. Сильно клонило в сон, а мерное бормотание довершило дело.

* * *

Пробуждение было ужасно. Таких звуков он не слышал с полузабытых липовецких времен. Варка вскочил на ноги, намереваясь дорого продать свою жизнь.

По комнате с дикими пронзительными криками металось нечто белое и нескладное. За ним, нечленораздельно вопя, скакала Жданка. Ланка визжала, зажмурившись и заткнув уши. Илка дергал ее за руку и пытался что-то спросить. Крайн сидел на полу, прислонившись к лежанке с таким ошеломленным лицом, как будто его только что хватили обухом по голове.

– Как я это сделал? – задыхаясь, проговорил он.

– Чего не знаю, того не знаю, – заметила сохранившая полное спокойствие Фамка, – вы крайн, вам виднее.

– Я – мертвый крайн. Я не мог... – Теперь крайн с безумным видом рассматривал свои дрожащие руки.

– Значит, смогли. Или она сама оклемалась.

– Дура, – подал голос Варка, – у нее самое меньшее три ребра сломано.

– И осколки проткнули легкое. И общее истощение. – Крайн поднял глаза на Варку. Взгляд был умоляющий. Варка ничем помочь не мог. Кто его знает, как устроены крайны.

– А если, – тихонько предположил он, – у вас ничего и не было отнято? Сами-то вы не отказывались. Может, это как награда... ну... за нас?

– Не было отнято? Кто знает, каким судом нас судят и на каких весах...

Жданка пыталась накрыть птицу курткой. Птица орала и билась. Ланка визжала.

– Вы бы лучше придумали, как ее унять, – предложила невозмутимая Фамка.

– Унять? – Казалось, до крайна все доходит с огромным трудом. – Унять... да, конечно. – Правая рука дрогнула, словно против воли хозяина. Движение кисти было коротким, но завораживающе изящным.

Первой замолкла птица. Замерла на одной ноге, склонив хохлатую голову, уставилась на узкую кисть, повторившую тот же манящий жест, и, плавно взмахнув крыльями, очутилась рядом с крайном. Тут ей, по-видимому, необычайно понравилось. Она живо вспорхнула на лежанку и, пристроившись чуть ли не на макушке у крайна, начала чистить перышки и время от времени копать клювом в его волосах. Наверное, надеялась найти там что-нибудь съедобное. Крайн не возражал. Он снова уставился на свою руку, будто бы та совершила нечто невозможное.

– Так, – сказала Фамка, – а чем мы ее кормить будем?

– Кашей, – заискивающе улыбнулась подкравшаяся поближе Жданка. – Она же маленькая... много не съест...

– Она не будет кашу, – пробормотал крайн, – они лягушек едят. Слизняков... Мелкую рыбешку.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Ланка. – Варочка нам рыбки наловит. Правда, Ивар?

– Еще чего, – Варка повернулся к ней, намереваясь до последней капли крови отстаивать свое право мирно сидеть у печки, – сами ловите.

– Ой, – ахнула Ланка, – что у тебя с лицом? – Ее тонкие пальчики коснулись левой скулы, погладили щеку.

– А что?

– Фингал. Здоровенный, – приглядевшись, сообщила Фамка.

– Шел ночью по лесу, приложился о дерево.

– Злобные нынче в лесах деревья, – заметил крайн.

Пальцы-клещи впились в Варкин подбородок.

Льдистые глаза вдруг оказались слишком близко. Варка зажмурился и дернулся, вырываясь. Встретаться взглядом с крайном он смертельно боялся.

Вырваться ему не дали.

– С людьми, конечно, намного труднее, – донесся до него горячечный шепот, – но если получится... если только у меня получится...

– Не надо! – взмолился Варка, наплевав на самолюбие и необходимость держать лицо перед девчонками.

Опухшую левую щеку и разбитую скулу обожгло такой лютой болью, что захватило дыхание и из зажмуренных глаз сами хлынули слезы.

Варка вывернулся, со всего маху стукнулся затылком об печку, сгоряча заорал что-то вроде «отвали, козел!» и только потом открыл глаза. На него никто не обращал внимания. Все курицы смотрели на распахнутую дверь. Дверь с треском захлопнулась.

* * *

Крайн отыскался в ущелье ручьев. Нахохленной черной птицей сидел на высоком камне, с головой завернувшись в старое одеяло. Поодаль бродила белая цапля, копалась в незамерзающих озерцах, выковыривала из-под камней сонных улиток. В ранних сумерках ее оперенье сияло точно серебряное.

Варка стиснул зубы и пошел к крайну, таща за собой упирающуюся Жданку.

– Ну... – сказал он в неподвижную горбатую спину, – это... фингал-то сошел.

Крайн глянул через плечо и вновь отвернулся.

– Вар, пойдем, нетрогай его, – прошептала Жданка.

Но Варка не двинулся с места.

– Э... я того... нагрубил... и прошу прощения.

Никакого ответа. Белая цапля полушагом-полулетом подобралась к своему спасителю и, нежно квакнув, пристроила голову ему на колени. Худая рука опустилась, погладила встопорщенный от удовольствия хохолок.

– Жданку посмотрите, – судорожно вздохнув, попросил Варка, – у нее...

– Не надо, Вар.

– Порезали ее, – решительно сказал Варка, – и в рану, похоже, грязь попала. А у меня кончилось все. Все снадобья вышли.

Темная фигура шевельнулась, соскользнула с камня. Цапля негодуяюще вскрикнула.

– Кто порезал? То самое дерево, что тебе синяков наставило?

– Вроде того.

– А ты куда смотрел?

– Он был один против всех! – бросилась на защиту Жданка. – Да если бы не он...

– Верю-верю. Так что там у тебя?

Крайн опустился на корточки. Жданка отшатнулась, спиной прижалась к Варке. Варка осторожно придержал ее за плечи.

– Разве ты боишься меня? – медленно проговорил крайн.

– Не-а... Боюсь, больно будет.

– Больно? – искренне удивился крайн. – С чего ты взяла? Не будет больно.

– Да? А что же Варка так орал?

Крайн коротко глянул на Варку снизу вверх. Неужели Крыса может смущаться? На всякий случай Варка сделал вид, что ничего не заметил.

– С твоим Варкой я... немного перестарался... – он отвел Жданкины руки, зажимавшие грязный ворот безразмерной рубахи, – теперь я буду очень, очень осторожен.

Порез, тянувшийся вниз от Жданкиного горла, был неглубоким, но длинным, черным от запекшейся крови. Кожа вокруг распухла и покраснела.

Крайн провел по ране кончиком пальца. Жданка съежилась.

– Грязная... выглядит плохо... Почему сразу не обработал?

– Руки были заняты, – пробурчал Варка.

– Он не мог, – снова вступилась Жданка, – его трое держали.

Неизвестно откуда на свет появился ларчик с секретом. На сей раз в ход пошло содержимое голубого мешочка, шитого серебром.

– Больно?

– Не-а... У вас глаза как листва на ветру...

– В глаза мне не смотри.

– Почему?

– Голова закружится. Так, говоришь, втроем держали? Но тебя ведь не хотели убить. Только пугали. Зачем?

– Это меня пугали, – нехотя признался Варка.

- Ну и как, напугали?
- Ага. До полусмерти.
- Вот и все. Не больно?
- Не. Хорошо... Тепло...

– Дай-ка я тебя все-таки закутаю. Вот так. Иди домой. А ты... – Тон резко изменился. Варка сразу понял, что забота и прочие нежные чувства предназначались исключительно Жданке, он же по-прежнему оставался человеком, то есть существом низшим и вполне отвратительным. – Рассказывай, во что вы вляпались.

– В помойку, – радостно сообщила Жданка, – ой, там такая помойка была...

– Деревья с ножами тоже на помойке росли?

– Я не понял, во что мы вляпались, – признался Варка, – может, вы поймете. Я готов все рассказать, только не орите. И про крыс не надо, и про вонючих хорьков.

– Что, настолько плохо?

– По-моему, еще хуже.

* * *

Крайн выслушал всю историю молча, только стоять спокойно не мог. Так они и ходили, от ручьев к сухому дереву и обратно. Крайн прихрамывал, подволакивал раненую ногу. Рядом преданно семенила белая цапля.

Впрочем, Варкин собеседник скоро утомился и конец истории дослушал, опершись о дерево, исподлобья глядя на укрытый густыми сумерками оком, за которым скрывалось все Пригорье с полями, лесами, реками и белым городом Трубежем. Варка кончил, подождал объяснений, но вместо них пришлось выслушать очередную порцию философских рассуждений о человеческой низости.

– Они желали свободы, – прошелестело в полумраке, – они ее получили. Но они забыли об одном. Знаешь, кто свободен от всех долгов, связей и обязательств?

– Крайн? – предположил Варка.

– Труп. Только мертвец никому ничего не должен. И вот теперь к трупу сбежались хищники. Скоро они начнут жрать друг друга. И тот, кто сильнее, сожрет всех остальных.

– Хищники?

– Филипп Вепрь, князь Пучежский и Сенежский. Сильвестр Адальберт, седьмой барон Косинский. Сиятельная дама Элоиза, княгиня Гронская, вкупе со своим братцем, трубежским старшиной. С этими ты уже знаком, не так ли?

Варка сплюнул под ноги.

Крайн стиснул голую ветку, прижался к ней лбом, подышал, словно пережидая боль.

– К весне, возможно, и королевские войска подойдут. Богатый нетронутый край...

– Значит, будет война?

– А что тебя удивляет? Война повсюду. Вот уже десять лет. Чем этот кусок земли лучше прочих? Проклятие на всей стране. Все проклято – земля, вода, воздух, огонь в очагах.

– Крайнами?

– Крайны не умеют проклинать.

– А вы гово...

– Я солгал. Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы еще раз отправиться вниз?

Варка замотал головой. Вниз ему совсем не хотелось.

– Впрочем, до весны ничего серьезного не произойдет. После солнцеворота начнутся метели, морозы... Потом весна, бездорожье... Так что наслаждайся жизнью. Несколько месяцев мира нам обеспечено.

– И мы не можем ничего сделать? – не вытерпела Жданка. Отчаянное любопытство не пустило ее домой и заставило потихоньку подкрасться поближе.

– Кто это «мы»? Побирушка Ивар Ясень пятнадцати лет со своим приятелем-полудурком? А если они не справятся, на помощь придут их юные подружки?

– Ну... я думала, вы... ведь вы же можете...

– Я?! – Крайн расхохотался коротко и зло. Скалы за его спиной отозвались резким, кинжальным эхом. – Что я могу?

Этого Жданка не знала.

– Людям нравится убивать. Или смотреть, как убивают другие. Кто я такой, чтобы лишать их любимого развлечения?

– Но...

– Курица, – вздохнул Варка, – весной уйдем. В Загорье пробраться попробуем или еще куда.

Глава 18

Устрашенный рассуждениями крайна о грядущих морозах, Варка решил, что дров недостаточно, передохнув денек, собрал свою каличную артель, прихватил два гроша и с утра отправился на поклон к дядьке Антону. Голова у него по-прежнему тупо ныла, болело в груди, по временам накатывал противный озноб, но он решил не обращать на это внимания.

Жданка рвалась помочь, просилась с ними, несмотря на то что ее тоже слегка лихорадило, Варка рывкнул на нее и только потом понял, что одновременно с ним рывкнул крайн. Устрашенная Жданка пискнула и забилась в угол.

Тем временем Фамка сходила за водой, прибралась, растопила печку. Все это время она раздумывала, соображала, не знала, как спросить. Крайн привычно переместился поближе к огню, птица, недовольно квакая, потянулась следом. Должно быть, сивая нечесаная голова казалась ей почти готовым гнездом.

Какое-то время Фамка думала, что разговора не выйдет. А так удачно получилось... Все ушли. Жданка дуется за печкой. Но господин Лунь сегодня ежился и топорщился больше обычного. Казалось, то, что сила крыльев осталась при нем, не радовало, а мучило его, как открывшаяся рана. Должно быть, это безмерно тяжело – чувствовать за плечами крылья и знать, что никогда не взлетишь. Может, разговор его отвлечет... Да и простая вежливость требует... В глубине души Фамка знала: дело не в вежливости. Просто очень хотелось проверить свои догадки. Наконец она не выдержала, бочком приблизилась к крайну, скромненько застыла в позе примерной лицеистки.

– Господин Лунь, я должна вас поблагодарить.

– За что?

Тон не слишком любезный. И в ее сторону он даже не глянул. Ну ладно, лиха беда начало.

– Вы, наверное, забыли. Вы же лечили меня весь последний месяц в лицеуме. Как эту птицу вчера. Чем я была больна?

– Больна? Нет. Ты умирала с голоду, – глядя на огонь, отозвался крайн.

– Так я и знала, – выпалила Фамка, радуясь, что ее умозаключения подтвердились, – этот ваш жест, рукой за плечо. Отругаете, а потом долго есть не хочется.

– Полагаешь, вид твоего истощенного мертвого тела доставил бы мне удовольствие?

Фамка представила свое мертвое тело в белом Зале для упражнений в версификации и передернулась.

– Возможно, людям нравится наблюдать, как умирают дети. Мне – нет. Но, судя по числу детей, умерших в Норах прошлой осенью...

Так, теперь его надо срочно отвлечь, а то опять начнет про крыс и навозных личинок. Выручила Жданка.

– Разве ж мы дети, – заявила она, высунувшись из-за печки, – у нас в Норах никаких детей не бывает. Либо младенцы, либо взрослые.

– И преимущества такой системы воспитания видны невооруженным глазом, – неприятным голосом сказал крайн.

Фамка сжала губы и отошла. Обида обожгла ее, горькая старая обида, которую ничто не могло ни утолить, ни заслонить. Черная кость, нечистая кровь... Кто твоя мать? Корзинщица? Фи! А отец? Нет отца? Понятненько. Или еще проще: где живешь? Ах, в Норах... Ну и ступай в свои Норы, нечего тут среди порядочных людей ползать. Благородному крайну не то что говорить с тобой, глядеть на тебя зазорно.

* * *

Между тем благородный крайн соскучился у печки и отправился на улицу, кормить-прогуливать свою птицу. Жданка, которая не умела долго сердиться, увязалась за ним. В избушке остались двое – Фамка и ее обида. Обида копилась, крепла, так что к обеду всегда сдержанная Фамка просто кипела. Котелок с похлебкой для крайна не подала, а грохнула на стол, так что по столешнице расплескалась густая жижа. Грохнула и поскорей ушла в темный угол.

– А ну-ка, вернись.

Крайн внезапно очнулся от своих возвышенных дум и снизошел до мира простых смертных. Сейчас будет выговаривать за грубость. Фамка покорно вернулась, подошла ближе, сторбившись, втянув голову в плечи.

– Дай руки. Обе.

Фамка исподлобья покосилась на протянутые к ней костлявые клешни с длинными узловатыми пальцами.

– Зачем?

– Так надо.

– Они грязные.

– Ничего. Я выдержу.

Мог бы и не глядеть на нее в упор своими жуткими затягивающими глазищами. Фамка все равно бы послушалась. И ничего не почувствовала. Ни жара, ни холода, ни боли. Руки как руки, сухие, шершавые, цепкие. Ее собственные, заскорузлые от работы лапки просто лежали в его неподвижных ладонях. Вот только лучше бы он на нее не смотрел.

– Я не умираю, – сказала она, желая, чтоб все это поскорей кончилось, – и у меня ничего не болит.

Но крайн смотрел, и лицо его медленно смягчалось. Губы сложились в слабое подобие обычной, не драконьей улыбки.

– Ну надо же, – задумчиво протянул он, – даже лучше, чем я думал. Иди сюда, рыжая, полюбуйся на свою подружку.

Жданка, не заставляя себя ждать, подскочила к ним и тоже уставилась на Фамку.

– Ух ты!

– Нравится?

– Еще бы! А как это?

– А вот так, – насмешливо сказал крайн и разжал пальцы.

Фамка так и осталась стоять столбом.

– Расскажи ей.

Жданка запрыгала, не в силах стоять спокойно.

– У тебя волосы – во, во-от такие! Глаза – во, черные-пречерные! И сама ты такая вся... ну такая... – Жданка встала на цыпочки, выпятила грудь, попыталась пройтись павой, но споткнулась и едва не грохнулась носом об стол.

Крайн смотрел на нее и откровенно забавлялся.

– За князя тебя выдадим, госпожа Хелена. Или за принца. Будешь княгиней – вспомни о нас, сирых и убогих, – заявил он, принимаясь за остывающую похлебку.

Маленькая, сутулая, востроносая Фамка закусила кончик тощей косицы.

– Ну и чё это было?
– Воплощение. То, что должно быть. То, что могло бы быть, если бы...

– Если бы что?

– Если бы тебя кормили досыта и не морили работой.

– Никто меня не морил. Я сама...

– Если бы вы жили в доме, а не мерзли в развалившемся курятнике.

– И вообще это не курятник...

– Если бы хоть один человек любил тебя.

– Но мать...

– Если бы твой отец не бросил твою мать еще до твоего рождения.

– Он не бросил. Его убили во время первой осады.

– Если бы не эта проклятая война.

Тут уж Фамка не нашлась что возразить. Стояла, насупившись, грызла кончик косы.

– Ой, – встряла Жданка, – а можно мне? Я тоже хочу, ну... это... воплощение.

– Не стоит труда, – усмехнулся крайн, вытягиваясь на лежанке. – Я тебя и так насквозь вижу.

– А что? Что видите-то?

Крайн приподнялся на локте, поманил ее к себе.

– Тебя, рыжая, не достоин ни один принц, – шепнул он в давно не мытое ушко, – чистое золото внутри и снаружи. Замуж – только за прекрасного крайна.

Жданка радостно засмеялась.

– А теперь отстань от меня, я спать хочу.

* * *

– Ну вот, – тихо ворчала Фамка, собирая ужин и косясь на желтое черепообразное лицо на лежанке, – безумно прекрасный крайн у нас уже есть. Осталось где-то раздобыть принца.

– Так это же совсем просто. Давай Варку попросим, – предложила Жданка, – настоящий принц, даже еще лучше.

– Ну чё Варка-то? Чуть что, так сразу Варка, – хрипло сказали с порога. Настоящий принц приволок охапку дров, грохнул у печки.

– Да вот, Фамка за тебя замуж хочет, – ляпнула Жданка.

Варка поперхнулся. Исхудавшее, но все еще безупречное лицо искривилось, будто ему насильно натолкали полный рот горькой полыни.

– И ты туда же! – простонал он. – Уж от кого, от кого, а от тебя я не ожидал...

Конец фразы заглушил язвительный хохот застывшей в дверях Ланки.

– Тихо, – цыкнула на нее Жданка, – разбудишь.

Но крайн спал крепко. Фамка ничего объяснить не стала. Вытерла руки о подол заношенной юбки, молча ушла за печку, а уж оттуда прошмыгнула в чуланчик. В чуланчике было холодно и темно. Фамка нащупала старый сундук, села, погладила скользкую крышку. На крайна она уже не злилась. Все-таки он заботился о ней тогда, в Липовце. О Фамке мало кто заботился. Такое она ценила и никогда не забывала.

Но Варка, с которым плечом к плечу они протянули два тяжелых месяца... Который никогда не давал понять, что она ему не ровня... Который всегда вступался за нее... И вдруг такое отвращение. Но ведь он не со зла. Просто сказал, что думал. Дура. Ду-ура. Возомнила о себе. Синеглазого принца ей подавай. Правильно он разозлился. Черная кость, нечистая кровь – а туда же. Дура. Пугало огородное.

В чулан проскользнул тусклый луч света, а вслед за ним проник Варка, локтем толкнул назад скрипучую дверь, уселся на сундук рядом с Фамкой.

– Фамочка...

– Отвали.

– Ты это... обиделась, что ли?

– Пошел вон.

– А чё я такого сказал-то? Жданка, дура, ляпнула глупость, вот я и завелся. Меня, если хочешь знать, все это уже до печенок допекло. Ну ладно, девчонки, с ними даже забавно бывает.

«Ага, – злобно подумала Фамка, – забавно ему».

– Но когда взрослые девки... лыбятся как дуры, хихикают и руками цепляют... Или вовсе старые тетki... Сядут и плятятся как кот на сметану. У меня эта красота уже вот где! Завтра найду нож, волосы отрежу к свиньям собачьим... и на лице нарисую шрам какой пострашнее. А то уже выйти никуда нельзя.

– Волосы все равно отрастут. И шрам не поможет. Сам потом пожалеешь.

– Ни за что! – с чувством возразил Варка.

– Пожалеешь. Встретишь какую-нибудь, какая тебе самому понравится, тут же и пожалеешь.

Фамка представила кого-нибудь вроде Иланы и не удержалась, всхлипнула. Хорошо, что Варка ее лица не видит.

Конечно, он ничего не видел, но слух имел хороший.

– Эй, ты что? Ты что же, и вправду, что ли?..

– Да, – выдохнула в темноту Фамка. – Нет... Не знаю я ничего...

Целую минуту Варка сопел, обдумывая ее слова.

– Это и есть женская логика? – беспомощно спросил он. – А то я как-то что-то не очень...

Фамка опять всхлипнула. Рядом завозились. На плечи и спину легла тяжелая лохматая душегрейка, а поверх нее крепкая Варкина рука.

– Фамочка, – убедительно сказал Варка, – без тебя я бы здесь умом тронулся. Совсем. Ты такая... Я для тебя... ну что хочешь... жизнь отдам.

«И ведь не врет, – мелькнуло в голове у Фамки, – правда так думает».

– Крайн сказал, что я выйду замуж за принца, – пробормотала она, оправдываясь. – Насмехался, как всегда. Вот Жданка и болтает.

– За принца? Да запросто. Когда надо будет, только свистни. Я тебе этих принцев за шиворот притащу, штук пять, на выбор.

Фамка представила, как Варка волочет упирающихся принцев в бархате, лентах и кружевах, и хихикнула.

– Одного хватит, но только чтоб на белом коне, иначе я не согласна.

– Ой, вы тут чего, целуетесь, да? Там Ланка уже на стенку лезет.

В чуланчик проникла Жданка. Варка, вопреки ожиданиям, обнимать Фамку не перестал, зато свободной рукой отвесил Жданке вразумляющий подзатыльник и вдруг зашелся тяжелым, рвущим грудь кашлем.

– Вот чего, – сказал он, прокашлявшись, – сегодня в Починок дядька Валх приходил. Меня искал.

– Зачем? – всполошилась Жданка.

– Зовет в Дымници. Завтра солнцеворот. Они хотят, чтоб я у них Овсенем побыл.

– Чем-чем? – удивилась Фамка.

– Ну, обычай такой. На солнцеворот добывают «живой огонь», выбирают мальчишку, ну или там парня молодого.

– И чего?

– Ну, он ходит из дома в дом, «живым огнем» зажигает очаг или печку, слова всякие говорит или поет.

– А почему ты?

– Из-за рожи моей распроклятой. Овсень этот, понимаешь ли, красивый должен быть.

– Ну, ясное дело, во всей округе красивей нашего Варочки никого нету, – хихикнула Жданка и схлопотала второй подзатыльник.

– А что надо петь – ты знаешь?

– Дядька Валх обещался научить по дороге. Он приедет за мной завтра. А потом назад привезет.

– Заплатят?

– Заплатят. Не деньгами, конечно, но деньги нам тут без надобности.

– Можно я с тобой? – заныла Жданка. – У меня уже все прошло.

– Давай, – легко согласился Варка, – петь вдвоем будем. Может, покормят тебя лишний раз. Тут вот какое дело. Крайн велел вниз больше не ходить. И я обещал, что не пойду.

– Так, может, лучше и не ходить?

– Да ладно, всего лишь в Дымници. Все равно того, что из Трубежа привезли, до весны не хватит. Ты вот чего... скажи ему, что я дядьке Антону пошел помогать, опять, мол, его согнуло. Вернусь засветло, никто ничего не заметит.

– Скажу, – вздохнула Фамка.

Глава 19

С мглистого неба падал теплый медленный снег, робко трогал лицо, застревал в волосах, покорно ложился на истоптанную деревенскую улицу. Весь день Варка во главе ватаги ряженных ходил по Дымницам, носил в особом горшочке загодя добытый дядькой Валхом живой огонь. В каждом доме добросовестно улыбался, разбрасывал по полу зерна, пел «Сейся, пшеница, колос колосистый», зажигал очаг, старательно кланялся хозяевам. Хозяева, по-праздничному радушные, угощали кнышевым хлебом, который на самом деле вовсе не хлеб, а пышный многослойный пирог из чистой белой муки. Подносили и стопочку. Стопочки Варка, давший себе слово быть очень осторожным, тайком переправлял дядьке Валху, обряженному поверх собственной пышной шевелюры в громадную медвежью шкуру. Тот не отказывался, пил и за себя, и за Варку, но к концу пути так нарезался, что к общему деревенскому костру вышел, качаясь, как былинка в чистом поле. Стало ясно, что сегодня он никого никуда не повезет.

Жданка, которой дали поносить журавля – палку с деревянным клювом и крыльями из рогожки, – тоже веселилась вовсю, прыгала, скакала, радостно махала «крыльями». Но Варке было не по себе. Вроде невелик труд – с песнями пройти по деревне, а в груди все спеклось, кости ломит и к горлу что-то подкатывает. Даже есть не хочется.

Он, как и полагалось, запалил костер, в полный голос начал «Овсень-таусень» и повел вокруг огня живую поющую цепь. Все время тянуло откашляться, но он сдерживался. Цепь замкнулась в хоровод, и Варка тихонько шмыгнул в сторону. Костер горел высоко, буйно, что предвещало хороший год. О войне здесь никто и не думал.

Хорошо бы и вправду здесь заночевать. Но если сегодня они не вернуться, завтра за Варку примется господин Лунь. Прыщей Варка не боялся. Но если господин Лунь снова влезет в душу и начнет там резвиться на свой манер... Варка содрогнулся и потянул Жданку из хоровода.

– Пошли. Нам засветло вернуться надо.

* * *

Снег сыпал и сыпал, скрадывал очертания, заглушал звуки. Дальний лес пропал в колышущейся пелене. Белая дорога была пуста. Жданка запела про то, как «по белой по пороше гуси-лебеди летели», но Варка не подхватил. Напелся уже.

Дошли до развилки. Направо – в Язвицы, налево – к мосту через Тихвицу. Повернули налево и услышали за спиной частый глухой стук. Жданка охнула. Варка закрутился на месте, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за летящим снегом. От леса по Язвицкой дороге бодрой рысью поднимался конный отряд. Синели плащи и тускло блестели шлемы.

– Беги! – приказал Варка. – Пулей домой!

– А ты?!

У развилки отряд разделился. Половина свернула в деревню, половина во весь мах направилась к мосту.

– Мне они ничего не сделают, – сквозь зубы процедил Варка, сбрасывая с плеч торбу, – беги, расскажешь своему крайну, авось он что-нибудь придумает. Или сам сбегу по дороге.

О том, что сбежать ему теперь вряд ли позволят, Жданке он говорить не стал.

Упоминание о крайне помогло, Жданка послушалась, шустро припустила прочь.

Варка старался соображать быстро, но голова гудела и в глазах странно двоилось. Что надо сделать, чтоб не тронули Жданку? Что придумать, чтоб самого не били? Или били, но не очень...

Жданку хотели убить, потому что она знает: Варка не крайн.

Всадники приближались. Вот кто-то заорал. Заржала пришпоренная лошадь. Его явно заметили. Ну ладно, будет вам то, за чем явились. Хотели – получайте!

Варка шагнул на середину дороги, выпрямился, будто аршин проглотил, задрал подбородок к небу, веки смежил в надменном прищуре и понадеялся, что получилось похоже. Все-таки образец для подражания вот уже несколько месяцев постоянно торчал перед глазами. Руки сами взметнулись вверх, не то поднимая щит, не то отгоняя противников, как назойливых мух. Варка постарался, чтобы жест вышел изящным и значительным. Даже пальцами пошевелил от старания.

Правда, смотреть в такой позе получалось только на серое снежное небо, но Варка был этому рад. Правильно крайн говорит. Глаза бы мои на вас не глядели...

Звон, грохот и ржание надвигались на него и вдруг затихли. Слышно было, как бьются, топчут остановленные на полном скаку лошади.

– Эй, парень, – гаркнул кто-то.

– Я... кхм... крайн из рода Ар-Морран... э... ап-Керриг из серых крайнов Пригорья.

Получилось хорошо, надменно и злобно. Налетевший порыв ветра взметнул вверх светлые Варкины волосы.

Стало очень тихо. Молчание тянулось, длилось, грозило взрывом и неизвестными бедствиями. Варка не выдержал. Не ломая надменного прищур, быстренько покосился на своих преследователей. И с огромным трудом удержал рот закрытым.

Они все спешили. Мало того, они стояли на коленях, уткнувшись лбами в свежесвыпавший снег. Некоторые при этом прикрывали головы руками. Кони топтались рядом, и вид у них был явно озадаченный.

Ага. До реки не так уж далеко. А там кусты, есть где спрятаться, да и снегу много. Пока опомнятся, пока взгромоздятся на своих скакунов...

Варка напрягся, готовый сорваться с места.

Не повезло. Один из стражников, то ли самый главный, то ли самый храбрый, разогнулся и неуклюже поднялся на ноги.

– Пресветлый господин крайн, – произнес он заискивающе, – вы это... ручки-то опустите... мы люди подневольные... не надо нас так уж сразу.

Варка отрицательно повел подбородком. Чего такого страшного в его руках – непонятно. Но раз боятся – опускать не будем.

– Чего приперлись? – сквозь зубы поинтересовался он. Ой. Похоже, благородный крайн выразился бы иначе...

– Не гневайтесь – прогудел стражник, – нам бы только письмо доставить...

Сзади ему поспешно передали свиток, украшенный серебристо-синей трубежской печатью.

Варка левой рукой величественно указал на дорогу перед собой. Подходить близко к этим громилам он не собирался.

Осторожно положив свиток на снег, стражник отступил назад.

– А еще госпожа Элоиза желала бы видеть вас своим гостем.

Вот оно. Началось. Они разогнулись, медленно встали на ноги. Из каждого можно было выкроить двух, а то и трех таких, как Варка. Широкие груди, обтянутые кольчужными рубахами, здоровенные кулачищи.

Варка уронил руки. Бежать надо было, а не раздумывать. Может, все-таки бить не будут. Так, скрутят и накостыляют слегка, для порядка.

– А я желал бы видеть вас всех в гробу! – вырвалось у него. – И вас, и госпожу Элоизу!

Все. Теперь точно побьют.

Он едва успел закрыться руками. В лицо полетели комья снега из-под дружно вонзившихся в дорогу копыт. Оказалось, что трубежские стражники умеют вскакивать в седло почти мгновенно. Теперь перед Варкой были только низко согнутые удаляющиеся спины, летящие плащи и конские хвосты.

Что-то сзади их напугало? Варка торопливо обернулся. Снег. Дорога. Белое поле. Чернеющие в отдалении приречные кусты...

Ухмыльнувшись, он шагнул вперед, носком валенка пошевелил свиток с серебристой печатью. Оказывается, приятно иногда побыть крайном. Да не таким, как затравленный, замученный Крыса, а настоящим, могущественным и, как видно, очень опасным.

Свиток откатился, поднявшийся ветер потащил его по дороге. Подобрать или пусть валяется? Прочесть самому или отнести Крысе с приветом от прекрасной госпожи Элоизы? То-то, должно быть, обрадуется. Именем ее в прошлый раз аж подавился, минуты две спокойно дышать не мог.

Порыв ветра швырнул свиток прямо под ноги. Варка подобрал его, сунул за пазуху и, запахнувшись поплотнее и прихватив торбу, побрел к мосту.

Возле моста его сбили с ног. Оказалось, сейчас это совсем просто.

– Лопни мои глаза, ты их прогнал!

– Дура! Курица! Я тебе что велел, а?!

– Да я под мостом сидела. Там бы ни за что не нашли. Как ты это сделал?

– Ну, как-как, сказал им, что я крайн. Как начал их проклинать, тут же все смылись.

* * *

На самом юру, на перекрестке, всадники, сгрудившись, сквозь метель всматривались в темную фигурку на Жажлевом мосту.

– Домой пошел.

– А чего ж он не летит?

– Не хочет. Или метель мешает.

– Гм... А я бы поглядел. Говорят, такое увидеть – к счастью.

– Так что ж ты сбежал? Остался бы. Мол, парень, покажи крылья, а то нет в жизни счастья.

– Чего нет, того нет.

– А у меня мать больна. Третий месяц не встает. Городской лекарь только руками разводит. Вот если бы госпожа Анна...

– Заткнись. Госпожу Анну в здешних местах лучше не поминать.

– Я, как ехали, думал, встретим кого из них, так попрошу, может, не откажут.

– Валяй, догони, попроси... Мы ж только спешили, ничего сказать не успели, а он уже руки тянет.

– Молодой, а злющий.

– Нам повезло, что молодой попался. Нарвались бы на взрослого, он бы нас всех мигом положил.

– А может, тут никаких взрослых и нет.

– Это почему?

– Ну... вид у парня такой... сиротский.

– Прикидывается. Глаза нам отвел.

– На госпожу Анну очень похож. Я мальчишкой тогда был, а хорошо помню.

– Может, сынок ее?

– Сдурел? Сынок-то этот ровесник мой. Вместе по девкам бегали. Бить мы его еще хотели, за Матвееву Светанку.

– И побили?

Рассказчик крикнул. Стражники радостно заржали.

* * *

На мосту Варка макал Жданку носом в снег.

– Ты будешь слушаться или нет? Я, как дурак, время тяну, шута горохового перед ними изображаю, а она под мостом сидит. Придем домой – выпорю.

– Господин Лунь не позволит.

– А я и спрашивать не буду.

– Господин Лунь сказал, что я – чистое золото.

– Ага. Ты ему тянучек из Трубежа принесла. Я видел... тайком сунула. А третьего дня под деревом вы вдвоем эти тянучки лопали. Вот и все золото.

– Тебе не дали – тебе завидно.

На мосту ветер был особенно сильным и резким. Не переставая препираться, они сбежали по скользким скрипучим бревнам на засыпанную свежим снегом дорогу. Тише не стало. Над крутыми берегами Тихвицы уже разбойничала настоящая метель, свистела, завывала, швырялась горстями мокрого снега. Высокие белые вихри без помех летели над пустыми полями, ломались над незамерзшей рекой и рухнувшими башнями валились на путников, бредущих по берегу. Не слишком наезженную колею быстро заметало. Идти становилось все труднее. Ноги проваливались выше щиколотки, валенки отяжелели.

– Теперь опоздаем, – ворчал Варка, – явимся в темноте – он меня убьет. Из-за тебя все.

– Почему из-за меня? – Жданка безуспешно пыталась стряхнуть с одежды налипший снег.

– Потому. Все, сворачиваем.

– Здесь? А по-моему, вон там, у куста.

– А, какая разница. Все равно дорогу сровняло. Во-он Починок-Нижний чернеет. Напрямик быстрее будет.

Варке отчаянно хотелось домой. Предстоящий путь сквозь темный колеблемый ветром лес представлялся ему неизбежным кошмаром. Очень быстро темнело. Поле зрения сжалось до тесного круга, со всех сторон занавешенного летящим снегом. Ноги проваливались все глубже, тяжелая торба давила на плечи.

– Вар, а куда мы идем?

– К лесу. На дорогу.

– Тогда нам наверх надо. Починок-то на горке стоит. А мы все вроде вниз да вниз.

Варка остановился, всматриваясь в серую муть. Снег летел в лицо, залеплял и без того полуслепые глаза.

– Да. Это мы слишком влево забрали. Возьмем правее.

Взяли правее и через пять минут влезли в густые кусты. Варка ничего не понимал. Откуда кусты? Кусты только у реки. Так и в воду угодить недолго. Обрыв крутой, течение быстрое. Снова подались влево, выпутались из кустов и увязли в глубоком снегу на дне невесть откуда взявшейся балки. Ну не было перед Починком никаких балок. Гладкое ровное поле.

Варка сразу набрал полные валенки мокрой ледяной каши. Жданка провалилась по колено и завязла.

– Вар, я больше не могу...

– Щас...

Шевельнув плечами, Варка сбросил тяжелую торбу, схватил Жданку за руку и потянул за собой вверх по скату.

– Постой. А как же...

– Не до того, – задыхаясь, пробормотал Варка. Он еще не боялся. Или уговаривал себя, что не боится. Чего тут бояться? До леса меньше версты. Если бы не снег, видны были бы крыши Дымниц и свет праздничного костра. Он втащил Жданку повыше, где снегу было поменьше. Надо идти... Но куда?

Пока они ковырялись в этом овражке, Варка утратил всякое понятие о направлении. Крупные мокрые хлопья летели теперь сплошным горизонтальным потоком. Накопленное движением тепло в один миг выдуло из-под жалкой одежки. Ветер, твердый как доска, здесь, на пригорке, выл, ревел, пригибал к земле.

Сквозь рев Варке послышался мерный надрывный скрип и редкие тупые удары. Вот тут ему стало страшно. Вспомнилась сказка про медведя, который ходит по деревне, скрипит липовой ногой, стучит в избы, ищет отрубленную лапу.

Но куда-то идти надо. Стоять нельзя, замерзнешь. Варка крепче вцепился в Жданкину руку и пошел на скрип. Шагов через тридцать он уперся в стену. Снег летел так густо, что он едва не стукнулся об нее лбом. Уперся и возликовал. Бревна. Сруб. Все же дошли до Починка. Можно как-нибудь влезть в дом и переждать. Одной рукой цепляясь за Жданку, другой ощупывая спасительные бревна, он побрел

вдоль дома. Но где же крыльцо? Или окно, на худой конец. Ага. Вот и угол.

Обогнув торчащие венцы, Варка остановился. Стена исчезла. Перед глазами мотались какие-то палки, косо торчал толстый обломанный столб, заметенные снегом остатки рухнувшей крыши. У столба на одной петле, надсадно скрипя... болталась совершенно целая дверь. Иногда особенно сильный порыв ветра со стуком швырял ее об столб.

Так. Это наверняка не Починок. Два часа назад дом в Починке-Нижнем был в полном порядке.

– Вар, где это мы?

– Не знаю.

– Вар, я правда больше не могу.

Варку тоже качало так, будто он сам принял все стопочки, отданные дядьке Валху. В боку кололо, колени дрожали, и с головой творилось что-то нехорошее.

– Спрячемся под стенкой, – жадно слизывая с ворота снег, сказал он, – тут хоть не дует. Переждем.

– Правильно, – слабым голосом согласилась Жданка, – переждем. Не может же это продолжаться долго.

Согнувшись, он потянул Жданку в щель между стеной и рухнувшей крышей. Здесь и вправду дуло гораздо меньше. И снег не резал лицо ледяными ножами. Варка отряхнул Жданкины плечи и намокшие волосы. Прижал девчонку к себе. Закутал в свою одежду.

* * *

Белые миски на гладкой желтой столешнице, свежие булочки горкой, пар из чайника, ряд блестящих кастрюль на полке, синие салфетки с вышитыми рыжими колосьями, синие кружки на крючках, расписной шкафчик.

На кухне было тепло. Варка сидел на любимом высоком табурете и клевал носом. Рядом мать, подвернув широкие вышитые рукава, молола кофе. Маленькая кофейная мельничка мелодично поскрипывала. По временам, убаюканный тихими звуками, Варка проваливался в сон. Сон был скверный. Безумная метель, из тех, что бывают только во сне. Какие-то черные обломки над головой. Тупая боль в онемевших ногах. Застывающий на лице снег. Но стоило

встряхнуться, и привычная кухня послушно возвращалась на свое законное место.

Вот что бывает, когда пытаешься спать, сидя у кухонного стола. Целый час снились какие-то бесконечные холодные дороги, темные чащи, волчий вой, наступающий стук копыт. А еще там был тот, с жутким засасывающим взглядом и окровавленными крыльями. Приснится же такое. Варка натянул на плечи толстую материнскую шаль. Привалился к столу поудобнее.

– Варка, не спи, – сказала мать.

– Не спи. Ты... – грубое слово, удар по левой щеке. – А ну... кому говорят, не спать! – два грубых слова, удар по правой щеке, очень грубое слово.

– Не трогайте меня, – прошептал Варка, – я не сплю.

– Вставай! – Варку за грудки выдернули из уютной, почти замеченной снегом щели. Снег мокрыми липкими слоями сползал с одежды, коркой отваливался с лица. Ветер свирепствовал с прежней силой. Все вокруг выло и дрожало. Снежинки неслись мимо со скоростью пули.

Варка со стоном попытался забиться назад, в укрытие. Но его чувствительно пнули пониже спины.

– П-шел!

И Варка пошел. Он знал: теперь, когда они нашли его в третий раз, пощады не будет. Непослушные ноги сразу же подломились, он упал лицом в снег, но тут же был схвачен за шиворот и вздернут вверх, будто нашкодивший щенок. Еще один болезненный тычок в спину. Варка заплакал и, спотыкаясь, побрел сквозь плотный, как масло, воздух, сам не зная куда. Направление задавали все новые и новые удары. Ноги ныли, как будто их рвали клещами.

Неожиданно он скорее почувствовал, чем увидел, что впереди больше ничего нет. Обрыв, а за ним – огромное пространство, над которым несется неистовый ветер.

Варка отшатнулся, не устоял на ногах и сел в сугроб. Ну нет. Добровольно он прыгать туда не станет. Щурясь от летящего в глаза снега, он обернулся к своим преследователям. Прямо над ним возвышалась долговязая черная фигура с растрепанными, бьющими в лицо волосами.

– Допрыгался! – раздался хриплый задыхающийся голос. – Погубил девчонку!

Крайн, без верхней одежды, в одной тонкой, хлопающей на ветру рубашке, крепко прижимал к себе Жданку, закутанную в какие-то тряпки. Безвольно болтались облепленные снегом валенки, бился на ветру рыжий хвостик.

– Песья кровь! – сказал крайн и спихнул Варку с обрыва.

Глава 20

В печке густым басом гудело пламя. Варка сидел у открытой печной дверцы, дрожал и кашлял. В избушке было душно, мокрые волосы липли к вспотевшему лбу, но дрожь не унималась.

Бок о бок с Варкой точно так же кашлял и дрожал крайн. У него на коленях лежала Жданка, такая бледная, что даже веснушки куда-то пропали. Губы синие, глаза закрыты. Варка боялся на нее смотреть.

В перерывах между приступами кашля крайн успевал еще и ругаться. За последние пять минут Варка узнал о себе много нового. Упреки были справедливыми, но терпеть их становилось все труднее.

– Фи, – не выдержал он после одного особенно смачного пассажа, – а еще учитель.

– Какой я, к свиньям, учитель!

– А кто? – удивилась Ланка, пытавшаяся снять с Варки мокрую одежду, но крайн снова закашлялся, и вопрос остался без ответа.

– Вы на какой каторге были? – небрежно поинтересовалась Фамка, протягивая ему кружку с горячей водой.

– На Маремских галерах, – машинально отозвался он и вопросительно вскинул тонкую бровь.

– Ругаетесь, как наш сосед, Фролка-каторжный. Он тоже десять лет на галерах пробыл, – обстоятельно объяснила Фамка.

– За что вас туда? – ужаснулась Ланка.

– За то. Молодой был. Глупый. Как вспомню – самому смешно.

– А у нас под мостом был один такой, из бывших каторжных, – слабым голосом пробормотала Жданка, – так он тоже всегда повторял...

Крайн закатил глаза и быстренько зажал ей рот.

Варка хотел сказать еще что-нибудь ехидное насчет дурного влияния на маленьких детей, но из горла вырвалось только жалкое сипение. Снаружи все еще мело. Гудение печки сливалось с гудением вьюги. Или это шумело в ушах? Пламя металось, корчилось и вдруг выплеснулось наружу, поднялось как вода, заплясало у самых глаз.

– Пожар, – шепотом крикнул Варка.

* * *

Илка очнулся оттого, что Ланка, задыхаясь от слез, обнимала его за шею, гладила по голове и причитала тонким голосом:

– Ой, да что же это! Что же теперь с нами будет?! Он умирает, а мы все пропадем...

– Кто умирает? – спросил он, быстренько проверив, не болит ли что. Вроде ничего не болело.

– Ва-а-арка, – последовал невнятный ответ.

Варка? Туда ему и дорога. Впрочем, вслух он сказал другое:

– Не бойся, не помрет. Подумаешь, побили. Отлежится. В первый раз, что ли...

– Ой! – Ланка вдруг пискнула, отстранилась и уставилась на него, полуоткрыв нежный ротик. Надо же, как похудела за эти недели. Щеки совсем провалились, волосы нечесанные, лицо зареванное, но даже это ей идет. Ей все идет.

Ланка замолчала, но плач не прекратился. В свете дрожащего красноватого огня Илка увидел не то кровать, не то лежанку. У лежанки, уткнувшись лицом в изголовье, скрученное из мерзких вонючих тряпок, тихонько скулила рыжая попрошайка с Болота. На постели, запрокинув голову, неподвижно лежал Варка, раздетый донага, пергаментно-желтый и такой тощий, что вздымавшиеся от тяжелого дыхания ребра выпирали как обручи на бочке. Беспомощно висела рука в жутких лиловых струпьях. Светлые волосы, предмет вечной Илкиной зависти, сбились в колтун и уже не казались светлыми и прекрасными.

Над Варкой склонился некто черный, горбатый, страшный. Илке показалось, что он уже видел такое. Может, во сне?

– Тихо! – прошипел этот страшный. – Сейчас никто не умирает и, будем надеяться, не умрет.

Рыжая с Болота оторвалась от лежанки и уставилась на говорившего огромными, полными слез глазами.

– Вы сами сказали, что у него грудная немочь, – послышался холодный отстраненный голос Фамки, – в Норах прошлой зимой только на нашей улице пятеро померло.

– У вас в Норах трудно выжить даже здоровому, – проворчал горбун, – конечно, он болен не меньше недели и все переносил на ногах, не лечился. Опять же голод, страх, нервное истощение...

– Чего-чего? – жалобно спросила рыжая.

– Душа устала, – с тоской сказала Фамка. – Это ты голосом поешь. А он ради нас душой торговал.

– До чего ты умная, госпожа Хелена, – хмыкнул горбун, – даже страшно делается.

Тут Ланка наконец обрела утраченное дыхание и завизжала.

– Ну что там еще?

Горбатая тень стремительно обернулась, и над сидящим Илкой нависло существо из кошмара, крылатое чудовище, убийца Витуса. Ясно, растерзал Варку, а теперь его, Илкина, очередь. Илка стиснул зубы и подался назад, слепо зашарил за спиной в поисках какого-нибудь оружия.

– О, – с легким удивлением протянул оживший кошмар, – а я думал – ты безнадежен.

– Не подходи, – выдохнул Илка.

– Где мы находимся? – криво усмехнувшись, поинтересовался крайн.

– В башне Безумной Анны, – отрапортовал Илка. Привычка отвечать на вопросы проклятого Крысы въелась исключительно прочно.

– Ну что ж. Могло быть и хуже.

Илка был уверен, что хуже уже некуда, но тут с лежанки раздался хриплый напряженный шепот:

– Пожар! Снег... Снег горит! Жданка, пулей домой!

Тощее желтое тело изогнулось в приступе кашля.

– Так, – сказал крайн, пристально глядя на Илку, – сейчас не до тебя. Ты, – длинный палец уперся в Фамку, – расскажи ему.

– Все рассказать? – скривилась Фамка.

– Все. Но без... э... подробностей. А ты сиди с ним, держи за ручку. Не дай ему снова уйти.

– Почему я? – перепугалась Ланка.

– Он вернулся ради тебя. Ты звала его, разве нет?

– Ну... да.

– Так держи его здесь. Впрочем, если тебе больше нравится водить его за собой как бычка на веревочке...

Ланка в ужасе замотала головой.

– Эй! – возмутился Илка. – О чем это он? Вы что, с ним заодно?

– Видишь ли, – Фамка встала перед ним, сморщила острый носик, поджала губы, – мы не в башне Безумной Анны, мы не во дворце. Мы даже не в городе.

* * *

Илка брел, проваливаясь в снег почти по колено, протаптывал тропу. Фамка утверждала, что здесь до метели была наезжена дорога, но в это не очень верилось. Морозило, ветхая одежда почти не грела, но он вспотел и уже давно задыхался. Впрочем, задыхался он не столько от усталости, сколько от справедливого неутоленного гнева.

Еще вчера сын городского старшины, перед которым заискивали приятели, побаивались учителя, с которым был вынужден считаться сам Главный мастер, – сегодня нищий сирота, до которого никому нет дела. Такой же, как прочее серое быдло. Все предали. Все. Родители позволили себя убить. Друзья-приятели преспокойно остались дома, в

благополучном Липовце. Ланка... У этой, как всегда, на уме только Варка. Да и Фамка, курица убогая, как принялась рассказывать, так через каждое слово... Варка спас, Варка вылечил, Варка добыл еду...

Того не понимает, что ради них, пустоголовых, красавчик-герой просто сжег себя, как свечку, с обоих концов. Лежит теперь, помирает. Выпили его досуха. А теперь только и ждут, чтоб всем табором взгромоздиться на шею Илке. Нет. Не выйдет.

Хотя вот ведь, заставили. Погнали к какому-то Антону, и что обиднее всего, за лекарством для того же Варки. Вся жизнь в этой грязной, вонючей, насквозь прокопченной лачуге крутится вокруг Варки. То компресс на голову, то мазь на отмороженные места.

Даже Крыса, который раньше Варку просто не выносил, и тот... Похожие на паучьи лапы пальцы крайна целый час отплясывали на тощей Варкиной груди странный беззвучный танец. Но и этого ему показалось мало. Полез в чуланчик, долго там возился, чем-то гремел и, наконец, вернулся с охапкой коротких веников. От веников пахло сырой трухой.

– Старье, – ворчал крайн, – это еще моя мать сушила... выдохлось все.

– Что это? – тут же влезла с вопросом любопытная Жданка.

– Душица, – крайн отломил стебелек, растер его в ладонях, – ромашка, мята...

В лачуге слабо потянуло сеном, медом, гудящими пчелами... или это гудела вьюга?

Потом Фамка и Ланка носились как угорелые кошки, кипятили воду, готовили отвар, заставляли больного дышать над паром. Ничего не помогало. Героический красавчик валялся в жару, кашлял и самым жалким образом звал мамочку.

На третий день метель стихла, и крайн решительно заявил:

– Будем готовить овсяное молочко. Мне нужен медвежий жир, мед, молоко, мерка овса. Госпожа Хелена, пойдешь в Починок-Верхний. Дядька Антон – человек запасливый.

– Даром он не даст, – вздохнула Ланка.

– Деньги пока есть, – сумрачно отозвалась Фамка, – заплатим.

– Ты, – на этот раз костлявый палец уперся в Илку, – пойдешь с ней.

– С какой стати? – от всей души возмутился Илка. – Я-то тут при чем?

– О, простите, господин Илм. – Губы крайна раздвинулись в змеиной улыбке. – Вы совершенно правы. С моей стороны это была дерзость.

– Ил, ты что?! – округлила глаза Ланка. – Это же Пригорье. Здесь девушки без провожатых не ходят.

– Нашей убогой провожатый не нужен. Она сама кого хочешь зарежет.

– Надо будет – зарежу, – сухо согласилась Фамка, – дело не в этом... Тропинку придется заново протаптывать. Одному будет трудно. У нас вон дверь почти до половины замело. Откапывать нужно.

– Я вам не нанимался.

– Ил, это же для Варки... Он же помереть может...

– Не моя печаль.

Ланка обиженно заморгала длинными ресницами.

– Давайте я схожу. Где мои валенки? – Жданка, сидевшая в ногах у Варки, завозилась, спихнула с колен пригревшуюся птицу, перегнулась вниз, отыскивая пропавшую обувь.

– Хочешь на его место? – сварливо поинтересовался крайн. – Давно не помирала?

– Хочу. А то меня что-то никто не жалеет.

– Сейчас пожалею. Хворостину найду и пожалею.

– И все-то вы врете, грозитесь только, – вздохнула Жданка, но осталась на лежанке.

– Мы с Фамочкой все сделаем, – примирительно сказала Ланка, – не так уж тут далеко.

Ну надо же, теперь эта убогая для нее Фамочка.

– Иди-иди, – не выдержал Илка, – ты ради него всегда была на все готова. Недаром про тебя говорили...

Тут он заметил, что Крыса разглядывает его с брезгливой усмешкой, как мерзкую многоногую мокрицу из тех, что сидят под сырыми камнями. Еще немного, и начнет тыкать палочкой, чтобы поглядеть, как забавно корчится насекомое.

– Не думайте о нем плохо, – умоляюще улыбнулась Ланка. – Это он с горя. Вообще-то он не такой.

– Он? Умный, волевой, честолюбивый, высоко себя ценит, умеет управлять другими, привык добиваться своего. Чего еще желать в мире людей?

Неожиданная похвала была приятна. Вот только слово «люди» в устах Крысы прозвучало как слово «навоз».

– Истинный победитель, – спокойно добавил Крыса, – самый жирный паук в банке.

– Эй, – вскинулся Илка, – я вас не оскорблял!

Но полоумные курицы кинулись утешать не Илку, а злобно ухмыляющегося крайна.

– Вы только не волнуйтесь, вам вредно, – причитала Ланка. Жданка тощей замурзанной лапкой гладила его по плечу. Дурацкая птица возмущенно вскрикивала. Фамка тайком показала Илке кулак и тихонько пообещала разобраться с ним позже. Прекрасная Илана так расстроилась, казалась такой несчастной, что Илка размяк и сдался.

* * *

– Меняемся? – предложила сопевшая сзади Фамка.

Илка пожал плечами и посторонился, пропуская ее вперед. Не все же ему одному горбатиться. Пусть теперь убогая поработает. Впрочем, здесь все – сплошное убожество. Тусклый круг солнца над гладким мертвенно-белым склоном, черная зазубренная полоса леса, резкий ветер, несущий вниз по склону сухую поземку, домишко под растрепанной травяной крышей.

Хозяин жалкого жилища, пресловутый дядька Антон, оказался жох жохом, не хуже любого торгаша с Либавской. Все-то у него имелось, все было припасено. И мед, и медвежий жир, и молочко козье, замороженное толстыми желтоватыми ломтями, и сушеная малина...

Правда, даром он ничего давать не собирался, напротив, побряхтев, посочувствовав бедному больному, заломил столько, что Илка от удивления даже забыл о своих несчастьях. Таких цен в Липовце, городе богатом, почти столичном, отродясь не бывало.

Фамка, видно совсем одурев от страха за милого-золотого Варочку, была готова отдать все, что угодно. Илка обозлился, отодвинул ее в сторону, поторговался и живо сбил непомерную цену почти втрое. Помогло то, что умная Фамка опомнилась и вовремя подыграла, намекнув, что внизу, в Дымницах, они легко достанут все куда

дешевле, а то и вовсе даром. О том, что вниз ходить им запрещено, дядьке Антону сообщать не стали. Однако недовольным он не выглядел. Наверняка не остался внакладе.

– Я гляжу, тебя отпустило, – буркнул он на прощание.

– А что? – с вызовом спросил Илка. Мысль, что этот деревенский чурбан видел, как он изображал полного идиота, была ему неприятна.

– А то... Улыбаться перестал. Видать, вспомнил, как люди живут.

– Вспомнил, – передернулся Илка.

* * *

Крылья были огромны. Им было тесно в черной душной пропасти. Не раскрыться, не развернуться...

Крылья горели ярим багряным пламенем. Варка падал в раскаленную темноту, падал, обожженными руками цепляясь за горящие перья. Далеко наверху было светлое небо, бледно-голубое отверстие в тягучем мраке, глоток прохладного воздуха. Варка хотел вздохнуть и не мог. Нельзя дышать темнотой.

– Мама! Мамочка!

– Опять! Куда ты забрался, несчастье мое?!

Мать, легко ступая, шагнула из плотного мрака будто из двери спальни. Варка узнал любимые туфли светлой кожи с потертыми мысами и маленькими серебряными бантами. В руке она держала лампу, и мягкий свет падал на нежное бледное лицо.

– Мама! Возьми меня наверх!

Мать, печально улыбаясь, протянула ему тонкую, сияющую в темноте руку. Варка рвался, изворачивался, его несло мимо, все ниже и ниже, но он все-таки сумел коснуться этой руки. Прохладные сильные пальцы сплелись с Варкиными, дрожащими и горячими. Мать кивнула ему, подняла лампу повыше, неторопливо пошла вверх, к небу, к воздуху, к блаженному холоду облаков, и Варку медленно повлекло за ней, из огня и мрака. Главное, крепче держаться, не отпускать руки. Варка знал об этом и держался изо всех сил, крепко, как в детстве.

* * *

Он лежал в темноте, насквозь мокрый, стеклянно слабый, с отзвуком боли во всем теле. Темнота была живой, полной тихих звуков, шорохов, треска. Его пальцы плотно сплелись, почти срослись

с чужими, шершавыми, сухими, на ощупь похожими на птичью лапу. Робкая попытка выпутаться из цепкой хватки не удалась.

Варка неуверенно поднял руку. Возле самого уха что-то зашевелилось. Осторожно повернув голову, он очень близко увидел светлые, чуть мерцающие глаза.

– Это вы... – прошептал Варка.

– Нет, это мой хладный труп.

Пальцы крайна брезгливо разжались. Варкина рука беспомощно упала на грудь.

– Что со мной?

– Глупость и своеволие. К сожалению, это неизлечимо.

Внизу вспыхнул тусклый огонек, у лежанки возникла встрепанная Жданкина голова и худенькая ручка с маленькой самодельной коптилкой.

– Он очнулся, – сообщил крайн, – я иду спать, – и исчез в темноте.

Жданка живо поставила коптилку на стол, шмыгнула на лежанку, под Варкино одеяло.

– Подвинься.

Варка кое-как отодвинулся, давая ей место.

– Сразу заснул, – шепнула Жданка, уткнувшись в его плечо, – со вчерашнего дня с тобой вот так сидел. Все какого-то перелома ждал. Мол, или поправишься, или помрешь.

– А-а, перелом болезни. У меня что, грудная немочь?

– Угу.

– Ничего себе... Ну, вроде я не помер.

– Ага. И жара нет.

– Слушай, а как он нас нашел?

– Где? В поле? Такунего, оказывается, давным-давно колодец в Починок-Нижний проделан. Прямо от крыльца. Метель, а нас нету. Фамка говорит, он страсть как разозлился, насел на нее, она ему все и выложила. Он сразу ушел через колодец, даже одеваться не стал, в одной рубахе прыгнул. А уж там, в поле, почуял нас как-то... Кто его знает, что они могут, крайны-то.

– А письмо? У меня же письмо было... Потерял, наверное.

– Не, не потерял. Только он все равно его читать не стал. Даже в руки не взял. Велел сжечь. Ну, Фамочка печку им растопила. Вар, а у нас Илка поправился.

– Да? Вот и хорошо, а то я теперь не работник.

* * *

– Что у тебя с ним было?

– Да что было-то? Навоз мы с ним разгребали. Дрова рубили.

– Не ври. Ты всем врешь, только я тебя всегда насквозь видел. Вы тут были одни, две девки и парень в тесной избушке, двое больных и девчонка не в счет, спали, считай, в обнимку, и ничего не было? Никогда не поверю.

– А ты наглец. – Ланка спрыгнула с камня, на котором сидела вместе с Илкой, величественно выпрямилась, пошла к дому, но на полпути обернулась. – Если хочешь знать – он дома не бывал неделями, возвращался полуживой, даже есть не мог. Ты не знаешь, как мы тут жили, ты...

Она сердито махнула рукой и скрылась в доме. Илка остался сидеть на камнях, щурясь на низкое солнце, впервые выглянувшее после двух недель жестоких метелей. Сегодня потеплело, даже камни чуть-чуть нагрелись, сидеть на солнышке было приятно. Однако вскоре все удовольствие было испорчено. Перед глазами замаячила долговязая фигура, поверх длинной душегрейки закутанная еще и в одеяло. Красавец-герой Ивар Ясень выполз из дома впервые после болезни.

Варка неуверенно вскарабкался на скальный выступ, остановился чуть ниже Илки, поднял к нему бледное лицо.

– Скотина! Она тебя с ложечки кормила. Сопли тебе вытирала, нянчилась с тобой... а ты... так бы и врезал!

– Ну так врежь! Давай! – предложил Илка, спрыгнув к нему. Сорвать безысходный гнев на исконном враге – что может быть лучше?

Варка привычно развернулся, костлявый кулак полетел к Илкиному лицу, Илка ловко уклонился и пропустил короткий удар левой под дых, сбросивший его со скользкого камня спиной вперед. Ослабевший после болезни Варка не удержал равновесия и плюхнулся прямо на него. Так они и свалились в обнимку. Раздался хруст. В воздух взлетела туча черной пыли.

* * *

Илка спихнул с себя раскашлявшегося Варку, сел и тут же усомнился в своем душевном здоровье.

– А... как это... – пробормотал он, – где это...

Вокруг возвышались обгорелые стены. В пустое серенькое небо уходили закопченные кирпичи каминной трубы. Косо свисали обугленные обломки балок. Из тусклых облаков сыпал мелкий сухой снег, тонким слоем ложился на черные развалины.

– Я знаю, где это.

Варка вскочил на ноги, озираясь, как затравленный зверь.

– Чего это ты так испугался, герой?

– Того! – Варка подхватил Илку под локоть и потащил к маячившему в полуразрушенной стене узкому дверному проему. За стеной оказался обычный дворик с колодцем под развалившимся навесом и голой печальной рябиной. Варка, не останавливаясь, тащил Илку к колодцу. Но Илка уперся:

– погоди! Это что, Липовец?

– Липовец, Липовец, пошли отсюда.

– А как мы сюда...

– Через колодец. Перо – ключ колодца.

Варка отогнул ворот истрепанной куртки. В шов воротника-стойки было засунуто облезлое серое перышко.

– Зачем оно тебе? – удивился Илка.

Варка смутился:

– Это... ну... вроде как талисман. – Он отвернулся и спрятал перышко. – Тут, наверное, два колодца. Этот – туда, в Пригорье, а тот, что у наших камней, – обратно. Вот я и провалился, из-за пера. А ты со мной. Пошли отсюда. Спрыгнем – и дома.

– погоди-погоди. Стало быть, туда и оттуда. И мы можем попасть обратно, когда захотим...

– Можем. И уже хотим.

– Да постой ты. Сколько мы тут не были? Два месяца?

– Два месяца и двадцать пять дней.

– Во-он как... Ты и дни считаешь. Дни считаешь, а взглянуть не хочешь. Наш город, Либавская, Сады, Королевский бульвар...

Илка был так настойчив, потому что в глубине души твердо верил: все, что ему рассказали о родном доме, – вранье. Стоит только добраться до Ратушной, взглянуть на башенку пестрого кирпича над

воротами... Что-то нехорошее было связано с этой башенкой. Что-то очень скверное...

– Или ты боишься? Чё, правда боишься?

– Да. Боюсь, – твердо ответил Варка. – Ты этих не видел. То есть видел, конечно, но не помнишь... Как они сюда рвались, как решетку перегрызли, как дверь вышибли...

– Верю, – торопливо согласился Илка, – все было погано. Но это ведь когда было... Думаешь, нас до сих пор ищут? Ты же не знаешь, кто сейчас в городе.

– Не знаю и проверять не буду.

– Что-то на тебя не похоже, – прищурился Илка.

– Я над собой не волен, – тихо сказал Варка.

– А кто волен?

– Он, – Варка мотнул головой в сторону колодца.

– Господин Крыса? – протянул Илка. – То есть он хозяин – ты раб?

– Нет. Но рисковать я не стану. Он за мою жизнь свои крылья отдал. Понимаешь, крылья...

– Не, не понимаю. Крылья за жизнь чужого парня... Слу-ушай, а может, ты ему не чужой?

– Ага, – согласился Варка, – родственник. Ихнему тыну троюродный плетень.

– Не, не скажи... А что, если твоя мать...

– Еще слово, и в глаз.

– Ладно, ты прав. Но знаешь что, давай просто выглянем в окно, посмотрим, что там, в Колокольном. Только посмотрим, больше ничего.

Илку жгла надежда – стоит выбраться из этих черных, убеленных снегом развалин, и им откроется привычный теплый Липовец с бульварами, фонтанами, богатыми лавками, запахом реки и голубятнями на крышах.

* * *

Птичий фонтан замерз. Из разинутых мраморных клювов свисали желтоватые сосульки. Пустой Колокольный переулок, круто уходящий под гору, покрывал тонкий слой свежего снега. На нетронутой белой глади не было ни одного следа. Серая тишина, как перед бурей в далеком Пригорье. В доме напротив окна заколочены широкими

занозистыми досками. В доме наискосок дверь тоже заколочена, зато окна все выбиты.

– Посмотрел? – прошептал Варка. – Понравилось?

– Нет. Но и бояться тут нечего. Нету же никого. Давай до Либавской спустимся. Может, узнаем что.

– Ладно, – согласился Варка, которого тоже начало разбирать любопытство, – но только до угла.

Они вылезли из оконного проема, отряхнули, как сумели, золу и сажу и осторожно двинулись вниз, оставляя на белой улице цепочку черных следов. На углу немного постояли под стеной, поглядели, послушали. На Либавской снег был грязным, затоптанным копытами, исчерченным полозьями. Стало быть, жизнь в городе все-таки шла. Там и сям валялись какие-то ошметки, каменели кучки конского навоза. Прямо за углом растянулась присыпанная снежком дохлая кошка. Похоже, ведущую прямо к дворцу знаменитую Либавскую с осени не убирали.

Почти напротив выхода из Колокольного на ящике сидел одноногий нищий. Рядом к стене были прислонены самодельные кривые костыли. У разношенного ботинка стояла побитая глиняная миска. Варка недоумевал, что он здесь делает. За все это время мимо прошло два-три человека. Одеты они были не лучше, чем этот несчастный попрошайка. И как на грех, дать ему нечего. Варка знал, каково ему приходится, на своей шкуре испробовал.

Как видно, почувствовав чужой пристальный взгляд, нищий повернул голову, встретился глазами с Варкой и вдруг, неловко привскочив, потянулся к костылю, неуверенно махнул свободной рукой.

– Витус! – ахнул Варка.

– Обалдеть, – согласился Илка, не терявший из виду своего интереса, – пошли, он нам сейчас все расскажет.

* * *

Странно припухшая, синеватая от холода физиономия Витуса дрогнула, губы изогнулись в кривой ухмылке.

– Так я и знал, – хмыкнул он, – это вы. Красавчик и умник.

– Как ты выжил? – спросил Илка.

– Так же, как и вы. Значит, вас вправду крайн забрал?

– Откуда ты знаешь?

– Все говорят. Где он вас прячет? За городом?

– Ага, – кивнул Илка, – тут, неподалеку. С нами все просто. А вот как ты...

– Да что я... Ну, свалились сверху эти. Ну, я заорал. А они не тронули меня. Вскочили и побежали... туда, в сад, к прудам, к розарию. Ну а я пополз. В другую сторону. Теперь вот... – Витус пошевелил культией, – но живой. Так где вы отсиживаетесь?

– В Мотылях, – сказал Варка, – на выселках.

– Врешь, – хохотнул Витус, – теперь пусть умник соврет, получше.

– Почему это я вру?

– Потому... Мотыли уже месяц как сожгли. Все триста дворов вместе с выселками.

– Зачем сожгли?! – поразился Варка, живо припомнив чистенькие домики приречных Мотылей. – Кто?

– Королевские войска. Когда пытались выбить отсюда нашего Иеронима. Где это вы зарылись, что ничего не знаете?

– Значит, в городе все еще этот...

– Иероним в городе. Королевские войска под городом. Мы тут сидим, они там стоят. Теперь уж до весны. Настоящей осады нет, но и жрать нечего. А у вас?

– У нас тоже, – хмуро ответил Илка, в памяти которого начисто стерлись дни подлинного голода.

– Да ладно тебе, – вздохнул Варка, – обедаем каждый день.

– Значит, у вас тихо. А у нас... – Витус махнул рукой в продранной рукавице. – Сейчас еще ничего. А в первые дни такое творилось... С Илками что сделали! Ну, ты-то знаешь, конечно...

Варка хотел незаметно пнуть Витуса, но не достал. Илка отвернулся и стал смотреть вдоль улицы. Значит, все правда. Все до последнего слова.

Из Витуса между тем сыпались подробности. В одном господин Лунь был прав. Вонючие хорьки никогда не стали бы делать ничего подобного.

– Ну, вам этот ваш, небось, рассказывал...

Варка покачал головой, покосился на Илку.

– В городе шепчутся, – с ленивым любопытством продолжал Витус, – будто это он Ланкину мать, госпожу Град, когда ее по всему

городу ловили, на руках перенес через Либаву в Заречье. И ее, и сынка ее малолетнего. Сейчас они ее уж и не ищут.

– Ты знал? – встрепенулся Илка. Варка снова растерянно покачал головой.

– А еще говорят, будто видели, как он вдову Рень со всем ее выводком во время пожара с крыши снимал.

Сказывают, если бы не он, все бы сгорели. Потом прознали, что он их еще с лета кормил. Сколько их там было, этих Реней? Десять? Двенадцать? Может, она ему родня? Вряд ли он с ней любовь крутил.

– Вряд ли...

Вдова Рень была пятидесятилетней женщиной с лицом и фигурой вяленой воблы, в вечно перекрученных чулках, с вечным запахом кухни и перегара.

«Вот почему у него в доме нитки лишней не было, – подумал Варка, – людей он ненавидит... ну-ну».

– А еще Петровичева Анка исчезла. На нее сам господин Стефан глаз положил. Проходу не давал, а она до слез боялась, что его самого, что его собак. Куда она делась, не знаете? А то за нее награда обещана...

– Не знаем, – сказал Варка.

Илка вдруг вздрогнул и толкнул Варку локтем:

– Пошли!

Варка машинально кивнул. Он охотно остался бы послушать еще какую-нибудь историю из тайной жизни господина Луня, но Илка упорно тянул его за собой.

– Мы еще придем, пожрать тебе принесем, – пообещал Варка.

Витус неопределенно хмыкнул.

* * *

Они перебежали улицу наискосок, причем Варка краем глаза уловил далеко, у самого дворца какое-то движение. Илка с разбегу нырнул в переулок. Варка поздно сообразил, что это не Колокольный, а какой-то другой, из тех, что ведут на Гору, к Садам.

– Стой, – задыхаясь, прохрипел он, – куда тебя несет! Я шас не могу так быстро.

– Не важно куда, – пропыхтел в ответ Илка, – лишь бы с улицы убраться. Там от дворца солдаты идут. Пусть никто не знает, куда мы

ушли. В Колокольный дворами проберемся.

Это оказался Ковальский тупик. Через два-три дома с обеих сторон началась сплошная кирпичная стена выше человеческого роста – надежная ограда известных на всю страну оружейных мастерских Влада Ковалю. Варка с Илкой переглянулись и, не стовариваясь, полезли на стену. Варка, одолев это несложное препятствие и втащив наверх Илку, покрылся липкой, холодной испариной. Это ему очень не понравилось. Похоже, горячка выпила из него все силы. Илка тоже запыхался. Лазил он всегда неважно.

За стеной было все как всегда. Закопченные плавильни, присыпанные снежком груды угля, кучи железного лома, надежные решетки на окнах толстенной стены склада. Только тихо было. Непривычно тихо. Ни звона и грохота из кузен, ни воя раздуваемых гигантских мехов, ни лая лохматых Ковалевых собак.

– Что-то нету никого. Неужто этому Иерониму оружие не требуется?

– Коваль не дурак, – рассудил Илка, – небось еще до нападения всех по реке вывез, и семью, и мастеров.

– А, ну да, у него же в порту что ни день, то «Шалунья» разгружалась, то «Болтунья» загружалась.

– Пойдем по прямой, мимо склада, как раз к началу Колокольного выйдем.

Очень быстро выяснилось, что Иероним Избранник остро нуждался в оружии. Окованные железом двери склада были грубо взломаны. Сдались они явно не сразу. В них долго и упорно колотили тяжелым и острым. На одной из створок что-то белело. Варка заинтересовался, свернул с прямого пути. Это оказался старый, покоробившийся от непогоды лист бумаги, прибитый к стене слегка заржавевшим боевым ножом. Давным-давно на бумаге было что-то накорябано куском угля, но надпись выцвела, просматривалось лишь одно слово, да и то неприличное. Слово это Варка знал с раннего детства, и оно его не заинтересовало. Но зато нож...

Напрягшись, Варка выдернул его из заскрипевшего дерева. Рукоятка удобно легла в ладонь. Варка прикинул баланс, нанес несколько колющих ударов, развернулся и рассек воздух десятком рубящих. Вот то, о чем он мечтал, скитаясь по стылým дорогам Пригорья. Нож. Оружие. Настоящая защита. Крутанув нож в пальцах,

он метнул его в дверную створку. Нож воткнулся точно, глубоко, красиво.

– Умеешь, – хмыкнул Илка.

– Умею. Отец... отец в молодости служил в королевской гвардии. Он говорил – надо уметь защищаться.

– А-а, – тусклым голосом сказал Илка, неизвестно зачем поднял упавший на землю листок, разгладил, перевернул на другую сторону. – Ха, ты глянь, кто у нас тут!

Обратная сторона бумаги меньше пострадала от осенних дождей. Посредине красовалась знакомая остроугольная физиономия с дыркой от ножа во лбу и витиеватой подписью снизу. «Всякий, кто сообщит в канцелярию Его Величества о местонахождении этого человека, получит...»

– Ну надо же, – присвистнул Илка, – видать, он им здорово нагадил. Ты посмотри, сколько они за него обещают! Озолотиться можно!

Варка косо взглянул на него, заткнул нож за пояс и быстро пошел прочь, перепрыгивая через валяющиеся на пути железные обломки. Запыхавшийся Илка догнал его у самой стены, над которой торчали крыши домов Колокольного переулка.

– Эй, ты чего... Ты что же, решил, что я... Да я и не думал даже.

Варка дернул плечом, пристально разглядывая стену в поисках удобного места для перелаза.

– Кто тебя знает, – угрюмо заметил он, – это же выгодно. Да нет, «выгодно» звучит некрасиво. Это целесообразно. К тому же он тебе чужой, и вообще не человек, нежить крылатая. А что он жизнь всем нам спас – так это уже в прошлом. Нужно жить настоящим, хватать удачу за хвост. Только пера ты не получишь.

– Да не нужно мне твое перо! – заорал Илка. – Тебе что, грудная немочь в голову бросилась?!

– Это его перо. Последнее.

– Чтобы я принял что-то от этих!

– А от других? От других принял бы?

– Да пошел ты!

Но Варка никуда не пошел.

– Так не залезть. Придется подставить что-нибудь. О, вон какой-то ящик валяется.

Узкий и длинный ящик оказался ужасно тяжелым.

– Там что-то есть.

– Похоже, это не просто так валяется, нарочно спрятали, – согласился Илка.

Варка вытащил нож, поддел занозистую деревянную крышку. Крышка легко отошла. Внутри, под слоем стружки, оказался продолговатый черный, масляно блестящий футляр. Золоченые уголки, тонкое золотое тиснение на коже. Хм. Любопытно... Варка снова хотел пустить в ход нож, но Илка оттеснил его. Возле не приметной замочной скважины висел на цепочке аккуратный ключик. Футляр раскрылся мягко, без скрипа. Ни холод, ни долгое лежание под открытым небом ему не повредили.

– Ого! – сказал Варка. – Это не Ковалева работа. Коваль такого сроду не делал.

Стройные, хищные, намного короче обычных пицалей, которые по силам только самым крепким мужчинам, они распростерлись на черном бархате, посверкивая золотыми накладками на полированных рукоятках, поблескивая черненым серебром стволов, молчаливые и опасные. Кольцо из двух змей, каждая из которых кусала другую за хвост. Сбоку, в особых отделениях, лежали бархатные мешочки с пулями и порохом.

– Да, – сказал Илка, – дюжину таких прислали из столицы как раз перед нападением. Ты видишь, легкие, заряд небольшой, а бьют точно, и убойная дальность намного больше. Двойную броню запросто прошибают.

Серебряные змеи крутились, посверкивали в его мозгу. Безысходный гнев, неутоленная ярость, распаленные рассказами Витуса, вдруг нашли выход. Теперь Илка точно знал, что делать. Знал и то, что одному ему не справиться. Ну почему, почему для всех его планов так нужен этот самодовольный красавчик?!

Глава 21

– Я не стану этого делать, – резко сказала Фамка, – это ни в какие ворота не лезет. Вас сразу убьют. Илка ее почти не слушал. Пусть убогая несет, что хочет. Он не отрываясь смотрел на Варку. От Варки теперь зависело все. У него был ключ колодца. Кроме того, Илка сильнее прежнего был уверен: без помощника в этом деле не обойтись.

Варка, склонив светлую голову, медленно пропускал сквозь пальцы лезвие ножа. Точь-в-точь принц в изгнании. Как на картинке. Была в доме Илмов толстая книга с гравюрами, старинная, дорогая, редкая. При мысли о доме Илку охватила такая злоба, что на глазах выступили слезы. Хорошо, что в чуланчике было темно. Тусклая коптилка в руках у Ланки почти ничего не освещала.

– У нас есть оружие, которое бьет птицу с двухсот шагов, – выдохнул он сквозь стиснутые зубы. – Мы можем появляться и исчезать, когда захотим. Мы знаем город как свои пять пальцев. Это значит – мы, единственные из всех, еще можем бороться. Мы, только мы, можем отомстить. Отомстить за всех.

– Отомстить? – нехорошо усмехнулась Фамка. – Кому я должна мстить?

Ланка удивленно уставилась на нее.

– Ну, убогая, – еле сдерживаясь, выдавил из себя Илка, – если ты даже этого не понимаешь...

– Не понимаю, – хладнокровно согласилась Фамка. – Мой отец был убит солдатами королевской гвардии, когда король Анастасий пытался отбить Липовец у Грегора-мятежника. Дед и бабка померли с голоду, когда город во второй раз осаждал самозванец. Дядю, брата матери, прикончили в порту прорвавшиеся в город речные пираты. Ну а за мать... за мать я, очевидно, должна отомстить лично Иерониму Избраннику, захватившему город. Ну и заодно наместнику, который не смог его отстоять. Многовато врагов получается. Всем мстить – жизни не хватит.

– Ты, убогая, ваще понимаешь...

– Я-то понимаю. Нам, убогим, сидящим в Норах, нет дела до вашей поднебесной грызни. Для этого мы слишком заняты.

– Чем же это вы заняты?

– Выжить пытаемся. А кто там, наверху, Заступник ли, Избранник ли, Афанасий, Анастасий или вовсе какой-нибудь Мавродий, нам без разницы.

– А как же честь?! – вскинула голову прекрасная Илана. – Как же верность присяге?

– Честь – дорогое удовольствие, – отрезала Фамка, – нам не по карману.

– Видать, ты не так уж много потеряла, – презрительно скривился Илка. Его тревожило, что Варка по-прежнему молчит.

– Что я потеряла – не тебе считать.

Илка вдруг понял, что сейчас она ему врежет, да не по-девчачьи, а грубо, по-уличному, как принято драться в Норах.

– Я не стану сравнивать, кто из нас потерял больше, – глухо сказал Варка, – и дело не в мести. Просто... если они лишатся главаря, королевская гвардия сможет выбить их из города, и тогда...

– Тогда они за все поплатятся, – прошипел Илка.

– Тогда мы сможем вернуться домой.

– У меня нет дома, – отчетливо выговорила Фамка.

– У меня есть. Крайн сказал, весной здесь начнется резня. Наверное, он знает, о чем говорит. Снова придется бежать. Снова голодать. Снова пытаться выжить. Ты первая не выдержишь. Или она, – кивок в сторону Ланки, – или он, – взгляд Варки уперся в дверь, за которой спал крайн, – я не знаю, что с ним сделают, если найдут. То, что ты предлагаешь, – дурь страшная и вряд ли удастся, но... так лучше, чем сидеть и смиренно ждать, когда тебя съедят. Нам ведь никто не поможет... и так плохо... и эдак как нельзя хуже.

– Значит, ты согласен? – Илка старался ликовать не слишком явно.

– Я тоже пойду! – заявила Ланка.

– Дура! – в один голос выкрикнули Варка и Илка. Выкрикнули и испуганно покосились на дверь чуланчика.

– Не орите на меня, – Ланка царственно выпрямилась, развернула узкие плечи, – я дочь полковника Града, и честь для меня не пустой звук. Кстати, вы все равно стрелять не умеете.

– А ты умеешь? – ехидно спросил Илка.

– Представь себе! У прапорщика Алекса был такой.

– И что? – заинтересовался Илка.

– Ничего, – улыбнулась прекрасная Илана, – он давал мне пострелять.

Илка счел за лучшее не спрашивать о подробностях, тем более что этот Алекс почти наверняка убит.

– Значит, так, – принялся рассуждать Варка, – выйдем в Колокольном и сразу наверх, на Гору. Мимо дома господина Лутвица, через цветник госпожи Хедвиги напрямик попадем к началу Садового тупика. Там я знаю хороший перелаз в Сады. А в Садах можно неделями скрываться, и никто ничего не заметит. Дойти до дворца – проще простого. Рано или поздно этот Иероним покажется в окне или выйдет наружу.

– Я не промахнусь, – сурово сжав губы, пообещала Ланка.

– Эти штуки бьют очень далеко. Никто и не поймет, откуда прилетела пуля, – с удовольствием вставил Илка, – пока догадаются – мы успеем уйти. Нас будут искать, но никогда не доберутся до Пригорья.

– В жизни не слышала ничего глупее, – заявила Фамка.

– Знаю, – вздохнул Варка, – а что делать?

– Лично я иду спать, – фыркнула Фамка и выскользнула из холодного чуланчика.

– Она все расскажет Крысе, – со злобой прошептал Илка.

– Не смей называть его Крысой! – возмутилась Ланка. – Если ты забыл – он спас мою мать!

– Не расскажет, – вздохнул Варка, – нет у нее такой привычки. В Норах те, кто лезет в чужие дела, долго не живут.

– А как быть с твоим «я в себе не волен»? – осторожно поинтересовался стремившийся к полной уверенности Илка.

– Так я же не просто так... не сдуру. Если я хочу рискнуть, так это и ради него. Будем все жить в нашем доме. Он травник, каких поискать. Будем работать... не пропадем.

* * *

В Пригорье давно стояла темная ночь, но над Липовцом еще висели стылые сумерки. На рухнувшую крышу давило низкое свинцовое небо. Впрочем, Варку не испугала бы и полная темнота. По родным Гнездам он мог ходить с закрытыми глазами.

Ланка завозилась, отряхивая с одежды золу, и звонко чихнула. Илка цыкнул на нее и вдруг, споткнувшись, налетел на какие-то доски. Доски дружно треснули. Варка тяжело вздохнул, надеясь, что в Колокольном, как и в прошлый раз, нет случайных прохожих. Осторожно выбравшись в бывшее окно бывшей кухни, они встали и осмотрелись.

Ни звука, ни огонька. Нижний конец Колокольного переулка терялся в сумерках, верхний упирался в темную громаду Горы с ее особняками и чинными аллеями. Варка спрятал нож в рукаве, лезвием вверх, крепче сжал рукоятку. Ланка поплотнее запахла душегрейку, под которой скрывалась заткнутая за пояс заряженная пищаль. Илка поправил под одеждой свое оружие.

Не заметив ничего подозрительного, Варка качнул подбородком в сторону Горы, и все трое тихонько двинулись вверх по Колокольному. В воздухе висела вязкая морозная сырость, снизу, с Либавской, тянулись волнистые полосы тумана.

Ланка понимала, что должна бояться, но страха не было. Полковник Град был бы доволен своей отчаянной дочкой. Впервые она вспомнила о нем без боли и печали.

Илка на ходу поглаживал пищаль, с наслаждением представляя, как встречается глазами с Иеронимом, как всаживает пулю в узенький желтый лоб...

Размытые туманом очертания темных домов не таили в себе никакой угрозы. Жители Колокольного переулка, и в лучшие времена люди тихие, либо давным-давно разбежались, либо и носа не смели высунуть на улицу. Да и что делать на улице ночью в осажденном городе?

Варка расслабился, успокоился. Нож из рукава переключал в более удобное место, за голенищем. Предстояло преодолеть несколько заборов. Не в зубы же его брать.

Варка усмехнулся, представив себя с ножом в зубах, и тут на него навалились, сразу с двух сторон, быстро и жестко. Так быстро, что он только секунд через пять осознал, что его тело отчаянно вырывается и даже врезало кому-то коленом в пах. Сзади раздался женский визг. Туман окрасился ярко-оранжевым, уши заложило от грохота. Варке вывернули правую руку, так что он уткнулся носом в колени и взвыл от боли, но временно ослабевший второй противник выпустил его левую.

Недолго думая, Варка выхватил нож и не глядя ударил назад и вбок, в то большое и опасное, что нависло над ним. Нож вонзился в упругую мякоть. Это было так неожиданно мерзко, что Варка растерянно выпустил рукоять, вдруг ставшую скользкой и липкой. Человек позади него с хрипом и клекотом рухнул на колени.

На миг Варка увидел весь переулок, стены, освещенные дрожащими огнями факелов. На присыпанной снегом брусчатке блеснул ствол пищали. Но тут из него вышибли весь воздух прямым ударом в подвздох, а сверху еще добавили ребром ладони по шее. Варка упал лицом вперед, и тут же на его беззащитные ребра обрушился чей-то сапог.

– Прекратить!

Грязная ругань, сопровождавшая каждый удар, оборвалась. Варку подхватили под микитки и куда-то поволокли. Сам он идти не мог. Ноги отвратительно скребли по промерзшей мостовой.

– Песья кровь! – прохрипели над самым ухом. – Он, гаденыш, Миташа порезал!

– Сам порезал – сам вылечит. Светлые волосы... смазливая рожа... Это мальчишка травника. Можешь на досуге переломать ему ноги. Но руки и голову не трогать. Анджей убит. Травника у нас уже с месяц нет. А этот наверняка чему-то обучен.

– Конечно, обучен, – подтвердил сбоку заискивающий полужнакомый голос.

Варку отпустили, и он упал на четвереньки, больно ударившись локтями и коленями. Красная мгла перед глазами постепенно сменилась рыжим светом факелов. Пламя, окруженное туманным ореолом, почти не колыхалось в неподвижном морозном воздухе. В двух шагах какой-то громила связывал скулящую от ужаса Ланку. Тут же сидел Илка с разбитым в кровь лицом. Он был уже связан.

В круге света стояли пятеро, огромные тени в высоких сапогах, в лохматых полушубках поверх кольчужных рубах. Двое держали факелы, услужливо освещая до отвращения знакомую фигуру. За спиной у нее угадывались неизменные спутники: голенастые, остроухие, слишком крупные для обычных собак.

«Мамочка», – подумал Варка, разом утратив остатки мужества.

– Даму тоже не бить, – распорядился Стефан. – Его Величество не воюет с женщинами.

– Бить не будем, – довольно гоготнул кто-то из его прихлебателей, – ни под каким видом. Обращение будет самое ласковое...

Ланка взвизгнула, и тут же ее несильно, с лентой, ударили по лицу.

– А вот с этим, – Стефан приблизился, остановился над съезжившимся Илкой, – с этим мы поговорим. Поставьте его.

Илку вздернули вверх.

– Где крайн? – резко спросил Стефан.

У Варки упало сердце. Он был уверен – Илка не продержится и пяти минут. Ясное дело, до Пригорья не меньше тысячи верст по разоренной воюющей стране. Им никогда не добраться до него, если только позабыть о сером перышке, заправленном в шов под воротником.

– Крайн далеко, – выкрикнул он, – крайн вернулся домой, в Пригорье.

– Он правду говорит, – понурившись, прошептал Илка.

– Лучше не ври, – ласково посоветовал Стефан, – стрелять я еще не разучился. Он был ранен. Тяжело ранен. Наверняка отлеживается где-то здесь. Где?

– В Пригорье, – сказал Илка и согнулся пополам.

Стефан бил деловито, без увлечения, коротко и резко. Варка скорчился, сжался, стараясь не встретиться с Илкой взглядом.

Там, в занесенной хижине, блаженно спящая Жданка. А Фамка, конечно, не спит, блестящими глазами смотрит в темноту, ждет их возвращения.

– Где крайн?

Илка продержался около получаса. Варка не осуждал его ни секунды. Кто знает, сколько бы продержался он сам? Все это время он пытался улучшить момент и избавиться от пера, но слишком боялся, что это заметят.

– Спросите у него, – невнятно выговорил Илка, – он знает.

– Что знает он и чего не знаешь ты?

– Как добраться до крайна. У него есть талисман... ключ колодца...

– О, – Стефан повернулся к Варке, – это правда?

– Нет! – заорал Варка. – Вы разве не видите, он уже ничего не соображает. У него и раньше с головой было неладно. Сдвинулся после смерти родителей.

– Ничего он не сдвинулся, – тонким срывающимся голосом сказала Ланка, – талисман у тебя.

Варка поперхнулся.

– Маленький такой золотой шарик, не больше пуговицы. Внутри – бумажка с заклинанием. Ты его на шее носишь.

– Я его проглотил, – быстро сказал Варка.

– Врешь, – не поддался на обман Стефан, – обыскать.

Варку обыскивали долго и тщательно. Зная, что сильно бить не будут, он орал, сопротивлялся и вообще всячески отравлял жизнь Стефановым прихвостням. Илку на время оставили в покое. Несколько минут жизни они с Ланкой для него выиграла.

– Дети, – наставительно сказал Стефан, – врать нехорошо. Ложь себя не окупает, не так ли? Вы меня огорчили, дети. Спрашиваю в последний раз. Не ответите – всех отдам собакам. Уверю вас – они только этого и ждут. Где крайн?

– Здесь.

Собаки, коротко взвыв, рванулись вперед, прыгнули мимо неудачливых заговорщиков навстречу шагнувшей к свету долговязой тощей фигуре. Длинные руки мелькнули в воздухе. Три мантикоры рухнули к ногам крайна. В горле каждой торчал до прозрачности тонкий волнистый клинок.

Сильный порыв ветра пронесся по Колокольному переулку. Факелы разом потухли. Ветер скрутился в черный тугой вихрь, бешено заплясавший между слепыми стенами. Варку прижало к земле, повалило на Ланку с Илкой. Ланка дрожала мелкой дрожью. Илка, казалось, был без сознания.

Сквозь вой ветра доносился грохот и звон, точно у Ковалевых плавленен швыряли в кучу железный лом.

* * *

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Глухая тишина долгой зимней ночи угольным мешком накрыла весь переулок. В тишине бранились и брюзжали. Господин Лунь выражал недовольство темнотой, скользкой мостовой и тем, что повсюду разбросаны разные острые железки.

Варка сел, потряс головой. Уши заложило. Темнота ходила волнами, то отступала, то приближалась. Шагах в шести неохотно

загорелся одинокий факел. Неширокий переулок был завален телами. Казалось, здесь взорвалась одна из этих новомодных пороховых бомб.

Сам Стефан лицом вниз лежал прямо у ног Варки. Белая рука в кружевной манжете касалась Варкиной подошвы. Варка брезгливо отстранился и увидел сивые волосы и горбатую спину, прикрытую выношенным серым одеялом.

Крайн склонился над одним из людей Стефана, скорчившимся у стены, попытался воткнуть факел в щель между камнями мостовой – не получилось. Тогда он обернулся и, взглянув на Варку, приглашающе качнул головой.

Варка поднялся, пошатываясь, едва не споткнулся о Стефана, шагнул вперед, принял факел. Наказания, конечно, не избежать, но лучше разъяренный Крыса, чем вконец озверевший Стефан с его мантикорами.

– Зачем? – возмущенно спросил он спустя пять минут.

– Что зачем? – ровным голосом отозвался Крыса.

– Зачем вы спасаете этого! Там Илку чуть не убили.

– А этого кто порезал?

– Я, – признался Варка.

– Почему-то я так и думал. Я спасаю не его, а тебя. Ты еще не убийца. Хочешь им стать?

– Нет! Я только защищался!

Крайн поднял на него непроницаемый, стеклянно-равнодушный взгляд.

– Час назад, сидя дома, ты был защищен куда лучше, чем любой из жителей этой несчастной страны. Но тебе захотелось поиграть с острым железом.

– Нет, я...

– Люди обожают оружие. Людям нравится убивать. Людям хочется убивать.

– Людям?! – не выдержал Варка. – А сами-то! За минуту шестерых прикончили.

Крайн встал, вытянулся во весь свой немалый рост, посмотрел на Варку сверху вниз, как умный старый кот на обнаглевшую мышь.

– Они плохо пользовались своими телами. Теперь им придется жить только с помощью разума и души. Ну а если у кого-то таковых не окажется, что ж, тем хуже для них.

– М-м-м, – высказался в щель мостовой неподвижно лежащий Стефан.

– О, речь почти сохранилась, – огорчился крайн, – слаб я нынче, совсем никуда не гожусь, – сокрушенно вздохнул и ловко полоснул неизвестно откуда взявшимся ножом по веревкам, стягивавшим Ланкины руки.

Получив свободу движений, Ланка немедленно разрыдалась и, бросившись к нему на грудь, прижалась так крепко, словно собиралась пробиться внутрь и свить там себе безопасное гнездо. Так что крайн временно выбыл из игры, и Илку пришлось развязывать Варке.

Ланкины слезы не помогли. Господин Лунь по-прежнему смотрел на них холодно, как на случайных малоприятных знакомых.

– У кого перо? – глядя вверх голов, отрывисто спросил он.

– У меня, – признался Варка.

Крайн молча протянул руку и держал так, пока Варка негнущимися пальцами выдергивал перышко из-под воротника.

– Значит, ты зачинщик?

– Не... – прохрипел цеплявшийся за Варку Илка, – он не хотел. Это я. Нам бы удалось... я не понимаю... Никто не знал, что мы можем...

Крайн хмыкнул и неспешно двинулся к Птичьему фонтану. Ланка висела у него на руке, то и дело жалобно всхлипывая.

– Никто? – заметил он немного погодя. – Уверены?

Варка поднял факел повыше. Шагнул вперед и споткнулся о валявшийся поперек переулка костыль. Хозяин костыля, в этот самый миг тянувший к нему руку, отпрянул и попытался отползти к стене.

– Витус... Но почему?!

– Правильный вопрос «за сколько?», – шелковым голосом заметил крайн.

– Нате, подавитесь! – крикнул Витус, швырнув им под ноги зажатые в кулаке монеты. Монеты покатались, запрыгали по брусчатке с чистым радостным звоном. Илка мгновенно сосчитал их, и его скрутило от возмущения.

– Всего за пять... И еще остался поглядеть, как нас метелят. А она... они же могли ее...

Ланка вздрогнула и покрепче вцепилась в неподвижного как фонарный столб крайна.

– Да идите вы! – заорал Витус. – У меня мать больна! Отец последнюю рубашку пропил! Работы нет! Жрать нечего!

– Все это необыкновенно занимательно, – заметил крайн, приподняв левую бровь, – но через пять минут здесь будет усиленный мантикорами ночной дозор.

Варка переступил через разбросанные монеты и поволок Илку к обгорелым развалинам.

Через пять минут они стояли под мертвым деревом. Пригорская ночь была морозной. Игольчатые огромные звезды отражались в нетронутых голубоватых снегах. От хижины, проваливаясь почти по колено, к дереву уже бежали Жданка и Фамка.

Часть 2. В тени крыльев

Глава 1

– Я хотел бы показать вам кое-что, – тихим бесцветным голосом сказал крайн, – идемте.

Все, конечно, пошли. И зареванная Жданка, выскочившая из дому босиком, и дрожащая как осиновый лист Фамка. Совсем недавно, едва поддавшись тревожной дремоте, она очнулась от дикого Жданкиного вопля:

– Варка! Варку убивают!

– Где? – резко спросил проснувшийся крайн.

Но Жданка ничего не могла объяснить, только тряслась всем телом и захлебывалась от рыданий.

– В Липовце, наверное, – тихонько предположила Фамка.

– Песья кровь! – выплюнул крайн, оделся и ушел, хлопнув дверью, оставив Фамку и Жданку в темноте и страхе.

Страхи разрешились очень быстро. Не прошло и получаса, как поборники мщения и справедливости вернулись назад, побитые, потрепанные, до смерти перепуганные, но живые.

Крайн привел их обратно к дому (а куда еще он мог их здесь привести?) и остановился напротив полузасыпанной снегом поленницы.

– Дрова, – сообщил он.

Никто не спорил. Дрова – они и есть дрова.

– Берите каждый по полену.

– Так тепло же, – пробормотала бережливая Фамка, – с вечера топлено.

Но ее не услышали. Варке живо представились разные воспитательные меры, например, поленом по голове или другим нежным частям тела. Ланка ничего не поняла, просто послушалась. Илка не мог думать ни о чем, кроме того, как ему больно. Приободрившуюся Жданку, как всегда, разбирало любопытство.

В хижине крайн подхватил с лежанки дремавшую птицу, сунул за пазуху, прошел в чуланчик. Все покорно потянулись за ним.

– Может, свет принести? – робко предложила Фамка.

В ответ донеслось только:

– Не отставайте.

Голос крайна пробирал сильнее, чем царивший в чуланчике холод.

Варка обреченно двинулся вперед, совершенно не видя, куда ступает. Лица касались шуршащие связки сухих трав, под ноги попадались какие-то прутья и трухлявые доски. Приходилось еще тащить за собой Илку, то и дело со стоном наваливавшегося на занемевшее от напряжения плечо. Чулан, шесть шагов в длину, два шага в ширину, почему-то никак не кончался. Откуда здесь столько места? С одной стороны должна быть стена избушки, с другой – сплошная скала.

В очередной раз споткнувшись, Варка все-таки упал и коленом ударился о ступеньку. Зашарил вслепую по полу и выше нащупал вторую ступеньку, потом третью... Протянул руку в сторону – она почти сразу уперлась в гладкую каменную стену. Ничего общего с дощатыми стенками чуланчика.

– Это такой колодец? – не удержавшись, спросил он в темноту, на всякий случай перехватив свое полено поудобней. Какое-никакое, а оружие.

– Нет, – отозвалась темнота ехиднейшим голосом крайна, – это такая лестница.

Хорошо ему издеваться. Варка давно подозревал, что крайн видит в темноте не хуже, чем при свете.

Лестница оказалась не очень длинной, всего десять ступенек, потом кусок ровного пола и новый порожек. Варка ощупал дверной косяк, порожек преодолел аккуратно, не споткнувшись, помог перебраться Илке. Потом протянул вперед освободившуюся руку, и она уперлась в пустоту. В поисках стенки Варка сделал несколько шагов в сторону... Ничего. Он огляделся и чуть не сел на пол. Наверху, невероятно высоко, сияли яркие мохнатые огни. Тьма вокруг них была не такой густой: чернота, но с синеватым отливом, с легкой светящейся дымкой.

«Звезды, что ли? – подумал сбитый с толку Варка. – Или не звезды?»

– Эй, – негромко позвал он.

Мгновение тишины, и со всех сторон раздалось вкрадчивое, похожее на шепот: «Эй-эй-эй...» Звук был тихий, нежный, но Варка перепугался окончательно.

– Где вы? – шепнул он, боясь снова разбудить эхо. Что, если его бросили одного? Что, если это новое изощренное наказание?

Подумав об этом, он вдруг понял, что может видеть. Светлело медленно, неохотно, будто неподалеку кто-то раздувал лучину, а она все не разгоралась, чадила, грозила потухнуть.

В трех шагах от Варки стоял крайн, плотно окруженный напуганными курицами. Жданка вцепилась в подол его рубахи, Ланка по-прежнему висела на руке, да еще и уткнулась лицом в плечо. Только Фамка скромненько стояла рядом. Но очень, очень близко.

Позади них и вправду была самая обыкновенная дверь в глубокой нише. На пороге, опершись о сучковатое полено, сидел Илка. Лицо его выглядело как сплошной черный кровоподтек.

Стряхнув с себя куриц, крайн, чуть подволакивая большую ногу, уверенно двинулся в темноту. Все потащились за ним, подавленные и растерянные не меньше Варки. Из полного мрака медленно выступили очертания широких ворот.

– Где дрова? – спросил крайн. Цапля у него за пазухой сонно квакнула.

Жданка, у которой даже волосы шевелились от любопытства, протянула ему полено.

– Кладите в камин. Каждый свое. Аккуратно, шалашиком.

– Куда-куда? – переспросил изумленный Варка. Значит, вот это вот мощное сооружение не ворота, а камин?

Глупый вопрос, как всегда, остался без ответа.

Крайн вытряхнул из кармана растопку и трут, присев на корточки, долго и тщательно закинул все это внутрь шалашика. Потом из другого кармана извлек кресало. Оценивающе оглядел Ланку и Фамку:

– Кто из вас старше?

Девушки переглянулись.

– Я, наверное, – осторожно сказала Фамка.

– На, зажигай.

– Почему я? – Как же, зажжешь, а потом из этого что-нибудь выйдет.

– Да ладно тебе! Давайте я зажгу, – встряла Жданка.

– Ты, рыжая, не годишься. Огонь разжигает старшая из женщин.

Ланка завертела головой, отыскивая эту женщину, но никого старше бледной трясущейся Фамки не обнаружила. Фамка тяжело

вздохнула, встала на колени и ловким, привычным движением подожгла растопку. Может, хоть теплее будет...

– Мир этому дому, – негромко нараспев сказал крайн.

Свет стал чуть ярче. Впереди, шагах в ста, не меньше, обнаружилось странное сооружение, до такой степени неуместное в темной пещере, что Варка не сразу понял – это стол. Роскошный, с любовью отполированный, широкий и длинный, как мост через Либаву. Стулья с высокими спинками, расставленные вдоль стола довольно далеко друг от друга, язык не поворачивался назвать просто стульями. Скорее уж троны, от кончиков гнутых ножек до резных подголовников.

– Ух ты! – не выдержала Жданка. – Что это?

– Добро пожаловать в замок крайнов. Кажется, кто-то из вас выражал желание здесь побывать?

– Ой, – пискнула Ланка, имевшая четкие понятия о том, как должен выглядеть поднебесный замок, – почему же так темно?

– Прошу прощения, госпожа Илана. Весь мой свет ношу с собой. Это лучшее, на что я сейчас способен.

– Какое все огромное! – громко ахнула Жданка.

– Огромное, – шепнули далекие стены и терявшийся в темноте потолок.

– Крылья требуют места, – сухо заметил крайн.

– И все-таки, где мы? – беспомощно спросил Варка.

– Дурень, – с трудом раздвигая разбитые губы, пробурчал Илка, – тебе же сказали, в замке.

– Ну да, в замке, а где он, замок-то?

Крайн недовольно вздернул левую бровь:

– Ты никогда не слушаешь, что тебе говорят. Мы прошли сквозь обычную дверь. Мы по-прежнему в Пригорье. Из верхних покоев открывается прекрасный вид на подгорную пустошь и хозяйство дядьки Антона.

– Верхние покои?

Варка задрал голову. На недостижимой высоте в стенах виднелись темные проемы арок, разбросанные без всякого порядка, как ласточкины гнезда, но соединенные кое-где галереями, лестницами, узкими, ненадежными на вид переходами.

– А как туда... – начал он и осекся, проклиная собственную глупость.

– Мы вошли с черного хода, – с подозрительной словоохотливостью продолжал объяснять крайн.

– А где парадный? – тут же спросила Жданка.

– Там. – Тонкий палец уперся в огонь на потолке.

«Все-таки звезды!» – про себя ахнул Варка, разглядывая далекий кусок светящейся темноты.

– А-а, – понимающе протянула Жданка, – вот это да!

– Черный ход. Просто лестница, просто дверь.

– Из чуланчика?

– Угу. В тяжелые времена она была хорошо запечатана. Я не думал, что у меня когда-нибудь хватит сил открыть ее. Предполагалось, что в одиночку это невозможно. Но, оказывается, до сегодняшнего вечера я был просто недостаточно зол.

– Мы не хотели, – пискнула Ланка, – мы больше не будем.

Полезное умение притворяться очаровательной крошкой она освоила в совершенстве.

– Правильно, – в голосе крайна зазвучала знакомая всем еще по лицеуму змеиная ласковость, – не будете. Я устал стоять между вами и смертью. У этой простой и надежной двери есть одно полезное свойство. Без моего позволения никто отсюда не выйдет.

– Какэто не выйдет? – Варка решил, что ослышался.

– Никак, – безмятежно сообщил крайн.

– Так это что же, заманили и заперли? – вознегодовал Варка, мгновенно почувствовавший себя узником.

– Тебя, голубчик, я еще и к стене прикую. Вот только найду в подвалах цепь попрочнее.

Тут Илка, которому этим вечером было совершенно все равно, заперли его или нет, со стоном опустился на пол поближе к огню и лег, стараясь устроить поудобней сочащееся болью тело. Крайн глянул на него, пробурчал что-то и длинными стремительными шагами ушел в глубину зала. Там смутно обозначились какие-то тяжелые занавеси, крытые ковром лавки, гобелены на стенах. Вернулся он с охапкой свернутых ковриков, ушел еще раз и притащил груды ковровых подушек и небрежно смятое толстое покрывало, сотканное из необыкновенно мягкой ворсистой шерсти. Выпущенная цапля носилась за ним полусукоком-полулетом, крайне недовольная всей этой суетой в неурочное темное время.

– Зачем это? – заискивающе улыбаясь, спросила Ланка.

– Спать!

Тут всем как-то сразу стало ясно: хочешь не хочешь, а спать придется.

* * *

Бедную птицу и вовсе сбilo на лету. Ножки подломились, глаза затянуло бледной пленкой. Что ж, с животными куда легче, чем с людьми. Навязавшиеся ему на шею недоросли еще долго возились, из-за чего-то невнятно грызлись, но через несколько минут проняло и их. Угомонились. Роскошные ходорахские ковры, а на них – кучка острых костей, кое-как прикрытых грязными вонючими тряпками.

Однажды Тонда подшиб сороку. Бит был за это нещадно, но что толку. Потом целый месяц пришлось выхаживать птенцов. Неопрятные, крикливые, вечно голодные, то и дело норвящие вывалиться из гнезда. И возиться неохота, и бросить жалко.

Не так он мечтал вернуться домой. Не с этими спутниками, не через эту дверь.

Подождав немного, он двинулся к ним. Хромота мешала ступать бесшумно. Ногой надо будет заняться как-нибудь на досуге.

Подойдя, для верности добавил им еще, хотя от усталости перед глазами уже плавали черные колеса. Подержать, что ли, их спящими подольше? Ну, скажем, до весны. А весной пусть идут на все четыре стороны...

Спали хорошо, надежно. Рыжая улыбалась. Что-то с этой рыжей не так. Любопытно, кто были ее родители? Хотя она, дитя Болота, конечно, и сама не знает.

Красотка беспокойно металась. Пришлось класть руку на лоб, успокаиваться самому, в соответствии с наставлением травника думать про ясный солнечный полдень. Так, все у нас хорошо, цветочки цветут, бабочки порхают, облачка, естественно, проплывают... бе-е-ленькие такие... Порохом от нее несет. Стреляла, что ли? Так и есть. Руки все в копоту. Ай да полковничья дочь! Как-то заставила двух упрямых обормотов взять тебя с собой, беспомощная ты наша.

Первый обормот спал нахмурив брови, выпятив подбородок и сурово сжав кулаки. Его высочество изволят и во сне беспокоиться о нуждах подданных. Тут ясным полднем не отделаешься. Тут крутые меры требуются, решительные средства. Ладно, сейчас важнее посмотреть, что у него с легкими.

Ничего. Обошлось. Правда, сперва его высочество совсем было вознамерилось лишить сей жалкий мир своего присутствия, но обошлось. Пальцы привычно, почти не прикасаясь, плясали над тощей Варкиной грудью. Вот здесь еще звук нехорош. И здесь. Но это не страшно. Это пройдет... Живучее у нас высочество, ничто его не берет.

Второго обормота пришлось разворачивать, как свернувшегося ежа, по косточкам разминать тело, скрученное болью. Боль он забрал часов на двенадцать, но лечить не стал. Серьезных повреждений не оказалось. Стефан, поганец опытный, знает, как бить. Самые

болезненные удары не всегда самые опасные. Легкое сотрясение мозга, две-три глубокие ссадины, синяки по всему телу... Нет-нет, лечить не стоит. В другой раз трижды подумает, прежде чем соваться куда не следует.

Ну вот и все. Несколько часов полного покоя и одиночества.

Он опустился на колени перед огнем. Сердце дома билось ровно, короткими сильными толчками. Волны тепла мягко проходили по пустому залу. Пол у камина уже был ощутимо теплым. К утру согреет все нижние покои, а завтра можно будет жить и в верхних, недосягаемых и больше никому не нужных.

Он лег, поудобней устроил большую спину и стал смотреть вверх. Мирно светили Сердце сокола, Конь и Всадник. Полночь. Скоро Всадник уйдет за край, а с востока поднимется холодное Копье. Он помнил все сочетания звезд, проплывавших над входом в любой час, в любую часть года.

Как он рвался из этого дома, как презирал поднебесную невозмутимость Старших...

«Безотцовщина, – твердили они, – неуправляемый, первый враг самому себе...» Дядька Антон, не обремененный добротой и излишками деликатности, выражался проще. «Драть некому», – говорил он и бодро предлагал свои услуги.

Но таким дураком, как эти два обормота, малолетний Парка Лунь точно не был.

Глава 2

В первые за много месяцев Варке было тепло. Струи горячей воды скользили вдоль тела, унося грязь пригорских дорог, навозную вонь Антонова хлева, запах трубежских нечистот, кислый пот недавней болезни. Ничего не делать, ничего не бояться, ни о чем не думать.

Хотя место это странное, очень странное. Стылый свет серого зимнего дня и душное банное тепло. Обычные ручьи, быстро бегущие меж низких извилистых берегов. Вот только дно каждого выложено упоительно приятными на ощупь прозрачными камушками. С одной стороны полукруг влажных, ничем не обработанных скал, с другой – русла ручьев скрываются в клубящемся тумане. То ли под землю уходят, то ли вниз с обрыва срываются, то ли текут прямо через замок.

Как устроен этот замок, Варка пока не разобрался. Лишь догадывался, что тот очень велик. Можно подумать, что все горы над пустошью скрывают множество комнат, залов и переходов.

Рядом с Варкиным ручьем на камнях лежало аккуратно свернутое большущее льняное полотенце и чистая рубашка. Подумать только, рубашка! Чистая! Не важно, что она пожелтела на сгибах и слегка припахивала сундуком. А того, что фасончик вышел из моды лет двадцать назад, Варка и вовсе не замечал. Правда, его слегка смущали вышитые повсюду нежно-голубые незабудки. Но зато на второй рубашке, которую он ловко подсунул Илке, имелось жабо такого размера, что сам незабвенный Стефан умер бы от зависти.

Обе рубашки, как подозревал Варка, были личной собственностью господина Луны, недовольный голос которого доносился из гардеробной. Крайн ругался с курицами.

Впрочем, этим они занимались с самого утра. Варку разбудили слова: «Здесь жить нельзя!» – сказанные, конечно же, неустрашимой Фамкой.

– Кхм... сотни крайнов веками жили здесь. Жили и благоденствовали.

– Ну, я не знаю... крайны, может, не пьют и не едят... Хотя вы, вообще-то, ели, я видела. Нельзя тут жить. Воды нет, еды нет, топить нечем.

– Это сколько же дров надо, чтобы тут топить? – задумчиво протянула Жданка.

– Воды достаточно, – с отвращением заговорил явно уставший от женской, а то и вовсе от человеческой тупости крайн, – потом покажу. А топят здесь так: единожды в день каждый из живущих подкладывает по одному полену. Потом говоришь «Мир этому дому», и все. Будет тепло.

– Почему? – недоверчиво спросила практичная Фамка.

– Дура, – благоговейно вздохнула Ланка, – это магия крайнов.

– Нет, – брюзгливо возразил крайн, – это просто чудо. Никто не знает, почему это. Но это так. Еду и дрова на пару дней я сейчас принесу. Остальное перетащу позже.

– Я помогу, – встревоженно предложила Фамка, – вы не найдете. Или возьмете не то.

– Обойдусь без твоей помощи.

– Посуду захватите, – вздохнула Фамка.

– Посуду? Как насчет золотых блюд и серебряных приборов? У нас тут, помнится, был столовый набор, инкрустированный изумрудами.

– Ничего себе, – пробормотал Илка.

– Ну, если золото не нравится, могу предложить вестреский фарфор. Расписан узором «Синяя сетка», девятый век, дар короля Иоанна Седьмого.

– Мне бы кастрюлечку, – жалобно сказала Фамка, – медную.

– Ладно, не скули, госпожа Хелена. Найду я тебе кастрюлечку.

– Это что же, – задохнулся Илка, – ваши ушли, а все это оставили?

– Там, куда они ушли, золото ни к чему. Брали только самое необходимое.

– И все это так и лежит?

– Лежит. Куда оно денется. Запечатали, знаешь ли, от таких, как ты, вот оно и лежит.

Илка слегка устыдился и сник.

– Все равно, – печально сказала Ланка, поглаживая длинный ворс мягчайшего покрывала, – нельзя нам тут жить. Тут все во-он какое, а мы, – она покосилась на свою чумазую исцарапанную руку на белоснежной шерсти, – мы же грязные.

– Грязь – вторая кожа, – поведала Жданка очередную трущобную мудрость, – с грязью теплее.

Но крайн мудрость не оценил. Выяснилось, что пачкать фамильное имущество он не позволит, поэтому мыться нужно, а мерзкие тряпки, которые на них надеты, следует немедленно сжечь и начать со Жданкиных, как наиболее отвратительных.

Жданка подобрала свои драгоценные юбки и бочком-бочком двинулась в сторону, соображая, куда бы спрятаться.

– Сжечь – дело нехитрое, – возразила Фамка, – а ходить будем в чем мать родила?

Тут Варка с удовольствием заметил, что господин Лунь озадаченно скребет обросший светлой бородкой подбородок. Видимо, возвышенному уму крайна подобные земные затруднения были глубоко чужды.

Так они оказались в гардеробной. Тут-то и началось настоящее светопреставление.

Там были платья. Сотни платьев, подвешенных на распялочках и закрепленных на манекенах, укутанных кисеей, бережно уложенных в длинные сундуки. Варка с Илкой с первого взгляда поняли – это носить нельзя. Золотая сетка, тончайшие кружева, вышивки шелком, вышивки серебром и золотом, жемчуга у ворота, бирюза на корсаже, многослойные юбки, длинные шлейфы, рукава с какими-то хвостами, высокие воротники. В этом можно сидеть на троне, в крайнем случае – танцевать на придворном балу. Такие низменные занятия, как мытье посуды, в присутствии этих платьев не следовало даже упоминать.

Прекрасная Илана замерла точно пораженная громом. Варка испугался, что ее немедленно хватит удар. Но она только тихо застонала и как зачарованная двинулась к сверкающим тряпкам.

– Можно мы посмотрим, – пискнула Жданка, – ведь можно, да?

– Делайте, что хотите, – милостиво разрешил крайн, – все равно это никому не нужно.

– Нам тоже не нужно, – сказала Фамка, – попроще тут ничего нету?

– Я поищу...

Фамка отрешенно кивнула. Чувствовалось, что ее несокрушимое благоразумие тоже дало трещину.

Крайн поглядел на нее, хмыкнул и отправился куда-то в глубину обширного зала, заставленного высокими сундуками, завешенного колышущимися одеждами, заплетенного тонкой, как паутина, кисеей и

прозрачной, как кисея, паутиной. Все это озарялось бледными косыми лучами, проникавшими сквозь невидимые снизу окна.

– Хлам, – бормотал он, – хлам, хлам и хлам... барахло... бесполезные старые тряпки.

– Довольно дорогое барахло, – заметил Илка, медленно пробираясь к источнику ворчания, – страшно подумать, сколько все это стоит.

Господин Лунь копался в одном из сундуков.

– Ничего это не стоит, – угрюмо пробурчал он, – это нельзя продать.

– А-а, – догадался Варка, – фамильные ценности... Честь рода и всякое такое...

– При чем тут честь, – глухо прозвучало из недр сундука, – сейчас в этой стране даже у короля не хватит денег, чтобы купить такое платье. Так, вот это сойдет... Не шелковые, и на том спасибо.

Из сундука были извлечены две любовно сложенные льняные рубашки. Пахли они чуть-чуть затхлым сундучным духом, а еще лавандой и розмарином. Кроме рубашек, каждый получил пару мужских чулок из тончайшей шерсти.

– Белые же, – ужаснулся Варка, – как же мы в них...

– Изящно и с достоинством, – посоветовал Крайн, – как и надлежит на больших королевских приемах.

– А вы бывали на приемах? – поразился Илка. Сам он единственный раз вместе с отцом удостоился приглашения от наместника, и в той, прошлой жизни невероятно гордился этим.

– Всенепременно, – фыркнул Крайн.

* * *

С прочей одеждой вышла заминка. Крайн долго созерцал содержимое сундука, заглянул в два соседних и, безнадежно махнув рукой, отправил парней мыться, приказав на прощание постирать старые штаны. При этом в его голосе не было обычной уверенности.

Варка тоже сомневался в своей способности что-либо стирать. Кроме того, в последнее время отдельные части его штанов, казалось, держались вместе только благодаря застарелой грязи. Но вопреки всему старые лицейские панталоны уцелели и теперь сохли поодаль на горячих камнях.

Переодеть самого крайна, судя по воплям, доносившимся из гардеробной, оказалось гораздо труднее.

– Ты серьезно думаешь, что я буду это носить?

– А что такое? – колокольчиком разливалась Ланка. – Немножко старомодно, конечно, а так вполне ничего. Складочки такие миленькие...

– Складочки! Он же сиреневый!

– Лиловый с искрой.

– Сиреневый. С розовым отливом.

– Но он же ваш! Раньше вы же его носили!

– Носил. Позорное свидетельство того, каким идиотом я был в семнадцать лет. Но с тех пор, смею надеяться...

– Тогда вот этот, черный, бархатный...

– Какой-какой? Вот этот? С кру-жав-чи-ка-ми?

– Это не кружавчики. Это, между прочим, драгоценные миойские кружева. Кроме того, знающие люди говорят, что широкие рюши ниже колен к весне снова войдут в моду.

– В этих краях к весне в моду войдут сосновые гробы. У меня же был приличный костюм. Что вы с ним сделали, а?

– Чего? Приличный?! – Ланка вспомнила серое потертое безобразие, задыхнулась от возмущения и дала возможность вмешаться голосу разума, то есть Фамке.

– Эти... хм... рюши можно отпороть. И воротник тоже, если хотите. Получится простой черный костюм.

– Ага, – обрела дар речи Ланка, – простой-простой. Если не считать, что этому бархату цена семь золотых за локоть.

Слушая все это, Варка порядком утомился и нырнул с головой, оставив на поверхности только кончик носа. Горячая вода приятно перебирала непривычно короткие волосы. Все-таки господин Лунь управляется с кинжалом исключительно ловко. Изящный разворот, два-три движения, и все. Курицы без кос, Варка с Илкой без хвостов. Только холодный ветер прошел по затылку. Ланка даже завизжать не успела.

– Вши, – кратко объяснил он причину столь суровых мер. Виноват оказался, конечно, Варка, который якобы подцепил эту гадость, слоняясь по деревьям.

– Подумаешь, вши, – ухмыльнулась Жданка, – чего такого-то? От этого не помирают. Вот у нас под мостом...

– Так это ты своими поделилась, – догадался крайн.

После этих опрометчивых слов Ланка завопила и бешеной кошкой вцепилась в Жданку. Но Варка к такому давно привык, разнимать девчонок умел мастерски. Хладнокровно выдрал рыжую из рук вопящей красотки, так что обе отделались только несколькими царапинами.

Внезапно неспешное течение Варкиных мыслей было прервано мощным хрюканьем и плеском, будто рядом решил утопиться небольшой дракон. Варка торопливо вынырнул. Оказалось, что Илка, отмокавший в соседнем ручье, сомлел после ночных приключений, заснул в теплой водичке и мирно погрузился на дно. Варка его выдернул на поверхность, кое-как вытер и оглянуться не успел, как неблагодарный Илка стащил рубаху с цветочками. Очевидно, оборки его тоже не привлекали.

Илка натягивал сыроватые штаны, косился на Варку и вздыхал. В дурацкой, почти женской рубахе, со слипшимися от воды, кое-как обрезанными волосами, тощий как смерть, красавчик все равно был похож на принца, после долгих странствий вернувшегося в родимый замок. Сам же Илка, побитый, мокрый и остриженный, смахивал на подержанное огородное пугало.

* * *

Парни смирно пристроились у камина, досушивали штаны, с опаской косились на крайна. Кто знает, что еще придет ему в голову. Но господин Лунь был настроен благодушно. Сидел, обхватив руками острое, обтянутое черным бархатом колено, глядел на огонь. Свежая рубашка лежала мягкими складками, наброшенный на плечи камзол скрывал горб. Волосы, которые Варка привык видеть слипшимися в серые сосульки, теперь окружали изможденное лицо прямыми серебристыми струями.

«А ведь он не седой, – вдруг сообразил Варка, – просто очень светлый. Кудри цвета лунного льда. Прямо как в стихах. С ума сойти».

Из глубины замка, беспрепятственно проникнув сквозь десятки путаных коридоров, донесся жуткий пронзительный вопль. Варка подскочил было, но тут же, опомнившись, плюхнулся на свое место.

– Что это? – поинтересовался крайн.

– Жданку моют.

– Она, может, с рождения не мылась, – подтвердил Илка, – у них на Болоте это не принято.

Вопли перешли в хриплый кошачий вой. Должно быть, все это сильно отвлекало крайна от размышлений о несовершенстве мира.

– Невыносимо. Что они с ней делают?

– Не знаю, не знаю, – задумчиво протянул Варка, – Фамочка у нас девушка с характером и дерется будь здоров, даром что тихая.

– Навязались на мою голову... Вот уж не думал, что на старости лет придется возиться с младенцами.

– Ну, вы же учитель, – льстиво сказал Илка, – у вас, наверное, огромный опыт.

– Какой там опыт... Я учителем был меньше двух месяцев, и все в этом проклятом Липовце.

Варка разинул рот, но так ничего и не сказал.

– Ваш Главный мастер три часа у меня в ногах валялся, умолял принять это место.

– Почему?

– Он знал, кто я такой. Вот он учитель. Настоящий. Кажется, вы его не любили. Но он жил ради детей. Он видел, к чему идет. Ну а присутствие в лицеуме крайна – дополнительная защита.

– А откуда он... ну, это... узнал? – заинтересовался дотошный Илка.

– Старина Арктус Грим всегда много болтал. Я прибыл в город по реке и поначалу поселился в Норах.

«У Реней, – в приступе вдохновения подумал Варка – повезло им, как ни крути».

– Но там было шумно и не слишком чисто. Так что я был рад перейти к господину Арктусу, который, переехав в деревню, уступил мне свой дом. Он сразу узнал меня, как ни странно... После стольких лет... Впрочем, он утверждал, что я был его любимым учеником.

– А где вы учились? – быстро спросил Варка, надеясь выудить еще какие-нибудь любопытные подробности.

– В столице... в Королевском университете, разумеется. Старшие сочли, что мой особый дар требует человеческих знаний. Князь

Филипп написал блестящее рекомендательное письмо, в котором именовал меня своим любимым племянником.

– Филипп Вепрь?

– Он самый. Тогда он был на все готов ради союза с крайнами. Ну а быть племянником князя Сенежского – это обязывает. Пришлось представляться ко двору.

– В белых чулочках? – тихо съехидничал Илка.

– Именно.

Варке не давало покоя другое.

– Что значит – особый дар? Дар травника?

– С чего ты взял? Травник я как раз вполне заурядный. А дар... Дар я утратил, когда бежал с каторги. Да не смотри на меня так. Я там недолго пробыл. Года полтора, не больше. Если учесть, что приговор был – пожизненно, я еще легко отделался.

– А за что вас туда? – спросил Илка. – Политическое дело, да? – Он целую минуту пытался представить себе господина Крысу, грабящего с кистенем на большой дороге, и не смог. Значит, интрига или заговор какой-нибудь. Такие штуки Илка любил и рассказы о них выслушивал с превеликим удовольствием.

– Да как тебе сказать, – задумался крайн, – политическое, наверное. Я шел из Коростеня в Малые Лодьи. Пешком. Лететь нельзя было. Шел, знаешь ли, по своим делам, никого не трогал. Из Коростеня вышел спокойно, а под Лодьями напоролся на конный дозор. Оказалось, что Коростень в руках самозванца, а Лодьи еще в руках короля. Или наоборот? Забыл. Я тогда молодой был. Дурак вроде вас... И кончиком пера шевельнуть не успел, как меня оглушили, связали, сунули в какой-то подвал и быстренько приговорили к повешению как вражеского лазутчика. Я страх как обрадовался. Вешать, думаю, будут под открытым небом, и тогда плевать, что руки связаны. Крылья не свяжешь. Только мне не повезло. Случилась нехватка гребцов на боевых галерах, и всем нам, голубчикам, смертную казнь заменили пожизненной каторгой. Сковали одной цепью и строем в порт.

– Но вы улетели?

– Да. Только не сразу. Видишь ли, гребцы сидят под палубным настилом, по два человека на весло, скованные попарно и прикованные к общей цепи. Оттуда не улетишь. Я все ждал, чтоб к нам спустился кто-нибудь из начальства. Тогда бы я смог... э... уговорить его

расковать меня и вывести на палубу. Но начальство туда предпочитало не заглядывать. Запах нехороший, знаешь ли. Да и вообще зрелище не из приятных.

Потом подумывал притвориться мертвым. Хотя с мертвыми там особо не церемонятся. Но тут мне повезло. Случился бой, наш «Хозяин морей» получил заряд точнехонько в пороховой погреб. Грот-мачта рухнула, палубный настил в щепки, общую цепь разбило, и вот тогда я улетел. Вместе с напарником. Он еще вырывался, болван. Ну, чего уставились? Ничего интересного в этом не было. Вода изо всех щелей потоками, сверху горящие обломки сыплются, а противник, не будь дурак, развернулся к нам всем бортом и стреляет картечью на поражение. Нас не ранили, обошлось, но вымок я как собака. А дело было осенью. Потом летел мокрый часов пять. До берега не дотянул, но добрался до Маремских мелей. Повезло. Как раз отлив был. Заночевали на клочке земли. Пять саженой в длину, семь в ширину. Огонь развести нечем. Напарник мой до утра грелся, цепи с нас сбивал. А я так вымотался, что и пошевелиться не мог. Закоченел до полусмерти.

– А кто он был?

– Напарник? Карманник из столицы. Начался прилив, пришлось оттуда убираться. До земли я его все-таки дотащил. А вот дальше не помню. Очнулся у каких-то рыбаков. Жар, кашель, трясовица... Грудная немочь во всей красе.

– А напарник?

– Понятия не имею. Никогда больше о нем ничего не слышал.

– Выходит, он вас бросил! Больного! – возмутился Варка.

– Тебя это удивляет? А твой товарищ как думает?

– Ну, – поморщился Илка, – нехорошо вроде.

– А если я тебе скажу, что у всех рыбацких деревень в Маремах договор с береговой стражей и за каждого беглого им полагалась награда?

Илка пожал плечами.

– За живого, конечно, – спокойно продолжал крайн. – Так что выхаживали они меня очень старательно. Боялись, помру раньше, чем за мной явится стража. Стражу я ждать не стал, но болел потом долго. И дар мой болезнь взяла. Но я об этом никогда не жалел. Бывают времена, когда подобный дар лишь обуза.

Тут интересный разговор прервался. Пришли курицы. Варка был юноша воспитанный, приученный к деликатному обращению, поэтому он сначала упал лицом в подушки, а уж потом из них донеслось невнятное хрюканье.

Крайн, битый жизнью, привыкший держать удар и сохранять лицо при любых обстоятельствах, только слегка улыбнулся:

– Прекрасно выглядите, дамы.

На Ланке было чудесное бледно-голубое платье с крохотными цветочками, вышитыми бирюзой и хрустальными блестками. С рукавов, перетянутых атласными лентами, свисали пышные банты. Все это изумительно сочеталось с огромными грязными валенками. Задумано платье было как облегающее фигуру, только неизвестный портной не предусмотрел, что у прекрасной дамы может быть фигура в форме неструганой жерди. Из пышного воротника торчала растрепанная голова-одуванчик на тонкой бледной шейке.

Фамка со своим платьем (розовый атлас и гирлянды золотых розочек) расправилась сурово и решительно. Рукава закатала по локоть, шейф завязала вокруг пояса и трижды подоткнула пышный подол. Волосы прижала золотым шнурком, завязанным, как у мастерового, поперек лба. Смотрела Фамка угрюмо.

Для Жданки крайн отыскал мужскую одежду подходящего размера. Так что из нее получился кудрявый золотоволосый мальчик в синем бархатном костюмчике. С возмущенным воплем она прыгнула к Варке и принялась дубасить его подушкой. Хрюканье не прекратилось, только стало слабее и глуше.

Илка на весь этот шум внимания не обращал. Он смотрел на Ланку. Ланка поймала этот взгляд и опустила на подушки с гордым достоинством.

Крайн вдруг что-то сообразил и со стоном взялся за лоб. На Фамку и Ланку он теперь глядел с ужасом.

– Я не умею опекать молодых девиц. Никогда этого не делал.

– Да ладно, – сказала Фамка, – чего нас опекать-то.

– Нет-нет, – мучительно размышлял крайн, – прежде всего вам надо отдельную спальню... Это не трудно. Здесь полно пустых покоев.

– Не надо отдельную, – заявила Жданка, – я без вас боюсь. А без Варки вообще никуда не пойду. Там же темно.

– Говорила я – надо коптилку взять, – пробормотала Фамка. – Здесь, в зале, днем хоть чуть-чуть свет сверху падает и от камина светло, а чуть отойдешь – мрак как в подземелье.

– Наш свет внутри нас.

Это загадочное заявление было встречено без всякой радости. Жизненный опыт Фамки гласил: с помощью одних философских изречений в мире ничего не меняется. В частности, темные помещения не становятся светлее.

– Ты, – длинный палец уперся в отсмеявшегося Варку, – пожелай, чтобы было светло.

– Я не крайн, – угрюмо возразил Варка.

– А то я не знаю. Просто скажи «свет».

– Ну, свет. И чё?

Разумеется, света в зале не прибавилось ни на йоту.

– Ничё, – довольно точно передразнил крайн, – дурак ты, братец.

Варка подавил сильное желание ответить «сам дурак».

– Поесть бы, – заметил Илка.

* * *

Господин Лунь выполнил все обещания. Принес провизию, раздобыл посуду и даже показал Фамке огромную кухню с двумя плитами, обширным очагом, механизмом для поворота вертела и прочими приспособлениями. Так что в скором времени удалось состряпать нечто среднее между поздним обедом и ранним ужином. Есть за роскошным парадным столом ни у кого не хватило духу, устроились за самым обыкновенным разделочным столом в кухне.

Все мирно жевали, заедая тыквенную кашу лежалыми сухарями, когда господин Лунь вдруг схватился за грудь и стал медленно валиться набок. Тусклый желтый свет потух, будто окончательно задули и без того едва чадившую коптилку. Варка слетел с высокого дубового табурета, успел подхватить костлявое, на редкость неудобное тело.

– Что с вами? Сердце? Рана открылась?

Темнота отозвалась жалобным стоном. Где-то рядом хрипло орала и била крыльями глупая цапля.

– Песья кровь! Не видно ничего.

Слышно было, как Фамка шарит по столу в поисках кресала.

– Дура, курица! Что ты там возишься? Говорил же я, нельзя ему мешки таскать. Свет давай!

Свет вспыхнул внезапно, холодноватый, лунный, но яркий. Варка облегченно вздохнул, осторожно опустил крайна на пол, потянулся, чтобы расстегнуть камзол, и натолкнулся на острый, ехиднейший взгляд.

– Ты, конечно, не крайн, – заметил господин Лунь, удобно усаживаясь на полу, – но свет-то у тебя поярче моего.

– Вы... – задохнулся Варка, – вы...

– Клятву травника не давал еще? А... не важно... Все равно кровь сказывается.

– Ой, мамочка, – тихонько сказали сзади.

Варка обернулся. Фамка горела. Алое пламя бесшумно плясало над ней, языками стекало с худеньких рук, столбом стояло над волосами.

– Мама, – в последний раз пискнула железная Хелена и упала в обморок. Пламя неохотно исчезло.

– А вот этого я не ожидал, – заметил крайн, – хотя, если подумать... Ну, чего расселся, ученик знахаря? Иди, спасай ее. Кружка холодной воды на голову и пять минут подержать за ручку. Можешь даже поцеловать.

– Не, – замотал головой Варка, – обидится.

Голубоватый свет медленно тускнел.

– Не расслабляйся, – посоветовал крайн, но Варка был слишком ошарашен, чтоб слушаться каких-то советов.

– Здорово!

От восторга Жданка вертелась на табурете так, что чуть не протерла дырку в новых штанах.

– А я так смогу?

– Попробуй, – предложил крайн.

– Свет!!!

Больше всех повезло Фамке, которая все еще была в обмороке.

Зрение вернулось не сразу. Варка изо всех сил тер глаза, проливая обильные слезы под крики очень недовольного господина Луны.

– Ты что вытворяешь? Разве так можно? В следующий раз точно представь, что тебе надо.

– Ага. Я щас.

– Нет! Не сейчас! Родные у тебя есть?

– Бабка у меня прачка. И мать прачка была. Только она померла. Давно.

– А кто отец, конечно, не знаешь.

– Почему не знаю. Моего отца весь город знает.

– Ага, – сказал Варка, – ее отец – Маркус Рыжий. Грузчик он.

– Это когда трезвый. А пьяный все ко мне под мост таскался, на опохмел просил.

– М-да... Ну что ж... Это в семнадцать лет я полагал, что все понимаю. Сейчас я склоняюсь к мысли, что не понимаю вообще ничего. И не обязан понимать. Может, и вы нас чем-нибудь порадуете, госпожа Илана?

У Ланки с третьей попытки получился свет золотистый: небольшой уютный круг вроде тех, что падает от масляной лампы.

У Илки не получилось ничего.

Крайн хмыкнул, но ни ругать, ни уговаривать его не стал.

– Решено, – заявил он, – я буду вас учить.

Раздался тяжкий стон. Варка распластался под столом с таким видом, будто земные заботы его уже не волнуют.

Фамка притворилась, что она очень занята. Посуду надо мыть и вообще. Хлопот полон рот, какая уж тут учеба...

– Ой, а может, не надо? – с глубокой тоской спросила прекрасная Илана.

– Вы переутомитесь, – сказал Илка, озабоченно глядя в потолок, – а вам вредно. Вон Варка со мной согласен.

– По-моему, – донесся мятежный голос из-под стола, – эта версификация – сплошная чушь, а ваш Варавий Верноподданный – полная бездарность.

– А у тебя хороший вкус, – одобрительно кивнул крайн, – соображаешь.

Илка вытаращил глаза.

– Так зачем же вы столько времени нас мурыжили?!

– Не учитель я, – спокойно напомнил крайн, – мне надо было держать вас в руках. А как – я не знал. Кроме того, детям полезно быть рядом с крайнами. Хорошо для здоровья.

– Ага, – пробормотал Илка, – мы заметили.

– Лично я едва не свихнулся, – поведал Варка, попытался сесть и взвыл, со всего маху ударившись головой о столешницу.

– С чего вы взяли, что я собираюсь учить вас версификации?

– А чему?

– А чему бы вы хотели?

– Боевой магии крайнов, – отчеканил Илка. Варка подался вперед и азартно кивнул.

– У крайнов нет боевой магии.

– Шесть человек за одну минуту, – пробормотал Варка.

– А... это... – господин Лунь поморщился, – боевая магия тут ни при чем. Это было придумано, чтобы усмирять буйных сумасшедших. Или таких больных, которые могут себе повредить.

– А собаки? Там были ножи, я точно видел.

– Ножи? Были, конечно. Но крайны здесь ни при чем. Это мое собственное изобретение. Больше, насколько я знаю, никто так не умеет.

– И нас учить вы, конечно, не будете, – проворчал Илка.

– Отчего же, могу научить.

Илка с Варкой потрясенно переглянулись. Жданка в изумлении разинула рот.

– Лучше не надо, – сказала благоразумная Фамка.

– Надо! – хором сказали парни. – А когда?

– Да хоть сейчас.

Такая покладистость показалась Илке подозрительной, но крайн действительно не шутил. Встал, захватил из мешка пригоршню черных бобов, протянул Фамке:

– Бросай.

– Куда?

– Вверх, конечно.

– А зачем?

– Госпожа Хелена, не испытывай мое терпение, бросай.

Фамка пожала плечами и неловко швырнула гладкие кругляшки бобов. В тот же миг господин Лунь распряился. Стремительный разворот, движение рук, похожее на быстрый взмах крыльев летучей мыши. Бобы с дробным стуком посыпались на пол.

Крайн охнул, согнулся, вцепившись в край стола, часто задышал, пережидая боль, вызванную резким движением. Но никаких театральных стонов. Варка ясно видел, на этот раз ему действительно больно.

– Подбирайте, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Жданка нырнула под стол. Ланка опустилась на колени с таким видом, словно ей приказали ловить за хвост ядовитую змею. Варка нагнулся и поднял черный кругляшок боба, насквозь пробитый острой, тускло блестящей иглой. На острие дрожала прозрачная капля, а сама игла была такой холодной, что сразу заломило пальцы.

– Тащите сюда, – приказал крайн, – посчитаем. Ну что ж, семь из десяти... не так уж плохо, учитывая все обстоятельства.

– Откуда это? – с подозрением спросил Варка. – Только что у вас ничего не было.

– Вся прелесть этого оружия, – бодро разъяснил отдышавшийся господин Лунь, – как раз и заключается в том, что его не нужно носить с собой. Его невозможно потерять, забыть, его нельзя отобрать. Все, что требуется, – свободные руки.

– Магия крайнов, – благоговейно прошептала Ланка.

– Ну, если тебе нравится так думать.

– Смотрите, они исчезают, – сказала Фамка.

Илка подошел, потыкал пальцем в мокрое пятно, расплывавшееся под горсткой бобов.

– Тают... – пробормотал он, – так это чего, лед?!

– Да, – усмехнулся Крыса, – всего лишь вода. Только замороженная до твердости стали. Повсюду, где бы вы ни были, в воздухе найдется немного воды. Нужно только уметь правильно с ней обращаться.

– А шпагу так можно сделать? Или, к примеру, нож? – небрежно поинтересовался Варка.

– Метательный нож можно. А шпагу... к чему тебе оружие, которое тает в руках?

– Во-от оно как, – протянул Илка, – а почему ж тогда, в Белой башне вы ничего этого не сделали?

Крайн поморщился.

– Двадцать пять детей. И дюжина озверевших головорезов, по уши в крови, только что из боя. Одно резкое движение – и они бы начали стрелять. Все мои силы ушли на то, чтобы удержать вас от глупостей, а их – от убийства. Кстати, в те дни сидеть в башне Безумной Анны было гораздо безопасней, чем слоняться по городу. И не было никакой нужды, рискуя своей тупой головой, ползать в темноте по отвесным стенкам.

– Да?! – моментально ошетинился Варка. – А набрасываться в темноте и хватать без предупреждения – это, конечно, верх благоразумия. Я, может, от ужаса чуть не помер.

– Ты мечтал помереть на дне рва, сломав себе шею? Ну, извини, я не знал.

– А словами нельзя было объяснить?

– Так ведь некоторые слов не понимают. Хоть кол на голове теши.

Глава 3

– Чего это? – Илка был хмур и всем недоволен.

– Чего-чего, палка, – фыркнул Варка, – не видишь, что ли, палка в стакане.

– Фи, как грубо, – надменно скривился крайн. – Грубо и примитивно. Но люди вообще примитивны от природы. Не палка в стакане, а роза в бокале.

– Роза? – Голубые глаза Ланки распахнулись от изумления.

В отполированной поверхности парадного стола смутно отражались пять тонких хрустальных бокалов. Бокалы были пусты. Из каждого сиротливо торчала сухая колючая палочка. Палочки господин Лунь наломал тут же, в главном зале, по стенам которого спускались длинные высохшие плети какого-то растения.

– Итак, прежде всего необходима концентрация.

– Ой, – перепугалась Жданка и дернула за рукав прилежно внимавшую Фамку, – а где мы это возьмем?

– Сосредоточиться надо, – прошептала Фамка.

– Именно, – подтвердил крайн, в который раз демонстрируя превосходный слух, – все, что от вас требуется, – это сосредоточиться и наполнить водой свой бокал.

– А роза? – пискнула Ланка.

– Роза должна расцвести.

– Как это делается? – спросила Фамка, любившая четкие указания.

– Не знаю, – усмехнулся крайн, – вам виднее. Главное, сосредоточиться и пожелать.

– Воду неинтересно. Может, лучше вино? – осведомился Илка.

– Хоть сивуху, – последовал равнодушный ответ.

Варка с Илкой переглянулись и дружно хмыкнули. Все было ясно. Очередная уловка господина Крысы: заставить делать заведомо невозможное, потянуть время, а потом объявить, что за полной неспособностью учеников обучение отменяется.

– Прошу, – длинная, затянута в черное рука взлетела в широком приглашающем жесте.

Фамка честно пыталась сосредоточиться. Илка пялился на пустой бокал, чувствуя себя полным идиотом. Варка залюбовался игрой света

в изломах хрусталя, засмотрелся на тонкий замысловатый узор и напрочь забыл, что он здесь делает. Ланка, заранее уверенная, что все это чепуха, думала о розах. Белые, с розовой серединой, с завернувшимися краями лепестков, прохладные на ощупь...

Грохот, звон, сдавленный крик. Варка очнулся, готовый немедленно бежать. Перед Жданкой среди осколков бокала красовался огромный бесформенный кусок льда. Из льда сиротливым хвостиком торчала сухая палочка.

– По-твоему, это похоже на розу? – сухо поинтересовался Крайн.

– Н-нет, – пробормотала бледная Жданка.

– А по-моему, похоже, – вступился Варка, – ледяная роза, разве не видно?

Крайн поднял кусок льда за прутик, внимательно осмотрел со всех сторон и метко зашвырнул в камин.

– Я не хотела, – испуганно отступила Жданка, – оно само...

Бокал был наверняка дорогой, старинный. Крайн тяжело вздохнул, ушел и скоро вернулся с другим бокалом.

– Вода, – ласково, как тупому малолетнему ребенку, объяснил он, глядя сверху вниз на Жданкину рыжую макушку, – не лед, а вода. Теплая...

О своих словах он пожалел очень быстро. Однако отскочить успел. Варка, стоявший с другой стороны, тоже.

Жданка взвизгнула от боли. Брызги крутого кипятка, внезапно наполнившего хрупкое прозрачное вместилище, угодили ей прямо в лицо. Тонкий хрусталь не выдержал, треснул и раскололся. Кипящая белым ключом жидкость разлилась по столу, губя старинную добротную полировку.

– Во дает, – хмыкнул Илка. Однако он ни в чем не был уверен. Вряд ли нищенке с Болота такое по силам. Скорее всего, это фокусы крайна.

Жданка прикрыла голову руками и шустро шмыгнула за Варкину спину. Укрытие привычное и пока что ни разу не подводившее. Два драгоценных бокала, а теперь еще и стол... И не какой-нибудь, а самый что ни на есть парадный.

Варка, расправив плечи, глядел на крайна с упрямым вызовом. Пусть рыжая дурочка кругом виновата, но наказывать ее он не позволит.

Господин Лунь изучал их как алхимик сомнительный результат очередного разрушительного опыта.

– Прачка, значит... – бормотал он, в задумчивости ухватившись за подбородок, – грузчик с Болота... А ну вылезай!

– Я больше не буду, – пропищала Жданка из-за тощей спины своего защитника.

– Будешь, рыжая. Еще как будешь.

На этот раз господин Лунь принес из кухни медное ведро. В ведре гулко перекатывалось толстое суковатое полено.

– Вот. Задание прежнее. Вода и цветущая роза. Получится – перейдем к следующему упражнению.

– Теперь у нее точно ничего не выйдет, – ехидно заметил Илка.

Крайн молча глядел на него, слегка приподняв левую бровь, ждал объяснений.

– Какие розы... полено-то березовое!

– Посмотрим, – загадочно усмехнулся господин Лунь.

* * *

Однако время шло, а смотреть все еще было не на что. Пустые бокалы стояли на столе ровненьким рядочком, и никаких цветов в них не расцветало. Березовое полено тоже не желало покрываться розами. Запуганная Жданка решила, что прекрасно обойдется без боевой магии крайнов, и даже близко не подходила к этому месту. Илка почти сразу бросил явно бесплодные попытки, предпочитая проводить время в обществе Ланки под тем незамысловатым предлогом, что свет у него не получается, а в темноте сидеть неохота. Варка же целыми днями пропадал неведомо где и даже иногда, чудо из чудес, умудрялся пропустить обед.

Домашние обязанности крайн железной рукой разделил между всеми, увернуться не удалось никому. Фамке досталась только готовка, занятие скучное, но не требующее особых усилий. Конечно, готовить, кроме нее, никто не умел, но в умную Фамкину голову тут же забрела мысль, что господин Лунь ловко и ненавязчиво избавил ее от тяжелой работы. Впрочем, мысль была не самая мудрая. В конце концов, зачем это ему? Разве что по-прежнему не желает видеть перед собой чей-либо истощенный труп.

Так или иначе, у Фамки вдруг оказалось много свободного времени и даже, впервые за несколько лет, нашлись силы делать что-то ненужное. Например, бродить по громадному залу, с опаской заглядывать в темные арки ведущих неизвестно куда проходов и раздумывать о том, какая странная жизнь, должно быть, текла в этих стенах.

Она так и не смогла понять, высечен этот зал в скале или просто построен. Куски голого камня с таинственно поблескивающими жеодами кварца соседствовали с огромными слегка выцветшими гобеленами, над нишей нависали сухие плети вьющегося растения, укоренившегося где-то высоко наверху, а дальше простирался кусок гладкой стены, покрытый сложной многофигурной росписью, причем с первого взгляда было ясно, что просто стоящие на полу рассмотреть эту роспись не смогут. Крылатые и бескрылые люди на стенах мирно соседствовали и спокойно занимались своими делами. Особой разницы древние художники между ними не делали.

Как-то раз Фамка наткнулась на гобелен с весьма мрачным сюжетом. На переднем плане кипело жестокое сражение, вдали полыхал пожар, причем яркие языки пламени нисколько не выцветли от времени. На алом фоне неслись черные фигурки всадников. Другие фигурки, в глухих островерхих капюшонах, склонялись над чем-то, очень похожим на общую могилу. «Ничего не меняется, – с тоской подумала Фамка, – сколько лет этому гобелену... а ведь и сейчас все то же».

– Ничего не меняется, – раздался хриплый голос за ее спиной. – Время кусает себя за хвост. Люди никогда ничему не учатся.

Фамка вздрогнула. Господин Лунь умел подкрадываться бесшумно.

– Кто это? – спросила она, указывая на единственную светлую фигуру среди буйства черного и красного. Человек на дороге, ведущей от пожара напрямик в самую гущу сражения, один на этой картине был выткан белым шелком с серебряной нитью. Светлый плащ, разметавшиеся по ветру белые волосы, улетающая легкость походки. Фигура казалась смутно знакомой. Именно она вначале привлекла Фамкино внимание.

– О, это Аглис Ар-Морран-ап-Керриг, господин утра, хозяин ветра и света. Рожденный в век, который даже в учебниках именуют столетием Кровавого Топора.

– Значит, он ваш предок.

– Весьма отдаленный. Вообще наши родственные связи чрезвычайно запутанны.

– А что он там делает? – спросила незаметно подкрававшаяся любопытная Жданка.

– Где?

– Ну, среди всего этого... – разъяснил присоединившийся к компании Варка.

– «И была та страна разорена войной, и охвачена чумой, и проклята во веки веков», – пробормотал господин Лунь.

– «Но сжалились прекрасные мудрые крайны, – подхватил Варка, – спустились с гор и...»

– Жертвуя собой, разгребли эту грязь, – жестко оборвал его крайн. – Это случилось пятьсот лет назад. Но с тех пор, как мы видим, ничего не изменилось. Только крайнов больше нет. Так что проклятие пребудет с этой страной до конца.

– А что это у него за спиной? – спросила внимательная Фамка.

– Лютня.

– Лю-у-утня? – изумился Варка. – Я думал, это они меч так изобразили.

– Он был Поющим крайном. – Господин Лунь протянул руку, осторожно коснулся вышитой фигуры. – Это редкий, особый дар.

– А, ну да, – тут же припомнил Варка, – деревья трепещут, травы преклоняются, горы отзываются, а люди так ваще...

– Бывают времена, когда люди глухи к песням, и тогда это не дар, а проклятие.

Варка быстро перевел взгляд с фигуры на гобелене на умолкшего крайна. Но господин Лунь уже отвернулся от них и побрел прочь, прихрамывая сильнее обычного.

* * *

– Вот вы где. Сидите один и опять печалитесь.

– Да. А ты мне мешаешь.

Жданка тихонько подобралась сзади и села на пол рядом с крайном.

– Мешать печалиться – это правильно.

Господин Лунь вздохнул и слегка подвинулся. Обняв руками колени, он скрючился на краю узкой, ничем не огражденной площадки, какими оканчивались многие коридоры замка. Перед ним была пропасть, скалы, сверкающий снежный туман. Горы во власти кромешного холода. Но на площадке было тепло, как в доме.

– Второй день обедать не приходите, – продолжала ворчать Жданка. – Фамочка ругается. Велела вас найти.

– Ну, ты меня нашла. Теперь уйдешь?

– Не-а. Хоть бы птицу свою пожалели. Она, небось, тоже голодная. Иди ко мне, милая.

Жданка по-хозяйски стянула сонную цаплю с плеча крайна, устроила у себя на коленях. Цапля приоткрыла круглый черный глаз, но протестовать не стала.

– Эта птица не пропадет. Здесь кругом полно горячих ключей.

– Значит, она сытая, а вы – нет.

– А я сухарей стащил. Будешь сухарик?

– Буду.

Некоторое время они задумчиво хрустели солеными черными сухарями, извлеченными из кармана крайна.

– Вообще-то это неправильно, – заметила Жданка, слизывая с пальцев крупинки соли и последние крошки. – Фамочка рассердится. У нее все сухари посчитаны. А что там? Это уже другая сторона гор? Там Загорье, да?

– Выдумала тоже, Загорье...

Туман разошелся, золотой солнечный отсвет прорвался меж опущенных инеем скал. Далеко впереди, чуть ниже открылся кусок долины: бледно-золотые полосы света, тонкие очертания деревьев, ряд легких голубых теней на снегу.

– Это Сад. Зимой он, конечно, не так хорош.

– Сад?

– Ну да, Сад крайнов. На самом деле он гораздо больше. Отсюда не все видно. Это внутренняя долина, в которую не добраться снаружи.

– Са-ад... А как же туда спуститься?

– Туда уже никто никогда не спустится.

– Почему? – с ходу лягнула Жданка и задохнулась от собственной глупости. – Ах да... А может, тут сбоку какая-нибудь тропиночка?

– Нету никакой тропиночки...

– Но Варка-то, наверное, смог бы...

– Убиться на этих скалах? Запросто.

Замолчали. Сад дрожал внизу в сияющей снежной пыли.

– Послушай, – тяжелая рука легла на тощее Жданкино плечо, – ты вроде не из пугливых.

Рука была крепкой и упоительно теплой. Жданка едва не замурлыкала, как тощий, истосковавшийся по ласке котенок. Прижаться бы к нему, уткнуться носом в подмышку... да нельзя... Разозлится и прогонит.

– У нас на Болоте... – пискнула она.

– Пугливых не бывает. Я знаю. А Сад... Саду нужно слушать песни, иначе он гибнет, дичает. Хотя бы отсюда, издали... Так вот, я, – крайн замялся, – я хотел бы спеть твоим голосом.

– Ух ты! – Жданка завертела рыжей головой, заглянула снизу вверх в его лицо. – А как это?

– Ну так, просто. Петь будешь ты, а я... я буду у тебя в голове. Не страшно?

– Не-а. Подумаешь, дело какое!

«Вы и так все время у меня в голове», – хотела добавить она, но не решилась.

* * *

Варка жил как в холодном тумане. Замок крайнов поглотил его и медленно, по капле растворял в себе. Часами сын травника бродил по коридорам, которых на нижнем уровне имелось великое множество. Вначале цель этих блужданий была самая простая – найти выход наружу. Варке не нравилось чувствовать себя узником. Не то чтобы ему хотелось покинуть это место. Честно говоря, он и не собирался его покидать. Но быть запертым насильно, да еще там, куда тебя заманили хитростью... Этого он допустить не мог. Поэтому с самого первого дня принялся упорно обследовать все выходы из главного зала. Выходов оказалось больше сотни. Коридор, ведущий в кухню и к кладовым, весьма обширным, но, разумеется, совершенно пустым. Остались лишь запахи. Ваниль, гвоздика, корица, петрушка, перец...

Еще один широкий проход к помещениям, которые Илка называл «сокровищницей». Но Варка подозревал, что это просто чуланы, из которых то одно, то другое извлекалось по мере надобности. Ряд

высоких двухстворчатых плотно прикрытых дверей, не защищенных, однако, не только какой-то там магией крайнов, но и простыми замками. Заходи кто хочешь, бери что угодно. Варка провел там несколько часов, но в конце концов соскучился. Красиво, конечно, но всего слишком много... Играть с этим охоты не было. Даже у Илки, который проторчал там гораздо дольше.

Проход в гардеробную, выход к ручьям, из которых приходилось таскать воду на кухню, проход в мастерские: просторные залы, загроможденные пустыми рамами ткацких станов, высокими пяльцами, подушками с коклюшками, мотками яркого, почти невыцветшего шелка, потом огромная очень чистая кузня, и далее множество разветвленных переходов, вовсе не похожих на какие-то жалкие подземные ходы. Чистота, простор, узкие окна-щели под самым потолком, высокие стрельчатые своды, белые стены.

Вначале Варка проверял их методично, ставя на стенах аккуратные крестики угольком. Некоторые круто спускались вниз. Их он отбросил сразу же, только заметил про себя, что, говоря о цепях в подземелье, крайн, похоже, не врал. А вот те, что поднимались вверх, иногда упираясь в крутые лестницы, пришлось исследовать один за другим. Некоторые не вели никуда, бессмысленно вливаясь в сеть остальных коридоров, в конце других виделся слабый свет.

Впервые увидев голубоватый луч, наискось лежащий на белой стене, Варка бросился к нему со всех ног. Вовремя споткнулся. Повезло. Коридор обрывался прямо в пропасть. Варка осторожно подполз к краю и высунул голову. Щеки мгновенно обожгло лютым зимним ветром. Далеко внизу громоздился хаос из расколотых глыб и острых обломков. Скальные выступы торчали слева и справа и даже нависали сверху. Ни леса, ни Антонова хозяйства видно отсюда не было. Варка тяжело вздохнул и потихоньку отполз назад. Чтобы покинуть замок через этот выход, наверняка требовались крылья.

Все прочие выходы на поверхность оказались ничуть не лучше. Главным его достижением была ровная площадка саженей сорок в ширину, покрытая жухлой, присыпанной снегом травой. Трава росла странно, широкими рядами. Подумав, Варка заподозрил, что это грядки.

Но этим бывшим огородом его успехи и ограничились. Вскоре он уже ничего не искал, а лишь бродил в скрещивающихся и переходящих

друг в друга светлых пространствах, забывая о прошлом, теряя себя, и уже не мог с уверенностью сказать, кто он такой – Ивар Ясень, сын травника, или некий всеми покинутый крайн.

Однажды он забрел в место, которое про себя назвал «Поющей комнатой». Настоящего окна тут не было, но одна стена, наверное, выходила в долину ручьев. Стена была ледяной. Замерзший во время жестоких морозов водопад, несмотря ни на что, жил под слоем льда, тек, боролся, звучал, со звоном бился о прозрачную преграду. Квадратную комнату, полную холодного света, наполняла тихая живая музыка.

С тех пор Варка просиживал здесь часами, слушал и смотрел, как, переливаясь, скользит подо льдом непокорная вода.

Однажды до него вдруг донеслось пение. Сначала он не поверил. Мало ли как может звучать ручей. Незнакомые слова, никогда не слышанная мелодия. Но голос казался знакомым. Варка повернул и пошел к этому голосу, не задумываясь, едва сознавая, куда идет, на ходу шепотом повторяя обрывки слов, подхваченные клочки мелодии.

Пела Жданка. Стояла, напряженно выпрямившись, тонкая тень в круге бледного зимнего света, и пела так, что у Варки сердце рвалось из груди и на глаза наворачивались слезы. Так мог петь взрослый, много страдавший человек, но никак не рыжая с ее легким нравом и простодушной жизнерадостностью.

* * *

– Здорово! А я и не знала, что так умею!

– Это я умею. То есть... э... умел.

– А может, еще? Давайте, а?

– Больше нельзя. Себя потеряешь. Будет два господина Луня. Один – урод без крыльев, а второй – рыжий с косичками. Для этого несчастного мира и одного слишком много.

– И вовсе вы не урод. Тогда научите меня. Научите?

– Боюсь, это невозможно. Но если хочешь, я попытаюсь.

Варка отлепился от стены, на негнущихся ногах приблизился к сладкой парочке.

– Вы были Поющим крайном, – прошептал он потрясенно.

– Увы, – не стал отрекаться крайн, – одна из моих потерь. Не самая горькая. А ты, чем топтаться сзади и шептать себе под нос, мог бы и

спеть в полный голос.

– Не мог.

– Что, скромность некстати одолела?

– У меня тоже голос пропал. Это... после болезни.

Яростный взгляд широко распахнутых глаз был точно удар в лицо.

Варка зажмурился и поспешно опустил голову.

– Пой!

Ослушаться он не посмел.

– Снеги белые, пушисты покрывали все поля...

В непокорном горле родился отвратительный хриплый бас, Варка попытался поправить дело и дал такого петуха, что плюнул с досады и немедленно заткнулся.

– М-да, – протянул крайн. Особого сочувствия в его голосе не было.

– Ой, Варочка! – огорчилась Жданка. – Как же ты теперь...

– Да ладно тебе... Я уже на всю жизнь напелся. Не больно-то и хотелось.

Он твердо верил, что это правда. Ну, почти верил.

Глава 4

– Все, – резко сказала Фамка, разливая жидкую тыквенную размазню по полупрозрачным фарфоровым тарелкам. – Кончилось.

– Что кончилось? – бодро поинтересовался голодный Илка, потянувшись за ложкой.

– Еда, – разъяснила Фамка и для наглядности, выдернув из-под стола пустой мешок, как следует встряхнула его. Из мешка выскочила и покатила по полу одинокая фасолинка. Все молча проводили ее взглядом. – Осталось муки на один раз, полфунта сушеных грибов и немножко соли.

– Куда же все девалось? – озадаченно пробормотала Ланка.

– Съели, – просветила ее Фамка, – ели-ели, знаешь ли, и все съели. В Трубеже-то месяц назад были, а то и больше. А после Трубежа никто ничего не приносил. Только и знаете, что сухари потихоньку тырить.

Варка, как самый совестливый, покраснел и принялся без всякой нужды размазывать кашу по тарелке. Илка с независимым видом уставился в потолок. Лишь господин Лунь продолжал невозмутимо вкушать пищу, деликатно держа в руке драгоценную серебряную ложку. Жданка покосилась на него и тихо хихикнула. Фамка ее веселье не оценила.

– Эй, вы чё, не поняли? Уже послезавтра жрать будет нечего.

При этих словах Варка попытался встряхнуться. Замок крайнов действовал на него усыпляюще. Казалось, с ними уже никогда не может случиться ничего дурного.

Он расправил плечи, словно принимая на них привычный груз, тяжело вздохнул и тут обнаружил, что на него никто не смотрит. Три пары глаз: чернящие Фамкины, ярко-голубые Ланкины, зеленые с веселыми рыжими крапинками Жданкины уставились на крайна. Впрочем, оказалось, что господин Лунь тоже к этому не готов. Длинные костлявые пальцы потянулись к вискам, разворошили светлую шевелюру...

– Забыл, – растерянно пробормотал он, – как же это я...

Варка понял, что разбираться снова придется самому.

– Завтра с утра мы с рыжей пойдем в Дымницы. Может, кому помощь нужна. Навоз разгрести или еще что. Она и спеть может, а я

рядом постою, пригляжу, чтоб никто ее не обидел.

– Ага, – радостно кивнула Жданка.

Крайн встряхнулся, как мокрая ворона, и пробурчал что-то насчет цепей и подземелья. Варка понял, что добровольно его отсюда не выпустят.

– Какой еще навоз? – насмешливо ухмыльнулся Илка. – Мы же на золоте сидим, золотом обложены. Одну эту ложку продать – целый год семью кормить можно.

– Какую ложку? – поинтересовался окончательно опомнившийся крайн. – Вот эту?

– Можно эту, – согласился Илка, вертя в пальцах предмет обсуждения, – можно вон ту. Или из кладовой что-нибудь.

– Весьма любопытно. Где будем продавать? В Дымницах?

Курицы дружно хихикнули. Даже Ланке было ясно, что в Дымницах такое никто не купит.

– Зачем в Дымницах? – обиделся Илка.

– В Стрелицах тоже торг бывает. По пятницам, – вкрадчиво предложил крайн.

– Я про город говорил. Надо отнести в этот... как его... Трубеж, в солидную ювелирную лавку.

Варка фыркнул.

– Принести в Трубеж вещичку из дома крайнов! Да ты знаешь, что они с тобой сделают?

– Ага, – подтвердила посерьезневшая Жданка, – это точно. Сделают.

– В Трубеж, – задумчиво протянул крайн, – в Сенеж, в приречную Бренну... А знаешь, о чем тебя первым делом спросят в этой солидной лавке?

– Ну о чем?

– Они спросят, где ты, грязный оборванец, украл такую ценную вещь. Вот, скажем, эта ложка. Чистейшее серебро, одна большая грушевидная и шесть мелких жемчужин, перламутр. И работа крайнов, что каждый местный ювелир определит с первого взгляда. Учти, крайны своей работой никогда не торговали. Только дарили. Семьи, где есть вещи из дома крайнов, наперечет. Так у кого ты украл эту ложку? У Гронских? Или у самого князя Сенежского?

– По наследству досталась, – буркнул припертый к стенке Илка.

– Очень убедительно. В лучшем случае хозяин лавки просто присвоит эту прекрасную вещь, пригрозив вызвать стражу, в худшем – на самом деле вызовет.

– А если найти того, кто как раз скупает краденое?

– Отлично. От одного лишнего рта избавимся.

– Что значит – избавимся?

– Убьют тебя, – со знанием дела разъяснила Жданка, – за такое – точно убьют.

– Ладно, – сдался Илка, – тогда правда, пусть рыжая побираться идет.

– Пока я жив, она побираться не будет! – рявкнул внезапно разозлившийся крайн.

– Вот что, – тихо сказала Фамка, – я тут подумала, – она разгладила на столе тонкую тряпочку, – эти кружева, что я с вашего камзола спорола. Они дорогие, наверное, но все же это не жемчуг... не золото. Да и кусок небольшой. И если молодая девица придет не в ювелирную, а в модную лавку... Поднимать шум из-за куска кружев никто не станет.

– А ведь верно, – задумчиво проговорил крайн, – тебе бы королевой быть, госпожа Хелена, глядишь, и войны бы не было. Завтра открою вам старый колодец в Бренну. Пойдешь ты.

Длинный палец уперся в Илку.

– Я вам не нанимался! – тут же ошетинился тот.

– И ты.

Повелительный взгляд в сторону Ланки.

– Я лучше с Варкой, – жалобно сказала прекрасная Илана.

– Ага, со мной лучше, – весело согласился Варка.

– Почему это? – немедленно обиделся Илка.

– Варка не боится.

– А я, значит, боюсь?!

Но господин Лунь ничего обсуждать был не намерен. Варку опять пообещали посадить на цепь, Илке было приказано заткнуться, прекрасной Илане – снять бальное платье и одеться в старое, чистенько, но бедненько.

* * *

– По затылку-то зачем! – завопил Илка. Оплеуха была такой силы, что ноги сами пронесли его несколько шагов по щербатым плитам. Всею грудью он врезался в широкий каменный парапет, и только тогда удалось остановиться.

Покинуть замок оказалось просто, но не слишком приятно. Колодец в Бренну крайн открыл для них на краю пропасти, которой кончался один из коридоров.

Сзади сочувственно охнула Ланка. С ней обошлись гораздо мягче. В пропасть спихнули, вежливенько поддерживая под локотки. Замешкавшийся на краю Илка был обруган, да еще и схлопотал по заливку.

Поневоле перегнувшись через парапет, он увидел белую гладь замерзшей реки с чернильными пятнами промоин, основательный кирпичный мост, не хуже, чем в незабвенном Липовце, черную линию дороги, тянущуюся от моста через ровное, как стол, заснеженное поле. Река широкой дугой огибала городскую стену. Илке с верхней площадки угловой башни были хорошо видны ряды лодок, вытасненных на берег, проруби с ведущими к ним мостками, пестрые крыши тесно поставленных вдоль реки лачуг. Город не помещался в старых стенах, да и о самих стенах, похоже, не слишком заботились. Башня, на которую они попали, была явно заброшена.

– Хорошо! – сказала Ланка, становясь рядом с Илкой. – Простор... Ветер дует...

Теплый влажный ветер нежданной оттепели растрепал ее светлые волосы, прикрытые платком. Одиноким отбившийся завиток трепетал у пухлых розовых губ. Илка внезапно сообразил, что они здесь совершенно одни и никто на свете не может ему помешать. Сообразил и, схватив Ланку в охапку, впился ртом прямо в соблазнительный локон. Мимолетно успел удивиться, до чего Ланка тощая, и тут же согнулся пополам, задыхаясь от боли. Прекрасная дочь полковника Града для начала засветила ему острым каблучком по голени, а потом костлявым коленом в пах.

– Козел! – выдохнула она и нежным голосом добавила парочку особо скверных ругательств.

– Ну ты даешь, – пробормотал Илка, сидя на разбитом каменном полу, – а еще девушка из приличной семьи.

– Фамочка научила, – с гордым видом улыбнулась Ланка, – у них в Норах иначе нельзя. Лучше бы я с Варкой пошла. Он бы ни за что не стал бы...

– Ему это не надо, – проворчал Илка, с трудом поднимаясь, – вы все и так ему на шею вешаетесь. Одно слово, красавчик. Принц.

– Он бесстрашный.

– Потому что дурак. Только дураки ничего не боятся.

– И надежный.

– Зато я... – проворчал Илка и отвернулся. Лепетать что-то про свою вечную неземную любовь казалось ему очень глупым.

– Что зато?! – Прекрасная Илана в раздражении топнула маленькой ножкой в обшарпанном ботинке.

– Ладно, – вздохнул Илка, – надо как-то спуститься. А потом найти эту улицу Королевы Светаны.

– Господин Лунь сказал – Королевы Цвертины.

– Пошли вниз, там разберемся.

* * *

Приречная Бренна оказалась выстроена на редкость бестолково. Старинная крепость на высоком берегу Тихвицы давно не вмещала в себя всех желающих поселиться в богатом речном порту на границе Пригорья и княжества Сенежского. Городские постройки выплескивались из крепостных стен. Внутри же крепости дома в три-четыре этажа жались друг к другу так тесно, что между ними не пролез бы и таракан, которых в городских лавках водилось превеликое множество.

Улица Королевы Цветаны, такая же узкая и извилистая, как прочие бренские улицы, издавна славилась своими модными заведениями. Лавки соперничали между собой красотой и размером вывесок, болтавшихся над головами прохожих чуть ли не друг на друге. Дела шли не слишком хорошо. Война еще не коснулась Бренны, но лишних денег ни у кого не было.

Госпожа Амелия скучала у большого окна за частым переплетом решетки. Кресло было удобным, печка уютно потрескивала, работа спорилась. Коклюшки так и мелькали, однако дверной колокольчик сутра не звонил ни разу. Прохожие сновали мимо лавки, чавкал под

ногами талый снег пополам с городской грязью, но ленты, банты и кружева никому не требовались.

Вот в окне появилась юная парочка. Девушка, фарфороволицая блондиночка, была так хороша, что госпожа Амелия охотно взяла бы ее в свою лавку для привлечения покупателей. Кружевные чепцы куда лучше смотрятся на хорошенькой головке, чем на восковой болванке. Девушка вертелась, разглядывая вывески и выложенный за окнами товар. Чудные голубые глаза сверкали как у голодной кошки. Коренастый широкоплечий парень, следовавший за ней мрачной тенью, модным товаром не интересовался. Его взгляд не отрывался от маленьких ножек, неуверенно переступавших через лужи в поисках сухого места, нескладная, красная от холода рука, смешно торчавшая из слишком короткого рукава, то и дело тянулась поддержать девушку под локоток. Девушка услуги принимала, но морщилась, всем своим видом показывая, как ей это противно.

«Дурачок, – усмехнулась госпожа Амелия, – водит она тебя. Вот ведь, голод, война, а молодежи все нипочем. Но здесь они ничего не купят. Должно быть, из этих, из беженцев».

Звякнул колокольчик. Юная парочка проникла внутрь.

* * *

– Я не торгую краденым, – сказала госпожа Амелия, – уходите, или я позову стражу.

Ланка с Илкой переглянулись.

– Госпожа! – воскликнула Ланка, глаза которой немедленно наполнились слезами. – Как вы могли подумать! Эта вещь принадлежала моей несчастной матери.

– Только не говори мне, что твоя мать была крайна.

«Хотя, если судить по внешности, без крайнов тут не обошлось, – внезапно подумала госпожа Амелия, жадно глядя на кусок кружева. – Продать такое дочери городского старшины, и это покроет все долги по лавке».

– Как можно, госпожа. Просто моя мать была родом из Трубежа, и госпожа Анна... Ведь вы слышали о госпоже Анне?

Поджав губы, госпожа Амелия скупно кивнула.

– Госпожа Анна благоволила к моей матушке, – продолжала Ланка, слово в слово повторяя историю, сочиненную крайном, – и подарила

ей это для свадебного убора. Матушка вышла замуж, перебралась в Белую Криницу и вот... – Тут Ланка зарыдала всерьез. Это было совсем не трудно. Стоило вспомнить о своей настоящей семье.

– Понятно, – протянула госпожа Амелия.

– Это все, что у нас осталось, – Илка решил взять дело в свои руки, – мы уже два дня ничего не ели.

– Хорошо, – решила госпожа Амелия. – Кружево старое. Ношеное.

Она посмотрела на свет.

– Вот здесь, здесь и здесь нитки совсем потерялись. Пять монет.

– Пятьдесят, – твердо сказал Илка. Он чувствовал, что и пятидесяти мало, но раздражать противную торговку было нельзя.

Торг затянулся. Госпожа Амелия упирала на то, что кружево, возможно, краденое. Илка пытался немедленно забрать его и отправиться в соседнюю лавку. Ланка успокоилась, соскучилась и принялась рассматривать украшенные лентами чепчики, кружевные воротнички и пряжки с бантами. Заметив это, госпожа Амелия предложила в придачу к деньгам что-нибудь из своего товара. Илка наотрез отказался. Госпожа Амелия раскраснелась и начала задыхаться. Илка запарился в своей вонючей душегрейке, но сохранял каменную невозмутимость. В конце концов сошлись на тридцати. Госпожа Амелия выложила деньги. Илка тщательно проверил каждую монету и только после этого выпустил из рук уголок кружева.

Спрятав драгоценный лоскут в укладку с двойным дном, трижды повернув ключ, госпожа Амелия несколько успокоилась и вдруг кое-что сообразила. Юнцов нельзя отпускать. Если то, о чем она вдруг подумала, правда, городской старшина будет вечно ей благодарен. Льготы и привилегии из этого могли последовать невероятные.

– Горячего сбитня? – предложила она. – Пива? Голодными я вас отсюда не отпущу.

На столике у окна мгновенно появились толстые дымящиеся кружки, ломтики пирога, печенье.

От еды эти несчастные, конечно, отказаться не смогли, хотя парень по-прежнему смотрел угрюмо и недоверчиво, то и дело отбрасывая со лба неприлично короткие русые лохмы. Однако кружку осушил залпом и в пирог вцепился зубами, будто год не ел.

Госпожа Амелия с трудом сдерживалась. Бродяжки были невозможно, немыслимо чистыми. Белая кожа, гладкие блестящие волосы, почти не испорченные работой руки, ухоженные розовые ногти. Одежда далеко не новая, но тоже будто первый день после стирки. А у девчонки, у девчонки-то башмачки на каблучках. И в этом она шла от самой Белой Криницы! Задержать их, конечно, не удастся, но просто необходимо хоть что-нибудь выведать.

– Куда вы теперь? – любопытствовала госпожа Амелия и с удовольствием заметила, как глаза девицы испуганно распахнулись.

– В Трубеж будем пробираться, – не переставая жевать, невнятно пробормотал Илка. Ничего более умного ему в голову не пришло.

– Да, – подтвердила Ланка, – у меня там тетка.

«Дура, – ужаснулся Илка, – сейчас придется отвечать, как ту тетку зовут. Наверняка тут все друг друга знают».

– Или пойдем прямо к госпоже Анне, – заявил он, чтобы увести разговор в сторону. – Добрая госпожа крайна нам не откажет.

Пухлый рот госпожи Амелии приоткрылся от изумления.

– Как, разве вы не знаете? Дурные вести не лежат на месте. Впрочем, до Белой Криницы далеко.

– А што такое? – пробурчал Илка, стараясь проглотить последний кусок.

– Убили госпожу Анну. Вот уже пятнадцать лет как убили.

– Уби-ли? – еле выговорила Ланка. – Прекрасную крайну? Но за что?

– Уж не знаю, чего у них там в Трубеже вышло... Только убили и госпожу Анну, и воспитанницу ее, госпожу Мариллу. После того-то крайны Пригорье бросили. Ушли как не было. Теперь уж не вернутся. Неужто вы про это ничего не слыхали?

Госпожа Амелия старательно вздохнула. Бродяжки отмалчивались, но она не теряла надежды.

– А ведь я знавала госпожу Анну. Мужа моего она от почечуя лечила. И сынка ее сколько раз видала. Веселый такой парень... красивый, аж смотреть больно. Девчонки за ним табунами бегали. А он смеялся только... сегодня с одной, завтра с другой.

– Слыхал я про одного такого, – пробормотал Илка.

– Потом его в столицу услали, вроде учиться... Кабы он в Трубеже остался, может, ничего бы и не было. Говорят, он вернулся, да опоздал.

С горя едва весь город не разнес. Крыши срывало, трубы ломало, городскую рощу как корова языком слизнула.

– А потом?

– Да что потом... ушел со всеми.

* * *

Мокрый ветер над головой гремел цепями вывесок, раскачивал и надувал яркие полотнища.

– Теперь навверх, – сказала Ланка, деловито припоминая следующую часть наставлений крайна, – все улицы в крепости сходятся на вершине холма у Ратушной площади. По субботам бывает ярмарка, сегодня как раз суббота...

Илка с усилием отвлекся от своих мыслей. Надо было спросить, как звали того развеселого парня, устроившего погром в Трубеже. Ответ мог оказаться очень интересным.

Некоторое время они молча пробирались вверх по улице Королевы Цветаны, лавируя между лужами и кучками грязного снега.

– Ноги не промочила? – озабоченно спросил Илка.

– А тебе-то что.

– Простудишься.

– Вот и хорошо. Заболею, господин Лунь станет обо мне заботиться...

– Теперь еще и господин Лунь! Он же тебе в дедушки годится.

– Ничего подобного.

– И он страшный!

– Зато какие глаза...

– Ага. Как дула. Глянет – и нет человечка.

Ланка фыркнула. Илка тяжело вздохнул.

– Хочешь, я тебя понесу?

– Этого еще не хватало.

Илка еще раз вздохнул.

– Лужи. Грязь. А ты вон в чем.

Ланка посмотрела на свои ноги. Осенние ботиночки на тонком каблучке, конечно, не годились для зимней ростепели. Но ей требовалось выглядеть как благородной девице. Не в валенках же идти.

– Ну хоть под руку меня возьми.

Под его локоть неуверенно скользнула тонкая покрасневшая от холода ручка. Илка немедленно разомлел. Пусть влюбляется в кого хочет, хоть в этого кошмарного крайна, хоть в Варку... э, нет, проклятый красавчик пусть держится от нее подальше.

– Я тоже надежный, – прошептал он, склонившись к розовому ушку.

Ланка недоверчиво хмыкнула, но руки не отняла.

Какое-то время Илка тихо радовался. Век бы так идти. Внезапно ему в голову пришла простая и приятная мысль.

– А ведь у нас в руках тридцать монет, – задумчиво заметил он, подкинув на ладони плотно набитый кошель. – Ясное дело, мы продешевили. Этот лоскут стоит наверняка больше сотни.

– Ну и что?

– Зачем нам возвращаться?

– Чего?

Все-таки Ланка тупая даже для курицы. Голубые глаза стали круглыми и плоскими, как у куклы.

– С такими деньгами, – снисходительно объяснил Илка, – мы можем пойти на постоянный двор, нанять повозку и уехать. Хотя бы в Сенеж. А можно и в столицу. Я работу легко найду. Я же грамотный и в счислении хорошо разбираюсь. Снимем комнату, а потом, может, и домик купим...

Он уже видел их новую жизнь. Домик в предместье, Ланка в светлой комнате с геранькой на окне и ярко-желтыми занавесками. И рядом никаких сомнительных красавчиков, никаких роковых крайнов с прекрасными глазами.

– А как же они? – донесся до него слабый голос Ланки.

– Ничего, – отмахнулся Илка, – придумают что-нибудь.

Ланка улыбнулась и несильно шлепнула его по руке. Мешочек с деньгами плюхнулся в лужу. Девчонка, извернувшись, подхватила его и бросилась бежать вверх по улице. Илка, оглушенный, остался на месте, глядя, как мелькают тонкие ноги под слишком короткой юбкой, как проваливаются в снег и скользят по мокрым камням шаткие каблучки. Хрупкая фигурка отразилась в широком, чисто-начисто отмытом окне очередной лавки и исчезла за поворотом улицы.

Ланка бежала, не разбирая дороги, пока с разгону не врезалась в компанию уже с утра развеселых парней. С трудом вырвалась, на

вопросы о том, куда может спешить такая милашка, и замечания, что спешить больше некуда, так как все, что ей нужно, у них имеется, ответила хлесткими словечками, столь любимыми рыжей Жданкой. Парни были настроены благодушно, поэтому в ответ только дружно загоготали и отправились своей дорогой. Ланка же выскочила на Ратушную площадь, прислонилась к сырой стене и тут наконец разревелась. Во всем виноват был, конечно, господин Лунь. Пошли он с ней Варку, ничего такого не случилось бы.

Но господин Лунь над Варкой трясется как курица над цыпленком, Жданку готов на руках носить. Фамку иначе как госпожа Хелена не называет, и только ее, Ланку, никто не любит. Послали незнамо куда незнамо зачем. Да еще с этим. Лучше бы он снова заболел. Тогда он по крайней мере слушался. И гадостей не говорил... И не делал... Только твердил: «Ланочка, милая, золотая».

Однако плакать на Ратушной площади оказалось неудобно. Ветер охлаждал лицо, сушил слезы. Нос и щеки ужасно замерзли, так что Ланка всхлипнула пару раз, утерлась полой душегрейки и принялась соображать, что дальше. Деньги при ней, список, чего и сколько надо, нацарапанный мелким Фамкиным почерком, при ней, холщовая сумка с мешками и кулечками на всякий случай – вот она. Значит, надо что? Правильно, делать покупки. А как?

Нет, в модных лавках она чувствовала себя как рыба в воде. Но рынок... благородные девицы на рынок не ходят. Для этого существуют младший лакей и кухарка. Надо было Фамку вместо нее послать. Фамка и торговаться умеет, и хороший товар от плохого запросто отличит. Одна беда, не похожа Фамка на обедневшую, но благородную владелицу драгоценных кружев. Не похожа, как ни крути.

Рынок кипел, не помещался на узкой площади так же, как город не помещался в старых стенах. Детскими голосами кричали козы, грустно мычала чья-то корова. У каменной чаши фонтана поили лошадей. По разбитому булыжнику расплывалась навозная жижа пополам со снегом. Пахло тоже навозом, гнилыми овощами и свежевыдубленной кожей. Трещали на ветру яркие флажки и длинные ленты, хлопали полотнища палаток. Кто-то визгливо орал, с другой стороны доносились резкие звуки флейты.

Вздыхнув, Ланка храбро двинулась вперед. И ничего, мешочек гороха сторговала в два счета. Прошлась вдоль ряда телег, выбрала

мужика потолще, лицом подбрее, приценилась, поторговалась немного для приличия и купила. И только после этого задумалась, что ж ей теперь делать. Выстиранный, аккуратно зашитый Фамкой мешочек пуда на полтора плотно лежал на земле, и поднять его не было никакой возможности.

А ведь в списке красовались еще мука, крупа, соль, черные бобы и прочее.

– Что ж ты вытворяешь? – хрипло сказали у нее над ухом. – На том конце ряда в два раза дешевле.

Услышав знакомый голос, Ланка взвизгнула, бросила мешок и отскочила.

– Ладно, – сказал Илка, легко вскинув мешок на плечо, – пошли.

Он оттащил мешок к стене ратуши, где посуше, толкнул на него Ланку.

– Сиди. Караулить будешь. Давай список. Давай деньги.

Ланка хлопала длинными темными ресницами, но ничего отдавать не торопилась.

– Курица, – прищурился Илка, – делай что хочешь... целуйся со своим крайном... А мне без тебя ничего не нужно.

Дальше все пошло как по маслу. Ланка сидела на мешках, глазела на толпу, а Илка трудился в поте лица, бился за каждый грош, не столько стремясь сберечь чужие деньги, сколько из принципа.

* * *

– Ну, кажется, все. Это взяли. Это взяли. А это что такое? Тен... нет, тян... для г... л... Каракули какие-то. Это не Фамка писала.

– Это я писала. Дай сюда.

Ланка сердито выхватила у него бумажку, вытянула из кошелька несколько мелких монет и, деловито потряхивая кудряшками, направилась в сторону притулившейся на углу лавочки с красноречивым названием «Королевские сласти».

Илка крикнул и устало плюхнулся на мешок с мукой. Дурак, не догадался. Надо было самому ей конфет купить. Ноги болели, голова кружилась, спина гудела. Базар потихоньку редел. Торговцы собирали товар, сворачивали полотняные навесы, покупатели разбредались, исчезая в окрестных улочках.

Илка призадумался. Надо бы возвращаться назад. Но о возвращении Крыса не сказал ни слова. Ну и что теперь делать? Наверное, стоит перетаскать весь товар к той башне.

Легко сказать. А кто таскать будет? И так руки-ноги отваливаются. Нанять, что ли, кого? А как объяснить, что нам в этой брошенной башне понадобилось?

* * *

Ланка возвращалась не торопясь, смотрела под ноги, осторожно обходя навозные лужи. Наконец подняла глаза, отыскивая Илку, и ахнула. Илку держал за шиворот жилистый дядя в боевых рукавицах, шлеме и до блеска начищенной кирасе. На кирасе красовался герб города Бренны – два острых крыла, под крыльями – узкая лодка с косым парусом. Второй стражник копался в честно купленной провизии.

– Я тебе покажу, как возле чужого добра слоняться, – нравоучительно восклицал он.

– Это наше добро! – взвизгнула Ланка и бросилась на выручку, хотя Илка делал страшные глаза, изо всех сил намекая, чтоб она не подходила.

– Ва-аше? – протянул стражник, цепко ухватив Ланку повыше локтя. – Ты глянь, Семен, какие богатые купцы у нас объявились! Тут товару золотых на сорок, а то и все пятьдесят.

– Это нашего господина, – громко и решительно заявил Илка. Ланка торопливо закивала.

– Ха... Ну и как его звать-величать, господина вашего? Кто он, а?

Илка поперхнулся, подавив сильный соблазн выпалить: «Да так, один крайн» и посмотреть, что будет. Ланка жалобно пискнула. По Варкиным рассказам она знала, что имя Лунь Ар-Морран не следует произносить ни в коем случае.

– Так-то, – хмыкнул Семен, подталкивая впереди себя Илку, – пошли. В «холодной» переночуете, а там вас в приют определяют... или кому в услужение. Много вас таких развелось. У нас бродяжничать не полагается. Городской старшина строго запрещает.

– Дура, – пробормотал Илка, – курица. Говорил я тебе...

«Теперь все равно придется бежать, только уже без денег...»

– Кхм... Позвольте осведомиться, какие установления городских властей нарушает моя прислуга?

Ланка вздрогнула и радостно обернулась.

Крытый черным атласом длинейший плащ, наглухо застегнутый сверху донизу, плавно ниспадал на тщательно вычищенные дорожные сапоги. Прорези для рук и ворот окаймлял блестящий соболиный мех. Острый подбородок тонул в меховой опушке, лицо скрывала низко надвинутая на глаза круглая меховая шапка с пышным, свисавшим сбоку хвостом.

Из-под плаща выскользнула рука в черной перчатке и требовательно потянулась к Илке.

– Сдача?

– Отобрали, – мстительно мотнул головой Илка, – они отобрали.

В настойчиво протянутую ладонь сейчас же лег изрядно опустевший кошелек. Затянутые в черное пальцы брезгливо извлекли из него пару мелких монет.

– Это вам за заботу о моем имуществе.

Получив мзду, стражники тут же исчезли.

– Вы?! – Илка встряхнулся, потер лицо ладонями. – Но как вы...

– Неужели ты действительно думал, что я отпущу вас к людям совсем одних? Я же предупреждал.

– А-а... ну да... И давно вы тут?

– С утра. Кажется, ничего особенно интересного я не пропустил.

«Ой-ой-ой!» – подумал Илка и тихо порадовался, что за пышным мехом не видит ни страшных глаз, ни знаменитой драконьей улыбочки.

– Разрыв-трава, да? – благоговейно прошептала Ланка.

– Последнюю извел. Отцепись от меня, госпожа Илана. Люди подумают, что у меня роман с малолетней горничной. Скромность – украшение молодой особы. Возьми в руки какой-нибудь сверток и держись сзади.

Ланка радостно хихикнула.

Повинуясь небрежному взмаху руки, из-за спины крайна возник парень Илкиного возраста, оснащенный вместительной двухколесной тележкой.

– Грузите.

Ворочать мешки и свертки опять пришлось Илке. Хозяин тележки считал, что погрузка не входит в его обязанности, а благородный

господин в роскошном плаще, конечно, не мог марать рук о мешки с мукой. Наконец они сдвинулись с места и, скрипя, покачиваясь, разбрызгивая городскую грязь, неспешно покатали с высокого брэннского холма. Замученный и страшно недовольный Илка, повинаясь приказу крайна, толкал тяжело груженную тележку вместе с ее унылым хозяином. За ними неспешно шествовал крайн, Ланка, скромненько опустив глаза, семенила сзади.

Широкая по меркам Брэнны Мостовая улица быстро привела к крепостным воротам. Сами ворота, распахнутые настежь, вмерзли в городскую грязь и, как видно, никогда не закрывались. Илка думал, что теперь они повернут к башне, но они двинулись вниз, к горбатившемуся над рекой мосту. Однако на мост тоже не пошли. Свернули в одну из скверненьких вонючих улочек, тянувшихся вдоль реки. Здесь, как догадался Илка, селились нищие беженцы, стекавшиеся в Брэнну из разоренной страны. Здесь было так грязно, что Ланка сразу же завязла. Господин Лунь галантно предложил ей руку, помог взобраться на тележку. Ланка уселась на мешках, оправила юбку, улыбнулась местному парню, который моментально расплылся в ответ, а потом, быстро обернувшись через плечо, показала Илке язык. Илка стиснул зубы и с силой налег на деревянную ручку тележки. Возможно, ему показалось, но из-под роскошного воротника донесся короткий сухой смешок. Как видно, господин Лунь развлекался вовсю.

Остановились они возле дома, скорее похожего на старый лодочный сарай. Впрочем, в отличие от прочих жалких хибарок на этой улице, стены у него были толстые, еще довоенной постройки.

Провизию сгрузили на крыльцо, и хозяин тележки благополучно отбыл, то и дело оглядываясь на Ланку. Через сени в сырую заплесневелую кухню мешки таскал господин Лунь самолично. Снизшел, так сказать. Вокруг суетилась Ланка и причитала, что ему нельзя напрягаться, ссылаясь при этом на великого травника Варку. Илка же под шумок постарался сделать так, чтобы его доля груза была поменьше.

Перетаскав все, присели отдохнуть.

– И чего теперь?

Крайн, нагнувшись, потянул за ввинченное в сырой деревянный пол ржавое кольцо. С глухим чавканьем открылся забухший вход в погреб. Отчетливо запахло тухлой водой.

– Колодец? – со знанием дела спросил Илка.

– Угу.

– А почему в таком мерзком месте?

– Раньше оно таким не было.

И тут в дверь постучали. Вернее, заколотили так, что с потолка посыпалась заплесневелая труха. Ланка пискнула. Илка молча смотрел на крайна. Тот встал, надел шапку, надвинул пониже.

– Так. Сейчас все скинете вниз. Потом сами прыгнете.

– А ключ?

– Я уже открыл. Даму столкнешь лично. Если с ней что случится – шкуру спущу.

Илка, оскорбленный до кончиков ногтей, хотел сказать в ответ какую-нибудь гадость, но крайн уже был в сенях.

– Чем обязан? – послышался оттуда его донельзя надменный голос.

– Бу-бу-бу, – донеслось в ответ с улицы, – городской старшина, бу-бу-бу, срочно требует... бу-бу-бу.

– На каком основании?

– Ничего не известно... бу-бу-бу... приказано доставить.

– Хорошо. Идемте.

Ланка ахнула и, кажется, собралась завизжать. Илка быстро заткнул ей рот и для верности спихнул в погреб. Возиться с мешками опять пришлось самому. Потом Ланка утверждала, что они, все как один, сыпались ей на голову. Выход из колодца оказался еще более мерзким, чем вход. Крохотная площадка, покрытая липким глубоким снегом и со всех сторон окруженная скалами. Зрелище откровенно пугало, несмотря на то что медленно надвигающиеся сумерки милосердно скрыли многие неприглядные подробности. В довершение картины ужаса и запустения из ближайшей расселины вынырнул белый призрак. Седые волосы, встопорщенные ледяным ветром, стояли дыбом, саван бился на ветру, рвался с костлявых плеч.

– Ага, – заорал он Варкиным голосом, изо всех сил стараясь перекричать ветер и поплотнее кутаясь в белое покрывало, – вернулись! Я уже целый час жду... Замерз как собака. А где господин Лунь?

* * *

– Где он?

– Да кто ж его знает.

– А кто должен знать? Вас послали за ним. Так?

– Так.

– Приказано было обращаться вежливо. Так?

– Да мы чё... мы ж не били... пальцем не тронули... черных слов не говорили... Только и сказали: городской старшина, мол, требует к себе, приказано, мол, доставить.

– Великолепно! Молодцы! Значит, вы сказали ему, что я требую... И что я приказал доставить.

– А чё такого-то. Мы ж ему не угрожали... рук не крутили... Сам пошел. Спокойно так. Благородные господа, они обычно орут, за оружие хватаются... А этот – нет. Только вот...

– Ну-ну, договаривай...

– Возле моста он вроде хотел в другую сторону повернуть. Ну, я его попридержал маленько, за локоток, чтобы это... наверх... к воротам.

– И что же? Как здоровье?

– Думал, помру на месте. Очнулся в луже, руки не чувствую, в глазах муть зеленая, во рту как будто табун прошел.

– Тебе, друг мой, повезло, что ты все-таки очнулся. Ну, рука, может, и отсохнет. Так это тебе наука. Думать будешь, прежде чем к таким, как он, свои грязные лапы протягивать. Ну а ты что скажешь, милейший?

– Дык чё... я чё... я впереди шел, слышу, Парфен говорит, мол, давай направо... повернулся, чтоб того... ну... пособить... чтоб он... это... не убег.

– Пособил?

– Не... не успел... во... вся морда на сторону.

– М-да. Хорош.

– Чё ж вы не предупредили, что он опасный? Удар злой... и рука тяжелая... Благородные господа так не дерутся.

– Весьма возможно. Так куда он делся?

– Ну... он врезал, я с копыт, а он бегом на мост, я за ним, да где там, на самом горбу, на середке вскочил на перила и того... прыгнул! Только плащ мелькнул.

– И что?

– И все. Пропал. Мы потом ходили глядеть. На льду – никого. И следов никаких. Улетел он, что ли?

– Улетел... Умнейшая женщина госпожа Амелия, ее бы на мое место. Убирайтесь. Вон с глаз моих. Лечиться в «холодной» будете. Недельку отдохнете, а там посмотрим.

Городской старшина приречного города Бренны тяжело повернулся и, шаркая ногами в мягких разношенных сапогах, побрел к лестнице. Напрасно он не перенес кабинет вниз. Давно пора. Лестница казалась бесконечной. Раз пять отдыхал, пока поднялся, и все равно дышал как загнанная лошадь. В кабинете он тут же направился к любимому креслу, всегда стоявшему возле окна. Слабеющей рукой толкнул высокие створки и замер, жадно вдыхая ледяной ветер.

С ратушной башни была видна вся Бренна. Грязный, неразумный, бестолково построенный город, не желавший успокаиваться даже на ночь. Его дитя, его семья, его жизнь. Почти двадцать лет он несет этот город на руках как капризного ребенка. Худо ли, хорошо ли, но Бренна живет почти как при крайнах, несмотря на толпы беженцев, прибывающих с юга, на вконец обнаглевшее городское ворье, на погрязший во взятках городской совет. Однако сейчас за рекой ворочалась, нависала над городом угроза пострашнее беженцев.

Старый дурак. Как можно было отправлять на такое дело дуботолков из городской стражи? Не поверил... Если бы поверил, пошел бы сам, невзирая на опухшие ноги. Да что там пошел, на коленях пополз бы через весь город, край плаща целовал, сапоги лизал бы... лишь бы сжалился пресветлый господин крайн, как встарь, помог, взял под свое крыло.

Но нет... после такого оскорбления... приказали ему, пытались арестовать... руку на него подняли, болваны! Еще удивительно, что он так долго терпел. Ах да, там же девушка была. Прекрасная крайна... Он уводил их, уводил подальше, чтобы она могла спокойно скрыться. Своих они защищают всегда... до последнего... ценой жизни... Вот только граница между своими и чужими проходит теперь не по Тихвице и даже не по Трубежу. Никто не защитит несчастную Бренну. Князь Филипп Сенежский, Вепрь наш могучий, не зря копит силы, не зря громогласно именуется Пригорье своим. Весной, как только дороги подсохнут, город будет захвачен. Захвачен и разграблен.

* * *

Крайн вернулся через два часа, в самом разгаре грандиозной ссоры. Вопли «как ты посмел оставить его одного!» и «ачтоя мог, когда он велел!», слегка разбавленные выражениями «сам дурак», «трус», «козел вонючий», «от такого слышу», гремели и сталкивались в воздухе главного зала. Ланка рыдала в углу, Жданка шмыгала носом, но крепилась. Фамка удалилась на кухню и принялась готовить ужин, помешивая в кастрюле с таким упорством, будто мечтала повертеть ее насквозь.

Он вошел через маленькую дверь, весь мокрый, облепленный талым снегом и злой как голодный шершень. Колодец на Бреннском мосту был на скорую руку состряпан им еще в ранней юности, и выход из него приходился в чистое поле посреди Своборовой пустоши, подальше от глаз старших, потому что в Бренну тринадцатилетний Рарка мотался без разрешения. Пришлось больше часа пробираться по полю, барахтаясь в мокром снегу.

Из обрывков слов, слетавших с посиневших от холода губ, сразу стало ясно, что люди в его глазах утратили почетное звание навозных червей и считаются теперь чем-то вроде... даже и слов не подобрать. Нет такой мерзости в подлунном мире.

Отмокнув в горячей воде, переодевшись, получив от Варки кружку дымящегося овсяного отвара на меду, закутанный курицами в мохнатый плед, он наконец смог выразить свою мысль достаточно внятно. Мысль была простая: «Ноги моей больше внизу не будет. Пропади все пропадом».

Илка, наблюдавший за суетой вокруг господина Луня со стороны, впервые в жизни был с ним согласен.

Глава 5

Господин Лунь задумчиво смотрел на Ланку. Ланка смотрела на розу. Роза стояла между ними, пышная, белая, нежно розовеющая кремовой сердцевинкой.

– Как ты это сделала?

– Я не зна-аю. Я люблю розы... У нас дома на балконе всегда... с весны до поздней осени... А здесь так холодно. И все кругом мертвое. И мне ее так жалко стало...

– Ясно. Очень хорошо. Я бы сказал, блестяще. А что нам могут предъявить остальные? Ивар Ясень, например?

Варка независимо дернул плечом и поспешил молча исчезнуть в одном из коридоров. Фамочка стиснула зубы. Невыполненное домашнее задание! Дура Ланка и та справилась... А как его выполнять, если выполнить невозможно?

Жданка вздохнула и несмело потянула крайна за рукав.

– Чего тебе, рыжая?

– Я вам... это... хочу показать одну вещь... вы только не ругайтесь.

Рыжая притащила его к водопаду. Когда-то он любил эту комнату. Очень любил. Как прежде, здесь было светло, как прежде, неспешно звучала тихая музыка. Все они скоро умрут, люди в Пригорье уничтожат друг друга, а музыка будет звучать.

– Вот, – сказала Жданка.

В углу тускло блестели осколки разбитого бокала. Среди них, прямо из пола рос розовый куст, покрытый острыми белыми бутонами и мелкими пахучими цветами. Колючие молодые побеги тянулись к стенам, цепляясь за малейшие выступы. Как видно, роза оказалась из породы вьющихся.

– Чье это?

– Варкино. Он это уж давно сделал.

– Почему мне не сказал?

– Боялся – влетит. За бокал, за пол попорченный...

– М-да. Хрусталь из Кременца на дороге не валяется.

– И потом, это ж совсем не то, что вы велели.

– Бесспорно, я это представлял несколько иначе.

– Ага, красиво, – сказала Жданка, обнадеженная тем, что он не сердится, – а вот мое.

– Ох... – В последнее время он взял себя в руки и старался не ругаться при детях. Так что все остальные слова пришлось проглотить.

Розы на березе так и не выросли. Да и вообще при ближайшем рассмотрении это оказалась сосна. Десятки мощных корней прошили медное ведро, как бумагу, и впились в мраморный пол. Вверх рвался колючий шар покрытых зелеными иглами веток.

– Варка сказал – надо слушать музыку, – печально объяснила Жданка. – Еще балалайку зачем-то поминал. Дивная, говорит, балалайка.

– Дивная гармония...

– А... наверное... Ну, я и послушала. А потом спела... и вон какая гармония получилась... Почти каждый день воду ношу, поливаю. Погибнет оно тут.

– Ничего, весной мы его наружу вытащим, – пообещал крайн и испугался, осознав, что впервые думает о весне не с ужасом, а с надеждой.

* * *

Упругие плети вырвались из рук, никак не ломались и отчаянно кололись, даже через подол рубахи, даже через рукав куртки. Перчатки, что ли, надо было какие-нибудь добыть. Со злости Илка изо всех сил пнул розовый куст. Посыпались мелкие листья, белые лепестки, но непокорное растение устояло, а какой-то особенно наглый стебель ухитрился хлестнуть его по ноге. Шипы впились в белый чулок, давно уже ставший вполне серым. Илка взвыл. От обиды даже слезы выступили.

– Зачем? – спокойно спросили сзади. Господин Лунь умел появляться в самый неподходящий момент.

Илка дернулся и чулок, конечно, порвал.

– Ненавижу! – рявкнул он, так что эхо прокатилось по всем коридорам.

– Розы?

– Да не розы! Его! Этого... этого...

– Ах, этого... Что ж, твое право. Вполне тебя понимаю и даже в какой-то мере сочувствую. Не соблаговолишь ли ты уделить мне

несколько минут своего драгоценного времени?

– Чего? – выдохнул Илка, слегка ошеломленный таким количеством вежливости.

– Того. Поговорить надо.

В этой комнате Илка еще не бывал. Здесь даже имелись окна. Длинные узкие щели от пола до потолка. На отполированном деревянном полу и гладких белых стенах лежали тонкие световые полосы. Несколько кресел, по меркам замка очень простых и скромных, высокая конторка с кучкой сломанных перьев и давно высохшей серебряной чернильницей.

– Что здесь было?

– Приемная. Сюда приходили люди, по делам или с просьбами... Вон там была дверь.

– Людей пускали в замок? – удивился Илка.

– До поры до времени. Присаживайся.

Илка сел, поерзал на жестком сиденье, край опустился в кресло напротив. Руки привычно легли на узкие подлокотники, спина распрямилась, подбородок взлетел вверх. Тонкий луч коснулся светлых волос.

Илка вдруг почувствовал себя грязным поселянином, таким заскорузлым дядькой Антоном, жалким просителем, которому непременно откажут, и от этого разозлился еще сильнее.

– Ну, давайте! – с вызовом сказал он, подавшись вперед. – Начинайте! Надо любить ближнего своего, даже если этот ближний – синеглазый блондинчик, по которому все девки сохнут! Даже если он увел девушку, с которой я целовался, когда она еще в коротких платьицах ходила. Должна же быть справедливость! Почему одним все, а другим – ничего?!

– Он – нищий сирота, ты – нищий сирота. Жестокая справедливость.

– Ага. Ходит весь такой в белом сиянии, волшебные цветочки по углам выращивает. Музыку он слышит! Гармонию какую-то чувствует! Никому не дано, а ему – пожалуйста! А вы говорите – справедливость! Рожа смазливая! Улыбочка эта убойная!

– Хм... Он-то своей внешностью как раз недоволен.

– Да за что его любят, как не за внешность! Курицы-то наши, все как одна... Лю-убят. За что, а?

– Может, за то, что он спас им жизнь. Кормил, оберегал, защищал... Женщины, знаешь ли, ценят такие вещи. По-моему, это единственное, что они ценят по-настоящему.

– Ага-ага. Это мы уже проходили. Он герой, я подлец. Он весь в белом, я в грязи. Справедливость торжествует.

– Ты и вправду считаешь себя подлецом? Вот так, без оговорок?

– А вы кем меня считаете? Сами же пауком обозвали. И в Бренну меня послали, не его. Пусть сдохнет, кого не жалко.

– Я послал в Бренну тебя потому, что знал: с этим делом ты справишься лучше. Наш прекрасный герой в мировой гармонии разбирается, а в людях – нет. Доверчив. Торговаться не умеет. Осторожностью не страдает.

– Ага. Один против пятерых? Да запросто.

– Именно. Ты легко выживешь там, где он обречен. Несправедливо, не так ли?

Илка помотал головой. Он не считал, что это так уж несправедливо.

– Как я понял, ты хотел бы покинуть замок.

Илка покраснел и изо всех сил вцепился в неудобные подлокотники.

– Так вот, ты свободен.

– Как же... а вы говорили...

– Да. Но знаешь, никто, кроме тебя, не выражал желания уйти отсюда.

– Ну... Варке здесь нравится... Он же тронутый. Музыка слышит, а больше ему ничего и не надо... И потом, он куриц ни за что не бросит.

– Это хорошо или дурно?

– Это глупо. А курицы, – Илка внезапно ухмыльнулся, – курицы от вас теперь не отвяжутся.

– Что ты хочешь этим сказать? – осторожно спросил почуявший подвох крайн.

– У вас глаза красивые, – злоратно сообщил Илка, – и вообще вы «ми-ильный».

– Это кто так говорит?

– Да все.

Крайн запрокинул голову в приступе хриплого лающего кашля. Илка не сразу понял, что это смех.

– До чего я дошел, – простонал он, отсмеявшись, – до чего докатился на старости лет. Ну, ты меня успокоил. Я-то думал, что уже совсем никуда не гожусь. Так не уйдут, говоришь?

Илка покачал головой.

– Но ты-то, надеюсь, не питаешь ко мне нежных чувств?

Илка содрогнулся и уставился на него с неподдельным ужасом.

– Стало быть, можешь покинуть замок, когда пожелаешь.

– Когда пожелаю?

– Да. Меня ты боишься и ненавидишь, товарищи по несчастью тебе противны, замок тебя не принимает...

– Он что, живой?!

– Нет. Но разумный. До некоторой степени. Так вот, я дам тебе денег, немного еды, открою колодец в Починок-Нижний. Пешком по такому снегу ты далеко не уйдешь, а там, должно быть, есть дорога. У меня только одно условие.

«Так я и знал, – подумал Илка, – даром даже крайны ничего не делают».

– Не уговаривай ее уйти с тобой.

– П-почему?

– Ты не сможешь ее уберечь. Надеюсь, в этом ты уже убедился.

Помедлив, Илка кивнул. Ему вдруг стало холодно. Все это всерьез. Ему дадут кошель с мелочью и, может быть, золотой, который от греха подальше придется зашить в одежду, Фамка напечет лепешек в дорогу, а потом он уйдет. Навсегда.

Приятно бунтовать, возмущаться порядками, строить планы побега... Совсем иное дело, когда тебя хладнокровно объявляют лишним и выставляют за дверь... в смертельно опасный, безнадежно свихнувшийся мир. Лишний. Никому не нужный. Даже Ланке.

– Пойду собираться. Не бойтесь, я не буду ее уговаривать. Я же не дурак.

Крайн поднял глаза и взглянул на него в упор:

– Тебя никто не гонит.

– А?! – не понял Илка.

– Нынче я бы и кошку отсюда не выгнал. Хотя, признаться, терпеть не могу кошек.

В голове у Илки что-то перевернулось. Невесть откуда взявшиеся кошки окончательно сбили его с толку. Он попытался собраться с

мыслями, но тут грохнула дверь и в комнату вихрем влетела Жданка.

– Скорее, – задыхаясь, прокричала она, – Фамке плохо!

* * *

В девичью комнату, одну из бывших мастерских, уставленную широкими лавками, Ланка, пользуясь равнодушным разрешением крайна «берите, что хотите», стащила все подушки, думочки, покрывала и пуховые одеяла, которые смогла отыскать. Потом Варку с Илкой заставили приволочь из зала мягчайший ковер, из гардеробной – огромное зеркало, из кладовой – изящный туалетный столик, украшенный серебряными накладками и перламутровыми вставками в виде расцветающих лилий. Столик постепенно заполнялся драгоценными флакончиками, пустыми, но с приятнейшим запахом, шкатулочками и прочими женскими штучками, которые Ланка потихоньку таскала из сокровищницы.

Сейчас на роскошном голубоватом ковре скорчилась Фамка, еще более маленькая и жалкая, чем обычно. Варка стоял на коленях, сжимая ее тощее запястье.

– О, наш травник уже здесь, – с некоторым облегчением заметил крайн, – молодец. Скоро ты у нас великим знатоком женских обмороков станешь.

Варка обернулся, поднял без кровинки белое, растерянное лицо.

– Не дышит. И сердце не бьется.

Илка устоял на ногах только потому, что вовремя ухватился за косяк. В одну минуту господин Лунь влетел в комнату, оторвал бесчувственное тело от Варки, швырнул на пол и со всего размаху двинул кулаком в узкую грудь.

– Мамочка, – пискнула Ланка, на этот раз повисшая на плече у Илки.

– Тихо, – прошептал Варка, – сердце надо подтолкнуть. Я слышал про такое. Отец рассказывал.

Господин Лунь помедлил немного, прислушался и, хищно оскалившись, ударил еще раз.

– Давай же, – шептал Варка, изо всей силы вцепившись в ковер, – давай!

Фамка со стоном втянула воздух сквозь стиснутые зубы и задышала неровно и часто. Крайн склонился над ней, обнял, прижал к

себе, словно пытался своим телом защитить от всех невзгод и печалей. Над ним, едва уместаясь в комнате, шатром встали огромные серые крылья.

Варка моргнул. Никаких крыльев, конечно, не было. Выдохнув, он разжал кулаки. В руках остался нежный ковровый пух.

– Что ты себе позволяешь, госпожа Хелена? Твой принц, небось, тебя ждет, все глаза проглядел, а ты помирать затеяла.

– Больно, – простонала Фамка.

– Ребро я тебе сломал. От недоедания кости хрупкие. Совсем себя не бережешь. О чем ты только думала, а?

Фамка попыталась повернуть голову. Проследив за ее взглядом, Варка присвистнул. На туалетном столике цвела темно-багровая, почти черная роза. Жидкость, до краев наполнявшая тонкостенный бокал, тоже была темно-красной.

– Я думала... Ланка сказала – думай о розах, а как о них думать... я розы вблизи видала только на городском кладбище, на богатых могилах. А у нас на могилы цветы не клали. Дорого это. А теперь у наших и могил-то никаких нет, одно пепелище. Ну, вот я и думала... О тех, кто сгорел в том пожаре, о тех, кто помер с голоду во время осады, о тех, кого погнали на пушки под Белой Криницей, о тех, кого хоронят в общих могилах...

– Вот как, стало быть... Кровью сердца... Плохой я учитель, госпожа Хелена. Видел ведь, кто ты, а ничего про тебя не понял.

– Больно... Холодно...

– Ну, чего уставились? Быстро горячие кирпичи к ногам, закутать потеплее, широкую повязку. И поесть чего-нибудь. Потерять столько крови – это не шутка.

Варка устремился разыскивать повязки для сломанного ребра, Ланка и Жданка унеслись на кухню. Илка, как всегда, остался не у дел. Крайн поднял Фамку на руки, укачивая, как ребенка. Его заметно шатало. Илка подошел, подставил плечо.

– Уроните. Дайте я.

Господин Лунь благодарно кивнул. Глаза у него были больные, мутные.

Фамка оказалась очень легкой, сплошь тонкие птичьи кости.

Догадаться, где она спит, не составило никакого труда. Внушительное сооружение из двух сдвинутых лавок, накрытых

пуховиками и шелковыми одеялами, с несусветным множеством подушек, конечно же, принадлежало Ланке.

Воронье гнездо прямо на полу, свитое из многочисленных пледов и покрывал, несомненно, устроила Жданка, утверждавшая, что на полу удобней, а с лавки она сваливается. В гнезде уютно дремала белая цапля.

У Фамки все было просто. Одна подушка на туго натянутом покрывале, аккуратно подвернутом под пуховик. Илка уложил ее прямо на покрывало. Подумал и, разорив красоту Ланкиной постели, принес оттуда ворох легких пушистых одеял. Пока он неловко укутывал дрожащую Фамку, крайн лег на ковер, вытянулся во весь рост, закинул руки за голову.

– Так о чем мы говорили?

– Я не понял, – угрюмо спросил Илка, – мне уходить или оставаться?

– Как хочешь. Мой совет – потерпи до весны. Когда откроется перевал, уйдешь в Загорье вместе со всеми.

«А как же розы?» – хотел спросить Илка, но тут набежали курицы с грелками, потом пришел Варка, притащил из гардеробной охапку шелковых шарфов, принялся ловко раздевать слабо отбивающуюся Фамку, потом бинтовать, чтобы зафиксировать сломанное ребро. Фамка требовала, чтобы он на нее не смотрел, Варка возражал, что вслепую он не умеет, а смотреть ему неинтересно, потому что обглоданные скелеты он уже тыщу раз видел. Тут Фамка обиделась и обозвала его дураком. Крайн, не вставая с пола, наблюдал за ними и бурчал что-то про самозванных знахарей и руки, растущие не из того места, Ланка, приговаривая, что использовать драгоценный шелк таким образом – варварство, под шумок стащила один особенно понравившийся шарфик, и Илка понял: больше ни о чем поговорить не удастся.

* * *

– Нет. Это никуда не годится. Вдруг еще кто-нибудь заболит, а у нас – ничего, никаких лекарств!

Варка возмущался так, что эхо гуляло по всему главному залу. Господин Лунь вяло кивал в ответ, пристально глядя на огонь.

– Неужели тут у вас ничего не было? Порошки эти из коробочки... Это же не магия никакая... Их же где-то готовили...

– Все у нас тут есть... как не быть... прекрасная лаборатория, сушильня, пресс, перегонный куб, кладовая... В кладовой, наверное, кое-что осталось.

– Где?!

– Во-он там, – длинный палец крайна уперся в темный дверной проем на высоте не меньше двадцати сажений.

– Ага, – деловито сказал Варка и удалился с озабоченным видом.

Глава 6

- Варочка, не надо!
- Слезай оттуда! Сорвешься!
- Окончательно свихнулся!
- Почему окончательно? Он всегда такой был.
- Господин Лунь, скажите ему!
- Тихо. Не орите под руку. А скажу я ему потом. Попозже. Все-о скажу...

Вопли Варке не очень мешали. Веревку с крюком он использовал только в крайнем случае. Второй кусок веревки, гораздо длиннее первого, был обмотан вокруг туловища наискосок, через правое плечо. Вот он, тяжелый и неудобный, действительно мешал. Но босые ноги ловко отталкивались от стены, руки в перчатках уверенно хватались за сухие колючие стебли вьющихся роз. Стебли трещали, ломались, но, в общем, держали неплохо. Жаль, скоро закончились. Впрочем, площадка, на которой они росли, оказалась подходящей. Варка раскрутил веревку, и крюк очень удачно зацепился за резное золоченое украшение, изображавшее чей-то замысловатый герб. Может, рода Ар-Морран, а может, еще какого. В это Варка вникать не стал. Геральдическая штукавина позволила безопасно преодолеть еще четыре сажени. Дальше дело застопорилось. Нужный ему дверной проем был гораздо выше и на целых семь саженей правее. Это расстояние Варка рассчитывал пройти по узкому мостику, соединявшему две двери не очень высоко над непонятным гербом. Перила у мостика напрочь отсутствовали, однако выглядел он вполне надежным. Но только выглядел. Не успел крюк вонзиться в старое дерево, как оно затрещало и распалось на отдельные доски. Доски посыпались вниз. Одна из них треснула Варку по макушке, остальные благополучно достигли пола, о чем свидетельствовал гулкий грохот и разные слова, которые кричали ему возмущенные зрители.

Варке смотреть вниз было несподручно, потому что геральдическая штукавина, на верхушке которой он стоял, неприятно раскачивалась. В аптечную кладовую теперь не попасть. Туда точно не докинуть. Веревки не хватит. А вдруг... Вдруг между комнатами есть

внутренние переходы? И вообще, что там, в верхних покоях? Любопытно.

Он поймал неустойчивое равновесие на качающейся деревяшке и швырнул крюк как можно выше. Едва не свалился, в последний момент зацепился свободной рукой, но крюк удачно впился в ближайшую дверь. Варка обрадовался, подергал для надежности за веревку и полез вверх. А крюк с противным треском поехал вниз – дверной проем оказался не закрыт, а всего лишь завешен плотной темной тканью. Ткань медленно расползлась под тяжестью крюка. Варка шмыгнул носом и полез быстрее. Порога они с крюком достигли одновременно. Крюк, радостно звякнув, отправился вниз, а Варка нырнул головой вперед, запутавшись в пыльной завесе.

* * *

Широкий золотой луч ворвался в главный зал, наискось рассек привычный полумрак. Засверкали камни в искусственных гротах, засияла яркими красками настенная роспись. В ярком свете возникла тощая, длинноногая Варкина тень.

– Слезай! – завопила Жданка, у которой от неудобной позы уже болела шея.

– Не стоит, – мягко посоветовал крайн, – теперь я тебя наверняка убью.

Но Варка, как обычно, к советам был равнодушен.

– Эй, вы! – радостно заорал он. – Там, снаружи, уже весна!

– Весна, – протянула Фамка, подняв к свету бледное личико.

– Солнышко, – мечтательно пропела Ланка.

Жданка вдруг ухватила крайна за рукав и потащила к двери.

Выпутавшись из дурацкой занавески, Варка вначале едва не ослеп. Просторную квадратную комнату заполняло солнце. Несомненно, это была спальня. Из мебели тут имелись низкая широченная кровать без спинки и пыльный лохматый ковер. Солнце рвалось в огромное окно, занимавшее всю переднюю стену. Подбежав к нему, Варка тут же отшатнулся назад. Стекла не было. Решетки и оконных переплетов – тоже. Пора бы уже привыкнуть, что в доме крайнов пол то и дело внезапно обрывается в пропасть.

Варка лег на живот и стал смотреть. Дно пропасти казалось неуловимо знакомым. Ну конечно, так и есть. Вон черная крыша

хижины, вся в золотистых пятнах лишайника, вон мертвое дерево, которое так и не удалось срубить на дрова, вон склон холма в сверкании талой воды, в бурых пятнах проталин и белых островах ноздреватого мокрого снега, вон чернеет дальний лес, а вон и хозяйство дядьки Антона. Над крышей поднимается дымок, во дворе какое-то шевеление. Выполз из дому дядька Антон, справляет свои весенние делишки.

Внизу хлопнула дверь, и из хижины вывалились галдящие курицы. Солидно почесываясь, вышел Илка. За ним выскользнул крайн и замер, подставив лицо солнцу. Отросшие волосы рассыпались по плечам светлым плащом.

Варка вдруг заторопился, в два приема закрепил веревку вокруг ножки кровати, сбросил в полумрак главного зала и стремительно соскользнул по ней. Руки обожгло даже сквозь перчатки, до пола не хватало больше двух сажений, но он, недолго думая, прыгнул и бросился к двери. Раньше при попытке выйти он неизменно получал этой самой дверью по лбу, но на этот раз удалось беспрепятственно выбраться на лестницу, в коридор, в выстуженную хижину. Здесь было холодно, грязно и мерзко пахло. В сырых углах, над лежанкой, за печкой гнезвился черный ужас минувшей зимы.

Судорожно сглотнув, Варка выскочил за порог и с разгону влетел в кучу сорвавшегося с крыши мокрого снега. Кругом все сияло, журчало и пело. Варка вдохнул легкий сверкающий воздух и устремился разыскивать остальных. Оказалось, что все расселись под скальной стеной на теплых от солнца камнях, глядят на дальний лес, жмурятся, греются.

Только господин Лунь, сопровождаемый высоко задиравшей ноги цаплей и чрезвычайно на нее похожий, прыгал с валуна на валун. Отыскивая сухие островки, он пробирался к мертвому дереву. Кривой ствол стоял как в разгар сумрачного чернотропа, равнодушный к солнцу, ветру и водяному блеску. Проклятая коряга. Срубить бы ее, да под корень, чтоб даже следа не осталось.

Крайн коснулся дерева, осторожно погладил изгибы голого ствола и медленно обнял, прижался щекой, приник, как к родному, безвременно умершему существу, такой же искореженный, странный, чужой в сверкающем мире воды и света.

Смотреть на это было тяжело. Варка поглядел на небо, на позолоченные солнцем скалы. Потом его взгляд уперся в лохматый затылок Илки, распластавшегося на плоском камне лицом вниз.

Варка хмыкнул, не спеша слепил крепкий снежок. Попал удачно. Илка подскочил как ошпаренный, схватился за загривок, пытаясь вытряхнуть попавший за шиворот снег. Варка расхохотался и едва не пропустил грязный ком, летящий прямо в лицо. Увернуться все же успел. Илка завопил и ринулся к нему, разбрызгивая талую воду.

– Помогите! – заорал Варка и принялся удирать, петляя среди луж и осевших сугробов.

– Наших бьют! – радостно взвизгнула Жданка и кинулась в бой, на ходу захватив горсть снега.

– Нечестно! – вознегодовал Илка. – Двое на одного!

– Так, может, я за тебя, – возразила коварная Жданка, запуская снежком в Варку, который совершенно не ждал подвоха с той стороны.

– Предательница! – возмутился Варка, трясая волосами, чтобы избавиться от снега. – В сугроб ее.

– Правильно, – поддержал Илка, – макнуть, чтоб под ногами не путалась.

Жданка кинулась прочь, на бегу ловко откидываясь, парни не оставались в долгу. Очень скоро все трое вымокли до нитки, но это их не остановило.

– Детство какое, – заметила прекрасная Илана, аккуратно разглаживая натянутую на коленях юбку. Фамка кивнула. Грудь уже почти не болела, но так прыгать и орать она не стала бы и в трехлетнем возрасте. Зато цапля решила, что это времяпрепровождение ей подходит, и с радостными криками присоединилась к компании.

Снежки летали в самых неожиданных направлениях. В конце концов один из них, особенно мокрый и липкий, угодил прямо в бледную щеку крайна. Варка остолбенел.

Расплата последовала немедленно. Господин Лунь быстро нагнулся, в его руке тут же оказался снежок. Пораженный ужасом Варка получил в лоб, обернувшийся в недоумении Илка в нос, Жданка с визгом нырнула за Варку, поэтому третий заряд тоже достался ему. Четвертым крайн красиво сбил толстую сосульку, свисавшую со скального выступа высоко над головами. Сосулька упала,

расколовшись на сотни сверкающих брызг. Фамка и Ланка зааплодировали. Господин Лунь сдержанно поклонился, принимая восторги дам, и тут же призвал всех к порядку. И минуты не прошло, как все выстроились перед ним ровным полукругом, как примерные ученики перед учителем.

* * *

– Итак, что вы видите перед собой?

– Корягу, – мрачно отозвался Варка.

– Пень гнилой, – добавил Илка.

– Дрова, – мечтательно заметила Фамка, – хорошие дрова, сухие.

Господин Лунь взирал на них с величайшим высокомерием, как и надлежит просветленному крайну взирать на мерзких грязных людишек.

– Дерево, – простодушно заявила Жданка, которая никаких таких взглядов никогда не замечала.

– Правильно, – наконец согласился господин Лунь, – дерево. Так вот, следующее задание...

– Вы что, – не поверил своим ушам Варка, – хотите, чтобы мы... чтоб оно у нас ожило? Одно дело – разбудить живое... Но это же... Насквозь мертвое. Зачем? Кому это надо?

– Мне.

– А-а, – догадалась прекрасная Илана, – это волшебное дерево крайнов. Средоточие магии рода Ар-Морран.

– Не волшебное, – не согласился начитанный Илка, – священное. Пока живо дерево – процветает род.

Крайн глядел на них в некотором изумлении.

– Ничего подобного. Дерево как дерево. Обыкновенное. Правда, очень старое. И я... как-то привык, что оно здесь растет.

Лет с четырех он привык часами сидеть на толстых, очень удобно искривленных ветках, привык в случае чего прятаться среди них от разъяренных старших, и дерево никогда не выдавало его, привык разговаривать с ним и свято верил, что оно отвечает. Но об этом он рассказывать не стал, чтобы окончательно не подорвать свой и без того чахлый авторитет. Чего доброго, совсем бояться перестанут. И что тогда с ними прикажете делать?

А о том, как легкие тени лежали на нежном лице, как касались травы светлые косы, как, прощаясь, он поцеловал ее в уголок рта, вроде бы в щеку, а вроде немножко и в губы, он и сам старался не вспоминать. В ответ она назвала его бедным глупым мальчиком. Она всегда видела его насквозь и все про него знала. Не знала только, что ее ждет.

Сощурившись на солнце, он повернулся и пошел прочь, шлепая по лужам.

* * *

У ручьев его нагнал мокрый встрепанный Варка.

– Убивать меня когда будете? – осторожно поинтересовался он. – Прямо щас или после обеда?

– Я сдаюсь. Сохранить тебе жизнь хотя бы до совершеннолетия – непосильная задача.

– Да я же все продумал. Это было безопасно. Ну, почти.

– Да-да, я понял. Это было совершенно безопасно, ты все продумал и, конечно же, ничем не рисковал. А теперь могу я хоть немного побыть один?

Варка отступил на шаг, поглядел растерянно.

– Но вы же всегда один...

Крайн отвернулся от него, уставился на быстротекущую воду. За спиной захлюпали удаляющиеся шаги.

Ручьи, обратившиеся в могучие потоки, пели мощным слаженным хором, в ущелье плескалось озеро, широкая река вырывалась из него и, прогрызая дорогу в снежных завалах, неслась на восток, спешила влиться в далекую Тихвицу, яростно ломавшую зимний лед. На бегущую воду можно смотреть долго, очень долго, особенно если есть о чем забывать.

Солнце ушло, блескучая рябь угасла, и тут ему показалось, что сзади кто-то есть. Он слегка повернул голову. В отдалении на камнях грустным одиноким пеньком сидела закутанная в душегрейку Жданка. Он сердито отвернулся, потом покосился еще раз. Сидит. И даже не шевелится. Тут за камнями произошло какое-то движение, и Жданка исчезла. Похоже, не по своей воле. Из-за камней донесся горячий, весьма громкий шепот:

– Если человек говорит, что хочет побыть один, это означает, что он хочет побыть один. Один... а не в обществе рыжих куриц.

– Но я же ничего не делаю. Только смотрю.

– А может, ему не нравится, когда на него смотрят. Я вот терпеть не могу, когда на меня пялятся.

– Я не пялилась.

– Пялилась. Да ты еще и босая! Ноги совсем ледяные.

– Так валенки же промокли.

– А ну, пошли отсюда.

– Пусти! Поставь меня на землю.

– Не ори. Услышит.

– М-м-м. Пусти, а то порежу!

– Не порежешь. У тебя заточка в валенке была, а валенки мокрые.

Крайн хмыкнул. Скорбные мысли незаметно вытеснили мысли житейские: рыжая дурочка невесть сколько просидела босая на холодном камне, теперь непременно простудится, а то, что осталось у него из лекарств, никак не годится для лечения простуды. Тут его самого потянуло в тепло.

В замке все птенцы-подкидыши собрались у камина и, кажется, пребывали в самом развеселом настроении. Рыжую закутали в одеяло и заставили парить ноги в тазу с горячей водой. Беловолосый обормот все-таки свое дело знал, и при других обстоятельствах из него могло бы выйти что-нибудь путное. Теперь же великий травник тягался с Илкой в рукоборстве. Борьба, видимо, шла давно, противники покраснелись и тяжело пыхтели. Наконец Илка изловчился и впечатал в подложенную подушку жилистую Варкину руку. Ланка восторженно завизжала. Илка, донельзя гордый, давал пощупать всем свои мускулы.

Курицы щупали и одобрительно кивали, Ланка мечтательно улыбалась. Взглянув на невинную Варкину физиономию, крайн сразу заподозрил, что тот поддался нарочно. Простодушный Ивар Ясень кое в чем разбирался получше, чем хитроумный Илия Илм.

«Слабаки. Мальчишки. Пойти, что ли, уложить обоих одной левой?»

Мысль была до того глупая, что он даже ухмыльнулся. Но тут его заметили. Смех умолк, галдеж немедленно прекратился. Все уставились на него, как на дракона, внезапно выползшего из родной пещеры.

Ладно, дракон так дракон, оно и к лучшему. Не глядя на них, он пересек зал и ушел в свое темное логово.

Глава 7

Вокруг сухого дерева творились всякие странности. Крайн только в затылке чесал да гмыкал на манер дядьки Антона. Снег, которого по всей округе было куда больше, чем проталин, отступил от лишенного коры ствола в одночасье, обнажив широкий круг голой земли, и в этом круге вершилось нечто, совершенно не зависящее от капризов изменчивой и ненадежной пригорской весны. Отовсюду буйно лезла острая молодая трава. Из травы выглядывала желтая мать-и-мачеха, почему-то не закрывавшаяся ни в дождь, ни в холод. Потом, вовсе не ко времени, расцвела голубая пролеска, а за ней – изумительной красоты белые гиацинты. Это озадачило господина Луня. Положим, пролеска и первоцвет росли тут испокон веков. Но гиацинт... цветок южный, садовый...

Шиповник у подножья скал покрылся нежной зеленью, а тот, что рос у корней дерева, пламенел пышными цветами. Над цветами мотались сумасшедшие бабочки, из прогретой земли бодро лезли проснувшиеся червячки и букашки.

Впрочем, дереву от всего этого было ни жарко ни холодно. Коряга осталась корягой, несмотря на то что под ней целыми днями кто-нибудь торчал, усердно уговаривая вернуться к жизни. Господин Лунь был доволен. Все при деле, никто не пристает с глупостями и не рвется искать приключений на свою буйную голову.

* * *

Бурю он почуял еще во сне. Птица, до сих пор жившая в нем, встрепенулась, забила тревогу. Буря вставала над горами, качалась на слоновых ногах смерчей, взметала тучи снега с холодных вершин и вот сорвалась вниз через перевалы, по ущельям, по крутым склонам Ветреного кряжа и высокой Белухи. Ледяной воздух, прошитый летящим снегом, лавиной накрыл Пригорье.

Юный Рарка ринулся бы в самую гущу схлестнувшихся воздушных потоков, чтобы, вопя от восторга, бороться с ними и, разумеется, победить.

Крайн Рарог сразу ушел бы вверх, выше облаков и, сберегая силы, позволил бы буре нести себя в стылых водах лунного света, следя, как тень крыльев скользит по сияющим облакам.

Господин Лунь натянул на уши пуховое одеяло, хотя в замок и не доносилось никаких звуков, пять раз сказал себе, что он в полной безопасности, поворочался немного, но все-таки заснул.

Проснулся от голода. Выползть из постели страшно не хотелось. За пятнадцать лет странствий он отвык, что перина может быть мягкой, подушка пышной, одеяло теплым.

Вот если бы завтрак приносили прямо в постель... Между прочим, сам виноват. Приказал бы – и приносили бы. Рыжая приносила бы и таскала бы у него из тарелки лакомые кусочки. Или сама госпожа Хелена. Эта, наоборот, следила бы, чтобы он доедал все до последней крошки.

Голод сделался нестерпимым. Пришлось все-таки выбираться из-под одеяла и тащиться на кухню. На кухне никого не было. Самое печальное, что завтрака тоже не было. Ведра пустые. Плита не топлена.

Дрыхнут, бессовестные. Прихватив последний кусок вчерашней лепешки, он отправился в главный зал, намереваясь растолкать спавших там Варку с Илкой и хорошенько над ними поизмываться.

В главном зале тоже никого не было. Камин едва теплился. Откуда-то ощутимо тянуло холодом. Маленькая дверь оказалась приоткрыта. Машинально он закрыл ее и только тогда сообразил, что происходит. Сбежали...

Ну что ж, скатертью дорога...

Но почему именно сегодня, в жестокую метель, которая, он это чувствовал, накрыла все Пригорье до самой Бренны?

Ивар Ясень, конечно, обормот, но это слишком даже для него. Да, кстати, там же с ними госпожа Хелена, воплощенное благоразумие. Нет, тут что-то не так.

Не сбежали... Случилось что-то иное, нечто по-страшнее, чем обычная дурь неуправляемых отроков.

Командные вопли. Брызги из-под копыт. Лошади, оскальзывающиеся на крутом склоне. Всадники в голубых плащах с трубежским гербом. Или в черных с алыми стрелами барона Косинского. Весна, будь она неладна...

На ходу набрасывая плащ, он распахнул маленькую дверь и выскочил в коридор. За порогом хижины все было, как он и предполагал. Пригорская весенняя буря с мокрым снегом, сшибающим с ног ветром и лютым холодом. Все завоевания весны, все ее проталины, ручьи и лужи снова укрыл снег. Так куда же их все-таки понесло? Оказалось, не очень далеко. Мог бы и сразу догадаться.

Все, включая благоразумную госпожу Хелену, столпились под сухим деревом. С утра пораньше неугомонная Жданка пожелала «посмотреть на цветочки» и вернулась вся в снегу и в слезах. Выяснилось, что любимые цветочки надо срочно спасать. На помощь тут же кинулись Варка, страсть как не любивший, когда Жданка в слезах, и прекрасная Илана, которая очень гордилась своими гиацинтами. За Иланой, выскочившей в одном платье, ринулся, прихватив ее теплую одежду, Илка. Фамка повздыхала, взяла Варкину душегрейку, несколько пледов и тоже отправилась бороться с метелью.

И вот теперь они сгрудились у дерева жалкой понурой кучкой. Мокрые, хлюпающие носами от холода, запорошенные снегом. Одни против бури, которая накрыла уже полстраны и яростно рвалась к морю. Мертвые ветви над головами бились друг о друга с жестким костяным стуком.

Долговязый Варка, подставив ветру сгорбленную напряженную спину, сгреб в охапку всех трех девчонок, стараясь укрыть их своей душегрейкой. Девчонки глядели на то, что осталось от цветущего луга. Снег таял на слипшихся волосах, струился по щекам, как медленные тихие слезы. Рядом топтался Илка и бубнил: «С ума все походили... Давайте домой...» – но сам никуда не уходил.

Появление крайна радости никому не доставило.

– Вот, – сказала Фамка, – все пропало.

Сквозь снег еще пробивались зеленые копыя молодой травы, жалкими кучками поднимались кустики гиацинтов. Белые цветочные кисти припали к земле под тяжестью липкого снега.

«Долго держались, – с изумлением отметил про себя господин Лунь, – в других местах уже сугробы по колено».

Но сколько бы они ни держались, сил у них больше не было.

– А чего вы, собственно, хотите? – инквизиторским тоном поинтересовался он. Настроение было паршивое, и есть хотелось ужасно.

– Цветочки жалко, – шмыгнула носом Жданка.
– Это было... почти как дома... – шепнула Ланка.
– Ненавижу смерть, – резко высказался сын травника.
– Смерть всегда побеждает, – пробормотала Фамка, – всегда.
– Дуры, – встрял Илка. – Так убиваться из-за цветочков. Будто мало настоящего горя видели!

– Горя, я полагаю, было уже достаточно, – сурово возразил крайн.
Он вдруг выпрямился, насколько позволяла больная спина, весь подобрался, перестал жмуриться от летящего в лицо снега.

– Сейчас я вас научу строить «круг».
– Чё, хоровод водить будете? – ухмыльнулся Илка.
– Ты тоже будешь, – порадовал его крайн.
– Да чё я-то... У меня волшебные цветочки не растут. Зачем я вам?
– Для сохранения метафизического баланса креативных компонентов, – академическим тоном разъяснил господин Лунь. – Ну что ж, хотим мы одного и того же. Значит, будем об этом просить. Все вместе. И попробуем узнать, так ли уж мы одиноки и бессильны перед лицом торжествующей смерти.

* * *

Плечом к плечу, тесно сцепив руки, спиной друг к другу, лицом к воющей буре. Слева Илка чувствовал хрупкое Ланкино плечико, справа – костлявое плечо Варки. Но не было больше ни Варки, ни Илки, ни самого крайна.

Они были свечой, узким языком пламени, устремленным вверх, невзирая на яростный ветер.

Дядька Антон высунул нос наружу, чтобы отгрести снег от двери. Выходить в метель не хотелось. Но не отгребешь, потом придется через окно лазать. Потирая поясницу, он вытащил из сеней широкую деревянную лопату да так и застыл, опершись на нее. Над Своборовой пустошью танцевал, гнулся, тянулся вверх колеблемый ветром огонь.

Они были высоким костром из тех, что жгут на Иванов день, отгоняя злых духов.

В Дымницах все сидели за закрытыми ставнями, топили печи, слушали, как воет в трубах, как от злого ветра трясутся стены. Снег несло из конца в конец пустой деревенской улицы, и никто не видел, как над лесом, над вершиной холма упираются в тучи длинные языки пламени.

Они были огнем и стали чистым светом, широким лучом, пробившимся к небесам.

В Трубеже госпожа Элоиза Гронская, кутаясь в пушистый платок, стояла у залепленного снегом окна. Стекла дребезжали, из окна дуло немилосердно. Но она стояла, не могла отвести глаз от далеких бесшумных зарниц, плясавших в тучах над невидимыми горами. «К добру или к худу, – шептала она, – к добру или к худу?»

И тогда они подняли головы и увидели над собой голубое небо.

* * *

– Это все мы? – прошептала Жданка, глядя на крайна совершенно круглыми глазами.

– Разумеется. Один я на такое не способен.

Варка рухнул в мокрую траву и стал смотреть вверх.

Голубая промоина в облаках понемногу затягивалась, ее сносило на юг. Ветер бушевал по-прежнему, и снег летел, закрывая от них все Пригорье, но здесь, в широкой полосе у подножья гор, он падал теплым дождем на венчики нежных весенних цветов, которым не было места в этих суровых горах...

– Смотрите, – прошептала Фамка, осторожно коснувшись мертвого дерева.

Голый ствол покрылся тонкой кожицей светлой молодой коры.

– Ну а теперь мне дадут поесть? – спросил крайн. И тут же понял – не дадут. Птенцы-подкидыши сидели на отвоеванной у зимы поляне, и вид у них был совсем безумный. Пришлось идти на кухню самому, самому топить печь, самому варить опостылевшую горошницу с солониной. И ничего, сварил, получилось куда лучше, чем у Фамки, которая вечно экономила дорогую соль и ни за что не истратила бы сразу недельный запас мяса.

Глава 8

Зиме не удалось захватить цветущий луг. Буря прошла, и весна вновь устремилась в Пригорье. Замок с его красотами, тайнами и сокровищами вдруг показался скучным и темным, зато все очень полюбили сидеть под деревом, глядеть на отступающий вниз по склону снег, на высокие облака, на птичьи косяки, медленно переплывавшие небо над пустошью.

Дерево оказалось лиственницей. От голого ствола во все стороны тянулись тонкие молодые побеги, опушенные мягкой зеленью. Жданка потихоньку, пока никто не видит, гладила неколючие новорожденные иголки. Господин Лунь часами просиживал в прозрачной тени, прислонившись к искореженному стволу. У него было лицо тяжело раненного, случайно нашедшего положение, при котором ничего не болит. Усталое облегчение и страх нарушить хрупкое равновесие.

Обычно он молчал, но иногда тихим голосом рассказывал, что в Садах скоро начнут цвести яблони, и красивее этого нет ничего на свете, что на скалах над замком по весне можно отыскать голубой водосбор, что в Лихоборском лесу, по слухам, живет леший, а в Бреннском растет ягода заманиха: кто ее съест, тот забудет, куда шел, и никогда уж из леса не выйдет. Рассказывал вроде бы Жданке, которая слушала жадно и всему верила, но в такие минуты остальные тоже норовили подобраться поближе.

Однажды над лесом показался нестройный птичий клин, тянувшийся над пустошью. Белая цапля, обычно бродившая по поляне в поисках улиток, вдруг заволновалась, забила крыльями и разразилась жалобным, столь памятным Варке криком.

Клин сломался, птицы снизились, стали видны сложенные крючком шеи, длинные ноги, белоснежные сильные крылья. Цапля крикнула снова, в ответ с высоты донесся тонкий призывный крик. Клин уходил на юго-запад, цапля бросилась вниз по склону обычным своим полускоком-полулетом и вдруг, оттолкнувшись, оторвалась от земли. Отросшие белые крылья уверенно толкнули назад синий весенний воздух. Новый крик – и цапля устремилась вперед, понемногу нагоняя стаю. Догнала, пристроилась в конце клина и сразу стала неотличима от своих сородичей, одержимых весенней мечтой

вить гнезда на Бреннских болотах. Птичий клин быстро заскользил над пустошью, огибая горы.

Жданка так и осталась стоять под деревом с протянутыми руками.

– Как же... ведь мы же... кормили, спасали... я ее на груди грела, а она... Позовите ее... ведь вы же можете.

– Она птица, – сурово сказал крайн, – свободная птица.

– Но как же... мы ее любили, а она... даже не оглянулась.

– Нужно уметь отпускать.

– Ты ожидала, что она тебе скажет «спасибо»? – съязвил Илка. – В ножки поклонится, может, еще за постой заплатит. А она взяла и просто смылась. Тварь неблагодарная.

– Ты прав, – согласился господин Лунь. – Благодарности ждать не следует. Ни от кого.

– Потому что люди – хорьки вонючие? – вмешался Варка.

– Дело не в людях, а в нас самих.

– Ты понял? – пихнул Варка Илку. Илка скорчил рожу и отрицательно покачал головой.

– А я, кажется, понимаю, – шепнула Фамка.

Жданка и не пыталась ничего понимать.

– Она же там пропадет. Еду не сможет найти, или замерзнет, или обидит ее кто-нибудь.

– Не горюй, не пропадет, – крайн снова смотрел в небо. – Вон, видишь, журавли летят. Высоко летят – значит, в Загорье. Хочешь, они здесь спустятся? Останутся на ночь, на рассвете, может быть, будут танцевать...

– Не надо. Им и так тяжело. Такая долгая дорога...

Крайн хмыкнул.

– Когда-то я любил провожать журавлей через горы. Там, над Белухой, воздух очень ненадежный. Воздушные ямы, нисходящие потоки, невидимые вихри. И все каждый день меняется. Никогда не знаешь, что тебя ждет. Я становился впереди клина, ведущим. Они шли в воздушной тени моих крыльев. Над ущельем, над ледниками, над Вратами Вьюги...

Скоро склоны очистятся от снега, перевал откроется. Тогда я и вам покажу дорогу в Загорье. Уйдете через пару недель.

– А вы? – пискнула Ланка.

– А я останусь здесь. В конце концов, здесь мой дом. И я устал от странствий. Очень устал.

– Может, вам лучше найти своих? – неуверенно спросила Фамка. – Или вы не знаете, где они?

– Знаю. Но крыльев у меня нет.

– А что там, в Загорье? – спросил Илка.

– Сразу за хребтом – степь. Суровые зимы, сухое лето. Народ постоянно на одном месте не задерживается. Кочуют туда-сюда со своими козами. Дальше на северо-запад есть и села, пашут понемножку, огородничают. Ближе к морю попадаются города, небольшие, небогатые, со здешними, конечно, не сравнить. Но вы не пропадете. Травники там на вес золота. Там и наш знахарь-недоучка сойдет за великого целителя.

– Да, – тут же озаботился Варка, – надо бы корешков, травок подсобрать. Кое-что как раз весной собирать можно.

– Я никуда не пойду, – сказала вдруг Жданка, упрямо глядя в землю.

– Тебя никто не спрашивает.

* * *

Варка повадился спать наверху. Лазать туда-сюда по веревке ему было ничуть не трудно, господин Лунь это не одобрял, но позволял.

Ему очень нравилось в крайновой спальне. Кровать громадная, мягкая, места много, а главное, огромное окно, в которое ночью видны звезды, а на рассвете, не вылезая из-под одеяла, можно наблюдать, как солнце медленно поднимается из-за дальнего леса. Почему в это окно без единого стекла нисколько не дует и в комнате тепло, какой бы мороз ни стоял на улице, Варка не знал, да и знать не хотел.

Минувший день выдался солнечным, но с резким холодным ветром, вечер – тихим и таким ясным, что зеленоватое небо казалось прозрачным и алмазно твердым. А утром Варке почудилось, что снова вернулась зима. Своборова пустошь была белой. Иней густо лежал на скалах, пригнул к земле подросшую траву. Даже ручьи замерли, покрылись тонкой ледяной коркой. Косые рассветные лучи скользили по белому полю, заставляя его сверкать и искриться всеми оттенками розового и золотого.

Впрочем, когда он выбрался из замка с твердым намерением поискать корней мать-и-мачехи, иней, растопленный утренним солнцем, уже исчез. Все опять радостно зеленело. Пригорской траве к таким поворотам было не привыкать.

К полудню из замка выбрался крайн, как обычно, устроился под деревом, начал рассказывать Жданке, не отходившей от него в последние дни, какую-то запутанную историю. К середине истории вокруг на траве сидела уже вся компания. Все прилежно внимали, боясь пропустить хоть слово.

Варка недоумевал, отчего человек, умеющий так говорить, в классе только нудно бубнил, обрушивая на бедные головы учеников тяжелые кирпичи длинных и непонятных слов. Рассказ завораживал, околдовывал, затягивал как бесконечный водоворот. Поэтому все невольно вздрогнули, когда сзади раздалось мощное хмыканье.

– О, дядька Антон, – обрадовался Варка. – Пришли проверить, померли мы или еще нет?

– Здравсьте, дядечка Антон, – заулыбалась Жданка.

– И вам доброго утречка, – пробормотал дядька Антон, почтительно кланяясь. Поклон плохо отразился на его спине. Она так и осталась в полусогнутом положении. Шапку дядька Антон старательно мял в руках, так что все могли созерцать его круглую неопрятную лысину. – Просьбица у меня. Если пресветлый господин крайн соизволит выслушать...

– Нету тут никаких крайнов, – мгновенно ощетинился Варка.

Курицы дружно закивали.

– Ну как же-с нету... – льстиво улыбнулся дядька Антон, – деревце-то десять лет сухим простояло, а теперь вон, зеленое. Я как увидел, так сразу и подумал... Только беспокоить не хотел. Кабы не крайняя нужда, разве я посмел бы...

Господин Лунь на это ничего не ответил, будто никакого дядьки Антона рядом и не было. Сидел, низко опустив голову, разглядывал травку под ногами.

Но дядьку Антона подобное обращение не остановило. Видно, нужда действительно подпирала.

– Утренник нынче был, – сказал он, исподлобья глядя на крайна, – месяцу травню конец, об эту пору обычно их не бывает. А тут ударил... Не только рассада огородная, озими все померзли...

Пересевать уж поздно, не вызреет. С голоду помрем. Хоть с сумой иди. Помогите, пресветлый господин крайн, окажите милость.

– Милость? Ты хочешь милости?

– Сжальтесь, господин крайн, не откажите...

– Прошлой осенью к твоим воротам пришел голодный, измученный, осиротевший ребенок. Какие милости ты ему оказал?

– Поленом по голове, – ухмыльнулся Варка. Сейчас это казалось ему забавным.

– Ребенок! Да на нем, не в обиду вам будет сказано, господин крайн, пахать можно. Вон какая орясина. Я дал ему работу и платил честно.

– О да. Он работал за троих, а платил ты ему объедками, от которых отказывались твои свиньи.

– Но, господин крайн...

– Он сказал, что в хижине наверху есть еще дети... больные, обмороженные. Что ты сделал для них?

– А чё я мог сделать-то? – насупился дядька Антон. – Всех не накормишь. Вся страна голодает.

– Ну вот и ответ. Вся страна голодает, а ты чем хуже? Нет у меня для тебя милости, Антон Скребель.

Крайн поднялся на ноги, отбросил с лица светлые волосы.

Дядька Антон приоткрыл рот, и вдруг кусты и кочки его физиономии рассекла косая щель улыбки.

– Варка... Ах ты, неслух... Живой... Вернулся все-таки.

– Рарог Лунь Ар-Морран-ап-Керриг, с твоего разрешения, – с оскорбительной вежливостью выговорил крайн и сделал движение, чтоб уйти. Но низкорослый скрюченный дядька Антон цепко ухватил его за рукав.

– Эй, ты чё! Я ж тебя вот таким помню... Вы же с моим Тондой вместе горох воровали. И мать твоя всегда была...

– А где был ты, когда ее убивали?

Дядька Антон поперхнулся и отступил назад.

– Я спрашиваю, где был ты, когда убивали мою мать?

Дядька Антон молча повернулся и, спотыкаясь, побрел вниз. Шапку он так и не надел. Бурые сосульки волос мотались по сутулой спине, обтянутой засаленной кожей безрукавки. «Все проклято, –

вспомнилось Варке, – вода, воздух, огонь в очагах. Нет помощи. Нет спасения».

Крайн не смотрел вслед удаляющейся жалкой фигуре. Опершись о кривой сук, он вглядывался в небо над дальним лесом, в той стороне, где лежало Пригорье с полями, лесами, реками и белым городом Трубежем.

– Что он вам сделал? – пискнула никогда не отличавшаяся особой тактичностью Жданка.

– Ни-че-го, – не оборачиваясь, выговорил крайн, – никто ничего не сделал. Всю жизнь она пачкала руки в грязи и крови, лечила их от прострела и лихоманки, принимала роды... Бывало, на коленях благодарили... но никто палец о палец не ударил, чтоб ее защитить.

Солнечный свет резал глаза, от разлитой повсюду ядовитой зелени ломило скулы. Людская злоба дрожащим маревом висела над всей страной. Он отвернулся, спеша уйти, скрыться в полумраке своего пустого жилища. Не вышло. На дороге стояли птенцы-подкидыши. Четыре пары испуганных глаз: чернющие Фамкины, ярко-голубые Ланкины, зеленые Жданкины, глубокие темно-синие Варкины. Умный Илка смотрел в землю. Он давно уже все понял и мечтал только об одном – смыться отсюда.

– Ну, чего уставились?

Фамка пихнула Варку острым локтем. Тот охнул, но отрицательно замотал головой. Тогда она, поджав губы и соорудив на лице привычную мину примерной лицеистки, решительно выбралась вперед.

– Мы бы хотели спуститься в Починок. Если, конечно, вы нам позволите.

– Ну, это... попрактиковаться, – добавил Варка, – повторенье – мать ученья и всякое такое.

– Да, – обрадовалась Жданка, – пойдем в огород к дядьке Антону и будем там... прак... прыг... чего мы там будем, Вар?

Но Варка молчал, не сводя глаз с крайна.

– Там у них девочка, – вздохнула Ланка, – маленькая.

– Какая еще девочка, – проворчал Илка, – мальчик. Иван зовут.

– Девочка. Ивонна. Четыре года.

– Без тех объедков мы бы все померли, – упрямо прошептала Фамка.

Господин Лунь посмотрел на них и в который раз пожалел, что принял на себя эту обузу. Нет, просто о том, что остался жив. Забиться бы сейчас в темноту, в сырость, в ближайшую кротовую норку. Спрятаться от них. Или от себя самого.

* * *

– А вы правда горох воровали?

– Было дело.

– Долго голодали, да? – посочувствовала Жданка, сама не раз таскавшая с рыночных лотков пирожки, огурцы или яблоки.

– Да не голодали мы тогда, – поморщился крайн, – так, баловались. Уворованное слаще.

Ланка вытаращила глаза, потрясенная такой безнравственностью, зато Варка с Илкой понимающе переглянулись.

Они спускались по Своборовой пустоши, по старой дороге, которая когда-то, в прежние времена, вела к замку. Вначале шли чинно, дабы не сердить донельзя раздраженного господина Луня. Но склон был зеленым, небо – отчаянно голубым, ветер – ровным и сильным.

Первая не выдержала Жданка, сроду не видевшая столько травы и простора сразу. Ловя ветер раскинутыми руками и вопя от счастья, она сломя голову понеслась вниз. Варка, засидевшийся в замке и давно ошалевший от собственного благоразумия, очень обрадовался, заорал: «Стой! Куда!» и бросился следом, на ходу скинув тяжелые башмаки.

Ланка, ярая сторонница взрослой сдержанности и пристойных манер, вдруг закружилась волчком, изящно подобрвав юбку, и легким танцующим шагом полетела вслед за Варкой.

Илка насупился. Бегать за глупой курицей он не собирался. Только и оставалось, что подбирать по пути сыпавшиеся из пышной прически шпильки и заколки. Все-таки золото, мелкие сапфиры, старинная работа крайнов...

– Счастливые, – вздохнула Фамка, – летают.

Крайн молча глядел под ноги.

* * *

Возле памятной всем усадьбы дядьки Антона, такой же унылой и грязной, как поздней осенью, не было ни души. Но господин Лунь и не собирался общаться с хозяевами.

– Ты, – хищный палец уперся в Ланку, – вон там, за плетнем, у него огород. Иди, займись.

– Одна? – перепугалась Ланка.

– Ну, ты-то, надеюсь, потоп с пожаром там не устроишь, собственной кровью капустную рассаду поливать не станешь, белые розы вместо брюквы у тебя не вырастут... Иди.

– А мы? – спросил Варка, сумрачно глядя на обширное Антоново поле. Всходы пшеницы, еще вчера бодро зеленевшие, сегодня лежали на земле, сизые, скорчившиеся, безнадежно мертвые. Поодаль ровными рядами торчали почерневшие стебли бобов.

– А вас я научу строить «цепь». Самое главное что?

– Кон-цен-тра-ция, – выговорила очень довольная собой Жданка.

– Нет, рыжая, – вздохнул крайн, – самое главное – любовь и терпение.

* * *

Два часа спустя Варка лежал, прижавшись щекой к прохладной весенней травке. Любовь у него закончилась, терпение тоже было на исходе. Спину и плечи ломило так, будто пришлось трижды пронести через все поле, до самого леса и обратно, не пылающую цепь, связавшую их, когда они разомкнули огненный круг, а самую настоящую, пудовую.

Спасение Антонова урожая оказалось обычной крестьянской работой, тяжелой и нудной. Меньше всех устала Фамка, привычная к этому с детства. Да и Жданка как ни в чем не бывало бродила по сырому лугу, выискивала стебельки щавеля. Ланка набрала одуванчиков и плела веночки. Первый она водрузила на голову Илке. Илка расцвел, точно получил королевскую награду. Вторым осчастливила Варку, который тут же стащил его и нахлобучил на Жданку. Теперь плела третий и поглядывала на крайна.

Варка представил себе господина Луня в одуванчиковом веночке и фыркнул, ткнувшись лицом в траву. Сам господин Лунь тоже валялся без сил. Лежал на животе и, уткнув подбородок в сцепленные руки, разглядывал жучка, упорно карабкавшегося вверх по узкому листку.

– Почему так? – спросил Варка, с трудом приподняв голову. – Им хоть бы что, а мы...

– Некоторым птицам трудно ходить по земле. Крылья мешают.

– Скажете тоже, птицам... ой, ну вы-то, да, конечно, а я...

– А ты болван и вообще заткнись.

Жучок доверчиво переполз с листка на подставленный палец и тут же скатился в середину шершавой ладони.

– Ух ты, – сказала присевшая на корточки Жданка, – божья коровка...

– Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба.

Жучок послушался, шевельнул надкрыльями, выпустил черные прозрачные крылышки и улетел.

– Кстати, как насчет хлеба? – поинтересовался Илка. – Чем нам заплатят?

– Ты договаривался о плате? – жестко спросил крайн.

– Не... но я думал...

– Напрасно. Вы же рвались ему помочь. Бескорыстно. Помогли?

– Да, но... Ах я, дурак, надо было...

– Нельзя ожидать благодарности, – тихо сказала Фамка.

– Этот урок ты усвоила, госпожа Хелена.

– Может, хоть покормят, – вздохнула Жданка.

– Дома поешь, – цыкнул на нее Варка.

– Пошли отсюда, – устало поднялся крайн.

Волей-неволей пришлось встать и Варке, нога за ногу плестись вместе со всеми вдоль покосившейся за зиму ограды по поросшему травой и одуванчиками Антонову двору. Среди одуванчиков важно гуляли облезлые рыжие куры, на заборном столбе лениво щурился тощий растрепанный кот. Но дом по-прежнему казался вымершим.

– Кто дрова складывал? – поинтересовался господин Лунь.

– Мы, – сознался Варка.

– Узнаю руку мастера. То-то поленница такая кривая. Вы там рядом не стойте, а то еще завалится.

Поленница, хоть и кривая, благополучно простояла целую зиму, но Варка знал: возражать нельзя. Чувствовалось, что господин Лунь долго не простит им этот поход на Антоново поле.

* * *

Спасение пришло неожиданно. Стукнула дверь. С крыльца слетела женщина в латаной-перелатаной юбке и потрепанной душегрейке поверх серой домотканой рубахи. Пыльная моль. Пучок прошлогодней

травы, подхваченный ветром. Добежав, она бухнулась в ноги крайну, вцепилась в испачканные землей сапоги.

– Пресветлый господин крайн...

«Пресветлый господин крайн» проворно нагнулся, обхватил ее за плечи, поставил на ноги.

– Петра... – сердито сказал он, – ты что, рехнулась? Это же я!

Петра, не понимая, глядела на него, застиранный платок сполз, серые волосы повисли неопрятными прядями. Господин Лунь хорошенько встряхнул ее.

– Эй, очнись! Это я, Рарка Лунь.

– Рарка, – повторили бескровные губы. Измученное лицо жалко перекосилось. Женщина уткнулась лбом в грудь крайна и завывала, некрасиво скривив приоткрытый рот.

– Ну что ты, Петра, – растерянно пробормотал господин Лунь, – все будет хорошо, я вернулся, теперь тебя никто не обидит.

Петра самозабвенно рыдала, как будто копила слезы не один год и теперь спешила выплакать все сразу. Крайн обнял ее, неловко погладил по волосам.

– Слышь, Петра, не реви. Ну что ты как маленькая... Помнишь, как мы с тобой пели?

Петра мелко закивала, но плач не прекратился.

– А помнишь, как Тонда мне глаз подбил? – прошептал крайн, наклонившись к самому ее уху. – А за что подбил, тоже помнишь? Помнишь, как мы у вас в смородине...

– Тьфу! – всхлипнула Петра. – Дурак! Как был дураком, так и остался.

– А что ты тут делаешь? – поспешно спросил крайн, не давая ей разрыдаться снова.

– Так я за Тонду вышла.

– Вот и славно. Хорошо, что за Тонду, а не за этого недоумка Стаха.

– Скажешь тоже, за Стаха... Со Стахом я так, смеялась только.

– А со мной?

– С тобой... надо же, вспомнил... Сколько лет-то нам тогда было... Сам ко мне приставал, а теперь...

– Ну, ладно, ладно, – прервал ее господин Лунь, опасливо покосившись на своих подопечных. Конечно же, курицы слушали с горящими глазами. Ланка даже дышать перестала, до того ей было

любопытно. Илка ухмылялся. Варка, разинув рот, уставился на Петру. По всему выходило, что это замордованное существо было когда-то красивой девушкой.

Между тем Петра торопливо рассказывала, не очень заботясь, слушают ее или нет.

– Хорошо жили. Мне все наши завидовали. Потом сынок у нас родился...

– Говорил же я, мальчик, – шепнул Илка Ланке.

– По-моему, это девочка, – заметил крайн. На крыльце, робко выглядывая из-за толстого столба, стояло босоное дитя в длинной рубашке. Слева на голове у дитяти красовалась аккуратная толстая косица, справа свисали нечесанные русые пряди.

– Девочка, – вздохнула Петра, – Ивонна. Сыночек мой уже большой был бы... Помощник... Только помер он на десятом году. От гнилой горячки помер.

– Тетку Таисью звали? – Крайн сторбился, перестал улыбаться.

– Не справилась тетка Таисья. Ой, Рарка, зачем вы ушли... бросили нас, а мы тут совсем пропадаем.

Крайн почернел лицом и отступил на шаг:

– Бросили?

– Ой, ну прости, прости, – перепугалась Петра, – сама не знаю, чего плету, прости нас, дураков, виноваты мы перед вами, кругом виноваты.

– А Тонда где? – явно не желая это обсуждать, спросил крайн. – Что-то его не видать.

– Сгинул Тонда, – всхлипнула Петра, – сынок наш помер, а потом и Тонда пропал.

– Где пропал? В горах? В Лихоборских болотах?

– Нет, в каких болотах... Повез муку в Бренну. Будяк из Язвиц его подбил. Мол, в Трубеже много не заработаешь, а в Бренне сейчас торг хороший. Тонда и повез, а назад не вернулся. Сказывают, муку у него сторговал какой-то чужак заречный, да и говорит: «Свези муку в Сенеж, я тебе за то заплачу». Тонда повез и сгинул. Четвертый год пошел. Девочку нашу так и не видал ни разу. Убили его, должно быть. Говорят, там внизу большая война идет.

– Петра! – строго прикрикнул господин Лунь. – Не вздумай опять реветь.

– Хоть бы знать, что с ним... помер, жив ли... каждый день жду.
Все глаза проглядела.

– Начнешь рыдать – я твоего Тонду искать не буду.

– Искать? Как же его найдешь, когда он...

– Помнишь, как мы в прятки играли?

– Помню. Только как же... Он же не в соседнем овине сидит...

– Так ведь и мне не десять лет. Пошли к колодцу.

Колодец, обычный журавель с обрубком толстого бревна вместо противовеса и деревянным ведром, высоко вздернутом на длинной мочальной веревке, был устроен удобно, за огородом. По весне вода стояла высоко, светлое пятно отраженного неба колыхалось совсем близко к замшелому, но на совесть сработанному срубу. Крайн поставил покорную Петру перед колодцем, заставил склониться над дышащей холодом водой.

– Искать будешь ты. Мне трудно. Я его сто лет не видел. Ах да, чуть не забыл. У тебя есть что-нибудь от него?

– Есть, – смущенно шепнула Петра, – на мне его пояс, праздничный.

– Где?

– Под рубахой завязан.

– Так и ходишь?

– Так и хожу.

– Хорошо. Эй, вы, пойдите, посидите где-нибудь. Это надолго.

Любопытные птенцы-подкидыши далеко не пошли, уселись тут же у забора на травке. Ну, молчат, под руку не лезут, в колодец нырнуть не пытаются, и на том спасибо.

– Раз, два, три, четыре, пять, Тонда, я иду искать.

Крайн сверху вниз улыбнулся Петре, положил руки ей на плечи:

– А теперь смотри. Видишь что-нибудь?

– Нет. Убили его. Чужало мое сердце.

– Не торопись. Смотри внимательно. Ты очень сильная. В детстве у тебя и без меня получалось. Видишь?

– Да, – выдохнула Петра, – камни. Гладкие грязные камни. Много.

– Хорошо. Очень хорошо.

– Мелькает что-то... Ноги ступают по камням...

– Он жив, Петра.

– Жив...

– Смотри, не отвлекайся.

– Шапка лежит. Рваная. В шапке пять монет. Что это значит?

– Не знаю. Смотри.

– Голубь. Мимо него ходят, а он не боится. Клюет грязь какую-то. О, спугнули все-таки. Полетел. Летит над крышами. Крыши богатые, сплошь черепица. Красная, желтая... Шпиль торчит. Блестит, аж глазам больно. Неужто золото? Кораблик... Кораблик в небе.

– Что?!

– На шпиле кораблик. Смешной такой, с крыльями...

– Кораблик с крыльями? Все, Тонда, вот мы тебя и застукали. Хватит, Петра.

Петра испуганно озиралась, словно ожидая увидеть пропавшего мужа прямо здесь, во дворе у колодца.

– Он в Бренне. – Господин Лунь был очень доволен собой.

– В Бренне?! – Петра рванулась, выскользнула из объятий крайна и кинулась к дому. – Антон! Антон!!! Да куда ж ты запропастился, анчутка седой, чтоб тебе три года икалось!

Жданка хихикнула. Варка ошарашено мотал головой. Оказывается, эта тень женщины умеет не только орать, но еще и ругаться.

– В Бренне? Так близко? – удивилась Фамка, хорошо разбиравшаяся в местной географии. – Но почему он не смог вернуться?

– Видишь ли, – тяжело вздохнул крайн, – похоже, четыре года назад он попался вербовщикам князя Сенежского. Телега с лошадьё – вещь на войне просто необходимая. Да еще если возница – косая сажень в плечах и пятаки пальцами ломает. Пять лет назад Сенежский князь Филипп вмешался в драку за Тихвицкое Поречье. Поречье не захватил, да еще потом пришлось почти год отбиваться от войск самозванца. Покалечили нашего Тонду. Может, руки лишился. Или, того хуже, ноги. Теперь в Бренне милостыню просит, а домой идти, обузой в хозяйстве быть, попреки от дядьки Антона выслушивать не желает. Гордый. Петра еще наплачется.

* * *

Через полчаса встрепанный от усилий дядька Антон запряг сытую лошадь, и скрипучая телега укатила по лесной дороге. К этому времени «господа пресветлые крайны» чинно сидели в просторной

кухне. Раскрасневшаяся, сияющая Петра торопливо метала на стол крыночки, миски и горшочки, не зная, чем бы еще угостить, как бы угодить получше. Гости, к ее удовольствию, ели за троих, никто не отказывался.

Наконец Варка пробормотал, что ему надо немедленно выйти. Через некоторое время к нему присоединился Илка. Выполз на крыльцо, хрипло приговаривая: «Все. Больше не могу».

Сквозь открытое окно было слышно, как господин Лунь ведет с Петрой длинный скучнейший разговор. Кто на ком женился, кто у кого родился, кого выдали замуж на сторону, а кто и сам перебрался в Стрелицы, чья корова отелилась, а чья еще нет и каковы виды на урожай. Варка слушал и глядел, как в синем небе колышутся растрепанные ветром нежно-зеленые верхушки далеких лиственниц. Волнами накатывала сытая дремота. Глаза закрывались сами собой.

– Уй! – В плечо впились раскаленные клещи. Сонный Варка подскочил и дернулся, как пескарь на крючке.

– Очнись! – шепотом рявкнул ему в ухо господин Лунь. – Быстро в дом! Если что пойдет не так, прячьтесь на сеновале. До темноты не высовываться, а потом уведешь всех в замок.

– А чего?

– Да как обычно.

Варка прищурился. От леса по дороге двигались всадники. Трое. Всего трое. Варка перевел дух и живо затолкал высыпавших на крыльцо куриц обратно в дом.

Крайн уже шел к распахнутым воротам черной изломанной тенью среди желтизны одуванчиков, зелени травы и солнечного золота. Спина, которой никакой горб не мешал быть прямой. Отторгающая землю походка. В свободно опущенных руках что-то блеснуло.

Варка пихнул в спину замешкавшегося на пороге Илку, но сам в дом не полез, присел на крыльце, съежившись за толстым столбом.

Крайн остановился в воротах. Всадники спешили и пошли к нему. Один – высокий, широкоплечий, двое других – так, ничего особенного. Двигались медленно, за оружие не хватались. Солнце било прямо в глаза, приходилось все время щуриться. Варка смахнул набежавшую слезу, проморгался...

У ворот высокий сгреб господина Луны, скрутил и теперь ломал, пытаясь повалить на землю. Варка кубарем скатился с крыльца, не

помня себя, подлетел к воротам. Руки крайна... только бы освободить руки.

С хриплым кошачьим воплем он прыгнул на спину здоровяку, повис у него на плечах. В рот и нос тут же набились жесткие черные волосы, но пальцы сами сомкнулись на бычьей шее, изо всех сил сдавили горло. Громила захрипел и принялся отдирать от себя озверевшего парня. Варка держался из последних сил, все время помня, что остальные двое могут ударить в беззащитную спину. Минуту... Всего минуту... Минуты крайну хватит на все... Резкая боль в правой руке. Удар о землю. Мгновенная тьма.

* * *

– Эй, парень! Никак сомлел?

– Ничего. Хорошая встряска ему только на пользу.

Варка поднял руку. Вроде шевелится. Ощупал голову. Голова тоже оказалась на месте. Открыл глаза. В голубом небе плавно проплыл потрескавшийся воротный столб, Жданка с любимой заточкой, Илка с прихваченным у поленницы топором, бледная Фамка с хлебным ножом, Ланка с пустыми руками, но определенно готовая визжать, царапаться и кусаться. Почему они стоят? Почему ничего не делают?

На лицо упала тень. Небо закрыла кудлатая черная голова.

– Не зашиб я тебя?

– Дядька Валх! Это вы?

– Ты чего набрасываешься? Я ж ненароком и убить могу. Рука у меня тяжелая.

– Так или иначе, он спас мне жизнь, – прошелестел ехиднейший голос крайна. – Помереть от пули или стрелы в наше время – дело обычное. Но скончаться в дружеских объятиях – это, согласишься, не совсем то, о чем я мечтал, вернувшись на родину.

– Дык... – смущенно ухмыльнулся дядька Валх и полез чесать в затылке.

– А я вас без шубы и не признал, – слабо улыбнулся Варка.

– Вставай! – приказал господин Лунь. – Хватит разлеживаться. У нас гости.

Варка ухватился за протянутую руку, встал рядом с крайном. Поодаль, смиренно сняв шапки, переминались с ноги на ногу два унылых мужика.

Запыленная одежда, запавшие глаза, свалывшиеся волосы. Мужики были дальние, в Дымницах Варка таких не помнил.

– Храбрые у тебя ребятки, особенно этот, – заметил дядька Валх, хлопнув по спине пошатнувшегося Варку, – только врать здоров. Уперся как нанятый: «Я не крайн, я не крайн». Как будто по роже не видно. Сынок твой?

– Да.

– Похож как вылитый. Хороший парень. Я, как его увидал, сразу про тебя вспомнил.

Варка сначала не понял, но тут до его ушей донеслось торжествующее фыркание Илки. Челюсть отвалилась сама собой, перед глазами снова все поплыло. Он хотел было возразить, но крайн уже шагнул к приезжим.

Мужики поступили предсказуемо. Застонали «пресветлый господин крайн» и повалились в ноги.

– Вы это бросьте, – прогудел дядька Валх. – Просили к крайнам отвести – вот вам крайны. Дело говорите. Время не терпит.

– Встаньте, – с изрядной долей надменности произнес господин Лунь. – Откуда прибыли?

– Из Столбцов мы, пресветлый господин крайн, – робко выговорил тот, что казался старше.

– И что? Как там, в Столбцах, дела?

– Дела у нас как сажа бела, – решительно встрял младший, – такие дела, что как бы вовсе того... поймали мы давеча одного... с той стороны...

– А-а, – протянул крайн, – с собой его надо было захватить. Я бы сам его расспросил, вам бы и говорить не пришлось.

– Так это... Не серчайте, пресветлый господин крайн. Мы его того... камень на шею и в воду... чтоб другим неповадно было.

Господин Лунь поморщился. «Сейчас опять про крыс начнет», – подумал Варка.

– Ну, пойдёмте, под крышей побеседуем. В ногах правды нет, – проговорил крайн, – а вы, – обернулся он к вооруженной компании, намеренно не глядя на Варку, – немедленно в замок. И на этот раз попрошу без фокусов. Запритесь и не высывайтесь.

Глава 9

Крайн вернулся под вечер, когда всем уже надоело насмехаться над Варкой, ни с того ни с сего набросившимся на добрейшего дядьку Валха. Илка мстил за пережитый страх и собственную глупость. Он и сам не знал, зачем схватил топор и ринулся к воротам. Фамка пеняла за неосторожность, хотя сама вылетела к воротам чуть ли не первой. Ланке и Жданке просто нравилось его дразнить. Ехидство куриц Варка стоически терпел, но когда Илка попытался поздравить его с новоявленным родственником, то пожалел об этом почти сразу.

К возвращению крайна у Варки была разбита скула, у Илки губа и левая бровь, парни друг с другом не разговаривали, Ланка причитала, а Фамка готовила холодные примочки.

Господин Лунь в их распри вникать не стал. От него ощутимо пахивало сивухой, но пьян он не был, напротив, деловит, суров и сосредоточен. Наскоро умылся холодной водой, предложенный Фамкой жидкий супчик выхлебал стоя и быстро удалился в сторону замковых кладовых. Через полчаса вернулся с полной переметной сумой, небрежно переброшенной через плечо.

– Ты и ты. Со мной.

Варка и Илка мрачно переглянулись и принялись обуваться.

– А вы, – длинный палец угрожающе заходил перед носом у куриц, – за дверь ни ногой. Особенно ты, рыжая.

Жданка смотрела на крайна, полуоткрыв розовый рот, и вдруг, догадавшись о чем-то, побледнела так, что все веснушки исчезли.

Маленькая дверь с грохотом захлопнулась.

– Что это значит? – возмутилась Ланка.

– Война, – прошептала Фамка, – это война.

* * *

У дерева топтались, мотали хвостами, отгоняя вечернюю мошкарку, две невысокие лохматые лошадки из Столбцов и могучий вороной жеребец дядьки Валха.

– Умеете? – спросил крайн, отвязывая жеребца.

– Э-э-э, – сказал Варка, сроду верхом не ездивший, – ну-у...

В Липовце, вечно находившемся в осаде, лошадей почти не держали. Кто не успевал сдохнуть от бескормицы, того рано или поздно съедали голодные горожане.

– Нет, – сказал Илка, которому отец выхлопотал право время от времени прогуливаться верхом в Садах наместника. Одно дело – медленно трястись шагом по расчищенным дорожкам под присмотром опытного конюшенного, и совсем другое – нестись сломя голову на своенравной скотине, которая косится лукавым глазом и так и норовит укусить.

– Так, – скривился крайн, – смотрите и запоминайте: это лошадь. Тут у нее голова, тут ноги, а тут хвост. Вот это седло, это стремяна, это уздечка. Садитесь в седло, ноги вставляете в стремяна. Сев, проверьте, что перед вами, голова или хвост. Если хвост – вы сидите неправильно. Уздечку не трогать. Держитесь за луку седла или за гриву. Все.

Последние слова он договаривал, глядя на них с высоты громадного жеребца.

Легкий Варка влез на лошадь, как на забор: не слишком изящно, но проворно.

– А может, того, – сказал Илка, – может, как-нибудь через колодец? Быстрее будет.

– Там нет колодцев. Давай, пошевеливайся.

– А может, сделать его? Так, небольшой, на скорую руку... Тише едешь – дальше будешь.

Но крайн ценил перлы народной мудрости, только если они его устраивали.

– На скорую руку я провожусь не меньше недели. Поехали.

Жеребец с места рванул во весь мах, лошади из Столбцов понеслись за ним, но не к Починку-Верхнему, а на восток, без дороги, по кустам и кочкам, через мелкие ручьи и овражки, по сырым луговинам и каменистым языкам осыпей, разбрасывая из-под копыт то липкую грязь, то каменную крошку. Все дальше на восток, вдоль скальной стены, которая то удалялась, то приближалась, открывая взору новые утесы, обрывы, гранитные столбы и башни. И только дальние вершины оставались те же: холодные, недоступные, навечно укрытые снегом. Скоро они вспыхнули высоким поднебесным костром, потом стали кроваво-алыми. С другой стороны, над темной полосой леса все яснее проступал светлый щит полной луны.

Глухим стуком по густой траве, гулким грохотом по камням. Топот некованных копыт сплетался с долетавшим от стены эхом и гулом бьющего в лицо ветра. Три всадника неслись между горами и лесом, между бледной луной и кровавым закатом. Закат потухал, луна сияла ярче и ярче. От леса зазубренной драконьей спиной легла на пустошь глубокая тень. Впадины и лоцины обернулись темными ямами, холмики, поросшие седой от росы травой, – сияющими озерами.

Крайн то гнал лошадей галопом, то давал им передохнуть, переходя на легкую рысь. Вначале Варка думал только о том, как бы не свалиться под копыта, и изо всех сил цеплялся за жесткую гриву, но довольно быстро привык. Держать равновесие в широком крестьянском седле с высокой лукой оказалось не так уж трудно. Тогда он смог оглянуться по сторонам и испытал такой восторг, что даже волосы на голове зашевелились.

Молочно-бледное сияние затопило небесные звезды, зато покрытые росой луга пустоши сверкали островами звездного света. Всадники летели в блистающих небесах по прозрачной звездной дороге. Петь Варка не мог и, раскинув руки, просто заорал от счастья.

И тут же был жестоко обруган Илкой, лошадь которого с перепугу прынула в сторону и едва не встала на дыбы. Крайн коротко, по-волчьи, глянул через плечо, шевельнул губами, но его слов Варка, к счастью, не расслышал. Впрочем, он был готов снести любые оскорбления, лишь бы этот безумный полет никогда не кончился.

* * *

Луна медленно сползала все ближе и ближе к кромке леса. Горные вершины исчезли, скрытые крутым боком лесистого холма. Лес вырастал впереди, надвигался и вдруг сомкнулся над ними, как темная вода над упавшим камнем. Должно быть, тут раньше была какая-то дорога или тропа. Во всяком случае, крайну удавалось отыскивать ее в лабиринте непроглядных теней и пятен лунного света.

Ветки цепляли за потные лошадиные бока, за волосы и одежду, так и норовили хлестнуть по лицу, но усталые лошади ломались сквозь лес все еще споро, хотя и медленнее, чем по пустоши. Хруст и треск в ключья рвали ночную тишину. Илке это ужасно не нравилось: теперь любой затаившийся в темноте враг будет за версту предупрежден об их приближении.

Варка совсем скрючился, уткнулся в жесткую, пахнущую потом гриву, чтобы уберечь глаза. Усталость навалилась мгновенно, как ночная тьма. Болела спина, и то, что пониже спины, и ноги, уставшие обхватывать круглое лошадиное брюхо. На рысях трясло куда сильнее, чем при ровном галопе. Варке казалось, что у него все потроха оборвались и поменялись местами.

Громадная закатная луна, расплосованная тенями ветвей, светила недолго. В конце концов стало так темно, что лошади перешли на шаг, а потом и вовсе стали. Тут на Варку, в довершение прочих бед, набросились комары.

Но крайн не сдался. Спешился и еще некоторое время вел своего жеребца под уздцы. Горные лошадки покорно тащились сзади. Наконец он остановился, пробормотал под нос «все, хватит» и приказал: «Слезайте». Илка слез, на ощупь привязал лошадь к невидимым кустам и затоптался на месте, разминая ноги. Ноги слушались плохо, спина и плечи – тоже.

Варка сполз с седла в полусогнутом положении, грохнулся на четвереньки и тихо порадовался, что эта лошадь такая низкая. В руки и колени сразу же впились шишки, сучки и сухие хвоинки. Попробовал встать – тело отозвалось такой болью, что он сразу понял – всю оставшуюся жизнь придется провести на карачках.

На карачках было колко, мокро от росы и ужасно холодно. Кроме того, комары жглись как сумасшедшие. Вдруг в трех шагах вспыхнул трепещущий свет. Варка тяжело вздохнул и пополз туда. Может, хоть комары отстанут. Илка побрел за ним, ковыляя на полусогнутых.

Оказалось, крайн даром времени не терял. Развел маленький бездымный костерок, насыпал в него какой-то вонючей дряни, чтоб отогнать комаров, обстругал палочку и теперь насаживал на нее ломти хлеба вперемежку с кусками домашней ветчины.

– Откуда мясо? – хрипло спросил Илка, устраиваясь у огня.

– Петра поделилась.

Варка настоящего мяса, не солонины, не видел уже почти год, но точно знал – есть не сможет. Скрипя всеми суставами, он попробовал сесть, но только повалился на бок. Крайн фыркнул, вручил палочку Илке и, присев на корточки, принялся разгибать скукоженного Варку. Варка ожидал дикой боли, но несколько легких точных прикосновений,

и он смог не только сесть прямо, но и дотянуться до своей порции, с поглощением которой тоже не возникло никаких трудностей.

– Мы приехали? – поинтересовался Илка, покончив с едой и тщательно облизав пальцы.

– Нет. Часа через два рассветет, тогда двинемся дальше.

– Мы гонимся за кем-то?

– Нет. Но возможно, скоро будут гоняться за нами, – спокойно сообщил крайн.

– Умеете вы утешить, – пробормотал Илка.

– Попробуйте поспать. Завтра вряд ли удастся.

Илка послушался, свернулся клубком поближе к костру, натянул воротник старой лицейской куртки на уши и принялся прикидывать, что же им грозит завтра. Ближайшее будущее выглядело печально.

Варка ложиться не стал. Ляжешь, потом вставать придется, а он очень сомневался, что будет способен встать. В потрескивании сосновых веток, которые крайн время от времени подбрасывал в костер, Варке все еще слышался стук копыт, упругий ритм их бешеной скачки. Мышцы тупо ныли, но в теплом воздухе, поднимавшемся от огня, разболелась еще и вся левая половина лица. Варка ощупал ее, коснулся разбитой скулы, все вспомнил и с ужасом уставился на крайна, сидевшего по другую сторону костра. Илка спит, можно говорить свободно...

– Это правда?

– Нет, – тут же ответил крайн.

– Что нет?

– А что правда?

– Правда, что вы – мой отец? – выдавил из себя Варка.

– Это тебя радует или печалит?

Варка, ничего не ответив, опустил голову.

– Так вот, я уже сказал – нет. Неправда. Это горе меня миновало.

Варка старался сдерживаться, но громкий вздох облегчения вырвался сам собой.

– А зачем вы тогда дядьке Валху...

– Твое простодушие меня умиляет. Неужели все надо объяснять?

– Надо, – твердо сказал Варка.

– Ну, хорошо. Если уж не удалось скрыть наше существование, пусть думают, что нас много и мы сильны.

– Кого это «нас»?

– Крайнов. Попробуй взглянуть на это дело глазами дядьки Антона или того же Валха. В замок вернулся Рарог Лунь, крайн, как известно, не из последних. Вернулся не один, а привел с собой множество других крайнов, прекрасных и мудрых. Сидит на Крайновой горке уже с зимы, никуда уходить не собирается, и наследник у него имеется. Похож как вылитый.

– Да, лихо, – пробормотал Варка, вспомнил своих товарищей по несчастью и, не выдержав, глупо хихикнул. Тоже мне, пресветлые крайны.

Илка, которому так и не удалось заснуть, завистливо вздохнул, оценив всю красоту замысла. Теперь уже никто не посмеет чинить препятствия крайнам из опасения столкнуться с их совместной мощью. Сквозь сомкнутые веки он разглядывал то Варку, то Крысу. Огонь между ними хорошо освещал худые лица, прямые белые волосы, угловатые фигуры, склонившиеся над костром в одной и той же позе.

«Интересно, когда он соврал, – сонно подумал Илка, – тогда или сейчас?»

* * *

Крайн безжалостно растолкал их, когда небо лишь начало светлеть, а в лесу по-прежнему царил почти полный мрак. Молча влил в рот каждому по глотку забористой Петриной сивухи. После сивухи полегчало. Мир перестал казаться омерзительно сырым и холодным, а ноющие мускулы согласились подчиняться и даже позволили взобраться в седло.

Густые кусты, перемежающиеся с заполненными водой бочагами и колдобинами, мог называть дорогой только господин Лунь, очевидно, по старой памяти. Лет двадцать назад дорога тут, возможно, была. Но с тех пор колеи затянуло травой, между ними поднялись молодые березки и пышные заросли козьей ивы. Лошадям это не нравилось. К тому же, заеденные бодрыми утренними комарами, они то и дело норовили почесаться о ближайшее дерево. Роса, к рассвету скопившаяся на листьях, обильно стекала на штаны или, того хуже, прямо за шиворот.

Но рано или поздно кончается все, и даже этот лес наконец кончился. Не так уж и долго они сквозь него продирались. Варка удивился, увидев, что до сих пор не рассвело. Только через все небо тянулись растрепанные розовые перья. Внизу лежала долина, до краев заполненная прозрачным туманом. Сквозь туман проглядывала петлявшая меж распаханых холмов белая дорога, которая не спеша вползала в деревню – бестолковое скопище черных крыш, заборов, навозных куч и оголенных по весне сеновалов. Местность Варка узнал, хотя бывал здесь всего два раза и то зимой. Горы подходили к деревне совсем близко. Три отдельно стоящих скалы вторгались в самую долину, три гигантских столба гладкого черного базальта. Сказок и поверий об этих столбах ходило множество, и большинство из них Варка услышал на столь памятной ему свадьбе.

– Столбцы, – сказал он. – Чего ж мы через лес перлись? Надо было по дороге.

– По дороге тридцать верст, а лесом – двенадцать, – снизошел до объяснения крайн.

– Чё, прям по пашне поедем? – спросил Илка, после спасения Антонова поля смутно чувствовавший, что топтать посевы как-то нехорошо. Зеленое поле начиналось у лесной опушки и тянулось вниз по склону до самой дороги.

– Нет, – отрезал крайн, – нам Столбцы без надобности.

– А куда нам надо?

– Туда.

Вороной жеребец скорым шагом двинулся по краю поля туда, где полоса дороги, обогнув столбы, ныряла в самую гущу тумана. Над туманом торчали крестообразные верхушки лиственниц, а еще выше вставали горы, мрачные ступенчатые утесы, в утреннем сумраке казавшиеся совершенно черными. Ни Конь-камня, ни Белухи, ни Трех Братьев отсюда видно не было.

Копыта чавкали по раскисшей пашне, Варка, покачиваясь в седле, клевал носом. Илка то и дело щипал себя за руку, чтобы не уснуть. Усталые лошади упрямылись, норовили свернуть в родимые Столбцы или вовсе остановиться.

Все же они достигли каменистой дороги и двинулись по ней прочь от деревни, все глубже погружаясь в плотный сырой туман. Стук

копыт звучал глухо. Туман гасил звуки и казался таким густым, что даже дышать в нем было трудно.

Варка едва мог разглядеть взерошенный хвост Илкиной лошади. Зато до напряженного слуха вдруг донеслось нечто такое, что парень едва не вылетел из седла. Померещилось, что ли?

– Эй, вы слышали? – тревожным полусшепотом спросил Илка. Где-то наверху, казалось, прямо над головами, громко плакал ребенок. Илка тут же вспомнил жуткие истории о призраках некрещеных младенцев и похолодел. Известное дело, сначала злосчастный путник слышит, как плачет ребенок, а потом из темноты протягиваются две огромные руки и утаскивают его вместе с лошадьёю напрямиком в ад.

Крайн спешился, повелительно махнул рукой. Туман поднялся серым занавесом, закачался вокруг широкими грязными полотнами. Открылась обочина дороги, усыпанная битым камнем, чахлые кусты вереска, а за ними – корявый сосняк, в котором деревья изо всех сил цеплялись за землю среди осыпей и валунов. Меж корней одной из сосен недалеко от дороги слабо дымили остатки костра. Рядом лежала куча хвороста. Нет, куча грязного тряпья. Куча плакала детским голосом, захлебывалась от крика.

Крайн, легко переступая с камня на камень, приблизился к кострищу. Варка не успел и глазом моргнуть, как грязная куча обернулась женщиной. Женщина как две капли воды походила на Петру, такая же серая и замученная. Впрочем, настолько грязной и оборванной Петра наверняка не была.

Илка расслабился. Зловещий плач получил свое разумное объяснение. Где женщина, там и ребенок. Никаких призраков.

– Не подходи! – каркнула бродяжка, и в голову крайна полетел острый камень.

Крайн увернулся, но дальше искушать судьбу не стал, присел на большой валун в некотором отдалении. Вид у него был как никогда мирный и благодушный. Женщина прижалась к сосновому стволу, свободной рукой подхватила второй камень. Ребенок, которого она прятала на груди под рваным платком, разорался с новой силой.

– Голодный, – мягко сказал крайн, – а у тебя молоко пропало. Тебе надо поесть.

– Убирайся!

– У меня есть хлеб и сыр, – спокойно сказал крайн, медленно разворачивая прихваченный с собой сверток.

При виде пухлых ноздреватых лепешек с аппетитной золотистой корочкой, переложенных толстыми белыми ломтями козьего сыра, женщина задрожала. Варка хорошо знал этот жадный тоскливый взгляд.

– Добрый господин, – прохрипела она, – уходите...

Крайн встал, выпрямился во весь свой немалый рост. Женщина, не отрывая глаз от еды, поспешно отступила за дерево. Ребенок захлебывался криком.

– Ты ведь не меня боишься.

Женщина отчаянно замотала головой.

– Он не с голоду орет, – прошептала она, отступая еще на шаг.

– А с чего? – мирно спросил крайн, неторопливо раскладывая еду на расстеленной тряпице.

– Поветрие на нас пало, – донеслось из-за дерева.

– Какое такое поветрие? – Терпению крайна, казалось, не было предела.

– Багровая смерть на нем.

Варка мгновенно натянул воротник до самого носа, руки убрал в рукава и легонько тронул лошадь коленом. «Надо бежать, – мелькнуло в голове, – хотя, может, уже поздно. Если зараза у них в легких – наверняка поздно. Надо же, как не повезло».

– Чего с ним такое? – спросил Илка.

– Багровая смерть, – сквозь зубы прошипел Варка.

– Чего-чего?

– Чума, придурок. Три года назад Грязовец-Приморский весь вымер, до последнего человека.

Илка съежился и тоже попытался спрятаться внутри своей одежды. Его конек шевельнулся и как бы сам собой двинулся вперед, унося всадника подальше от опасного места.

Крайн вздернул подбородок, выпрямился, почти касаясь головой серого полога тумана:

– Я – крайн Рарог Лунь Ар-Морран из серых крайнов Пригорья. Дай мне ребенка, милая, – шагнул вперед, повелительно протянул руки.

– Так, значит, правду говорят...

– Правду-правду. Не бойся. К крайнам поветрие не пристаёт.

«Врет, – сообразил Варка, – сам-то от антонова огня чуть не помер. Что ж это он делает, а? Я чуму лечить не умею. Да и никто не умеет. Чеснок, говорят, помогает. Лимонный сок еще. Только, по-моему, это вранье».

Женщина торопливо размотала рваный платок, распутала обернутые вокруг орущего существа грязные тряпки. Крайн в три шага преодолел разделявшее их расстояние и без малейшей брезгливости взял ребенка на руки. Плач немедленно прекратился. Зато господин Лунь лихо присвистнул.

– М-да... Тут я один не справлюсь. Идите сюда, господин травник, извольте взглянуть.

Варка захлебнулся ужасом. Самое правильное – унести отсюда с дикими воплями. Клятву травника он не давал, тетку эту в первый раз видит. Хорошо крайну, он только и думает, как бы помереть покрасивее. Варке помирать не хотелось...

Стиснув зубы, он соскользнул с лошади и обреченно направился к источнику смертельной заразы.

Младенец, сучивший ногами в вонючих пеленках, оказался пухлым и не таким уж маленьким, наверняка старше полугода. Все нежное тельце: подмышки, сгибы локтя, шею под подбородком – украшали страшные багровые вздутия. Варка, пытаясь унять дрожь в коленях, встал рядом с крайном, осторожно склонился поближе, стараясь не дышать, и вдруг хрюкнул. Попытался зажать рот рукой, но не удержался и заржал в голос.

– У тебя истерика? – прохладно осведомился крайн.

– Ну и шуточки у вас... Тоже мне, багровая смерть... Обычная красная почесуха. Я еще в детстве переболел. Могу с этим младенцем хоть целоваться. Только она у него странная какая-то. Сильная очень.

– Девочка с тонкой нежной кожей. Бывает.

– Девочка? А ну, да. Точно, девочка.

– Каковы же ваши предписания, господин травник?

Варка хмыкнул:

– Ну, можно вообще ничего не делать. Через неделю само пройдет. Можно собрать споры плауна болотного и все язвочки присыпать, чтоб не мокли и не зудели. Но это сложно. Проще – обыкновенную крапиву

в корыте запарить и купать ребенка три раза в день. Так это все знают. Чтоб почесуху лечить – травник не нужен.

– Почесуху?! – вдруг взвизгнула женщина. – Само пройдет, говоришь?! Я четвертый день иду, от людей шарахаюсь... корки хлеба за все время не проглотила... три ночи в лесу...

– Откуда идешь? – спросил крайн.

– Из Добриц. Дом сожгли... Из окна выскочила в чем была. Ставни запереть не успели, а гнаться за мной побоялись...

Варка присел на камушек и стал смотреть в небо. Ноги все еще дрожали, сердце глухо бухало о ребра, и все вокруг вдруг показалось необыкновенно милым. Туманчик такой симпатичный, мягонький, серенький... Сосны красивые, даром что немножко кривые... И камушек приятный, шершавенький, мох на нем растет, букашки какие-то ползают.

– Хороший народ у вас в Добрицах, – заметил он. Хотя особенно винить жителей Добриц не мог. В Липовце бы сделали то же самое. С багровой смертью не шутят.

– Народ хороший, – согласился крайн. – Тебя как зовут?

– Анна, – всхлипнула женщина, и Варка понял, что она совсем девчонка, чуть старше Ланки. И даже глаза как у Ланки, голубые с поволокой.

– Муж есть?

– Есть. В Трубеж на торг уехал. Сережки новые привезти обещал... Небось, вернулся уже, а там... Ой, я, наверное, домой пойду. Нам же теперь можно домой, правда?

– Живешь одна? Ни матери, ни свекрови?

– Одна. Сирота я. А муж...

– Посоветоваться, значит, не с кем. Кто первый крикнул, что на ребенка поветрие пало?

– Филиппа, подружка моя. Я напугалась, показала ей, а она...

– Что ж ты с этой подружкой не поделила? Ленту, запястье или, может, мужа?

– Ой!

Анна села прямо на землю и уставилась на него, разинув рот. Явно что-то вспомнила. Крайн нагнулся, положил ребенка к ней на колени. Отломил от лепешки корочку, сунул в пухлую ручку. Девочка довольно зачмокала.

– Вот что, Анна. Сейчас поешь и иди в Столбцы. Я дам тебе письмо к старосте. Расскажешь все как есть. Пусть пошлют гонца в Добрицы. Почесуха – штука заразная. Как бы они под горячую руку всю деревню не спалили.

Глава 10

Туман поредел, дорога бежала под гору, и крайн снова погнал усталых лошадей, на этот раз нисколько их не шадя. Минут через десять поравнялись с Илкой. Варка, держась позади крайна, скорчил рожу, будто удавленник, и притворился, что хочет вцепиться в Илку скрюченными руками. Илка, усердно делавший вид, будто ничего не случилось, отшатнулся и едва не вылетел из седла. Все было как всегда: прекрасный герой весь в белом, и он, Илка, трус и подлец. Хотя всякому ясно – приближаться к зачумленным никакой не подвиг, а просто глупость.

В довершение всего Варка прямо-таки лучился самодовольством, будто в одиночку справился со смертельной болезнью. Никакой болезни, собственно говоря, не было. Но об этом он почему-то забыл.

Лошади летели по крутому спуску. К стуку копыт по каменистой дороге все яснее примешивался какой-то посторонний звук, похожий на неясный, многократно усиленный шепот. Внезапный поворот, и впереди выросла горная стена, сотни толстенных черных столбов, составленных вместе. Из-за стены вырвалось утреннее солнце, хлестнуло по глазам, и Илка не сразу понял, что они несутся по краю обрыва, поняв же, едва удержался в седле. Давящую своей чернотой и огромностью гору отделяла от них обширная пустота. Что там, под обрывом, видно не было, лишь слышался шепот, гул, отдаленное рычание.

Неожиданно крайн придержал коня.

– А, вот и распутье.

Лошади стали. Дорога, по которой они пролетели над пропастью, была вовсе не такой узкой, как это виделось с высоты седла. Хорошая дорога, наезженная и удобная. У каменного креста из тех, что по всей стране ставили на распутье, она расходилась надвое.

– Нам куда? – спросил Илка.

– Не знаю. Вот это – дорога в Загорье. На север, вдоль реки, по склонам Белухи, через Ветреный кряж к Воротам Вьюги. Это будет первый перевал. Дальше Голец, Седло, и вы в Загорье.

Илка с умным видом кивал, стараясь запомнить полезные сведения. Варка легкомысленно озирался по сторонам. В Загорье его пока не

тянуло.

– А вон оттуда, через Козий брод и Волчью Глотку, сейчас идет с войском Сильвестр Адальберт, седьмой барон Косинский. Возможно, Волчью Глотку он уже миновал, хотя к Козьему броду мы, как видите, успели раньше. Настроен господин барон весьма серьезно. Он желает получить пригорские земли до самого Трубежа и заселить их своими людьми. Здешние жители, по его мнению, слишком избалованы крайнами и понятия не имеют о настоящей покорности.

– А местные куда денутся? – не понял Варка.

– Ну... как бы тебе объяснить, чтобы не ранить твою юную неокрепшую душу...

– Не может быть.

– Еще как может, – пробормотал Илка, – историю надо знать.

– Так вот, у вас есть выбор. Либо в Загорье, либо к Волчьей Глотке.

– А вы?

– У меня выбора нет.

– Погодите-погодите, – замотал головой Илка, – вы что же, передумали? Хотите защищать этих... которые хуже навозных червей, которым человека убить – раз плюнуть, которые со страху детей жгут живьем, которые всех вас однажды уже предали.

– Я крайн. Мои крылья служат мне, пока я им верен. А верность крыльям предполагает поступки не всегда для меня приятные.

– Так у вас же нет... – начал Илка, чувствуя, что снова влип и надо срочно выкручиваться.

– Заткнись! – рывкнул Варка и тише добавил: – Я с вами.

– Могу я узнать, почему? – холодно спросил крайн.

– Моя жизнь принадлежит вам, – отрапортовал Варка и улыбнулся нахально.

– Сегодня она мне не нужна.

– Да ладно врать-то. Воевать против целой армии вы не можете, сами говорили. Никакой боевой магии крайнов не существует. Значит, вы что-то замыслили и мы вам нужны. Очень. Дело не безнадежное, иначе вы бы нас с собой не взяли. Заперли бы замке и вся недолга. Я прав?

– Да, – сказал крайн и тронул жеребца, направляя его к крутому спуску, в конце которого шумел, бился о камни широкий, белый от пены поток.

Варка довольно ухмыльнулся и последовал за ним, беспечно не замечая опасной кручи и несущейся внизу ледяной воды.

Илка остался на распутье. Ну вот, теперь эти двое отправились отражать атаку целой армии. Должно быть, это у них семейное. Крылья есть – ума не надо.

Он посмотрел на дорогу, ведущую в Загорье. Тащиться туда через три перевала без еды и подходящей одежды – тоже глупость. Самое разумное – вернуться в замок, отсидеться, пока то да се. Должен же кто-то и за курицами присмотреть.

Тут он живо представил, что ему скажут эти самые курицы, когда он вернется один. Ладно, можно соврать, что это по приказу крайна. Но ведь не поверят. Фамка не дура, ее не обманешь. Позориться перед убогой... А Жданка может и глаза выцарапать. Оба. Левый за Варку, а правый за господина Луня. Ланка же...

Илка подумал-подумал, осторожно слез с седла и повел лошадь вниз, к Козьему броду. Слететь через голову своего скакуна прямоком под его же разъезжающиеся на камнях копыта ему не хотелось. Крайн искоса поглядел на него, но ничего не сказал.

* * *

Козий брод одолели верхами. Вода едва прикрывала копыта, но течение было таким сильным, что пешего валило в одну минуту.

За рекой крайн велел спешиться.

– Дальше конному пути нет, – пояснил он.

Спутанные лошади, которым вся эта суета давно опротивела, мирно паслись на неширокой полоске травы у воды.

– Что, совсем нет дороги? – удивился Варка, у которого по-прежнему все болело. – Мы же вроде спешим.

– Дорога есть, – сказал крайн, забрасывая на плечо переметную суму, – но нам она не понадобится.

Широкая ровная дорога, шедшая по дну ущелья вдоль русла пересохшего потока, храбро врезалась в толщу горной стены. Но пройдя по ней скорым шагом не больше версты, крайн свернул на еле заметную тропку, которую, по мнению Илки, мог проложить только полный безумец. Такая узкая, что и двоим не разойтись, она тянулась все выше и выше, петляя между угольно-черных скал, или пролежала по карнизу, составленному из ровно, будто пилой срезанных вершин

базальтовых столбов. В иных местах приходилось просто карабкаться, изо всех сил хватаясь за раскаленные камни. Солнце палило немилосердно. Нигде ни деревца, ни травинки... Лишь иногда по пути попадались какие-то колючки, по весне нежно-зеленые и даже пытавшиеся цвести. Да кое-где в трещинах, цепляясь за жизнь, трепетали лепестками алые горные маки.

Серый песок, черные скалы, колеблющиеся столбы горячего воздуха над ними. Илка чувствовал себя ужом на сковородке. Куртку пришлось снять и обвязать вокруг пояса, глаза слезились, в горле жгло, будто его забили едучим перцем. В довершение всех несчастий крайн попытался идти как по ровному, то есть почти бегом. Правда, при этом то и дело бурчал себе под нос. Мол, ему всегда казалось, что законы против горных разбойников слишком строги, а теперь он в этом уверен: хождение по такой тропе само по себе хуже всякой казни.

Все это продолжалось очень долго. Илка устал до такой степени, что солнце виделось ему черным упругим шаром, то и дело с силой бьющим по черепу. Варка тоже дышал как загнанный, а крайн все время хватался за раненый бок.

– Так, – неожиданно выдохнул он, остановившись в щели между грудой беспорядочно сваленных обломков породы и утесом, вершина которого терялась в небесах, – кажется, это здесь.

– Кажется? – испугался Илка, давно решивший, что они заблудились. Утес, возле которого остановились три путника, ничем не отличался от всех прочих. – Вы что, здесь никогда не ходили?

– Я здесь летал, болван! – Крайн закашлялся и, уронив сумку к ногам, извлек из нее фляжку с водой.

Пять минут все сидели в душной тени между камнями, передавали друг другу фляжку. Вода очень быстро кончилась, и вместе с ней иссякло терпение крайна.

– Ну что, отдохнул? – вопрос был обращен к Варке.

– Нет, – честно сказал Варка, но крайн, покопавшись в сумке, уже завязывал вокруг его талии тонкий прочный шнур.

– Туда залезть сможешь?

Варка, задрав голову, осмотрел корявый, весь в сколах и трещинах бок утеса.

– Докуда залезть?

– Доверху.

– А что там, наверху?

– Лучше, чем здесь. Тебе понравится.

– Щас, – сказал Варка, – еще минуточку.

– Там вода, – искушающе прошептал крайн, – целый водопад. Хочешь – пей, хочешь – купайся.

Варка вздохнул и начал снимать башмаки. Отвязал от пояса куртку, подумал и стащил через голову рубашку. Перетянул покрепче волосы, чтоб не мешали, и, почесав нос, шустро полез вверх.

Илка от зависти даже поморщился. Хорошо хоть, прекрасный принц дома без рубашки не ходит. А то бы курицы вовсе ума лишились. Крайн тоже глядел на костлявого бледнокожего Варку и тоже морщился. Однако, похоже, по другой причине.

* * *

Сначала Варка лез бодро, хотя скала при каждом прикосновении обжигала и солнце пекло беззащитную спину. Сам по себе подъем был не таким уж трудным. Всегда было куда поставить ногу или за что зацепиться. Иногда он почти шел по наискось выступающей жиле или удобному сколу. Потом на пути вверх встретилась широкая трещина, в которой он решил немного передохнуть. Уселся, удобно опершись спиной и коленями, прикрыл глаза. Это оказалось ошибкой. Тело, над которым жестоко издевались уже второй день, внезапно взбунтовалось. Живот свело до потери дыхания, ноги согнуло жесточайшей судорогой. Варка уперся лбом в стену расселины и тихо завыл.

Сквозь невольные слезы он видел счастливого Илку, который, закрыв глаза, валялся в тенечке в позе неподвижного трупа и даже руки сложил на груди как покойник. Крайн же, который до этого сидел, расслабленно прислонившись спиной к камню, вдруг встрепенулся и вскочил, подняв к Варке белое пятно неразличимого с высоты лица.

«Что?» – громко прозвучало в Варкиной голове.

«Больно, – одними губами прошептал Варка, – не могу больше».

Ни ножа, ни булавки у него не было. Из последних сил он впился в ногу ногтями. Не помогло.

– Пой!

Варка удивился, почему Илка не подскочил от жуткого вопля, и только потом понял: вопят тоже у него в голове.

– Чего? – шепнул он.

– Пой. Вслух. Громко.

– Да не могу я...

– Погибнешь.

– Не могу... – Конечно, погибнет. Человек, у которого все так болит, жить не может.

– Оставлю после уроков и двадцать строк из Верноподданного Варавия наизусть.

Угроза была страшной. Уплывающее сознание всколыхнулось, как вода в стоячем болоте. Оставит. Это он может. Крыса все может. Не слушаться – себе дороже. Опять вызовет мать и начнет ее мучить... Мать...

*Баю-баю-баиньки,
Спи, галчонок маленький...*

Орлан, гордо паривший над Косинским кряжем, заполошно забил крыльями и перепуганной курицей в панике устремился в родное гнездо. О людях он был не особенно высокого мнения, но такие звуки – это слишком даже для них.

*Баю-баю-баюшки,
Спи, мой белый зайюшка...*

Варка лез и цеплялся, подтягивался и лез. Слова колыбельной рвались из горла на хриплом выдохе, и вместе с ним, точно выводя мелодию, пел чужой, невысказанно прекрасный голос. Пел или только звучал в ушах...

*Баю-баю-баюшки,
Не ложись на краюшке...*

Хорошо, что колыбельная такая длинная. И уступ на этот раз хороший попался, широкий. Навалившись животом, Варка вполз на приглянувшийся уступчик и боком скатился в мягкую траву. У самого лица заиграли алые сполохи. Маки.

Только не разлеживаться... Боль не то чтобы прошла. Всего лишь отступила, коварно притаилась где-то внутри. Он подтянул под себя колени, медленно поднялся.

Впереди было небо. Очень много яркого неба, в котором одиноко сияла вершина Белухи со всеми ее странно близкими снежными

полями и ледопадами, рассеченными гребнями голых скал. В отдалении цеплялись за облака три острых пика – Три Брата.

– Эй, ты там не помер? – спросили внутри головы.

– Нет еще.

– Тогда тяни.

– Чего тянуть-то? А, ну да...

Кругом торчали скалы, все те же обломки каменных столбов, но между ними буйно росла трава, и места было довольно, чтобы пасти небольшое стадо коз. Варка отвязал от пояса шнур, для надежности перебросил его через подходящий камень и стал тянуть. К концу шнура оказалась привязана сумка крайна, а к сумке – конец толстой веревки. Веревку Варка закрутил вокруг того же камня, а свободный конец пропустил за спиной и уперся покрепче, на всякий случай.

– Давайте! – заорал он.

Веревка задрожала, натянулась, и довольно скоро рядом оказался очень недовольный крайн. Без долгих слов он закатил Варке такого «леща», что в глазах опять потемнело.

– За что?! – взвыл Варка.

– За то! «Не могу... не могу...»

– А зачем вы меня чумой пугали, – не остался в долгу Варка, – я, может, от этого ослабел и последних сил лишился.

Но крайн с ним спорить не стал. Перегнувшись через край, он призывно махнул рукой.

– Не, – сказал Варка, – его вытаскивать придется. У него руки слабые, и высоты он боится.

– Стало быть, крыса за окошком – тоже твоих рук дело? Тр-равник! Животных мучаешь. Гадость какая.

– Я ее не мучил. Она дохлая была! – обиделся Варка.

– А дохлая крыса – не гадость?

Пока пререкались, вытащили Илку, которого после подъема все тянуло полежать на травке. Но крайн это стремление безжалостно пресек.

– Давайте, давайте, уже недолго осталось.

* * *

Место было чудесное. Каменная чаша, до краев наполненная травой, ползучим шиповником, трепетом горных маков, шумом

прохладного ветра и бегущей воды. С одной из стенок чаши водопадом срывался ручей. Но крайн к воде не пошел. Бросив сумку, он бегом кинулся к противоположному краю, вскарабкался на нависшую над ним скалу и замер, силясь рассмотреть что-то внизу. Встревоженный Варка, на ходу хлебнув из ручья, присоединился к нему. Илка, ворча, полез следом.

– Вот они, Волк-камень и Волчья Глотка, – сказал крайн, хватая ртом прохладный воздух.

Варка осмотрелся. Площадка, на которой они стояли, словно нарочно была создана для того, чтобы бросаться с нее, раскинув широкие крылья. Видно было очень далеко: слева и справа зловещая круговерть острых вершин, хребтов и гребней; позади – старая знакомая, ледяная Белуха, впереди – бесконечный простор, голубая дымка и в ней – отдаленные пологие склоны. Но крайн смотрел вниз. Варка тоже заглянул через край площадки и понял, почему Илка вдруг лег на живот и уцепился руками за траву. Внизу, прямо под ними, не так уж и глубоко, вилась, лепилась к скале знакомая белая дорога, по которой легко проехали бы в ряд десять конных. Но дальше, рядом с дорогой, чернела пропасть. Взгляд падал вниз в бесплодных попытках зацепиться за зеркально-гладкую поверхность сброса на той стороне, но не достигал дна. Широкая ровная полоса битого щебня с каменистыми отвалами и поросшей чахлой травкой обочиной казалась всего лишь ниткой, случайно приставшей к телу горы.

Она стекала вниз, извиваясь, сползала в голубую дымку, к холмам долины, пустая и мирная. Никаких вражеских войск, никаких телег и одиноких всадников.

– Хватит прохлаждаться, – внезапно заявил крайн, – время дорого.

– Хватит? – удивился Илка. – Так мы еще и не начинали.

Но крайн, не слушая его, шагнул в сторону, раскачав, толкнул вниз повисший над осыпью камень. Камень покатился, загрохотал, увлекая за собой товарищей по несчастью, и, вздымая облака пыли, обрушился на дорогу.

– Давайте, трудитесь. Этот, этот и еще вон тот.

– Что ж мы все голыми руками, – пробурчал Варка спустя полчаса, – давайте, может, круг какой построим или еще чего.

– Человек! – выругался крайн. – Учишь его кругу Созидания, а он только и думает, как бы применить его для разрушения. Вот этот

давайте еще спихнем. Ну-ка, все вместе, раскачали и толкаем...

– Это уже не камень... это уже целая скала...

– Ну же! Мужчины вы или нет?!

– Мы – дети, – пропыхтел замученный Варка, – несовершеннолетние.

– Ребенок, – хмыкнул Илка, – правильно говорит дядька Антон, на тебе пахать можно.

– А на тебе – навоз возить.

Волчья Глотка наполнилась пылью и грохотом, многократно усиленным гулким эхом. Не стоит кидаться камнями, стоя на «живой» осыпи. Вниз катились громадные обломки, съезжали целые пласты породы. Склон рушился, оседал, тонул в поднимавшейся снизу пылевой туче. Илка и Варка замерли, молча глядя на дело своих рук.

– От края отойдите, – посоветовал господин Лунь, – вниз нам еще рано.

Когда пыль рассеялась – дороги не было. Завал громоздился чуть не на сотню саженой, огромный и страшный, как сбывшийся кошмар.

– Вот так, – сказал крайн, – сразу видно: день прошел с пользой.

И тут все увидели, что уже вечер.

* * *

Они пили неотрывно, жадно, давясь и захлебываясь, пили до ломоты в зубах, до озноба, потому что вода в ручье была ледяной. Потом крайн долго мылся у водопада, а Варка с Илкой валялись на траве, голодными глазами сверлили пухлую сумку, в которой, как известно, была еда.

Еды оказалось до смешного мало. Один круглый хлебец черной муки, раскрошившиеся остатки сыра и полторы ватрушки. Знакомство с незадачливой Анной оставило их почти без ужина.

– Ничего, – бодро сказал Илка, которого отсутствие противника привело в хорошее настроение. – Без завтрака обойдемся, а в обед уже в Столбцах будем.

– Не будем, – разрушил его мечты крайн, – мы же спешили на свидание с господином бароном. А он, как видишь, запаздывает.

– Что ж, так и будем тут сидеть, ждать?

– Ждать, я полагаю, осталось недолго.

– Да зачем? Дорогу мы хорошо завалили, другого пути нет.

– Завал можно разобрать, народу у него хватит. Можно также пустить пластунов-пехотинцев прямо через завал или провести пехоту разбойничьими тропами. Следует раз и навсегда дать понять господину барону, что вторжение на землю крайнов встанет ему очень дорого. Так что придется сражаться. Защищать наши дома и наших женщин.

– Каких еще женщин, – удивился Варка, – куриц, что ли?

– Да уж какие есть. Ты против?

– Я за. Кстати, смотрите, чего я умею.

Варка крестообразно взмахнул руками, и между пальцев у него повисли длинные серебряные иглы. Илка завистливо присвистнул.

– Молодец, – похвалил крайн, – я же говорил – это не трудно. А теперь ты будешь десять лет упражняться, чтобы они летели не куда попало, а куда надо.

– Да ладно, – хмыкнул Варка, – спорим, я щас влеплю вон в тот камень.

– Ложись, – рывкнул крайн и прыгнул, толкая на землю Илку. Три иглы воткнулись в костер, четвертая пропорола переметную суму, пятая и шестая до смерти перепугали птичье семейство, устроившееся на ночлег в любимом кусте. Судьба прочих осталась неизвестной.

– Спасибо, господин Лунь, – искренне поблагодарил бледный Илка, – а ты... я, конечно, знал, что мозгов у тебя нет, но...

– Сам дурак.

– Не отвлекайтесь, – академическим тоном заметил крайн, – опрометчивое поведение господина Ясеня напомнило мне о том, с какой целью я пригласил вас составить мне компанию. Завтра нам понадобится серьезная защита. Вы знакомы с «кругом» и «цепью». Сегодня я научу вас строить «щит».

– Как сегодня?

– За один вечер?

– А если мы не научимся?

– Тогда меня убьют.

– Почему вас? – удивился Илка. – Вы-то, небось, умеете.

– Нельзя поставить щит для себя. Только для кого-то другого. Например, я защищаю Ивара, Ивар меня. Но поодиночке каждый из нас беззащитен. Конечно, проще быть щитом того, к кому ты привязан. Кого вы хотели бы защищать, господин Илм?

– Вас, – не задумываясь сказал Илка. В этом была своя правда. Крайн его просто раздражал, а Варку он ненавидел с раннего детства.

– А вы, господин Ясень?

Варка задумался. Илку он знал как облупленного и давным-давно привык к его занудству и бесконечным подначкам. Защищать его было бы вовсе не трудно. Крайн же... Варка и сам не знал, как к нему относится. Никакой нежной дружбы или сыновней привязанности он не испытывал... Но защищать стал бы. До конца.

– Да мне все равно, – сказал он растерянно.

– В таком случае, снисходя к вашей неопытности, предлагаю стратегию тройного щита. Вы защищаете меня, а я вас. Встаньте.

Парни, кряхтя, поднялись. На Варкино плечо легла тяжелая рука.

– Я твой щит.

– Я твой щит, – повторил Варка, осторожно кладя руку на плечо крайна.

* * *

Со щитом провозились почти до заката. Варка ставить научился почти сразу, но удержать, разняв руки, никак не мог. Илка с самого начала был уверен, что у него ничего не выйдет, пока крайн не прошептал ему на ухо:

– Представь ее на моем месте.

Илка напрягся, представил, да так хорошо, что его щит не смогли прошибить даже Варкины неуправляемые иглы.

В конце концов, когда на поляну пала тень Белухи, крайн заявил, что с него хватит, наломал в кустах хворосту, разжег костер и оценивающе оглядел Варку:

– Ты, иди мыться.

– Холодно уже.

– Ничего, потерпишь. С утра будет еще холоднее. Уши, шею, голову обязательно, руки... м-да, руки у тебя... Ну ничего, на то есть перчатки. Вот тебе чистая рубаха. Причесаться не забудь. Утром наденешь еще это и вот это.

– Ух ты. А это зачем?

– Прикрыть твои драные коленки и потертую задницу. Теперь ты... с тобой надо что-то делать... А ну, иди сюда.

Это прозвучало весьма зловеще. Илка приблизился нога за ногу. Крайн тем временем извлек из сумки здоровенный деревянный гребень из тех, какими вычесывают лошадей. Подумав, добавил к нему гребешок поменьше и маленький флакончик. В воздухе навязчиво запахло фиалками.

– Чего это? – осторожно спросил Илка.

– Садись. Причесывать тебя буду. Сроду этого не делал, но больше некому.

– Нет, – твердо возразил Илка, косясь на гребень.

– Ты же хотел быть как он, – крайн кивнул в сторону Варки.

– Ну, хотел.

– Сейчас будешь.

* * *

Ночью, когда луна скрылась за Тремя Братьями и измученные обормоты мирно спали, он снова поднялся наверх. Самому ему спать не пришлось. Нужно было кое-что приготовить для завтрашней встречи с господином бароном. Что ж ты творишь, Рарка Лунь? И главное, ради чего? Надо было хватать в охапку подкидышей и бежать в Загорье. И не важно, открылись перевалы или еще закрыты. Пробрались бы как-нибудь. Рисковать собой – куда ни шло, но прикрываться детьми...

Далеко-далеко, на дне долины, на топких берегах озера Долгого сияли огни. Много огней. Лагерь господина барона. Войско. Армия. Здесь одним замковым гарнизоном не обошлось. Всех мужиков, должно быть, согнал. Завтра, еще до полудня, они будут здесь.

Глава 11

Воздух в Волчьем ущелье гудел, как кожа на барабане. Шарканье ног, топот копыт, стук колес сливались в тяжелый гул, с каждой минутой становившийся все громче и громче. Сильвестр Адальберт, седьмой барон Косинский, приказал выступать еще до восхода солнца, по холодку. После полудня, по его расчетам, авангард войска должен был пройти Волчью Глотку. В авангарде шла конница, отборный отряд, ходивший с бароном и в Поречье, и под Белую Криницу. За ними тянулась пехота, рекруты, которых предусмотрительный барон набрал еще прошлой осенью и обучал всю зиму. Шли весело, с флейтистом и барабанщиком, с утра даже орали песни, но теперь притомились. Долгий подъем измотал и конных, и пеших. Замыкала колонну снова конница, часть личного войска барона, чтобы глупые мужики ненароком не разбежались. Сам барон, которому не хотелось глотать пыль, скакал впереди, у развернутого знамени. Сильный прохладный ветер, стекавший с гор, раздувал черное полотнище с баронской короной и алыми стрелами. Трепетали золотые вымпелы, топорщились алые перья, сверкали начищенные кирасы и шлемы. Первое время никаких боев не предвиделось. Военной силы в Пригорье не было. Господин барон знал это совершенно точно от проверенных лазутчиков, которые почти два года наводняли Пригорье. Городская стража в Трубеже, городская стража в Бренне – и это все. Сражаться придется позже, со старым Вепрем. Вот ведь, одной ногой в могиле, а своего не упустит.

Двигались быстро. Дорога, проложенная, говорят, еще крайнами, была хороша. Широкая, ровная, безопасная. Наследство легендарных летунов: мосты и дороги, на диво высокие урожаи, ухоженные сады, древний Трубеж, богатая Бренна... Ходят слухи, там и золото где-то имеется: заперто, замуровано на Крайновой горке. Правда, пригорские мужики все как один бормочут о каком-то проклятии. Проклятий барон не боялся. Ну а чтоб вскрыть то, что замуровано, закуплен дорогой порох. Аккуратные мешочки, укутанные в рогожи, трясутся в обозе вместе с пищальями.

Погруженный в бодрые, приятные мысли, господин барон даже не заметил, как миновал последний поворот перед Волчьей Глоткой.

Очнулся он оттого, что тысячник Андреш, скакавший по правую руку от него, присвистнул, а тысячник Стомаш, скакавший по левую руку, выругался столь длинно и замысловато, что даже привычные ко всему боевые кони вздрогнули.

Господин барон, грубо сброшенный с небес на землю, все же не растерялся.

– Стой! – приказал он. – Объявите привал.

«Стой-стой-стой», – понеслось вниз по ущелью.

Пока командиры передавали приказ все ниже и ниже по дороге, пока разогнавшееся войско останавливалось с лязгом и грохотом, барон оценил размеры несчастья. Завал громоздился впереди, неожиданный, не учтенный ни в каких планах. Не кучка камней, которые, бывало, скатывались здесь по весне, подмытые тальми водами, а стена куда выше человеческого роста. Волчья Глотка была закупорена намертво.

Барон, поджав губы, поднял руку в черной перчатке. Сзади поспешно подбежали пластуны-разведчики, десяток молодцов, частично набранных из горных разбойников. Привычным движением кисти барон послал их к завалу. Требовалось решить, удастся ли разобрать его, или придется отыскивать обходные тропы, временно отказавшись от обоза и конницы.

– Не губите людей, господин барон, осыпь еще опасна.

Хрипловатый, но громкий голос, отразившись от гладкого бока Волка-камня, разнесся по всему ущелью. Господин барон поднял голову. На уровне его лица маячили изумительной выделки сапоги до колен. Три пары. Тонкая как шелк серебристая кожа облегла весьма стройные ноги, стоявшие в ряд на плоском скальном обломке. На коже ни пылинки, ни царапинки, будто обладатели сапог не шли сюда по пыльной горной дороге, а явились по воздуху.

Сознавая, что тыкаться носом в чужую обувь унизительно, барон поспешно отъехал назад и остановился, сохраняя на лице выражение каменного достоинства, хотя глухой ропот за спиной подсказывал, что в его войске это удалось далеко не всем.

– Лопни мои глаза, крайны! – высказался кто-то из пластунов.

Барон не мог не признать, что он прав. Три крайна, омытые ветром, облитые ярким солнечным светом. Кольчужные рубахи сверкают, атласные плащи развеваются, драгоценные камни на поясах и раструбах перчаток швыряют в глаза острые радужные лучи. Один – впереди, видимо главный, двое других – чуть сзади.

– С кем имею честь? – сухо произнес господин барон, делая знак пластунам продолжать движение.

– Рарог Лунь Ар-Морран, старший крайн.

Немолод, худ, будто год постился, высокомерен до того, что даже не смотрит на собеседника. Сразу видно, не человек. У людей таких нездешних лиц не бывает.

– Мой сын, Ивар Лунь Ар-Морран.

Невероятный красавец по правую руку. Белые волосы летят по ветру, в нахальных синих глазах – насмешка. Губы слятся удержать улыбку. Смешно ему. Это обозлило барона гораздо больше, чем ледяная надменность старшего.

– Мой племянник Илия Лунь Ар-Морран.

Тоже юный красавец, только в другом роде. Тяжелые кудри темного закатного золота, холодное правильное лицо. Мрачен как ночь. Вместо поклона лишь слегка дернул подбородком.

Крайны, чтоб им пусто было...

* * *

Тесные сапоги жали так, что ни о чем другом Илка думать не мог. Даже сообщение о том, что он – племянник, не слишком его потрясло. Тот крайн, которому проклятая обувь принадлежала раньше, возможно, вообще редко пользовался ногами, но Илка твердо стоял на земле, и стоять ему было больно. От боли он даже забыл, что надо бояться. Хотя бояться, ясное дело, следовало. Насколько позволяли видеть изгибы дороги, к Волчьей Глотке тянулись войска. Ряды конных, копейщики, алебардчики, крытые телеги, стрелки с пищалями.

Двое мальчишек и крайн-калека против целой армии. По сравнению с этим их зимний поход в Липовец – верх благоразумия. Тогда у них хоть оружие было. Илка покосился на Варку. Варка ухмылялся углом рта. Точно так же он ухмылялся в лицо Андресу и его шобле. Значит, тоже боится. Но виду не показывает. Стоит как велено, с прямой спиной, и даже не моргает. Щит держит. Герой. А между тем пластуны уже у завала. Карабкаются ловко, споро, надеются обойти сверху, по осыпи. Интересно, крайн видит их или нет?

* * *

– Весьма польщен, – счел нужным поклониться барон Адальберт и, сдав еще немного назад, вполголоса отдал ряд приказаний. Конные замерли, между ними быстрым шагом двинулись стрелки. Сзади закрипела телега. К несчастью, порох понадобится прямо сейчас.

– Направляетесь на прогулку? – светским тоном поинтересовался крайн.

– Скорее на охоту, – улыбнулся барон.

– О! – поднял тонкие брови крайн. – Напомните мне, по какому соглашению баронам Косинским дозволяется охотиться на нашей земле.

– Если вы настаиваете, – еще шире улыбнулся барон, – мы можем заключить такое соглашение прямо сейчас.

«Их не может быть много», – размышлял он. За все три года, пока он вел разведку, готовясь к захвату Пригорья, о крайнах не было ни слуху ни духу. И вот, явились. В самый неподходящий момент. Весьма неприятно. Кто их знает, что они могут, крайны-то.

– А пока, господа пресветлые крайны, я бы попросил вас покинуть это место. Для вашей же безопасности. Необходимо очистить дорогу.

– О да, господин барон. Очистить дорогу просто необходимо. Она до такой степени забита войсками, что и шагу ступить некуда. Впрочем, вам ведь стоит только приказать.

Господин барон в раздражении закусил ус. Господину барону было уже двадцать пять, возраст вполне солидный, но усы росли плохо. Была у него скверная привычка вцепляться в них как в якорь спасения.

Вот они стоят, неведомо откуда свалившиеся к нему на голову, чистенькие, свеженькие, спокойные. Земная грязь их никогда не

касалась, земные заботы их не волнуют. Нелюди крылатые. Где им понять человека, который три года готовился, копил средства, собирал и обучал армию, по бешеным ценам раздобыл порох и десяток отменных пищалей. Да что там, на одну разведку и составление точных карт Пригорья ушла почти треть всех годовых налогов баронства.

– Летели бы вы, господа пресветлые крайны, куда сами знаете, – мягко посоветовал он, – в небе места много.

«Хорошая мысль, – подумал Илка, – жаль, крыльев нету...»

«Щас, разбежался», – подумал Варка.

О чем подумал господин Лунь, осталось неизвестно, но со стороны опасного осыпного склона, куда один за другим карабкались пластуны, раздался вопль, потом глухой удар и еще один вопль. Затем все заглушил истошный крик: «Ой, ноги, мои ноги!» Варка моментально сообразил, что руки-ноги в отряде пластунов начали отказывать не без причины. Причина стояла, спокойно разглядывая господина барона. Варка не знал, надолго ли у крайна хватит сил держать щит и одновременно вразумлять зарвавшихся пластунов. Конечно, не хотелось бы, чтобы они зашли в спину, но...

– Я же предупреждал, господин барон, на осыпи очень опасно.

Знаменитая драконья улыбочка, которой сопровождались эти слова, подействовала на господина барона как красная тряпка на быка. Рыжий конь шарахнулся в сторону, рука в серой перчатке взметнулась вверх в привычном командном жесте. Конные осадили назад, пробежав между ними, впереди выстроились стрелки.

– Цельсь! Готовсь! Пли!!! – скороговоркой выдал Сильвестр Адальберт, барон Косинский.

Шеренга из десятка стрелков скрылась в пороховом дыму. По звуку, заматававшемуся в ущелье, барон понял: стреляли не все. У кого-то не поднялась рука на проклятых нелюдей. Но с этим разберемся позже. Господа крайны отлетались, теперь можно заняться делом. Кольчуги с поясами не забыть с них снять. Такие вещи на дороге не валяются.

Когда дым рассеялся, оказалось, что господа крайны стоят где стояли. Юный красавец справа взирал на стрелков с неподдельным интересом, юный красавец слева кривился, будто ему наступили на

любимую мозоль. Старший глядел поверх голов с выражением полного равнодушия.

«Нарочно мажут», – сообразил барон, жестом посылая вперед вторую шеренгу. Залп. С двадцати шагов промахнуться трудно, с десяти – почти невозможно. На крайнов стрельба почти в упор произвела не большее впечатление, чем легкий летний дождик. «Нарочно, нарочно мажут».

– Пищаль мне!

Заряженную пищаль подали мгновенно. Барон спешился, установил пищаль, тщательно прицелился в старшего, с удовлетворением заметил, что юные красавцы напряглись и заметно побледнели. Выстрел. Отдача едва не сшибла с ног. Господин барон готов был поклясться, что заметил кусочек свинца, отскочивший от невидимой преграды в двух пядях от груди, облаченной в сверкающую кольчугу. Приглядевшись, он обнаружил, что земля под злополучной скалой вся усыпана такими расплюснутыми кусочками.

«Пули не берут... Пули...» Ропот, прошедший, казалось, по всему войску, напугал его. Следовало кончать с этим, и кончать быстро.

– Копейщики, вперед! Снимите их оттуда.

Варка с Илкой как по команде уставились на крайна. Пули пулями, но пудовое копье в руках здорового ратника – дело иное. А уж когда на тебя несутся штук десять таких копий...

– Стоять, – почти без голоса прошептал крайн, – держаться.

В одну секунду Варка представил себе блестящий наконечник, снизу вверх входящий в тело крайна. Кольчуги у них были легкие, парадные. Не кольчуги, а так, видимость одна. Любую из них при желании можно было проткнуть вилкой. О том, что после гибели крайна немедленно доберутся и до него, Варка почему-то забыл.

Копейщики приближались грохочущей лавиной, в блеске начищенных доспехов, в колыхании алых перьев, в сверкании копий. Краем глаза Варка увидел, как Илка вдруг быстро развернулся к надвигающемуся ужасу задом, будто собирался бежать, странно вскинул руки. Над головой крайна вдруг что-то вспыхнуло, ослепляюще яркое, Варку несильно толкнуло в спину, справа на шее стало мокро и горячо, но тут пришло время встретить удар, который был так силен, что едва не сбросил его со скалы. Но Варка держал щит, держал за себя и за Илку.

Почти в сажени от завала разогнавшиеся копейщики врезались в невидимую стену. Ломаясь, хрястнули копья. Кто-то упал вместе с лошадей, кого-то на полном скаку выбило из седла, самого неудачливого отбросило так, что он, не удержавшись на дороге, сорвался в пропасть. Крайн вскинул правую руку, хищно стиснул кулак, и по осыпи, будто по снежной горке, напрямик в мешанину из бьющихся лошадей, человеческих тел и обломков копий скатились три пластуна.

«В спину били», – сообразил Варка. Его собственная спина внезапно начала зверски болеть, но он боялся смотреть, что там.

– Довольно! – непривычно ясным голосом сказал крайн, легко перекрывая крики раненых и ржание обезумевших лошадей. – Господин Адальберт Сильвестр, седьмой барон Косинский, по вашей вине погибли люди. Вы заслужили смерть.

Барон и рад был бы продолжить атаку, но к скале теперь было не подступиться. Крайн вытянул перед собой сведенные горстью руки. В пригоршне, потихоньку осыпаясь, лежал серый порошок, сухой и легкий как пепел. Резкий порыв ветра смел, развеял эту кучку, швырнул в лицо барону и его приближенным. Не успев задержать дыхание, барон вдохнул невесомый прах, и тут же ему показалось, что ворот камзола слишком давит на шею. Он поднял руку с носовым платком, чтобы стряхнуть с лица этот мерзкий сор, и увидел – на запястье набухает багровый волдырь. Рядом Андреш со стоном рвал непослушные крючки ворота. На его плотной белой шее под челюстью быстро росли такие же отвратительные вздутия.

– Теперь мы вас покинем, господин барон, – улыбнулся крайн, – и вы сможете наконец начать разбирать завал. Боюсь только, что воспользоваться плодами своего труда вы уже не успеете. И наследника у вас, кажется, нет. Нехорошо.

– Что это? – завопил кто-то из солдат.

– Именно то, о чем вы подумали, – с лицемерным сочувствием вздохнул крайн. – Увы, это неизлечимо.

– Чума, – отразилось от черного бока Волка-камня, заполнило все ущелье, и сотни голосов на дороге забормотали вразнобой «чума, чума, чума».

– Проклятье крайнов на нас! – завизжали сзади, и в следующий миг барон Косинский осознал, что войска у него больше нет, а есть

обезумевшая толпа, в которой каждый спасает только себя. Впрочем, для него это уже не имело никакого значения.

* * *

– Можно я сапоги сниму? – спросил Илка, с облегчением присаживаясь на край скалы.

Крайн привалился к торчащему камню, прикрыл глаза.

– Там небось опять острого железа набросали. Напорешься – лечи тебя потом. Ты мне лучше вот что скажи: как тебе пришло в голову повернуть щит?

– Ну, я знал, что нам будут пытаться выстрелить в спину.

– Откуда знал?

– Так это вроде разумно... Сам бы так сделал.

– Умник, – выдохнул Варка и начал медленно клониться вперед, словно вознамерился нырнуть со скалы рыбкой.

Крайн подхватил его, усадил рядом с Илкой. Из узкой, обтянутой кольчугой спины торчал короткий арбалетный болт.

– Ух ты, – поразился Илка, – ты помираешь или как?

– Не дожدهшься, – слабым голосом огрызнулся Варка, – хотя жуть как больно. Чего у меня там?

– Стрела, – просветил его крайн.

– Ого! А я думал, мне только ухо отстрелили.

– Ухо на месте. Ну, в основном. Ты все о шраме мечтал, теперь можешь радоваться. Будет у тебя шрам. Фу, кровящи сколько... Сейчас лечить не буду, сил никаких нет. Кровь запру, пока этого хватит. Не успел я тебя сзади прикрыть. Его успел, тебя – нет. Так что за это, – он без напряжения вырвал стрелу, швырнул на колени Варке, – благодари своего дружка. То, чем в меня метили, просто сгорело в воздухе. Честно говоря, никогда такого не видел. А твои долетели все-таки, но очень, очень ослабленные. Да и кольчуга помогла. Короче, у тебя там всего лишь синяк. Ну, может, еще царапина. Кстати, твой щит – тоже весьма и весьма... гм... не ожидал... даже из старших крайнов далеко не каждый смог бы... Интересно, то ли вы такие талантливые, то ли я – гениальный учитель? Или вы меня так сильно любите, а?

Варка с Илкой переглянулись, встревоженные его необычной болтливостью.

Он вдруг согнулся, точно борясь с тошнотой, с силой потер лицо ладонями.

– Всю жизнь забываю, что люди бьют в спину.

– Да ладно, – сказал очень довольный Илка, впервые в жизни оказавшийся в героях, – мы же победили, разве нет?

– Победили, – пробормотал крайн, разглядывая картину побоища.

Более десятка неподвижных тел, скорчившихся в самых неестественных позах. Кровь на искореженных доспехах, на сломанных перьях шлемов, на белых камнях дороги. Одна лошадь бродила в отдалении, волоча за собой запутавшегося в стремени всадника, другая, хрипя, билась у завала, не в силах подняться. Крайн спрыгнул со скалы, осторожно приблизился к ней, вытянув руки, прошептал что-то. Варке послышалось: «Беру твою душу». Как бы то ни было, несчастное животное умолкло, ноги в последний раз дернулись и застыли.

– Что, сын травника, нравится тебе наша победа?

Варка медленно покачал головой.

– Но мы же только защищались! – возмутился Илка.

– Да-да, я знаю. Убей, или убьют тебя. Выживает сильнейший. Умри ты сегодня, а я – завтра... Если враг не сдастся, его уничтожают... – монотонно, как затверженный урок, забормотал крайн.

– Мы защищали других, – неуверенно сказал Варка. Его мучило то ли от вида чужой крови, то ли оттого, что он потерял слишком много своей.

– Помните об этом, – мрачно посоветовал крайн, – когда вам доведется убивать снова. Но вы люди. Вам это дается легче.

Под стеной застонали. Один из сброшенных с осыпи пластунов пошевелился, пытаясь сесть.

– Не подходите к нему, – торопливо предостерег Варка.

– Ага, – подтвердил Илка, – стонет, а у самого нож за пазухой.

– У тебя правда нож за пазухой? – поинтересовался крайн, разглядывая разбитую физиономию солдата.

– За голенищем, – признался пластун, – не губите, пресветлый господин крайн. Чегой-то вы с нами такое сотворили? Ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Отпустите, сделайте милость.

– Ивар, стрелу!

Варка бросил ему арбалетный болт.

– Твоя?

– Нет, светлый господин крайн. Его это, Авдея. Только мне свезло, хорошо съехал, как на санках. А Авдей, небось, шею сломал.

– Я отпущу тебя. Но не потому, что я такой добрый и склонен прощать каждого, кто стреляет в моих детей. Мне нужен гонец. Отправишься к вашему барону и скажешь так: крайны, в своем бесконечном милосердии не желая губить невинных, на этот раз не позволят поветрию распространиться. Никто не умрет. Но если кто-нибудь с этой стороны попытается снова проникнуть в Пригорье, болезнь вернется, и тогда уж пощады не будет.

Глава 12

– Теперь за нас воюет малышка из Добриц.

Крайн сидел сгорбившись, опустив руки в воду, будто пытался смыть с них незримую кровь.

– Ну, вы даете, – хмыкал Варка, запихивая в сумку ненужные теперь плащи, кольчуги и драгоценные пояса, – а я-то все думал, зачем вы тот грязный лоскут от пеленки отодрали. Выходит, у них теперь вся страна будет в красной почесухе?

– Э... полагаю, да.

– А чего она страшная такая? И началось прям у всех сразу...

– Видишь ли, эти мелкие штучки, которые переносят поветрие, – тоже живые твари. И если их подкормить, поговорить по душам, научить уму-разуму... Почти всю ночь угробил на то, чтобы втолковать им, что мне нужно. Зачем тебе этот хлам? Нам еще полдня на голодный желудок по горам тащиться. Брось его здесь.

– Ничего себе, хлам, – возмутился Илка, – серебро с сапфирами. Аметисты, опалы. На сапогах и перчатках вообще алмазы чистейшей воды. Сам потащу!

– Тащи, мне не жалко, – обрадовался Варка, вешая сумку ему на плечо.

– А зачем опять по горам? – сразу заныл Илка. – Почему по дороге нельзя?

– Можно, – легко согласился крайн. – Но, кажется, с утра вы хотели есть.

- Ну и что?
- Так по дороге отсюда до Столбцов три дневных перехода.
- У-У-У!
- Пошли. До Козьего брода надо добраться до темноты.

* * *

На обратном пути они порядочно поплутали. Крайн, пытаясь срезать угол, вывел их к совершенно непреодолимой трещине глубиной саженой в сорок. Видите ли, с высоты птичьего полета такие мелочи совсем незаметны. Пришлось возвращаться, так что на дорогу они вышли уже в глубоких сумерках.

Покинув горную тропу, господин Лунь как-то сразу обессилел. Будто два дня его сжигала жестокая лихорадка, а теперь болезнь отступила, оставив после себя холодный пот и тошную неодолимую слабость. Во всяком случае, на Варкин наметанный взгляд это выглядело именно так.

В конце концов господин Лунь вознамерился прилечь прямо на дорогу, твердя, что сделал все, что мог, и никто не смеет требовать от него больше, а теперь ему хочется только одного – умереть спокойно. Варка, однако, умирать ему не позволил. Кряхтя и вздыхая, закинул его правую руку себе на плечи, рывкнул на Илку, который нехотя подставил свою спину под левую, и они с версту, до самой реки, почти тащили его на себе как раненого с поля боя.

Когда добрались до брода, совсем стемнело. У кромки воды парни опустили крайна на влажную гальку и принялись озираться в поисках лошадей. На свист и призывные крики они почему-то не откликались. Должно быть, все заглушал ропот реки, не умолкавший ни днем, ни ночью. Варка нагнулся зачерпнуть воды, чтоб напиться, а когда выпрямился, было уже поздно.

Трое стояли справа и двое слева, еще один неспешно приближался со стороны дороги, по пути прихватив брошенную сумку. Тускло блестели белки глаз, зубы, обнаженные в скабранных ухмылках, цепь на голой груди у одного, крупная пряжка пояса у другого и лезвия ножей в небрежно опущенных руках.

– Э, – разочарованно присвистнул один из них, – доходяги. Опять нам не прет. С таких и взять нечего.

– Не скажи, – отозвался тот, кто возился с сумкой, – тяжелая, и звякает что-то. Похоже на серебро.

– Мы... – начал было Варка, но ни принять подобающую торжественную позу, ни договорить про крайнов ему не дали.

Собственно, его речи никого не интересовали. Ножи исчезли, Варку сбили с ног небрежным прямым ударом в лицо, а когда он попытался подняться, ловко заломили руки. Варка попробовал лягаться, но сил у него нынче вечером было маловато, и его жалкие попытки вызвали только радостное ржание.

– Ты глянь, еще дрыгается.

– Ничего, крепкий. Вяжи его. А ты, Мартын, второго. Горбун, если очухается, пусть ползет куда хочет, а за этих господин барон нам спасибо скажет. Сколько, гришь, он за голову обещал?

– Полмонеты за здорового рекрута.

– Продешевил ты. Королевский вербовщик даст больше.

– Королевский вербовщик эвона где. Иди, ищи его. А барон не сегодня-завтра здесь будет.

– Не будет он здесь, – простонал Варка, но на него опять не обратили никакого внимания, без всяких церемоний поволокли и ткнули лицом в прибрежную гальку. Варка захлебнулся кровью, хлынувшей из носа, и невольно брызнувшими слезами. Он был вещью, и цена ему была – полмонеты... Он, победитель, от которого еще утром бежала целая армия. Потому что эти ночные тени, пахнущие дымом костров и чесноком пополам с сивухой, были сильнее. Верно Жданка говорит, такие сильнее всех, потому что для них нет запретов. Все будет, как они захотят.

Разбойники, сноровисто вязавшие ему руки, слились у него в голове с людьми проклятого Стефана, с трубежскими стражниками, с баронскими стрелками, с теми, кто бил его как-то раз на дороге в Язвицы. Они сильнее, эти жизнерадостные здоровяки, всегда сытые и слегка пьяные. Намного сильнее, чем скромный отрок, сын травника, которому внушили множество благородных, но неудобных для жизни правил.

В голове вдруг стало светло и пусто, как в отцовской хирургической. Между пальцев без всякого напряжения возникли ледяные лезвия. До боли вывернув кисть, Варка полоснул по веревкам, вскочил и завертелся, как взбесившийся кот в стае голодных крыс.

Собственные руки мелькали, точно чужие, со свистом рассекая воздух. Краешком разума он еще помнил, бросать своенравные иглы нельзя, где-то там связанный Илка. Перед ним метались крепкие тела и широкие, искаженные криком лица. Попадал он по ним далеко не всегда, но судя по невнятным воплям и ругани, повисшей над Козьим бродом, кое-кого все-таки зацепил. Взмах правой оставил пять черных полос на чьей-то светлой рубахе, пространство перед глазами неожиданно очистилось. Варка увидел берег, полосу белевшей в сумерках пены и темное пятно – тело крайна. В три прыжка он оказался рядом. Мелькнула мысль – столкнуть крайна в воду, броситься самому, и пусть течение несет их куда угодно. Но тут справа выскочил Илка: глаза зажмурены, изо рта рвется истошный визг, но в каждой руке по тонкому сверкающему клинку.

– Я твой щит!

Они выкрикнули это, не сговариваясь, и, столкнувшись плечами, встали между набегавшими разбойниками и неподвижным крайном.

Растрепанные тени остановились, не решаясь приблизиться. Варка угрожающе качнул рукой с иглами.

– Бросайте железки, поговорим по-хорошему, – предложили тени.

– Песья кровь! Какого лешего ты их не обыскал! – простонали откуда-то сзади.

– Так не было у них ничего... Разве такое спрячешь?

– Все равно ведь заломаем, – убедительно сказал обладатель цепочки на шее. – Лучше вы сами. Тогда не убьем. Так, поучим только.

– Мы крайны из рода Ар-Морран-ап-Керриг! – Голос сорвался, и получилось не слишком убедительно.

– Кто-кто? – глумливо хмыкнула темнота.

– Ничего не выйдет, – шепнул Илка, – они не здешние.

– Ну ежели ты крайн, – продолжал издеваться некто невидимый, – тогда я – горный змей, подземный душитель. Бросай свои железки, все равно я круче.

– Щас брошу, – прошипел Варка, медленно приподняв руки.

Перед глазами что-то мелькнуло. Варка слегка отпрянул. У самого лица замерло длинное тусклое лезвие, направленное точнехонько в правый глаз. Нож дрогнул, будто пытался все-таки добраться до Варки, и со звоном брякнулся на землю. Варку качнуло. Щитто, выходит, почти пробили. Так долго не протянуть.

Но тут его крепко ухватили за пояс. Миг, и на левое плечо навалилась непомерная тяжесть.

– Он прав, – брюзгливо сказали над ухом, – какие из вас крайны. Ведете себя хуже людей. Ну что это такое, в самом деле. Драка, кровь, вопли.

Господин Лунь еле стоял, всей тяжестью навалившись на несчастного Варку, но голос его звучал громко, уверенно.

– А как надо было? – ошарашенно спросил Варка, никак не ожидавший в такой момент нарваться на выговор.

– Вежливо. Дипломатично. Слова подобрать подходящие.

– Эй, кто там еще глотку дерет? – заорали из кучи сгрудившихся теней.

– Какие слова? – прошептал Илка, ожидая услышать в ответ по меньшей мере универсальное заклятие для успокоения озверевшей толпы.

– Такие, – пояснил крайн и заговорил. Резко, хлестко, с сугубым отвращением. Слова, которые господин Лунь счел подходящими для горных разбойников, а также для описания их нравственности, поведения и родственников до седьмого колена, были такими, что Фамкин сосед Флорка-каторжник помер бы от зависти. Варка с Илкой, дети достойных родителей, как по команде уставились в землю.

– Да ты... – неуверенно сказали из темноты, – ты чё... из наших?

– Каторжный, что ли? Из людей Соленого, небось...

– Да что нам Соленый, здесь наше место...

– Ваше место – на виселице, – вежливо разъяснил крайн и оглушительно свистнул.

Раздался грохот, невнятная ругань. Из темноты вылетел огромный жеребец дядьки Валха, которого, как видно, привязали где-то неподалеку. На поводьях у него пытались повиснуть, но могучего коня это не слишком волновало. За ним поспешали горные лошадки. Загрохотало разбуженное эхо. Из-под здоровенных копыт во все стороны разлеталась крупная галька и не успевшие убраться с дороги разбойники.

– Подсадите, – шепнул крайн, осторожно отцепляясь от Варки.

Варка с Илкой, должно быть с перепугу действуя дружно и слаженно, мгновенно забросили его на горячую лошадиную спину. Сами тоже взлетели в седла в один миг.

Послушные воле крайна, лошади устремились к покрытому мятущейся белой пеной броду. Флегматичный жеребец дядьки Валха вел себя при этом как настоящий боевой конь: брыкался, кусался и норовил стоптать озверевших противников, пытавшихся подрезать ему поджилки. По пути Илка, перегнувшись с седла, вырвал из чьих-то жадных ручек полуоткрытую сумку.

– Дурак! – заорал Варка, но Илка себя дураком не считал. Алмазы на дороге не валяются.

Ворваться на полном скаку в стремительно летящую темную воду лошадей, конечно, тоже принудил крайн. В туче брызг они помчались на ту сторону. Варка боялся, что вслед будут стрелять. Но, похоже, этой шайке пищали были не по карману.

Вылетев на дорогу, из тени в полосу яркого света полной луны, крайн придержал коня, обернулся и крикнул:

– Барона не ждите. Косинской дороги больше нет. Идти за армией и грабить в этот раз не удастся.

– Барон нынче занят, – ехидно добавил Варка, – у него чума.

– Валите отсюда, а то сами захвораете, – посоветовал Илка.

Глава 13

Двое суток Варка только ел и спал. Впрочем, спал он, даже когда ел. Спал, когда крайн что-то делал с его ранами, спал, когда столбцовская старостиха, тетка Ефимья, силой затолкала их с Илкой в вытопленную баню и принялась мыть как малых детей, причитая по поводу их худобы, синяков и кровоподтеков, спал, когда столбцовский староста кланялся в ноги и обзывал их «пресветлыми господами». Потом выяснилось, что это было возобновление некоего старинного договора, свершившееся перед лицом всего сельского схода.

Его даже не раздражали хихикающие девицы, парочками и тройками шнырявшие мимо забора старосты, чтобы полюбоваться на прекрасного крайна, валявшегося на травке под старой яблоней. Белые лепестки, согретые солнечным светом, падали на лицо, запутывались в волосах, нежно скользили по щекам. Изматывающая гонка, кровь на дороге, крик издыхающей лошади – все это стерлось, потускнело, как будто случилось вовсе не с ним.

Илка пришел в себя немного раньше и, посиживая на заборе, беседовал с местными парнями, расписывал потрясающие подробности схватки в Волчьей Глотке. О ночной драке у Козьего брода он предпочитал не упоминать. Объяснить, что там, собственно, произошло, он затруднялся. Не то их побили, не то, наоборот, они с Варкой кого-то зарезали... Лучше не вспоминать.

На третий день райская жизнь кончилась. Господин Лунь, вначале отсыпавшийся в недрах обширного, полупустого по весне сеновала, а потом долго и солидно выпивавший в компании старосты и деревенских старейшин, решил, что пора и честь знать.

Вялого Варку пришлось тащить к оседланным лошадям за шиворот. Илка, успевший с утра пораньше плотно позавтракать, шел сам. Лошадей им дали свежих, лишь вороной дядьки Валха остался при крайне. Кроме лошадей Варка с Илкой получили новую одежду – лицейские куртки и панталоны не выдержали беготни по горам и окончательно пришли в негодность. Тетка Ефимья расстаралась и раздобыла для них полный наряд деревенских щеголей. Рубахи с отложным воротом на завязочках, синие шаровары с широким поясом, безыскусно вышитые летние безрукавки, грубые на вид, но мягкие

сапоги со смятым голенищем. Сумку с едой и три свернутых теплых плаща крайн приторочил к седлу.

Несмотря на Варкино сопротивление, выехать удалось рано. Горячее солнце поздней весны еще не выжгло утреннюю прохладу. Покрытые росой пашни казались ярко-зелеными, приближавшийся лес обещал ласковую неглубокую тень. Ехали не торопясь, шагом. Варка попробовал спать в седле, едва не свалился и схлопотал очередную оплеуху от крайна. Оплеуха подействовала. Варка встряхнулся, подумал о том, что ехать по этой дороге летом намного приятнее, чем идти по ней зимой, утопая в холодной грязи. Очень красивая дорога. Непонятно, почему она ему так не нравилась. Скоро они будут дома. Надо для Жданки сберечь что-нибудь вкусненькое. Впрочем, им столько всего насовали, что хватит и Жданке, и прочим курицам.

Незаметно добрались до леса. Лес здесь был могучий, никем не тронутый. Огромные неохватные дубы, под ними – бледная тонкая травка и наивные голубые цветочки с нежным именем «ветреница». Варка задрал голову, разглядывая сомкнувшиеся над головой толстые ветви. Совсем как высокие своды. Похоже на замок крайнов. Только откуда опять этот ненавистный звук? Будто вернулась зима, и снова копыта бьют по мерзлой дороге...

Варка дернулся, напугав свою лошадь, хотел позвать крайна, но господин Лунь лишь предостерегающе поднял руку. Конечно, он и сам все прекрасно слышал. К ним, пока еще скрытый за поворотом, быстро приближался конный отряд. Большой отряд. Сильные лошади, способные долго носить всадника в боевых доспехах.

– Бежим? – предложил Илка.

Варка огляделся. Чистая дубрава далеко просматривалась в обе стороны.

– Поздно, – отозвался господин Лунь, – да и незачем. Мы же просто крестьяне, едем по своим делам, никого не трогаем. Давайте на обочину. Вот, накиньте.

Из-за поворота вырвались первые всадники. Трубежская стража в светло-синих плащах, в кирасах с рисунком крыльев. Варка совсем съехал с дороги, завернулся в короткий плащ, натянул капюшон пониже. Вновь встречаться с трубежскими стражниками ему совсем не хотелось. Крайн и капюшон надевать не стал, лишь смиренно склонил голову. Мол, проезжайте, господа хорошие, а нам с вами не по дороге.

Отряд был большой, ехали рысью, вид имели суровый и серьезный, на трех всадников на обычных крестьянских клячах внимания не обратили.

– Куда это они? – поинтересовался Илка, когда стук копыт замер в отдалении.

– Вероятно, сражаться с господином бароном, – предположил крайн.

Илка хихикнул.

– Напрасно смеешься. Ты видел, сколько людей у барона?

– Да.

– Эти парни знают, что обречены. Но все равно намерены драться. Не ожидал. Любопытно, кто сейчас у них командует?

– Гад ползучий, – пробормотал Варка.

Крайн поглядел на него внимательно, но спорить не стал.

* * *

По-прежнему ехали не спеша, миновали дубраву, Быстрицкие выселки и сами Быстрицы, притулившиеся между двух ручьев у подножья высокого холма. Забравшись на холм, полюбовались на голубоватые валуны, лениво лежащие в зарослях вереска, и решили, что пора обедать. Это заняло довольно много времени. С холма было видно мирно гревшееся на солнце Пригорье, над которым в безмятежной голубизне вставали Белуха, Три Брата и Конь-камень. Казалось, если присмотреться, можно разглядеть и белые башни Трубежа.

Наконец крайн, как самый стойкий, произнес небольшую речь о том, что лень есть мать всех пороков. Это позволило всем еще пять минут поваляться на травке. После чего все-таки пришлось встать и отправляться в путь.

День склонялся к вечеру, издали уже доносился лай язвицких собак и мычание возвращавшегося домой стада, когда сзади снова послышался конский топот. На этот раз всадников было немного, но скакали они галопом. Ярким синим пятном пронеслись меж залитых вечерним солнцем полей, нырнули в перелесок, окаймлявший неглубокий овраг.

– Гонцы с донесением в Трубеж, – предположил крайн. – Вон, смотрите, там перекресток, налево в Язвицы, а нам направо, в

Дымницы.

Всадники нагнали их еще до распутия. Крайн снова смиренно посторонился, уступая дорогу.

– Стойте! Вот они! Да стойте же, вам говорят! Точно, они это!

За спиной одного из всадников подпрыгивал от нетерпения и сознания собственной значимости Варкин ровесник, старший внук столбцовского старосты.

«Люди любят бить в спину», – вспомнилось Варке. Во рту стало горько до тошноты. Если бы не завал в Волчьей Глотке, сегодня утром Столбцы горели бы с четырех концов, а этот парень был бы убит. Но он жив и будет благоденствовать дальше. Небось и награду получит. Зато им снова придется драться. Их оттеснили на обочину, окружили, безжалостно топчя чье-то поле.

Господин Лунь взирал на все это угрюмо. Варка пытался незаметно дотянуться до него, поставить щит, но лошади беспокоились и ничего не получалось.

– Пресветлые господа крайны, – уважительно склонив голову, начал глава маленького отряда, – обстоятельства таковы, что я вынужден просить вас присоединиться к нам и посетить Трубеж.

Варка тут же узнал его и сжался, скорчился от перехватившей горло ненависти.

– Вот этот, – проскрипел он, стараясь дышать через нос, – заманил нас в ловушку. А вон тот, со шрамом, Жданку порезал. Я его рожу никогда не забуду.

Крайн потемнел лицом. Варка было подумал, что из-за Жданки, но, как выяснилось, дела обстояли гораздо хуже.

– Влад Гронский, – очень тихо проговорил он, подняв на командира стражников сощуренные глаза. Слово «Влад» прозвучало как оскорбление, а уж слово «Гронский» он выплюнул как самое непристойное ругательство.

Командир стражников, мужчина красивый, ладный, ловко справлявшийся со своим своенравным рыжим конем, дернулся, будто получил стрелу в грудь.

– Рарог Лунь-младший, – произнес он без всякого выражения, – рад тебя видеть.

– А я тебя – нет. Но это легко исправить. Вид твоего мертвого тела меня порадует.

Командир стражников невольно потянулся к палашу, его подчиненные сделали то же, скрипнул взводимый арбалет.

– С дороги, – прошипел господин Лунь, – если вам еще нужны ваши души.

– Назад, – приказал Влад Гронский, – всем отойти на двадцать шагов.

– Я и на тридцати вас достану, – просветил его крайн.

– Спешиться, – последовал новый приказ, – сложить оружие.

На взрытую копытами пашню посыпалось столь нелюбимое крайном острое железо.

– Ух ты, – пробормотал Илка, озадаченный таким поведением предполагаемого противника.

Командир также спешился, закинул поводья на луку седла, снял шлем, отстегнул и отбросил перевязь с палашом прямо в серую дорожную пыль. Безвольно опустил руки, склонил голову:

– Забери душу. Убей. Плюнь мне в лицо прямо здесь, при моих людях. Только помоги.

– Я уже помог. Но если бы я знал, что этим спасаю тебя, палец о палец не ударил бы, – процедил крайн. Поза полной покорности и жалкие слова не сделали его сговорчивее. – Поехали. До темноты будем дома.

Варка с Илкой послушно тронули лошадей.

Влад Гронский бросился вперед, рискуя угодить под копыта, повис на поводьях, схватился за стремя. Варка отчетливо увидел запрокинутое вверх лицо. Глаза в красных жилках от вечного недосыпа, в складках вокруг глаз катышки пыли, жесткая трехдневная щетина вокруг упрямо сжатого рта.

– Ты не можешь... прошу тебя...

– У тебя нож в рукаве, – безглаголиво отстраняясь, проговорил крайн, – для меня или для моего сына?

«Интересный вопрос», – подумал Илка. Варка только поморщился. Ничего иного от этого скользкого типа он и не ожидал.

Лицо командира стражников остекленело от ужаса. Отработанным движением он выдернул из пристегнутых к руке ножен метательный нож, не глядя отшвырнул за спину.

Крайн воспользовался этим и тронул жеребца каблуком, понуждая двигаться вперед.

Влад Гронский, оставшийся посреди дороги, вдруг рухнул на колени.

– Умоляю, не бросайте нас. Только не теперь... Через месяц все Пригорье ляжет под Вепря... Я бы и эту косинскую скотину не остановил... У меня людей... – он захватил горсть пыли, пыль потекла между стиснутых пальцев. – Бренну возьмут не сегодня-завтра...

Не обернувшись, ни разу не взглянув на него, крайн бросил коня в галоп. Варка и Илка потянулись за ним как привязанные. В две минуты долетели до перекрестка, слаженно свернули налево, к лесистым холмам, за которыми прятались Дымницы. Разметавшиеся от скачки светлые волосы, белые рубахи, развевающиеся лошадиные гривы, пронизанные мягким вечерним светом. Небожители. Прекрасные крайны.

Командир стражников тяжело поднялся, тщательно отряхнул колени. Лишь бы подольше не поворачиваться, не встречаться взглядом со своими людьми. Ветераны-ровесники, успевшие пожить при крайнах, смотрели сочувственно. Молодые отводили глаза. Конечно, считают, что командир не должен был так унижаться. «Наплевать, – со злостью подумал он, – не долго мне вами командовать. Либо убьют, либо горный крайн Рарог Лунь Ар-Морран заставит держать ответ за то, в чем, видит Бог, нет моей вины».

* * *

Рарог Лунь Ар-Морран. Рарка Седой. В их компании он был самым младшим, самым красивым и самым отчаянным. Они, трубежские недоросли, каждый старше его на год или два, водили с ним дружбу не потому, что он был крайном. И на его высокий и весьма древний род им было чихать с высокого дерева. Просто без него вино казалось кислым, еда – пресной, жизнь – тусклой. Славно в тот год погуляли.

– По коням, – приказал господин Гронский.

– А ты давай домой, – велел он парнишке из Столбцов, – в Быстрицах заночуешь. Вот, держи за труды.

Парнишка, как все деревенские, не запуганный никакой властью, монетку не брал, смотрел исподлобья.

– Не надо мне твоих денег, – выпалил он наконец.

– Почему? – разозлился Влад, чувствуя, что это каким-то образом унижает его еще сильнее. – Я тебя не бил, не ругал, плачу честно, что

обещано.

– Господин крайн на тебя даже глядеть не хочет.

– Господина крайна гордыня обуяла не ко времени. Парнишка переступил в пыли босыми ногами, помотал головой:

– Не, он не гордый вовсе. С нашими мужиками за одним столом сидел. У бабки моей корову вылечил, у тетки Фетиньи бельмо с глаза убрал, у тетки Анфисы крикса на ребеночка напала, так он этого ребеночка на руки брал, не побрезговал... Не надо мне твоей платы... Ты – Гронский. У нас говорят – от Гронских все наши беды.

Мальчишка повернулся и побрел, волоча ноги, поднимая за собой маленькие пыльные вихри.

– Рысью, – гаркнул Влад Гронский и сразу вырвался вперед, чтобы молодые поменьше пялились на его лицо.

Скоро с ним поравнялся один из «стариков», Фома Стреляный.

– За ними, что ли? – спросил он. – Они, небось, домой подались, на Крайнову горку.

– Нет. Бесполезно. Да еще с ножом этим... забыл про него, как дурак последний... Едем в Стрелицы, будем ждать, когда подойдет основной отряд.

– А потом?

– А потом в Бренну. Как ни крути, а от косинской скотины они нас избавили. Бреннский старшина третьего дня помощи просил. Мы тогда отказали.

– Во-во, с Вепрем еще договориться можно, а этот Адальберт, чтоб его...

– Угу. Молодой да ранний.

– Но ничего. Волчью Глотку они заткнули знатно.

– Да что Волчья Глотка. Ты видал, что они с Козьим Пастырем сделали?

– Жуть. Мы за этим Пастырем и его козлами два года гонялись, а тут...

– Три трупа, десять раненых.

– И раны такие, будто их кто как капусту шинковал. Уж на что я привычный... Непохоже на крайнов-то. Озлобились.

– Так ведь есть за что, – пробормотал Фома.

Влад Гронский в ответ только крикнул.

* * *

Лошадей оставили в Дымницах у дядьки Валха. Вороной очень огорчился, ржал вдогонку, вытягивал морду. Дальше пошли привычной дорогой к мосту через Тихвицу, потом свернули в поле, и крайн, невзирая на сгущавшиеся сумерки, уверенно привел их к уже знакомому Варке обрыву. Варка недоумевал, как же они могли тут заблудиться. До Починка-Нижнего рукой подать, кусты чинно выстроились вдоль реки, неглубокая балочка поросла таволгой пополам с крапивой, за балочкой на пригорке торчат какие-то бревна, не то разрушенная банька, не то клуня.

– Не понимаю, – пробормотал он.

– Потому что дурак, – объяснил крайн и, как всегда без предупреждения, спихнул с обрыва.

Колодец открывался почти под самым деревом. Варка не удержался и упал плашмя. Рядом шлепнулся Илка со своей драгоценной сумкой. Последним, не теряя прямой осанки и изящества, из пустоты шагнул крайн.

– Я никогда не говорил вам, что в колодцы не следует нырять вниз головой? Достаточно одного шага.

Варка набрал побольше воздуха для язвительного ответа, но тут в мирную вечернюю тишину ворвался пронзительный вопль. С дрогнувшей лиственницы свалилась Жданка и, попискивая от счастья, повисла у него на плечах.

– Полегче, – только и мог сказать он, тут же вспомнив про больную спину и сильно пострадавшие ребра.

– Что ты здесь делаешь? – грозно спросил крайн.

– Вас жду, – бесхитростно ответила Жданка.

– А почему на дереве?

– Так дорогу лучше видно.

– Помнится, я велел запереться и сидеть внутри.

– Ну, мы бы успели. Я бы сразу увидела, если что...

– Понятно. А что по этому поводу думает госпожа Хелена?

– Ругается.

– Я бы не ругался, – проворчал Илка. – Я бы врезал тебе как следует, и все дела. Тут война вовсю идет, а ты, как дура, на дереве.

* * *

– Вы чего, правда сражались?

– Сражались, рыжая. – Варка скорчился на кухонном табурете, пытаясь привести в порядок свежeweымытые волосы, все еще слишком короткие, чтобы убраться в привычный хвост, но чересчур длинные, чтобы не мешать ему жить.

– Не задавай глупых вопросов, – возмутилась Фамка. – Не видишь, он ранен. Вар, у тебя повязка размокла. Дай я перевяжу.

– Да там уже нет ничего, только шрам. Половины уха, правда, тоже нет.

– Не огорчайся, – жалостливо вздохнула Ланка, – волосы отрастут – под ними ничего заметно не будет.

Илка с досады чуть не плюнул. В кои-то веки ему удалось совершить подвиг, вернуться героем, а все равно жизнь вертится вокруг прекрасного принца.

– У тебя круги под глазами, – недовольно пробурчал прекрасный принц, разглядывая Фамку, – и щеки совсем провалились. Опять, небось, ничего не ела.

Фамка насупилась:

– Думаешь, легко ждать-то. Ланка хоть все время ревела...

– Не ври, не ревела я...

– А у меня рыдать не получается. Не могу я...

Варка, вздохнув, неловко погладил ее по плечу.

– Кончайте киснуть. Рассказывай давай, – потребовала Жданка.

– Да чего рассказывать. Если бы не он... – короткий кивок в сторону Илки, – нам бы конец. Пусть он и рассказывает.

Услышав такое, Илка приосанился и с удовольствием начал свою историю, испытанную еще на обитателях подгорных Столбцов.

Ланкины горящие глаза и покрасневшие щеки вынудили его разукрасить повествование новыми яркими подробностями. При этом он все время старался изображать скромность и не слишком выпячивать свои заслуги.

В разгар повествования в кухню вошел отмытый до прозрачности господин Лунь, но вмешиваться не стал. Молча принялся за еду, молча отставил почти нетронутую тарелку, молча потянулся к ножу. Когда он в семнадцатый раз воткнул нож в столешницу, Фамка не выдержала и проворчала под нос, что, мол, портить вещи – последнее дело.

Тут крайн будто очнулся, поднял голову, поглядел на всех осмысленно.

– Будем последовательны, – строго сказал он, – если рассуждать хладнокровно, не принимая во внимание мои личные чувства, получается, что я подставлял вас под пули только ради того, чтобы Филиппу Вепрю было легче прибрать к рукам все Пригорье. Считаю ли я, что это пойдет Пригорью на пользу? Нет. Готов ли я подарить нашу землю князю Сенежскому и потом смотреть, как у Петры отбирают последнюю скотину, а Валха забрили в солдаты? Нет, не готов.

– А что, Вепрь хуже барона? – робко спросила Жданка, которая под шумок придвинулась к крайну как можно ближе и, не решаясь взять за руку, потихоньку теребила полу его расстегнутого камзола.

– Ты знаешь, кто такой вепрь?

– Ну, это свинья такая.

– Очень большая свинья. Умная, опасная и прожорливая. Что ни дай – все сожрет. Слопает Пригорье и не подавится. Так, я вижу, вы отдохнули. Пора и делом заняться. Ты, ты и ты, пойдете со мной.

Жданка, в которую на этот раз уперся длинный жесткий палец, просияла, так что все веснушки заискрились, и вскочила, готовая отправляться куда угодно.

– Не надо бы ее, – сказал Варка, вставая, – пристрелят еще ненароком.

– Кто говорит о стрельбе? – изумился крайн. – На этот раз все будет тихо, вежливо, дипломатично.

– Ага, как у Козьего брода, – пробормотал Илка.

Крайн хмыкнул, но сделал вид, что не слышит.

– А мы? – жалобно спросила Ланка.

– А мы будем сидеть и ждать, – не поднимая глаз, ответила Фамка.

Глава 14

Совещание, срочно собранное городским старшиной, затянулось далеко за полночь, хотя совещаться было особо не о чем. Все знали, что защитить Бренну от войск князя Сенежского не удастся, даже если подоспеет помощь из Трубежа. Но помощи не будет, это тоже все знали.

– Мы должны отстоять хотя бы право свободной торговли, – жестко произнес старшина москательщиков.

Все согласно закивали, но особой уверенности никто не чувствовал. Филипп Сенежский не захочет терять такой жирный кусок, как пошлины и налоги, которые можно содрать с купечества богатой Бренны.

В кабинете ратушной башни было душно, несмотря на распахнутое окно. Лампа распространяла запах горелого масла.

– Ну что ж, подведем итоги. – Городской старшина переставил лампу, чтоб получше видеть желтые, отеки от бессонницы лица членов совета. – Условия сдачи следующие... – Он глотнул воздуха, которого отчаянно не хватало. Весь вечер у него болело сердце и дыхание то и дело сбивалось. – Записывайте: во-первых, они обязуются не допускать грабежей и мародерства... на это они должны пойти, требование вполне законное... – Тут он обнаружил, что его не слушают. На усталых, истомленных лицах застыл ужас. Нет, скорее безграничное изумление. Секретарь уронил на чистую бумагу перо, потом опрокинул чернильницу. Чернила медленно растекались, заливая желтоватый лист. Сзади, у раскрытого окна, что-то стукнуло.

Не спеша, боясь потревожить пуще прежнего занывшее сердце, городской старшина обернулся.

За окном плыла полная луна, заливая голубоватым светом брэнские флюгера и башни. В лунном свете на подоконнике застыла длинноногая изящная тень. За спиной тени медленно опадал легкий плащ. Или это были крылья? Второй нежданный гость уже спрыгнул в комнату. Шелестящий плащ, лунный отблеск на посеребренной кольчуге, драгоценный пояс, алмазный венец на тяжелых золотистых кудрях.

* * *

От венцов отбояриться не удалось, хотя даже Варка с этим бесценным украшением на голове выглядел как шут гороховый. Илка же, угнетенный стоимостью алмазов, о внешности уже не думал, пуще всего боясь уронить эту дорожную штуковину. Но крайн был непреклонен. Никакие разговоры о том, что ползать по крышам в таком наряде неудобно, на него не подействовали.

Дурацкая мысль забраться в ратушную башню через окно, конечно же, принадлежала Варке. К сожалению, крайн ее дурацкой не посчитал, напротив, с большим знанием дела растолковал, как и где удобнее подниматься, куда и как спускаться, не пользуясь при этом веревкой. Бреннские крыши он знал как пожилой, очень опытный кот.

Илка, конечно, предпочел бы войти в ратушу как все люди, через дверь, но тогда непременно пришлось бы общаться с городской стражей, а этого ему совсем не хотелось. Так что в путешествии по крышам был смысл, хотя, если бы не красавчик, полдороги почти тащивший его на себе, Илка не прошел бы там ни за какие коврижки. В конце концов этот тронутый, свесившись с карниза купола ратуши и цепляясь ногами неизвестно за что, исхитрился впихнуть Илку в нужное окно. Илка с облегчением плюхнулся на пол и тут же постарался принять гордый вид. В комнате оказалось полно народу. Он знал, что Варка держит его под щитом, но все равно ему было не по себе.

* * *

– Могу я видеть городского старшину? – вежливо спросил золотоволосый юноша. – У меня послание от господина старшего крайна.

Его товарищ на подоконнике небрежно прислонился к качнувшейся раме, мечтательно обратив к луне безупречный профиль.

– Лунь, – ахнул старшина города Бренны, – Рарог Лунь!

Рама, скрипнув, качнулась снова. В комнату ворвался свежий холодный ветер, всколыхнул плотные слои застоялого чада, прошелестел в залежах бумаг на столе.

– Ивар Лунь, с вашего разрешения, – сказал Варка. Назвать крайна отцом у него язык не повернулся. Пусть как хотят, так и понимают.

Поняли правильно. На лицах, при свете лампы казавшихся желтыми размытыми пятнами, вдруг проступили глаза: усталые, недоверчивые, удивленные, оценивающе расчетливые.

В соответствии с планом Варке разговаривать вообще не полагалось. «Стой, молчи, улыбайся, – напутствовал его крайн, – твое дело – держать щит и производить впечатление».

– Я понимаю, вы удивлены, но, может быть, все-таки перейдем к делу? – Илка был настроен точно выполнить все указания крайна и очень боялся забыть хоть слово. Выговориться бы побыстрее, а то эти старые пни только время тянут да глазами хлопают. – Повторяю, я хотел бы видеть городского старшину.

Выказывать надменность и полное пренебрежение к низшим существам в присутствии этих солидных, властных, хорошо одетых людей было страшновато, но Илка старался как мог: и подбородок задирает, и глаза прищуривает, и говорит отрывисто, как бы сквозь зубы.

– Я – старшина города Бренны, Анджей Осокорь. Что вы имеете мне сообщить?

Подняться, оторвать усталое грузное тело от кресла было смертельно трудно, но беседовать с крайнами сидя Анджей просто не мог.

Илка набрал в грудь побольше воздуха и заговорил, как было приказано: веско, медленно, совершенно спокойно.

– Господин старший крайн был неприятно удивлен, узнав, что вы без его ведома вступили в переговоры с князем Сенежским. Господину старшему крайну также стало известно, что вы без единого выстрела сегодня впустили в город отряд из сотни всадников князя Сенежского.

– Почетное сопровождение их посла, чтоб ему ежа родить против шерсти! – встрял начальник стражи.

– Господин старший крайн надеется, что это простое недомыслие, а не прямая измена. Завтра мы, как полномочные представители пригорских крайнов, дадим послу господина Филиппа Сенежского все необходимые объяснения. Город сдан не будет.

Илка перевел дух, но тут в полумраке комнаты поднялся крепко сбитый господин, полный сознания собственной значимости.

– А известно ли господам... кхм-кхм... крайнам, что на Гусином лугу вчера стало лагерем войско числом в три тысячи ратников под

командой старшего княжича, Аскольда Сенежского?

– Известно, – ответил Илка. Бесконечные ряды походных палаток, сиявшие лунной призрачной белизной, огни костров и тусклый блеск шитых золотом стягов на обширном лугу за Тихвицей прекрасно просматривались с угловой башни.

– А известно ли им, что в Лисьих Норах и в Пучеже отряды в две и пять тысяч человек ожидают только сигнала к наступлению на Пригорье?

– Известно, – безмятежно парировал Илка, хотя слышал об этом впервые. Помнится, господин Лунь хотел разбираться с ними вежливо и дипломатично. Любопытно, как у него это получится. М-да... Интересно, открылись ли уже перевалы в Загорье?..

– А известны ли господам крайнам численность гарнизона Бренны и состояние ее укреплений?

– Разумеется, известны, – начал терять терпение Илка. – Уверяю вас, господин старший крайн не рассчитывает на мужество гарнизона Бренны и надежность ее стен, – помедлил и скромно добавил: – У меня все. Полагаю, вы можете быть свободны.

В сердце городского старшины вдруг шевельнулась нежность. Бедный мальчик. Высказал все, что велено, и вздохнул с облегчением. Видно, очень старался ничего не забыть. Почему на переговоры послали детей? Мальчишек, которым в последнее время явно жилось несладко?

Впрочем, это не переговоры. Мнения брэннских старшин никто не спрашивает. Анжей Осокорь должен был оскорбиться, но, вопреки всему, испытывал тихую радость, как ребенок, который наконец дождался возвращения родителей.

Кое-кто из старшин, похоже, думал так же. Заскрипели, задвигались стулья. Некоторые послушно встали со своих мест, собираясь покинуть кабинет в ратушной башне.

– Послушайте, – веско заметил представительный господин, – мы же серьезные люди! Речь идет о жизни и смерти. Некий старший крайн, существо из бабкиных посказулечек, обещает вам защиту, но кто поручится, что он сдержит свое обещание? Три тысячи разъяренных солдат, ворвавшихся в Бренну... Пожары... грабежи... Малейшая попытка к сопротивлению, и нас уничтожат.

– Господин старший крайн ничего не обещает, – желчно сказал Илка, которого этот настырный тип начал раздражать уже не на шутку. – Господин старший крайн делает. В настоящее время он занят спасением Бренны, иначе непременно явился бы сюда сам. Господин старший крайн был глубоко оскорблен приемом, который ему оказали в Бренне нынешней зимой, и, бесспорно, желал бы выразить свое недовольство лично.

– Недовольство – это еще слабо сказано, – пробормотал Варка, припомнив некоторые особенно смачные выражения.

Городской старшина поморщился. Воспоминание о тогдашней ошибке помогло ему решиться.

– Я полагаю, Томаш, все решено. И поскольку время уже позднее...

– Решено?! – не унимался представительный господин Томаш. – Кем?! Крайны, домовые, лешие! Да кто их видел?! Очнитесь! Вы же не в детской. У нас нет нянек. На весах судьба города...

– Он что, приезжий? – подал голос Варка, насмешливо подняв брови. В серебристой кольчуге и алмазном венце на сияющих лунным светом волосах он выглядел так, что с легкостью верилось в крылатых крайнов, речных берегинь, драконов и целые отряды принцев на белых конях, спешащих на помощь несчастной Бренне.

Но здесь в самом деле собрались люди солидные, хладнокровные и недоверчивые.

– Вы правы, Томаш, – заметил старшина травников, – крайны исчезли так давно, что... э-э-э... хотелось бы получить какие-нибудь доказательства.

Члены городского совета одобрительно закивали.

– Каких доказательств вы требуете? – сжав губы, поинтересовался Илка.

«Испугался мальчик», – с тревогой подумал городской старшина. Сердце вновь отчаянно заныло. Неужели Томаш прав?

– Ничего особенно затруднительного, – усмехнулся Томаш, – крайны, где ваши крылья?

Полный провал. Илка замер, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица и хоть что-нибудь придумать. Если их сейчас просто повяжут, то господин Лунь, может, и выручит. А если сразу того... по законам военного времени...

– Крылья? – раздался спокойный, полный презрения голос Варки. – Крайны кому попало свои крылья не показывают. Всякий знает: крылья показать – крыльев лишиться.

Обезоруживающе улыбнулся и добавил:

– Примета такая.

Илка про такую удобную примету ничего не знал, но члены городского совета согласно закивали.

– И все же, молодые люди, – вкрадчиво заметил старшина златокузнецов, – дело слишком серьезное, и нам хотелось бы убедиться...

Варка плавно соскользнул с подоконника, слегка хлопнув по плечу Илку, шепнул: «Ты без щита, а то не сдюжу!» и шагнул в комнату, неторопливо осматриваясь. Его взгляд упал на прислоненную к столу увесистую трость с вычурной серебряной рукояткой. Варка подхватил ее, прикрыл глаза, ловкие пальцы неспешно погладили темный лак полированной поверхности, прошлись вдоль запутанного рисунка древесных волокон.

Палка под его руками дрожала и изгибалась, ветвилась, прорастала побегими, покрывалась шершавой корой. Серебряная ручка отлетела в сторону, кованая окантовка нижней части отскочила и, позванивая, каталась по полу.

– Белые розочки не забудь, – деловито напомнил Илка.

– С ума сошел, – не открывая глаз, пробормотал Варка, – это же дуб.

– Ну вот, – сказал он немного погодя, водружая на стол поверх бумаг кривую ветку, шуршащую пышной жестковатой листвой, – доказательство.

В комнате повеяло горьким духом мокрой дубовой рощи.

– Увесистое доказательство, – согласился городской старшина. В свое время он довольно много общался с крайнами, но некоторые их таланты до сих пор изумляли его, как ребенка.

– Видите, – вздохнул Илка, – с ним же жить невозможно. У нас в замке от волшебных цветочков уже ступить некуда. Садись на табуретку, а встаешь весь в колючках. Потому как это уже не табуретка, а розовый куст.

– Дешевые фокусы, – рявкнул Томаш, – все было подстроено.

– Хороши фокусы! – обескураженно возразил старшина скорняков. – С этой тростью еще мой прадед ходил. Двести лет вещь была в семье...

– Ой, – смутился Варка, – извините. Я не думал, что она такая ценная.

– Что вы, господин крайн. Для нашей семьи это большая честь. Вы позволите забрать ее?

– Ну да. На кой она мне сдалась... вы ее того... в землю воткните. Она укоренится, в рост пойдет.

– Непременно, пресветлый господин крайн, непременно.

Довольный меховщик поволок ветку к выходу, за ним, беспокойно переговариваясь, потянулись остальные. Господин Томаш покинул кабинет в первых рядах, было слышно, как он топает и бранится, спотыкаясь на лестнице. Лишь городской старшина остался, тяжело осев в кресле.

Илка придержал за локоть начальника стражи:

– Пошлите людей, чтобы очистить трущобы у реки. Сегодня ночью все должны укрыться в городских стенах. Иначе их гибель будет на вашей совести.

– Не извольте беспокоиться, пресветлый господин крайн. Все исполню. Вы где ночевать будете? Здесь или того... – он покосился на окно, которое теперь беспрестанно скрипело и хлопало под ударами разгулявшегося ветра.

– Здесь, – сказал Илка, – нам приказано просмотреть городскую отчетность.

На самом деле им было приказано сидеть тихо и не высовываться, но такой ответ определенно придавал солидности.

– Тогда я караул отзывать не буду. Безопасности ради.

Илка милостиво кивнул, и начальник, отпущенный на волю, мгновенно исчез, хлопнув тяжелыми створками. За дверью тут же раздались вразумляющие командные вопли и быстрый топот тяжелых сапог.

– Как думаешь, ему можно доверять?

Варка с сомнением покачал головой:

– Кто его знает. Может, он обижен на город. Или жалованье ему недоплатили. Или Вепрь заплатил больше.

– Ему можно доверять, – тяжело ворочая языком, выговорил городской старшина, – я его с пеленок знаю. Он нашу Бренну любит больше, чем себя.

– А такое бывает? – мрачно спросил Илка.

– Бывает, – вздохнул Варка, – полковник Град, вон, тоже...

– У него другого выхода не было.

– Откуда ты знаешь?

Однако спор пришлось прервать в самом начале. Господин городской старшина вдруг захрипел и стал валиться на стол. Варка тут же оказался рядом, подхватил, поволок грузное тело к деревянной скамье с высокой спинкой, содрал свой плащ, свернул из него подушку.

– Ложитесь. Щас я ворот вам расстегну... Сердце?

– Сердце...

– Давно?

– Да...

– Что принимаете? Я прикажу, чтоб принесли.

– Не надо... В шкафу, на средней полке...

Пока Варка возился с завязками рубашки, Илка подхватился, принес флакон синего стекла и синий же стаканчик, тонко расписанный золотом.

– Полстакана... И воды... запить...

– Ага. – Варка налил полстакана. Понюхал. Попробовал. Сплюнул. Тщательно вытер губы. – Сильная штука. Корень валерианы для успокоения, вытяжка ягод ландыша, настой наперстянки для поддержания сердечной мышцы и мышьяк. Надо же как интересно! Вы уверены, что крысиный яд помогает от сердца? Тихо. Не дергайтесь. Лежите спокойно. Я вам так попробую помочь, без лекарств. Меня мать научила. Сейчас я вам грудь и плечо разомну легонько, к утру будете как новенький. Хотел бы я знать, кто же это вас так любит, что в сердечные капли крысиный яд добавил?

– Ну, ясное дело, те, кто больше всех выступал на совете, – встрял Илка, – те, кому охота сдать Бренну. Скажем, этот Томаш. Он кто?

– Томаш Грав, старшина мусорщиков, – сказал господин Анджей, которого немного отпустило. Счастье, что мальчик оказался из крайнов-травников и, несмотря на юный возраст, неплохо знал свое дело. Вероятно, в бабку удался, в госпожу Анну.

– Зачем старшине мусорщиков, чтобы войска князя вошли в Бренну? Ведь ему платит город, а город от этого не разбогатеет, – не отставал Илка.

Городской старшина вздохнул.

– Господину Томашу принадлежат все притоны в приречных трущобах и десяток более приличных кабаков в верхнем городе. Больше солдат – больше посетителей, больше доход. Кроме того, он чужак. Из беженцев с юга. Полагаю, ему платит князь Сенежский.

– Притоны? – изумился Варка. – А что, крайны не возражали?

– При крайнах, молодой человек, – с большим достоинством заметил городской старшина, – в Бренне никаких притонов не было. Бренна, в отличие от Трубежа, всегда соблюдала договор.

– А... ну да, конечно, – пробормотал Варка, которого крайн и не подумал предупредить о каких-либо договорах.

– Возможно, и другие члены совета считают власть князя Сенежского вполне приемлемой. Насколько я знаю, люди князя говорили с каждым, и каждому было что-то обещано.

Под легкими сухими пальцами юного крайна сердце угомонилось, перестало извиваться от боли, воздух пошел в легкие, глаза открылись. Лампа выгорела, огонек едва теплился, и в кабинете было совсем темно. Луна исчезла. Небо затянуло наглухо. Резкий ветер, врывавшийся в комнату, давно выдул табачный дым и запах нагретого масла. Становилось холодно.

– Пожалуй, пойду в спальню, – решил городской старшина.

– Нет, – замотал головой Варка, – лежите. Вставать вам нельзя.

– Лежите. А то на пути в спальню еще напоретесь на какой-нибудь острый предмет. Кинжал там или еще чего. Всякое бывает, – добавил Илка.

– А вот я пойду прогуляюсь. По всему выходит, у меня дело в городе. Справишься без меня? – спросил Варка.

– Придется, – мрачно согласился Илка. – Я смотрю, в этом городе нам опять не рады. Предатель на предателе сидит, предателем погоняет. Ты прав, надо наших предупредить. Рыжая дурочка только хихикать умеет. Твой черед прикрывать ему спину.

Вспомнив про беззащитную рыжую дурочку, Варка заторопился.

– Окно не запирай. Я вернусь еще. Дверь никому не открывай, даже если будут орать про пожар. В случае чего возьми господина Анджея

под щит, а будут приставать – пообещай, что проклянешь их прямо не сходя с места. Душу заберешь и тому подобное.

– Крайны не умеют проклинать, – заметил воспрянувший духом господин Анджей, – это все знают.

– Конечно. Где уж нам, – усмехнулся Варка, стащил с головы венец, ужом вывернулся из кольчуги, стянул сапоги и исчез в темной пустоте, бесстрашно нырнув под начавшийся дождь.

Илка высунулся наружу, но за окном уже не было ничего, кроме воды и ветра. Волосы сразу стали мокрыми, будто на голову опрокинули полный кувшин.

– Улетел? – спросил городской старшина.

– Да, – буркнул Илка и закрыл окно. Дождь молотил в стекло. Флюгер на ратушной башне, кораблик с крыльями, скрипел и гнулся под напором ветра.

* * *

Варка и рад был бы лететь, но вместо этого пришлось сползать по мокрой болтающейся веревке, потом почти в полной темноте пробираться по скользкой черепице. Низкое небо над головой кипело, как густая каша. Тучи закручивались над городом тяжелыми валами, ветер усиливался с каждой минутой, дождь накатывал волнами, с грохотом разбивавшимися о гребни крыш.

Внизу, на улицах, тоже было беспокойно. Большой отряд стражи с чадящими под дождем факелами быстрым маршем спустился по Мостовой улице и растворился во мраке приречных трущоб. Второй отряд занял рыночную площадь, окружил здание ратуши. По крутой и узкой улице Королевы Цветаны от приречных трущоб в сторону городских казарм скорым шагом двигались какие-то люди. На солдат и стражников не похожи. Никакой формы. Но идут не толпой, а вроде строем. И выправка военная чувствуется. Варка всматривался, но так и не понял, кто это – свои или чужие. Похоже, умный Илка как в воду глядел. Враги в Бренне не только снаружи. Желание немедленно прикрыть крайну спину стало еще сильнее.

В конце концов Варке надоело скользить и карабкаться. С облегчением шлепнувшись на залитую водой мостовую, он бросился бежать, разбрызгивая грязные лужи, утопая в растоптанной глине,

одолеет грязную тропинку под стеной, почти ощупью нашел вход в башню. Здесь, у выхода из колодца, остались крайн и Жданка.

Окованная железом дверь была открыта. Да ее, похоже, лет двести не закрывали. Он изо всех сил уперся ногами в пол, руками и головой в тяжелую створку. Медленно, неохотно, с мерзким скрежетом ржавого железа по камню дверь начала закрываться. Варка захлопнул ее, наложил пудовый засов. По всему выходило, что не так страшно войско снаружи, как эти купленные князем Сенежским громилы внутри городских стен. Может статья, к утру и защищать будет нечего. Но, по крайней мере, в башню им теперь не попасть.

* * *

– Ну вот, лиха беда начало, – сказал крайн, подставив лицо дождевым струям.

Жданка преданно кивнула. Зачем ее взяли с собой, она не понимала. Взяли, и хорошо. Разговаривает с ней господин Лунь, и прекрасно.

– Знаешь, мой отец был облакопрогонником. Я его почти не помню, и, конечно, научить он меня ничему не успел, но кое-что я унаследовал.

– Кем он был?

– Одна ласточка погоды не делает, но один крайн вполне может. Конечно, это удобнее делать там, наверху...

Жданка представила себе крылатых крайнов, таскающих облака по небу туда-сюда словно громоздкую мебель, и улыбнулась.

– Но для этого мне нужна ты. Вся твоя мощь. Надеюсь, я смогу распорядиться ею.

– Моя что?

Крайн тяжело вздохнул. Пускаться в долгие объяснения ему не хотелось.

– Сейчас ты захочешь, чтобы дождь усилился. Нам нужна буря. Штормовой ливень. Целые реки, океаны воды. Впервые в жизни ты можешь вытворять все что угодно. Давай, рыжая! Покажем им!

– Покажем! Да здравствует дождь!

* * *

Варка, запыхавшись, поднялся по полуразрушенной лестнице, выскочил на площадку и стал свидетелем вопиющего безобразия. Босая, насквозь мокрая Жданка плясала на залитых водой каменных плитах, поднимая тучи брызг и распевая нечто невразумительное. Господин крайн вел себя поспокойнее, во всяком случае, не прыгал и не орал. Всего лишь стоял у парапета, устремив взор в небо, но с первого взгляда было совершенно ясно, вся эта свистопляска – его рук дело. Тучи закручивались над его головой в тугие узлы, ветер раздувал белые волосы. Он был там, в обезумевших облаках, свободный летун, танцующий с бурей. Глаза его смеялись, но рот был упрямо сжат. Бунтарь. Непокорный. Не сломленный.

– А ты что здесь делаешь? – спросил он, не оборачиваясь.

– Так это... когда мы сказали, что мы крайны, там не все обрадовались, – сообщил Варка. – Старшину ихнего, который город сдавать не хочет, сегодня отравить пытались. И по улицам ходят всякие. Вот я и подумал: надо предупредить, проверить, как вы тут. А у вас дверь нараспашку. И сами вы того... видать, сильно заняты. Может, вам помочь?

– Присоединяйся, – весело сказал господин Лунь. – Послушай. Тебе понравится.

Варка замер под дождем, напряженно прислушиваясь. Струи воды лупили по камню, ветер ревел над темным городом, бурлила, клокотала, билась об опоры моста норовившая выйти из берегов Тихвица. Музыка. Конечно, музыка. Не пляска, как он думал вначале, а безумный боевой марш. Пенье флейты, вопль медных труб, тревожные сигналы горна.

Варка взмахнул руками, ловя ритм, и оказалось, что все эти трубы и горны послушны ему. Он может, он должен управлять ими. Громче, быстрее, тревожней. Вперед, на врага. Вперед и только вперед! А теперь... теперь барабаны. Барабаны ахнули так, что башня дрогнула до самого основания.

– Осторожней! – рявкнул над ухом крайн. – Город спалишь!

– Чего?! – заорал в ответ Варка. Барабаны были нужны ему, чтобы небесная конница неслась еще быстрее, не останавливалась, не уставала. Белая молния снова сорвалась с туч и пала на Бренну с трескучей дробью, с долгим тяжелым грохотом.

Крайн стиснул его плечо:

– Правильно. Все правильно. Только гроза нам ни к чему.

– Так это что, я?

– Ты, ты. Продолжай. Только осторожней.

* * *

Вечер был бы даже приятным, ясным и в меру прохладным, если бы не комары, собравшиеся со всей округи, полной болотин и сырых лугов, чтобы подкормиться за счет людей и лошадей князя Сенежского. Поэтому Аскольд Сенежский, старший сын и ближайший наследник князя Филиппа Сенежского, не стал любоваться стенами и башнями Бренны на фоне золотистого заката, а поспешил скрыться в палатке и завалился на походную койку, приказав поплотнее задернуть защитные сетки. Кабы не отец с его страстью к извилистым политическим ходам, уже два дня они могли бы спать в удобных постелях и есть что-нибудь получше, чем пропахшую дымом размазню из походных кухонь.

Взять Бренну с наскока ничего не стоило. Но старому хрычу понадобились эти глупейшие переговоры. «Мы не захватчики, – внушал он своему сыну, – мы всего лишь защищаем народ Пригорья от посягательств известного своей жестокостью барона Сильвестра.

Люди, оставленные крайнами без всякой помощи, должны сами стремиться под нашу сильную руку. Пойми, добровольное присоединение куда удобнее прямого захвата. И обойдется дешевле. Конечно, тебе не удастся поразвлечься, как ты любишь. Все выйдет тихо и скучно. Но что делать. Нужно чем-то жертвовать для блага государства».

Обычно забота о благе государства оборачивалась очередной выгодной сделкой для князя Филиппа. Княжич Аскольд относился к таким вещам с пониманием. Пригорье – лакомый кусок. Владеть Пригорьем, не разоренным войной, намного выгодней. Ради этого можно пойти на жертвы, например, второй день валяться в жесткой постели, слушая комариный звон и урчание в желудке. Хорошо хоть, дождя нет и, судя по ясному закату, ночью не будет. Аскольд Сенежский ненавидел ночевки в мокрых палатках. Довольно натерпелся три года назад, в Поречье.

Проснулся он оттого, что на голову сплошным потоком льется ледяная вода. Дождь был таким сильным, что полотно палатки не выдержало веса скопившейся влаги. Тут же, ведомый чутьем опытного воина, он скатился с койки, сжимая палаш. На освободившееся место немедленно рухнул главный опорный столб, увлекая за собой груду мокрого полотна. Отсыревшая ткань облепила княжича со всех сторон, стоял он по щиколотку в воде, а снаружи доносились вой, рев, дикое ржание испуганных лошадей и отчаянная ругань.

От проклятой тряпки он избавился, тремя ударами прорубив себе дорогу на волю. Но лучше не стало. Полный мрак, ветер, тяжелый и упругий как мокрое полотно, и вода, вода повсюду, сверху и снизу, как будто Гусиный луг внезапно погрузился на дно моря.

В глаза вонзилась яркая вспышка. В небе над Бренной встал белый столб молнии. На миг из темноты вырвались хлопающие на ветру полотнища сорванных палаток, вздыбленные обезумевшие кони, десяток солдат, пытавшихся бежать в этом хаосе из палок, веревок и взбесившихся лошадей.

– Княжич! – заорал над ухом сотский, с вечера посланный проверить на всякий случай брод у Овсяниц. – Уходить надо!

– Дождика испугался?

– Тот берег ниже Бренны подмыло, в реку рухнул кусок саженой сорок, а там дубы в три обхвата, у Овсяницкого брода все застряло на

перекате, потом из-под Бренны мусора нанесло. Реку как есть заперло. Вода уже поверх моста идет.

Аскольд тут же представил себе обширный, ровный как стол Гусиный луг, который неизменно заливало обычным весенним паводком, и приказал трубить отступление. Может, его и протрубили, но это мало что меняло. Коня своего княжич отыскать не смог, так что бежать по колено, а потом и по пояс в воде прочь от Тихвицы, к лесистым Блошиным пригоркам пришлось на своих двоих.

Глава 15

Холодным северным ветром тучу уносило от города, волокло прочь, в законные владения князя Сенежского. Рассветало. Дождь еще шел, но обычный, мелкий и нудный. Вода плескалась под самыми стенами. Хибарки у реки снесло бесследно. Каменный мост устоял, хотя едва просматривался под мутной водой.

Гусиного луга не было. Водяная гладь, изрытая утихавшим ветром, тянулась насколько позволял видеть дождь. В облаке грязной пены медленно кружились сломанные ветки, пучки травы, гнилые бревна, доски с торчащими гвоздями и дохлые крысы. Над новоявленным озером с воплями носились чернохвостые речные чайки.

– Ну и что? – спросил смертельно уставший Варка. – Вода спадет, и они вернуться. Этот князь Филипп, по-моему, настырный. Так просто не успокоится. Снова здесь полезет или в другом месте попробует.

– Ты, безусловно, прав, – заметил Крайн, тоже выглядевший будто с похмелья, – поэтому займемся дипломатией.

Знакомым призывным движением он вытянул правую руку, и на нее сейчас же спустилась взъерошенная белая чайка. Черные кончики крыльев, красные лапки, хитрый черный глаз. Воняло от нее, правда, премерзко, тухлой рыбой и стоялым болотом. Крайн взял ее в руки, нежно подышал на головку. Чайка встопорщила перья, черный глаз затянулся пленкой. Крайн вытащил из-за пазухи маленькую коробочку из серебряной фольги, прикрепил к лапке, прошептал что-то, зарывшись лицом в светлые перья, и подбросил птицу в воздух. Варка проводил ее взглядом – яркое пятнышко на фоне свинцовой тучи, быстро удалявшееся на запад.

– Вот и все. Остальное вы должны были сделать сегодня в ратуше.

– Ой, – сказал Варка, ежась от холода в насквозь мокрой одежде, – мне надо вернуться. Илку, может, спасти придется.

Рубаха прилипла к телу, штаны давили как вериги, с волос текло. Босые ноги мерзли. Плащ и шикарные сапоги остались в кабинете городского старшины.

Крайн посмотрел на него, дрожащего, на его лицо, облепленное серыми от влаги волосами, перевел взгляд на трясущуюся Жданку. Все кудряшки распрямились, на посиневшем носу капля, губы пляшут от

холода. Скривился, снял камзол, набросил ей на плечи. Камзол был тоже насквозь мокрый, но все же защищал от ветра. Варка поспешно отвел глаза. Влажный шелк рубашки плотно обтянул кривые кости, жалкие остатки крыльев.

– Илку от кого спасать будем? – зарывшись в камзол до самого носа, пискнула Жданка.

– Да так... Город-то мы отстояли, а кто сейчас в городе – не знаем. Может, эти, черные, всю городскую гвардию уже перерезали.

– Какие черные? – устало переспросил крайн.

– Ну, я ж рассказывал. Не все нам с Илкой обрадовались. Есть тут один, самый умный. А может, и не один. Городской старшина сказал, им князь Сенежский платит.

– Та-ак. А кто у них теперь городской старшина?

– Какой-то Анджей.

– Анджей Осокорь?

– Во-во, как-то так...

– Но он, должно быть, уже очень стар.

– Ага. И сердце совсем никуда.

– И цеховые старшины вертят им как хотят.

– Вот уж нет. Таким не очень-то и повертишь. Проще убить.

– Что ж, это дает нам надежду. Пойдем, поищем господина Осокоря.

* * *

Город был вымыт дождем от коньков крыш до заросших столетней грязью камней мостовой и, как захваченный Липовец, тих и безлюден. Булыжник городских улиц блестел, будто новая змеиная кожа. Вода все еще глухо урчала в водостоках, старые стены домов, отсырев, ненадолго вернули себе прежние яркие краски. Свежесть очищенного бурей воздуха была отравлена отчетливым запахом дыма. Посреди Лодейной улицы, которая, вихляясь как пьяная, взбиралась к Ратушной площади, валялся сорванный ветром жестяной петух-флюгер. Варка, ежась от холода, опасно озирался по сторонам. Все пытался угадать, кто победил, городская гвардия или люди умного Томаша.

На перекрестке из мостовой торчала сломанная алебарда. Рядом на спине лежал человек в мокром рыбацком плаще. Однако прочая

одежда на нем, включая испачканные грязью высокие сапоги, была щегольской, модной.

Варка мельком взглянул на залитый кровью камзол и обхватил Жданку, заставив уткнуться в свое плечо.

– Не смотри.

– Да ладно, – вывернулась Жданка, – я и не такое видела.

Но все же смотреть не стала. Господин Лунь, напротив, не торопясь приблизился к мертвецу и без малейшей брезгливости снял с него плащ. Варку передернуло. Но остатки крыльев оказались теперь надежно прикрыты.

Дымом пахло все сильнее. Миновали разгромленную лавку с содранными ставнями и изрубленной топором дверью. Потом еще одну, возле которой валялся расплющенный шлем стражника, громоздились остатки разбитых бочек и нестерпимо несло вином. Однако все запахи по-прежнему заглушал горький запах дыма. На улицах ночью сражались. И гроза нисколько не помешала. Крайн кривился, морщился как от кислого. Видно, его тоже терзало гнусное предчувствие, что город захвачен изнутри, без помощи главных сил хитроумного Вепря.

Словно подтверждая самые худшие подозрения, в конце улицы на фоне рассветного неба обозначились фигуры всадников. Варка тут же принялся соображать, куда бы свернуть, но дома стояли плотно, слепо глядели на мир запертыми дверями и закрытыми ставнями. И главное, мокро, холодно и сил уже никаких нет.

– Свои или чужие? – пытаюсь не впасть в отчаяние и старательно изображая мужскую сдержанность, отрывисто спросил он.

– Сдается мне, рыжая, – заметил крайн, разглядывая всадников, – что ты сейчас упадешь в обморок.

– Скажете тоже. Я в обморок сроду не падала. У нас на Болоте...

– Знаю-знаю. И все-таки ты попытайся, – вкрадчиво прошептал крайн, – нам ведь что свои, что чужие – все едино. Бежали в Бренну из Поречья, жили в трущобах, трущобы затопило, еле спаслись. Ребенок при смерти.

– Ага, – протянула Жданка и тут же повисла на Варке, едва не сбив его с ног. Крайн подхватил ее на руки и неверной походкой двинулся вперед. Варка, тяжело вздохнув, потянулся следом, все ближе и ближе

к грозным всадникам, пока что не обращавшим на жалкую троицу промокших нищих никакого внимания.

* * *

– Господин крайн...

– М-м-м...

– Пресветлый господин крайн...

Ощувив, что его грубо трясут за плечо, Илка вскочил как встрепанный, повалил кресло, отпрыгнул к окну. В руках сами собой возникли сверкающие волнистые клинки. Ушей достиг опасливо-восхищенный говор.

– Пресветлый господин крайн, не гневайтесь.

Илка наконец разлепил веки. Круглый кабинет ратушной башни заполняли солдаты. В первых рядах находился начальник стражи, бледный и напряженный, видимо, потому, что острие одного из клинков дрожало, почти касаясь его небритого подбородка.

– Проспать изволили, пресветлый господин крайн. Десятый час, пора на переговоры.

Илка клинки опустил, но глядел хмуро. К брэннской страже у него никакого доверия не было. К тому же на переговоры предполагалось идти с Варкой. Но красавчик, конечно, подвел. Так и не появился. То ли убит, то ли схвачен, то ли дождем его смыло.

– Ваша охрана, господин крайн. В городе беспокойно. Нынче ночью беспорядки были. наших много полегло. Но не извольте беспокоиться, город отстояли. У нас в Брэнне ни один волос не упадет с головы крайнов. У нас не то что в Трубеже.

– Ага, – собрался с силами Илка, – охрана – это хорошо. А где господин Анджей?

– Не тревожьтесь, прибудет вовремя, – заверил начальник стражи.

– Ладно. Умыться дайте.

Переговоры – дело серьезное. Предстать перед людьми противника с всклокоченной головой и помятой со сна рожей никак нельзя. Крайн он, в конце концов, или не крайн?

Илка проверил, не сперли ли алмазный венец. Кряхтя, вытащил из кармана штанов деревянный гребень. Гребень этот господин Лунь, вняв Илкиным неотступным просьбам, заговорил еще в Столбцах. Подержал в сомкнутых ладонях и отдал с ехидной усмешкой. Волосам

общение с этим гребнем шло на пользу. Они послушно ложились тяжелыми крупными кольцами, да и цвет гнилой соломы уступил место цвету спелой ржи. Пустячок, а приятно.

Хотелось есть. Но завтрак Илка просить не стал. Кто их знает, вдруг они тут думают, что крайнам есть не положено?

* * *

Через полчаса насупленная охрана ввела его в главный зал ратуши прямо из внутренних покоев. Зал был так себе, куда скромнее, чем в Липовце. Высокие окна, глядящие на площадь, светлые стены без украшений, по углам две большие печи в голубых изразцах. Цеховые старшины города Бренны беспокожно слонялись вдоль окон или, измученные плохо проведенной ночью, дремали в расставленных полукругом жестких дубовых креслах.

Почти сразу после Илки по широкой лестнице, ведущей вниз, к выходу, взбежал отряд в кирасах с гербом князя Сенежского, дюжина ратников, которыми распоряжался бравый мужчина с мощной, слегка скособоченной нижней челюстью и цепким взглядом убежденного убийцы. Цеховые старшины при виде этого разгоряченного господина сбились в кучу, как овцы при виде волка.

– Кто это? – тихо спросил Илка.

– Хенрик, – шепотом просветили его, – младший княжич Сенежский. Князь Филипп сам не явился, сынка с нами разбираться прислал.

Вперед храбро выступил городской старшина, землисто-бледный, с набрякшими черными подглазьями, но живой и довольно бодрый. Стражники мужественно расправили плечи и сомкнулись вокруг Илки, видимо, твердо намереваясь воспрепятствовать падению волос с его головы. В щелку между могучими телами Илка мог наблюдать, как разгневанный княжич Хенрик надвигается на городского старшину с неотвратимостью осадного орудия.

– Где мои люди?!

– Полагаю, устроены на ночлег в казарме восточной стены, – спокойно ответил господин Анджей.

– Устроены на ночлег! Вы, верно, обмолвились?! Вероломно схвачены и обезоружены!

– Для их же собственной пользы, – улыбнулся городской старшина, – они были пьяны, буйствовали, а оружие в таких случаях, знаете ли...

– Нет. Не знаю! – слова вылетали изо рта княжеского посланца с такой силой, будто он пытался забивать гвозди нижней челюстью. – Зато я знаю, что вы слишком много себе позволяете!

– Не думаю. Напротив, в изменившихся обстоятельствах это лучшее, что мы можем сделать.

– Изменившихся? – Посол почти навис над городским старшиной. – Накося выкуси! Через неделю, когда спадет вода, просохнут дороги и обнажатся броды, мы возьмем Бренну за горло. И вот тогда... тогда я не стану тратить время на разговоры!

Илка подумал, что хочешь не хочешь, а пора вмешаться, пока этот мужественный красавец не откусил господину Анджею голову.

Растолкав своих охранников, он решительно выбрался на волю, пошевелил собственным, не слишком внушительным подбородком, расправил плечи и сказал, по мере сил воссоздав на лице драконью улыбочку господина Луня:

– Полагаю, вы не осознаете значения изменившихся обстоятельств.

Глаза княжеского посланника уставились на него, ощупали с ног до головы, словно отыскивая круг мишени. Илке это не понравилось, поэтому он быстро перешел к делу.

– Мне поручено передать вам письмо для его сиятельства князя Пучежского и Сенежского.

Отцепив от пояса длинный серебряный футляр, он нарочито медленно извлек из него широкий лист тонкого пергамента, разукрашенный киноварью и золотом, с тремя блестящими печатями и заковыристой подписью господина Луня, начертанной собственноручно.

– На словах считаю своим долгом добавить, – не удержался Илка, уверенный, что типов вроде этого посланца полезно как следует припугнуть, – любое вторжение на землю Пригорья повлечет за собой жестокое наказание. Господин барон Сильвестр Адальберт Косинский в этом уже убедился.

– А что случилось? – спросил кто-то из цеховых старшин.

– Скоро узнаете, – веско произнес Илка и значительно поджал губы.

Все сказанное им было сплошной отсебятиной. По плану следовало вручить письмо и сразу уходить, прикрываясь щитами. Но Варки не было, а Илка понятия не имел, как будет уходить по крышам без помощи тронутого красавчика, да еще при свете дня, когда на улицах полно народу.

– Песья кровь! – сказал княжич Хенрик, просматривая письмо.

– Подобные выражения в присутствии крайнов недопустимы, – мягко пожурил его господин Анджей. Илка тут же постарался сделать лицо мечтательно-отрешенным, как у Варки, а взгляд снисходительно-покорным. Мол, всем известно, что люди – существа грубые, низкие, но мы крайны, мы потерпим. И не такое терпели.

У Хенрика Сенежского разболелась голова. Так бывало всегда, когда кто-то пытался ему перечить. Крайны, вилы им в бок! Крайнов Хенрик видел лишь раз в жизни. Было ему лет семь, и он, ловко сбежав от дядьки, наконец сумел взобраться на стену Сенежской крепости. Тревожный закат полыхал на полнеба, предвещая на завтра жестокую непогоду. Высоко над крепью на север медленно плыли четыре большие птицы, крылатые тени на ярко-алом.

– Крайны, – растолковали ему, – крайны летят домой.

– Я тоже хочу, – заорал он тогда, – хочу летать!

Отец взгрел его хорошенько, и он понял – летать ему не позволят. Но навсегда осталась жгучая зависть к свободе, с которой те птицы скользили в пылающем небе над всеми стенами, границами и запретами.

И вот теперь настоящий крайн стоял перед ними во всей красе своего неземного облика. Облик, честно говоря, был так себе. Щенок. Только-только от мамкиной юбки. Лицо помятое, на заветрившихся скулах красные пятна, нос шелушится, глаза заспанные. Куда больше, чем присутствие этого нахального щенка, убеждали печати. Сразу видно, подлинные, берегающие от покражи, глаза соглядательные и подмены. Манускриптов с такими печатями в кабинете у отца скопилось целая прорва. Договоры с пригорскими крайнами за многие годы.

Можно, конечно, убить мальчишку... прямо сейчас. А заодно прикончить и скользкого мерзавца Осокоря.

Ярость уже застилала глаза кровавым пологом...

Не сейчас. Не время. Хенрик еще раз внимательно вчитался в подпись, медленно, сдерживая дрожь в руках, свернул письмо, спрятал в почтительно поднесенный футляр, коротко поклонился Илке и вышел, не удостоив бреннских старшин даже взглядом. Следом потянулись его люди.

* * *

Илка сразу решил, что ему тоже пора. Но как? Сказать «до свидания» и гордо выйти через дверь? Не выпустят без охраны. Снова отправиться в ратушную башню и красиво вылезти в окно? Проще выпрыгнуть и разом покончить со всеми трудностями, потому что без Варки он все равно не справится.

– Пресветлый господин крайн!.. Он здесь еще?

– Здесь я, – признался Илка и приготовился к очередным неприятностям.

По лестнице быстро взбежала взлохмаченная девица в замызганном переднике поверх строгого черного платья и с разбегу бухнулась Илке в ноги.

– Помогите, господин крайн. Там ребенок умирает.

Илка перепугался.

– Я не травник, – вякнул было он, но его охрана уверенно двинулась к лестнице. Никому и в голову не пришло, что пресветлый крайн может отказать в помощи.

Увлекаемый напором могучих тел, Илка спустился в просторную прихожую, битком набитую пострадавшими от наводнения обитателями трущоб. Такой жалкой нищеты он не видел даже на Липовецком Болоте. Они провели здесь почти всю ночь, и теперь в здании ратуши воняло мокрыми тряпками, дешевым куревом, детскими пеленками и супом, который разливали тут же из двух больших котлов. Уши закладывало от плача младенцев, резких голосов ссорящихся женщин, гулко надсадного кашля.

Илка шел мимо храпящих прямо на полу, жадно склонившихся над мисками, хмуро сосущих кривые трубки, шел, изо всех сил стараясь держать спину прямо, но то и дело косился в сторону светлой арки дверного проема. Смыться бы по-быстрому. Впрочем, тогда доверие к крайнам будет серьезно подорвано. «Ладно, – решил он, – посмотрю и

скажу, что ничего нельзя сделать». В конце концов, крайны тоже не всемогущи.

– Вот они, – сказала его провожатая.

Илка вспомнил Варку, изобразил на лице подходящую к случаю тревожную озабоченность и приблизился к растопленному ради такой ужасной непогоды камину, у которого устроили больного. Ребенка скрывали от глаз скрюченные грязноватые спины, видна была только ручка, расслабленно лежащая на полу. Илка облегченно вздохнул. Ручка была не такая уж и маленькая. Больше всего он боялся, что при виде сморщенного хнычущего младенца его непременно стошнит.

– Не отчаивайтесь, – проворковала девица, – пресветлый господин крайн вам поможет. Как жаль, что стража подобрала вас слишком поздно.

Спины раздвинулись, и Илка увидел рыжую Жданку, бессильно распростертую на грязном, но хорошо знакомом камзоле.

– Ох ты... – сказал он, плюхнувшись рядом с ней на колени. «Накаркал красавчик, – мелькнула ужасная мысль, – все-таки подстрелили».

Жданка распахнула нахальные крапчатые глаза, быстро показала ему язык и снова начала помирать самым жалким образом.

– Елки-палки, – пробормотал Илка, стараясь соображать побыстрее, попытался поскрести в голове, да помешал некстати подвернувшийся под руку алмазный венец. Мокрого и грязного Варку он, конечно, узнал сразу. Но где же господин Лунь?

– Тебе нужна отдельная комната, – шепнули сзади в самое ухо, – вход в коридор слева от лестницы, выберешь третью дверь с левой стороны.

Илка осторожно скосил глаза. Сильно отсыревший, зеленовато-бледный господин Лунь скорчился под чужим плащом и в таком виде ничем не отличался от прочих пострадавших от наводнения.

– Здесь я ничего не могу сделать, – радостно сказал Илка, с плеч которого с шумом обрушился тяжкий груз ответственности, – слишком шумно и ваще накурено.

Охрана бдительно оттесняла с дороги любопытных, стремившихся полюбоваться трогательной картиной: скорбящие родственники и прекрасный крайн с ребенком на руках. Ребеночек оказался тяжеловат.

Добравшись до нужной комнаты, Илка с облегчением сгрузил рыжую на устланную ковром лавку, быстренько выставил за дверь стражу под тем предлогом, что ему мешают, и запер дверь на задвижку.

– Придурок, – тихо простонал Варка, – ты бы хоть для виду живчик пощупал, зрачки проверил... Соображать же надо... травник из тебя как из собачьего хвоста сито.

– У нас, у крайнов, свои методы, – нахально заявил очень довольный Илка.

– А лечить кто будет? – обиделась Жданка. – У меня, может, резь в желудке. Вам-то супу дали, а я в это время в обмороке валялась.

Крайн покопался за пазухой и протянул ей сбереженную краюшку хлеба. Одновременно то же самое сделал Варка. Движения были совершенно одинаковые. Илка отвернулся и с умным видом уставился на пустую чернильницу. Чем дальше, тем забавнее. Кого они надеются одурачить? Себя, друг друга или всех остальных?

Жданка ухватила в каждую руку по краюшке и принялась жадно жевать, откусывая от обеих по очереди.

– Письмо передал? – поинтересовался господин Лунь.

– А как же, – с достоинством ответил Илка. – По-моему, этот посол немного не в себе.

– Есть такое дело...

– Филипп Вепрь, наверное, совсем из ума выжил, такого на переговоры посылать.

– О, нет. Княжич Хенрик не умеет договариваться. Зато запугивать умеет блестяще. Снимай всю эту красоту. Сейчас уходим.

– Куда? – спросил Илка, озираясь в поисках потайной двери или другого тайного хода. Ничего такого на первый взгляд не обнаружилось. Три высоких окна, в простенке скучный шкаф, забитый плотно скрученными свитками и толстыми растрепанными тетрадами, несколько конторок с чернильницами и огрызками перьев, широкие лавки, застоявшийся запах пыли.

Крайн, как всегда не желая отвечать на глупые вопросы, подошел к угловому окну, дернул задвижки. Тяжелая рама легко пошла в сторону, выпуская холодный, пахнувший дымом уличный воздух. Господин Лунь сбросил чужой плащ, одним движением расстелил его на столе, сдернул с Илкиной головы постылый венец. Илка опомнился и принялся расстегивать драгоценный пояс. В конце концов на столе

красовался увесистый сверток, а Илка ничем не отличался от Варки. Обычный босоногий бродяга, из одежды – штаны да рубаха, только сухие и чистые.

– Садись, пиши, – сказал крайн, натягивая отобранный у Жданки камзол. – «Деньги, вырученные от продажи оставленных мной драгоценностей, следует употребить на постройку жилья для пострадавших от наводнения». Красиво пиши, разборчиво.

Илка ухватил чернильницу, отыскал лист бумаги попригляднее.

– Вам, конечно, видней, – заметил он, размахивая листком, чтоб чернила просохли, – но такие камни... все равно ведь сопрут. Сразу или потом, пока будут строить, все разворуют. Кому они нужны, эти пострадавшие?

– Вполне возможно, – согласился крайн и легко вскочил на подоконник. Варка с удивлением сообразил, что хромота у него прошла. Ну, почти прошла. Если не знать, и не заметишь.

– Нас увидят, – встревожился осторожный Илка, – на площади полно солдат.

– Не увидят. Окно угловое, скрыто за водостоком и выходит в переулок, – сообщил крайн перед тем, как спрыгнуть вниз.

* * *

Переулок, оказавшийся узкой щелью между двумя глухими стенами, вывел их на задворки ратуши. Угольный склад, вокруг которого стояли черные лужи, вконец раскисшая вонючая помойка с парочкой мокрых, но шустрых ворон, какие-то сараи, покосившиеся дощатые заборы. Грязная тропинка, долго петлявшая между ними, наконец выбралась на другую улицу, чистенькую, приличную, ухоженную.

Здесь шла обычная жизнь. Горожане, несмотря на обилие стражи на каждом углу, потихоньку занимались своими делами. Туда-сюда, робко озираясь, сновали прохожие, открыли ставни две-три лавки, на углу, у трактира какой-то отчаянный торговец предлагал проходящим пиво, копченую рыбешку, горячие пирожки. Проходя мимо, Илка отвернулся. Ему-то с утра не перепало ни крошки.

– Далеко еще? – спросил он.

– Не очень, – порадовал его крайн, – к вечеру будем в Стрелицах. Если там лошадей не найдем, еще два дня пешком топать.

– Как! – ужаснулся Илка. – Я думал, через колодец...

– Затопило наши колодцы. Оба.

– Как же... а на башне?

Крайн тяжело вздохнул. Необходимость без конца все объяснять угнетала.

– Путь туда не равен пути обратно.

– Как это не равен? – озадачился Илка.

– Каждый колодец работает только в одну сторону, – догадался Варка.

– Нет, погодите, если от Бренны до Починка-Верхнего сорок верст, то и от Починка до Бренны тоже сорок.

Крайн утомленно возвел глаза к серенькому небу со слабо светившимся солнечным диском.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал Варка, – пешком так пешком. В первый раз, что ли...

– А сколько у нас денег? – нехорошим голосом спросил Илка.

Тут господин Лунь спустился с небес на землю, до боли знакомым движением запустил руки в свою слипшуюся от воды шевелюру.

– Так я и знал, – пробормотал Илка. – Молниями они командуют. Стихиями повелевают. Натиск тысячных армий отражают в два счета. А жрать, как всегда, нечего.

Ничего не найдя в спутанных волосах, крайн принялся на ходу обследовать карманы и вытащил на свет пару заваливавшихся монеток.

– Ну вот, это ужин.

– А обед?! – застонал Илка.

– Обед уже был.

– Почему бы нам не пойти к городскому старшине? Он и накормил бы, и лошадей бы дал...

– В таком виде? – хмыкнул Варка. – Пресветлые крайны в лохмотьях не ходят.

– Пресветлые крайны вообще не ходят, – заметил господин Лунь. – Пресветлые крайны летают, и лошади им ни к чему. Не будем разрушать нашу репутацию. Легенда о нас – наше лучшее оружие.

Жданка нарочно замедлила шаг, пихнула Илку локтем, тайком протянула ему украденный пирожок, из рукава вытряхнула две рыбешки. Рыбешки Илка припрятал, а пирог в два приема затолкал в

рот и принялся жевать, косясь на крайна, который старательно делал вид, что ничего не замечает.

Таким порядком они и двигались по промытым дождем тесным брэннским улицам, не слишком отличаясь от прочих прохожих. Немало потрепанных бродяг вроде них брели к северным воротам, покидая Бренну в поисках лучшей доли в пока еще тихом и сытом Пригорье.

Трубежские ворота, или, скорее, широкий пролом в стене, никак не охранялись. Небо очистилось, солнце сияло так, будто никакого дождя никогда не было. Жданка, закатав повыше штаны, с удовольствием шлепала по теплой грязи. Варка шел, в задумчивости то и дело влезая в мутные лужи. То, что он сделал прошедшей ночью, пугало его. Надо же, молнии... Как бы еще чего не натворить ненароком. Илка на ходу клевал носом, вяло загребая босыми ногами скользкую жижу.

Крайн брел по обочине, ухитрившись каким-то чудом почти не запачкать сапог, грыз соломинку, думал свою думу. Думы были невеселые, в основном о господине Филиппе, князе Сенежском, его буйных сыновьях и могучем войске. Хорошая вещь – дипломатия, если у тебя за спиной мощь великой страны. А если нет?

* * *

Его сиятельство князь Филипп работал. На столе во всю длину был развернут холст с картой княжества и сопредельных территорий. Карта была новая, еще пахнувшая клеем, краской и свежим лаком. На ней Пригорье, клочок земли между мастерски выписанными горами, синей лентой Тихвицы и Брэннскими болотами, мирно пребывало в границах княжества. От жары запах лака казался еще сильнее, и узкое окно приходилось держать открытым.

– Добрицы, сотня дворов, – продолжал подсчитывать князь, – с каждого двора по шесть пудов зерна, двадцать пудов сена и здоровому рекруту, с каждых пяти дворов – по лошади... Так-так... если взглянуть на общий итог, имеется возможность еще до осени полностью набрать два полка пехоты. Тогда вопрос о Тихвицком Поречье решится сам собой. А вот с Косинцом все будет не так просто. Но если косинского волка удастся выманить из его норы и разбить здесь, в Пригорье... Тогда все устроится великолепно. Господин князь Сенежский в роли храброго защитника несчастного Пригорья и

господин барон Косинский, погибший на поле брани. Наследника у него нет. Зато имеется сестрица брачного возраста. Сестру выдаем за старшего княжича, ибо негоже родовитой девице оставаться одной. При таком раскладе совесть наша чиста, побуждения, как всякому видно, вполне благородны, а княжество приобретает приятные глазу размеры.

– От Лютина пока ничего не слышно? – бросил он в приоткрытую дверь.

– Нет, ваше сиятельство, пока ничего, – донесся хриплый басок ближнего писца.

Лютин сидел в Косинце уже третий год, умело науськивая молодого барона на богатое Пригорье. Кстати прихлась и сказочка о крайновом золоте. Сам Филипп на это золото не рассчитывал. Есть там что, нет ли, а с крайнами шутки плохи.

Стукнуло окно, послышался шорох и странное царпанье. Князь поднял голову. Прямо по карте, противно скребя коготками по шершавому холсту, к нему шла птица. Озерная чайка, которых на Сенежских холмах никогда не водилось.

Князь разогнул занемевшую спину, протер глаза. Чайка уставилась на него, склонив голову, и обиженно вскрикнула. Почти не задумываясь, князь Филипп отстегнул от протянутой лапки серебряную коробочку, развернул тонкий шелковистый листок.

«Дорогой названный дядюшка. Чрезвычайно признателен Вам за благородное стремление спасти Пригорье от известного своей жестокостью Адальберта-Волка. Должен сообщить, однако, что Ваши тревоги напрасны. Отныне господин барон не представляет для нас никакой опасности. Надеюсь, что войска, сосредоточенные в Лисьих Норах и уBloшиных пригорков, пригодятся Вам в другом месте. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас и за то, что Вы, заботясь о благе Пригорья, сочли возможным собирать подати и вербовать рекрутов на исконной земле крайнов. Спешу сообщить вам, что теперь в этом нет никакой необходимости.»

Еще раз спасибо за заботу. Как у вас погода? Надеюсь, хорошая? В Бренне, говорят, проливные дожди.

*Писано в Крайновых горках в месяца травня тридцатый день.
Рарог Лунь Ар-Морран, старший крайн».*

Рука в старческих выступающих венах дрогнула. Тонкий листок порвался. Князь положил его на угол стола, осторожно разгладил. Пальцы сводила мелкая противная дрожь. Старость. Враг опасный и неодолимый. Он поднял глаза. Птицы на столе уже не было. Лишь на карте, прямо посреди княжества Сенежского, аккурат под геральдическим ведром, красовалась небольшая, но вонючая кучка.

Какое-то время князь Филипп созерцал ее в глубокой задумчивости. Что это? Досадная случайность или некий намек? Юный паршивец Лунь-младший был большой мастер на такие пакости. Нет, конечно, это обман. Малолетнего сквернавца никогда бы не сделали старшим крайном.

Хотя с другой стороны, он – ровесник Хенрика, стало быть, сейчас ему слегка за тридцать. Происхождение у него подходящее. М-да, красивая была карта...

– Ваше сиятельство...

– Да-да, я слышу. Что там еще? Новости от Лютина?

– Господин Лютин прибыл лично.

Князь Филипп поморщился. Лютин мог явиться в Сенеж открыто только в одном случае...

– Впусти. Ну, чем порадуешь? – спросил он, не поворачивая головы.

– В Косинце чума, – хрипло сказали от двери. – Армия разбита, дорога в Пригорье перерезана. Я перебрался окольными тропами.

– Вот как... Что еще?

– Крайны вернулись.

– Хм.

– Клянусь, это правда. Видел своими глазами.

– Верю, – вздохнул князь Филипп, – и хотел бы усомниться, да не могу.

Глава 16

Дорога была такой скверной, что даже неунывающая Жданка скоро сникла и еле передвигала ноги, ставшие от налипшей грязи чуть ли не в три пуда весом. Господин Лунь то и дело изящно прикрывал рот рукой. Варка с Илкой скользили, спотыкались и зевали без всякого изящества. Солнце пекло, насквозь прожигая давно высохшие рубахи.

– Может, соснем где-нибудь, – предложил Илка.

– Дойдем до леса, тогда и соснем, – милостиво согласился крайн.

«Рыжую жалеет, – подумал Варка, – ради нас с Илкой отдыхать не стал бы».

Дорога спускалась в глубокую сырую балку. На дне балки прочно завязла телега. Возле телеги возились двое. Один тянул и нахлестывал лошадь, другой толкал сзади. Ничего не помогало. Колеса тонули в грязи по ступицу, лошадь увязла почти по колено, а люди перемазались с ног до головы. Рыжая глина висела на них комьями и отваливалась засохшими корками.

«Здорово, – подумал Варка, – небось, и мы не чище».

– Здравсьте, дядечка Антон! – звонко сказала Жданка. – Опять мы вас на дороге встречаем.

Тянувший лошадь обернулся, стирая с лица ржавые брызги.

– Подтолкните, – приказал крайн.

Варка с Илкой, прошлепав по грязи, дружно подставили плечи под углы телеги, крайн что-то шепнул лошади, и злосчастный экипаж с чавканьем и скрипом выполз из размытой колеи. Второй мужик, толкавший сзади, с облегчением разогнулся. Но выпрямиться до конца так и не смог. Правое плечо нелепо торчало вперед. Правая рука висела на грязной перевязи, и все ширококостное, крупное тело нелепо клонилось вправо. Лицо же... Синие точки вьевшегося под кожу пороха вперемежку с багровыми узлами обгоревшей плоти. Варка глянул раз и поспешно отвел глаза. Жданка ойкнула.

– Здравствуй, Тонда, – тихо сказал крайн, – давно не видались.

– Ого, – хмыкнул Тонда, – неужто сам пресветлый господин крайн? Где ж ты шлялся столько лет?

– Далекко. Тебе и не снилось.

– Видок у тебя... будто корова жевала.

– На себя посмотри.

– Слышь, Варка, – вмешался в трогательную беседу дядька Антон, – что дашь, ежели я вас домой отвезу?

– Ну, батя, – тяжело вздохнул Тонда, – хоть бы молодых господ постыдился.

– А чё... Они вон княжеское войско, как крыс, утопили... Неужто у них заплатить нечем? Нам-то тоже жить надо.

– А за поле кто нам заплатит? – не остался в долгу крайн, которого эта перепалка отчего-то начала забавлять.

– Какое такое поле?

– То самое...

– Ладно, – сдался дядька Антон, – квиты.

– Ох, батя-батя, – пробормотал Тонда.

– Влезайте, – скомандовал дядька Антон, – ночуем в Стрелицах. Завтра к вечеру будем дома.

«Будем дома», – вертелось в сонной голове вытянувшегося на дне телеги Варки. В ухо дышала спящая Жданка. Грязная дорога давно кончилась. Оказалось, что буря неистовствовала только в окрестностях Бренны. Колеса, поскрипывая, бодро катились по сухим колеям. В небе перед глазами маячили две мужские спины. Друзья детства, свесив ноги, устроились на задке телеги.

– Порох вез... – долетали до Варки отдельные слова, – головней горящей попало... огонь до неба, самого по дороге размазало.

– С лицом твоим я уж ничего не сделаю, слишком поздно...

– Что лицо... у меня вся правая сторона такая... Глаза чудом спас.

– Руку дай... так... ага... ага... Руку я тебе поправлю. Тонкую работу не сможешь, но ложку удержишь.

– А топор?

– Со временем и топор. Тебе говорили, что у тебя три ребра сломано? Срослись неправильно. В общем, выпрямлю я тебя. Пару недель полежишь и будешь как новенький. Но девки любить не будут.

– Ага. Обрадовался. Теперь все девки твои. Но ежели ты к Петре...

– И чего будет?

– Нос твой господский расквашу.

– Ладно-ладно. Как только руку тебе поправлю, так сразу и расквасишь.

«Будем дома, – постукивали лошадиные копыта, – будем дома».

* * *

Дома... Чистые льняные простыни ласкали тело. Пахло мятой, натертым паркетом, нагретой домашней пылью. Солнечный луч бродил по подушке, пытаясь прорваться сквозь сомкнутые веки. Варка не выдержал, открыл глаза. Солнечные квадраты привычно лежали на полу мансарды. Белый, желтый, зеленый... Зеленый? Варка подскочил, и голову тут же пронзила острая боль. Окон с цветными стеклами в его спальне отродясь не было. Так же как и резных столбиков на кровати, об один из которых он крепко приложился затылком.

Столбики поддерживали изумрудно-зеленый полог, расшитый серебряными цветами и птицами. Варка сел, потирая потылицу.

Белоснежная простыня с упругим шелестом стекла на пол. Сбитые, стертые от хождения в скверной обуви ступни торчали из-под шелкового подола ночной рубашки. Рубашка была с вышивкой, с кружевцами, но несомненно мужская. Таких рубашечек у Варки тоже отродясь не было. Даже дома.

Собрав волю в кулак, он приказал себе проснуться. Не помогло. Для верности дернул себя за волосы. Больно. Но по-прежнему ничего не понятно. Спать-то он ложился в стрелицкой корчме, в общей комнате, на расстеленном во всю длину низкого закопченного помещения войлоке. Под голову там полагалось подкладывать свои вещи, чтоб не сперли, а одеял никаких не давали, не говоря уже о простынях. Улеглись вповалку, с одного боку привычно пристроилась Жданка, с другого рухнул и сразу же захрапел осоловевший после сытного ужина Илка.

Рядом, за белой пеной кружев кто-то солидно всхрапнул. Варка вздрогнул и принялся торопливо разгребать простыни и перины. На соседней подушке обнаружился очень знакомый затылок. Продолжив раскопки, Варка нащупал костлявые плечи и, поднатужившись, перевернул тяжелое тело. Открылась помятая Илкина физиономия.

«Нет, – очень быстро забормотал Илка, не открывая глаз, – не пойду. Даже не просите. У меня горло болит. И голова. И живот. И вообще, сегодня праздник». Высказавшись, он выскользнул из Варкиных рук, шустро, как перепуганный крот, зарылся в недра постели и для верности накрыл голову подушкой.

Подобное поведение ничего не объясняло. Например, почему на Илке надета такая же нелепая, но дорогая ночная рубашка? И отмыт он

до розового поросячьего цвета. Между тем, насколько Варка помнил, в последний раз они пытались отмыться от липкой дорожной грязи в илистой речушке Мологе как раз перед Стрелицами. Прделано это было по настоянию господина Луня, который утверждал, что в таком виде их в корчму не пустят, разве что в хлев, и то навряд ли.

Тут Варка перепугался окончательно. Да что же это такое! Неужели он так долго болел, что пропустил уйму важных событий? Или, может, ударился головой и все забыл? В панике он спрыгнул с высокой постели и треснулся коленкой о резной табурет. На табурете была аккуратно сложена его одежда, выстиранная, выглаженная и, кажется, даже надушенная. Торопливо стащив через голову чужую рубашку, он переоделся в свое, родное, и почувствовал себя гораздо увереннее.

Так-так, комната большая, в три окна. На окнах – витражи, что-то зеленое с золотом, а за витражами – перекрестье теней. Решетки. Варка передернулся и метнулся к высокой двери темного дуба. Заперто. Стараясь не шуметь, обежал огромную кровать с другой стороны. Там оказалась табуретка с Илкиной одеждой и вторая дверь. Без особой надежды толкнул ее. Неожиданно дверь поддалась. Варка вовремя вспомнил об осторожности, придержал ее, припал к открывшейся щели и увидел крайна.

Господин Лунь, окруженный старательно взбитыми подушками, полулежал в кресле с высокой спинкой. От алого атласа наволочек бледные щеки окрасились нездоровым румянцем, разметавшиеся волосы стекали с подушек серебряными струями. Резко очерченное лицо безмятежно как королевский профиль на монете. Живой или нет?

Варка опустил взгляд ниже и сдавленно охнул. Длинные руки крайна были накрепко привязаны к подлокотникам. Не просто прикручены в запястьях, а от локтя до кончиков пальцев обмотаны широкими, очень чистыми полотенцами. Так обычно любящие родственники связывают дорогих сердцу, но опасных безумцев. Варка слегка успокоился. Связан – значит, живой.

Густые ресницы дрогнули, поднялись, открывая глаза цвета неба над угасшим зимним закатом.

Безмятежность исчезла, сменившись подлинной яростью.

– Ты! – прошипел крайн, явно обращаясь к кому-то в комнате, дернулся и бессильно упал в кресло. Похоже, кроме рук, его привязали еще и за пояс.

Варка, проявив почти немислимое благоразумие, решил пока не кидаться на помощь, а понаблюдать, выждать. Может, там вся комната набита неведомыми врагами. Неплохо бы выяснить, кто они и чего им надо.

На первый вопрос он получил ответ почти сразу.

– Гронский! – выплюнул господин Лунь.

Варка мгновенно заледенел. Оказаться в Трубеже в лапах гнусной семейки Гронских... Хуже не бывает.

– Как ты себя чувствуешь? – вежливейшим образом осведомился невидимый Влад Гронский. – Хочешь пить? У меня есть хорошее легкое вино. Или, может быть, завтрак?

– Прощайся со своей душой, – ласково посоветовал господин Лунь. – Не всегда ты сможешь прятаться у меня за спиной.

– Я не прячусь. Готов смотреть тебе в глаза в любое время дня и ночи. Я ни в чем не виноват перед тобой.

– Никто не виноват. Но все, кого я любил, мертвы.

– Я всего-навсего хотел бы побеседовать с тобой. Согласись, это удобнее сделать за бутылкой вина, и теперь, когда ты у меня в гостях...

– Гостеприимство во вкусе тетушки Элоизы. Гость связан, на окнах решетки, за дверью – вооруженная охрана.

«За дверью – это хорошо, – подумал Варка, – лишь бы не в комнате».

– Там, на дороге, на глазах у моих людей, я умолял тебя на коленях...

– О, какое унижение для рода Гронских...

– Ты даже не взглянул на меня.

– Зато сделал то, о чем ты просил.

– Да-да. Я наблюдал со стрелицкой колокольни. Это было великолепно. Но мне хотелось бы, чтоб ты выслушал...

– И потому приказал Кривому Алеку подсыпать какую-то дрянь в наше пиво, и без того паршивое? Ведь это было в пиве, не так ли? Такую гадость никакой яд уже не сделает хуже.

– Уверяю тебя, это никому не повредило. Легкое снотворное. Старый добрый рецепт госпожи Анны.

– Имя это не пачкай.

– Поверь мне, я...

– Избавь меня от пустословия. Где дети?

– Мальчики спят в соседней комнате. Я приказал обращаться с ними наилучшим образом.

– Так вы и детей схватили... Надеешься, что ради них я буду поговорчивей?

– Почему ты все толкуешь в дурную сторону? Я просто позаботился о них. Нехорошо, когда пресветлые крайны ночуют на полу в придорожной корчме.

– Не Гронским решать, что для крайнов хорошо, а что дурно.

Теперь господин Лунь не выглядел безмятежным. Глаза скрылись под тяжелыми веками, на искаженное лицо плотно легла маска ненавистного Крысы. Варка даже испугался. Оказывается, он здорово отвык от такого господина Луня.

За дверью слышались шаги, щель заслонила могучая спина, плотно обтянутая простроченным бархатом камзола. В Варкиной ладони сам собой возник волнистый клинок вроде тех, что так здорово получались у Илки. Другие бьют в спину или травят и вяжут сонных. Отчего же самому не попробовать? Он перехватил нож поудобней, почувствовал его холодную тяжесть и вздрогнул, припомнив, как тогда, в Колокольном, железо вошло в мягкую скользкую плоть. «Давай, – в отчаянии приказал он себе, – давай же, слабак, малявка...»

– Не понимаю... – с неподдельной тоской вздохнул Влад Гронский, – откуда такая ненависть? У нас в доме тебя принимали как родного... Элоиза обожала твои песни... И ты должен знать: в тот день меня не было в городе, а если бы был – непременно вмешался бы. Ничего нет страшней слепой ярости безумной толпы...

– Очень удачно подобранная толпа. И очень, очень хорошо оплаченная ярость, – прошипел крайн, – и отряд городской стражи ты увел из города как раз вовремя.

– Ты веришь во все эти сплетни?

– Я не верю. Я знаю.

– Но... только прошу, не подумай ничего дурного... имя твоей матери для меня свято... Но все же ей не следовало привечать в городе этих прокаженных.

– Конечно. Следовало бросить их умирать на дороге. Нет. Прости, ошибся. Следовало прикончить их на месте, а тела предать сожжению, чтоб зараза не распространилась. Я правильно рассуждаю? Кажется, это по-человечески. Впрочем, это и было сделано. Больных

прикончили. Госпиталь сожгли. Она держала щит перед ними, пока могла, но не нашлось никого, чтобы держать щит над ней.

– Это была случайность...

– Случайный камень из сотни брошенных и прямо в висок. Второй, третий и четвертый случайные камни достались уже мертвой. Она была всего лишь маленькая нежная крайна. Ей хватило и одного.

– Никто не желал ее смерти. Ее все любили, ты же знаешь... Просто люди обезумели от страха... Все-таки проказа...

– Проказа прилипчива. Не знаешь, из громивших госпиталь кто-нибудь заболел? Сейчас на улицах Трубежа должно быть полно искалеченных прокаженных. Нет? Ни одного не видел?

Влад Гронский снова вздохнул. Видно, не понимал, к чему клонит его разъяренный собеседник.

– Так вот, – слегка задыхаясь, продолжал господин Лунь, – не было там никаких прокаженных. Обычные беженцы, ослабевшие от голода. Короста у них была, лишаи, чесотка. Но кто-то... Кто-то очень хотел избавиться от крайнов.

– Но кто мог желать... – туго, через силу начал Гронский.

– Ты правда так наивен или прикидываешься? Весь цвет цехового совета, краса и гордость трубежской и брэннской торговли... Все эти Мочальские, Брыльские, Макиши... Все те, кому договор мешал заработать лишний грош или просто казался обременительным. Все, кто твердил, что жизнь по договору – лишь жалкое прозябание, что времена изменились и нынче так жить нельзя. Надо брать от жизни все. Свобода во имя полной свободы. Порадуй себя, ты этого достоин... ну и так далее.

– Но что в этом дурного? – печально спросил его собеседник. – Ведь ты и сам в свое время... Славно тогда повеселились.

– Зато теперь почему-то всем очень грустно, – отрезал крайн, – так грустно, что ты готов у меня в ногах валяться. А твой дядюшка Стас, городской старшина, едва прослышав, что крайны вернулись, приказывает тебе раздобыть хоть одного. Тот самый Стас Гронский, который тогда, пятнадцать лет назад, и провернул все дело. Мелкие стычки по разным поводам, постоянные отступления от договора – все это тянулось долго, очень долго. Но крайны терпели. Мой отец погиб, отводя от Пригорья черную бурю. А мать даже пыталась жить среди людей... как в старые времена.

– Да-да, – пробормотал Гронский, – я знаю.

– Поэтому твой хитромудрый дядюшка постарался нанести такое оскорбление, чтоб проняло даже нас, таких добрых и всепрощающих. И это ему удалось.

Варка все колебался... Кончать надо одним ударом. Оставить Гронского в живых – он тут же позовет на помощь. Просто заткнуть ему рот – не выйдет. Уж очень он здоровый. Вот если бы руки у крайна были свободны... Ледяной нож жег пальцы. Варка на время убрал его, вытер руку о штаны и вдруг почувствовал, что над ухом кто-то сопит.

– Чего там? – прошептал Илка, плечом пытаясь оттеснить его от щели.

Варка быстро зажал ему рот и попробовал объясниться, закатывая глаза и грозно шевеля бровями.

– Это горе в тебе говорит. Все виноватых ищешь, – сказал Гронский, – доказательств нет, и я сомневаюсь...

– Зато я уверен, – брезгливо отозвался господин Лунь. – Видишь ли, у меня есть свидетель. Марилла выжила.

В комнате что-то стукнуло, разбилось, широкая спина исчезла из поля зрения.

– Я вижу, ты удивлен, – заметил крайн. Он откинулся на подушки, бледный, как будто снова терял кровь капля за каплей, и отрешенно глядел в потолок. – Вы же так старались ее убить. Десять головорезов – это много даже для крайны.

– Каких головорезов, песья кровь! – хрипло прошептал Влад. – Ты что... Мне сказали, она погибла в госпитале, вместе со всеми...

– И тебя это огорчило, не так ли? Оделся в рубище и посыпал голову пеплом. Ночей не спал. Не пил и не ел.

– Пил... – прервал поток издевательских замечаний Влад, – неделю пил не просыхая...

– Так вот, в тот день ее не было в городе. Еще до рассвета она ушла собирать душицу к Сафонову обрыву. Ее поджидали за Сафоновой рощей.

– Но им не удалось?..

– Нет.

– Почему?

– Потому что она собирала травы не одна. Твой брат пожелал проститься с ней.

– Ясь вернулся в армию. Он убит под Кременцом еще в самом начале войны.

– Тебе так сказали или ты сам выдумал эту ложь? Не доехал твой брат до армии. Тем утром он был с ней. Так что вашим людям очень не повезло. Прежде чем потерять сознание, он зарубил семерых. Трех успокоила сама Марилла. Только троих. Они-то остались живы. Дратья ее никто не учил, сам понимаешь. Ей и не снилось, что люди могут быть настолько жестоки.

– Почему она не улетела?

– Не могла его бросить. Впрочем, человеку этого не понять. А еще у них были арбалеты. Птиц и крайнов лучше бить влет. Но, видишь ли, несмотря ни на что, она узнала кое-кого из нападавших. Там были стремянный твоего дядюшки, младший конюх и, что самое любопытное, четверо доверенных телохранителей милой тетушки Элоизы.

– Неправда!

– Правда. У прекрасной Элоизы был свой интерес. Весь город знал, что она положила глаз на твоего старшего брата.

– Д-да... я тоже замечал. Но не верил. Все-таки родственница, как-никак тетка.

– Только по мужу. Лет на десять постарше Яся, но ее это, как видно, не волновало. Еще бы. Красавец, герой войны, полковник королевской гвардии. Марилла мешала ей куда больше, чем моя мать. Хотя моя мать тоже мешала. Трудно быть первой дамой в городе, когда рядом прекрасные крайны. Сравнение не в пользу тетушки Элоизы. Что это цвет лица у тебя... Того гляди удар хватит. Но я тебя спасти не буду. Даже если бы руки свободны были, не стал бы.

Варка понял, что враг ослабел, и, многозначительно толкнув Илку, с грохотом ворвался в покорно распахнувшуюся дверь. Господин Влад в это время приложился к бутылке и, запрокинув голову, как раз сделал порядочный глоток. Варка левой рукой вцепился в его волосы, стянутые в короткий хвост, сильно дернул вниз. В правой руке вновь возник нож, с разгону пропоровший высокий ворот камзола. Острие впилось в обнажившуюся шею. Илка в этот миг кромсал сложные пути господина Луны.

Влад Гронский, осторожно разжав пальцы, позволил бутылке упасть и медленно развел руки. Нож дрожал у его горла. Мальчишку-

крайна трясло то ли от страха, то ли от ярости. По опыту Влад очень хорошо знал, что может натворить перепуганный новобранец. Перед глазами всплыло лицо Козьего Пастыря, наискось рассеченное запекшимися кровью шрамами. Только не раздражать, не делать резких движений.

– Замри, – прошипел мальчишка, – не дергайся!

Влад дергаться не собирался. Плавно, почти незаметно переменив позу, он слегка повел плечом и резко выкрутил мальчишке руку, надеясь перехватить нож. Это ему удалось, вот только нож исчез прямо из сомкнутых пальцев, а мальчишка вывернулся, как намыленный, и через секунду оказался рядом с крайном, брезгливо стряхнувшим с рук остатки льняных полотенец с вышитым гербом Гронских.

– Я твой щит!

– Безусловно, – согласился крайн, – только не надо так орать.

Влад тяжело вздохнул. Он знал, что такое щит. Да еще тройной. Теперь по ним хоть из пушки пали...

Друг юности Варка Лунь и в связанном виде был не слишком приветлив. Теперь же задушевной беседе наверняка конец. Влад поморщился, поправил ворот, осторожно провел пальцем по шее. Царапина сильно кровоточила.

– Это тебе за Жданку, – мрачно сказал Варка, – еще к нам полезешь – вообще голову отрежу.

– Кстати, где рыжая? – поинтересовался крайн, неторопливо поднимаясь. – Зовите ее, мы уходим.

Варка с Илкой переглянулись.

– А... разве она не с вами?

Господин Лунь, приподняв левую бровь, обратил взор на Влада:

– Где девочка?

– Девочка? – смущенно пробормотал Влад.

– Так я и знал! – выдохнул Варка, рванулся к нему и обмяк, упал на колени, остановленный железной рукой господина Луня.

«Все-таки сорвался, – подумал Влад, – совсем еще зеленый». Юный крайн давился сухим бесслезным плачем, силился что-то сказать, но изо рта вылетали только отдельные слова.

– Убийца... я так и знал... еще зимой хотели... зачем... зачем... я же говорил, не надо ее брать.

Оставив Варку, крайн шагнул вперед.

– Где девочка, Гронский?

Полчаса назад Влад Гронский утверждал, что готов бестрепетно смотреть в глаза крайна, в смертоносный холодный вихрь, неотвратимо приближавшийся, чтобы поглотить его душу. Закрыв лицо руками, он отшатнулся, спиной вперед нырнул в приоткрытую дверь и, срывая ногти, запер ее за собой.

* * *

– Эй, – растерянно сказал Илка, в который раз почувствовав себя единственным вменяемым в компании опасных безумцев, – может, мы сначала уйдем отсюда, а уж потом...

Что будет потом, он точно не знал. Представить Жданку мертвой не мог. Белое лицо в ржавых точках веснушек... Рыжие волосы в липкой красной луже... Б-р-р...

Крайн нагнулся, резко поставил Варку на ноги.

– Ивар...

– А... – безжизненно отозвался Варка.

– Надо уходить.

– Да.

– Здесь в доме есть колодец. Идем.

– Да, – повторил Варка, которого крепко взяли выше локтя и подтолкнули к двери.

– А что до славного города Трубежа, – мерно, будто вколачивая в гроб дюймовые гвозди, проговорил крайн, – крайны построили его, крайны его и разрушат.

Глава 17

За дверью не оказалось никакой охраны. В длинном темноватом коридоре было пусто и так тихо, словно заветная мечта господина Луны уже сбылась и род Гронских исчез с лица земли. Крайн уверенно двинулся вправо мимо ряда узких, забранных цветным стеклом окон.

«Ненавижу витражи», – устало подумал Варка, привычно пристраиваясь по правую руку.

– Я твой щит, – пробормотал Илка, заняв свое место слева.

Они шли в мертвой тишине мимо цветных стекол и темных дубовых панелей. Откуда-то снаружи, из-за непроницаемых окон доносился неясный шорох. «Дождь», – прошептал Варка. Разве за проклятыми стеклами поймешь? Полчаса назад ему казалось, что светит солнце. Шум и плеск становились все громче, стали различимы глухие удары, треск, неясные крики. Илка покосился на крайна. Господин Лунь продолжал идти с таким видом, будто все это его не касается. Цветные стекла ближайшего окна со звоном брызнули в стороны, жалобно дребезжа, посыпались на пол. О щит с Варкиной стороны со всего маху ударился здоровенный булыжник. В дыру ворвался яркий дневной свет.

«Ого», – сказал Илка, в глубине души надеясь на объяснение. Крайн дернул плечом, снова свернул направо, и внезапно они вышли наружу. Крытая галерея тянулась над широким квадратным двором. На дворе было шумно илюдно. Даже слишком людно. Но в сломанные ворота продолжала ломиться толпа. Горожане вели себя беспокойно: швырялись выдранными из мостовой камнями, размахивали ножами, навозными вилами и заборными кольями. При этом они нечленораздельно, но громко вопили. Насколько Илка смог разобрать, речь шла о крайнах. «Не любят нас здесь», – заметил он, рассчитывая все-таки выманить объяснение. «Держи щит», – прозвучало в ответ. С этим Илка спорить не стал. Стражники, оцетинившись алебардами, медленно отступали по угловым лестницам на галерею, наверху изготовились арбалетчики, но стрелять пока не решались. Среди галдящей толпы возвышалось несколько конных. Лошади нервничали, плясали на месте, толпа шарахалась от них, но тут же смыкалась снова. Варка, кривя рот, то и дело косился вниз, в ожидании нового

камня. Вдруг, слабо охнув, он разорвал щит, одним прыжком взлетел на перила, ухватился за какой-то кстати подвернувшийся под руку толстый шнур и прыгнул. В руки впились колкие серебряные нити, стяг с гербом дома Гронских не выдержал такого грубого обращения, затрещал и оборвался, повис, подметая землю пышной бахромой, но Варка успел коснуться ногами затоптанной брусчатки, удачно проскользнув между заточенным колом и лезвием мясницкого ножа. Наскоро обтерев о штаны окровавленные руки, он решительно рванул сквозь толпу.

– Тронутый, – простонал Илка, бросившись к перилам, – куда тебя несет!

И с одного взгляда понял куда. Посреди двора крутилась сытая лошадка дядьки Антона. Из-за спины криво, но цепко сидевшего на ней Тонды торчали рыжие патлы и тощая рука, отчаянно махавшая Варке. Варка пробрался к лошади, нырнул почти под брюхо, рискуя, что на него сейчас же наступят, с разгону уткнулся лицом в исцарапанную чумазую коленку.

– Дура, я думал, они тебя...

– А я думала, они вас... – всхлипнула Жданка и сползла с широкого крупа, обрушилась прямо ему на голову. Варка едва удержался на ногах, неловко подхватил ее и первым делом как следует встряхнул, очевидно надеясь таким способом проверить, все ли в порядке. Вокруг страшно орали, но он не обращал на это внимания.

– Они вломились, – сквозь слезы забормотала Жданка, – а вы спите! Я тебя трясу, а ты как мертвый, я к дядьке Антону – а он не шевелится и не храпит даже. Они вас потащили... а я... я-то что могу! Они все в кирасах, сапоги кованые...

– Ну, будь они без доспехов, ты б их всех загрызла, – предположил Варка, крепче стиснув ее плечи. Плечи были худые и горячие, Жданкины.

– Не держи меня за дуру, – обиделась Жданка, – еще не хватало на них кидаться. Я спряталась.

Илка почувствовал, что остался без щита. Господин Лунь, зябко обхватив себя за локти, прислонился к подпиравшему крышу резному столбу. На Жданку с Варкой, обнимавшихся в самом сердце кипящей толпы, он не глядел. Запрокинул голову, словно надеялся сквозь черепицу увидеть небо.

– Так весь сыр-бор из-за Антоновой внучки? – удивленно пробормотали сзади. Илка обернулся. Влад Гронский стоял у стены, и вид у него был растерянный.

– Никто ее и пальцем не тронул. Даже в мыслях не было.

Крайн не шевельнулся.

– Да кто она вам?! Или... да нет, не может быть...

– Она крайна, – мстительно просветил его Илка, – крайна великой силы.

– Эй, а все остальные где? – ухмыльнулся свесившийся с седла Тонда.

– Там, – Варка дернул подбородком, указывая на галерею, с которой окончательно содрали и теперь втоптывали в грязь стяг славного дома Гронских.

– Живы? Стало быть, сами справились. Выходит, зря я народ взбутетенил.

– А чего они орут? – впервые озадачился Варка.

– Так за вас заступаются. Как ваша рыжая нас разбудила, так мы с ней прямо в город дернули. День базарный, на площади не протолкнешься... Я там шепнул одному-другому, мол, Гронские крайнов убивают. Ну, в Трубеже всякий знает: от Гронских все наши беды. Глянь, как разъярились. Влезайте на лошадь, не то затопчут.

– Верните крайнов! – орала толпа. – Смерть проклятому роду!

– Кому смерть-то? – не понял Варка.

– Да Гронским, чтоб их подняло и прихлопнуло. Влезай, говорю, пока народ не понял, кто ты есть, а то хлопот не оберешься.

– А чё? Кто я есть-то?

– Ну это уж тебе видней... Крылья только не показывай.

– Крылья? – переспросил Варка, поудобнее устраиваясь на широком крупе. – Не, не буду...

* * *

Жданку Тонда усадил впереди себя. Господин Лунь очнулся и повелительно махнул рукой, призывая их пробираться на галерею. Все понимали, что уходить лучше через колодец. Кто знает, что придет в голову разгоряченным горожанам.

– Теперь ты мне веришь? – негромко спросил Влад Гронский. – Не трогал я твоих женщин. Ни госпожу Анну, ни Мариллу, ни эту... гхм...

юную госпожу крайну. Я пятнадцать лет с седла не слезал. Вас не стало, и тут же из всех углов нечисть всякая полезла. Вам-то что: захотели – улетели, захотели – прилетели... а мы по земле ходим.

– И как только вас земля носит, – с необыкновенной язвительностью пробормотал себе под нос господин Лунь, но развить свою мысль ему не удалось.

В конце галереи возникло прекрасное видение: госпожа Элоиза в платье из серебристой парчи, в диадеме на роскошных серебристых кудрях, окутанная тончайшим белым покрывалом. Красиво и плавно она двинулась к крайну, изящно простерла к нему холеные полные руки.

– Мой дорогой... Мы уже не смели надеяться. Я ждала тебя еще зимой... А ты... прислал вместо себя какого-то мальчишку. Тот, конечно, ничего не понял, сам перепугался, нас напугал до полусмерти. Влад, ты хорошо их устроил? Вы всем довольны?

– Безмерно довольны, – сказал господин Лунь, выпрямляясь, – снова видеть вас, госпожа Элоиза, великое счастье.

– Милый мой, – расцвела госпожа Элоиза, хотя Илка после слов, сказанных таким тоном, предпочел бы забиться в ближайшую щель и никогда из нее не высовываться, – бедное заблудшее дитя... Мы так скучали по тебе. Передать не могу, как мне жаль, что наша дружба кончилась так печально. Но ведь и ты тогда погорячился. Надвратную башню, знаешь ли, пришлось строить заново... А на месте Сафоновой роши до сих пор ничего не растет. Однако теперь, когда вы вернулись и все разъяснилось...

– Да, – кивнул господин Лунь, не поднимая глаз, – теперь мне все ясно.

В голубых очах госпожи Элоизы плескались самые настоящие слезы. Промокнув их кружевным платочком, она сочувственно коснулась плеча господина Луня и медленно, под локоток повлекла его за собой.

– О, дорогой, все это ужасно. Мой муж был в отчаянии, но ничего не смог сделать. Эти люди иногда бывают невероятно упрямы и на редкость тупы... Как сказал поэт: «Что может быть опасней злобного глупца?»

– Умный подлец, – пробормотал крайн.

– Ты полагаешь? – приподняла бровки госпожа Элоиза. – Взгляни туда. Сейчас эти люди ведут себя ничуть не лучше. Глупый слух, самый пустяшный повод способны взбудоражить их настолько, что они становятся опасны.

– Слепая ярость безумной толпы.

– Именно так, – подхватила госпожа Элоиза. – Глупцы или безумцы. И что прикажешь с ними делать? Не станем же мы в них стрелять.

– Неужели не станете? – ласково спросил крайн, и Илка понял – теперь никакая щель не спасет. Нет, что ни говори, хорошее место это Загорье... Главное – далеко отсюда...

– Я думаю, все можно уладить миром, – нежно, но настойчиво сказала госпожа Элоиза и остановилась, достигнув цели – широкой лестничной площадки у входа на галерею. – Они желают видеть крайнов. Поговори с ними. Подтверди, что старые распри забыты, что дом Гронских по-прежнему предан дому Ар-Морран, что новый договор будет заключен немедленно.

Последние слова она произнесла громко и четко, будто надеясь, что ее услышат из-за сомкнутых спин защищавшей лестницу стражи. Толпа по-прежнему вопила «Смерть!», но те, кто успел забраться на лестницу, приумолкли, прислушиваясь.

Господин Лунь небрежным взмахом руки разогнал стражу, спустился на несколько ступенек. Пробравшийся к лестнице Тонда ловко подтолкнул к нему Варку и Жданку. Варка снова пристроился за правым плечом крайна, а Жданку, от греха подальше, пихнул в середину, за его сгорбленную, но надежную спину.

– Я – Рарог Лунь Ар-Морран-ап-Керриг, крайн из серых крайнов Пригорья. Я хотел бы знать, зачем вы здесь?

Хрипловатый голос, давным-давно сорванный и обычно тихий, каким-то чудом заполнял все пространство забитого народом двора. Толпа всколыхнулась, забормотала грозно.

– Смерть Гронским! – неуверенно крикнул кто-то.

– Да-да. Все как всегда... Пятнадцать лет назад вы швыряли камни в крайнов, теперь настал черед Гронских. В будущем, полагаю, камни снова полетят в крайнов. Или в тех, на кого вас натравят в следующий раз. Впрочем, это не мое дело. Развлекайтесь. Сегодняшняя забава обещает быть особенно интересной. Во-он там сидят сорок

арбалетчиков. Да и трубежская стража чего-то стоит. Так что многих наверняка убьют. Но вы тоже не лыком шиты и в таких делах привыкли действовать дружно. По трупам пробьетесь наверх, мимоходом растерзаете госпожу Элоизу... Господин Влад без боя, конечно, не сдастся, ну а господин Стас, скорее всего, сбежит, если уже не сбежал... Заодно можно неплохо пожить в господских покоях. Ах да, не забудьте поджечь дом, – он легонько постучал по перилам, – отличное сухое дерево. Ничто так не веселит душу, как хороший добротный пожар. Что ж, не буду вам мешать. – Он сделал движение, чтоб уйти.

– Договор, – тихонько простонала за его спиной госпожа Элоиза.

– Ах да, договор...

На площади стало тихо. Ни звука, кроме дыхания сотен разгоряченных людей. Крайн поднял правую руку, взглянул на солнце.

– Сей договор заключается с высокородным Станиславом Гронским, его чадами и домочадцами, челядинцами и воинами, всеми, кто служит ему и признает его власть. Мы, крайны Пригорья, клянемся никогда не делить с ними ни земли, ни неба, ни воды, ни хлеба, ни горя, ни радости.

Толпа тихо охнула.

– Клянемся, что бы ни случилось, никогда не защищать их самих, их скот, поля и жилища.

– Дорогой, если это шутка, то шутка дурного тона, – громко сказала госпожа Элоиза.

– Клянемся никогда не исцелять их тела и души, не наставлять их в искусствах и ремеслах, никогда не судить и не миловать.

– Рарог, остановись, – тихо сказал Влад Гронский, – люди не виноваты.

– Взамен они освобождаются от любых обязательств и обретают полную свободу поступать со своими ближними так, как им будет угодно.

– Погоди-ка, – шепнул Илка, – вроде в Столбцах он все наоборот говорил.

– Сей договор является единственно законным, отменяет все предыдущие. И считается вступившим в силу с момента его провозглашения.

Толпа убито молчала.

– Круто берешь, – ухмыльнулся Тонда, снизу вверх глядя на уронившего руку крайна. – Как это у вас называется? Отречение? Не, отлучение.

– Пойдем с нами, – тихо сказал господин Лунь, – я тебя через колодец проведу, к обеду будешь дома.

– Не, у меня тут моя скотинка.

– Как знаешь.

– Как ты посмел! Ублюдок крылатый! – Изящная госпожа Элоиза налетела на них разъяренной гарпией.

– Благодарю вас, госпожа. Смиренно благодарю вас за то, что назвали меня крылатым.

– Мы не принимаем... Мы никогда не примем...

Варка с Илкой не сговариваясь развернули щит, да так и держали его до самого входа в колодец.

Глава 18

В замке было тоскливо. Господин крайн пребывал в черной меланхолии. Снова отказывался от еды, наружу не выходил, целыми днями сидел на скалах, глядел на полоску цветущих садов. Сады отцветали буйно, кипели белым и розовым, казалось, даже сюда доносится тонкий аромат. Не добраться туда, не вернуться, не долететь. Одна радость – поднять ветер и следить, как кружатся над скалами летучие лепестки.

Новостей никаких в замок не доходило, ни плохих, ни хороших, ни про трубежские дела, ни про настырного Вепря. Ланка и Жданка дважды бегали к Петре, но ничего интересного, кроме пирогов, оттуда не принесли. Во второй раз там обнаружился Тонда, постоянно ухмылявшийся и, кажется, не вполне трезвый. Про Трубеж он ничего не знал, да и знать не хотел, так как вместе со своей Сивкой смылся оттуда прежде, чем всерьез началась драка.

Варка, устав ждать очередных неприятностей, нашел себе занятие. Скоро под крышей избушки уже сушились пучки молодой, самой полезной, крапивы, свернувшиеся корешки мать-и-мачехи, мелкий земляничный лист.

Фамка, потихоньку вздыхая, собирала зимние вещички – готовилась к походу в Загорье. В то, что удастся здесь задержаться, она не верила.

Тишина и спокойствие длились до тех пор, пока Ланке не захотелось полить цветочки. Алые тюльпаны, поднявшиеся вслед за гиацинтами, бессильно клонили головы. Месяц цветень-земляничник начался тяжелой, оглушающей жарой. Даже здесь, у самых гор, солнце палило нещадно. Любимая полянка настойчиво требовала воды.

Ланка принесла пару ведер, запыхалась и решила, что тут требуется грубая мужская сила. Но эта самая сила оказалась на удивление трудно уловимой. Хитроумный Илка исчез еще до того, как Ланка пошла за ведрами. Простодушный Варка покивал, сказал: «Ладно, потом» – и в глубокой задумчивости удалился неизвестно куда.

На помощь решительно пришла Жданка. Таскать ведра ей тоже не хотелось, но она заверила Ланку, что знает способ получше. Мол,

господин Лунь научил – через полчаса все будет в порядке...

И правда, не прошло и получаса, как над пустошью нависла, ощетижилась острыми вспышками молний страшная черная туча. Ударил ветер, по драгоценным цветочкам хлестнул ливень вперемежку с крупным ядреным градом. Над горами темный облачный воздух скрутился в толстый хобот смерча и заскользил над пустошью, медленно приближаясь к усадьбе дядьки Антона.

Ланка с визгом бросилась под крышу. Фамка бросилась на поиски крайна. Заодно каким-то образом отыскались все остальные.

Некоторую пользу Жданкины действия все-таки принесли. Господин Лунь изволил отбросить грусть-тоску и наконец вышел из замка. Точнее, выскочил как ошпаренный и, ругаясь страшными словами, с ходу приказал строить круг. С Антоновой крыши уже летела солома. Только общими усилиями смерч удалось разрушить, град превратить в обычный дождь, а тучу отвести подальше от Починка-Верхнего. До конца развеять ее не удалось, и, теряя силы над лесом, разбухая вширь, она все-таки сползла в Пригорье.

Когда все кончилось, насквозь мокрый господин Лунь скорым шагом направился к ближайшим кустам, недрогнувшей рукой выломал длиннейшую хворостину и, на ходу обрывая листья, решительно двинулся к Жданке. Жданка молча, но очень быстро полезла на дерево. Господин Лунь, брезгливо скривившись, стащил ее за ногу, ухватил за тощую косицу и только тут слегка растерялся. Не иначе его посетила мысль, что воспитывать хворостиной молодую девицу тринадцати лет как-то нехорошо. Невежливо.

– Если надо кого-то отлупить, – воспользовался моментом Варка, – лупите меня. Мне-то не привыкать.

– Что значит «не привыкать»? Ты хочешь сказать, тебя часто били?

– Ну да, а чё? Отец лупил как Сидорову козу.

– Э... гм... а мать...

– Да чё я, дурак, матери говорить? Она бы расстроилась.

Жданка, почуяв слабинку, принялась потихоньку выворачиваться.

– Тебя? Как Сидорову козу? – медленно повторил крайн. Казалось, это не укладывалось у него в голове.

– Подумаешь! Сами же говорили – такие, как я, слов не понимают. Только и остается выдрать как следует.

– М-да... Это верно. – Крайн задумчиво согнул хворостину, покрутил в руках, отбросил в сторону. – Ладно, переодевайтесь у кого есть во что, и пойдём к дядьке Антону.

– Зачем?

– Крышу чинить.

* * *

Крышу Антонова дома чинили Варка и Илка. Девицы, подававшие наверх охапки сухой травы, совсем замучились и в два голоса ругали Жданку, которая, стараясь держаться поближе к Варке и подальше от крайна, влезла на самый конек и мешала там по мере сил.

Господин Лунь, как выяснилось, тоже помогать им не собирался. Отмахнувшись от дядьки Антона, который бурчал, что «за дождик, конечно, спасибо, но таперича крышу снесло, плетень повалило, курицу прибило, любимую...», крайн отыскал Тонду и под всхлипывания Петры принялся орать на него, уговаривая начать лечиться. Тонда упирался, доказывая, что не станет валяться, бока пролеживать, когда на носу сенокос, а все хозяйство запущено. Подошел дядька Антон. Тут же в разговоре откуда-то взялся навоз, который хошь не хошь, а выгребать надо.

Варкой овладело тяжелое предчувствие, что разбираться с навозом снова придется ему. Илка тоже морщился. Ему было ясно: несчастный Тонда не желает, чтоб его с первых дней считали никчемным калекой, а Антону плевать на все, лишь бы хозяйство поправить.

Утомившись, крайн обругал Тонду как нельзя хуже, после чего вежливо извинился перед Петрой и пригрозил дядьке Антону, что найдет на него управу.

– Я иду вниз, – сообщил он обсыпанным сенной трухой строителям, скромно отдохавшим на травке. – Ты, ты и рыжее несчастье – со мной.

Фамка сдержанно кивнула, поднимаясь. Ланка довольно улыбнулась. Все лучше, чем сидеть и ждать беды.

– Это еще зачем? – пробурчал Илка. – Ходили уже...

– В гости. Проведать тетку Таисью.

– Так ведь... мы ж говорили, – смущенно заметил Варка, – еще зимой... правда, вы малость не в себе были... нету там никакой тетки Таисьи.

– Посмотрим.

– Тогда я с вами, – набычился Варка, – мало ли что.

В конце концов решили идти все вместе. Крайн не возражал. Должно быть, ему хватило споров с семейством дядьки Антона.

Влажная колея, поросшая мягкой гусиной лапкой и лиловой камнеломкой, бодро вилась по лесу. Нежные лиственницы завесили дорогу пушистыми мокрыми ветками. На звездном ковре из белых семеричников плясали солнечные пятна. Суровые ели топорщились растрепанной мокрой хвоей в блеске падающих капель, которые молча поглощал длинный темно-зеленый мох. Где-то за подушками мха, под корнями, в густых кустах шумели невидимые ручьи. Птицы, потревоженные дождем, перекликались над заросшими ольхой балками, над брусничными кочками потаенных болот.

Ланка, сроду в лесу не бывавшая, ахала, пугалась, цеплялась то за Илку, то за Варку. Фамка, дитя городских трущоб, тихо мечтала о Жданкиной заточке. В траве шуршали огромные змеи, в каждом маломальски густом кусте сидел клыкастый хищник, далеко в чаще кто-то страшно стучал, и птицы орали тоскливо, будто беду пророчили. Но цепляться за кого-либо гордая Фамка стеснялась.

Илка изо всех сил держался героем, расправлял плечи и надувал щеки, но при этом все время косился на Варку. Щит бы поставить... Просто так, для общего спокойствия.

Варка, с наслаждением ощущая под босой ногой то теплую траву, то нежную прошлогоднюю хвою, простодушно радовался наконец наставшему лету. Слова и звуки, медленные, неясные, двигались вокруг, слепо толкались, мечтали быть произнесенными. Слова и музыка... И запел бы, да где тот голос... Варка все-таки запел, тихонько, одними губами, чтоб никто не услышал.

Даже господин Лунь понемногу повеселел. Распрямились плечи, мало-помалу вернулась бесшумная невесомая походка, хмурое лицо разгладилось и будто помолодело. Примерно на полпути к Починку-Нижнему он вспомнил, что идет не один, полуобернулся и с галантным поклоном предложил руку Фамке.

Крепкая рука господина Луня пришлась весьма кстати. Орущих птиц он знал по именам, змеи на поверку оказались шустрыми молодыми лягушками, а чудища из кустов куда-то исчезли, должно быть, убоявшись мощи пресветлого крайна.

Жданке, которая плелась позади всех, оставалось только завидовать черной завистью и вздыхать. Вздохи были тяжелыми, основательными, но крайн упорно не обращал на них никакого внимания. Стало быть, не простил и прощать не собирался. Зато Варка сжалился, нырнул под елки, вернулся с пригоршней нежно-зеленой кислицы. Жданка принялась жевать тонкие кисло-сладкие стебельки и на время утешилась.

Таким порядком они и вышли на горячий, распаренный, пахнущий вольной травой косогор. Вдали, над лесами и полями Пригорья громоздились белые башни Жданкиной тучи. Где-то над Язвицами стояла радуга. В Починке-Нижнем по-прежнему было пусто. Ворота аккуратно завязаны веревочкой, дверь заперта, и даже сад гол и печален, как поздней осенью. Ни цветка, ни листика...

Господин Лунь веревочку развязал, шагнул внутрь.

– Теть Тась, – зычно позвал он, – ты где?

– Да нету тут никого... – пробормотал Варка.

В траве у забора произошло некое шевеление, и перед изумленной компанией, медленно разогнувшись, предстала маленькая женщина в серой посконной рубахе, основательно перепачканной землей и зеленью. Голова ее была повязана большим белым платком, концы платка парили над сухоньким личиком как заячьи уши.

– Никак крестничек, – звонко, по-молодому пропела она, – явился все-таки.

– Явился, тетя Тась. Дело у меня к тебе.

– Ага. А без дела и не заглянул бы, анчутка беспамятный. Я-то, дура старая, жду, жду... Все глаза проглядела...

С этими словами она решительно двинулась к Варке и крепко прижала его к себе, оттопырив в стороны покрытые грязью ладони.

– Эй, – перепугался Варка, пытаюсь вежливо вырваться из внезапных объятий, – вы чего?!

– Ох, тетя Тась, – печально вздохнул крайн, – меня, выходит, уж и узнать нельзя.

Старушка выпустила немедленно отпрыгнувшего подальше Варку и теперь стояла, растерянно щурясь.

Крайн шагнул вперед, взял за руки, развернул к себе, близко заглянул в глаза:

– Да ты видишь меня?

– Теперь вижу, – сказала старушка и коснулась его лица, оставив на бледной щеке длинный грязный след, – живой вернулся. А мы уж думали, вовсе сгинул. Пятнадцать лет слонялся незнамо где. – Из-под полусомкнутых век бежали медленные старческие слезы. Старушка шмыгнула носом, попыталась вытереть их, но только размазала по всему лицу огородную грязь. – Господин старший крайн строго наказывал, если объявишься, передать, чтоб летел к Конь-камню. Там, мол, тебя встретят. Так ведь сколько лет прошло. Небось, они тебя уже и не ждут.

Крайн покопался в карманах, носового платка, конечно, не нашел и принялся вытирать ее лицо рукавом рубашки.

– А это кто? – спросила тетка Таисья, кивнув в ту сторону, где раньше стоял Варка. – Сынок твой?

– Сынок, – послушно согласился крайн. Варка закатил глаза.

– Я-то по походке узнала. Да еще волос белый... Выходит, ты нашел ее?

– Нашел, – ответ прозвучал слишком резко. Старушка вздрогнула.

– А где... – начала было она.

– Что-то сад у тебя не цветет, – заметил крайн, обратив взор к верхушкам леса.

– Так вымерзло все, – вздохнула тетка Таисья, – позапрошлый год морозы были страшные. Деревья померзли, пчелы погибли...

– Ульи-то целы?

– Целы. Починить-почистить, и будут как новые.

– Это хорошо. Пчел я тебе на днях принесу.

– Неужто у тебя есть?

– У меня нету. Зато в лесу полно.

«И ведь принесет, прямо в пригоршне», – подумал Варка, припомнив шершней, и тут же получил по затылку.

– Чего стоите, ворон считаете? Работы невпроворот.

Никто не спорил. Все послушно потянулись в сад.

Дело уже привычное и, в общем, не самое неприятное. Жданку крайн в последний момент ухватил за косицу, толкнул на крыльцо:

– Сидеть тут, с места не сходить, не шевелиться, ни о чем не думать.

Жданка заулыбалась, села на ступеньку, руки устроила на коленях, сложила лодочкой. Кажется, ее снова замечают и даже согласны

разговаривать.

– А эта у тебя что, не крайна? – весело спросила тетка Таисья. – Или еще не умеет ничего?

– Умеет-умеет, – скривился крайн. – Оглянуться не успеешь, как от твоего сада одни горелые пни останутся. Дала б ты ей какую работу попроще, поспокойнее, чтоб руки занять.

– Это можно, – согласилась тетка Таисья, пошарила на крыльце, нащупала Жданкино плечо и потянула ее за собой, – во, глянь, тут морковь полоть надо.

Жданка поглядела на грядку, заросшую кудрявой травкой. Со стороны забора стараниями тетки Таисьи земли было видно побольше, а травка росла пореже.

– Э, – спросила Жданка тихонько, боясь своим невежеством снова вызвать гнев крайна, – полоть – это как?

– Да, – вздохнула тетка Таисья, – как есть крайна. Кроме своего неба, ничего не знаешь. Вот, гляди.

Она опустила на колени, медленно пропуская травку сквозь заскорузлые пальцы, на ощупь нашла нужное.

– Вот так, морковку оставляешь, остальное выдираешь. Морковку оставляешь, остальное вырываешь. Я-то быстро не могу, не вижу ничего, а ты уж постарайся.

– Ага, – сказала Жданка, плюхнувшись рядом, и задумчиво уставилась на грядку. Морковку, значит, оставляем. Осталось определить, кто из них – морковка. Морковь – это рыжая такая, на базаре пучками продают или мешками, по осени. Ничего рыжего на грядке не было. Вся трава на вид была одинаково зелененькой и кудрявой.

– Посиди, тетя Тась, – с крыльца сказал крайн. – Поговори со мной. Пятнадцать лет тебя не видел.

– Больше, милый. Как тебя услали в столицу эту проклятую, так и не видались. Теперь уж я тебя никогда не увижу.

– Давно глазами хворает?

– Пятый год. Сначала еще кой-чего разбирала, тогда еще своим домом жила, а теперь и вовсе темно. Теперь Валшек мой меня на зиму к себе забирает. А летом уж тут.

– Совсем ничего не видишь?

– Волосья ваши белые вижу да солнце пятном...

- Лечилась?
- Да какие у нас лекарства. Сок черничный, примочки всякие...
- Не помогло?
- Ничё не помогло. Не та болезнь, видно.
- Дай-ка я гляну. Я, конечно, не травник, но...
- Да уж, ты у нас высоко летаешь...

Фамка брела по саду, трогала кривые стволы в сухих губках лишайника, в желтоватых наплывах смолы на месте сломанных веток. Сад был не мертв, просто очень стар и устал от жизни, от вечных невзгод, ветров и пригорских морозов. То на одной, то на другой ветке попадались живые почки, едва проклюнувшиеся бархатистые листочки, но на большее сил у измученных деревьев не хватало. «Совсем как я, – подумала Фамка, – вроде живые, а вроде нет. Только я-то и не жила никогда».

– Ты не очень-то, – слышался над ухом встревоженный голос Варки, – не принимай близко к сердцу. Зиму перетерпели, весну пережили... Радоваться надо.

– Не умею я, – пожаловалась Фамка, – терпеть – умею, а радоваться...

– Ладно, давай вместе, потихонечку. Только не жалея их... Пустое это дело – жалость. Щас мы их разбудим. Проснутся как миленькие.

– Разбудим, – углом рта улыбнулась Фамка.

Ланку никакие сомнения не мучили. Яблоня, которую она, кокетливо поглядывая на Илку, обнимала как любимого друга, уже шелестела легкой кружевной листвой.

* * *

– Верно ты сказала, тетя Тась, болезнь болезни рознь. Так сразу ничего не выйдет. Тут одними примочками не обойдешься. Тут думать надо.

– Подумай, милый. Мне спешить некуда. Придумаешь – скажешь.

Тетка Таисья ласково погладила его по спине и вдруг отдернула руку.

– Это что же... слышь, Рарка... Да как же это?

– Да так, тетя Тась. Чужую беду руками разведу, а на свою – сижу да гляжу.

– Теть Тась, – заорала Жданка, решив срочно вмешаться, – чегой-то я не пойму, где тут морковь, а где нет.

– Ой, горе, – шептала тетка Таисья, забыв про морковь, – ой, беда-то какая. Самая смерть пришла. Пропали мы. И без того то холода такие, аж птицы на лету падают, то метет неделями, то сушь страшная, то в августе снег, то в июне мороз, то пришлые грабят, мужиков невесть куда забирают, то поветрие, то пожары...

– Нет, – резко оборвал ее крайн, – я пятнадцать лет внизу меж людей терся, так я тебе вот что скажу: вы тут настоящей беды и не видели.

– Коли так, чего ж ты там делал, пятнадцать-то лет? – всхлипнула тетка Таисья.

– Ох, и чего я только не делал, – вздохнул крайн, – и бродягой был, и конюхом, и каторжником. Травником в войске самозванца, писарем при штабе Его Величества, музыкантом трактирным в Больших Лодьях, учителем аж в самом Липовце.

– Где это? Я и не слыхала...

– Далеко, теть Тась.

– Но Мариллу все ж таки нашел.

– Да, – тяжело выговорил крайн. – Нашел. Ты не плачь, теть Тась, обойдется.

– Я не плачу. Нам это ни к чему. Сынок у тебя... Утешение...

– Гхм, – грозно раздалось над Жданкиной головой. Жданка съежилась, пытаясь спрятаться между грядок.

– Ты, что ли, Валшек? – крикнула тетка Таисья, поспешно утирая слезы.

– Я это, мать, – пробасил дядька Валх, затворяя ворота. – Шел к господину крайну, думаю, дай-ка к тебе заскочу по дороге, глядь, а господин крайн тут сидит.

– Чего тебе еще? – сварливо поинтересовался господин крайн. – Чегостряслось-то?

– Того... – мрачно заметил дядька Валх, – а еще друг называется.

– А я тебе друг?

– Да уж и не знаю... Столбцовский староста гоголем ходит. Со Столбцами ты, небось, договор заключил, а мы тут в Дымницах хоть совсем пропадай...

– Зачем тебе договор? – лениво вытянув длинные ноги, крайн прислонился к столбу крылечка, прищурился на солнце. – Чего там у вас: коза у кого захворала или рожает кто? Ты скажи, я и так помогу, по старой дружбе.

– Не... Хотим договор по всей форме. Почему столбцовским можно, а нам шиш с маслом?

– Ну чего ты ко мне пристал... – вздохнул крайн.

– Того... Вот у меня и грамота припасена, от дедов-прадедов сохраняется. Последний господин Сварог подписал, и печать имеется.

– Да поди ты со своей грамотой. Невыгодное это дело, договор ваш.

– Почему ж невыгодное? – надулся дядька Валх. – Десятину будем платить, как положено.

– Потому. Ежели мы этот ваш договор хоть в малом нарушим, что вы скажете? Вы скажете: «Совести у вас нет, а еще крайны, добренькими прикидываетесь. Нет вам веры и не будет более никогда». Скажете? Ска-ажете. Было уже. Наслушались. А вот если вы сами в чем провинитесь, совсем другой разговор пойдет. Мол, «как же нам, сыром, все в точности соблюсти, ежели естество иного требует. А противиться естеству – здоровью вредить. Вы, крайны, жизни не знаете. Вам бы только в облаках витать. Понаписали такое, что простому человеку исполнить никак невозможно».

– Изгаляешься, – пробубнил дядька Валх, глубоко погрузившись в недра своей бороды, – а у нас третий день бабы ревмя ревут. Тонда через нас ехал, сказывал, чего ты в Трубеже учинил. Народ страсть напугался. Не знают, за что приняться: то ли бежать отсюда сломя голову, то ли живыми в землю ложиться.

– Уж прям и в землю?

– А ты как думал? Подпиши... Ну хошь, на колени встану...

– Что это вы все, будто сговорились... Чуть что, сразу на колени... Ладно, я понял. С договором или без вы от меня все равно не отвяжетесь. Нет добра и любви, так хоть на страхе... Может, грызть друг друга поменьше будете... Где там твоя грамота?

Дядька Валх торопливо запустил руку в бороду и выудил свернутый в трубочку пергамент, круглую чернильницу в мешочке, пару очиненных перьев в берестяной коробочке. Крайн поморщился,

жестом приказал ему нагнуться и, разгладив свернутый лист на широкой спине, размашисто начертал свое имя.

– На, подавись. Обещаю защищать, спасать и все такое. Только в землю не закапывайтесь.

Дядька Валх осторожно принял пергамент из его рук, помотал в воздухе, чтобы подпись просохла, тщательно спрятал в недрах бороды, обернулся к воротам и рявкнул:

– Подходи по одному, господин старший крайн согласен.

Жданка только рот разинула. Из ближних кустов шустро полезли незнакомые мужики. Было их много, куда больше десятка. В ворота Таисьиного дома ввалилась потная, опасливо пыхтящая толпа.

Варка, вовремя заметив такое дело, бросил заниматься садоводством и легким шагом переместился к крыльцу. Наученный горьким опытом, кидаться ни на кого не стал, просто прислонился к резной балясине, скрестил руки на груди и одарил всех своей коронной улыбкой.

– Из Добриц мы, пресветлый господин крайн, Гронским сроду не присягали, полюдье платили, конечно, да куда денешься...

– Язвицкий староста я, Прокл Будяк...

– А мы дальние, из самих Овсяниц, три дня добирались...

Невнятные жалобы, мольбы, неуклюжие попытки пасть на колени, клятвенные обещания соблюдать все как есть по совести и непременно платить десятину... Стрелицы, Быстрицы, Кременец и какие-то Кресты, Мосты и Броды, о которых Варка даже не слышал... Похоже было, что к крыльцу тетки Таисьи сползлось все Пригорье.

– Да ты, Валшек, оказывается, жох, – ласково сказал крайн, – теперь ты со мной век не считаешься.

– Ладно, – буркнул дядька Валх, скромно прищурился хитрющие глазки, – ладно, сочтемся.

* * *

– Эй, а где морковь?

– Не знаю, я ее не нашла. Может, ее там и не было?

Жданка с надеждой уставилась на крайна. Крайн, настроение которого после ухода довольных пригорских старост отнюдь не улучшилось, жалобно застонал и сильно потер лицо ладонями. Пальцы были в чернилах.

– А теперь к столу, – решительно сказала тетка Таисья, появляясь на пороге, – пироги со щавелем, варенье малиновое еще с прошлого года, молочко козье.

Варка оживился, мигом отлепился от балясины. Жданка переступила с ноги на ногу, постаралась заслонить собой загубленную грядку. Крайн отнял руки от лица, огляделся и вдруг пронзительно свистнул. Ланка, целовавшаяся с Илкой в глубине сада, с визгом отскочила в сторону и закатила ему размашистую оплеуху. Илка ошалело замотал головой. Чего это она? Вроде сама была не против...

– Теть Тась, – тоскливо протянул крайн, – я зачем пришел-то... Взяла б ты их к себе, а?

– Кого их-то? – не поняла тетка Таисья.

– Их, – крайн махнул рукой, пытаясь указать одновременно на вымазанную землей Жданку, чинно сидевшую на крылечке Фамку и растрепанную Ланку в окружении молодых листьев и розовых полураскрытых бутонов, – не умею я с девицами.

Тетка Таисья хмыкнула:

– Ты-то да не умеешь? А то я не помню... С утра с одной, вечером с другой... А третья и четвертая за околицей дожидаются.

– Именно, – мрачно кивнул крайн, – мне девиц доверять нельзя. Их же того... опекать надо... одеть попримличнее, присматривать, чтоб не целовались по углам с кем попало.

– Не целовалась я, – крикнула возмущенная Ланка, – сам полез!

Фамка фыркнула. Подумаешь! Еще неизвестно, кто кого опекал все это время.

Жданка промолчала только потому, что от обиды потеряла дар речи.

– Вот эта готовить умеет, – продолжал убеждать крайн, – а эта – шить. От рыжей, правда, никакого толку, но ничего, она шустрая, у тебя все переймет. Я-то ничему путному научить не сумею. А так всем хорошо будет: и у тебя в хозяйстве лишние руки, и они под присмотром.

– Не дело говоришь, – укоризненно заметила тетка Таисья, – где это видано, чтоб благородные крайны деревенской бабке служили.

– Ничего, послужат. У тебя им самое место. Полгода с ними мучаюсь. Пора и передохнуть.

– Эй, – сказал Варка, – вы это всерьез, что ли?

– На твоём месте, – крайн поднял левую бровь, пронзил его взглядом, – я бы помалкивал.

– Хорошо, – тихо сказала Фамка, старательно отводя глаза, – схожу за вещами.

Жданка молча ухватила ее за руку. Так и ушли, и веревочку на воротах за собой завязать забыли.

– Пойдем и мы, – сказала Ланка, цепляя одной рукой Варку, а другой – подошедшего Илку.

– погоди, – уперся Варка. – Куда это мы пойдем?

– Пошли, – мрачно сказал Илка, – и правда, вещи надо взять. У Фамки давно уже все собрано. Дорогу в Загорье знаем.

– Разве не видишь, – шепнула Ланка, – мы ему надоели.

Варка взглянул на крайна, отвернулся и позволил себя увести. Ланка, как всегда, не подумав, ляпнула чистую правду. Сколько можно с ними возиться?

* * *

Фамку и Жданку они нашли не слишком далеко, на поросшем березами сухом косогоре. Фамка, напряженно выпрямив спину, сидела у обочины. Жданка лежала, уткнувшись лицом в ее колени, и горько, безудержно рыдала.

– Не реви, – сурово внушала ей Фамка, – ты ж с детства сирота. Тебе не привыкать. Все лучше, чем под мостом ночевать. По чужим людям мыкаться – сиротская доля. Ничего, проживем. Она старуха не злая, дом у нее большой... Да и ей помочь надо, слепая совсем.

– Это все из-за меня, – всхлипывала Жданка.

– Обидно, конечно, – вздохнул Варка, присаживаясь рядом, – выходит, он нас только терпит. Я-то думал... А на самом деле ему на нас наплевать.

– Было бы наплевать – просто выгнал бы, – возразила Фамка, – а он пристроить хочет, в хорошие руки.

– Мы не щенки, чтоб нас в хорошие руки пристраивать, – возмутилась Ланка, расправляя на траве замявшуюся юбку, – и в прислуги я не пойду.

– Куда ты денешься...

– Он тут, оказывается, важная персона, – рассудительно сказал Илка, – ему теперь некогда с нами нянчиться. Мы же знали, что рано

или поздно придется уйти.

«Да, конечно, – устало думала Фамка, – в беде и мы были нужны. А теперь что ж. Теперь другие найдутся, почище. Обычное дело. Рыжую жалко. Видать, привязалась к нему. Вон как убивается. И Варка тоже смурной сидит, хотя его-то пока не гнали».

– Ну, и как это понимать? По вашей милости я лишился обеда.

Жданка вздрогнула всем телом и еще крепче прижалась к Фамке.

– Чего уставились? – поинтересовался господин Лунь, нависший над ними длинной черной тенью. – На мне узоров нету. Домой идем или как?

– Домой – это куда? – угрюмо спросил Варка.

– Дом – это такое место, где спят под крышей, а иногда даже едят. Не знаю как вы, а я голоден.

– Ой, – ахнула Фамка, – а я не готовила ничего... Не успела.

– Вот именно. Так что пошевеливайтесь.

Сказал и пошел вперед по лесной березовой дороге в золотых звездах прорвавшегося сквозь листву света. Ослушаться снова никто не посмел. Все смиренно потащились следом.

Голодный господин Лунь был сильно не в духе. На ходу он зловещим тоном поинтересовался, с какого перепугу они обидели тетку Таисью, уйдя не попрощавшись, потом долго ворчал, что его вынудили делать то, чего он делать вовсе не собирался, и теперь он влез в такие неприятности, перед которыми душевная беседа с бароном Косинским – сущее удовольствие, потом речь зашла о Таисьиных пирогах, которых его несправедливо лишили. Казалось, конца этому не будет, но тут он неожиданно нагнулся, нащупав что-то в траве под ногами, и поднял на раскрытой ладони.

– Ну надо же, как в этом году рано... Не иначе, дождик помог.

– Что это? – осмелилась спросить Ланка.

– Гриб. Березовый, – неожиданно довольным тоном сказал крайн. – Крепенький какой!

– Разве это гриб? Разве грибы такие бывают? Я грибы однажды пробовала, на приеме у господина наместника. Они кругленькие такие, серенькие, скользкие. Подаются под белым соусом.

– Серенькие – потому что вареные, – солидно разъяснил Илка. – А на самом деле они белые. Садовник господина наместника в подвалах

выращивает. Там у него и коробка с землей, и вода капает. В общем, все приспособлено. Деликатес для почетных гостей. Редкость.

– Нет, – решительно заявил господин Лунь, – грибы – это еда. Ну-ка, быстро, в разные стороны, только от дороги далеко не отходите. Все, что найдете, тащите сюда.

И опять все послушались. Фамка при слове «еда» моментально озаботилась, тряхнула головой и двинулась прочь, решительно волоча за собой красную от слез Жданку. Вернувшись через полчаса с подолом, полным того, что показалось ей грибами, она увидела картину мирную и приятную. Господин Лунь валялся на животе, подперев руками голову. Перед ним сидел Варка. Никаких грибов у него не имелось, зато вокруг были разложены разные цветочки и травки.

– Это плаун-травка, – мягким голосом говорил крайн, – ядовита, но вытяжка помогает от сердечной слабости. Применять с осторожностью. Голыми руками лучше не рвать. А эта краса неземная, – он поднял пышную кипенно-белую цветочную кисть, с удовольствием понюхал, – это кукушница, ночная фиалка.

– А она от чего?

– От несчастной любви.

– Как это?

– Да так. Варишь из корней приворотное зелье, в ночь с четверга на пятницу размешиваешь косточкой обглоданной в муравейнике летучей мыши... Сначала семь раз посолонь, а потом против...

– И помогает?

– Кому как.

– Понятно.

– А это купена душистая, соломонова печать. Дядьке Антону притирание можно сделать. От прострела хорошо помогает. И внутрь хорошо, если ты отравлен. Мигом наизнанку вывернет. А вот это...

– Это случайно пристало.

– Э, нет. Это калган. Всем травам трава. На вид слабенькая, цветочек бледненький. Корень настаивают и пьют от семи болезней.

– Да... Я еще осенью понял, что ни бельмеса не смыслю.

– А я еще зимой предлагал тебя учить. И сейчас не отказываюсь.

– Как учить? Ведь вы же нас хотите того... в хорошие руки... Или я этот... избранный? Особенный какой-нибудь?

– Дурак ты особенный, – тяжело вздохнул крайн, – глаза бы мои на вас не глядели.

– И не надо, – сказал подошедший Илка, – мы завтра уйдем.

– Позвольте поинтересоваться, куда?

– В Загорье, – сказал Варка.

– Вы же нас тетке Таисье отдали, – тихо заметила Фамка.

– Я в Загорье не пойду, – хриплым наплаканным голосом заявила Жданка, – и к тетке Таисье не пойду. Лучше к дядьке Антону в батрачки наймусь!

– Чем же это лучше?! – возмутилась Ланка.

– Не было у бабы печали – купила баба поросю, – пробормотал крайн, – ладно, давайте сюда грибы, а то мы до темноты домой не попадем. Так, годится, годится, отрава, червивый, совсем червивый, годится, отрава, отрава, опять отрава. И чему вас только учат в этих ваших лицах...

Скоро перед ним выросли две кучки: крепкие молодые березовики и негодные для жарки горькушки, вешенки, новорожденные мухоморы. Тем временем Фамка на скорую руку скрутила из подвернувшихся березовых веток некое подобие корзины. Корзинка эта, слабая и дырявая, все-таки дотянула до самого дома. Грибы благополучно прибыли на кухню и были поджарены под руководством господина Луны, который лично следил, чтобы и соли в меру, и луку, и чесноку, и маслица. За грибной суетой все распри как-то позабылись. Только Жданка ходила как в воду опущенная и все норовила спрятаться за спиной у Фамки. Ужин начался в мире и согласии, но тут все испортил не склонный к забывчивости Илка.

– Вы не можете нас отсюда выставить, – вдруг заявил он.

Господин Лунь вопросительно поднял левую бровь.

– Мы слишком много знаем.

– Что ж такого особенного вы знаете?

– Так очень просто, – догадалась Фамка, – он считает, мы можем пойти и всем рассказать, что из крайнов вы тут один и что у вас... что вы...

– Что я калека. Что ж, если это доставит вам удовольствие...

– Он этого не сделает. Правда, Илия? – ласково спросила Ланка.

– По правде говоря, – слегка смутился Илка, – я не это в виду имел. Вы тут нас научили тому-сему. А управляем мы этим плохо. Дел

можем натворить – страсть. Как у Козьего брода. Я до сих пор не разобрал, убили мы там кого-то или нет.

– Резонно, – вздохнул крайн. – Одного не могу понять – почему сегодня все вокруг занимаются вымогательством?

– Вещи у нас собраны. Завтра уйдем и забудем все, что знали, – сказал Варка, – больше вы о нас не услышите.

Сказал и полез спать в свое гнездо наверху.

* * *

Спал он долго и крепко, проснулся поздним утром, вскочил как встрепанный, вспомнив, что надо собираться. Как был в одной рубашке, подбежал к окну посмотреть на погоду и, охнув, кинулся к веревке. Правда, в последний миг все-таки опомнился и в жуткой спешке натянул штаны.

Господин Лунь, мирно пересекавший главный зал, едва удержался на ногах и со стоном схватился за грудь.

– Доброе утро, Ивар, – выдохнул он, – не кажется ли тебе, что подобные манеры...

– Солдаты! – заорал со всего размаху врезавшийся в него Варка. – Солдаты на пустоши!

К его ужасу, господин Лунь сохранял полное спокойствие.

– Какие солдаты? – поинтересовался он, удерживая за шиворот Варку, который все порывался куда-то бежать.

– Такие! – выкрикнул Варка прямо ему в лицо. – Синие! Опять Трубеж, чтоб ему!

– Над Починком дыма нет?

– Нет. Я ж говорю, они прямо сюда! Конные! Много!

– Ну и что?

– Как что?! Они же там...

– Вот именно. Они там. Мы здесь. И общение между нами совершенно невозможно. Но, если ты настаиваешь, я могу открыть дверь и...

– Нет, – твердо сказал Варка, – спасибо, не надо.

Он слегка пришел в себя и с облегчением улыбнулся. Безопасность! Сотни саженей сплошной скалы. Даже если б у этих были пушки...

– Все-таки я хочу взглянуть, – задумчиво заметил крайн и не торопясь направился к Варкиной веревке.

Варка поспешил вскарабкаться вслед за ним. Всем прочим, сбежавшимся на Варкины вопли, пришлось остаться внизу.

Крайн стоял в самой середине оконного проема, слегка расставив ноги и небрежно заложив руки за спину. Варка осторожно приблизился сзади, встал рядом.

Отряд конных в синих плащах растянулся по дороге через пустошь. Передовые были уже на полпути к одинокому дереву. Лошадки и солдатики на зеленой травке. Сверху даже красиво. А сзади телега тащится... Интересно, зачем?

Крайн вдруг тихо выругался и, вскинув руки, рванулся вперед, в пустоту. Варка завопил, в последний миг обхватив длинное нескладное тело. На пол у самого края они рухнули вместе.

– Вам что, снова жить надоело?!

Крайн, неловко упавший на спину, приподнялся на локте, глухо бормоча что-то про старого беспамятного дурака и рыжее наказание. Про дурака Варка не понял, но наказание, да еще рыжее... Не поднимаясь с четверенек, он быстренько подполз к краю. Далеко, примерно посередине между одиноким деревом и приближающимся конным отрядом, медленно двигалось яркое пятнышко.

* * *

Жданка шла не спеша, по сторонам не смотрела, босые ноги тихо ступали по низкой дорожной травке. Солнце пекло рыжую макушку. Печалиться Жданка не умела, и, должно быть, от этого у нее все болело: и голова, и сердце. И руки-ноги не слушались. Уходить тайком, не попрощавшись, ей не очень хотелось, но Варка, дубина упрямая, вбил себе в голову это Загорье. Нет, в Загорье она не пойдет. И к тетке Таисье не пойдет. Останется тут, у Петры и Тонды. Почему она хочет остаться, Жданка не могла бы объяснить никому, даже Варке. Все-таки он парень. Парни ничего такого не понимают. А девчонки... Ланка, узнав, хохотала бы до упаду. Фамочка смеяться не стала бы, просто фыркнула бы и приказала не дурить.

Тяжело вздохнув, Жданка поправила на плече узелок, оглянулась на темную громаду крайнова замка, подняла голову и увидела...

Раздумывать было некогда. Жданка выросла на улице и спастись бегством выучилась еще в младенческом возрасте. Бросив свой узелок, она со всех ног кинулась назад, к замку. Бежать в гору было трудно, хотя удобный мальчишеский костюм не связывал движений. В юбке пришлось бы гораздо хуже. Но пешему от конного не убежать. За спиной уже явственно слышался топот копыт. Кто-то кричал, но Жданка не стала оборачиваться. Одинокое дерево было уже близко. Но тут правая нога скользнула по траве и подломилась, провалившись в кротовую норку. Падая, Жданка взвизгнула от боли и с размаху уткнулась во что-то твердое, знакомо пахнущее лесной мятой и зелеными яблоками.

– Ш-ш-ш. Тише. Ти-ше. Все хорошо. Напугалась, маленькая?

Маленькой назвал. И обнимает. По голове погладил. Значит, больше не сердится. Жданка всхлипнула, уткнулась лицом в жесткий ворс камзола и почувствовала себя в полной безопасности. Над ней, укрывая от всего мира, высоким, как небо, куполом встали громадные серебристые крылья.

– Ты куда собралась?

– К дядьке Антону, в батрачки наниматься.

– Это еще зачем? Глупость какая!

– Вы же нас сами хотели к тетке Таисье пристроить, – прошептала Жданка.

– Ну, это совсем другое дело, – решительно возразил господин Лунь.

– Почему другое? – пискнула Жданка, но ответа не получила. Откуда-то из жестокого и опасного внешнего мира донесся хриплый задыхающийся вопль:

– Дура рыжая!

– Отведи ее домой! Быстро! – приказал крайн.

Купол рухнул, и Жданка оказалась лицом к лицу с запыхавшимся, разъяренным Варкой. Тот не стал особо церемониться, а закинув ее на спину, как куль с мукой, со всех ног бросился к хижине.

А господин Лунь остался один. Снова, в который раз один, без оружия и доспехов, пеший против конных, слабый против сильных, ничтожный против власть имущих. Он по опыту знал, чем это кончается: кандалами и пудовым веслом, веревкой и каленым железом, сабельными ударами и пулей.

Невольно он сделал шаг назад, прислонился занывшей спиной к любимому дереву. Перед ним неровным полукругом в несколько рядов выстроилось не меньше двух сотен конников из трубежской стражи. Шлемы сверкают, кирасы блестят, солидно позвякивает хорошая дорогая упряжь. Перед лицом такой красоты прямо совестно за свой черный костюмчик, который за несколько месяцев, кажется, успел изрядно пообтрепаться. Скольких он сможет снять с седла? Человек пятнадцать, если улыбнется удача. «Не стану я с ними драться, – подумал он в приступе вдохновения, – и разговаривать не стану. В трех шагах, у камней – колодец в распроклятый Липовец. Уйду. Сейчас. Пока они медлят».

Двести всадников спешили одновременно, выказывая отличную выучку. Господин Лунь прикинул расстояние до входа в колодец.

– Кхм, – сказал дядя – косая сажень в плечах с набором роскошных шрамов на физиономии, – мы это... мы тут вот...

– Я поклялся ничего не делить с вами, – желчно промолвил господин Лунь, которому вдруг расхотелось бегать и прятаться. – Клятву крайна ветер не развеет, земля не покроет. Моя смерть вам не поможет. Вы дышите моим воздухом и топчете мою землю.

Все испуганно посмотрели под ноги. Некоторые, особо пугливые, из молодых, даже приподнялись на носки, чтобы как можно меньше соприкоснуться с жесткой травкой подгорной пустоши.

– Мы больше не служим Гронским! – громко, как на плацу, гаркнул Фома Стреляный.

– Что-что? – пробормотал господин Лунь, у которого от молодецкого вопля зазвенело в ушах.

– И власти их не признаем, – выкрикнул кто-то тонким голосом. Остальные согласно загудели.

– Так от меня-то вам чего надо?

Господин Лунь внезапно осознал, что происходит нечто непредвиденное.

– Ну это... вот... – снова забубнил Фома, которому явно не хватало слов. Те слова, которыми он привык орудовать, при благородном крайне произносить было никак невозможно.

Конные раздвинулись, на середину медленно выползла побитая, грязная телега, пригодная только для перевозки навоза.

– Мы их не того... ни-ни... пальцем не тронули... – разъяснил Фома, – повязали только... потому желаем ныне жить по договору...

– Та-ак, – сказали за спиной крайна. Скосив глаза, он обнаружил за правым плечом по-волчьи оскалившегося Варку. За левым слышалось недовольное пыхтение Илки.

В телеге сидели четверо. Госпожа Элоиза в роскошном платье синего атласа, испещренном свежими бурыми пятнами. Пышная прическа скособочилась и почти развалилась. На лицо свесились прямые ломкие пряди, которые больше не казались ослепительно-белыми. Так, седые волосы пожилой, не очень здоровой женщины. Белила впитали дорожную пыль, осевшую на щеках серыми разводами. Руки связаны за спиной, но полуобнаженные плечи милосердно прикрыты грязной рогожкой.

Рядом на рыжей соломе скорчился господин Стас Гронский. На мир он смотреть не желал и старательно изображал глубокий обморок. С ними еще какие-то двое, немолодые, в хорошей одежде, но грязные, будто их волокли по земле. И, судя по запаху, не только по земле. Похоже, в выгребной яме прятались. Варка их видел в первый раз, но господин Лунь, видимо, точно знал, почему они здесь. Солнце на миг потускнело, боевые кони вскинулись и тревожно заржали, траву на пустоши прижало к земле резким порывом ветра.

К телеге подъехал Влад Гронский, без доспехов и оружия, с непокрытой головой, но не связанный и на своей лошади.

– Мусор вывозите? – поинтересовался господин Лунь. – Или это подарок? Кто-то из вас решил, что это меня порадует?

– Да что ж... – потянулся к потылице Фома Стреляный, – как благородный крайн рассудить изволит... Тока через них все наши несчастья... народец злобится сильно. Как бы ненароком чего не вышло... а убивать по договору того... не полагается.

– То есть я должен убить их сам?

– На все ваша воля...

– Гм. Неплохо устроились.

– А что такого, – прошептал Варка, – почему им можно, а нам нельзя?

– Иди, – качнул подбородком господин Лунь, – ножичек тебе дать или так справишься?

– Справлюсь, – буркнул Варка, но почему-то никуда не пошел.

– Может быть, ты хочешь?

– Чего сразу я-то? – отшатнулся Илка. – Я их даже не знаю. Не, я не могу. В палачи не нанимался.

– Да вот и я о том же... – тяжело вздохнул крайн. – Пятнадцать лет среди людей прожил, но все еще не могу... Понял, в чем дело, Ивар? Все свободны в своих поступках. Только одни могут позволить себе все что угодно, а другие – нет. Те, кто не может, проигрывают чаще и умирают быстрее. Вот что, господа хорошие, везите-ка вы ваш мусор в другое место.

– Это куда ж? – спросил Фома, удрученный неразрешимой задачей во что бы то ни стало избавиться от семейства Гронских.

– Значит, так, – обреченно вздохнул господин Лунь. – Ты, ты, ты и ты сопровождаете телегу в деревню Броды, после чего проследите, чтобы мои милые родственники благополучно переправились через Тихвицу во владения нашего уважаемого соседа, князя Пучежского и Сенежского, и ни в коем случае не пытались вернуться обратно. Будем считать, что это плата за несправедные поборы, чинимые господином Вепрем здесь во время моего отсутствия. Остальные – по коням, направо кругом и рысью марш в Трубеж, заниматься своими делами.

– А договор? – робко заикнулся кто-то. – Априсяга?

– Потом, – брезгливо поморщился господин Лунь. – Прибуду в город – подпишем в ратуше, как полагается. – И повернулся к ним спиной, показывая, что разговор окончен. Варка с Илкой тут же перенесли щит, прикрывая его сзади. Милым разглагольствованиям о преданности крайнам они совершенно не доверяли.

– Пресветлые господа крайны, – жалобно сказали сзади. Стражник, павший на колени в тени дерева, был совсем юным. Должно быть, недавно в службе. – Не за себя прошу. У меня мать больна. Скоро год как не встает. Городской лекарь только руками разводит. Я еще зимой хотел... Да вот сынок ваш тогда и говорить с нами не пожелали...

– Где живешь? – обернулся господин Лунь.

– Зарядье, дом Велесов, всякий скажет... петух резной над крыльцом и герань на окнах.

– Хорошо, я на днях посмотрю. Ничего не обещаю, конечно.

– Уйди отсюда, – пробасил Фома Стреляный, оттесняя парнишку, – не позорься. Раскис как баба. Не до тебя сейчас. У нас тут еще просьбица, господин старший крайн.

Крайн обреченно остановился, оглядел обступивших его стражников: очень высокий, одного роста с громадным Фомой и на голову выше почти любого из них.

– Только не гневайтесь, – заторопился Фома, – ежели вот... того гляди снова сенежские полезут... а то еще Соленого из Лосиной пади выкурить надо.

– Так выкуривайте. Я своих ради этого под пули подставляться не стану.

– Да мы что ж... мы и сами... только вот командовать-то кто будет...

– Не мое дело. Сами выберите кого поумнее.

– Мы бы выбрали, только... не гневайтесь, пресветлый господин крайн... господин Влад... Мы с ним пятнадцать лет с седла не слезаем. То разбойники с гор, то солдаты беглые из-за Тихвицы, то каторжные... Однажды принесло каких-то, конных, в мохнатых шапках, аж из самого Загорья. Я думал, не отобьемся... господин Влад меня тогда из боя вынес.

Все прочие одобрительно закивали, выражая полную готовность немедленно предаться воспоминаниям о собственных славных подвигах и подвигах господина Влада.

– Мы его и вязать не стали, – убедительно загудел Фома, – сам поехал, своей охотой. Конечно, на все воля господина крайна, но лучшего командира нам не сыскать.

Варка, не удержавшись, ехидно присвистнул. Илка выразился более определенно:

– Куда уж лучше. То нож в рукаве прячет, то травит всех подряд, то велит ребенка зарезать.

Господин Лунь, задрав подбородок, глядел поверх голов толпившихся вокруг стражников.

– Ивар, – вдруг сказал он, – садись позади вот этого, самого разговорчивого, и наметом в Починок. А то, я смотрю, туда мой неуемный друг Валшек заявился. Да не один, а с товарищами. А вон и Тонда с Антоном из дома выскочили. У одного вилы, у другого – топор. Так что живо. Скажешь там, что спасать нас не от кого. Остальные – по коням и строем в Трубеж. Мужиков не цеплять, а то как бы они вас самих не зацепили.

Помолчал, следя за тем, как выполняются его приказы, и небрежно махнул рукой, подзывая Гронского. Влад спешился, привычно бросил повод кому-то из своих и последовал за крайном.

В избушке господин Лунь решительно отослал Илку, кивнул Владу, приглашая садиться. Влад с сомнением оглядел грязный стол, закопченные стены и осторожно опустился на единственный табурет. Тем временем крайн, взобравшись на лежанку, зашарил под стрехой и извлек оттуда почти полную квадратную бутылку с притертой пробкой. Содержимое бутылки было мутным и будто бы маслянистым. Господин Лунь со стуком поставил емкость на стол, с печки достал кружку, постучав по доньшку, вытряхнул из нее дохлого паука и тоже поставил на стол.

– Это тебе. А я так, из горла.

– Лучше я из горла, – заметил Влад. Он был брезглив, а пауков не любил с раннего детства.

– Помянем брата твоего Яся... Невесту мою, госпожу Мариллу Сварог Ар-Морран... Матушку мою, Анну Лунь, первую травницу Пригорья...

– Отца моего, Мирослава Гронского, подло убитого по дороге в Сенеж.

– Кто убил, знаешь?

– Теперь знаю. Дядюшка Стас получил что хотел. Должность моего отца и деньги господина Вепря.

– Помянем. Нам есть кого поминать.

* * *

– Пошел вон.

Варка замотал головой, как строптивый конь.

– Ну чего тебе от меня надо, а? – Господин Лунь прикрыл налитые кровью глаза, чтобы не видеть яркого пятна окошка и пронзительного блеска, исходившего от назойливо мелькавших белых волос.

– Хочу услышать, что вы теперь скажете?

– Насчет чего?

– Насчет свинского состояния и всего прочего.

– То же, что и раньше.

– Ага, вам, значит, можно.

– Да, – простонал господин Лунь, оставив бесполезные попытки оторвать голову от лежанки, – мне можно, а тебе – нет.

– Отстань от него, – вмешалась Фамка, – не видишь, ему плохо. Вот выпейте, я к Петре с утра сбегала, рассольчику принесла, капустки квашеной. Можно еще компресс на голову...

– Ладно, обойдусь. Который час?

– Скоро полдень.

– Э... а какого дня?

– Надрались вы вчера, – разъяснил проникший в хижину Илка, – если вы это имеете в виду.

– А где Влад?

– Господин Гронский изволили отбыть вчера вечером. Вы в это время уже того... м-да... Надеюсь, домой он доедет. Конь у него вроде непьющий. Хотя может и окосеть. От одного запаха.

– Правда, он все воевать рвался, – угрюмо добавил Варка.

– Конь? – удивился туго соображавший крайн.

– Не, господин Влад. Обещался какого-то Соленого извести под корень не позже чем к Иванову дню.

– Это хорошо, – заметил слегка приободрившийся господин Лунь, – зачем нам тут, в Пригорье, какой-то Соленый? Его обязательно извести нужно.

Разлеживаться он не стал; то и дело хватаясь за голову, наскоро привел себя в порядок, даже, против обыкновения, нацепил роскошный камзол цвета ночного неба, украшенный узкими вставками серебряных кружев, ворча и ругаясь, собственноручно вычистил сапоги, перетянул нечесаные волосы подходящей по цвету бархатной ленточкой и исчез в глубине замка. Должно быть, ушел через колодец.

Вернулся он ближе к ночи, небрежно помахивая толстым свитком с болтавшейся на нем печатью города Бренны. Свиток швырнул в самую середину огромного стола и рявкнул, призывая птенцов-подкидышей в главный зал:

– Прошу.

Широкий жест был направлен в сторону кресел-тронов. Прихрамывающую Жданку взяли под руку и помогли сесть с таким почтением, будто она была престарелой королевой. Прочие, тихо недоумевая, устроились как умели. Ланка царственно выпрямила спину и подобрала локотки, как и подобает девице с благородными манерами. Илка откинулся на спинку, с удовольствием подумал о том, каким значительным выглядит.

Убедившись, что все расселись, господин Лунь занял место во главе стола, торжественно расправил плечи, взглянул сурово:

– Допрыгались, детки? Спасли Антонову капусту?

– А что? – встревожился Илка.

– А то. Вниз им захотелось... Людей пожалели... Сегодня я заключил последний из договоров, договор с городским советом Бренны-Приречной. С сегодняшнего дня власть в Пригорье в наших руках.

– В чьих?

– В моих. Ну, и в ваших тоже.

Жданка неуверенно улыбнулась.

– А зачем это нам? – в полном недоумении спросил Варка.

– Как зачем?! – возмутился Илка. – Я правильно понял, – повернулся он к крайну, – теперь распоряжаемся мы? Мы приказываем – они подчиняются? Мы велим – они делают? И при этом они нас еще кормят? Налоги и тому подобное...

На каждый из его вопросов крайн коротко кивал, постукивая длинным пальцем по темной полировке стола.

– Какой ужас, – прошептала Фамка; она сидела сгорбившись, на самом краешке громадного сиденья, – что же теперь будет?

– Госпожа Хелена, как всегда, верно понимает суть вопроса. Полагаю, ничего хорошего не предвидится. Подчиняться приказам они, может быть, и будут, но господин Ильм, невзирая на всю мощь своего обширного ума, видимо, до сих пор не догадывается, что теперь за все отвечаем мы. Подчеркиваю, за все. Погода, неурожай, поветрие, падеж скота, амбиции наших воинственных соседей...

Жданка уставилась на него круглыми глазами:

– Как это? Мы же не крайны... Мы не можем...

– Нам придется, – тонким голосом сказала Фамка.

– Знаете что, – задумчиво сказал Варка, – уж лучше и вправду к дядьке Антону в батраки. Косить там... или пахать... Навоз разгрести и то спокойней.

– Это от вас не уйдет, – пообещал крайн.

Часть 3. Свободные птицы

Глава 1

В арка изо всех сил толкнул горящее колесо, и оно, подпрыгивая, разбрасывая яркие искры, стремительно полетело по длинному скату от Дымниц к Тихвице. Жданка запела, хоровод пошел вокруг костра, пестрой змеей растянулся по склону, и лето покатилося солнечным колесом, понеслось в сиянии длинных знойных дней, в душном запахе сена и нагретой хвои, в блеске дальних зарниц над горами, в свисте ястребов над Пустошью.

Никогда в жизни Варка не был так занят, никогда так не уставал. Господин Лунь все-таки переупрямил Тонду, принудил лечиться, и на плечи бывших лицеистов обрушилось запущенное Антоново хозяйство: прополка, сенокос, жатва. Отвертеться не удалось никому: ни нежной Илане, которая хлопала глазами и усердно делала вид, будто не понимает, с какого конца браться за грабли, ни хитроумному Илке.

Между жатвой и сенокосом Варка обнаружил, что сделался главным травником Пригорья. Вначале крайн брал его с собой, заставлял при себе определять болезнь и составлять лекарство, но скоро начал посылать одного. Он распечатал все старые колодцы и даже построил несколько новых, вернул Варке серое перышко, так что тот мотался по всему Пригорью, в день поспевая в два, а то и в три места. Впрочем, такая жизнь позволяла не думать о будущем, о новой, грядущей зиме, о войне, терзавшей страну, как застарелая гниющая рана.

К счастью, пригорские жители болели просто и незатейливо. Прострел согнул, лихоманка замучила, вилы в ногу засадил, с воза упал – руку из плеча выбил.

Вначале Варка боялся, потом привык. Лишь с младенцами иметь дело наотрез отказывался. Как его лечить, когда он только орет, а сказать ничего не может? Так что все малолетние жители Пригорья, маявшиеся криксо́й, животом или почесухой, доставались крайну. В отместку непреклонный господин Лунь три раза вытаскивал его принимать роды.

– Я не умею, – уперся Варка в первый раз, – я даже не видел никогда, как оно там получается.

Это была сушая правда. На роды мать его с собой не брала.

– Я тоже не умею, – утешил его господин Лунь, – раны колотые, резаные, огнестрельные – это пожалуйста, сколько угодно. А роды видел однажды, да и то там бабка опытная была.

– А как же мы тогда... – похолодел Варка.

– Научу тебя забирать боль. А так – не мешай природе и следи, чтобы грязи поменьше.

– А если что не так? Там же всякое бывает, я знаю.

– Авось обойдется. Здешние бабы крепкие.

Варка покорился с тяжелым вздохом, но остался в убеждении, что лучше сутки под беглым огнем, чем шесть часов в душной горнице с орущей роженицей и целой кучей снующих туда-сюда озабоченных кумушек.

Впрочем, первым в списке Варкиных неприятностей стояло посещение всяких парадных приемов и высоких собраний, на которых требовалось присутствие крайнов. Варка, которого господин Лунь брал с собой держать щит и производить впечатление, томился, зевал, глядел в окно, считал на потолке резвых летних мух, то и дело забывал про щит, а как-то раз, после целого дня работы на сенокосе, даже заснул прямо в собрании брэннских цеховых старшин и свалился со стула. Господин Лунь был очень недоволен и не стеснялся свое недовольство выказывать, но на деревенские сходы и городские собрания Варку больше не брал. Теперь эту повинность отбывал Илка. Он как-то умудрялся не спать, более того, слушал внимательно и даже пытался вникать в эту скукомотину про постройку домов для пришлых с юга, починку мостов и дорог и твердые цены на хлеб.

Посреди всех хлопот Варка еще пытался собирать травы, но скоро понял, что это дело придется поручить Фамке. Ее единственную крайн решительно освободил от полевых работ.

* * *

– Ты будешь ходить в лес.

– Зачем? – перепугалась Фамка.

– Грибы. Ягоды. Зимой тоже надо что-то есть.

Фамка испуганно закивала. Мысль о заготовке еды была ей близка и понятна. Но потом мудрая госпожа Хелена призадумалась. Землянику и седую голубику, которую она по вечерам приносила в

замок после дневных блужданий по старым гарям, вырубкам и глухим заросшим болотцам, съедали мгновенно, едва корзина оказывалась на кухне. К утру на доньшке оставалось несколько помятых ягод. Грибочков, конечно, удалось засушить, но одними грибами сыт не будешь. К тому же, по договорам, внимательно Фамкой прочитанным, к осени им должны были подвезти обещанную десятину, зерном или деньгами.

На прямо заданный вопрос, зачем она должна бездельничать, пока другие работают, господин Лунь разумного ответа не дал, хотя даже Жданка, его, как ни крути, любимица, как миленькая сгребала сено, полола Антонову репу, а потом вместе со стенающей Иланой отправилась жать и вязать снопы.

– Гуляй, – сухо заметил крайн, – дыши воздухом. Или ты боишься?

Фамка фыркнула. Леса она больше не боялась. Первое время крайн посылал ее с Петрой или сопровождал сам. В лесу он менялся, делался тише и мягче, гладил деревья по веткам, будто здоровался, подзывал птиц и шушукался с ними о своем, о птичьем, показывал Фамке ягодные места, учил отличать и правильно собирать полезные травы. От какой корень, от какой цвет, от какой лист, какую брать по утренней росе, какую – только ночью, какая входит в силу весной, а какая – под осень. Фамка слушала, строго сдвинув прямые темные бровки.

Варка, замученный работой, разрывавшийся между тысячью дел, радовался всему, что она приносила, и она очень боялась его подвести. К концу лета руки, одежда, волосы пропахли травами, земляничным, малиновым духом и терпкой сосновой смолой.

Однажды господин Лунь привел ее к озеру. Неширокое, почти круглое зеркало очень темной воды в глухой чащобе посреди белых зарослей сладко пахнущей таволги и высокого молочая. Пышные соцветия качались над головой маленькой Фамки.

Крайн нагнулся, зачерпнул коричневатую на просвет влагу, с наслаждением умылся.

– Добрая вода. Мягкая. Смывает печали.

– Что это?

– Лесное око. Их здесь много, но найти их не так-то просто. Говорят, не всякому открываются.

Сказал и повел Фамку дальше, к Митюхиной гари, где вокруг черных пней и упавших стволов теснилась, дышала сладко крупная

алая земляника. Но Фамка дорогу запомнила и с тех пор в разгар жаркого дня частенько забредала к озеру. Сначала попробовала умыться, потом, осторожно подобрав юбки, рискнула побродить по твердому песчаному дну, наконец осмелела настолько, что решилась искупаться.

Вода оказалась теплой, мягкой как пух, совсем не похожей на холодные своенравные струи Либавы. Тело, вечно придавленное к земле то тяжелой корзиной, то вязанкой дров, то просто неизбывной усталостью, вдруг распрямилось, расправилось, утратило вес. Грубая шелушащаяся кожа от нежных прикосновений колышущейся влаги сама стала мягкой и нежной, чахлые Фамкины волосы поплыли по воде, зазмеились, завились, как у русалки. Фамка тихонько засмеялась и легла на спину. Над головой в круглое окно меж островерхих елей и кудрявых берез падал синий небесный свет.

* * *

Илка, побряхтывая, вылез из воды, небрежно вытерся, обернул полотенце вокруг талии и, слегка напрягшись, взмахнул руками. Сразу ничего не получилось, Илка пыхтел, но не сдавался. Через пару минут из пара, вечно висевшего над горячими ручьями замка, соткалось большое мутноватое зеркало. Илка довольно хмыкнул и осторожненько, стараясь не расслабляться, вздернул подбородок, искоса рассматривая свой профиль. Красота. Красота-красотища. Мягкий золотисто-коричневый загар, нежданно-негаданно обретенный во время жутких мучений на полевых работах, легкий светлый пушок – намек на будущую бороду, и ни одного прыща.

Ничего себе лицо. Мужественное такое. Илка еще сильнее выпятил подбородок и приосанился. Все остальное тоже смотрелось неплохо. Вялый жирок избалованного домашнего мальчика он растерял еще во время зимней голодовки. Живот и бока больше не отвисали, но зато на груди и плечах бугрились вполне заметные мускулы. Откуда взялись – непонятно. Должно быть, вся эта возня на жаре с косами, граблями и вилами не прошла даром. Илка надулся, втянул живот, согнул руку в локте. Хм... Недурно... Красиво развернулся, делая вид, что замахивается палашом, но тут в баню ворвался Варка.

В последнее время он обычно не входил, а вривался, и вообще передвигался исключительно бегом. Нежная девическая красота давно

облетела с него, как весенний цвет с черемухи. Все лето Петра, насмерть перепуганная тем, что на нее работают благородные крайны, кормила их на убой. Прекрасный принц лопал как не в себя, но толще не становился. Наоборот. На узком лице остался один острый нос, вечно стремящийся к какой-то невидимой цели. Глаза под добела выгоревшими бровями полыхали диким синим огнем. Варка постоянно спешил, разрываясь от бесполезных попыток оказаться в трех местах одновременно. Добрый господин Лунь навалил на него столько работы, что любой сломался бы. Но сын травника как-то держался. Должно быть, у травников это в крови. Помогать, лечить, спасать... Недаром говорят, что они все немного с придурью.

Илка красивые позы принимать перестал, но зеркало убирать было жалко.

Варка, на ходу раздевшись, с разгону бросился в ручей, окунулся пару раз, громко отфыркиваясь, выскочил из воды, отряхнулся, как собака, и тут же набросился на Илку:

– Кончай на себя любоваться!

– А что, нельзя?

– Давай-давай, пошли лестницу ладить!

– Ты бы хоть штаны надел. Да и причесаться не помешает.

– Некогда причесываться, – торопливо одеваясь, проворчал Варка. – Сегодня дел никаких, но кто его знает... Погода хорошая. Того и гляди, голубя за мной пришлют или сам кто-нибудь притащится.

Илка только головой покачал. Зеркало померкло, растаяло в воздухе. Причесываться ему, вишь, некогда. Два сапога пара. Господин Лунь тоже вечно ходит лохматый. Только он еще и бреется по настроению. То обрастает мягкой светлой бородкой, то вдруг является с гладко выбритыми щеками и даже слегка надушенный. Пока Илка раздумывал, Варка уже исчез в коридоре, ведущем в главный зал. Илка, ворча, оделся и поплелся следом. Хочешь не хочешь, а лестницу строить надо. Добраться до аптечной кладовой с чудодейственными лекарствами крайнов в преддверии новой зимы Илка тоже считал совершенно необходимым.

Вдвоем они вытащили припрятанные под парадным столом жерди. Жерди были связаны попарно неким подобием веревочных ступенек. Оставалось соединить вместе все три части и поднять, приставив к

вождеденной двери. Пришла Фамка помочь с веревками, за ней Жданка – из чистого любопытства. Госпожа Илана так и не появилась. Сегодня она вознамерилась приготовить на ужин нечто замечательное, поэтому в кухне было шумновато и подозрительно пахло чем-то не слишком съедобным.

Связать все сооружение вместе удалось довольно быстро. Осталось поставить.

– Я буду тянуть сверху, а вы снизу толкайте, – распорядился Варка и полез наверх, зажимая в зубах веревку.

Целых полчаса, болтаясь почти вниз головой на резном изображении герба рода Ар-Морран, он тянул, а покрасневшая Фамка и пыхтящий Илка толкали кренящуюся во все стороны самодельную лестницу. Жданка подумала-подумала да и забила под стол, от греха подальше. Чинный главный зал сотрясся от криков: «Левее, да нет, правее, правее, заноси, заноси ее, качается, зараза! берегись! Не, пронесло». Фамка очень боялась, что господин Лунь услышит вопли и тогда... впрочем, неизвестно, что тогда будет. То ли махнет рукой и скажет: «делайте что хотите», то ли качнет левой бровью, и тут уж никому мало не покажется. Но господин Лунь блистал своим отсутствием, и никто не помешал им поставить шаткое сооружение на предназначенное ему место.

– Уф, – сказал Варка, скатившись вниз. – Пару саженей не хватает, но там я веревочку заброшу. Потом поставим как надо. Ну чё, полезли, что ли?

– Валяй, – согласился Илка, – ты первый.

– А может, не надо? – робко сказала Фамка.

– А если в следующий раз грудная немочь будет у тебя? – мрачно спросил Варка. – Ты же слабая... Тебя никакой крайн не спасет.

– Кого спасаем на этот раз?

«Ну вот, – обреченно подумал Илка, – вспомни анчутку, он и появится».

– Это что, новое украшение? Мрачновато. На мой вкус, не мешало бы оставить ветки с листьями.

– Это лестница, – угрюмо сознался Варка.

– Лестница?! – изумился крайн, осторожно, кончиком пальца тронув хлипкую конструкцию. – Позвольте узнать куда? А... ясно. Так вот, господа лицеисты, вынужден вас разочаровать. Это – не лестница.

– Лекарства-то все равно нужны, – не сдался Варка, – что ж нам, сидеть ждать, пока крылья вырастут? Ой, я не...

– Дурак, – пискнула из-под стола Жданка.

– Учишь вас, учишь, время на вас тратишь, – тяжело вздохнул крайн, – а толку чуть.

Длинные пальцы обхватили березовый ствол. Шаткое сооружение дрогнуло, закачалось, собравшись падать.

– Вот. Это – лестница.

Лестница тянулась вверх, обрастала ветвями, шуршала молодой хвоей, шелестела листьями. Мощные корни впивались в пол, жадно шарили по стенам. Ветви плотно сплетались, образуя широкие удобные ступени и легкий шелестящий свод над ними.

– Ой, – Варка с размаху врезал ладонью по лбу, – как же я раньше-то...

– Что же это будет? – всплеснула руками выбравшаяся из-под стола Жданка. – Не то береза, не то лиственница... О, а там, наверху, и вовсе сосна.

– Жерди надо было одинаковые брать, – вздохнула Фамка. Лестница лестницей, но испорченную стену ей было жалко.

– Ничего, – протянул Илка, – Варочка нам щас на ней розочки вырастит. Красиво будет, страсть!

– Кончай, – буркнул Варка, – надоело уже.

– Ну вот, кажется, хватит, – заметил крайн, насмешливо посмотрел на Варку, – пошли, травник. Посмотрим, что там к чему.

* * *

Фамка сидела и глядела в окно. Подушки на кресле были усыпляюще мягкими. Окно – широким, светлым, без рам и переплетов. За окном шел дождь. Холодные серые струи тянулись от мокрого неба к мокрой земле. Без конца, без радости, без надежды. Фамка тяжело вздохнула, дернула за шелковый шнур. Длинные занавеси теплого золотистого цвета медленно сомкнулись, отгораживая комнату от холода, осени и печали.

Комнату она не выбирала, хотя выбор был богатый. Живую лестницу каждый растил куда хотел, и скоро почти все верхние покои в той части стены оказались доступными. Господин Лунь проявил

заботу. Куртуазно раскланявшись, сказал: «Надеюсь, госпожа Хелена, вам здесь будет удобно» – и она, конечно, послушалась.

Удобно. В прежней жизни, до крайнова замка, у нее и кровати своей не было. Спали вместе с матерью, под одним одеялом. Всякий знает, что так теплее. А тут комната. Да еще какая комната: с ковром, с занавесками, с широченной постелью.

Впрочем, у богатых свои причуды. Ланка, дурочка, расположилась сразу в трех, и то причитала, что ей тесно: всего лишь спальня, будуар, гостиная, а устроить гардеробную негде. Ниже – ходить далеко, выше – неудобно. Битый час Варка и Илка покорно таскали наверх вещи, вещички и вещицы. В конце концов Ланка успокоилась, но тут выяснилось, что в роскошных покоях необходимо постоянно убирать: чистить ковры, протирать бесчисленные безделушки, выбивать подушки и покрывала. Недолго думая, Ланка заявила, что теперь, когда жизнь наконец вошла в привычную колею, ей нужна горничная. В ответ господин Лунь, очаровательно улыбаясь, сообщил, что людей в замок пускать не намерен. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Тогда прекрасная Илана попыталась подъехать к Фамке. Пришлось ее разочаровать. Зато Жданка с обычной готовностью согласилась помочь. Кончилось это жутким Ланкиным визгом. При этом Жданка хохотала на весь замок, но что там стряслось, обе объяснять отказывались. Так что пришлось гордой полковничьей дочери управляться самой.

Хотя Жданка от всех этих перемен пострадала куда больше. Господин Лунь лично отвел ее в чью-то бывшую детскую с серебряными цветами и птицами на стенах и занавесках, с кроватью в кружевах и оборках, с множеством чудных синеглазых кукол в половину детского роста, с длинногровкой, шелковистой на ощупь лошадкой-качалкой. Фамка такое видала только на картинках, а Жданка, наверное, никогда.

Через неделю выяснилось, что рыжая ночует у Варки. Варка к этому относился благодушно, накрывал одеялом, подсовывал под голову подушку, может, и колыбельную пел, кто его знает. В комнату свою он приползал глубоко за полночь, из лаборатории, в которой ковырялся всякую свободную минуту, изводя крайна бесконечными вопросами, или чуть живой возвращался с утопающих в грязи просторов Пригорья, где по мере сил боролся с прострелами,

лихоманками или злой осенней мокрухой. Несмотря на скверную погоду, голубиная почта, заведенная крайном, работала исправно, и травника на помощь звали частенько.

Однако через неделю Ланка, то ли в отместку, то ли из вредности, нажаловалась крайну на беспутное Жданкино поведение. Господин Лунь, как обычно в минуты растерянности, запустил обе руки в волосы и в который раз забормотал нечто невнятное про воспитание девиц и тетку Таисью. Жданкины глаза немедленно наполнились слезами.

– Чего я такого сделала-то! Я ему не мешаю.

– Она не мешает, – подтвердил Варка, – наоборот. Да я ее с собой то и дело как щит беру. Вы ж сами велели поодиночке вниз не ходить. Пока я с больным, она родственников развлекает, чтоб под руку не лезли.

Любую кликушу в два счета подбодрит. Больше никто так не может.

– Так – никто, – скривившись, подтвердил крайн, – я, например, уже до того взбодрился – впору на стену лезть. Ну, она ребенок еще, но ты-то должен...

– Да чего я должен-то?

– Как же ты не понимаешь? – кукольным голосом сказала Ланка. – Это же неприлично.

– Чего неприлично? Чего вам от нас надо?

– Опекун я, конечно, никудашный, – задумчиво протянул крайн, – но краем уха где-то слышал, что негоже молодым девицам лазить по чужим спальням.

– Каким девицам? – удивился Варка.

Тут Жданка ни с того ни с сего смертельно обиделась, и Фамка, от греха подальше, забрала ее к себе. Вдвоем и вправду привычней...

* * *

Фамка вздохнула, расправила на коленях мягкие складки юбки. Новую одежду они пошили с помощью Петры. По-крестьянски простую, но удобную, прочную. Пестрой домотканой шерсти и тонкого, самого лучшего льна прикупили на торгу в Трубеже. Ланка, конечно, ворчала, не хотела носить простецкие юбки и рубахи. Никакие напоминания о том, что в ее распоряжении сотни

роскошнейших бальных платьев, не помогали. Обшивать пришлось и парней. За лето они ухитрились из всего вырасти.

Что ж, теперь у них ни в чем недостатка не было. Обещанная десятина была заплачена честно. В середине лета над Пригорьем встала горячая сушь, но господин Лунь, ворча и ругаясь, каждую неделю гонял всех устраивать дождик. Обычно это случалось в четверг, сразу после обеда. Пышные тяжелые облака собирались над Крайновой горкой и мягко сползали вниз, накрывая Пригорье теплым нежным дождем. Время от времени они переваливали через Тихвицу, уходили в Поречье или в измученные засухой владения князя Сенежского. Потом из-за гор явилась наконец настоящая туча, свинцово-черная, неотвратимая, как война. Обложила весь горизонт, загрохотала грозно, и снова крайн погнал всех наверх, на вершину одного из тех утесов, что снизу казались башнями замка. «Град, песья кровь, – кратко выразился он, – прорвется в долину – весь урожай коту под хвост». И тихонько добавил что-то про крылья. Мол, сверху было бы проще... Но крыльев у них не было.

Поворачивать мощный верховой ветер, когда град лупит по спине и плечам, а молнии бьют прямо в скалы крайнова замка, Фамке совсем не понравилось. Ланка, к примеру, разрыдалась и сбежала, не выдержав и получаса борьбы с бурей. К концу дня все были в синяках и долго потом вздрагивали от каждого резкого звука, но Пригорье худо-бедно отстояли.

Урожай выдался на диво. Такого в этих краях не видали уже лет десять. Почти всю осень к Крайновой горке свозили мешки с зерном, мукой, овощами. Варка с Илкой замучились, перетаскивая все в обширные кладовые. Городские старшины аккуратно внесли свою долю деньгами.

– Куда нам столько! – ужасалась Жданка. – Этого же в жизни не съесть.

– Пригодится, – задумчиво бормотал крайн, очевидно, предвидя какие-то грядущие несчастья.

– Что не съедим, то продадим, – хозяйственно рассуждал Илка.

Так или иначе, а голод им теперь не грозил.

* * *

За дверью вежливо кашлянули. В дверном проеме нарисовался господин Лунь собственной тощей и длинной персоной.

Фамка смущенно вскочила, одернула юбку. Она терпеть не могла, когда ее заставляли без дела. Живешь из милости, так пусть хоть видят, что не даром ешь хлеб.

– Госпожа Хелена, у меня для вас поручение.

Лестница, по которой они пошли, была совсем новой, видимо, только что выращенной. Выше любимой Варкиной лаборатории, выше аптечной кладовой.

– Здесь, – сказал крайн и отдернул полог у входа.

Большое и темное помещение с щемяще знакомым сладковатым запахом. Ряд тщательно закрытых ставнями окон. Крайн не спеша двинулся вдоль внешней стены, открывая ставни. Скупой осенний свет неохотно проникал в огромный полукруглый зал. Фамка ошарашенно подняла голову.

– Это что же... библиотека? – пробормотала она неуверенно.

– Да, – подтвердил крайн, – одна из лучших по обе стороны гор. Здесь надо немного прибраться... Нам с Иваром потребуются кое-какие книги, но работать в такой пыли...

Фамка кивнула, соглашаясь. Прибраться – это всегда пожалуйста. Без долгих разговоров спустилась вниз, переделалась в тщательно сбереженную старую лицейскую форму, которая вдруг оказалась тесной, набрала воды, прихватила побольше ненужных лоскутов и снова отправилась наверх. Пыли на полу, на длинных столах у окон, на высоких подставках для книг скопилось не так уж много. С этим Фамка покончила быстро и повернулась к книжным полкам.

Книги стояли в двадцать рядов до самого верху и вроде бы даже вползали на выгнутый куполом потолок. С пола не достать, но там и сям к полкам были приставлены изящные лесенки. На отдельных полках красовались плотно запечатанные золоченые футляры со свитками. Кое-где в тесных рядах темных пупырчатых переплетов чернели пустоты. Видно, уходя, крайны забрали с собой самое ценное. Или любимое...

Год прошел с тех пор, как она в последний раз открывала книгу. Что же это было... Ах да, ненавистный учебник версификации. Вздохнув, Фамка вскарабкалась на лестничку, потянула с полки одну из книг, стерла пыль и приставшую паутину, поставила на место

тяжелый, пахнувший старой кожей том «Космография или чертеж мира», осторожно взяла в руки другую. «Жизнь и преступные деяния великого и славного короля Аспазия Светлоголового». Как это понимать? Если король славный, то почему деяния преступные? Интересно...

Кто-то сильно дернул ее за ногу. Фамка взвизгнула и едва не свалилась с лестнички. Книга, уютно лежавшая на коленях, поехала вниз. Фамка подхватила ее, заложила пальцем, чтоб не потерять место, и огляделась.

Снизу ехидно скалился Варка. Сзади маячил Илка, мрачный, как голодный медведь.

– Эй, – сказал Варка, – гляди-ка, шевелится. Значит, еще живая.

– Зато я шас помру. Прямо тут, не сходя с места, – пригрозил Илка.

– Чего вам? – не приветливо спросила Фамка. – Чего стряслось-то?

– Да как тебе сказать, – усмехнулся Варка, – мы когда ужинать будем?

– Как ужинать? Обед еще не было...

– Ну, обед мы кое-как состряпали. Господин Лунь лично руку приложил. А вот ужин готовить ни в какую не хочет. Я, говорит, вам не нанимался.

– Ой, а который час?

– Самый подходящий для ужина, – сварливо сказал Илка.

– Ага, я сейчас... я вот только до конца главы...

– Ну все, скажи своей Ланке, чтоб училась готовить, – скорбно заявил Варка, – кашу-то она хоть умеет?

– Ох, – вздохнул Илка, – марципаны в сладком соусе умеет, это наверняка.

– Марципанами сыт не будешь.

* * *

– «Есть трава „царевы очи“, собой красна, и листочки, и цвет красен, ростом со спицу. А растет она на болоте, где ключи бывают и клюква. Держи ее при себе – и победиши всякого супостата, и на суд идти – не осужден будешь». Чё, правда, что ли?

– Не знаю. Не пробовал.

Господин Лунь растянулся на полу у самых окон, удобно устроив спину на двух пышных подушках. Руки закинута за голову, на животе

переплетом вверх раскрытая, сильно потрепанная книга, глаза, устремленные в небо, следят за медленным падением снежных хлопьев.

Варка, топтавшийся у подставки с огромным фолиантом, задумчиво почесал бровь, осторожно перевернул страницу.

– «Есть трава перенос, собою темна и мала, цвет ворон. И та трава добра от змеи. А семечко возьми в рот, войди в воду – вода расступится...»

– Все может быть. Ты плавать умеешь?

– Вы зачем мне эту книгу дали? Просто так? Или была какая-то причина, которую людям нипочем не понять?

– Читай-читай. Там есть и вполне здравые вещи.

Варка вздохнул и перевернул еще страницу. Со своим невежеством он боролся яростно. Память о прошлой зиме подгоняла его лучше всякого кнута. Беспомощность перед лицом смерти? Нет уж, хватит.

В дальнем углу у стола шушукались Фамка и Илка. Но шепотом спорить трудно, и оттуда то и дело раздавались приглушенные вопли:

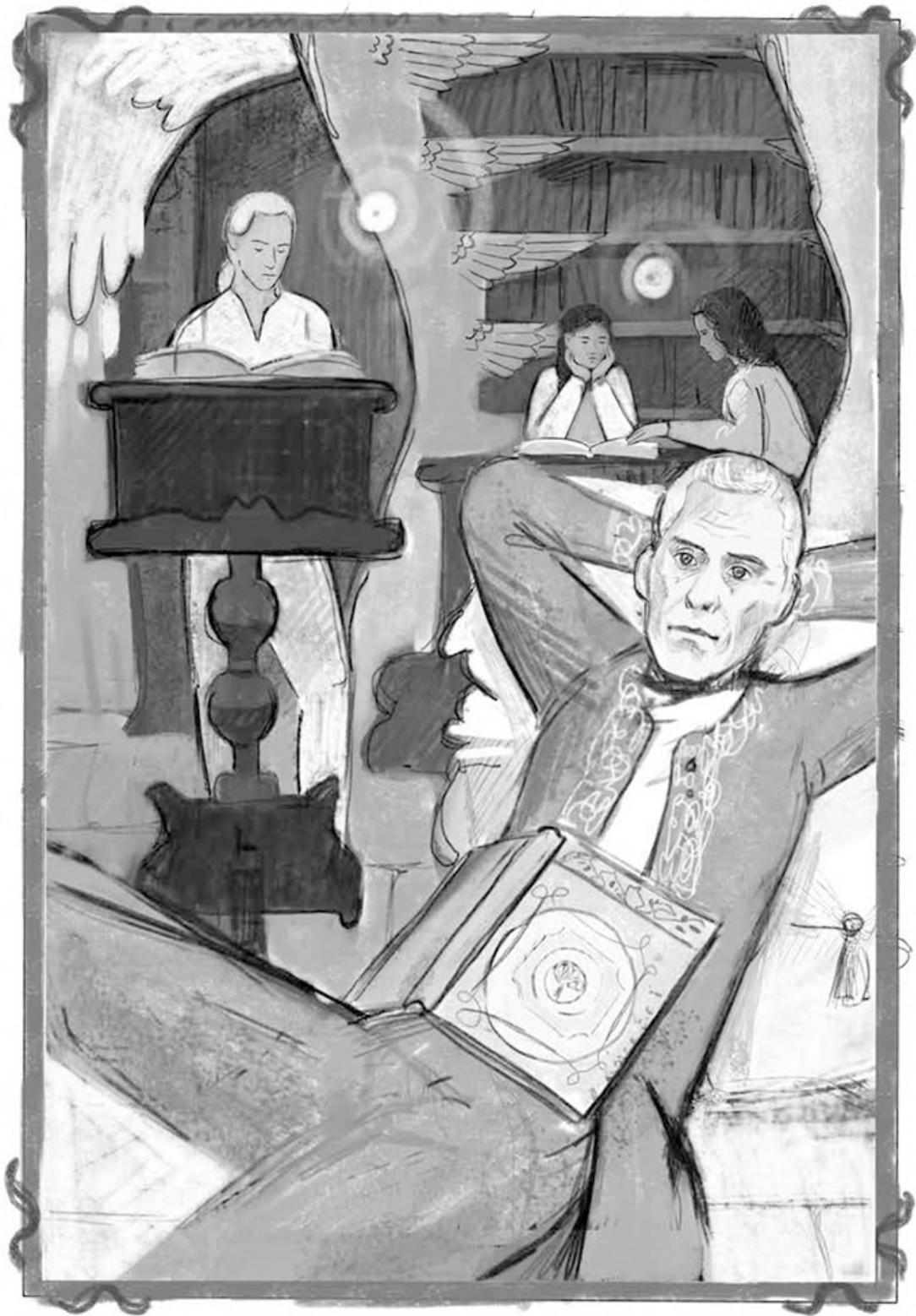
– Отравили!

– Сам себя порешил.

– А я говорю, отравили.

– Вот тут ясно сказано, – Фамкин палец уперся в одну из разложенных вокруг книг, – предал своих и, устыдясь, покончил с собой.

– Никого он не предавал.

– Да? Тут же ясно сказано: «Пятый князь Сенежский явился на поле битвы под стягом герцога Урштатского».

– Но в битву не вступал.

– Потому что струсил.

– Не, убогая, ты не понимаешь. Он выжидал. Вы все там у себя в Норах думаете: вот свои, вот чужие, они плохие, мы хорошие. Слова всякие говорите: верность, предательство, вождь, защитник, любовь к родине. А такие, как он, по-другому думают. Им и на вас плевать, и на родину чихать с высокого дерева... Он меж нашим королем и герцогом Урштатским вертелся, пытался власть свою сохранить, а заодно и княжество.

– А почему тогда руки на себя наложил? Княжество-то осталось при нем.

– Вот и я говорю, отравили его.

– Герцог из мести?

– Нет, – заметил крайн, по-прежнему глядя на снег, – наш тогдашний король.

– Зачем? – в один голос спросили спорщики.

– Господин Ильм совершенно прав. Этот пятый князь и вправду был исключительно мудрый политик. Но перемудрил. Там ведь вот как сложилось... – Крайн неохотно поднялся, подсел к столу, притянул к себе толстенный исторический труд, развернул вложенную в него карту.

«Ну вот, опять началось», – подумала Ланка, устроившаяся с шитьем на одной из лесенок. Пока господин Лунь беседовал о каких-то скучнейших болванах, которые то воевали, то плели интриги, но все как один давным-давно померли, с одной только Фамкой, это еще можно было терпеть. Но вдруг Илка ни с того ни с сего смертельно обиделся, что его на эти беседы не приглашают, вначале подслушивал с самым независимым видом, а потом начал, как бы между прочим, вставлять всякие замечания. Ланка и оглянуться не успела, как он утвердился за одним столом с Фамкой, среди книг, ветхих свитков и коричневых от старости карт.

Впрочем, послушать какую-нибудь историю Ланка тоже была не против. Нудные болваны, которых крайн торжественно именовал государственными деятелями и политиками, частенько путались с какими-то дамами, причем некоторые дамы разбирались в этой самой

политике даже лучше, чем их любовники. Слушать про прекрасных дам прошлых времен Ланке нравилось.

Варка и тот бросил свою устрашающую книжищу под скромным названием «О зверях, камнях и травах». Про Жданку и говорить нечего. Рыжая дурочка, когда дело дошло до рассказов, моментально захлопнула изумительной красоты букварь, разрисованный по старинке, вручную, и переместилась поближе.

Дней десять назад случайно выяснилось, что Жданка не умеет читать. Крайн тут же набросился на Фамку и Варку, будто они в этом виноваты. Мол, должны были научить. Варка, по обыкновению, ухмылялся ехидно, а Фамка вздыхала.

Жданка смотрела на вещи гораздо проще.

– Да зачем мне это! Время только тратить. У нас под мостом завелся был один грамотный, так к зиме совсем спился и помер. Ничего ему эта грамота не помогла.

– Пример убедительный, – согласился господин Лунь, – но сейчас ты не под мостом. Ты в моем замке. Госпожа Хелена, займитесь.

– У меня от букв голова болит и в глазах мелькание, – сообщила Жданка.

– Не буду я, – заупрямилась Фамка, – она или хихикать начнет, или книгу спрячет, или сама спрячется, потом три дня искать будем. Я уж знаю, пробовала.

Господин Лунь поднял левую бровь.

– Я занят, – быстро сказал Варка.

Господин Лунь покряхтел, поворчал, разворошил волосы.

– Сам буду учить, – сурово заключил он, – бездари. Никому ничего поручить нельзя.

Как ни странно, Жданка больше не спорила, бежала на урок с великой охотой, прилежно корпела над буквами и пуще всего опасалась разгневаться крайна, который, однако, никогда на нее не орал, напротив, был тих, кроток и даже иногда улыбался.

Ланка вздохнула. Ей он так не улыбается. Да и другим тоже. Но других хоть учит.

Прошлой зимой все на кухне сидели, вокруг печки. Намерзлись, наголодались, думали только о том, как бы поесть и согреться. А нынче вся жизнь переместилась в библиотеку. Только и делают, что книжки читают. Совсем заучились.

Крайн неторопливо рассказывал, рассеянно глядя поверх голов застывших птенцов-подкидышей. В глаза все-таки старался не смотреть. Зачаровывать их до полной потери воли он не собирался. И без того слушали затаив дыхание. Рыжая даже рот разинула. Ох, глазищи у нее. Еще года три, и местным парням придется худо.

Как странно. После всего, что случилось с ним, он еще жив и даже получает от жизни некоторое удовольствие. Тепло, мягкий свет зимнего дня, милый сердцу запах книжной пыли и старой кожи. Покой, тишина, бестревожность.

Хрупкая тишина. Только мягкий снег отделяет Пригорье от кипящего котла бесконечной войны. А покой... В то, что их оставят в покое, он не верил.

Глава 2

– Светлый князь, клянусь вам, это не крайны.

Стас Гронский сидел, опустив плечи, глаз смиренно не поднимал, но говорил горячо и напористо. Князь Филипп слушал нехотя и даже, казалось, скучал.

– Знаете, Гронский, ваше желание отомстить и вернуть утраченное мне понятно. Но я рисковать не стану. Вы же сами утверждали, Рарог Лунь вернулся. Подпись на документах, которые я получил, безусловно подлинная.

– Да, но почему никто не видел, как они летают? Ни разу, хотя прошел почти год.

– Берегут крылья. Обычай, знаете ли, – донеслось из угла, где отсиживался осторожный Лютин, правая рука князя Сенежского во всем, что касалось дел сомнительных и опасных.

– Может быть. Но почему их так мало? Почему все видят только детей?

– Подростков.

– Хорошо, подростков. Где же взрослые?

– Подростки... – протянул Лютин, – они, как бы это сказать, любят искать приключений на свою голову. А взрослые сидят дома, делами занимаются. Господин юный крайн, светлый лик которого мне довелось созерцать в Волчьей Глотке, похож на этого Луня. Просто одно лицо.

– Итак, присутствие двух подлинных крайнов сомнений не вызывает, – сварливо заметил Филипп Сенежский, – то, что они сотворили под Бренной, говорит само за себя. Аскольд чудом спасся. Я не сунусь туда, пока не буду уверен...

– Эти двое – может быть, – повысил голос Стас Гронский, – но остальные? Как они выглядят! Крайны! Это же курам на смех. Приблудные какие-то... Этот, как вы выражаетесь, господин Лунь еще в детстве эдак забавлялся. Вечно всякую грязь в дом тащил. То у него собака шелудивая, то ворона какая-нибудь каличная... Теперь вот детишек где-то подобрал, милосердный наш.

Господин Филипп Вепрь, князь Пучежский и Сенежский, откинулся на спинку кресла, пожевал губами, поглядел на стоявшего

перед ним Стаса Гронского. Камзол с чужого плеча сидел на Стасе скверно, щеки запали, небритый подбородок обвис вялыми складками.

– Лютин, – произнес князь в пространство. Лютин молча возник у правого локтя, – займись этим. Сам займись.

Лютин кашлянул.

– Должен ли я...

– Нет. Ничего не делать. Никого не трогать. Только смотреть и слушать. Но если ты убедишься, что их всего двое...

– Тогда...

– Тогда ты доложишь об этом мне.

Лютин поклонился и тихо вышел. Конечно, после трех лет в Косинце он рассчитывал на долгий отдых. Но возражать Вепрю – себе дороже. Под аркой общего зала, у самого выхода из цитадели его нагнал княжич Хенрик.

– Не торопись так, – начал он, нависая над сухоньким малорослым Лютином. – Поспешишь – людей насмешишь. Не хотелось бы, чтоб ты утратил мое уважение. Мы с братом всегда ценили тебя. Всегда. Как ты думаешь, – зашептал он, склонившись еще ниже, – крайны смертны?

– Да, – сказал Лютин, не останавливаясь. Он знал, чего хочет княжич.

– Если Рарог там и вправду один... Времена нынче тяжелые. Всякое может случиться.

– Может, – легко согласился Лютин, – но лишь по воле светлого князя Сенежского.

– Мой отец слишком церемонится с ними. Нам нужно Пригорье. Особенно теперь. Тебе, конечно, известно, что хлеба едва хватит до солнцеворота.

– Этого легко можно было бы избежать, – не сдержался Лютин, – если бы светлый князь решился возобновить старый союз, как я ему усиленно советовал.

– Отец стар. Он теряет хватку. Подумай хорошенько, Лютин, чьи приказы стоят того, чтобы их выполнять.

Хенрик удалился, позванивая шпорами. Лютин проводил его взглядом. Придется подумать. Хочешь не хочешь, а придется.

* * *

В Пригорье он вошел с беженцами из Поречья, где нынче развлекался на свой лад княжеский наследник, Аскольд Сенежский. В Бренну их пропустили без особого труда, только проверили, нет ли оружия. Да и то сказать, оборванные бабы с детьми, старики, старухи. Сам Лютин, тоже не шибко юный, в обтрепанном тулупчике, старательно обляпанных дегтем валенках и облезлом треухе, с латаной-перелатаной котомкой за плечами, сомнений ни у кого не вызвал. Хорошо им тут, под крайнами. Нисколько не берегутся.

Бренну Лютин любил. Было в ней всегда весело, словно нет и в помине ни зимы, ни войны, ни голода. Красноватая брэннская стена возвышалась над рекой без всяких помех. Приречные трущобы исчезли начисто. Видать, наводнением снесло. Вместе с ними исчез знаменитый кабак «Три утицы», собственность господина Томаша Грава, в котором Лютин надеялся найти кое-каких нужных людишек. Печально. Но поправимо.

Город, присыпанный свежим снегом, был чистенький, яркий, торговля шла бойко, но цены на хлеб изумляли своей скромностью. Лютин остановился на Ратушной площади, потолковал кое с кем у возов, не спеша поел в «Кабане и цыплятах», выпил пива в «Приюте кормчего», везде смотрел и слушал, как было велено. Между делом выяснил, что от самых Столбцов пригнали еще десять возов камня. Стену починяют и ворота ладят все новые. Господин Анджей приказал. И стражу набрали вдвое больше прежнего, а жалованье положили втрое. Потому как Вепрь, чтоб его подняло и прихлопнуло, с крайнами договор заключать не хочет. Совсем из ума выжил. Сказывают, у них весь урожай сгорел. Кабы не дожди, что с пригорской стороны пригоняло, ничего бы не собрали. Ладно, то его дело, зато в Пригорье больше не лезет. А то взял моду: полюдьё ему плати. Ему плати, Гронским плати, в городскую казну плати – эдак вовсе без штанов останешься. В родимом княжестве Вепря поминали куда хуже, так что к этим разговорам Лютин остался равнодушен.

* * *

Покидая Бренну, он полюбовался рядом свежих срубов вдоль Трубежской дороги. Дома для беженцев, как его просветили, были построены и еще строились на золото крайнов. На снегу желтели груды свежих щепок, стружки, опилки. По привычке прикинув, что это

самое подходящее место для поджога, Лютин бодро направился в Трубеж.

Дорога была хорошо накатана, да и морозец легкий. Обычные пригорские холода еще не вошли в силу. Можно было дожидаться попутчиков или подсесть в степенно кативший мимо санный обоз, но тогда пришлось бы вести беседу, прикидываться, ломаться перед недоверчивыми крестьянами, а Лютину надо было побыть одному, подумать.

Легко Вепрю говорить: «Займись сам». Заниматься этим, мягко выражаясь, навозом самому Лютину сейчас не хотелось. Он устал. Три года в Косинце дались не даром. Да и опасно здесь. Видать, этого Луня внизу научили жизни. Хорошо научили. Одна только бойня в Волчьей Глотке чего стоит. Такой в случае чего миндальничать не будет.

В Трубеже было непривычно тихо. Все-таки какая-никакая, а столица, но все ходят будто пришибленные. Чисто, скучно, пустовато. Стражники с постными мордами не сидят по трактирам, а чинно прохаживаются по улицам. Даже и собаки не лают. Только галки на башнях орут по-прежнему.

Лютин полюбовался на дворец Гронских с высаженными воротами и выбитыми стеклами, усмехнувшись, сравнил его с комнаткой в сенежской цитадели, которую от щедрот своих выделил Элоизе и Стасу князь Филипп, и пошел в «Крылья крайна», где под кружку медовухи выяснил у одного стражника, что господин Влад Гронский тут не живет, а живет в казармах, гоняет всех в хвост и в гриву. Городскую стражу тоже удвоили, и стены чинят, и даже пушки где-то раздобыли.

– Кто же в городе правит?

– Да никто, – объяснили ему случайные собутыльники. Разговаривали они почему-то шепотом и все время оглядывались, – господин старший крайн по их бесконечному милосердию отлучение изволили снять. Даже господина Влада простили, хоть он и Гронский, но все одно в городе бывать не желают. И своих не пускают никого. Не доверяют, значит. Тут теперь все дыхнуть лишний раз боятся, не то что по бабам или там надраться как следует. Не только собственных жен, кошку пнуть и то опасаются. Слово какое погорячее сказать – ни-ни. Оттого-то Устин у нас теперь и сидит, как воды в рот набрал. Черных слов говорить нельзя, а других-то он еще не выучил.

– Чё ж это вы так? – всерьез удивился Лютин.

– А ты походи под отлучением – узнаешь, – угрюмо ответили ему. – Ни жить, ни дышать не захочешь. Трубеж крайнами строен. Они и живали тут целыми семьями, а теперь каким-то Дымницам и то больше чести, чем нам. У них, говорят, крайны на праздниках и поют, и пляшут, и вино пьют, не брезгают.

– А какие они, крайны-то?

– Такие, – растолковали ему, – молодые, собой прекрасные.

– Крылатые? – не отставал Лютин.

– Дык ты... как тебя, совсем тупой? – высказался наконец молчаливый Устин. – Где ты видел крайна без крыльев?

– Я никаких не видел, – благодушно отозвался Лютин. Стало быть, Дымницы. Слухами питаться нельзя, по трактирам выведать ничего не удастся, придется искать встречи с крайнами. Но лезть прямо на знаменитую Крайнову горку ему не хотелось. Пожить надо будет в этих самых Дымницах, приглядеться.

* * *

В Стрелицы Лютин пришел засветло. Он думал об осторожности, строил планы, как войти в доверие к дымницкому старосте, но все оказалось просто, так просто, как он и мечтать не смел. После сытного ужина он небрежно спросил у крепкой костистой старухи, много лет служившей у Кривого Алека подавальщицей, дорогу в Дымницы. Бабка тут же под села на край лавки, сочувственно пожевала губами, вся в предвкушении приятного разговора о разных хворях.

– Чем маешься, милый?

Лютин еще не знал, чем мается, но сделал скорбное лицо и тяжело вздохнул.

– Сам-то дойдешь? Али тебе лошадей поискать? Федор наш вроде собирался в ту сторону.

– Дойду как-нибудь, – смиренно заметил Лютин, – знать бы куда.

– Так тебе лесом, лесом, все прямо и прямо, через мост и до самых Язвиц. А налево не ходи, налево-то Быстрицы будут... В Дымницах спросишь тетку Таисью. Родня она мне. Сама она тоже травница не последняя. Но если уж не поможет, крайны помогут.

– Так уж и помогут? – усомнился Лютин. – Была им охота со мной возиться.

– Помогут-помогут, не сомневайся. За старшего травника нынче у них господин Ивар, сказывают, самой госпожи Анны родной внук. Красивый, страсть.

– Крылатый?

– Ну это уж у них так заведено. Сама не видала, но люди говорят, крылья у него белые, лебединые.

«Чем бы мне таким заболеть?» – лениво раздумывал Лютин, с удовольствием растянувшись на жестком войлоке. На его собачьей службе особенно не похворает. Устал, конечно. Но всякий поймет – три года с Косинским Волком кого хочешь укатают. Прилечь все время тянет. Да еще по временам правый бок колет. К вечеру, вот как нынче, тяжесть в груди и изжога одолевает. Старость не радость. Может, пора на покой? Ладно, там видно будет.

* * *

Новый посад под Бренной горел ярко и дружно. Огромный костер уже подступал к городу. Высокое пламя лизало старую стену. В городе ударили в набат. Крепкий едучий дым жег глаза, забивался в глотку. «Надо уходить», – сказал Лютин, закашлялся и проснулся в темной спальне на жестком войлоке. Но набат по-прежнему гудел, и нестерпимо пахло паленым. В слепое оконце вползал оранжевый отсвет. Лютин подхватился, в один миг напялил тулупчик, сгреб котомку и кинулся к выходу.

Оказалось, что Алекову трактиру пока ничего не грозит. Горел нижний конец Стрелиц, тот, что ближе к Трубежу. Полыхало знатно. Огонь охватил пять или шесть домов. В двух уже рухнули крыши. Несильный, но ровный ветер гнал пламя в сторону деревни. По ярко освещенной улице бестолково метались расхристанные тени, ревел колокол, хрипло мычала корова, и, заглушая колокольный звон, бился в смертном ужасе женский визг.

Тушить уже и не пытались. С водой в Стрелицах всегда было плохо. Родник под горкой, с той стороны, где горело, и колодец у корчмы. Редкая цепочка людей выстроилась от него, передавая ведра. Поливали стены и травяные крыши ближайших изб, чтоб не дать огню перекинуться дальше.

Но искры сыпались градом, кое-где сухая трава уже тлела. Черные ручьи талого снега текли вдоль улицы, заливали вытащенный наружу

жалкий скарб. По всей улице из домов выносили вещи, в страхе звали детей.

«Пойду я, – подумал Лютин, – деревня стгорит, и к гадалке не ходи. А я человек больной, мне в Дымницы надо».

Из крошечной тьмы за колодезем вырвались и устремились к пожарищу какие-то люди, тесной кучкой промчались мимо Лютина. Острые локти, летящие по ветру волосы, частое легкое дыхание. Стрелицкие шарахались от них, расплескивая ведра. Прорвавшись почти к самому огню, туда, где жар был уже нестерпимым, пришельцы на миг остановились, сошлись в одну многоголовую тень.

– Дождь? – звонко крикнул кто-то.

– Нет, – донесся до Лютина хриплый ответ, – сначала ветер!

Тени медленно, как в танце, разошлись в стороны, встали цепью, протянули друг к другу руки. Высокие, тонкие, длинноногие. Колокол рыдал над ними, ревело пламя, дымная туча нависла над деревней черным клыкастым медведем.

И тут в Стрелицы ворвался ветер. Сильный холодный поток воздуха с севера, от дальних гор, от заснеженных склонов Белухи. Дымная туча качнулась, дрогнула. Ветер разодрал огненную стену на отдельные языки, прижал к земле. Сразу стало темней, прохладней. Дым, кишачий огненными точками, медленно понесло к югу. Искры, пепел, горящие клочья сена летели теперь к пустым, укрытым снегом полям. Над колокольней открылась туманная полоска неба с двумя тусклыми звездами. Тени перед огнем, не опуская рук, разом шагнули вперед. Еще шаг. Еще. Лютин подумал, что, упади сейчас ветер, им всем конец.

А потом хлынул дождь. Густой, тяжелый летний ливень среди устоявшейся прочной зимы. Тугие струи рухнули на пожарище. Дорога тут же заледенела. Травяные крыши встопорщились мелкими ледяными иглами, столбы заборов покрылись рыхлой ледяной коркой. Пламя боролось с водой, то вставало ярким языком, то с шипением скрывалось в темных развалинах. Было очень тихо. Колокол замолчал, и люди на улице застыли в молчании. Тени перед огнем то казались огромными, то почти исчезали в багровом сумраке. Северный ветер не унимался, и дождь все лил и лил, не прекращаясь, не утихая.

И тут они начали падать. Один повалился лицом вниз, разорвав незримую цепь, за ним другой, по-девичьи взвизгнув, свернулся

жалким комочком, третий рухнул на колени, но рук так и не опустил. Вскоре на ногах осталось только двое. Высокий и странно маленький. Похоже, ребенок. Высокий пошатнулся, ища опоры, обхватил маленького за плечи. Однако Лютин видел – дело сделано. По развалинам еще метались яркие злые язычки. Но улица медленно погружалась в темноту. Внезапно Лютин понял, что мерзнет. На лицо упала снежинка. Потом еще одна.

– Чего стали, – раздался в темноте отчаянный детский голос, – помогите же, кто-нибудь!

Люди очнулись, бросились к потухающему пожарищу, на которое медленно падал крупный мохнатый снег.

* * *

И снова Лютину повезло. Крайнов принесли прямо в трактир. Насчет внешности злобствующий Стас Гронский оказался прав. Ничего немислимо прекрасного Лютин не увидел. Шесть закопченных, взъерошенных, вымазанных в саже фигур, на всех крестьянские порты и рубахи, хотя Лютин готов был поклясться, что двое наверняка женщины. Насчет третьего, самого малорослого, у него были сомнения. Этот, единственный, пришел сам. Остальных почтительно внесли на раскинутых полушубках, заботливо устроили поближе к очагу. Вокруг суетился стрелицкий староста, ругательски ругая какого-то Аверкия, по пьяному делу обронившего трубку в солому. Тут же толкались растрепанные бабы с перинами, тулупами и сухой одеждой.

– В набат поздно ударили, – проворчал самый длинный и, видимо, самый старший, – а голубя и вовсе послать забыли. Мы могли и не заметить.

Староста в ответ только горестно вздыхал.

– Почему нынче так тяжело? – донеслось из-под какой-то перины. – Летом мы такие дождики в два счета делали.

– Зима, – скучливо пояснил старший, – пока все это согреешь, пока раскачаешь.

– Зачем я только с вами пошла, – пискнул женским голосом соседний тулуп. – Гадость какую-то надеть заставили... Везде трет, везде давит... Все волосы дымом пропахли... на щеке ожог... вот, вот тут, видите... теперь след останется...

Из-под другого тулупа высунулся острый носик, блеснул насмешливый черный глаз.

– Зря ты в вечернем платье не пошла. И в обморок некрасиво хлопнулась. Прямо как квашня. Совсем за собой следить перестала. Не плачь, отмоются твои волосы.

– А правда, здорово получилось?! – радостно спросило рыжее дитя, стучащее зубами под кучей каких-то одежек. – Только холодно очень.

– Сейчас, сейчас, горяченького, – засуетился Кривой Алек.

Та-ак-с. Если верить своим глазам, а им Лютин привык верить, перед ним не два, а шесть настоящих крайнов. Сила, с которой следует считаться. Насчет крыльев Гронский тоже молол чепуху. Не пешком же они двадцать верст бежали.

Только вот зачем прихватили с собой женщин и детей? Втроем боялись не справиться? Резонно. Стало быть, их всего шестеро. И все они сейчас у него в руках. Все крайны Пригорья. Измученные, ослабевшие, замерзшие. Хм... Младший княжич был бы доволен. А Филипп Вепрь наш могучий? Что нужнее ему? Пригорье за пазухой или союз с крайнами? Воевать-то они за него не будут. Не любят они это дело. Ни людей, ни лошадей ни за что не дадут.

Из кухни, волоча жбан с горячим грушевым взваром, протиснулся пыхтящий трактирщик. Рука Лютина сама потянулась за пазуху, губы сами выговорили: «Позволь подсоблю», и содержимое одной из припасенных скляниц легко смешалось с питьем.

Из-под перин и тулупов у огня, кроме рыжей, теперь торчали еще две головы: лохматая белая и косматая русая.

– Ага, щас погреемся, – хищно обрадовался лохматый.

– Хм. Я бы в этом доме ничего пить не стал, – высказался косматый.

Трактирщик всплеснул руками, залопотал что-то, оправдываясь, заорал на старуху, чтоб скорей несла кружки.

Лютин тихо отступил в свой угол. И тут удача. Пиво он им, что ли, несвежее подсунул, или похуже чего? Так кого теперь заподозрят? Не Лютина, это уж точно.

Прибежала бабка с ковшом и кружками. Лютин прикрыл глаза. Смотреть на такое он не любил. Столько лет в службе, а к виду смерти привыкнуть не мог.

– Стой! Вот баба безумная, – заорали на улице.

В дверях возникла сырая спина стрелицкого старосты.

– Ну куда ты лезешь, куда? – бубнил он, стараясь не слишком орать. – Видишь, господа крайны утомились. Не лезь ты сюда, не смущай их своим видом.

– Пусти! – страшно вскрикнули в сенях.

Старосту отнесло в сторону, и в горницу ворвалась простоволосая женщина в распахнутом полушубке, наброшенном прямо на грязную нижнюю рубаху. Ребенок у нее на руках не двигался, жалко повисла головка с колтуном серых волос, ноги болтались как тряпочки. Староста ухватил ее за рукав, пытаясь выдворить отсюда и избавить господ крайнов от непотребного зрелища. Но рядом вдруг оказался господин Лунь, решительно отстранил старосту, принял ребенка на руки. Варка оставил обе полные кружки, свою и Жданкину, кинулся к ним.

– Забыли ее... – тихо, совершенно спокойно сказала женщина, – после спохватились, когда сени уже занялись. А она, дурочка, нет чтоб в окно... в подпол забилась. Спасибо, Тришка вытащил. Одна она у меня... – и, мягко опустившись на колени, уткнулась лбом в пол, заскулила тихо, как побитая собака.

– Сумку я свою где-то бросил, – задумчиво сказал Варка.

– Я помню. Сейчас принесу. – Фамка выскользнула из-под тулупа и исчезла за дверью, в которую, пользуясь растерянностью старосты, потихоньку проникали другие пострадавшие.

* * *

Крайн уложил девочку прямо на пол, попытался нащупать живчик на шее, начал было вдыхать воздух в жалкое тельце, но вдруг остановился, поднял глаза на Варку.

– Что?

– Поздно.

Варка поперхнулся.

– Как... Разве мы не...

– Иди, займись теми, кому можно помочь.

– Сделайте же что-нибудь! – возмутилась Жданка.

– Мы не всемогущи, ты знаешь. И жизнь устроена не так, как нам хочется.

– Скажите еще, надо уметь отпускать! Лесом ее и болотом, эту вашу филовосию!

– Философию. Будь добра, посиди с матерью.

Варка послушно занялся обожженными, покалеченными, надышавшимися дымом, стараясь не смотреть, как в свете очага Жданка обнимает окаменевшую мать, гладит по голове мертвого ребенка.

Фамка принесла заледеневшую сумку с лекарствами. К счастью, мази от ожогов на ягодах шиповника, паренных в конопляном масле, в расписной фарфоровой банке с притертой крышкой ничего не сделалось. Пострадавших оказалось что-то много. Их клали на лавки, на широкие трактирные столы, прямо на пол. Рук не хватало, хорошо, курицы принялись помогать в меру своего умения.

Впрочем, обрабатывать ожоги – дело нехитрое, требуется лишь легкая рука. Крайн возился с несчастным, схлопотавшим балкой по черепу. Варке достался трудный перелом. Ногу плотной пожилой тетки пришлось собирать по косточкам. Тетка, ясное дело, орала дурным голосом, но унять боль как следует у Варки не было сил.

Казалось, за стенами трактира давно уже наступило утро. Или никогда не наступит. Долгая зимняя ночь без рассвета. Пить хотелось невыносимо. Улучив минутку, он все-таки дотянулся до кружки.

За спиной закашлялись, дико, со стоном вдыхая воздух, сквозь кашель прорвался отчаянный детский плач. Варка выронил кружку и метнулся к Жданке, на руках у которой кашляла, задыхалась синюшно-бледная, но живая девочка. Но крайн, конечно, опередил его, оттолкнул Жданку, отодвинул в сторону мать. Через полчаса девочка уже не задыхалась, глядела осмысленно.

– Ой, я тебя знаю, – прошептала она, увидев Варку, – ты мне грошик дал.

Варка не понял, но кивнул. Сейчас он был готов отдать ей все сокровища крайнов.

– Ты грязный, – сообщила девчонка. Подумала и добавила: – Но все равно красивый.

– Ладно, я умоюсь, – пообещал Варка, – только ты больше не помирай.

Крайн положил ребенка на колени матери, ухватил рыжую за косицу.

– Она не дышала. И сердце встало, это точно. Или я ошибся?

– Ошиблись-ошиблись, – мелко закивала Жданка.

– Нет. Это сделала ты. Как ты это сделала?

– Да не делала я ничего. Это не я. Я только не хотела, чтоб она умерла. Это нечестно. Неправильно. Она маленькая, ее Стехой зовут... и мать жалко. Вот я и просила, чтоб она, чтобы...

– Откуда ты знаешь, что правильно, а что нет? – сурово спросил крайн.

– А вы не знаете? – удивилась Жданка.

– Раньше знал. Но потом мне объяснили, что все не так просто. И не тебе решать...

Под этот философский спор Варка обнаружил, что пациентов стало куда меньше. Покалеченных и обожженных помаленьку разбирали по домам. Поесть бы чего или попить наконец горяченького. Но тут его снова тронули за рукав.

– Светлый господин крайн, у нас тут еще один хворый имеется. Хотел к вам пробираться, да, боюсь, не дойдет.

Лютина вытащили на свет, к очагу. Чумазый красавчик ухватил его за руку, заглянул в глаза, начал расспрашивать. Пришлось рассказывать про тяжесть в боку, изжогу и прочее. Оставалось только надеяться, что вранье сойдет благополучно. В конце концов его уложили на лавку, велели задрать рубаху и долго ощупывали впалый живот жесткими холодными пальцами.

– Эй, ты решил остаться? В Стрелицы переезжаешь, поближе к людям?

Высокий крайн подошел неслышно, навис над беспомощно распростертым Лютином.

– Гляньте сами, а? Тут что-то не то... так я вообще ничего не вижу. Но если смотреть, как вы учили... Это как дыра в никуда, даже хуже.

Лютина, глядевшего на них снизу вверх, внезапно скрутила жестокая зависть. Этот снисходительно-ласковый жест, которым старший на миг сжал плечо младшего. Это зеркальное сходство. Никаких сомнений, отец и сын. А ведь и у него сейчас мог бы быть сын. Такой же красивый, сильный, уверенный, но все же нуждающийся в отцовской руке. Сын, который продолжит твои земные дела и превзойдет тебя.

Сын... Да, как же... Лютин с трудом сохранил скорбное выражение лица, старательно удерживаясь от усмешки. Продолжат они, держи карман шире. Вон у Вепря целых три сына, и что с того? Двое старших спят и видят, как бы сесть на отцовское место, а младшего лучше бы и вовсе не было.

Тем временем старший крайн закончил водить руками над его животом и теперь смотрел на него тяжелым, сосредоточенным взглядом. Этакого не обманешь. Влет раскусил. Теперь начнется.

– Ты не падал недавно, правым боком не ударялся?

– Падал, – словоохотливо отозвался Лютин, – так треснулся – думал, костей не соберу.

Два года назад он и вправду свалился с лошади, когда неугомному Адальберту пришло в голову устроить учения с конной атакой.

– Тревоги, заботы какие были?

– Были, ох были, – поддакнул Лютин. Кажется, разоблачение откладывалось.

– Ах да, ты же из Поречья. Глупый вопрос.

Крайн совсем заскучал, отвел взор от Лютина, поглядел в окно на тусклые отблески дотлевающего пожара.

– Вот что, тебе надо найти какое-нибудь теплое место и жить там тише воды ниже травы. По дорогам не шататься, ничем себя не тревожить. Хочешь, пойдешь в Дымницы, найди там старосту, Валха, он тебя куда-нибудь пристроит. А еще, я слышал, в Трубеже сторожа в ратушу ищут. Устроишься – дай знать, пришлем тебе лекарство. А это от болей, ежели начнутся... Ивар, отдай ему... Все, что осталось.

– Скоро вы там? – капризно протянула Ланка. – Я спать хочу.

– Ага, – хриплым басом согласился Илка, – пошли отсюда. Светает уже.

– Погодите, где-то тут кружка моя... – начал Варка.

– Пошли-пошли, – пихнул его в спину Илка, – дома водички попьешь.

Жбан с грушевым взваром он, воспользовавшись общей суматохой, недрогнувшей ногой опрокинул возле широкой щели под лавкой. Всю ночь суровый оплот здравомыслия в мире чокнутых крайнов тихо и незаметно просидел в углу, готовый в любую минуту вступить в драку или развернуть щит. Илка давно понял: за этими крылатыми, которые

никогда ни о чем не думают, нужен глаз да глаз. Травили их тут уже. А этот напиток и припахивал как-то странно. Надо будет поговорить с господином Лунем. Пусть как-нибудь на досуге поучит их разбираться в ядах.

* * *

Сияло солнце, золотилось морозное небо, снег сверкал на полях, на дороге, на мохнатых еловых лапах. Лютин бодро шагал в Бренну. Сторожем в ратушу... Подумать только! Надо было про плату спросить да поторговаться. Все-таки он чего-то стоит. Провел господ крайнов как малых детей. Пожалели хворого. Да еще и глядели так скорбно. Лютин с наслаждением позволил себе открыто усмехнуться. Жаль, разом покончить с ними не удалось. Но ведь и приказа не было. А выведать – он все выведал. Есть что сказать господину нашему Вепрю. И ничего-то у него не болело. Вот только слегка колело в правом боку да изжога замучила.

Глава 3

После пожара Жданка заболела. Долго крепилась, пыталась не замечать, как свербит в горле и трещит голова. По правде говоря, она страсть как напугалась. У них на Болоте любая, даже малая, хворь могла оказаться дорогой к общей могиле.

Но не успела она как следует раскашляться, как набежали встревоженные курицы: Ланка с теплыми платками и одеялами, Фамка с грелкой для ног и медвежьим жиром для растирания. Варка, коварно ухмыляясь, притащил целую гору снадобий от простуды. Особые надежды он возлагал на липовую шкатулочку с собственноручно изготовленным чудесным порошком. Недаром, ох недаром целых три месяца они с господином Лунем выращивали в таинственных недрах лаборатории разнообразную плесень. Жданка захрипела, замахала руками, попыталась сказать, что ни за что не будет глотать всякую гадость.

– Куда ты денешься, – заявил непреклонный Варка, но тут на поле битвы явился сам господин Лунь. Ужасный порошок он запретил сразу. Большую часть Варкиной аптеки тоже отложил в сторону, оставив средства простые и всем понятные: ромашку, медвежий жир, сушеную малину, липовый цвет. Варка надулся и в который раз попытался выяснить, кто здесь настоящий травник. Господин Лунь в ответ посоветовал снова подхватить грудную немочь. Тогда, мол, и содержимое шкатулочки испытаем.

– Перебьетесь, – строптиво, но тихо проворчал Варка и убежал наверх, унося драгоценную шкатулку.

Неделю Жданку поили горькими отварами, заставляли парить ноги, то и дело полоскать горло, но поправлялась она медленно. Господин Лунь озабоченно бормотал нечто про болезни роста. Впрочем, болеть в крайновом замке оказалось легко и приятно. Лежать в одиночестве она наотрез отказалась, и тогда ее устроили в зале, у большого камина. Каждый обитатель замка, пробежавший мимо по своим делам, останавливался поболтать, каждый норовил принести что-нибудь вкусное, развлечь или утешить. Как-то раз пришел даже Илка. Потоптался, поглядел сверху вниз, спросил угрюмо:

– Принести тебе чего?

Жданка от удивления даже дышать перестала. Только помотала головой. Мол, ничего не надо. Но Илка не уходил.

– Ну, хочешь куклу?

Почему всем так нужно, чтобы она играла в куклы, Жданка не знала. Кукол у нее отродясь не было. А теперь уж и поздновато. Все-таки ей почти тринадцать. Наверное. В годах своих Жданка никогда не была уверена.

– Хочу, – сказала она. Сказала из чистого любопытства. Неужели и вправду принесет? Точно. Полез наверх. Свет у него был тусклый, мерцающий как огонек копейной свечи, но все же горел, держался. Через пять минут он вернулся, зажав под мышкой огромную куклу в роскошном красном платье, неловко сунул Жданке, еще немного потоптался и ушел.

Жданка устроила куклу на подушке, осторожно расправилашитый жемчугом воротник. Во-он какая. Розовая краска на щечках чуть стерлась, но глазищи синие, личико тонкое и ни одной веснушки. Жданка тяжело вздохнула, спихнула куклу с подушки, прикрыла глаза. Голова снова ныла, в горле скребло.

На лоб легла сухая шершавая рука. Усталые глаза распахнулись сами собой, губы разъехались в радостной улыбке.

– Снова жар, – недовольно сказал господин Лунь, – на-ка, выпей.

Будь на его месте Варка, Жданка долго ныла бы, что лекарство горькое, кислое и все равно не помогает. Но тут проглотила все залпом и даже не поморщилась. В награду господин Лунь вручил ей толстый золотистый леденец.

«Из Бренны вернулся, – сообразила Жданка, – Илку, наверное, щитом брал». В злосчастной Бренне, изнемогавшей от наплыва беженцев, вечно приключались какие-то неурядицы, требовавшие непрямого присутствия старшего крайна.

– Побудьте со мной, – попросила она, стараясь, чтоб голос звучал пожалобней.

Помогло. Господин Лунь присел у огня, обхватил острое колено.

– Расскажите что-нибудь.

– Сказку?

Ну, ясное дело. Она же дитя малое. Куклы, сказки, леденчики. Жданка кивнула. Будет рассказывать, вот и посидит подольше.

– Стало быть, так. На море-океане, на полой поляне светит месяц на осиновый пенёк, на темный лес, на зеленый дол. У того пня сидит волк лохматый, на зубах у него весь скот рогатый...

– Не, про волка не надо. Она страшная, – сказала хитрая Жданка, выторговывая себе еще лишнюю минуточку.

– А про что надо?

– Про крайнов.

– Ну, хорошо, – господин Лунь вздохнул, помешал в камине, – давным-давно, в незапамятные времена жил да был один крайн. И была у него сестра.

– Прекрасная крайна?

– Да. Прекрасная, мудрая, добрая. Волосы золотые, как солнечный луч, и глаза голубые, как небо.

– Веснушек у нее, небось, не было, – пробормотала Жданка.

– Были веснушки, маленькие. Во-от тут. Летом всегда проступали.

– И конечно, он ее любил?

– Да, больше жизни.

– Ой, сдается мне, не сестра она ему была.

– Ты будешь слушать или нет?

– Буду-буду.

– Итак, они жили счастливо, так счастливо, что весна в том краю никогда не кончалась. Но вот однажды этому крайну пришлось отлучиться. Покидая сестру, он не предчувствовал дурного и только просил ее не летать слишком высоко.

– А она летала?

– Да. Она любила летать. У нее были прекрасные белые крылья. И вот однажды, пока брат странствовал в чужих краях, прилетел злой дракон и унес его сестру далеко-далеко, за край земли. Воротился брат и едва не умер от горя...

– И отправился по белу свету ее искать.

– Да. А что еще ему оставалось? Искал он ее над облаками, расспрашивал перелетных птиц, но птицы знать ничего не знали. Тогда пришлось ему спуститься и искать ее следы на земле.

– Сто железных башмаков истоптал, сто дорог исходил...

– Сто дорог, сто земель, сто морей... Прошел огонь, и воду, и медные трубы. Дошел до самого края света. И вот однажды в городе на большой реке он увидел прекрасного белого оленя...

– Оленя? В городе?

– Да, действительно, нескладно. Хорошо. Увидел он прекрасную девочку, как две капли воды похожую на крайну, и девочка отвела его к высокой башне, где жила его Марилла в тоске и печали.

– И они поженились и жили долго и счастливо.

– Да, что-то в этом роде. Это, как ты выражаешься, было бы правильно.

– Только на сестрах не женятся.

– Верно. Опять ерунда какая-то получается. Совсем твой сказочник заврался.

– Ага, – отчетливо сказали из темноты, – кругом вранье.

Крайн вздрогнул, обернулся. У лестницы, слегка расставив тощие ноги, стоял разъяренный Варка.

– Сказочки рассказываете. Башни, драконы, город на большой реке... Мою мать звали Марилла!

– Не ори. Здесь ребенок больной.

– Может, все-таки скажете правду? Кто я на самом деле? Кто я вам?

– Э-э-э, – всерьез призадумался крайн, – стало быть, так... Прабабка твоей матери была замужем за Кречетом Аглис Ар-Морран... А Стрепет из Сварожичей женился на сестре моего двоюродного прадеда... Нет. Не получается... Никогда не мог этого запомнить.

– Вы мне зубы не заговаривайте. Кто я?

– Уверен, что тебе нужен ответ?

Варка в ярости тряхнул головой, пнул зашелестевшую всеми ветками и листьями лестницу и ляпнул нечто до такой степени непристойное, что даже Жданка поперхнулась.

– Вижу, уверен. Ну что ж, пойдем куда-нибудь, побеседуем.

Варка покосился на сгоравшую от любопытства Жданку и молча кивнул.

* * *

Крайн привел его в Поющую комнату, к водопаду. Как всегда, вода звенела, лилась, жила подо льдом. Снаружи просачивались синие зимние сумерки. Сосну, выращенную когда-то Жданкой, давно вынесли, высадили у входа в хижину. Зато Варкины розы разрослись, вскарабкались по всем стенам, тянули к воде цветущие плети. Суровое

время года их не касалось. Все знали, что Варка иногда ходит сюда, слушает воду. Должно быть, его редкие посещения заменяли цветам и тепло, и свет.

Крайн сразу исчез, затерялся в сумраке. Варка хотел вызвать свет, но почему-то не решился.

– Имя твоей матери – Марилла Аглис Сварог, крайна из белых крайнов Пригорья, госпожа утра, хозяйка ветра и света.

– Так я что, правда крайн?!

– Крайн, где твои крылья?

– Хм.

– Тогда помалкивай. Ты хотел правды – сейчас получишь. Господину старшему крайну Марилла приходилась дочерью, а мне... Мы выросли вместе. Сварог рано овдовел, и ее воспитала моя мать. Марилла была на два года старше. Все мое детство прошло рядом с ней. Наш брак был предрешен еще в колыбели. Моя мать любила Мариллу как родную дочь. Господин Сварог ни о чем другом и не мечтал. Ведь я был Поющим крайном, надеждой и гордостью рода Ар-Морран. А сама Марилла... Что ж, она всю жизнь нянчилась со мной и видела меня насквозь. Между шестнадцатилетним мальчишкой и девушкой восемнадцати лет – огромная пропасть. Но когда я пел... Да, тогда она любила меня. В этом я и сейчас уверен.

Всю жизнь я старался удержать ее внимание, поразить чем-нибудь, но мои... э... похождения ее только сместили. Как-то раз я, выйдя из мертвой петли, хотел красиво приземлиться на крышу Антонова хлева, но немножко не рассчитал и на глазах у изумленных зрителей красиво пропахал носом Антонов двор. Сломал ключицу, помял левое крыло, повредил руку. Две недели она не отходила от меня. Две недели я валялся в постели и был совершенно счастлив. А потом совсем потерял голову, творил всякие безумства, и меня отослали в столицу. Старшие решили, что в городе, да еще при дворе, мне поневоле придется держать себя в руках. К концу учебы остепенюсь, повзрослею. Пропасть между двадцатилетним парнем и девушкой на два года старше уже не так велика. Глубокие колодцы я строить тогда не умел и не мог прилетать слишком часто.

А через год в Трубеж вернулся Ясь Гронский. Знаменитый борец с речными пиратами, герой битвы под Маремами, красавец даже по меркам крайнов: косая сажень в плечах, военная осанка, боевые

шрамы... Нет-нет, я и не думал ревновать. Он мне даже нравился, этот Ясь. Разве мог сравниться со мной тридцатилетний старик, грубый, невежественный вояка? Я же был золотой мальчик, прекрасный принц. Мне всегда и везде были рады. Меня не просто любили, меня обожали. Со мной никак не могло случиться ничего дурного.

И тот день я тоже провел как всегда. Кошмары не снились, предчувствия не одолевали, сердце не щемило. Их убивали, а я валялся в постели, маясь от жестокого похмелья, потом потащился на лекции. А вечером отправился ко двору. Купальский бал, танцы в садах при свете луны. Всю ночь резвился там, как лиса в курятнике. Моя популярность среди фрейлин ее величества – это было нечто неопишваемое.

Варка напрягся, пытаюсь представить крайна на королевском балу среди восторженных фрейлин. Не вышло.

– Голубь от Сварога нашел меня только через три дня. Крайны покидали Пригорье. Слишком много людской злобы. Никто из наших не мог выдержать. Он умолял меня, ни минуты не медля, лететь на Крайнову горку. Но я кинулся в Трубеж. Добрался как-то очень быстро. Должно быть, ни разу не отдыхал. Не помню. И дальше все будто стерлось... Да это и неинтересно.

Варке, напротив, было очень интересно, откуда, например, взялась Сафонова пустошь, огромный кусок красноватой, будто выжженной земли на месте знаменитой Сафоновой рощи. Но расспрашивать он не стал.

– Крылья хранят крайна, даже если он безумен. Очнулся я где-то высоко над облаками. В разрывах – сплошная чернота. Потом разглядел блестящую рябь и понял – лечу над морем. И также ясно понял – она жива. Я чувствовал ее. Я всегда ее чувствовал, всю жизнь. Матери больше не было... Но Марилла выжила.

Сначала я искал в Пригорье. Но там все верили, что она умерла. Никто ее больше не видел, никто ничего не знал.

– А через воду, как с Тондой? – робко спросил наконец Варка.

– Тонда человек. С крайнами это никогда не удастся. Хотя я пытался. И не раз. Меня считали безумным. Однажды даже скрутили и пытались отвести на Крайнову горку в надежде задобрить господина Сварога. Не знали, что все бесполезно и крайнов там уже нет. Так что Пригорье пришлось покинуть. Обошел пешком весь Косинец и

княжество Сенежское, те места, где она бывала прежде, а потом и те, где она не бывала никогда. Повсюду расспрашивал о молодой травнице.

Вначале метался, много летал, все высматривал, не блеснут ли над облаками белые крылья, часто возвращался в Пригорье. Потом просто бродил, из деревни в деревню, из города в город... Война сильно мешала. Меня все время пытались то взять в заложники, то забрить в солдаты. На каторге больше года потерял. Два года пробыл травником у самозванца. Войско все-таки двигалось. Так что это было мне на руку. Сбежал после взятия Городища. Ты когда-нибудь видел город, отданный на разграбление?

– Вообще-то видел, – прошептал Варка.

– Потом я стал умнее. Раздобыл лютню и прикинулся слепым. Петь я уже не мог, но играл неплохо.

Вербовщики всех и всяческих армий сразу потеряли ко мне интерес. К тому же это был верный кусок хлеба. Однако как-то раз в портовом Коростене кто-то догадался, что я не слепой. Меня тут же сочли королевским соглядатаем и снова собрались вешать... Впрочем, все это долго и скучно. Добравшись до Липовца, я уже потерял надежду. Лишь по привычке принялся расспрашивать о прекрасной травнице. «В городе никаких травниц нет, – сказали мне, – не женское это дело».

А потом я увидел тебя. Но понял не сразу. Смазливое лицо не делает человека крайном. Однако ты обращался со спиком, будто с любимой кошкой. К твоему сведению, спики – существа на редкость тупые и крайне злобные. Приручить их нельзя. Будь ты просто человеком, он не лизался бы с тобой, а в два счета откусил бы нос. Так я нашел ее.

Она узнала его мгновенно, несмотря на то что изменился он страшно. Она шла к нему, постукивая легкими каблучками по потертому паркету Белого зала, протягивала руки, плакала и смеялась. Она была такой, как прежде. Вот только волосы скручены в некрасивую, вовсе не нужную прическу. Он обнял ее и понял, что сейчас умрет. Нет, он сейчас же заберет ее отсюда, из этого грязного города, из этого проклятого мира. Окно открыто, сумерки,

небо облачно. Они улетят, исчезнут, как две тени, вернуться в Пригорье, и все будет как раньше.

В тот день она осталась одна на лесной дороге. Семь трупов, трое без сознания и Ясь Гронский, истекающий кровью. Кровь она остановила, раны перевязала, но донести до Крайновой горки здорового мужика в боевой амуниции, конечно, не могла. И хорошо понимала – в город возвращаться нельзя. Тогда она вспомнила о сторожке на Крестовой круче. Наши иногда выставляли там охрану, когда в Поречье становилось слишком жарко. С Ясем она могла лететь только очень низко, но, к добру или к худу, ее никто не заметил. Пока я тратил силы, витая в облаках и почему зря круша стены Трубежа, она выхаживала Яся. Хотела было слетать на Крайнову горку, но все не решалась бросить его одного. Он был очень плох. Она надеялась, что наши сами ее отыщут, но никто не явился. Недели через две запас еды в сторожке кончился. Она потихоньку спустилась в Крестовые Выселки. Но недалеко от деревни повстречала какую-то старую дуру, и та ей насказала с три короба. Мол, в Трубеже городские взбунтовались, крайнов поубивали, а господин Сварог в отместку разрушил стену, триста лет назад крайнами строенную, запер замок страшным проклятием и увел своих неизвестно куда. Потом глупая бабка, время от времени носившая им еду, сказала, что ее ищут, не иначе, пронюхали, что она жива, и хотят разделаться окончательно.

– А кто искал-то? – осмелился спросить Варка.

– Я, конечно. Но Мариллу это напугало. Ясь принялся уговаривать ее бежать. Мол, на Пригорье свет клином не сошелся. Поддавшись на уговоры, она построила колодец в Большие Лодьи. Она бывала там с моей матерью. Ей казалось, что жить у моря будет веселее.

– А у нас говорили, что эти Лодьи – пиратское гнездо.

– Да. Но Марилла мало знала о жизни внизу. Потом они быстро перебрались в Коростень. А там уж и до Липовца рукой подать. Попутно выяснилось, что Ясь считается мятежником, примкнувшим к войскам самозванца. Он-то ведь должен был вернуться в армию по королевскому приказу. Так что ему пришлось сменить имя. Ясь – Ясень. Коротко и удобно.

Им надо было на что-то жить. Ясь совсем уж было нанялся в городскую стражу. Но Марилла придумала кое-что получше. Он стал

травником. Сначала довольно известным, потом знаменитым. В последние годы его именовали великим. Не стану отрицать, рядом с ней он многому научился, в конце концов и вправду стал хорошим травником. Но не великим. Великой травницей была твоя мать.

Варка вдруг сообразил кое-что и похолодел.

– Так это что же выходит? – медленно спросил он у сгустившейся темноты. – Мой отец – Гронский?

– Я предупреждал, что тебе не понравится.

– Мой отец – один из этих...

– Из этих, из этих... Древний, прославленный род и всякое такое.

– Вранье! Отец... Он не был таким. Его все уважали... Весь город.

– Конечно. Твой отец был достойным человеком. Я же сказал – он мне всегда нравился. В конце концов, он спас ей жизнь. Но одного я не прощу ему никогда.

Одним движением он распустил безвкусную прическу и уже обнимал за плечи, уже вел к окну, но тут она разрыдалась. Тихо, почти беззвучно. «Янемогу, – сказала она, глотая слезы, – не могу улететь с тобой».

Он лишил ее крыльев.

– Что?! – выдохнул в темноту Варка. – Неправда! Вы... вы нарочно!

– Неправда! – Он отшатнулся в ужасе, заглянул в заплаканное лицо. Увидел и вертикальную морщинку на лбу, и «гусиные лапки» у глаз, и седые нити, почти незаметные в светлых волосах. – Невозможно, – крикнул он, отчаянно желая, чтобы это оказалось ложью, – немыслимо! Как он посмел!

– Не вини его, – жалко всхлинула она, – я сама... пойми, я сама отказалась. Вначале я очень скучала и все пыталась летать. Тайком, по ночам. А Ясь... он просто с ума сходил. Ему все казалось, что однажды я не вернусь. Поверь мне, слова отречения я сказала по своей воле. Он ведь тоже многим пожертвовал. Своей военной славой, добрым именем.

– Доброй славой умелого убийцы!

– Не говори так, не надо... Он боялся меня потерять. Ему хотелось, чтоб у нас все было хорошо. Надежно. Как у людей... Он

просто хотел быть уверенным, что я не покину его. И я старалась быть ему хорошей женой. Очень старалась...

Как оно бывает у людей, крайн Рарог Лунь не знал и знать не хотел. Легко подхватил ее на руки, решительно шагнул к окну.

– Этот город пахнет болотом, чесноком и пивной отрыжкой.

– Розами, – вдруг прошептала она, – розами и опавшей листвой.

– Скоро здесь запахнет порохом и кровью. Я понесу тебя. Мне не трудно.

– Я не могу, – повторила она, – скажи лучше, что еще натворил мой мальчик?

– Какой мальчик? – растерянно спросил он и наконец понял: никогда ничего не будет как прежде. Рука, лежавшая на его плече, потрескалась, загрубела от черной работы. Глаза уколол тонкий лучик – блестящее колечко на безымянном пальце. Она не могла бросить «своего мальчика», маявшегoся за дверь, и негодяя, сотворившего с ней такое.

Она ушла, а он остался и, забыв об осторожности, вырвался из окна Белой башни, нырнул в сырые волны воздуха и метался в облаках, пока не взошло солнце.

Колодец он выстроил за неделю. Работал как одержимый с вечерних сумерек до позднего осеннего рассвета. А утром надо было тащиться на урок, пытаться вдолбить в тупые головы человеческих щенков еще немного книжной, никому не нужной премудрости. Ее за это время он не видел ни разу.

Колодец на такое расстояние – дело немыслимо трудное, почти невозможное, но он справился, должно быть, от отчаяния. Слухи, ходившие в городе, делались все тревожнее. Через неделю он пришел в дом травника в Садовом тупике.

– Я готов был забрать всех, – донеслось до Варки из темноты, – ее, тебя, твоего отца. Вы могли уйти в любую минуту. Полчаса ходьбы до соседней улицы, и вы были бы в безопасности.

– А... почему не ушли?

– Твой отец отказался. В тот вечер он упрямо твердил, что я ошибаюсь, что все не так скверно, как кажется, город надежно защищен, а он не может бросить своих пациентов.

– Конечно, – с гордостью выговорил Варка, – он же травник.

– Он лгал. Он ревновал ее ко мне. Так ревновал, что это затмило все. Я умолял, унижался. Ничего не помогало. А Марилла стояла рядом с ним и глядела так, будто ей и вправду жаль покидать эту гнусную дыру. Будто ей и в самом деле нужны эти чашки, тарелки, салфеточки с подсолнухами.

– С колосьями, – прошептал Варка, – с рыжими колосьями.

– Тогда я вспылел и ушел. Ушел через колодец, в Пригорье, долго летал над горами, но к утру все-таки одумался и вернулся. А на другой день твой отец сам явился ко мне.

– Зачем?

– Струсил, – выплюнул крайн. – Он знал – мне ничего не стоит забрать ее силой. Он был вежлив, даже заискивал. Он просил больше не тревожить ее, не ворошить старое. Мол, что было, то прошло, миновало и быльем поросло. Дал понять, что до моего приезда она была совершенно счастлива. Счастлива с ним, с Ясем. А мои посещения ее только расстраивают. Так почему бы благородному крайну не вернуться к своим, а жену Яся Гронского оставить в покое?

– Она была счастлива. Ей все городские кумушки завидовали. У соседей и ругань, и драка. То жена мужа метелит, то муж жену колошматит. А отец не то что не дрался, он и черными словами не ругался никогда. И не пил почти. Так только, по праздникам. Ну, пошумит, конечно, так на то и праздник.

– Он еще и пил! Пил... Бил тебя... Должно быть, и ее тоже. Проклятый мир!

– Нет... Нет... Он любил ее! Правда! – Варка напрягся, пытаюсь сообразить, что бы сказать такое, поубедительней. – Однажды, я еще маленький был... Дело было во время первой осады. И зима выдалась холодная. Мама приболела. Мерзла и все повторяла: «Хорошо бы Сады повидать». Так отец пропал на целый день, а вечером принес ей цветы. Беленькие такие, мелкие, вроде колокольчиков. Зимой. В самую стужу. В осажденном городе. Не знаю, где он их раздобыл. Тогда даже у наместника в оранжереях все померзло.

– Она тосковала по Садам! А получила пучок зелени в жалком горшке. Она голодала и мерзла, а я... я вечно опаздывал... и в последний раз опоздал навсегда. Но в последний раз, – голос крайна окреп, налился тяжелой ненавистью, – я опоздал не по своей вине.

Всего лишь час. Час, потраченный на то, чтобы спасти «ее милого мальчика».

Варка охнул. Голос воды замер, точно время остановилось. Темнота сдавила горло холодной удавкой.

– Это правда. Получил? А теперь убирайся. Пошел вон отсюда.

* * *

И Варка пошел. Ощупью выбрался из Поющей комнаты, из переплетения коридоров, из главного зала, освещенного только огнем камина, отворил маленькую дверь, сам не зная как оказался на улице, под ущербной, но еще яркой луной. По утоптанной тропинке добрел до дерева, устало привалился к стволу. Гронский по крови... Виновный в смерти своих родителей... Виновный во всех бедах несчастного крайна... который люто ненавидит его. И есть за что. Хотя в последнее время Варка как-то забыл об этом. Когда стоишь с кем-то плечом к плечу, как тогда, в Волчьей Глотке, поневоле веришь, что он тебе друг. Но выходит, у такого, как Варка, друзей быть не может. Любить его тоже вроде некому. Мать любила... Салфеточки с рыжими колосьями. Белые булочки на столе.

Подумав еще немного, поглядев на валившуюся набок красную луну, Варка потихоньку развязал опояску, красивую, шелковую, заботливо сплетенную Ланкой. Поискал глазами сук понадежнее.

Забросить шнурок удалось с первого раза. Подергал, начал вязать петлю... Глупо все это. Лучше бы наверх залез. Там, на утесе, есть одно такое место, подходящее. Интересно – с сотни саженей на скалы – это больно или нет? Наверное, все равно больно. Зато в лаборатории полно ядов. Тьфу, совсем забыл. Там же полный горшок ожоговой мази. До утра должен томиться, иначе все пропало. В Стрелицах не меньше дюжины с тяжелыми ожогами. А еще прострел в Быстрицах, гнойный свищ в Язвцах, опасная лихоманка в Кострице. Парнишка лет десяти, и завтра надо будет его навестить. Варка снова потянул за веревку, слегка недоумевая, зачем она здесь, но тут ему прыгнул на спину кто-то весьма тяжелый, повалил на снег и начал душить.

* * *

Он лежал в глубоком мраке. Легкий пепел сгоревшего мира ложился на лицо, засыпал пустые глазницы. После всего, что случилось с ним, жить нельзя. Только медленно умирать, скуля от ужаса в темноте.

Свет. Золотистый яркий солнечный полдень на земляничной поляне. Он зажмурился, заслонился рукой.

– Вы это чего?! Чего натворили-то?! Жуть какая. Мало вам того горя, что снаружи? – просипели в самое ухо и хрипло закашлялись.

Он отвел руку, щурясь, приоткрыл глаза. Поющая комната была черной. От Варкиных роз остались лишь обугленные прутья, которые ломались прямо на глазах, осыпались легким сухим пеплом.

– Зачем ты встала? – пробормотал он. – Тебе лежать надо.

Язык ворочался тяжело, будто с похмелья.

– Затем! – сварливо сказала фигура в одеяле. – Чего тут у вас вышло-то? Бей своих, чтоб чужие боялись, да? Илка Варку чуть не из петли вынул.

– А...

– А Варка ему за это нос разбил. Теперь сидит, молчит и весь трясется. Ланка напугалась, рыдает. Фамка полезла в лабораторию искать настой фиалкового корня и свинцовую примочку и второпях грохнула там что-то. Ядовитое, наверное. На весь замок воняет, и нас всех тошнит.

– Вы меня в гроб загоните, – пробормотал господин Лунь. Однако и на этот раз ему пришлось подняться из любовно выкопанной могилы ради неразумных птенцов-подкидышей.

* * *

Миновал солнцеворот. Горели высокие костры в Дымницах, Язвцах, Стрелицах и белом городе Трубеже. Варка на празднике не был, хотя его звали и в Дымницы, и в Язвцы, и в развеселую Бренну. Он теперь никуда не ходил, только к больным. А дома все больше отсиживался в лаборатории. Тишком-молчком возвращался в замок, не поднимая глаз, съедал свою порцию, а потом прятался среди колб, змеевиков, блестящих атаноров, дымящихся жаровен и свисавших с потолка травяных связок. Толстенный фолиант «О зверях, камнях и травах», прочие травники и лечебники он потихоньку перетаскал все

туда же, в лабораторию, и в библиотеке больше не появлялся. Был Варка и нет его.

Напрасно Жданка вздыхала и делала большие глаза, а Фамка поджимала губы и сверлила господина Луня сердитым взглядом. Господин Лунь к взглядам был равнодушен. По-прежнему проводил время, валяясь где-нибудь с книгой, и лишь изредка отлучался в Починок-Нижний, навестить закадычного дружка Тонду. Тихо было в замке. Тихо и печально. Поющую комнату Фамка отмыла до прежней белизны. Но никаких роз там, увы, уже не водилось.

* * *

Варка снял горшок с жаровни, уныло поболтал в нем липовой лопаточкой, понюхал, с горя даже на вкус попробовал, хотя средство это было сугубо наружное.

Опять ничего не вышло. Варка посмотрел на горшок с упреком. Горшку было все равно. Варка почесал нос и полез за книгой, в сотый раз выверять рецепт. Разложил засаленный том рядом с жаровней, примостился на высоком, хлипком табурете и, раскачиваясь в такт словам, принялся читать. Значит, так: «То масло предстоит ко всем недугам отечным, и всяким преломленным костям и ударенным и расшибленным местам. Возьми тополиные почки зеленые, да маковых зерен, да чеснока дикого, да беленовой травы листики – всего тех по три золотника и вместе толки мелко и вари в вине белом, пока половина не укипит».

– Добавить гусяного жиру несоленого, – сказали сзади.

Варка вздрогнул, покачнулся слишком сильно, но не упал. Осторожно сполз с табурета, молча повернулся к двери, не поднимая глаз, подождал продолжения. Не дождался. Господин Лунь уселся в любимое кресло у окна, вытянул ноги, положил на колени длинный плоский сверток.

Варка вернулся к своему вареву и своей книге. Может, и вправду добавить... Все равно ничего не выходит. От окна донесся легкий струнный звон. Варка осторожно скосил глаза. На коленях у крайна лежала стройная золотистая лютня.

– Умеешь?

Варка покачал головой и вновь склонился над книгой. Отец считал музыку занятием дамским, пригодным только для нежных барышень.

– Жаль.

Крайн легко вздохнул, опустил пальцы на струны, побренчал без всякого ладу, но понемногу брэнчание перешло в простенькую протяжную мелодию:

*Снеги белые, пушисты
Покрывали все поля.*

Варка задумчиво постучал по губам черенком лопаточки, отмерил два золотника гусиного жиру, поставил на слабый огонь, принялся сердито мешать. Непокорная пакость все время норовила свернуться комками.

*Одного лишь не покрыли
Горя лютого мово.*

Похоже, совет оказался верным. Впервые начало что-то получаться. Вареву наконец вскипело золотистыми пузырьками. Варка воспрянул духом и так увлекся, что начал бездумно подпевать звенящим струнам.

*Воротися, моя радость,
Воротись, моя надежда,
Не воротишься, надежда,
Так хоть оглянися.*

Дело шло все лучше и лучше. Вареву загустело, запахло как надо. Песня о загубленной жизни зазвучала гораздо громче и бодрее, чем требовалось для такой печальной истории.

*День горюю, ночь тоскую,
Потихоньку слезы лью.
Слеза канет, снег растает,
Воды горе унесут, –*

с чувством пропел Варка, снимая горшок с огня.

– Ой, Варочка!

Варка недовольно поднял глаза. В дверях столпились все три курицы. Над ними возвышался Илка, порядочно вымахавший за прошлое лето. Раньше они с Ланкой вроде были одного роста.

– Чего надо? – угрюмо спросил Варка и едва успел пихнуть на край стола драгоценный горшок – Жданка с визгом бросилась к нему на шею. Попытка увернуться ни к чему не привела, потому что с другой

стороны на него накинута Ланка и стала азартно нацеловывать в щеку, в нос и почему-то в ухо.

– Вот, – сказал Илка, мрачно уставившись на крайна, – а вы говорите – справедливость...

Крайн, усмехнувшись, продолжал тихонько перебирать струны.

Варка в отчаянии уставился на Фамку:

– Чего это они?

Фамка, вся красная, прижала руки к горящим щекам:

– Ты пел.

– И чё? – буркнул Варка, отдирая от себя Жданку. – Не нравится – не слушайте.

– Это было прекрасно! – восторженно пискнула Ланка. – Чудесно! Изумительно!

– У тебя такой голос... – не отставала Жданка, – такой... крылатый.

– Это называется тенор, – со знанием дела заявила Ланка. Как-никак она однажды побывала в Королевской опере. – Но у тебя выходит гораздо красивей. И ты не толстый. И не лысый.

– Успокойте меня, – скорбно заметил Илка, по-прежнему сверля крайна мрачным взглядом, – скажите, что это особая лютия. Зачарованные струны и все такое прочее.

– Паршивая лютия, – крайн прошелся пальцами по струнам, в задумчивости ковырнул ногтем отставший лак, – расстроенная и совсем рассохлась.

– Тогда что это было? – не отставал Илка.

– Да что было-то?! – не выдержал Варка и впервые прямо взглянул на крайна.

– Голос у тебя сломался, – невозмутимо сообщил крайн, – тебе шестнадцать есть уже?

Варка пожал плечами. Честно говоря, он не очень твердо помнил, какое нынче число. А про свой день рожденья и вовсе два года не вспоминал.

– Теперь будешь петь, никуда не денешься.

Илка закатил глаза, ухватил под локоток прекрасную Илану.

– Пошли отсюда. Здесь воняет.

– Варочка, ты приходи к ужину, – на ходу защебетала Ланка. – Мы пирог испечем. А потом споешь нам, как раньше. Про водяного и королевскую дочь. Или про верную Эдиту Лебедь Белую.

Фамка опустила глаза, согласно кивнула.

– Ага, – сказал Варка, – вы идите. Я щас.

Осторожно затушил жаровню, завязал горшок тряпицей, поставил на полку, принялся собирать мешочки с травами. Господин Лунь перестал играть, закинул руки за голову, прикрыл глаза.

– С днем рождения, Ивар.

– Так это что, был подарок? Кому? Кто я вам? Враг? Раб? Палач? Ручная зверюшка?

– Все Пригорье считает, что ты мой сын, – не открывая глаз, отозвался крайн. – Полагаю, лучше не разочаровывать этих простодушных людей, посвящая их в наши сложные отношения.

Варка внимательно осмотрел захламленный стол, осторожненько, за горлышко вытянул из беспорядочной груды самых нужных вещей хитроумно закрученную реторту, взвесил на руке и с силой хрястнул о стену.

– Приятно сознавать, что наши чувства взаимны, – светским тоном заметил крайн.

Варка повертел в руке отбитое горлышко, присел на корточки и принялся медленно, по одному, собирать осколки.

Глава 4

Золотое колесо кружилось, рассыпая яркие искры. Мелькали зеленые косогоры в желтых купавках, белые вершины в синем небе, слепящий блеск солнца, отраженного в бурной по весне Тихвице. Варка плясал, забыв себя, яростно, отчаянно. Вихрем летали длинные светлые волосы, широкие рукава белой рубахи, яркие кисти опояски. Быстрее, быстрее, чтобы свалился наконец с плеч тяжкий груз минувшей зимы.

Зимой Варка ухитрился как-то свести страховидное бельмо с глаза Старостиной дочки в приграничных Бродах. Теперь староста выдавал ее замуж. Варка был торжественно приглашен на свадьбу и сразу решил прихватить с собой Жданку, которая в последнее время отчего-то печалилась. С ними тут же напросилась давно мечтавшая потанцевать Илана. За ней увязался Илка, который вовсе не хотел, чтоб она танцевала с кем попало. Тогда Варка уговорил и Фамку, чтоб не скучала в одиночестве. Запретить им никто ничего не мог. Господин Лунь с утра пораньше снова отбыл в Бренну.

И вот теперь Жданка радостно скакала среди танцующих в развеселой компании девчонок-подлетков, прекрасная Илана наслаждалась почтительным поклонением десятка местных кавалеров. Фамочка, правда, стояла в сторонке, солидно беседовала с мамашей жениха и тетушками невесты. Глаз, что ли, у местных парней нету? Ну да, здесь же худые не в чести. Всем подавай поглаже да потолще. Варка подумал, что надо будет непременно самому ее пригласить.

Сам же он доплясался до того, что ног под собой не чувял, потом ни с того ни с сего обнаружил, что обнимается в прибрежных кустах с какой-то девицей, потом со вкусом подрался с ухажером этой девицы. Ухажер был настолько пьян, что уже не отличал пресветлых крайнов от обычных людей.

В общем, Варка провел время с большой пользой. И вот теперь его снова несло в танце. Приглядевшись к мельканию ярких лент, он вдруг сообразил, что пляшет с самой невестой и прижимает ее, пожалуй, гораздо крепче, чем позволяют приличия. Испуганно скосил глаза, отыскивая разъяренного жениха, но у невесты, как оказалось, был свой интерес.

– Пресветлый господин крайн, – начала она, проникновенно глядя ему в глаза, – сказывают, вы так поете, что ветер замирает, облака останавливаются, птицы, заслушавшись, на лету падают.

– Любят у нас приврать, – небрежно заметил Варка, – мухи на летудохнут – это да.

Свой новый голос он берег, словно боялся растратить напрасно. Пел только для своих, а то и вовсе в одиночестве, в лесу или забравшись куда-нибудь на скалы, поближе к Садам. Интересно, откуда они знают. Не иначе, Ланка проболталась.

Девушка хихикнула.

– Спойте, господин крайн. Нехорошо невесте отказывать.

Варка твердо знал: ни на каких свадьбах больше петь не будет. Хватит, напелся уже. Он уже открыл рот для окончательного отказа, как вдруг скрипки и дудки замолкли. Вихрь пестрых юбок, платков, блестящих лент рассыпался, замер. Девушки с визгом брызнули в стороны. В нарядную толпу на полном скаку ворвался взмыленный вороной жеребец с маленьким всадником на широкой спине. Мальчишка хотел отпустить конскую гриву, но пальцы запутались в жестких волосах и никак не разжимались. Тогда он выпрямился насколько хватило сил и выкрикнул то, что билось в горле всю эту долгую ночь:

– Замостье спалили!

Выкрикнул и тут же начал падать с каменно-твердой спины этой жуткой разбойничьей зверюги, на которую, должно быть, по ошибке нацепили седло и узду. Руки-ноги закаменели, но свалиться ему не позволили, приняли с коня, как маленького.

– Крайн, – прошептал мальчишка.

– Ну, – сурово спросил беловолосый крайн, – кого там еще спалили?

– Замостье наше, – пробормотал мальчишка, цепляясь за крепкие плечи под просторной белоснежной рубахой. От рубахи пахло ветром, лесными травами и немного потом.

– Кто спалил?

– Пришлые какие-то. Вовсе невиданные. Налетели под вечер. Все пожгли-разорили. Хлеб последний, до новины отложенный, что нам крайны зимой прислали... Все сгорело...

– Гады, – высказался Илка. Не раз и не два за зиму им с Варкой пришлось ломать спину, таскать мешки из замковой кладовой. Господин Лунь подкармливал добрую половину княжества Сенежского, а денег, к глубокому возмущению Илки, за это не брал.

– Наши, кто успел, в лес убежали, а я под клуней сидел. А потом они перепились, стали орать, что завтра двинут на Крайнову горку. Будто бы там сокровища...

– Ага, – подтвердил крайн, – сокровищ полным-полно.

– А потом гляжу, они уже вовсе пьяные. Я тогда выполз потихоньку... Коня у них увел. Меня кони любят.

– Много их?

– Много, – прошептал мальчишка, хлопая белесыми ресницами, – я считал-считал, пальцев не хватило, – облегченно вздохнул и пристроил голову на плечо крайна. Это место показалось ему вполне надежным.

– Присмотрите за ним, – обернулся Варка к толпившимся поодаль женщинам. Те испуганно закивали.

– Это и вправду пришлые. Дальние какие-то. Сенежские в Пригорье не полезут, – сказал староста.

– Значит, – подвел черту Илка, – не сегодня-завтра они будут здесь.

– В набат, – распорядился староста.

– Голубя надо послать, – тихо сказала Фамка.

– Двух, – решил Варка, – в Трубеж и в Бренну.

Жданка знакомым красивым жестом протянула руки. На каждую тут же опустилось по голубю.

– Ого! – оценил Варка.

– Господин Лунь научил, – гордо сказала Жданка.

– Так, – заметил Илка неприятным голосом, – а где же наша славная стража?

В Бродах стоял небольшой отряд для охраны переправы через Тихвицу, но нынче славная стража славно погуляла на свадьбе и вряд ли была готова к свершению славных подвигов.

– К колодцу их, – велел староста, – два-три ведра холодной водички на голову – мигом протрезвеют. А вот Перебродам плохо придется. Сожгут как пить дать.

Все посмотрели туда, где за рекой, на левом, низком берегу вытянулись вдоль дороги Сенежские Переброды.

– Не наше дело, – решил Илка, – там же вроде как заграница.

– Кому заграница, – буркнул староста, – а у кого там в каждом доме то сват, то брат, то дочка с зятем, то кум с кумой.

– Ага, – сказал Варка. Деревня тихо лежала за рекой, золотились на солнце травяные крыши, зеленели квадраты полей и огородов. – Надо их задержать.

– Давай, – фыркнул Илка. – Ты их там удержишь или они тебя – это мне неизвестно. Но одно я знаю точно. Господин Вепрь страх как обрадуется. Вторжение, скажет. Нападение крайнов на исконные земли княжества. И как начнет защищаться, как начнет...

– Вторжение – это когда боевой отряд хотя бы человек в десять. А один я – это никакое не вторжение. Может, я заблудился?

– Ага, – Илка постучал пальцем по лбу, – и уже давно.

– Что ж, так и будем стоять и смотреть, как горят эти несчастные Переброды?

– Я не буду, – заявила Жданка, – пошли, Вар, устроим им что-нибудь этакое.

– Пожар с потопом, – ехидно заметила Ланка.

– Или потоп с пожаром, – вздохнула Фамка.

– Пожар они уже устроили, – вновь встряла Жданка.

– Щас я тебе устрою, – пригрозил Варка. – Ладно, я пошел. Рыжую держите, чтоб не вязалась.

Сказал и легким шагом сбежал по тропинке к Тихвицкому броду. У брода обнаружилось, что он не один. Хмурый Илка и три взъерошенные курицы никуда не делись.

– Возвращать твою прекрасную, но мертвую тушку господину Луню я не стану. Лучше сразу в гроб, – пробурчал Илка.

– Да может, он обрадуется.

– Хм.

– Ты один не справишься, – поджав губы, сказала Фамка.

– Да-да, – подтвердила Ланка, – один и без щита – это глупость. Ах, Варочка, ты такой неосторожный, – и для убедительности похлопала длинными ресницами.

– А вас я не звал, – огрызнулся Варка.

– А мы у тебя и не спрашивались, – состроила рожу Жданка.

* * *

Холодная весенняя вода стояла еще высоко. Штаны пришлось закатать выше колен. Варка надеялся, что, увидев такое, курицы отстанут. Но нет. Подоткнули подолы и бодро полезли в воду. Правда, Ланка повизжала немного, надеясь, что Илка сжалится и перенесет ее на руках. Илка остался непреклонен, и тогда она преспокойно перешла сама. Даже подол не замочила.

Миновали притихшие, притаившиеся за закрытыми ставнями Переброды, дошли до леса в сердитом молчании, и тут дорога вильнула и разделилась надвое. В суматохе все как-то позабыли спросить, где оно, это Замостье.

– Вот чего, – предложил Илка, – Варка и Жданка у нас самые сильные. Градобитие какое-нибудь учинить или грозу с молниями – это им раз плюнуть. Я щит хорошо держу. И Ланка тоже, даже, может, лучше меня. Давайте так. Мы с Варкой налево, а вы – направо. Фамочка за рыжей присмотрит, чтоб княжество Сенежское все-таки уцелело.

Варка открыл рот, чтобы возразить, но поглядел на дорогу, сообразил что-то и кивнул.

Дорога вилась по прозрачному березняку. Сквозь нежную зелень полураскрытых почек, по прелой листве, по холодным лужам, в которых дрожали осколки яркого неба. Несмотря на белый день, оглушительно орали соловьи, надрывалась свихнувшаяся от весны кукушка, в отдалении урчал тетерев, но никаких разбойников слышно не было.

– Они нас одурачили, – сказала Фамка после целого часа быстрой ходьбы. – Та дорога была торная, наезженная. А еще там конские следы были. Свежие.

– На этой тоже следы, – неуверенно возразила Жданка.

Ланка вздохнула с облегчением. Насмерть биться с разбойниками ей, по правде говоря, совсем не хотелось.

– Надо возвращаться...

* * *

– О-го-го, кто это у нас тут?!

– Ты только погляди, какие курочки!

– Перепелочки! Куропаточки!

– Ату их, ату!

Эхо подхватило охотничьи вопли, понесло дальше по весеннему лесу. Всадники летели по склону холма не разбирая дороги, проламывались через молодую поросль, перелетали через кусты и колдобины.

– Ну прям как в песне. Три красотки на лугу.

– Ты глянь, на любой вкус. Черненькая, рыженькая, беленькая.

– Мне беленькую.

– Га-га-га, у тебя губа не дура!

Тем временем девицы на лугу вели себя странно. Им бы броситься врассыпную, вскарабкаться на косогор, попробовать скрыться в чаще. А они схватились за руки, стоят и только глаза таращат. С перепугу, должно быть. Не в силах сразу удержать разогнавшихся коней, всадники завертелись вокруг них, топча нежную травку, разбрызгивая грязь. Неслись по кругу блестящие конские тела, потертые кожаные куртки, яркие, пропахшие потом рубахи.

Девицы стиснули крепче руки, сдвинули плечи. Один из всадников пытался нагнуться, подхватить беленькую в седло, но отчего-то не дотянулся. А кони все не хотели останавливаться...

По кругу, по кругу... Напрасно седоки орали, натягивали поводья. Лошади их будто не замечали. Девицы согласно кивнули и медленно двинулись в сторону. Запели звонко и протяжно. Всколыхнулись, поплыли пестрые юбки, заскользили по траве розовые босые ножки, скроенные на городской манер башмачки с ленточками, аккуратные козловые сапожки.

Всадники прикипели к седлам. Восторженные вопли сменились руганью. Кружились головы, ослабевшие руки роняли поводья, ноги теряли стремяна. По кругу, по кругу...

Девицы дружно разняли руки, рыжая резко вскрикнула. Кони взлетели на дыбы. Всадники попадали на землю как спелые груши и остались лежать, не в силах сделать ни одного движения.

– Уф, – сказала Ланка и совсем не изящно плюхнулась на траву, – неужто справились? Я так испугалась, так испугалась...

– А дальше что? – спросила Фамка и медленно улеглась ничком на холодную землю, утопила лицо в сырой траве. Мельком подумала, что непременно зазеленит новую юбку. Может, влажная земля уймет мелкую дрожь во всем теле. И тошнота пусть пройдет.

– Дальше господин Лунь делает так, – хихикнула Жданка, встала, надменно вздернув подбородок, – беру ваши души. И все. Чисто, тихо, никто ничего не жжет, никто никого не убивает.

– Но ты же не господин Лунь, – выговорила Фамка прямо в землю. – Кто-нибудь знает, когда они оклемаются?

Никто не знал. Круг Покоя на живых людях они раньше не пробовали.

– Надо уходить. Скажем перебродским мужикам, пусть сами подберут, повяжут это... этих...

– Еще минуточку, – взмолилась Ланка, – сил никаких нет.

Поверженные разбойники пока что способны были только хрипло стонать и невнятно ругаться. Падение не было безболезненным, да и кони потоптались по ним изрядно.

– Как бы не померли, – обеспокоилась Жданка.

«Туда и дорога», – подумала Фамка, но сердобольная рыжая пошла все-таки взглянуть поближе.

– Ого! – послышался ее звонкий голос. – Да это же Яник.

– Какой еще Яник, – вяло удивилась Ланка, – откуда ты его знаешь?

– Да наш Яник. Бобр с Болота. А вон и Стах, братан его.

– Ну что ты несешь, – пробормотала Фамка, не отрывая лица от приятно холодившей травы. Братья Бобры, известные липовецкие душегубы и добрые соседи семьи Фам, никак не могли оказаться здесь, в далеком Пригорье.

В лесу глухо, надрывно завывали собаки.

* * *

Они выехали на поляну и остановились, очевидно, пораженные открывшимся зрелищем: неподвижные тела, мирно щиплющие травку кони и три нарядных девчонки посреди дороги.

Ланка прижала руки к горлу, слабо пискнула и провалилась в самый настоящий, непритворный обморок. Жданка молниеносным движением выхватила нож из-за голенища ближайшего неподвижного тела, ловко спрятала за спину. Фамка, шатаясь, поднялась на ноги. Затравленно оглянулась. Куда бежать? По дороге – догонят. В прозрачной весенней роще – догонят или подстрелят. А собаки... Собаки догонят везде.

Два громадных черных пса щерили острые клыки по обе стороны крепкой соловой кобылы. На кобыле небрежно восседал неприметный человечек, лысоватый, серенько одетый. Единственная роскошь – слишком тяжелый по весеннему времени плащ, подбитый седым соболем. За ним следовала свита, из-за поворота выезжали, сбивались в плотную группу все новые и новые всадники. Ржали остановленные кони, кто-то сзади ругался, кто-то орал, спрашивая о причинах задержки.

Вот оно что. Их слабых сил хватило лишь на то, чтоб справиться с жалким передовым отрядом.

– Ко мне, – раздался негромкий приказ. Фамка понимала – надо подчиниться. В голове быстро крутились обрывки правильных мыслей. Так, мы простые крестьянские девицы из этих, из Перебродов. Шли себе по лесу, никого не трогали. Что тут было – знать не знаем, ведать не ведаем. Может, отпустят? Ха, как же, отпустят они...

– Я т-твой щит, – шепнула сзади вцепившаяся в ее локоть Жданка. Фамка знала – это не поможет. Никакого щита они сейчас не сделают. Придется-таки господину Луню любоваться на ее холодный труп. А может, и не придется. Она покосилась на вздыбивших загривки готовых к прыжку собак и вдруг ахнула.

По дороге навстречу разбойничьему войску неспешно, слегка прихрамывая, двигался господин Лунь. При полном параде, в камзоле цвета ночного неба с серебристыми прошвами, в котором он обычно отправлялся запугивать брэннских старшин и прочих хозяев жизни. Правда, сейчас сапоги и даже штаны выше колен были забрызганы грязью. Правый манжет почти оторван и небрежно засунут в рукав. Лента под цвет камзола, которую Ланка собственноручно повязала ему перед отбытием в Бренну, куда-то исчезла, и волны льдистого серебра беспрепятственно стекали на шелк плаща, призванного скрывать остатки крыльев. Черный атлас летел, струился, неслышно шуршал, касаясь верхушек молодой травы.

– Если не ошибаюсь, господин Иероним Кремер, сын добропорядочного столичного портного Альберта Кремера, известный на приморских дорогах как Ирка-Кастет, а в Полибавье как Иероним Народный Избранник?

– Ты... – процедил сквозь зубы господин Иероним, – откуда ты выполз, недостреленный?

Это было невыносимо. Когда в одном из кабаков Грязовца он встретил этого дурачка Стефана с его наследственным даром заговаривать мантикор, он был уверен – наконец улыбнулась удача. Столько трудов, столько усилий. Не так-то легко было подняться из грязи, встать над тупым быдлом. Но он сделал это. Сам достиг всего, чего только можно желать. Урвал свой кус, пока сильные мира сего дрались с сильнейшими. Набрал армию, захватив и разграбив несколько городов поменьше, он наконец добрался до Липовца. Прекрасный город, богатый, отлично расположенный. Город, который вполне мог бы стать новой столицей. Его собственной столицей, без дураков. С мантикорами он добился бы чего угодно. И тут явился этот... учителяшка... Лишил собачек их законной награды. А потом загубил Стефана.

Никогда еще деловые интересы господина Иеронима, его точнейшим образом выверенные расчеты не страдали так сильно. Все пошло прахом, все... Снова бегство, снова блуждание по лесным дорогам, ночевки под открытым небом, случайные грабежи. Два-три разоренных замка в Лесистом Заозерье, десяток разграбленных деревень не в счет.

Он двинул сюда остатки своей армии, привлеченный рассказом о богатом крае, по слухам, сроду никому не платившем дани, обещал им хороший куш – сказочные сокровища, в существование которых не очень-то верил. И вот опять на его дороге проклятый летун, обманувший его как мальчишку.

– Убрать с дороги, – проговорил он, ни на минуту не утратив привычного хладнокровия. Ничего личного. Но дело есть дело.

Жданка отчаянно завизжала, бросаясь между крайном и конными. Но господин Лунь даже не взглянул на нее. Его глаза были прикованы к лицу Иеронима.

– Бери твою душу, – негромко и буднично сказал он. – Навсегда.

Иероним Избранник, низложенный король Липовца и его окрестностей, молча ткнулся лицом в конскую гриву, выпустил поводья и медленно сполз с седла. С минуту никто ничего не понимал. Потом кто-то завопил, рванувшись вперед, кто-то обнажил саблю.

Крайн, ухватил Жданку за косицу, притянул к себе.

– Пожар, – шепнул он, – лес горит.

Ко всем напастям еще и пожар. Фамка, услышав такое, перепугалась окончательно, но Жданка лишь улыбнулась ехидно.

Собаки внезапно завизжали, заскулили тонкими, щенячьими голосами и, поджав хвосты, прижав уши, кинулись вверх по склону. За ними сейчас же последовали лошади. Обезумев от ужаса перед ставшей до неба стеной огня, перед высокими кострами, в которые превратились зеленые березы, ощущая всей шкурой смертельный жар и жгучие укусы яростных искр, они ринулись, не разбирая дороги, через кусты и буераки, через ручьи и овраги, теряя всадников, обрывая на ходу цеплявшуюся за ветки упряжь.

* * *

Через пять минут на поле битвы остались мертвый Иероним Избранник и еще какой-то рыцарь удачи, сразу вылетевший из седла, по-видимому, потому, что руки у него оказались крепко связаны.

– И все? Так просто? – поразила Жданка.

– Я тебе говорил, с бессловесными тварями всегда проще, чем с людьми.

– Только не пытайся делать это одна, а то и вправду что-нибудь подожжешь, – посоветовала Фамка.

Тут на прогалину вбежали взъерошенный Варка и хмурый, вконец запыхавшийся Илка. Варка в поводу вел пойманного при дороге крупного жеребца, который и послужил причиной утренней тревоги. Илка, охнув, бросился к бесчувственной Ланке. Варка окинул взглядом усеянную телами поляну.

– Две дюжины, не меньше. Чем это вы их? Хотелось бы знать. Так, на всякий случай.

– Спроси у наших дам. Круг Покоя, я полагаю?

Фамка кивнула и снова уселась на траву. Сидеть все-таки спокойней. Надежней. Илка нежно похлопал Ланку по щекам. Она застонала, приоткрыла глаза, и острый кулачок впечатался в Илкину переносицу.

– Дура! – взвыл Илка, задыхаясь. – Я же свой!

Ланка закатила глаза и на этот раз лишилась чувств красиво, по всем правилам искусства уронив растрепанную головку на широкое мужское плечо.

– Мы, дураки, не по той дороге пошли, – покаялся Варка, – спохватились, да поздно. Подставили вас, выходит.

– Сами себя обдурили, – фыркнула Жданка, – а вы голубя получили, да?

– В жизни не читал такой идиотской записки, – скривился крайн, – «Замостье сожгли. Разбойники идут к Бродам». Ни слова о том, что вы намерены нарушить границу, ни намек на то, что вы полезли прямо в лапы разбойничьей шайке. Летать я, знаешь ли, не умею, а прыгать через два колодца подряд – весьма утомительно. А потом еще пришлось взгромоздиться на эту тупую скотину... Заметьте, я даже не спрашиваю, кто зачинщик.

Все посмотрели на Варку. Варка посмотрел вокруг в поисках более интересного предмета обсуждения, наткнулся взглядом на неподвижное тело Иеронима.

– А это еще кто?

– Не кто, а что, – рассудительно заметил крайн. – Так бывает, знаешь ли. Рождается человек, хорошенький такой... глазки, пальчики, кудряшки, растет, взрослеет, потом вдруг займется политикой, глядь, а он уже и не человек вовсе. Страна кровью умывается, а родные только дивятся, куда же подевался тот мальчик...

– Иероним, – потрясенно прошептал Варка, – откуда он здесь?

– Полагаю, добрался лесами из Заозерья, где скрывался, когда его выбили из Липовца и прогнали через все Полибавье. Мантикоры, вероятно, вышли из подчинения, когда я немного вразумил Стефана. Боюсь, сейчас они свободно рыщут по всей стране. А без мантикор...

– Но с ним же были... – прошептала Жданка, испуганно оглядываясь.

– Собаки. Просто собаки. Быть может, он говорил своим людям, что это мантикоры. Или просто любил собак.

– Любил! – оказавшийся рядом Илка с яростью пнул мертвое тело. – Жаль, что я опоздал. Я бы... А вы... Ведь это вы его? Ледяной иглой?

– Душу забрал, – хрипло сказала Фамка.

– Что, вот так просто? – не поверил Илка.

Жданка серьезно кивнула, подтверждая. Мол, чего такого, забрал и все.

– То есть вы и раньше так могли? Всех врагов вот так, одним взглядом?

– Не всех. Но иным людям не стоит смотреть в глаза крайнам.

Илка даже задохнулся от возмущения.

– Песья кровь! Мы тут бьемся из последних сил, каждый миг проиграть боимся, а вы... Что ж вы раньше-то... Почему?!

– Почему не желаю быть убийцей?

– Какое же это убийство, когда они сами... Они же преступники!

– Значит, предлагаешь мне стать судьей и палачом? Кого и скольких я должен казнить для достижения всеобщего счастья? Список составишь, или так по стране пройдем? Покараем на скорую руку всех, кто тебе не понравится?

Илка молча уставился в землю. Он был не согласен. Если есть смертельное оружие, надо его использовать. А врагов, ясное дело, уничтожать под корень, так, чтоб не встали. Но представить крайна в роли беспощадного палача тоже не получалось.

– Правда, вот этому, – тяжело вздохнул крайн, – я бы заглянул в глаза еще в Липовце. Но не успел. Хотел заняться им после того, как вы будете в безопасности, но, как водится, вмешался господин Ивар и все испортил. Впрочем, как всегда. Сейчас снова будем расхлебывать последствия его опрометчивых поступков.

С этими словами крайн направился к связанному, который, отчаянно извиваясь на земле, глухо стонал сквозь надетый на голову мешок.

– Так, – протянул господин Лунь, избавив его от этого украшения, – недаром я нынче дурной сон видел.

Илка сразу узнал яростные голубые глаза, торчащие скулы, нижнюю челюсть ящиком, и ему стало нехорошо. Хенрик Сенежский, средний сын князя Сенежского, тот самый, которого на переговоры посылают, только чтобы всех запугать. Любитель брать всех за горло. А они тут толпой по земле князя гуляют. И притом без всякого позволения.

Глава 5

Липка толкнул плечом забухшую дверь конюшни и выбрался на воздух. Его знобило. Ночь выдалась холодной, а сена на сеновале по весне почти не было. На дворе, как обычно по утрам, лежала тень восточной стены, но Липка знал местечко, куда горячие утренние лучи попадали раньше всего. Туда он и побрел, ведя здоровой рукой по заросшей грязью кирпичной кладке. Спать можно было бы и в Доме, но конюхи не обижали его, иногда он помогал им немножко, насколько хватало сил. А в Доме... В Доме не стоило появляться слишком часто.

В нужном месте у него был уже подстелен кусок рогожки. Липка потихоньку, чтобы лишний раз не потревожить вечно нывшую спину, опустил на него, прислонился к нагретой стене и стал смотреть в небо. Небо было глубокое, той чистой могучей синевы, что бывает только ранним весенним утром. Прямо над Сенежской крепью повисло единственное облако, тонкое, прозрачное, похожее на огромные распростерты крылья.

Крылья... Говорят, крайны вернулись. Но сколько Липка ни глядел в небо, ни разу никого не видел. У стены были разбросаны желтые завитки стружек, смолистые сосновые щепки. Вчера весь день плотник ладил домовину. Помер господин Лютин, княжий пес. В крепі ходили слухи, что зимой князь послал его в Пригорье. Там-то крайны его и прокляли. Вернулся, стал слабеть-чахнуть, есть не мог, спать не мог, перед смертью мучился страшно и все, сказывают, крайнов звал, чтоб, значит, сняли проклятие. Так и помер. Князь его ценил, хоронить будут с честью.

Липка с удовольствием вдохнул запах стружек, смолистый, лесной.

Если бы не стена, был бы виден Сенежский бор. Красноватые стволы до неба с шуршащими чешуйками легкой молодой коры, длинная нежная трава, в траве – золотые хвоинки. В лес его носила мать. Сажала на траву, давала играть зелеными липкими шишками, резала из коры невесомые лодочки. Давно это было. Давно... Теперь его мир кончался у стен крепі. И солнце он видел, лишь когда оно поднималось над стенами.

Липка устроился поудобней, размотал тряпицу, подставил горячим лучам больную руку. Ночью он почти не спал не только от холода.

Рука не давала покоя. Будто мало ему привычной боли в спине.

Во дворе шла обычная жизнь. Сменился караул у ворот, заорал петух в далеком курятнике. Конюхи потянулись кормить-обихаживать дорогих княжеских лошадей. Добрый Авдей, проходя мимо, бросил Липке краюшку хлеба. Что ж, если сегодня на кухне на его долю еды не хватит, голодным он не останется. Липка дотянулся, подобрал краюшку, пристроил на колени, но есть не стал. По-прежнему знобило, очертания башен в синем небе покачивались, двоились, расплывались.

От ворот донеслись крики, невнятная ругань. С чего бы? Неужели кто-то из города притащился в крепь? Крепь, в незапамятные времена построенная на высоком утесе, парила над Сенежем. От города к воротам поднималась узкая извилистая дорога, но горожане по ней без крайней нужды старались не ходить.

Крики стали громче, у ворот нарастала непонятная суета, кто-то, придерживая шлем, со всех ног побежал к дому. Заскрипел поворотный механизм, зазвенела цепь, пошла вверх решетка. Медленно поехали в стороны тяжелые створки.

Солнце ворвалось в восточные ворота, ударило по глазам. Сквозь набежавшие слезы Липка увидел всадника, высокую узкую тень в море яркого света. Всадник медленно, осторожно въезжал в ворота. Свет распростерся за его спиной сияющими громадными крыльями. Липка тряхнул головой. Что-то ему все нынче мерещится. Тень стены пала на всадника, и оказалось, что он не один. Двое на одной лошади. Первый ловко сидит без седла и стремян, правит коленями, второй, видно раненый, заботливо укутанный дорогим плащом с меховой подкладкой, бессильно свисает с конской спины.

Липка пригляделся, и его рот приоткрылся сам собой, краюшка скатилась прямо в грязь. Растрепанные русые кудри, рукав голубой, шитой белым шелком рубахи, сапоги светлой кожи с золочеными шпорами. Княжич Хенрик, коего ждали со дня на день с важными вестями из Поречья.

Во дворе нарастала тихая паника. До того растерялись, что даже ворота закрыть позабыли. Из дома набежала челядь, приняли княжича на руки, на растянутом плаще понесли в дом. Кто-то из глазевших на происшествие прачек заголосил было, но тут всадник спешился, заговорил спокойно, вразумляюще. Княжич не ранен, только побили его. Да еще с коня упал, руку вывихнул, головой ударился сильно.

Сейчас он спит, и будить его не надо, к вечеру проснется, отлежится, дня через три будет как новенький.

Странный парень. Одежда мужицкая: рубаха белая да штаны с широким поясом, но хорошая, вроде праздничная. Ноги босые, и видно, что привык так. Стоит на холодном камне и не морщится. Зато спина прямая, разговор господский, волосы связаны в длиннющий белый хвост – это и вовсе не по-деревенски. Мужики таких волосев не отращивают. Зевнул во весь рот и тут же извинился. Мол, простите, всю ночь не спал, ехал потихоньку, спешил доставить господина Хенрика к его отцу.

Тут, легок на помине, на дворе показался сам князь. Оглядел гостя, хмуро спросил:

– Кто ты?

– С вашего позволения, Ивар Лунь Ар-Морран, крайн из белых крайнов Пригорья.

Во дворе зашумели, шарахнулись в стороны. Всем была памятна страшная смерть Лютина.

Но Липка лишь подивился. Надо же, крайн. Повезло увидеть. Это, говорят, к счастью. Господин Вепрь, однако, никакого счастья не испытывал. С таким лицом он обычно отдавал приказ о казни. В крайнем случае виновника княжьего гнева долго и со вкусом пороли на конюшне.

– Что делают крайны на моей земле?

Парень улыбнулся. Поглядел весело:

– На земле мы ничего не делали. Мы... это... летали. Погоды нынче стоят хорошие. Летать – одно удовольствие. И вот летим мы вчера над Тихвицей и видим – на вашей стороне дым. Замостье горит. Мы было подумали, что это вы по своей княжеской милости изволите вразумлять мужиков, подлетели поближе, глядим – чужие. А среди них княжич Хенрик. Связанный. Выкуп, что ли, они за него взять хотели. А может, и убили бы, кто их разберет. Ну, тут мы, конечно, не стерпели. Ступили на вашу землю, простите великодушно. Княжича выручили, разбойничков пугнули, вот, грамотку у них отобрали. Должно быть, важное что-то.

В собственные руки князя был торжественно передан серебряный футляр с двумя алыми печатями. Князь футляр принял, осмотрел внимательно. Печати были целы. Да и зачем крайнам договор с

самозванцем насчет Северного Поречья? Сроду они такими делами не интересовались. А договор важнейший.

Князь Филипп смерил взглядом улыбающегося мальчишку. Ишь, насмехается. Красивый сынок получился у беспутного Рарки. И такой же наглец. Весь в отца.

– Господин старший крайн шлет вам свой привет и наилучшие пожелания, – куртуазно поклонился красивый наглец.

– Благодарю, – склонил голову в ответ принявший решение князь. Мальчишка опасен сам по себе. Кроме того, малейший намек на угрозу – упорхнет, а потом воспоследует мечь господина старшего крайна, который, как уже всем известно, действует решительно и излишней кротостью не страдает. – Может быть, войдем в дом? – особенно не надеясь, предложил он. – Хороший отдых, плотный завтрак. Мы здесь, в Сенеже, весьма гостеприимны.

Варка, имевший на этот счет четкие указания, отказался до того дипломатично, что даже скулы заломило. Указания гласили: под крышу не входить, воды и пищи не принимать, в долгие беседы не вступать, покинуть крепь как можно быстрее. «Ты кашу заварил – тебе и расхлебывать, – высказался господин Лунь. – Нам надо как-то оправдаться. Все-таки мы влезли на земли князя. А свидетель, между прочим, сам княжич, так что неприятностей не избежать. К тому же благородному княжичу требуется врачебный уход. Не зря же я тебя всю зиму учил. Да, и не забудь сказать пресветлому князю, что по его лесам носятся сотни две одичавших разбойников. Пусть немного отвлечется от Поречья и наведет порядок у себя дома».

Про разбойников Варка напомнил, после чего вежливейшим образом откланялся, дождался, пока господин Вепрь воротится в дом, коня передал местным конюхам и направился к воротам, всем своим видом показывая, что взлетит, как только окажется подальше от людских глаз. И тут что-то заставило его обернуться.

* * *

Грязь, навоз, солома, втопанная в глину конскими копытами, и посреди этого на жалкой рогожке некое существо. Бесформенное, перекошенное тело, шеи нет, одно плечо выше другого, левая нога вытянута, правая неловко подвернута под себя. Чужую боль Варка чувствовал теперь и на расстоянии. Этому было больно. Очень больно.

Липка глядел вслед уходящему к солнцу крайну. Он не завидовал. Не стоит завидовать птицам и облакам. Повидал живого крайна, и хорошо. Что еще надо для счастья. Но вдруг живой крайн решительно отвернулся от солнца и двинулся к конюшням. Нет, не к конюшням. К нему, Липке. Наклонился, покачал головой, присел рядом. Совсем близко оказались глаза чистой небесной синевы. Солнце стояло за его спиной, чертило за плечами прозрачные золотые крылья.

Жуть. Сроду не видел такой жути. Сбившиеся в колтуны волосы, вывороченные губы, вспухшие красные веки. Да что веки. Все лицо в багровых язвочках, левая рука вроде здоровая, зато на правой те же язвочки слились, собрались в одну, огромную, воспаленную, со страшными завернувшимися краями. Казалось, вся руки гниет от кисти до локтя.

Варка потянулся к сумке, но сумки с ним не было. Торопливо обшарил карманы. Пусто. Ничего полезного в праздничных, впервые надетых штанах завалиться не могло. Стало быть, по-человечески лечить не удастся. Осторожно, стараясь не морщиться от сладковатой трупной вони, которая почти заглушала запах никогда не мытого тела, он взял в ладони больную руку.

Горячая. Очень горячая. А парень-то помирает. Ну что ж, как выражается господин Лунь, главное – концентрация. А еще любовь и терпение. Жутковатое существо глядело на него, приоткрыв губастый слюнявый рот.

Терпение и любовь. Только когдахватило дыхание и солнце померкло в усталых глазах, он понял – чтобы заполнить эту бездну боли и бед, его любви оказалось мало.

* * *

– Не улетит он отсюда?

– Отсюда? Сквозь стену, что ли? Конечно, крайны многое могут. Но про такое я не слыхала.

– Все-таки хорошо бы крылышки ему пообрезать.

Варка так испугался, что без усилий стряхнул с себя остатки беспамятства и только потом вспомнил, что никаких крыльев у него сроду не было.

– Никак невозможно. До крыльев нам не добраться, пока сам не покажет. Да вы не тревожьтесь. Мои порошочки надежные. День-два у

меня поживет – сам уходить не захочет.

– М-да. Любопытно, с чего это он вдруг повалился?

– Кто ж его знает. Может, болен, а может, чего-то здесь в крепости ему не по нраву пришлось.

Варка открыл глаза. Увидел красные отблески на низком каменном своде. Среди отблесков металась две тени: одна мужская, остроносая, длинная, другая, в платке, вроде женская.

– Хороший сын у старшего крайна. Есть чем гордиться, – пробормотал князь Филипп, – вот теперь, господин Лунь, я готов заключить договор. На наших условиях. В цене сойдемся.

Варка похолодел, торопливо смежил ресницы. Перед глазами как наяву возник бледный господин Лунь, выслушивающий свеженькую новость. Снова сын Гройского, проклятие всей его жизни, сотворил нечто, за что придется крупно поплатиться всем. Вот угораздило! Добро творить потянуло. За добро-то большее всего и бьют.

Кто-то подошел, шаркая по каменному полу, постоял над ним, хмыкнул и удалился. Варка осторожно скосил глаза. Увидел пылающую жаровню и сухую старушечью руку, которая, слегка шевеля пальцами, сыпала в огонь легкие светлые крупинки. Крупинки вспыхивали, шипели, пахли приятно.

– Очнулся, милый? Захворал ты. Прямо посреди двора сомлел. Да ты не тревожься, никто тебя тут не обидит. Присмотрим пока за тобой, а к твоим уж послано.

Варка застонал, старательно прикидываясь смертельно больным.

– Да ты поспи, поспи. Все будет хорошо, все пройдет.

В том, что все будет как-то особенно хорошо, Варка сильно сомневался, но на всякий случай послал в темноту слабое подобие своей лучшей улыбки. В награду сухая костлявая лапка игриво потрепала его по щеке.

– Хорошенький какой, – прошамкала бабка, – эх, где мои годы, – и, шурша юбками, поспешила исчезнуть в темноте. Скрипнула, захлопнулась дверь. Все это время Варка старался не дышать. Он здраво рассудил, что бабка сама предназначенную для него гадость нюхать не станет и, стало быть, вернется не скоро.

Оставшись в одиночестве, он сразу попытался сесть. Ничего не вышло. Связывать его никто и не думал, но сил хватило только на то, чтобы оторвать голову от подушки. Непослушными, негнушными

руками Варка содрал, скомкал укрывавшее его одеяло и швырнул в хлипкий треножник с пылающими углями. Как ни странно, попал. Угли раскатились по полу, отчетливо запахло паленой шерстью, комната наполнилась дымом. Ладно, лучше дым, чем бабкина отравка. Встать по-прежнему не получалось. Тогда он перекатился с боку на бок, свалился с кровати и пополз, кашляя от дыма, то и дело натываясь на горячие уголья. Дверь была где-то там. Наверное.

Полз, пока не уткнулся лбом в стенку. Стенка была холодная, шершавая. Голове вроде стало легче. Хорошая стенка, удобная. Цепляясь за нее, как за любимого друга, Варка встал. Наверху дыма было поменьше. Так, чего он хотел-то? Ах да, дверь. Дверь нашлась довольно быстро. Высокая, прочная, вся в каких-то резных финтифлюшках. Кашляя и отплевываясь, Варка шарил по ней, пока не нащупал длинную гладкую ручку. Потянул на себя – не поддавалась. Толкнул вперед – снова неудача. Конечно, заперто. А за дверью, небось, и охрана. Варка подышал, собираясь с силами, всей тяжестью налег на резную створку. Непонятные финтифлюшки больно впились в тело.

Внезапно дверь легко распахнулась. Варка, лишившись опоры, упал вперед и врезался во что-то мягкое. Мягкое под его тяжестью застонало человеческим голосом и осело на пол.

* * *

Караулить крайна поставили Федора, и Липка воспрял духом. До полуночи он терпеливо ждал, затаившись в одной из оконных ниш. С вечера Федор усердно накачивался пивом, и теперь его потянуло на двор. Липка не знал, сможет ли все исполнить как надо. Но голова у него больше не кружилась, озноб отступил, а язва на руке покрылась коричневыми твердыми корками. Опираясь на костылик, подарок дядьки Авдея, он подкрался к двери, непослушными руками сдвинул засов. Крайна не пришлось вытаскивать, сам свалился ему на голову. Липка не возражал. Теперь главное – попасть на двор, на воздух, к открытому небу.

Липка попытался объяснить, что покажет дорогу, что надо спешить, пока не вернулся Федор, но оказалось, что идти крайн не может. Совсем. Липка кряхтя закинул руку крайна себе на плечо. Спина заныла так, что в глазах потемнело. Липка заскулил тихонько, чтоб не услышали, навалился на костылик (спасибо Авдею) и двинулся

вперед. Крайн старался, помогал ему как мог. Узкий глухой коридор смыкался вокруг, как глотка гигантской змеи, сжимал голову, не давал дышать. Дом Липка никогда не любил. Липкий трупный запах, навечно сгустившийся в темных коридорах, иногда даже снился ему.

Где ползком, где шажком они добрались до пустой в этот час прачечной, а потом, оскальзываясь в мыльных лужах, и до двери во двор. Крайн перевалился через порог, сел на землю, часто дыша, запрокинул лицо к бледным предутренним звездам.

– Лети, – сказал ему Липка. Но, как часто бывало от волнения, губы и язык не слушались, выговаривали нечто невнятное. Тогда Липка показал на небо, махнул здоровой рукой.

– Не могу, – простонал крайн.

– Лети, – все-таки выговорил Липка, – замучат они тебя.

– Не могу.

Варка в тоске смотрел на полоску неба между стеной и соседней крышей. Противно помирать в вонючей щели между прачечной и навозной кучей. Эх, были бы крылья. Совсем близко завопил первый петух. В ответ ему громко запела труба. Двор наполнился топотом ног, командными криками. Сейчас заметят. Спрятаться.

Липка встряхнулся. Прятался он всегда в одном месте, которое ни разу не подводило. Ухватив крайна за руку, он потянул его за собой, съежился, скорчился, нырнул под задние, сто лет как заколоченные ворота княжеской конюшни, испугался было, что пресветлый крайн не захочет мараться в навозной жиже. Однако пресветлый крайн не побрезговал, медленно, но ловко ввинтился в щель между полом и полусгнившей доской. Липка помогал ему, тянул и толкал изо всех сил. Они оказались в проходе между стойлами. Опасный шум остался снаружи. Липка хотел втащить крайна на сеновал. Сам он, если уж очень донимали в Доме, привык прятаться именно там. Но тут грохнули засовы, передние двери распахнулись настежь. Конюхи бросились выводить, седлать Орлицу и Зверя.

– Кто тут? – крикнул дядька Авдей, всматриваясь в полумрак между стойлами.

– Я, – отозвался Липка.

– А... стой там, а то под копыта угодишь.

Оседланных лошадей вывели, но двери не закрыли. Сейчас еще придут. Липка поспешно оглянулся. Крайн забился в стойло к самому

Лютке. Сидел, прижавшись к поперечинам загородки. Лютка беспокоился, переступал огромными копытами, косил красноватым глазом.

– Люта, – промычал Липка ласково, входя в стойло. – Тише, Люточка, тише.

На дворе гремело и звенело, заныл подъемный механизм. Сквозь двери конюшни Липка увидел светлый прямоугольник раскрытых ворот. И тут его будто обухом ударило. Отбросив костылик, он ловко вскарабкался на загородку, цепко упал на белую Люткину спину. Лютка не возражал. К себе, кроме князя, он подпускал только Авдея и Липку. Липка уселся поудобней, протянул руку крайну. Крайн не испугался ни пляшущих копыт, ни косящего глаза. Стиснув зубы, он одним махом оказался впереди Липки и сразу же стал клониться к белоснежной, волосок к волоску, расчесанной гриве. Липка зажмурился от ужаса и изо всех сил хлопнул по твердому лоснящемуся крупу.

Княжеский конь по имени Лютый такого обращения не любил, зато очень любил, когда конюхи забывали запереть двери. С боевым воплем он выскочил из стойла, вырвался из конюшни, с грохотом пронесся мимо выстроившегося во дворе княжьего войска, собравшегося в поход на разбойников, и, не обращая внимания на укоризненное ржание Орлицы, белым вихрем вылетел в ворота.

Липка даже удивился, как просто все получилось. Потом перестал удивляться, потому что застоявшийся Лютый несся вниз по дороге, будто на нем никаких седоков и в помине не было. Тут уж не до удивления. Липка держался каким-то чудом, должно быть, потому, что цеплялся за крайна. Того, похоже, немного обдуло свежим ветром. Прямо он сидеть не мог, но в гриву вцепился намертво.

Сзади, сквозь свист ветра, доносились крики, звон, а потом раздался дружный грохот копыт. Погоня. Лютый тоже услышал и надал без всяких понуканий. Снова в тесную конюшню ему пока не хотелось. Каменистая дорога летела к городским воротам.

– В город... нельзя... – прохрипел Липка. Силы у него быстро кончались.

– Сам знаю, – сквозь зубы ответил крайн. – Где тут Манькина береза?

Липка снаружи не бывал уже лет десять, но Манькину березу знал. Мать показывала. Береза эта была не простая. Четыре ствола из одного корня, которые сплетались белыми змеями, будто пытались вновь соединиться. Береза виднелась малым пятнышком на краю городского выгона.

– Там! А зачем?!

– Колодец! Старый!

– Чего?!

Липка хотел сказать, что никакого колодца там сроду не бывало, но ветер забился в рот и получилось только хриплое сипение.

– Попробую открыть, – донеслось до него непонятное сквозь топот и свист. – Как коня зовут?

– Лютка... Лютый.

Крайн распротерся на могучей конской шее, почти дотянулся до уха Лютого и вроде что-то сказал ему. Конь вскинул задом, едва не сбросив несчастного Липку, слетел с дороги и понесся по высокой траве.

– Стой! – раздалось совсем рядом. – Стой!

Погоня, срезав угол, оказалась вдруг очень близко.

– Давай, Лютый, – отчаянно крикнул крайн, – давай!

Княжьи всадники шли уже вровень. Тот, что оказался слева, полегоньку раскручивал волосяную петлю. Береза летела на них в шелесте зеленых листьев, в колыхании длинных, почти до самой травы плакучих веток.

Липка завизжал, зажмурился, что было силы вцепился в крайна. Он слишком поздно вспомнил, что Манькина береза стоит на самом краю широченного Манькиного оврага.

– Давай, Лютый, давай!

Ветви хлестнули по лицу, белый конь взвился над крутым обрывом.

– А-а-а!

Копыта ударились о землю, глухо застучали по мягкой, влажной дороге.

– Заткнись, – слабым голосом сказал крайн, – все уже.

Липка огляделся. Лютый, по пояс в тумане, легким галопом летел по золотому, в купавках лугу, непривычно близко вздымались розоватые от восходящего солнца горы, впереди, у подножия серых скал приютилась лиственница, похожая на нежно-зеленый флаг.

Глава 6

– У него врожденный паралич всей правой стороны, включая лицевые мускулы, костная гниль, цинготные язвы, голодная немочь, не говоря уже о мелочах, о всяких там следах новых и старых побоев. И ты хотел все это вылечить сразу, одним ударом?

– Да я не...

– Костьми ляжем, зато все вокруг немедля излечатся. Исправим весь мир, не сходя с места.

– Да я не хотел. Я думал, только болячку...

– Он думал, – вмешался третий голос, – оказывается, у него в голове не только песенки-цветочки, оказывается, он думать умеет.

– А в глаз не хочешь?

– Как ты жив-то остался, травник? Нет, в подвал, на цепь, в кандалы, и больше ни шагу без охраны.

У Липки от страшных слов мороз пошел по коже. Он завозился, замычал, открыл глаза. Горница была такой светлой, что казалось – он лежит под открытым небом. Лежать было мягко. Как на сене. В горнице было полно крайнов. Прекрасных, чисто одетых и очень друг на друга сердитых. У широкого окна сидела, задумчиво пропуская сквозь пальцы золотые локоны, голубоглазая крайна совсем уж неземной красоты.

Липка высмотрел «своего» крайна, которому теперь грозили тюрьмой и кандалами, неуверенно улыбнулся. Крайн улыбнулся в ответ, наклонился к нему.

– Тебя как зовут?

– Липка.

– А меня Варка. Я травник. Лечить тебя буду.

– Травник здесь я, – сурово раздалось сверху, – а у тебя, господин Ивар, других дел полно. Госпожа Хелена, прошу сюда.

Зашуршала юбка, послышались легкие шаги, и в солнечном свете возникло чудо из мамкиных сказок. Небесная сестрица, звездная летавица, из тех, что в светлые летние ночи иногда навещают землю. Таких Липка никогда не видел. Хотя, по правде говоря, он мало что видел. Но среди прачек и кухарок в Сенежской крепости такие точно не попадались.

– Он твой. Будешь за ним ходить.

– Да разве я сумею... – голосом, от которого сладко замирало сердце, сказала видение, – он совсем плохой.

– Сумеешь. Черную работу – всегда тебе. А работы, и самой черной, будет предостаточно.

«Как черную работу, – ужаснулся Липка. – Таким черную работу поручать нельзя. Такими руками лунные лучи сплетать, стрекозиные крылья на легких паутинках развешивать».

– Ладно, – сказала видение.

* * *

Работы и вправду было много. Одних только притираний и мазей оказалось штук десять. Для язв, для скрюченных болезнью суставов, для сведенных вечной судорогой мышц. А еще отвары, настойки, порошки... Все это требовалось давать по часам. Варка исписал целый свиток различными указаниями и лично приколот его к притолоке подвернувшимся под руку кинжалом.

Фамка подумала-подумала и перебралась в комнату больного. К счастью, парень оказался покладистым. Без звука позволил остричь космы в колтунах и гнездах насекомых, молчал, пока она обрабатывала его язвы, терпел, пока она трижды в день растирала сухую ногу, что было сил разминала скрюченную спину.

Кроме прочих лекарств, страдальцу было прописано присутствие Жданки. Рыжая честно выполняла свою долю работы. Сидела у постели больного, держала его за руку, рассказывала детские сказочки, подслушанные у Петры. Жуткий вид и невыносимый запах ее не смущали. Зато госпожа Илана, приходившая иногда по доброте душевной подменить Фамку, всякий раз кривилась от отвращения, отводила взгляд, говорила излишне громко, суетилась слишком много, а потом всхлипывала где-нибудь в уголке, возмущаясь несправедливостью жизни.

Фамка ее не понимала. Больной есть больной. Нельзя ожидать, что он будет пахнуть как роза и выглядеть как городской щеголь на Купальском балу. Сперва воняло и вправду почти нестерпимо, но она быстро привыкла, перестала замечать. Гораздо больше ее раздражало, что господа травники повадились являться в комнату бедного парня с кучей пыльных трактатов, разрисованных страшенькими картинками

вроде людей без кожи или распиленных черепов с мозгами наружу. Раскладывали всю эту жуть прямо на полу и, разглядывая хворого, как распластанную лягушку, громко спорили о том, что с ним делать. А ведь он все понимал. Говорить почти не мог, но взгляд-то у него был разумный и со слухом все в порядке. Фамку, во всяком случае, он слышал и слушался.

Творили господа травники тоже всякие ужасы. Сперва всерьез обсуждали, не вскрыть ли бедняге череп. Причем, похоже, их интересовал не столько больной, сколько возможность сотворить что-нибудь этакое. Фамка похолодела от одного взгляда на рисунок в очередной гнусной книге.

Но господин Лунь скрепя сердце признал, что на травника всерьез не учился и с таким наверняка не справится. Вместо этого принес пучок длинных серебряных игл и, сверяясь с другой книгой, принялся безжалостно втыкать их в несчастного больного. Варка сидел рядом, забирал боль, но бедняга все равно стонал и дергался. За две недели процедуру повторили раз пять. А потом все-таки располосовали несчастному ногу выше колена, что-то там не то сшили, не то, наоборот, разрежали. Заняты были оба, и боль на этот раз пришлось забирать Фамке.

Одно хорошо – язвы наконец сошли, оставив розоватые рубцы, и лицо больного из грязно-серого сделалось просто бледным. Зато Фамка совсем замучилась. Злосчастный калека, у которого, видать, по-прежнему все болело, часто терял сознание. А вот спал плохо, время от времени закрывался руками, будто от побоев, трясся, мычал неразборчиво.

Несколько раз Варка выгонял ее отдыхать. Тогда она брала с собой Жданку и шла в прогретый солнцем лес, по ягоды, к любимому озеру, или в гости к Петре. Петра была на сносях, тайком шепнула Фамке, что крайн обещал – будет мальчик.

Дядька Антон сильно сдал, Тонда носился по хозяйству один, так что помощь «пресветлых крайнов», от которой он усердно отказывался, снова пришлась весьма кстати.

Кончился травень, миновал цветень, хворому Липке перестали сниться кошмары, он выучился сидеть прямо и понемногу стал разговаривать. Улыбался своей сиделке кривым, непослушным ртом и благодарил за всякую мелочь. Фамка осторожно расспрашивала его.

Узнала – калекой он был с рождения. Мать помнит. Была она молодая, красивая, ни на кого в крепе не похожая, но давно померла, рожая второго ребенка. В крепе сирота был не ко двору. Особо не обижали, только князю и княжичам показываться на глаза не стоило. Кормили, чтоб только не помер, но работой не морили. Да и какая работа была бы по силам ему, неходячему?

Однако настало время, когда Варка ворвался в их комнату, протянул больному гладкий ясеневый посох.

– Вставай.

Тот встал и оказался на голову выше Фамки.

* * *

– Что там?

– Лес.

– А за лесом?

– Дымницы, потом Язвицы, потом Трубеж. Да не бойся ты, далеко твой Сенеж. Здесь тебя не найдут.

«Да и кому ты нужен, – мрачно подумала Фамка, – небось до смерти рады, что избавились».

– Госпожа Хелена, а можно мне в лес?

– Можно, наверное. Только ведь не дойдешь. Устанешь.

– Я дойду. Господин Ивар приказал больше ходить. Чтобы нога работала.

– Хорошо. Поешь как следует, и пойдем. Господин Ивар приказал кормить тебя, а ты не ешь, болтаешь только.

– Простите, госпожа Хелена.

– Ну какая я тебе госпожа. Ты, Липка, чудной какой-то.

– Господин старший крайн вас так зовет.

– У господина старшего крайна свои причуды.

– Тогда можно я буду как господин Ивар...

– Как?

– Фамочка...

Сказал и посмотрел умильно. Глаза серые, как ночной туман. Ресницы длинные, черные.

Фамка не удержалась, фыркнула:

– Зови как хочешь, только поешь. Лекарство не забудь выпить.

По дороге к лесу не обошлось без происшествий. Затряслась, задрожала земля, и перед испуганной Фамкой возникло белое видение. Серебристая грива, белоснежная шкура, хищная узкая морда.

Фамка взвизгнула.

– Сбежал-таки, поганец. Говорили ведь дядьке Антону запирать как следует.

– Лютка, – ласково сказал ее спутник, привстал на цыпочки, обнял крутую шею. Конь заржал, заплясал, довольный.

– Я вижу – вы с Варкой два сапога пара, – проворчала Фамка, – этот гад больше никого к себе не подпускает, где хочет, там и пасется. Зато Варочка наш гоняет на нем ночами по пустоши, прямо так, без седла.

– О, – оживился Липка, – здорово. Покатаешь меня, Лютик?

Фамка тяжело вздохнула. Но, поразмыслив, обрадовалась. Кажется, ее обязанностям сиделки приходит конец. Липка, наоборот, до смерти перепугался. Похоже, Фамочка недовольна. Нет, не будет он кататься. Ни за что. Как бы ни хотелось.

* * *

В лесу ему позволили бродить сколько угодно. И он ходил туда сам, своими ногами. Сначала с посохом, потом позабыл его где-то в траве и больше не вспоминал.

И обе руки, послушные, могли удержать нож и кусочек легкой коры. Лодочки выходили на славу, даже лучше, чем у матери. Дух лесной, прелый, смолистый, травяной, окружал его, баюкал, утешал.

Однажды он заблудился, но его быстро нашел господин Ивар, Варка, «его крайн», который как-то раз объяснил ему, что никакой он не крайн, а так, середка на половинку. Липка ему не поверил. То, что они сделали с его телом, могли сотворить только крайны.

Варка, посвистывая, уверенно повел Липку через старую гарь. Там, в островах цветущего кипрея, бродила небесная сестрица, звездная летавица. Черные очи, огромные, как озера. Влажные волосы, не собранные в косу. Губы, алые от ягодного сока. В руках корзинища, полная малины...

– О, Фамочка, – обрадовался Варка и ловко зацепил из корзины полную горсть.

– На, – сердито сказала Фамка, вручая ему корзину.

Липка огорчился. Самому надо было догадаться. Взял бы корзину – мог бы за руку тронуть.

– Я понесу? – робко предложил он.

– Давай, – согласился Варка, – авось не развалишься. Слышь, Фамочка, Тонда хочет завтра сено возить. Пойдешь? Я тебя на возу покатаю.

– Пойду, если надо.

– А можно мне? – пробормотал Липка.

Варка окинул его взглядом, задумчиво закусил кончик хвоста.

– А вот это надо спросить у господина Луны.

Господин Лунь был согласен. Липка сроду не видал никого добрее и не понимал, почему от его взгляда Фамочка бледнеет и тербит передник, почему Варка никогда не смотрит ему в глаза, а все больше в землю, почему прекрасная госпожа Илана смущается и испуганно замолкает?

Новым телом, которым он наградил Липку, господин старший крайн, похоже, гордился не меньше самого Липки. Гордился и как будто немного сомневался, что это все-таки удалось.

Между тем оказалось, что новое тело умеет не только таскать корзины и ведра, орудовать граблями, серпом и вилами, править лошадьми, вязать снопы и ловко закидывать их в телегу. Оказалось, что оно способно плавать по полчаса без передышки, нырять с обрыва в холодную Тихвицу, всю ночь плясать вокруг костра на празднике дожинок, скакать очертя голову на раздобревшем от пригорской жизни Лютке. Все это помог выяснить белый крайн господин Ивар, то бишь Варка. К концу лета Липка таскался за ним как приклеенный. Варка не возражал. Липка нравился ему. Он был молчалив, способен радоваться малому и никогда не пытался отговорить Варку от поступков, которые всех остальных почему-то приводили в отчаяние.

* * *

– Вот, – кисло сказала Фамка, – полюбуйтесь.

Господин Лунь пробормотал нечто невразумительное и, конечно же, потянулся искать ответ в недрах собственной прически. Ланка и Жданка переглянулись и тяжело вздохнули. Сегодня они битый час правдами и неправдами уламывали господина Луня, потом в четыре руки долго и тщательно расчесывали его волосы, уложили, закололи все сооружение серебряным зажимом с мелкими сапфирами, и вот теперь все старания прахом.

Они стояли у одного из верхних окон. Внизу, по грудь в лунном ночном тумане, затянувшем пустошь, летел белый конь. Длинный серебряный хвост стелился по ветру. На спине коня легко и уверенно стоял человек. Ноги слегка расставлены, руки раскинуты широкими крыльями, одежда и волосы трепещут, бьются за спиной.

– Здорово! – сказала Жданка. – Я тоже так хочу. Это Варка?

– Нет, – возразила Фамка, – Липка. Космы черные. Пока Варка один этим баловался, я молчала...

– Дурак дурака видит издалека, – оценил происходящее Илка.

– Вылечили на свою голову, – добавила Ланка, – мало нам было одного Варки.

– Одного Варки более чем достаточно, – согласился крайн, – госпожа Хелена, твоя вина.

Фамка аж подпрыгнула от возмущения:

– Я-то тут при чем?!

– Я же сказал: он твой. Займись им. Насколько я понимаю, он совершенно невежественен. Помнится, я уже говорил, что не потерплю в своем замке...

Фамка обреченно кивнула. В пользу образования она теперь сомневалась. Жданка, выученная грамоте, пристрастилась к слезливым романам из придворной жизни, и теперь от нее вовсе не было никакого толку.

* * *

Учить Липку оказалось нетрудно. Буквы его пугали, но он старался. Однако за саму Фамку всерьез принялся крайн. Кроме истории, пожелал обучать ее начаткам философии и двум чужеземным языкам сразу.

Петра, родившая вместо одного мальчика братьев-близнецов, и тетка Таисья, которую Фамка старалась навещать, тоже требовали внимания, часть готовки удалось потихоньку спихнуть на Ланку, но оставались походы в лес за грибами и травами. Так что пришлось перенять Варкину манеру бегать, влетать, врываться.

Со всей этой суетой Фамка не сразу заметила, что в ее жизни происходит что-то странное. Так, молодые бобы, которые она собиралась лущить к обеду, поутру оказались очищенными и смирно лежащими в кастрюльке. Гора посуды, отложенная на вечер, перебралась на полки, ухитрившись по пути самостоятельно вымыться. В другой раз, ухватив заведомо пустое ведро, чтобы идти за водой, она едва не упала и порядочно облила подол. Ведро оказалось полнешенько. Вернувшись вечером после целого дня блужданий по сырому лесу, она легкомысленно бросила у порога мокрые грязные башмаки, решив вычистить их с утра пораньше. С утра башмаки скромно стояли у камина, сухие и чистые.

Тут Фамка забеспокоилась. Варка мог без долгих просьб принести воды. А что тут такого? Увидел пустое ведро и принес. Рыжая Жданка в припадке хозяйственного рвения могла и бобы вылущить, и крупу перебрать, и даже почистить-нарезать овощи.

Но мыть ее обувь никто не стал бы.

Значит, у нее провалы в памяти. Сама вымыла да и забыла. Фамка начала присматриваться. Нет, что-то происходит. Вот и перья у нее на столе всегда заточенные, и бумага сложена ровненько, и чернильница полная. Фамка была аккуратна, но в пылу чтения любила грызть перья. А тут стол вытерт, пол выметен и ни одного, ну ни единого хрупкого огрызка.

Фамка начала думать, что немножко свихнулась от прошлых тяжелых переживаний. Осторожненько расспросила господина Луня. Господин Лунь, внимательно посмотрев на нее, сказал, что вообще – да, бывает, но она-то как раз совершенно здорова.

Фамка успокоилась, но тут появились цветы. Лиловая кисть поздних лесных колокольчиков лежала в раскрытой книге в луче нежного утреннего солнца. Фамка огляделась. В библиотеке никого не было. Сердце дрогнуло, пропустило удар. В груди стало горячо от одной только мысли. «Глупо», – подумала она, но все-таки решила проверить. Сурово поджала губы, взяла цветок и отправилась к Варке. Варка лежал на животе, уткнувшись в книгу. Рядом на полу валялись раскрытые фолианты. Наученная горьким опытом, Фамка постаралась в них не заглядывать.

– Что это?

Варка поднял голову, посмотрел на цветы, качавшиеся перед носом.

– Колокольчик раскидистый, по-местному синелька или пичужница, лечебных свойств не имеет.

Пробормотал и снова уткнулся в книгу. Фамка медлила... Хотя что тут скажешь. Колокольчик есть колокольчик.

– Фамочка, – нежно сказал Варка, – уйди, а?

Все лето он отчаянно боролся с лекарской премудростью.

На другой день в книге «О свойствах двенадцати камней» лежала охапка синих васильков. Потом покрытая желтыми цветочками богородская травка, что растет в сухих сосновых борах. Потом золотой солнцезвезд, отыскать который совсем не просто. Фамка цветы жалела, не выбрасывала, ставила в воду. Жданка только носом крутила, недоумеая, отчего это практичная Фамочка вдруг начала собирать букеты.

Фамка пыталась подстеречь неведомого насмешника. В том, что над ней насмеются, она уже не сомневалась. Но ей ни разу не

удалось подстеречь никого, кроме Липки, который честно корпел над букварем или столбцами.

– Липка, сюда никто не приходил?

На этот вопрос Липка неизменно мотал головой и жалобным басом спрашивал:

– Фамочка, а мы заниматься будем?

Заниматься с ним было куда легче, чем со Жданкой. Он никуда не убегал, слушался как солдат генерала, только иногда застывал, задумчиво глядя на нее печальными, полными серого тумана глазами.

Но как же быть с цветами? Если не Варка, тогда кто? Девчонки ей цветы дарить не станут. Илка? Ага, как же. Остается господин Лунь. М-да... Что может прийти ему в голову – великая тайна. Кто их разберет, этих крайнов.

Фамка решила выяснить все до конца и засела в библиотеке еще до рассвета. Сначала сидела тихо, потом бродила вдоль полок, потом вытянула книжку с завлекательным названием «Кормчие звезды или дорога над облаками», присела на высокий табурет и зачиталась.

– Фамочка, а мы заниматься будем?

– Щас, Липка, – не отрываясь от книги, Фамка попыталась ногой нащупать неведомо куда подевавшийся башмачок. Теплые пальцы обхватили ее ступню, погладили, надели башмачок, мягко, осторожно и нежно. Фамка вздрогнула, выронила книгу. Липка, сидя на корточках, смотрел на нее снизу вверх и вдруг наклонился и поцеловал слегка запыленный кожаный мысок. От неожиданности Фамка подскочила и едва не упала. Липка подхватил ее, поставил на ноги, посмотрел виновато.

– Фамочка...

– Отвали, придурок! – рявкнула Фамка и, оттолкнув его, бросилась к двери.

* * *

– Не буду я с ним заниматься!

– Могу я узнать, почему? – Господин Лунь, которому помешали предаваться созерцательному безделью в обществе лютни, смотрел на Фамку неодобрительно.

– Он надо мной насмехается! Я ведь не какая-нибудь нежная барышня. Я могу и сдачи дать, мало не покажется.

– Насмехается? Я полагал, если молодой человек постоянно дарит даме цветы, это означает, что он... кхм... немного влюблен.

– Немного! – сварливо заметил вошедший Варка. – Скажете тоже! Он не влюблен. Он втрескался по уши. Втюрился. Влип.

– Врешь! – вскипела Фамка. – Орясинадолгоногая!

– Угу. Вру. Пришел ко мне, прямо как в этих книжонках про придворную жизнь: весь в интересной бледности, весь в слезах... Ах, говорит, что мне делать, что мне делать? Я, говорит, ее оскорбил, я, говорит, недостоин... Она, говорит, прекрасная крайна, а я, говорит, ничто, грязь под ногами.

– И что ты на это ответил? – поинтересовался крайн.

– Ну что... Обещал дать в глаз, если он ее обидит. И это... посоветовал еще цветочков принести. Вдруг поможет... Поможет, а, госпожа Хелена?

– Ты... – всхлипнула Фамка, – ты... Совсем тупой, да? Разуи глаза. Кто в меня влюбится-то?

– Сама разуи глаза, – рассердился Варка, – у тебя чего, зеркала, что ли, нету?

– Нету, – призналась Фамка.

– Так сходи к Ланке, у нее по три в каждой комнате. Да я бы сам в тебя в два счета влюбился! Только не могу почему-то. Вы с Ланкой... вы мне после всего стали как... ну, как сестры...

– Значит, в меня не можешь, а в Светанку можешь? – не соображая от ярости, что говорит, прошипела Фамка.

– В Светанку из Бродов или в Светанку из Язвиц?

– Светанка в Быстрицах. Эту, которая в Язвицах, Цветанкой зовут!

– Та-ак, – заметил крайн, – список поклонниц господина Ивара зачитаете потом. У меня трудный больной в стадии выздоровления. Тревожить его я не позволю. Так что ты, госпожа Хелена, изволь обращаться с ним мягко, вежливо. Ногами по голени, заточкой в грудь, книгами по голове не бей, даже если негодяй будет дарить цветы и говорить комплименты. И учить ты его будешь. Больше некому.

* * *

Липка считал, что ему безмерно повезло. Госпожа Хелена, Фамочка, больше не сердилась и снова, как прежде, проводила с ним целые часы. Мыть посуду, носить воду, чистить овощи и таскать

тяжелые корзины ему тоже никто не запрещал. Теперь он только и делал, что ждал беды. Такое счастье не могло продолжаться вечно.

Бедна на Липкину голову пришла, когда кончилась молотба, лиственница на Крайновой горке пожелтела, засияла как факел, дальний лес запламенел закатными красками, и ночи стояли ледяные, ясные, звездные.

Вестником беды явился присланный из Бродов голубь. Крайн прочел письмо, велел парням одеться поприличней, в господское, сам принарядился, Липке, неплохо освоившему щит, позволил идти с ними, а вот девчонок не взял. На Фамкин робкий вопрос: «Война с Сенежем?» лишь пожал плечами, чем вверг куриц в тихую, тщательно скрываемую панику.

В Бродах было сыро. День выдался скучный, бессолнечный. С реки тянуло холодом. И сама река иззябла, покрылась мелкой рябью, точно гусиной кожей.

Они стояли на взгорье, над длинной излучиной, над мокрыми бурными полями, над ржавым золотом дальних лесов, и смотрели, как через брод переправляется сенежское посольство. Варка пригляделся и глазам своим не поверил. Впереди скакал сам князь Филипп. Конечно, он был уже стар, но в седле держался прямо, спокойно, может быть, даже лучше, чем на земле. К крайну он приблизился один, взмахом руки остановив свою свиту. «Значит, пока не война, – успокоился Варка, – наверное, договор заключить хочет».

С весны князь сильно осунулся. Резко очерченное лицо пожелтело, оплыло как нагретый воск, углы рта опустились. Князь видимо мерз, губы посинели, слушались плохо.

– Приветствую вас, господин старший крайн.

Господин Лунь поклонился со всей возможной вежливостью, но прохладно, поинтересовался без всяких предисловий:

– Что привело вас сюда?

Филипп Вепрь тоже не был расположен к дипломатическим уверткам.

– Верните мне сына.

Крайн удивился, но не слишком.

– Княжич Аскольд попал в плен?

Князь посмотрел на него в упор, плотно сжал губы, словно раздумывая, сказать или нет.

– Княжич Аскольд убит под Раменьем, что в Поречье.

Крайн опустил глаза:

– Сожалею. Значит, природная неосмотрительность княжича Хенрика...

– Природная неосмотрительность княжича Хенрика привела к тому, что я приказал повесить его на воротах Пучежа за попытку поднять восстание против законной власти. Не знаю, что делают с отцеубийцами у вас, в Пригорье, но у нас это карается смертью.

– Прискорбно слышать все это, – медленно отозвался господин Лунь, – но... простите... Каким образом я могу их вернуть? К моему великому сожалению, крайны не всеильны.

– Я вижу, вы намеренно не желаете меня понимать. Хотите поторговаться?

– Беда в том, – приятным голосом начал крайн, – что я не понимаю вас совершенно искренне. Ваш старший сын убит. Ваш второй сын... гм... тоже убит. Сочувствую вам, но крайны не занимаются воскрешением мертвых. Чем мы можем вам помочь?

– Полечить от маразма, – шепнул Илка. Варка еле заметно кивнул. М-да, старость не радость. А горе, видать, совсем старика добило.

Князь подъехал вплотную, слегка наклонился, навис над крайном.

– Вот что, Рарка, я помню, как ты, сквернавец, еще под стол пешком бегал. Со мной твои штуки не пройдут. Все знают, что мой парень у вас. Коня, так и быть, оставь себе. А парня верни. Он мне нужен.

Крайн похлопал по морде княжьего коня, обернулся к своей свите:

– Так, парни, кто из вас его сын?

Варка с Илкой переглянулись и дружно хмыкнули.

– Он – ваш, – на всякий случай напомнил Илка, – а я того, племянник.

– Я его сын, – тихо сказал Липка и, опустив голову, обреченно шагнул вперед.

– Ты?!

Филипп Вепрь наклонился, всматриваясь. К нему легко шел высокий, прямой как копьё юноша. Густые черные волосы падали на плечи мягкой волной, с бледного, чуть розовевшего на ветру лица смотрели серые, туманные глаза увезенной из Загорья Радимы. И

брови ее, узкие, вразлет. Подлечили выродка, значит. Хорош. С виду от крайна и не отличишь. Ничуть не хуже белогривого красавчика.

Белогривый красавчик вдруг встрепенулся, тронул Липку за плечо:

– Ты хочешь вернуться?

– Нет, – прошептал Липка, – нет.

Тень стены, запах конюшни и помоев, боль и беспомощность. Еще шаг, и он вновь станет вещью. Хозяин вещи глядел спокойно. Вещь по праву была его. Захочет – возьмет в темный, страшный Дом, захочет – оставит догнивать во дворе крепости в навозной луже.

Варка решительно двинулся вперед, прикрыл собой Липку:

– Я твой щит.

Крайн, наблюдая эти маневры, недовольно изогнул левую бровь.

– Вы что, отдадите его? – вскипел Варка. – Вот так, за здорово живешь? Да его еще в утробе матери покалечили. Били несчастную смертным боем! А потом и самого его лупили все кому не лень. И жрать не давали. Вы ж лечили его, вы же сами все видели!

– Не дури, – прошелестел Илка, – война с Сенежем нам ни к чему.

– Войны не будет, – прошептал Липка, – Вар, ты скажи Хелене...

– Стало быть, Липка – это Филипп? – спросил крайн.

Липка кивнул.

– Он законнорожденный?

Господин Вепрь скривился, озирая всех с видом оскорбленного достоинства.

– Какой есть.

– Сильно припекло, дядька Филипп? Так, что даже незаконнорожденный урод пригодиться может?

– Родня Аскольдовой вдовы уже к Сенежу руки тянет. А ведь я еще не помер, – снизошел до объяснений князь Сенежский, – но теперь...

Он окинул Липку довольным взглядом. Обернулся назад, к своим:

– Коня княжичу!

– Да-да, – кивнул господин Лунь, – забирайте его. Прошу, однако, помнить, что юный княжич отличается хрупким здоровьем. Без должного ухода он, к полному удовольствию ваших любезных родственников, неминуемо вернется в прежнее состояние.

Липка застыл на месте. Варка по-детски разинул рот.

– Кроме того, я успел заметить, – размеренно продолжал господин Лунь, – что ваш сын совершенно невежествен.

– Учителей найму. Из столицы выпишу.

– М-да... Ни вы, ни я не знаем точно, в чьих руках сейчас столица и что там происходит.

Собеседники посмотрели друг на друга, покивали, соглашаясь, и некоторое время обсуждали последние политические новости с таким видом, будто никакого Липки рядом не было.

– Да, – тяжело вздохнул господин Лунь, – пожалуй, в наше время замок крайнов – единственное место, где ваш сын, находясь в полной безопасности, мог бы получить хорошее образование. К сожалению, это невозможно, все мы слишком заняты, положение в стране таково, что...

– Правильно, – ни с того ни с сего громко заявил Илка, – хватит с нас людей. Вылечили, и пусть катится. Разве может быть для крайна большее унижение, чем сидеть с человеком за одним столом, спать под одной крышей?!

Князь Филипп немедленно разъярился.

– Мальчишка! – рявкнул он. – Князья Сенежские – не просто люди. И если я пожелаю, чтобы мой сын обучался у крайнов...

– Никто не отрицает древности вашего рода, – мягко прервал его крайн, – однако в словах господина Илма есть доля правды. Если мы возьмемся оберегать и обучать вашего сына, мы должны получить некое достойное вознаграждение.

– Какое же? – угрюмо спросил князь Сенежский.

– О, ничего особенного. Договор Сенежа с Пригорьем на прежних условиях. Я полагаю, вы и сами намеревались восстановить его.

– Да-а, – значительно протянул князь Филипп.

– Правда, следует ввести одно маленькое дополнение. Уверяю, это в ваших же интересах.

– Гм?

– Отзовите войска из Поречья и приграничного Заозерья, сосредоточьте их на прежних границах княжества. Пусть у них будет только одна задача – отражать вторжения извне, не пропускать мародеров и разбойничьи шайки. Сейчас самое важное – сохранить то, что имеешь. Иначе вашему сыну будет нечего наследовать.

– Таким образом Пригорье окажется за крепкой спиной Сенежа. Неплохо для вас. А что получу я?

– Благополучие вашего наследника и все, что предусмотрено договором. Надеюсь, вы понимаете – это немало.

* * *

– Тебе правда противно со мной за одним столом? – робко спросил Липка, когда они входили под своды главного зала.

– Дурак, – хмыкнул Илка, – а еще князь. Это называется дипломатия.

– Весьма уместное выступление, господин Илм, – высказал свое одобрение крайн. – В отличие от грубого и неразумного поведения господина Ивара.

Но Варку занимало другое.

– Правильно, – озадаченно поскреб он переносицу, – ты же князь.

И вдруг заорал на весь замок:

– Фамка! Фамочка!

– Ну чего тебе? – Встревоженная Фамка примчалась из кухни, наскоро вытирая руки о передник. – Что ты орешь, как будто вас всех уже поубивали?

– Помнишь, я тебе принца притащить обещал? Так вот он, принц. На белом коне, все как ты хотела.

– Что?!

– Что слышала. Учти, он даже не упирался.

Липка смущенно улыбался. Каждому было ясно, что упираться он не намерен.

* * *

Так граница, отделяющая своих от чужих, отодвинулась далеко за Тихвицу, к рубежам княжества Сенежского.

В день солнцеворота Варка по приказу крайна пел в Трубеже, у праздничных костров. Многочисленную охрану, предоставленную озабоченным господином Гронским, он разогнал, положившись на Илкин щит, и видел перед собой замороженные лица горожан и далеко, в высоте, бледный диск морозного солнца. Впервые он пел людям, и было ему легко. Два года назад он мечтал всего лишь дожить до весны. Теперь же ему казалось, что он будет жить вечно. Костер горел высоко, подпевали дружно, плясали весело, и никто не думал о войне, голоде и смерти.

А время текло над Крайновой горкой, текло, струилось, несло в своих темных водах то листопад, то дождь, седую метель, летучие облака, стаи птиц и падучие звезды.

Глава 7

– Десять человек за два дня. Гаснут как свечи. Конечно, многие истощены, но не до такой же степени. Это не чума. Никаких внешних признаков.

– Откуда они?

– Да из разных мест. Много дальних, но есть и сенежские. Первые пришли сами, неделю назад. Через два дня пучежские привезли еще две подводы. Теперь каждый день возят.

– Пригорские?

– Нет, с этой стороны Тихвицы – никого.

– Раньше надо было меня позвать.

– Все очень быстро. Я не думал, что это поветрие. Говорю же – на чуму не похоже. Они просто умирают. Слабеют, перестают дышать и все. За это время я спас только одного. Девчонка, вроде Жданки. Она была очень слабенькая, и я просто сидел с ней всю ночь. Не хотел, чтоб она умерла. Сейчас бегают как ни в чем не бывало.

Варка шел рядом с крайном к полосе палаток, выстроившихся на Гусином лугу. Туда, подальше от города, свозили больных. Тихих, безучастных, ни на что не жалующихся.

Обойдя палаточный лагерь, крайн сделался мрачен как никогда.

– Да, это не поветрие, – пробормотал он, бездумно глядя на красные башни Бренны под мирными летними небесами.

– А что тогда?

– Двадцать лет грабежей, пожаров, кровавых убийств. Двадцать лет ненависти. Все отравлено: вода, воздух, огонь в очагах... Они умирают, потому что здесь жить нельзя. Я ждал этого, но надеялся, что не доживу.

– Их можно спасти?

– Не знаю. Собирай всех. Чем бы ни занимались, пусть все бросают и сюда. Заодно узнаем, на что вы теперь способны.

– А как... Что делать-то?

– Любить. И хотеть, чтобы они выжили.

Тогда Варка думал, что эта ночь в лагере умирающих от неизвестной хвори будет самой страшной в его жизни. Но он ошибался.

* * *

– Что ж. Госпожа Жданна – блестяще. Госпожа Илана – очень хорошо. Господин Филипп – вполне приемлемо. Даже не ожидал. Госпожа Хелена снова тратит силы напрасно. Хотя результаты производят впечатление. Господин Илм... Отраднo сознавать, что ты хотя бы попытался. Господин Ивар... ну, ты и сам все знаешь. Ты беседовал с ними?

– Да. Ничего хорошего. У соседей наших еще так-сяк. На все княжество не более сотни случаев. А вот дальше к морю... Война прекратилась сама собой... Слишком мало таких, кто еще способен держать оружие. В иных местах и хлеба никто не сеял. Пустые поля. Пустые деревни.

– Угу. На юг и на запад – то же самое. Итак, вам придется решать, что теперь делать.

Птенцы-подкидыши, порядочно повзрослевшие за три минувших года, тихо сидели вокруг парадного стола, смотрели встревоженно.

– А мы можем что-то сделать? – робко спросила Жданка.

– К несчастью для нас, можем, – скривился крайн, – только что я в этом убедился.

– Разве нас это касается? – поинтересовался Илка. – Земля-то не наша.

– Не наша.

– Скажем князю, тот поставит на границе заслон, чтоб заразу больше не заносили, – и все.

– Что ж, это разумно и справедливо. Они вели себя хуже скотов, они виновны во всех мыслимых и немыслимых грехах. Пусть они вымрут. Все.

Правда, заслон не поможет. Это носится в воздухе. Проклятие, которое ничего не знает о наших границах. Оттого, что мы будем удерживать за кордонами несчастных, нуждающихся в помощи, ненависть только усилится. Они умрут, проклиная нас. Злоба затопит Пригорье. Сначала умрут те, кого мы считаем чужими, а потом и свои, те, кого мы хотели бы защитить.

– И была та страна разорена войной, и охвачена чумой, и проклята во веки веков, – пробормотала Фамка.

– Но сжалились прекрасные мудрые крайны, спустились с гор, облетели всю страну от края до края и сняли проклятие, – запинаясь, выговорил Варка.

– Вы что, – ахнул Илка, – с дуба рухнули? Эй, красавчик, ты что, всех тут перекусал?

– Как мы можем... – жалобно выговорила Ланка, – мы же не крайны.

– Да. Если вы пожелаете сделать это, придется идти пешком, – жестко сказал господин Лунь, – пешком, шаг за шагом, по разоренной стране, кишашей остатками разбитых войск.

– А что надо делать? – пискнула Жданка.

– Немного добра в этом свихнувшемся мире. Малую толику от каждого. Лечить. Спасать. Защищать. Любить, прощать и терпеть. Из мертвого делать живое. Чему еще вы здесь научились?

– Навоз выгрести, – хмыкнул Варка.

– Это от вас не уйдет. Я сделал вас сильными. Очень сильными. Но хватит ли у вас сил теперь – не знаю.

– Прорвемся! – прищурился Варка. – Где наша не пропадала.

– А то, – подтвердила Жданка, – раз плюнуть.

Фамка подумала и сдержанно кивнула. Липка осторожно накрыл ее руку своей и тоже кивнул.

– Не хочу, чтобы все умирали, – жалобно сказала Ланка, – там же дети.

– Дура, – прошипел Илка и быстро добавил: – Без меня не пойдешь.

– Что ж. Хотим мы одного и того же. Значит, будем об этом просить, и тогда узнаем, так ли уж мы бессильны перед лицом торжествующей смерти.

Господин Лунь вздохнул, поднялся и медленно направился наверх. Хромота его вдруг стала очень заметной. Все молча ждали. Из библиотеки господин Лунь принес свернутую карту. На стол легла вся страна, от гор и до моря, от Тихвицы до самого Полибавья.

– Что ж. – Длинный палец медленно двинулся по карте. – Господин Филипп, госпожа Хелена. По тракту через Пучеж и Сенеж до Долгого

озера, потом через Заозерье, Коровьи топи, Восточное Полибавье. Будешь спасать свою вотчину, князь.

Фамка следила за скользящим по карте пальцем, молча кивала. Она, может, и напугалась бы, но Липка держал ее за руку, тихий, мягкий, совсем спокойный.

– Госпожа Илана, господин Илм. Пойдете через Бренну на Высокие Увалы, потом на Белую Криницу, Грязовец и Коростовец. Край разоренный, почти все битвы войны прошли на этих полях. Людей там не слишком много, поэтому будет не так страшно. Все, что требуется, – это оживить загубленную землю. Хотя, госпожа Илана, не могу обещать, что это будет легко... Госпожа Жданна, господин Ивар – вам самое трудное. Через Волчью Глотку в Косинец.

– Что, и этих будем спасать? – фыркнул Илка.

– Спасать – так всех, ты не находишь? Итак, Косинец, Малые Лодьи, Поречье, Большие Лодьи, Городец. Все побережье. Очень опасно. Полно мародеров, в Лодьях речные пираты, в Городце – остатки королевской армии. Щит не опускать даже во сне. Надо будет драться – деритесь.

– А столица? – спросила Фамка.

– А столица и Западное Полибавье – это уж мне. В столице, по слухам, все еще что-то вроде регулярной армии. Правда, чья она, этого они, по-моему, уже и сами не знают. С таким вы не справитесь.

– Как же вы один пойдете, – испугалась Жданка, – кто вам щит держать будет?

– Обойдусь без щита.

– Нет, так нельзя. Лучше мы с вами.

– С вами – не лучше, – огорошил ее крайн, не отводя глаз от карты. – Время дорого. Любопытно получается. Как ни крути, а все наши дороги ведут в Липовец.

– Вот и хорошо, – бодро сказал Варка, – там и встретимся.

– Ага, – обрадовался Илка, увидевший перед собой ясную цель, – у Птичьего фонтана.

– А когда? – живо спросила Ланка, тонко разбиравшаяся в том, как надо назначать свидания.

– Чего не знаю, того не знаю, – пробормотал крайн, – через год, через два, через десять лет.

– Или никогда, – прошептала Фамка.

* * *

Попрощались с Тондой и Петрой, с Валхом и теткой Таисьей. Отправили письмо господину Владу. Тот примчался за последними приказами угрюмый и недовольный, уехал же и вовсе мрачнее тучи.

Собрали котомки, кое-что из одежды, только самое необходимое, чтоб полегче было нести, немного денег, чтоб никто не позарился, немного еды на первое время.

Проводили Ланку и Илку через колодец в Бренну. «Уверен, теперь ты сможешь ее уберечь», – на прощание сказал крайн Илке. Ланка, как водится, поплакала.

Проводили Фамку и Липку через колодец в Броды. «Он тебя любит, твой принц», – на прощание шепнул крайн Фамке. Фамка опустила глаза, поджала губы. До любви ли тут, когда впереди столько черной работы.

У одинокого дерева остались трое.

– Выросла ты, рыжая. Совсем взрослая стала. Сколько лет-то тебе?

– Пятнадцать. Наверное...

– Прощай, моя прекрасная крайна. Ты согрела мне душу.

– До свидания, – упрямо сказала Жданка и спряталась за Варку, поплакать на свободе.

– Прощай, Ивар...

Прощай, мой мальчик, сын моего сердца...

– Прощайте... – буркнул Варка.

...Ты забрал мою жизнь, а душу... душу я отдал сам.

Жданка всхлипнула, стукнула Варку кулаком между лопаток.

– От ваших страданий уже голова раскалывается. Хоть напоследок поговорите.

– Он счастливее меня, – тихо сказал крайн, – он может петь.

Эпилог

*Снеги белые, пушисты
Покрывали все поля...*

Какие там снеги... Пыльная Либавская плавилась от зноя. Вдали, над Садами, над бывшим дворцом наместника стояло мутное марево. Но других песен Малек не знал. Про снеги же часто певала бабка. Бабка была ему не родная, кормила Малька из милости. Что было до бабки, он не помнил. Только до сих пор по ночам орал и метался. Раньше еще и делал под себя. Теперь прошло. Бабка померла. На Выселках стало совсем голодно. С голоду Мальку помирать не хотелось, и он ушел. Правдами и неправдами добрался до города, да там и остался.

*Одного лишь не покрыли
Горя лютого мово.*

Подавали плохо. Народу в городе вроде поболее, чем зимой. Поветрие, говорят, пошло на убыль, а то и вовсе кончилось. Вон, так и шныряют туда-сюда, туда-сюда, а денег всем жаль. С утра только два грошика с денежкой. Пирог с требухой на Болоте стоит две денежки. Так было бы славно. Два грошика он отдал бы Коряге... А пирог съел бы, сидя на мосту, глядя в текучую воду.

*День горюю, ночь тоскую,
Потихоньку слезы лью.*

Красиво у него нынче выходит. Голос такой мягкий, будто пушистая кошка мурлычет, но низкий, совсем мужской. Малек внезапно понял, что поет уже не один, и поперхнулся.

*Слеза канет, снег растает,
Горе воды унесут, –*

весело пропел высоченный парень. Малек смерил взглядом пыльные башмаки с высокой шнуровкой, добротные обмотки, истрепанные, добела вытертые по шву штаны, грубую моряцкую рубаху с широко распахнутым воротом, руки, явно привыкшие ко всякой работе, здоровенные плечищи и подался к стене, сгреб в кулак

свой драгоценный заработок. Парень улыбнулся, порылся за пазухой, щедро бросил в потрепанную Малькову шапку целую горсть монет. Малек вытаращил глаза. Денежка, три, нет, четыре гроша и, быть не может, целая гривна. Малек долго думать не стал. Схватил добычу вместе с шапкой, затолкал за пазуху.

– Зря ты это... Деньги у него все равно отберут.

Парень оказался не один, а со спутницей. Хм... красивая. Рыжая. Косы до пояса. На голове кудри такие, что выгоревший пыльный плат на них еле держится. Зато одета бедненько. Обувка грязненькая, юбочка драная. Но красивая. Как принцесса. Небось Коряга живо подобрал бы ей другую одежду. Если бы только справился с этим...

Не, с этим – не справился бы. Разве что всей кодлой навалились бы. И то вряд ли. Вид у него какой-то такой... Будто кругом все мирно и прекрасно. Будто никаких опасностей нету и быть не может. А уж насчет опасностей на полибавских дорогах Малек знал не понаслышке.

Между тем рыжая красotka, привстав на цыпочки, покопалась в холщовой котомке, висевшей у парня за плечами, вытянула оттуда ватрушку. Настоящую, деревенскую. Бабка такие пекла, пока козу не украли.

– На, поешь.

Малек цапнул ватрушку, пока рыжая не передумала, принялся жадно жевать. Рыжая смотрела на него, как будто сама полжизни голодала на улицах.

– Под кем ходишь?

Малек чуть не подавился. А может, и вправду голодала?

– Под Корягой... – прошамкал он, не отрываясь от пирога.

Парень с девицей переглянулись.

– Во дает, – хмыкнул парень, – сколько народу померло, а ему хоть бы хны.

– Бывает, – протянула девица, – дом сгорел – клопы остались.

– Вы чего, здешние? – спросил Малек, второпях проглотив последний кусок, и внимательно оглядел все вокруг, нет ли где еще крошечки.

– Здешние, – усмехнулся парень, – а что, Птичий фонтан стоит еще?

– Стоит, чего ему сделается.

– Это хорошо.

Девушка подхватила парня под руку, и они легкой походкой двинулись через улицу наискосок к Колокольному переулку. И чего они там забыли? Там же одни развалины. У парня за спиной тоже оказалась коса. Покороче, чем у девушки, но тугая, толстая, стянутая пеньковой веревочкой. Речные пираты так ходят. Интересно.

Малек подумал-подумал и двинулся следом. Просто так, из любопытства. Подкрался к повороту в Колокольный, затаился в разрушенной дверной нише. Но ничего интересного не увидел.

Странная парочка подошла к Птичьему фонтану. Поглядели на старое пожарище, что напротив, на сухой водоем, на птичек с отбитыми клювами и крыльями. А потом уселись на каменный бортик, парень снял котомку, девушка расстелила полотенчику, разложила на нем какую-то снедь. Обедать они, что ли, сюда пришли? И правда, сидят, едят, разговаривают тихонько. Будто шли долго, добрались наконец и теперь уж можно и отдохнуть. Ну и пусть себе...

Малек собрался было уходить, но тут в Колокольном снова послышались шаги. Ну и денек. Еще одна парочка. Барышня – тонкая как спица, черные глазки, черные косы. И парень – чистый ворон, черный, носатый, волосы гладко убраны в хвост. Длинный, благородному. А одеты как бродяги. Все обтрепанное, ношеное, да еще сверху темные плащи. И это в такую жару. Нет, все-таки господа. Походка такая. И кость тонкая, благородная. Под лохмотьями такое не спрячешь.

Парочки заметили друг друга, и тут все-таки началось интересное. Рыжая девушка подскочила как ужаленная, завизжала, кинулась к черной. Черная, растеряв все благородство, тоже кинулась к ней навстречу. Парни повели себя немного сдержаннее. Во всяком случае не визжали и не целовались. Но обнялись крепко, как братья. Потом отстранились и, не разнимая рук, коротко сказали что-то. Что-то такое про щит, Малек издали не разобрал. Потом белоголовый вдруг заорал дурным голосом, схватил в охапку обеих девиц и закружил их по переулку, уронил рыжую, принялся целовать черную. И та ничего, не возражала. Наоборот, гладила его по волосам, бормотала неразборчиво. Вроде радовалась, что он живой. Ну прям представление. В балаган ходить не надо. В довершение всего

белоголовый парень наконец оставил в покое девиц и запел. Громко, в полный голос...

Душный, застоявшийся воздух качнулся, дрогнул. Тощие городские голуби взмыли над крышами. Завертелись легкой летучей каруселью.

Небо над узкой щелью переулка вмиг очистилось, стало яркосиним. Свежий ветер скатился с горы, принес из заброшенных Садов запах роз, ручьев и цветущей липы. Заброшенный фонтан захрипел, застонал натужно и вдруг ожил, зашелестел легкими струями. Малек ошарашенно глядел, как мертвые, давно засохшие плети вьюнка на стенах вокруг фонтана покрываются острыми зелеными листьями, прорастают бутонами, как медленно раскрываются тонкостенные розоватые колокольчики.

Ох, голос у него. Ох и голос. Собственное пение вдруг показалось Мальку жалким кошачьим мяуканьем.

– Так-так, опять песенки-цветочки.

Малек шарахнулся к стене, но новый посетитель Колокольного переулка не обратил на него никакого внимания. Молодой крепкий парень, видать, из богатых, купеческого вида, одет добротно, прилично.

– Все поешь, красавчик?

– Пою, умник.

– А я смотрю, кто-то всех птиц распугал. Ну, думаю, не иначе красавчик наш наконец объявился. Где ж ты шляется, котяра весенний?

– У тебя забыл отпроситься, – хмыкнул белоголовый.

«Будет драка», – азартно подумал Малек. После фокусов, объятий и поцелуев еще и драка! Такое не часто увидишь.

Но тут его ожидало горькое разочарование. Вместо драки вновь пришедший тоже полез обниматься со всеми подряд. Целовал в макушку девиц, тряс руку черному, лупил по спине светлого. И тут хлынул дождь. Неизвестно, как и откуда взялась туча, но тугие теплые струи заплясали по пыльной мостовой, в один миг промочили худую одежонку. Малек подтянул штаны и дернул восвояси, к Болоту.

* * *

– Допелся, красавчик, – сказал Илка, зябко поднимая воротник. – Как я хорошо без вас жил. Тихо, спокойно.

– Ой, – опомнилась Фамка, – а где Ланка?

– Дома, конечно, – успокоил ее Илка.

– Дома – это где?

– У себя. На Цыплячьей улице.

– Ого!

– Ее мать жива-здорова. Спасибо господину Луню. Когда королевские войска наконец выперли из города покойного Иеронима, она с сыном смогла вернуться к себе. Мы тут уже больше месяца. Замучился каждый день сюда заглядывать.

– А... – тонким голосом начала Жданка, – а господин Лунь?

Илка поджал губы, отрицательно помотал головой. Путь через столицу, конечно, опасный, но не самый длинный.

– Он придет, – сказала Фамка, – даже и не думай. Надо подождать.

– А если не придет, – с угрозой сказал Варка, – я сам за ним пойду. Давно мечтал посмотреть столицу.

– Я с тобой, – кивнул Липка.

– Бедная столица, – вздохнула Фамка. – Подождем еще немного. Если ему пришлось так же скверно, как нам...

– Пойдемте к нам, – сказал Илка, – там все расскажете.

– Лучше не рассказывать, – тихо сказал Липка.

– Почему же, – усмехнулся Варка, – могу рассказать, как я завалил мантикору.

– Ха, – развеселился Илка, – а четырех не хочешь? Между прочим, я сделал это один и без щита. От Ланочки, сами знаете, в таких случаях толку мало.

– Мы убили трех, – опустил глаза Липка, – одну – я, а других двух – Хелена.

– Не болтай, – склонив голову, пробормотала Фамка. Эту ночь в Озерной пади она очень старалась забыть.

Тем временем Жданка отыскала сухое местечко под карнизом ближайшего дома и куском штукатурки крупно писала все имена.

– Цыплячья улица, Дом с Голубями, – продиктовал ей Илка. – Кстати, исправь. Илана Илм. Мы поженились. Полгода назад, в Грязовце обвенчались...

– Почему это никого не удивляет? – пробормотал Варка.

– Могли бы и поздравить. Ладно, пошли. Как раз к ужину поспеем. У госпожи Град строго, не забалуешь.

Всей гурьбой они вывалились из переулка на Либавскую и двинулись в сторону Дворца наместника.

– Дворец пустой стоит, – рассказывал Илка, – давно разграбили. Наместника ставит король, а короля у нас сейчас, сами знаете, нету. В городе правит Цеховой совет. Днем. А ночью...

– Ночью всякие Коряги... – пробормотал Варка.

– Половину лип на бульваре на дрова срубили. Сады при дворце тоже... хм... почистили. Цветники одичали. Оранжереи побили все. Да что оранжереи... Домов осталась едва половина. Из прежних жителей тоже мало кто уцелел. Эй, Варка, ты куда?

Варка остановился на углу Стоокой улицы.

– Домой.

– Вар, – жалобно пискнула Жданка, – а может, не надо. Там же нет никого... Ой, или ты надеешься...

– Нет. Я просто хочу домой. Скажи своей госпоже Град, пусть ужинают без меня.

– Вар, я лучше с тобой.

Варка покачал головой и скорым шагом двинулся вверх по Стоокой. Илка открыл рот, хотел было крикнуть что-то ему вслед, но раздумал.

* * *

Родной дом, как ни в чем не бывало, возвышался в конце тупика во всем великолепии своей шатровой крыши, фигурных водостоков, дюжины вертушек и флюгеров. Не сгорел, не разрушился за эти пять лет. Дверь на месте, стекла целы, калитка закрыта. Варка толкнул ее. Калитка вздрогнула, но не поддалась. Изнутри красовался огромный, заботливо начищенный засов. Поверх всего забора поблескивали куски битого стекла. Кусты диких роз и старой сирени исчезли как не бывало. Липа, всегда стучавшая ветками в окна его мансарды, тоже исчезла. На низко срезанном пне сидела глиняная фигура ярко размалеванной кошки. Варка удивился и уже собрался перемахнуть через забор, как вдруг его дернули за рукав.

– Эй, парень.

Он обернулся и машинально, почти не задумываясь определил болезнь. У грязноватой старухи, стоявшей перед ним, была астма в

легкой форме, катаракта и тяжелый, застарелый артрит. Вон как пальцы скрючило.

– Варочка, – ласково сказала старуха, – вырос-то как. В плечах раздался. Совсем мужчиной стал. Весь в отца.

– Тетя Фиона, – пробормотал Варка. Соседка по Колокольному переулку и пять лет назад была немолода, но узнал он ее с трудом.

– Значит, правда, вас крайн спас? А то у нас болтают...

– Правда. А что, тетя Фань, в городе травника до сих пор нету?

– Есть травник, как не быть.

– Так чего ж вы не лечитесь. Вам же больно, я вижу.

– Как не лечусь. Лечусь. Ежедень руки парю. Спину растираю, где могу дотянуться.

– А травник что говорит?

– Да что травник... Отец-то твой брал куда меньше, иных и вовсе бесплатно пользовал, а смыслил... Этому Назанскому и рукой не достать. Только и умеет, что деньги тянуть и с живого, и с мертвого. Он думает, раз в доме Ясеней поселился, травки да бумаги отца твоего к рукам прибрал, так ему теперь...

– Как в нашем доме?

– Ох, а ты не знал, что ли?

– Нет. Я только нынче вернулся. Вот что, тетя Фань...

Варка привычно скинул котомку, не глядя извлек нужную баночку.

– Руки давайте. А спину и колени лучше, конечно, где-то под крышей.

Умело втирая мазь в распухшие суставы, он одновременно забирал боль. Мазь за один раз не подействует, а старуха мучается...

– Кхм, а известно ли вам, юноша, что лечебные действия и продажа снадобий в этом городе без дозволения старшины Цеха травников запрещены?

– Нет, – дерзко сказал Варка, глядя на сухощавого долговязого человека, взиравшего на него с той стороны забора, – не известно. Со своей стороны я хотел бы знать, что вы делаете в моем доме?

Человек слегка отшатнулся:

– Кто ты такой?

«Крайн из белых крайнов Пригорья», – едва не ляпнул Варка, но опомнился.

– Ивар Ясень, родной сын Яся Ясеня. Меня в городе каждая собака знает.

– Боюсь, свидетельства собак не будут приняты во внимание городским судом...

Он вернулся домой, но дома не было. Господин Назанский что-то орал, но Варка очнулся, только когда в подбородок ему уперлось широкое дуло пищали. И тогда он ушел. Сбежал по всем ступенькам Колокольного переулка и даже не оглянулся.

* * *

К ужину Варка, конечно, опоздал, перекусил холодной кашей на кухне. Каморка, в которую его отвел Илка, была маленькой, кровать не очень удобной, но он заснул как убитый. Во сне видел всякую мерзость: не то рытье общих могил на поле под Кременцом, не то нашествие гигантских крыс на Большие Лодьи. Век бы ничего этого не видеть.

Проснулся поздно. Над ним стоял озабоченный Илка.

– Обед проспичь, красавчик.

Лишаться обеда Варка счел неразумным.

– Переоденься, что ли. С тобой госпожа Град поговорить хочет.

Варка хмыкнул.

– Ну хоть чистая рубашка у тебя есть?

Чистая рубашка в котомке нашлась. Рыжая припасла, наверное.

Госпожа Град, которую Варка по старой памяти побаивался, пребывала в гостиной не одна. Рядом на тонконогой козетке пристроилась Ланка, розовая, сияющая, во всем великолепии свежего голубого платья и хитроумной башни из завитков и локонов на склоненной головке.

Варка радостно улыбнулся. Красотка эта Ланка. Мантикоры не сожрали, дезертиры не прикончили, никакая хворь не взяла. Выходит, все выжили. Повезло, или это крайн сделал их такими сильными?

Ланка улыбнулась в ответ, но скромно, как бы украдкой. На шею, по обыкновению, бросаться не стала. Наверное, стеснялась двух важных господ, чинно восседавших в креслах.

– Ивар Ясень, если не ошибаюсь? – пророкотал один из них.

Варка решил, что стоит вспомнить о хороших манерах, выпрямился, склонил голову со всем возможным изяществом.

– Вы действительно являетесь сыном павшего героя, известного травника Ясеня?

Варка удивился:

– А что, кто-то в этом сомневается?

– Нет, нет, юноша, – примирительно заметил второй солидный господин, – я вас прекрасно помню. Хотя тогда вы были еще ребенком.

– Цеховой совет Липовца-на-Либаве полагает, что ради вашего отца должен что-то сделать для вас. Оказать помощь, – солидно начал первый, поглядывая на Варку со снисходительным благодушием.

– Мне нужна помощь? – вырвалось у Варки. В поисках разъяснений он покосился на Илку. Илка с умным видом смотрел в стену. Поглядел на Ланку. Ланка изо всех сил захлопала ресницами. Мол, нужна, а как же.

– Видите ли, Цеховой совет передал ваш дом в пользование семьи господина Назанского. Времена тяжелые. Городу был нужен хотя бы один травник. Предполагалось, что все законные владельцы погибли. Впрочем, господин Назанский, принимая во внимание заслуги и выдающиеся таланты вашего отца, желает предложить вам крышу над головой и должность подмастерья на хозяйских харчах.

– Как в подмастерья! – ахнула Ланка. – Я же рассказывала, он был старшим травником всего Пригорья. Люди там на него чуть ли не молились.

– Милая барышня, я понимаю, вы равнодушны к этому юноше, но согласитесь, ваш рассказ, так же как и все прочие, звучит несколько фантастично.

– Не более фантастично, чем чудесное спасение семьи господина полковника, – прищурившись, проговорил Варка. Он вдруг почувствовал себя в точности как на скользкой от крови палубе «Лебедяни» во время отражения атаки речных пиратов на беззащитный Грязовец.

Однако его предпочли не услышать.

– Имейте в виду, в Цеховой совет поступило сообщение, что вы занимались врачебной практикой без разрешения, – продолжал бубнить чиновник. – Подобное поведение порочит память вашего достойного отца и никак не может способствовать благополучному вступлению в цех.

Ну точно как на «Лебедяни». Кроют изо всех орудий. Картечью на поражение. Или подбираются, как голодные крысы.

Сзади тяжело вздохнул Илка. Он знал заранее: делиться своими доходами Цех городских травников ни с кем не собирается. Да еще, видать, этот Назанский как-то проведал о Варкиных талантах и решил наложить на них лапу.

– Погодите-погодите, – тряхнул головой Варка, словно пытаюсь избавиться от липкой паутины, – с чего вы решили, что я хочу вступить в цех?

Солидные господа, члены Цехового совета, впали в недоумение.

– Чем же вы намерены заниматься, молодой человек?

– Не знаю, – легко улыбнулся Варка. – Может, в порт пойду, мешки таскать. Для этого, кажется, экзамен сдавать не требуется.

– Ну что ж, – хмыкнул глава Цехового совета, – насколько я понимаю, вы только что прибыли... У вас еще будет время обдумать наше предложение.

Варка кивнул.

– Скажите, Ивар, – музыкальным голосом начала госпожа Град, – когда мы должны ожидать прибытия господина Луня?

– Не знаю, – честно ответил Варка, – давно не имел от него никаких известий.

– О, я так мечтала лично выразить ему свою благодарность. Эта ужасная ночь... мы расстались так внезапно.

– Могу себе представить, – пробормотал Варка.

– А этот юноша, прибывший с вами, он тоже обязан ему жизнью?

– Да.

– И этот прекрасный молодой человек... эээ... действительно тот, за кого себя выдает?

– А за кого он себя выдает? А... ну да, он правда Филипп, княжич Сенежский. Наследник престола и всякое такое. А может, уже и князь. Отец его, когда мы уходили, сильно недужил. А какая разница?

– Молчи, – шепнул ему в спину Илка.

– Прошу к столу, – поднялась, шелестя шелковыми юбками, госпожа Град.

– Что происходит? – прошипел Варка, постаравшийся двигаться рядом с Илкой. – Что это такое?

– Жизнь, – тяжело уронил Илка, – настоящая жизнь. Чего, не нравится? Привык по облакам гулять.

– Хороши облака, – прошептал Варка. Перед глазами в который раз встало поле виселиц под Малыми Лодьями.

– А ты гонор свой спрячь. Нам здесь жить. Погоди немного. Оглядимся – всех под себя согнем. Тогда сможешь лечить в свое удовольствие, кого захочешь и как захочешь.

– Хм, – только и сказал Варка.

Его место оказалось на нижнем конце стола. Напротив уселся Илка. Ланка устроилась далеко от них, между цеховым старшиной и молодцеватым господином средних лет в военном мундире.

– Слышь, умник, а почему ты тут, а Ланка вон где? Ты же вроде муж. Что за новости этикета?

– Тише, – скривился Илка.

– А, так мамаша ничего не знает? Вы ей не удосужились сообщить? С чего такая таинственность?

– Так ведь я – никто, – неохотно прошептал Илка, – нищий. А госпожа Град... она... в общем, ей это не понравится. Меня тут пока из милости держат. В память об отце.

Ланка улыбалась через стол, мило кокетничала с молодым, похожим на заводную куклу лейтенантом городской гвардии. Шуршали льняные салфетки, блестел фарфор на ярко-синей скатерти, сверкали приборы, над супницей поднимался ароматный пар.

На почетном месте по правую руку от госпожи Град обнаружился серьезный Липка. Судя по выражению лица, он усердно припоминал уроки пристойных манер, преподанные ему господином Лунем. Получалось у него хорошо, вполне по-княжески. Спину держал прямо, с ножом и вилкой обращался изящно, ел мало, разговор поддерживал вполголоса, только украдкой все время озирался по сторонам, будто искал кого-то...

– Слушай, – вдруг встревожился Варка, – а курицы где?

Вместо ответа Илка молча уставился в тарелку.

Тут Варку понесло.

– Госпожа Град, – наплевав на приличия, громко спросил он, – а где же наши дамы? Госпожа Жданна и госпожа Хелена?

– Дамы? – ласково улыбнулась госпожа Град. – Ты имеешь в виду городскую нищенку и эту Фам? Ты похож на своего отца. Все Ясени

внимательны и любезны с низшими. Так, конечно, и подобает. Не беспокойся, я распорядилась. Их покормят на черной кухне.

– Где?! – вырвалось у Варки.

– Я полагаю, – мягко начала госпожа Град, улыбкой стараясь загладить его промах, – что даже в тяжелые времена не следует забывать о приличиях и воздавать каждому в соответствии с его общественным статусом.

Варка подумал немного, осмысливая последнюю фразу, поглядел на Илку, внимательно посмотрел на Ланку, которая улыбалась как ни в чем не бывало, резко отодвинул тарелку, встал, опрокинув тонконогий стул.

– Прощу прощения, меня мутит.

Столовую он покинул широким шагом, кубарем скатился по лестнице для прислуги. Черная кухня, насколько он помнил, находилась в полуподвале. Темновато, грязновато, попахивает горелым маслом и помоями. У старого, тщательно выскобленного стола в одиночестве сидела Фамка, неторопливо хлебала суп.

– Ну знаешь! – задыхаясь, выпалил Варка. – Мне тут еще вчера не понравилось, но уж это...

Фамка доела суп, не спеша облизала ложку.

– А ты как думал. В старые времена меня бы и на порог не пустили.

– Пошли отсюда!

– погоди, хлебушек доем. Не пропадать же добру. А куда пойдём-то?

– Не знаю! Побираться! Щас спою на площади – они мне сами весь золотой запас принесут, от городской казны до воровского общака. А потом пойдут и в Либаве утопят, всем городским советом вместе с необходимыми документами.

– Ишь ты. Правда так можешь?

– Запросто. Аж самому страшно. Рыжая где?

– Да знаешь, – задумчиво протянула Фамка, – сидела с утра, сидела, потом вдруг забеспокоилась. Мол, душа не на месте. Пойду, говорит, в Колокольный, посмотрю, как там и что.

– И ты не остановила?

– Разве ее остановишь...

Это верно. Не остановишь. Варка почесал голову. Поглядел в распахнутую прямо на улицу дверь. Увидел полоску летнего пропыленного неба. Пыльную ветку дворовой липы. Душа не на месте. Где ж оно, то самое место... И внезапно все стало ясно и просто. Так просто, что он даже засмеялся от радости.

– Фамка, пошли домой!

Фамка подняла печальные, темные от усталости глаза:

– Домой – это куда? На месте Нор – до сих пор пожарище.

– До-мой. Понимаешь?

Фамка ничего не успела ответить. В полутемную кухню черной молнией ворвался Липка, кинулся к оцепеневшей, потупившей глаза Фамке, с ходу рухнул на колени, уткнулся лицом в ее безвольно сложенные руки.

Варка прислонился к дверному косяку, засвистал, пристально разглядывая что-то в пустом небе.

– Фамочка, да как они посмели! Прости меня, прости... Да что же это?!

– Как сегодня растолковал мне Илка – это обычная жизнь, – заметил Варка, обращаясь к небесам.

Фамочка устало кивнула:

– Я же говорила тебе. Сто раз. Ты – принц, я – бродяжка. Мы спустились с облаков, и все стало на свое место. Ты должен быть там, я здесь. И руки мне не целуй. Нехорошо это.

– Фамочка, Хелена, милая... Я знаю, меня любить нельзя, но ты меня всегда жалела... И я... я думал, когда-нибудь я смогу... когда-нибудь, когда все кончится...

– Рисковый ты парень, – заметил Варка, глядя в пространство. – Сколько там мантикор она завалила?

Фамка молчала, слезы текли из глаз сами, сил сдерживаться уже не было и даже вытирать их не было сил.

– Что вы здесь делаете, господин Филипп? – донеслось с лестницы. Госпожа Град была потрясена.

– Предложение, – ледяным тоном отозвался Липка, – три года этого ждал.

– Вот что, – заметил Варка, – если не хочешь ждать еще три года, хватай ее и пойдем. Отыщем рыжую и домой.

По мнению Липки, Варка всегда говорил дело. Поэтому он сгреб в охапку плачущую Фамку и решительно шагнул за порог.

Уходя, Варка оглянулся, встретил мрачный, ничего не выражающий взгляд Илки и, сорвав с шеи матерчатый мешочек, швырнул на стол. В мешочке было перо, ключ колодца.

* * *

Господин Лунь стоял под одиноким деревом. Дерево покачивалось, шелестело, свежий ветерок приятно охлаждал щеки после липовецкой жары. И небо здесь было синим, чистым, ясным.

Вот и все. Все земные дела пришли к завершению. Страна оправлялась, как трудный больной после тяжелого бреда. Впрочем, через некоторое время все пойдет по-старому. Люди беспамятны и никогда ничему не учатся. Зато птенцы-подкидыши вернулись домой. Несколько недель он проторчал в распроклятом Липовце, терзаемый воспоминаниями и тревогой. Но вот они вернулись, и он наконец смог тихо уйти. Все закончилось.

Отвернувшись от солнца и зелени, он вошел в замок, плотно запечатал дверь изнутри. Больше сюда никто не войдет. Уходя, бестолковые птенцы забыли задернуть шторы, и в высоте перекрещивались голубоватые лучи света. Он уселся перед потухшим камином. Покрутил в руках позабытую Жданкину куклу. Выросла девочка. Теперь уж в куклы играть не станет. Все они выросли. Стали сильными. Он им больше не нужен.

Кукла полетела в сторону. Он распустил волосы, ослабил завязки ворота, устроился на подушках и стал смотреть вверх, на клочок синего неба в высоте. Дома. Наконец-то дома. Как же он устал. Бесконечно. Смертельно. Заснуть бы. Надолго. Навсегда...

Из глубин сна слышались торопливые шаги. Маленькие босые ноги. У изголовья присела рыжая девочка, склонилась, посмотрела тревожно.

– Вам плохо? Может, настой мяты или вина горячего?

– Вина с пряностями, – пробормотал он. Видение кивнуло и исчезло.

Приятный сон. Или не сон? Он встряхнулся и сел. Лучи наверху сместились, стали золотыми, вечерними. Огонь в камине ярко горел. К

нему, робко улыбаясь, шла рыжая Жданка, несла на подносе высокую кружку, плетенку с горкой печенья.

– Как ты сюда попала? – спросил он, невольно улыбнувшись в ответ. – Проходим сквозь стены? Ломаем любые печати? Нырнем в колодцы без ключа?

– Я тут с раннего утра, – объяснила Жданка, – и никаких печатей не было. Просто закрыто от чужих. А колодцы без ключа проходить мы с Варкой давно умеем.

– Что ж ты Варку своего бросила?

– Я подумала... нет... мне показалось, что я вам... что я тут нужна. Жданка глядела испуганно, покусывала нижнюю губу, руки стиснула за спиной. Ох, что-то тут непросто.

Он пригубил вино, покатал во рту, пробуя на вкус.

– Прелестно. Гвоздика, корица, одно зернышко перца, корень кукушницы, мята, золотарник и, очевидно, чей-то сожженный волос. Приворотное зелье. Кто варил?

– Я, – слабым голосом пискнула Жданка. Мужества у нее совсем не осталось. Прав был Варка. Еще как прав.

– А могу я узнать, чей волос там плавает?

«Убегу, – подумала Жданка, – вот прямо сейчас сорвусь и убегу».

– На кого заговаривала, я спрашиваю.

– На себя, – выдохнула она, развернулась и кинулась прочь. Но тут ее поймали за руку. Вырваться сил не было. Она замерла, стараясь не смотреть вверх.

– Экая глупость, – раздалось у нее над головой.

Смущен. Озадачен. Не знает, что делать. А ты хотела, чтоб он пал на колени и со слезами на глазах признался в своей великой любви? Дура. Правильно Варка говорил.

– Кто тебя на это подбил? Нет, я, конечно, догадываюсь...

– Он только рассказал, как варить, – заступаться за Варку давно вошло у Жданки в привычку. – Я просто так спрашивала. Вообще... Но... вы сказали: «Ты согрела мне сердце».

– Да. Святая правда. Без твоего огня я бы погиб.

– Тогда... не прогоняйте меня. Можно я тут останусь? Мне же не надо ничего... вы и не заметите, что я здесь.

– Ох, ну что мне с тобой делать. Честно говоря, я думал, ты и твой Варка...

– Варка?! – Жданка вывернулась из рук крайна, потянула вверх свободный левый рукав. На сгибе у локтя открылась ниточка шрама. – Вот. У него такой же. Мы давным-давно кровь смешали, еще когда я под мостом жила, а он за меня заступался и штаны порвал. Он сам на кровь наговаривал и сказал, что теперь я ему настоящая сестра.

– М-да. Если он сам наговаривал, так оно и есть. Жаль.

– А мне – нет! – строптиво сказала Жданка.

– Глупая девица. Тебе сколько лет?

– Много. Сем... э... Восемнадцать!

– Да-а. Старость не радость. А мне – ровно в два раза больше.

– Ну и что. Все равно вы самый красивый.

– Угу. Давненько я этого не слышал.

В глубине души довольно пискнуло очнувшееся тщеславие. Стоит рыжая девчонка, говорит глупости, а все равно приятно.

– Красивый я был, когда ты еще не родилась. Смотри.

Большое зеркало послушно соткалось из воздуха.

– Видишь?

Жданка тяжело вздохнула. Растрепанная рыжая дурочка. Красная как свекла, вся в веснушках, лицо круглое, глупое, глаза зеленые как крыжовник и, сплошной позор, мокрые. А рядом прекрасный мудрый крайн, холодное серебро высоких вершин, отражение недостижимого вечернего неба. Конечно, она ему не пара.

– Вижу, – всхлипнула она. – Рыжая дура. И при том нахалка. Возомнила о себе невесть что.

– Ничего ты не видишь. Смотри, какая красавица. Золотые волосы, зеленые глаза, и фигура тоже... кхм... да... Бедный Варка. Часто ему приходилось за тебя драться?

– Да ладно, – надулась Жданка, – я и сама кого хочешь урою. И цветочек потом на могилке выращу.

– Молодец. Одаренная девочка. Не всякий крайн владел таким даром. А теперь обрати внимание на потрепанную персону, по странной случайности оказавшуюся рядом с тобой. Горбатый старик, урод без будущего, без единой надежды, без малейшего желания жить.

– Все это неправда! – в ярости выкрикнула Жданка. – Неправда! Вы себя не знаете.

– Так ведь и ты себя не знаешь, – коварно улыбнулся крайн, – а ну-ка пойдем.

Жданка, совсем измученная, покорно поплелась наверх. Крайн привел ее наружу, на вершину одного из утесов.

– Посмотри вокруг. Красиво, не так ли?

– Красиво, – сквозь слезы улыбнулась Жданка. Давненько она не видела всего этого: синевы неба над холодной Белухой, зеленых волн, пробежавших по пустоши, драконьей спины дальнего леса, за которым лежало все Пригорье, вся страна, спасенная от проклятия.

– Расправь свои крылья, – едва слышно прошептал крайн.

Жданка вздрогнула.

Вдруг снизу, со скал раздался отчаянный вопль:

– Варка! Варка сорвался!

* * *

Когда, пройдя через колодец, Варка обнаружил, что вход в замок запечатан, он сильно встревожился. Во всем этом чувствовалась железная рука господина Луны, несомненно живого, но расстроенного, усталого и пребывающего в глубокой печали. Варке, как никому, было точно известно: господин Лунь в глубокой печали опасен для ближних и дальних, но в первую очередь для себя самого. Варка поглядел на неприступные стены замка, прикинул расстояние до своего окна.

– Даже не думай, – сразу сказала Фамка.

– Я уже лазил. Правда, оттуда – сюда. Но сверху вниз, между прочим, намного труднее.

– Тогда ты был легче.

– А сейчас я сильнее.

– Либо убьешься, либо покалечишься.

– А если он, пока мы тут препираемся, чего-нибудь над собой сделает?

Последнее убедило даже упрямую Фамку. И Варка полез. Легко и с удовольствием, чувствуя босыми ногами нагретую поверхность скалы. После Липовца ему хотелось встряхнуться. Родной дом, загубленные Сады, Илка и Ланка. С Илкой-то сколько раз спина к спине стояли. Щит держали, да просто дрались вместе. Нет, прямого предательства вроде не было. И все же, и все же... Плохо расстались. И, возможно, уже навсегда. Варка добрался до удобного скола, от которого начинался прямой путь к его окну.

И вдруг что-то сильно дернуло его назад, оттолкнуло, сорвало со скалы. Руки взметнулись, цепляясь за воздух, он заорал и стал падать, спиной вперед, вниз, на камни. Небо качнулось, расколосось со страшным треском, его перевернуло в воздухе и понесло мимо скал, мимо каменных нагромождений дальше, к пустоши. Долгое какое падение... как во сне... Ветром, что ли, его тащит? Пустошь проплывала внизу, ветровые волны скользили по ней, трава становилась то серебристой, то темно-зеленой. Теперь его несло мягко и плавно, земля больше не приближалась, лишь дальний лес надвигался, медленно, неотвратно. Что же это за ветер такой? Варка осторожно повернул голову. А... Это и вправду сон. Над ним, уверенно разрезая воздух, раскинулись огромные белые крылья.

* * *

Жданка как стояла, так и села прямо на краю утеса.

– Он... у него... он что, летает?

Крайн выглядел озадаченным.

– Надо же. Выходит, его тоже коснулось. И он оказался способен это принять. Но вообще-то, моя прекрасная крайна, слово раскрытия крыльев я произнес для тебя.

– Для меня?

– И как хорошо получилось. Чистое золото, внутри и снаружи. Что стоишь? Прыгай, не бойся.

– Как... прыгай?

– Вот так, – сказал крайн, подхватил ее на руки и подбросил в воздух. Легкие золотистые крылья только и ждали этого, развернулись и понесли маленькую Жданку вперед и вверх. Жданка завизжала было, но быстро одумалась. Летать оказалось так просто, так приятно. Что может быть проще прогулки по облакам.

Господин Лунь долго следил за ней, потом случайно взглянул вниз и охнул. Возле одинокого дерева чернели две крылатые фигуры. Огромные крылья вздымались выше старой лиственницы. Деревогнулось, будто в жестокую бурю.

Пока крайн бежал вниз, Липка разобрался что к чему. Так что теперь в небе кроме пронзительно-белых лебединых крыльев парили еще и вороны, угольно-черные. Впрочем, чинно парить им скоро надоело.

Крайн поглядел на это дело и впервые в жизни посочувствовал господину Сварогу, никогда не позволявшему неумному Рарке Лунно порезвиться всласть. Под деревом осталась одна Фамка. Крылья ей достались тоже черные, острые, узкие, как у ласточки.

– Почему ты еще здесь? – сварливо поинтересовался крайн.

– Да разве я могу, – прошептала Фамка, – разве я достойна?

– Кто знает, каким судом нас судят. Это твой дар и твоя награда.

Но тут сверху свалился Липка. Останавливаться он еще не умел, но ловкости подхватить Фамку и утащить ее вверх у него хватило. Варка подбадривал его криками. Спускаться на землю самому ему пока не хотелось. Крылья тянули вверх, и он устремился вверх, все выше и выше в сверкающую синеву. Снежные вершины сияли под ним, и когда он запел, дрогнули, отзываясь стройно и радостно.

Крайн уселся на любимом месте, под деревом, и стал смотреть в небо. Но покоя не обрел. Раздался приглушенный вопль, и из пустоты вывалился громадный ком, состоявший из сильно помятых светло-серых с рыжинкой перьев и совершенно обалдевшего Илки.

– Что это? – простонал он, увидев крайна. – Что это такое, а?

– Полагаю, крылья, – сообщил крайн, решивший уже ничему не удивляться.

– Я прыгнул, – задыхаясь, пробормотал Илка, – с ключом, все как положено. И застрял. Ни туда ни сюда. Вот. Из-за них, должно быть. Я теперь что, всегда такой буду?

– Можешь отказаться. Что ж тебе дома-то не сиделось?

– Душно там, – помедлив, сообщил Илка, – проветриться захотелось.

Господин Лунь снова уселся поудобней, поднял глаза к небу.

– Кто это? – разинул рот Илка. – Кто там? Крайны вернулись?

– О да. Позволь, я тебя познакомлю. Жданна, госпожа полдня, хозяйка огня и жизни. Хелена, госпожа ночи, хозяйка звездных путей. Филипп, господин ночи, хозяин теней и тумана. И, наконец, Ивар, господин утра, хозяин ветра и света, Поющий крайн. Надо бы его немножко осадить, пока не покалечился. Поющие крайны – такая редкость. Займись, Илия, господин полдня, хозяин плодов земли.

– А... а как же...

– Если прекрасная Илана пожелает вернуться, если пожелает это принять – слово раскрытия крыльев скажешь для нее сам.

Он сидел, запрокинув голову, легкие нежные тени скользили по его лицу, а высоко, над скальной стеной, над золотыми вечерними облаками легко парили свободные птицы...

Об авторе

Мария Валентиновна Герус

Родилась в 1966 году, в 1989-м окончила географический факультет МГУ, затем работала в обсерватории при кафедре метеорологии географического факультета. С 1994 года живет в с. Горелец Костромской области. Работала учителем, а затем директором сельской школы. Книги в жанре фэнтези начала писать для своих детей, которых у нее пятеро.